Л. ТРОЦКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

т. XII

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Л. ТРОЦКИЙ

ЕН 171
С 751

СОЧИНЕНИЯ

СЕРИЯ IV

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Л. ТРОЦКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

Том XII

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

ЕН171
С 751

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
1062594

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спец. фонд
сф
24076

Гиз № 8062. Главлит № 28490. Напеч. 25.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 1

I. Терроризм и коммунизм

Предисловие 9
Глава I. Соотношение сил 16
» II. Диктатура пролетариата 23
» III. Демократия 31
» IV. Терроризм 50
» V. Парижская Коммуна и Советская Россия . . . 69
» VI. Маркс и... Каутский 90
» VII. Рабочий класс и его советская политика . . . 96
» VIII. Вопросы организации труда 123
» IX. Карл Каутский, его школа и его книга . . . 168
Вместо послесловия 178

II. Между империализмом и революцией

Посвящение 183
Введение 185
Миф и действительность 195
«Строжайший нейтралитет» 209
Внутренний режим 221
Период осторожности 231
Грузия и Врангель 234
Развязка 240
Грузинская жиронда, как политический тип . . . 251
Еще раз — демократия и советская система . . . 257
Право национального самоопределения и пролетарская революция 268
Буржуазное общественное мнение, социал-демократия, коммунизм . 278
Приложение. Воззвание съезда Советов Грузии к трудящимся всего мира 290

III. Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции

Ход гражданской войны 301
Условия социалистического строительства . . . 305

Стр.

Военный коммунизм 308
«Новая экомическая политика» 312
Силы и средства двух лагерей 319
Критерий производительности труда 327
О социал-демократической критике 332
Мировое положение и революционные перспективы 337
Хозяйственное состояние Советской России с точки зрения социалистической революции (тезисы) 346

О кривой капиталистического развития 357

IV. Конкретные проблемы пролетарской революции

О своевременности лозунга «Соединенные Штаты Европы» 367
Можно ли контр-революцию или революцию сделать в срок? . . 373
Вопросы гражданской войны 379

Примечания 403
Именной указатель 474

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Объединение в настоящем томе двух в разное время вышедших книг («Терроризм и коммунизм» [1]) и «Между империализмом и революцией» [2])), оправдывается тем, что обе книги посвящены одной и той же основной теме, причем вторая, написанная во имя самостоятельной цели (защита нашей политики в отношении меньшевистской Грузии [3])), является в то же время лишь более конкретной иллюстрацией основных положений первой книги на частном историческом примере.

В обеих работах основные вопросы революции тесно переплетены со злобой политического дня, с конкретными военными, политическими и хозяйственными мероприятиями. Совершенно естественны, совершенно неизбежны при этом второстепенные неправильности в оценках или частные нарушения перспективы. Исправлять их задним числом было бы неправильно уже потому, что и в частных ошибках отразились известные этапы нашей советской работы и партийной мысли. Основные положения книги сохраняют, с моей точки зрения, и сегодня свою силу целиком. Поскольку в первой книге идет речь о методах нашего хозяйственного строительства в период военного коммунизма, я посоветовал издательству приобщить к изданию, в виде приложения, мой доклад на IV Конгрессе Коминтерна [4]) о новой экономической политике Советской власти. Таким путем те главы книги «Терроризм и коммунизм», которые посвящены хозяйству под углом зрения нашего опыта 1919—1920 г.г., вводятся в необходимую перспективу.

Обе соединенные здесь книги, направленные в первую голову против русских меньшевиков и эсеров, не встретили, насколько я знаю, с их стороны никакого подобия теоретической оценки. И немудрено: выведенные революцией в тираж мелко-

буржуазные партии утратили всякий интерес к теоретической постановке основных вопросов революции. То, что осталось от этих партий, живет инсинуацией, клеветой, мелким плутовством, мелким прислужничеством и мелкими подачками.

Немецкий меньшевизм, обладающий гораздо большей силой исторической инерции,—чугунный каток пролетарской революции еще не прошелся по его позвоночнику—ответил рядом критических и полемических работ, среди которых первое место по безнадежной пошлости занимают ученые словоистечения Каутского [5]). Те его аргументы, которые давали хотя бы какую-нибудь опору для революционной критики, были по достоинству оценены в свое время т. Радеком [6]). Возвращаться здесь к этим вопросам нет решительно никакого основания. Немецкий меньшевизм, как и мировой, обречен,—он пройдет свой путь распада и гниения до конца.

Это вовсе не означает, однако, что в теоретической области мы можем в дальнейшем жить, как рантье, процентами со старого капитала. Наоборот. Теоретическая разработка вопросов революции—не только ее методов (чему посвящена, главным образом, настоящая книга), но ее материальных основ,—сейчас для нас настоятельнее и обязательнее, чем когда бы то ни было. По сложности своей переживаемая нами эпоха не имеет в прошлом себе равной. Непосредственные революционные перспективы, как они стояли перед нами в 1918—1920 г.г., как бы отдалились, борьба основных социальных сил приняла более затяжной характер, а в то же время подземные толчки не прекращаются ни на минуту, угрожая то военным, то классовым, то национальным взрывом. Напряженная теоретическая работа революционной мысли над уяснением и оценкой внутренних сил мирового процесса и их нередко противоречивых тенденций является залогом прежде всего принципиального и действенного самосохранения коммунистической партии, а затем и ее победы.

Перерождение революционных партий происходит незаметно, а вскрывается катастрофически. Немецкая социал-демократия, под руководством Вильгельма Либкнехта [7]) и Августа Бебеля [8]), вступала в жизнь совсем не с теми чувствами и мыслями, с какими 50 лет спустя, под руководством Шейдемана [9]) и Эберта [10]), вошла в мировую войну. Поколения за полвека постепенно обновлялись, и то, что для стариков было лишь временным и частным, в сознании молодых отлагалось, как основа. Низкопробный практицизм молодых влиял, в свою очередь, и на ста-

риков, сдвигая партию с революционной позиции все ниже и ниже. Первая русская революция (1905 г.) отразилась в Германии прежде всего тем, что нарушила автоматический процесс принижения партии, вызвав у лучшей части молодого поколения подъем революционных настроений и—как всегда, одновременно!—теоретических интересов. Из этого источника питались элементы радикального крыла германской социал-демократии [11]), а позже—спартаковцы [12]). Но в целом партия В. Либкнехта и А. Бебеля встретила войну и революцию совершенно перерожденной и на щите своем подняла палача Носке [13]).

Проводимая ныне Коминтерном тактика единого фронта [14]) и борьбы за переходные требования является необходимой политикой для коммунистических партий буржуазных государств в нынешний подготовительный период. Но нельзя закрывать глаза на то, что эта политика таит в себе в то же время несомненные опасности измельчания и даже полного перерождения коммунистических партий, если, с одной стороны, подготовительный период слишком растянется, и если, с другой стороны, повседневная работа западных партий не будет оплодотворяться активной теоретической мыслью, охватывающей динамику основных исторических сил в полном объеме.

Та же опасность стоит в известной степени и перед нашей партией, в стране пролетарской диктатуры. Работа наша по необходимости специализируется и уходит в детали. Вопросы государственной бережливости, научной организации труда, понижения себестоимости продуктов промышленности, прибыли и накопления должны занять сейчас центральное место в жизни партии. Без правильной, систематической работы и без реальных и прочных успехов в этой области все остальное будет запоздалым агитаторством, т.-е. жалкой и пошлой болтовней. Но, с другой стороны, даже и несомненные хозяйственные наши успехи грозили бы ослабить и расшатать партию, порождая в ней узкий практицизм, ведомственную и деловую ограниченность, крохоборчество,—если теоретическая мысль партии не будет попрежнему с бою брать все новые и новые позиции, оплодотворяя всю нашу работу правильной мировой и внутренней ориентировкой. Близорукий практицизм на одном полюсе, скользящее по поверхности всех вопросов агитаторство — на другом, — таковы две несомненные опасности или два полярных выражения одной и той же опасности, подстерегающих нас на нашей нелегкой дороге.

Эта опасность стала бы фатальной, если бы мы допустили разрыв *теоретической традиции* партии. В области материальной культуры мы видели и видим, как трудно бывает восстановлять, когда нарушена непрерывность работы,—но здесь нарушение было неотвратимо, вытекая из самой природы классовой борьбы и ее революционной кульминации. В области идейной, мы, *как партия*, меньше всего нуждаемся в революции, наоборот, поддержание идейной преемственности есть сейчас наиболее повелительное требование революционной мысли. Линию нашего дальнейшего теоретического развития достаточно определяют две точки в царстве мысли: одна из них—Маркс, другая—Ленин.

Синтетический охват обстановки на основе материалистического, глубоко сверлящего анализа основных ее элементов представляет сущность марксизма (с перевесом в сторону исторического *предвидения*) и ленинизма (с перевесом в сторону *действенных* выводов). Особенности того и другого вытекают не из разницы методов, а из различия эпох. Ленинизм можно определить как марксизм, переведенный на язык эпохи империалистской агонии буржуазного общества

Хотя Ленин-теоретик сам давал всегда обобщенное выражение тому, что делал Ленин-политик, тем не менее,—а еще лучше сказать именно потому,—теоретическое изучение и обобщение революционной работы Ленина на протяжении трети столетия представляет самостоятельную и огромную задачу, работа над которой уже сама по себе может и должна стать школой для теоретиков партии нового призыва. С этой точки зрения создание нашей Московской партийной организацией Института Ленина [15]) представляет собою начинание первоклассной важности. Вся партия должна здесь прийти на помощь Москве, ибо вся партия будет в будущем утолять духовную жажду из этого источника...

Капиталистическое общество агонизирует. Однако агония его получила длительный характер, в соответствии с мощной жизненной инерцией организма. Мы видим, как после отчаянных послевоенных судорог наступает относительное «успокоение», между жизненными функциями капиталистического организма устанавливается некоторое подобие равновесия, революционные перспективы как бы расплываются и меркнут, буржуазия преисполняется высокомерия, и на наиболее слабом своем,

аппенинском, участке устанавливает диктатуру горохового шута [16]). В масштабе большого исторического предвидения шут есть шут. Но для сегодняшней революционной борьбы шут, вооруженный аппаратом империалистского государства,—большой политический фактор. На этом промежутке—между кровавой диктатурой империализма и шутовской маской арлекина и шарлатана—историей укладывается все разнообразие средств и методов пережившего себя эксплоататорского класса. Время наше всегда чревато неожиданностями: кровавая угроза может разрешиться шутовством, но и шутовство империалистской буржуазии всегда чревато кровавыми преступлениями.

Затяжная нынешняя эпоха таит в себе возможность резких нарушений темпа, глубоких потрясений. Наша трезвая, осторожная, взвешивающая политика должна поэтому сохранять способность к крутым поворотам. В противном случае новая революционная волна, застигши коммунистическую партию врасплох, могла бы вывести ее из строя. А это почти наверное означало бы новое поражение революции. Напряженная теоретическая работа партии, связывающая вчерашний день с завтрашним, есть необходимое условие сохранения партией способности к крутым поворотам.

От вопросов «политики», в узком смысле слова, теоретическое внимание партии должно снова спуститься глубже, к вопросам экономики—не только нашего советского хозяйства, но и мирового капиталистического рынка. В этой основной исторической лаборатории происходит сейчас перегруппировка и подготовка сил для новой эпохи открытой гражданской войны. Уже III Конгресс Коминтерна [17]), как только наметились изменения темпа развития,—напомнил штабам коммунистических партий о необходимости более глубоко опускать зонд анализа для определения дальнейшего пути. Если тогда некоторые товарищи готовы были видеть в этом чуть ли не «экономизм» (!) [18]), то теперь вряд ли такая оценка встретит чью бы то ни было поддержку. В докладе своем о положении Коммунистического Интернационала на XII Съезде нашей партии т. Бухарин [19]) значительное место, и не случайно, отвел анализу экономического состояния важнейших стран. Время суммарных революционных обобщений прошло. Оно наступит снова, когда теперешнее полуустойчивое равновесие будет взорвано неизменно накопляющимися внутри его противоречиями. Но пока что этот взрыв

только подготовляется. *Внимание к экономике!* Вот чего требует нынешний период от партийной мысли, и требует строго. Ибо если в чистой политике многое можно схватывать нюхом и налету, то в экономике дело труднее: здесь нужна серьезная и добросовестная работа изучения фактов в их количественных и качественных соотношениях. Но зато только такая коллективная научная работа способна охранить свежесть и эластичность партийного сознания.

Автоматическое движение по одной и той же колее не есть, разумеется, следование традиции, ибо как раз величайшая и славнейшая традиция нашей партии состоит в ее несравненной маневроспособности, под углом зрения которой отступление, как и наступление, только звенья одного и того же замысла. Крутой поворот требует большого усилия и мысли, и воли: нужно понять необходимость поворота, нужно захотеть и—произвести его. Узкий практицизм так же неспособен на это, как и подбитое ветром агитаторство: и тот и другой типы одинаково склонны к растерянности, малодушию и панике в минуты, требующие особенно высокой концентрации сознания и воли. Сохранение партийной традиции, т.-е., по существу, сохранение самой партии, мыслимо только путем приобщения цвета молодого поколения к самостоятельной теоретической разработке вопросов революции в тесной связи со всей нашей внутренней и международной деятельностью.

Нет и не может быть оснований сомневаться в том, что мы справимся с этой задачей, как и со всеми другими!

Л. Троцкий.

4 мая 1923 г.

P. S. Настоящий том состоит из работ, более или менее обобщенно («теоретически») освещающих разные вопросы революции. Работы, вошедшие в этот том, писались, однако, не как теоретические исследования, а как боевые политические произведения, что и наложило на них определяющую печать. В том самом виде, в каком они создавались, под давлением определенной потребности дня, они и напечатаны на этих страницах.

Весь том подготовлен к печати и снабжен примечаниями тов. Е. Кагановичем, которому выражаю здесь свою искреннюю благодарность.

20 октября 1924 г. *Л. Троцкий.*

I
Терроризм и коммунизм

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поводом к этой книге послужил ученый пасквиль Каутского того же наименования *). Наша работа была начата в период ожесточенных боев с Деникиным [20]) и Юденичем [21]) и не раз прерывалась событиями на фронтах. В те тягчайшие дни, когда писались первые главы, все внимание Советской России было сосредоточено на чисто военных задачах. Прежде всего нужно было отстоять самую возможность социалистического хозяйственного творчества. Промышленностью мы могли заниматься немногим свыше того, что было необходимо для обслуживания фронтов. Экономическую клевету Каутского мы вынуждены были разоблачать, главным образом, по аналогии с его политической клеветой. Чудовищные утверждения Каутского, будто русские рабочие неспособны к трудовой дисциплине и хозяйственному самоограничению, мы могли в начале этой работы—почти год тому назад—опровергать преимущественно указаниями на высокую дисциплинированность и боевой героизм русских рабочих на фронтах гражданской войны. Этого опыта было с избытком достаточно для опровержения мещанских клевет. Но теперь, спустя несколько месяцев, мы можем обратиться к фактам и доводам, почерпнутым непосредственно из хозяйственной жизни Советской России.

Как только ослабело военное давление,—после разгрома Колчака [22]) и Юденича и нанесения нами решающих ударов Деникину, после заключения мира с Эстонией [23]) и приступа к переговорам с Литвой и Польшей [24]),—во всей стране произошел поворот в сторону хозяйства. И один этот факт быстрого и со-

*) Terrorismus und Kommunismus. Ein Beitrag zur Naturgeschichte (!) der Revolution von *Karl Kautsky*, Berlin 1919.

средоточенного перенесения внимания и энергии с одних задач на другие, глубоко-отличные, но требующие не меньших жертв, является непререкаемым свидетельством могущественной жизнеспособности советского строя. Несмотря на все политические испытания, физические бедствия и ужасы, трудящиеся массы бесконечно далеки от политического разложения, нравственного распада или апатии. Благодаря режиму, который хотя и наложил на них большие тяготы, но осмыслил их жизнь и дал ей высокую цель, они сохраняют исключительную нравственную упругость и беспримерную в истории способность сосредоточения внимания и воли на коллективных задачах. Сейчас во всех отраслях промышленности идет энергическая борьба за установление строгой трудовой дисциплины и повышение производительности труда. Организации партии, профессиональных союзов, правления заводов и фабрик соревнуют в этой области при безраздельной поддержке общественного мнения рабочего класса в целом. Завод за заводом добровольно, по постановлению своих общих собраний, удлиняют рабочий день. Петербург и Москва подают пример, провинция равняется по Петербургу. Субботники и воскресники, т.-е. добровольная и бесплатная работа в часы, предназначенные для отдыха, получают все большее распространение, вовлекая в свой круг многие и многие сотни тысяч рабочих и работниц. Напряженность и производительность труда на субботниках и воскресниках отличается, по отзывам специалистов и по свидетельству цифр, исключительной высотой.

Добровольные мобилизации для трудовых задач в партии и в союзе молодежи проводятся с таким же энтузиазмом, как раньше для боевых задач. Трудовое добровольчество дополняет и одухотворяет трудовую повинность. Недавно созданные комитеты по трудовой повинности охватывают сетью своей всю страну. Привлечение населения к массовым работам (очистка путей от снега, ремонт железнодорожного полотна, рубка леса, заготовка и подвоз дров, простейшие строительные работы, добыча сланца и торфа) получает все более широкий и планомерный характер. Все расширяющееся привлечение к труду воинских частей было бы совершенно неосуществимо при отсутствии высокого трудового подъема...

Правда, мы живем в обстановке тяжкого хозяйственного упадка, истощения, бедности, голода. Но это не довод против

советского режима: все переходные эпохи характеризовались подобными же трагическими чертами. Каждое классовое общество (рабское, феодальное, капиталистическое), исчерпав себя, не просто сходит со сцены, а насильственно сметается путем напряженной внутренней борьбы, которая непосредственно причиняет участникам нередко больше лишений и страданий, чем те, против которых они восстали.

Переход от феодального хозяйства к буржуазному—подъем огромного прогрессивного значения—представляет собою чудовищный мартиролог. Как ни страдали крепостные массы при феодализме, как ни тяжко жилось и живется пролетариату при капитализме, никогда бедствия трудящихся не достигали такой остроты, как в эпохи, когда старый феодальный строй насильственно ломался, уступая место новому. Французская Революция XVIII столетия, которая достигла своего гигантского размаха под напором исстрадавшихся масс, сама на продолжительный период до чрезвычайности углубила и обострила их бедствия. Могло ли быть иначе?

Дворцовые перевороты, заканчивающиеся личными перетасовками на верхах, могут совершаться в короткий срок, почти не отражаясь на хозяйственной жизни страны. Другое дело—революции, втягивающие в свой водоворот миллионы трудящихся. Какова бы ни была форма общества, оно покоится на труде. Отрывая народные массы от труда, вовлекая их надолго в борьбу, нарушая этим их производственные связи, революция тем самым наносит удары хозяйству и неизбежно понижает тот экономический уровень, который она застигла у своего порога. Чем глубже социальный переворот, чем большие массы он вовлекает, чем он длительнее, тем большие разрушения он совершает в производственном аппарате, тем более опустошает общественные запасы. Отсюда вытекает лишь тот, не требующий доказательств, вывод, что гражданская война вредна для хозяйства. Но ставить это в счет советской системе хозяйства — то же самое, что ставить в вину новому человеческому существу родовые муки матери, произведшей его на свет. Задача в том, чтобы гражданскую войну сократить. А это достигается только решительностью действия. Но именно против революционной решительности направлена вся книга Каутского.

* * *

Со времени выхода разбираемой нами книги в свет не только в России, но во всем мире, и прежде всего в Европе, произошли крупнейшие события или продвинулись вперед многозначительные процессы, подрывающие последние устои каутскианства.

В Германии гражданская война принимала все более ожесточенный характер. Внешнее организационное могущество старой партийной и профессиональной демократии рабочего класса не только не создало условий более мирного и «гуманного» перехода к социализму, что вытекает из нынешней теории Каутского, но, наоборот, послужило одной из главных причин затяжного характера борьбы при все возрастающем ее ожесточении. Чем более консервативным грузом стала германская социал-демократия, тем больше сил, жизней и крови вынужден расходовать преданный ею германский пролетариат в ряде последовательных атак на устои буржуазного общества, чтобы в процессе самой борьбы создать для себя новую, действительно революционную организацию, способную привести его к окончательной победе. Заговор немецких генералов, мимолетный захват ими власти и последовавшие затем кровавые события показали снова, каким жалким и ничтожным маскарадом является так называемая демократия в условиях крушения империализма и гражданской войны. Пережившая себя демократия не разрешает ни одного вопроса, не смягчает ни одного противоречия, не залечивает ни одной раны, не предотвращает восстаний ни справа, ни слева,—она бессильна, ничтожна, лжива и служит только для того, чтобы сбивать с толку отсталые слои народа, особенно мелкую буржуазию.

Выраженная Каутским в заключительной части его книги надежда на то, что западные страны, «старые демократии» Франции и Англии, к тому же увенчанные победой, дадут нам картину здорового, нормального, мирного, истинно каутскианского развития к социализму, является одной из наиболее нелепых иллюзий. Так называемая республиканская демократия победоносной Франции представляет собою в настоящее время самое реакционное, кровавое и растленное правительство изо всех, какие когда-либо существовали на свете. Его внутренняя политика построена на страхе, жадности и насилии в такой же мере, как и его внешняя политика. С другой стороны, французский пролетариат, обманутый более, чем какой бы то ни было класс был когда бы то ни было обманут, все более переходит на путь

прямого действия. Репрессии, какие правительство республики обрушило на Всеобщую Конфедерацию Труда [25]), показывают, что даже синдикалистскому каутскианству, то-есть лицемерному соглашательству, нет легального места в рамках буржуазной демократии. Революционизирование масс, ожесточение собственников и крушение промежуточных группировок—три параллельных процесса, обусловливающих и предвещающих близость ожесточенной гражданской войны,—шли на наших глазах полным ходом за последние месяцы во Франции.

В Англии события, отличные по форме, идут по тому же основному пути. В этой стране, правящий класс которой сейчас, более чем когда-либо, угнетает и грабит весь мир, формулы демократии потеряли свое значение даже как орудие парламентского шарлатанства. Наиболее квалифицированный в этой области специалист, Ллойд-Джордж [26]), апеллирует ныне не к демократии, а к союзу консервативных и либеральных собственников против рабочего класса. В его аргументах не осталось и следа демократической расплывчатости «марксиста» Каутского. Ллойд-Джордж стоит на почве классовых реальностей и именно потому говорит языком гражданской войны. Английский рабочий класс с отличающим его тяжеловесным эмпиризмом приближается к той главе своей борьбы, перед которой самые героические страницы чартизма [27]) померкнут, как Парижская Коммуна [28]) побледнеет перед близким победоносным восстанием французского пролетариата.

Именно потому, что исторические события с суровой энергией развивали за эти месяцы свою революционную логику, автор настоящей книги спрашивает себя: есть ли еще надобность в ее опубликовании? Нужно ли еще теоретически опровергать Каутского? Есть ли теоретическая потребность в оправдании революционного терроризма?

К сожалению—да. Идеология играет в социалистическом движении, по самому существу его, огромную роль. Даже для эмпирической Англии наступил период, когда рабочий класс должен предъявлять все возрастающий спрос на теоретическое обобщение своего опыта и своих задач. Между тем психология, даже пролетарская, заключает в себе страшную инерцию консерватизма,—тем более, что в данном случае дело идет не о чем ином, как о традиционной идеологии партий II Интернационала, пробуждавших пролетариат и еще недавно столь могу-

щественных. После крушения официального социал-патриотизма [29]) (Шейдеман, В. Адлер [30]), Ренодель [31]), Вандервельде [32]), Гендерсон [33]), Плеханов [34]) и пр.) международное каутскианство [35]) (штаб германских независимых [36]), Фридрих Адлер [37]), Лонгэ [38]), значительная часть итальянцев, английские «независимцы» [39]), группа Мартова [40]) и пр.) является главным политическим фактором, на который опирается неустойчивое равновесие капиталистического общества. Можно сказать, что воля трудящихся масс всего цивилизованного мира, непосредственно подстегиваемая ходом событий, в настоящее время несравненно более революционна, чем их сознание, над которым еще тяготеют предрассудки парламентаризма и соглашательства. Борьба за диктатуру рабочего класса означает для текущего момента жестокую борьбу с каутскианством внутри рабочего класса. Ложь и предрассудки соглашательства, еще отравляющие атмосферу даже в партиях, тяготеющих к III Интернационалу, должны быть отброшены прочь. Делу непримиримой борьбы против трусливого, половинчатого и лицемерного каутскианства всех стран должна служить эта книга.

* * *

P. S. Сейчас (май 1920 г.) над Советской Россией снова сгустились тучи. Буржуазная Польша своим нападением на Украину [41]) открыла новое наступление мирового империализма на Советскую Россию. Величайшие опасности, вновь вырастающие перед революцией, и огромные жертвы, налагаемые войной на трудящиеся массы, снова толкают русских каутскианцев на путь открытого противодействия Советской власти, т. е. фактически на путь содействия мировым душителям социалистической России. Судьба каутскианцев состоит в том, чтобы пытаться помогать пролетарской революции, когда дела ее стоят достаточно хорошо, и чинить ей всевозможные препятствия, когда она особенно нуждается в помощи. Каутский уже не раз предсказывал нашу гибель, которая должна явиться наилучшим доказательством его, Каутского, теоретической правоты. В своем падении этот «наследник Маркса» дошел до того, что единственной серьезной его политической программой является спекуляция на крушение пролетарской диктатуры.

Он ошибется и на этот раз. Разгром буржуазной Польши Красной Армией, руководимой коммунистическими рабочими,

явится новой манифестацией могущества пролетарской диктатуры и именно этим нанесет сокрушительный удар мещанскому скептицизму (каутскианству) в рабочем движении. Несмотря на сумасшедшую путаницу внешних форм, лозунгов и красок, современная нам история до чрезвычайности упростила основное содержание своего процесса, сведя его к борьбе империализма с коммунизмом. Пилсудский [42]) воюет не только за земли польских магнатов на Украине и Белоруссии, не только за капиталистическую собственность и католическую церковь, но и за парламентарную демократию, за эволюционный социализм, за II Интернационал, за право Каутского оставаться критическим приживальщиком буржуазии. Мы воюем за Коммунистический Интернационал и международную революцию пролетариата. Ставка велика с обеих сторон. Борьба будет упорной и тяжкой. Мы надеемся на победу, ибо имеем на нее все исторические права.

Москва,
29 мая 1920 г.

I

СООТНОШЕНИЕ СИЛ

Довод, который неизменно повторяется в критике советского режима России и особенно в критике революционных попыток перехода к нему в других странах,—это довод от *соотношения сил*. Советский режим в России утопичен, ибо «не отвечает соотношению сил». Отсталая Россия не может ставить себе задач, которые были бы в пору передовой Германии. Но и для пролетариата Германии было бы безумием захватывать в свои руки политическую власть, так как это «в настоящее время» нарушило бы соотношение сил. Лига Наций[43]) несовершенна, но зато отвечает соотношению сил. Борьба за низвержение империалистского господства утопична,—соотношению сил отвечает требование поправок к Версальскому договору[44]). Когда Лонгэ ковылял за Вильсоном[45]), то это происходило не в силу политической дряблости Лонгэ, а во славу закона соотношения сил. Австрийский президент Зейц[46]) и канцлер Реннер[47]) должны, по мнению Фридриха Адлера, упражнять свою мещанскую пошлость на центральных постах буржуазной республики, ибо иначе будет нарушено соотношение сил. Года за два до мировой войны Карл Реннер, тогда еще не канцлер, а «марксистский» адвокат оппортунизма, разъяснял мне, что третье-июньский режим[48]), т.-е. увенчанный монархией союз помещиков и капиталистов, неизбежно продержится в России в течение целой исторической эпохи, так как он отвечает соотношению сил.

Что же такое это соотношение сил,—сакраментальная формула, которая должна определять, направлять и разъяснять весь ход истории, оптом и в розницу? Почему собственно формула соотношения сил у нынешней школы Каутского неизменно

1062594

выступает, как оправдание нерешительности, косности, трусости, измены и предательства?

Под соотношением сил понимается все, что угодно: достигнутый уровень производства, степень классовой дифференциации, число организованных рабочих, наличность в кассе профессиональных союзов, иногда результат последних парламентских выборов, нередко степень уступчивости министерства или степень наглости финансовой олигархии,—чаще всего, наконец, то суммарное политическое впечатление, которое создается у полуослепшего педанта или у так называемого реального политика, хотя бы и усвоившего фразеологию марксизма, но на деле руководствующегося пошлейшими комбинациями, обывательскими предрассудками и парламентскими «приметами»... Пошушукавшись с директором департамента полиции, австрийский социал-демократический политик в добрые и не столь старые годы всегда с точностью знал, допустима ли в Вене «по соотношению сил» мирная уличная манифестация в день Первого Мая. Для Эбертов, Шейдеманов и Давидов [49]) соотношение сил не так давно измерялось с полной точностью тем количеством пальцев, которые протягивал им при встрече в рейхстаге Бетман-Гольвег [50]) или сам Людендорф [51]).

По Фридриху Адлеру, установление советской диктатуры в Австрии было бы гибельным нарушением соотношения сил: Антанта обрекла бы Австрию на голод. В доказательство Фридрих Адлер на июльском съезде Советов указывал на Венгрию, где в тот период венгерским Реннерам не удалось еще при помощи венгерских Адлеров сбросить власть Советов. На первый взгляд могло действительно показаться, что Фридрих Адлер в отношении Венгрии оказался прав: пролетарская диктатура там была вскоре низвергнута, и место ее заняло министерство мракобеса Фридриха [52]). Но вполне допустимо спросить, отвечало ли это последнее соотношению сил? Во всяком случае Фридрих и его Гусар [53]) не могли бы и временно оказаться у власти, если бы не румынская армия. Отсюда ясно, что, при объяснении судеб Советской власти в Венгрии, приходится брать в расчет «соотношение сил», по крайней мере, в пределах двух стран: самой Венгрии и соседней Румынии. Но не трудно понять, что на этом останавливаться нельзя: если бы в Австрии была установлена диктатура Советов до наступления венгерского кризиса, свержение Советской власти в Будапеште оказалось бы

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
1062594

задачей несравненно более трудной. Стало быть, приходится включать и Австрию, вместе с предательской политикой Фридриха Адлера, в то соотношение сил, которое определило временное падение Советской власти в Венгрии.

Сам Фридрих Адлер ищет, однако, ключа к соотношению сил не в России и Венгрии, а на Западе, в странах Клемансо [54]) и Ллойд-Джорджа: у них в руках хлеб и уголь, а уголь и хлеб, особенно в наше время, такой же первостепенный фактор в механике соотношения сил, как пушки в лассалевской конституции. Сведенная с высот, мысль Адлера состоит, следовательно, в том, что австрийский пролетариат не должен брать власть до тех пор, пока ему это не позволит Клемансо (или Мильеран [55]), т.-е. Клемансо второго сорта).

Однако и здесь допустимо спросить: отвечает ли политика самого Клемансо действительному соотношению сил? На первый взгляд может показаться, что соответствие достаточно хорошо—если не доказывается, то обеспечивается жандармами Клемансо, которые разгоняют рабочие собрания, арестуют и расстреливают коммунистов. Но тут нельзя не вспомнить, что террористические меры Советской власти, то-есть те же обыски, аресты и расстрелы, только направленные против контр-революционеров, считаются кое-кем доказательством того, что Советская власть не отвечает соотношению сил. Тщетно стали бы мы, однако, искать в наше время во всем мире такого режима, который для своего поддержания не прибегал бы к средствам суровой массовой репрессии. Это значит, что враждебные классовые силы, прорвав оболочку всякого, в том числе и «демократического» права, стремятся определить свое новое соотношение путем беспощадной борьбы.

Когда в России учреждалась советская система, не только капиталистические политики, но и социалистические оппортунисты всех стран объявили ее дерзким вызовом соотношению сил. На этот счет не было разногласий между Каутским, габсбургским графом Черниным [56]) и болгарским премьером Радославовым. С того времени рухнули австро-венгерская и германская монархии, рассыпался прахом самый могущественный в мире милитаризм. Советская власть устояла. Победоносные страны Антанты мобилизовали и выбросили против нее все, что могли. Советская власть удержалась. Если бы Каутскому, Фридриху Адлеру или Отто Бауэру [57]) предсказали два года тому

назад, что диктатура пролетариата удержится в России сперва против натиска германского империализма, затем—в непрерывной войне с империализмом стран Согласия, мудрецы II Интернационала сочли бы такое предсказание смехотворным непониманием «соотношения сил».

Соотношение политических сил в каждый данный момент складывается под влиянием основных и производных факторов разной степени могущества и лишь в глубочайшей основе своей определяется уровнем развития производства. Социальное строение народа чрезвычайно отстает от развития производительных сил. Мелкая буржуазия и особенно крестьянство сохраняет свое существование долго после того, как их хозяйственные методы оставлены позади и осуждены производственно-техническим развитием общества. Сознание масс чрезвычайно отстает, в свою очередь, от развития социальных отношений; сознание старых социалистических партий на целую эпоху отстает от настроения масс; а сознание старых парламентских и тред-юнионистских вождей, более реакционное, чем сознание их партии, представляет собой окостеневший сгусток, который история не сумела до настоящего момента ни переварить, ни извергнуть. В мирную парламентскую эпоху, при устойчивости социальных отношений, психологический фактор—без вопиющих ошибок—клался в основу всех текущих расчетов: считалось, что парламентские выборы с достаточной полнотой отражают соотношение сил. Империалистическая война, нарушив равновесие буржуазного общества, обнаружила полную непригодность старых критериев, совершенно не задевающих тех глубоких исторических факторов, которые постепенно накоплялись в предшествовавшую эпоху, а теперь сразу вышли наружу и определяют движение истории.

Политические рутинеры, неспособные обозреть исторический процесс в его сложности, во внутренних его несоответствиях и противоречиях, представляли себе дело так, будто история подготовляет социалистический строй одновременно и планомерно со всех сторон, так что концентрация производства и коммунистическая мораль производителя и потребителя зреют одновременно с электрическим плугом и парламентским большинством. Отсюда—чисто механическое отношение к парламентаризму, который в глазах большинства политиков II Интернационала столь же безошибочно показывал степень подготовленности

общества к социализму, как манометр показывает силу давления пара. Между тем, нет ничего бессмысленнее такого механизированного представления о развитии общественных отношений.

Если восходить от производственной основы общества вверх по ступеням надстроек: классов, государства, права, партий и пр.,—то можно установить, что косность каждой дальнейшей надстройки не просто присоединяется, а во многих случаях помножается на косность всех предшествующих. В результате политическое сознание групп, долго мнивших себя наиболее передовыми, обнаруживается в переломный момент как колоссальный тормоз исторического развития. Сейчас совершенно несомненно, что стоявшие во главе пролетариата партии II Интернационала, не смевшие, не умевшие и не хотевшие взять в свои руки власть в самый критический момент человеческой истории и поведшие пролетариат на путь империалистического взаимоистребления, оказались *решающей силой контр-революции.*

Могущественные производительные силы, этот ударный фактор исторического движения, задыхались в тех отсталых надстроечных учреждениях (частная собственность и национальное государство), в которых они оказались замкнуты предшествующим развитием. Взращенные капитализмом, производительные силы стучались во все стенки национально-буржуазного государства, требуя своего раскрепощения путем социалистической организации хозяйства в мировом масштабе. Косность социальных группировок; косность политических сил, оказавшихся неспособными разрушить старые классовые группировки; косность, тупоумие и предательство руководящих социалистических партий, взявших на себя фактически охрану буржуазного общества,—все это привело к стихийному возмущению производительных сил, в виде империалистической войны. Человеческая техника, самый революционный фактор истории, с накопленным десятилетиями могуществом восстала против отвратительного консерватизма и подлого тупоумия Шейдеманов, Каутских, Ренoделей, Вандервельдов, Лонгэ и путем своих гаубиц, митральез, дредноутов и авионов учинила бешеный погром человеческой культуры.

Таким образом, причина бедствий, переживаемых ныне человечеством, состоит как раз в том, что развитие технического могущества человека над природой *давно* уже созрело для социализации хозяйства,—пролетариат занял в производстве место,

которое целиком обеспечивает его диктатуру, между тем как наиболее сознательные силы истории—партии и их вожди—оказались еще в полной мере под гнетом старых предрассудков и лишь питали недоверие массы к самой себе. В недавние годы Каутский понимал это. «Пролетариат в настоящее время так окреп,—писал Каутский в брошюре «Путь к власти»,—что он с большим спокойствием может ожидать надвигающейся войны. О *преждевременной* революции не может быть больше речи в то время, когда пролетариат извлек из данной государственной основы столько сил, сколько можно было из нее почерпнуть, и когда ее перестройка стала условием его дальнейшего подъема». С того момента, как развитие производительных сил, переросшее рамки национально-буржуазного государства, вовлекло человечество в эпоху кризисов и потрясений, сознание масс, действием грозных толчков, было выбито из относительного равновесия предшествовавшей эпохи. Рутина и косность жизненного уклада, гипноз мирной легальности уже утратили над пролетариатом власть. Но он еще не стал сознательно и беззаветно на путь открытой революционной борьбы. Он колеблется, переживая последние моменты неустойчивого равновесия. В этот момент психологического сдвига роль верхушки—государственной власти, с одной стороны, революционной партии, с другой—получает колоссальное значение. Достаточно решительного толчка слева или справа, чтобы сдвинуть пролетариат—на известный период—в ту или другую сторону. Мы это видели в 1914 году, когда соединенным напором империалистских правительств и социал-патриотических партий рабочий класс был сразу выбит из равновесия и брошен на путь империализма. Мы видим затем, как испытания войны, контрасты ее результатов с ее первоначальными лозунгами революционно потрясают массы, делая их все более способными к открытому восстанию против капитала. В этих условиях наличность революционной партии, которая отдает себе ясный отчет в движущих силах нынешней эпохи и понимает исключительное место в их ряду революционного класса, которая знает его неисчерпаемые подспудные силы, которая верит в него, которая верит в себя, которая знает могущество революционного метода в эпоху неустойчивости всех социальных отношений, которая готова этот метод применять и доводит его до конца, — наличность такой партии представляет факт неоценимого исторического значения.

И, наоборот, пользующаяся традиционным влиянием социалистическая партия, которая не отдает себе отчета в том, что вокруг нее творится, не понимает революционной ситуации и потому не находит к ней ключа, которая не верит ни пролетариату, ни себе,—такая партия является в нашу эпоху самым вредным историческим тормозом, источником смуты и истощающего хаоса.

Такова ныне роль Каутского и его единомышленников. Они учат пролетариат не верить себе, а верить своему отражению в кривом зеркале демократии, которое сапогом милитаризма разбито на тысячу осколков. Решающими для революционной политики пролетариата должны быть с их точки зрения не международная ситуация, не фактическое крушение капитализма, не тот общественный распад, который этим порождается, не та объективная необходимость в господстве рабочего класса, которая вопиет из дымящихся обломков капиталистической цивилизации,—не это все должно определять политику революционной партии пролетариата, а тот подсчет голосов, который производят капиталистические табельщики парламентаризма. Всего несколько лет тому назад, повторяем, Каутский как бы понимал действительную сущность революционной проблемы. «Раз пролетариат представляет собой единственный революционный класс нации,—писал Каутский в своей брошюре «Путь к власти»,— то отсюда следует, что всякое крушение современного строя, будь оно морального, финансового или военного характера, означает собой банкротство всех буржуазных партий, которые за все это ответственны, и что единственный выход из создавшегося тупика есть установление власти *пролетариата*». А ныне партия прострации и трусости, партия Каутского, говорит рабочему классу: «Вопрос не в том, являешься ли ты сейчас единственной творческой силой истории, способен ли ты отбросить прочь ту правящую разбойничью банду, в которую выродились имущие классы, вопрос не в том, что этой задачи никто не выполнит за тебя; вопрос не в том, что история не дает тебе отсрочки, ибо нынешнее состояние кровавого хаоса грозит погребсти в дальнейшем тебя самого под последними обломками капитализма,—вопрос в том, что правящим империалистским бандитам удалось вчера или сегодня обмануть, изнасиловать и обокрасть общественное мнение, собрав 51% голосов против твоих 49. Да погибнет мир и да здравствует парламентское большинство!»

II

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

«Маркс и Энгельс выковали понятие *диктатуры пролетариата*, которую Энгельс в 1891 году, незадолго до своей смерти, упорно отстаивал,—понятие о политическом единовластии пролетариата, как единственной форме, в которой он может осуществлять государственную власть».

Так писал Каутский около десяти лет тому назад. Единственной формой власти пролетариата он считал не социалистическое большинство в демократическом парламенте, а политическое единовластие пролетариата, его диктатуру. И совершенно очевидно, что если задачу видеть в уничтожении частной собственности на средства производства, то единственным путем к ее разрешению явится сосредоточение всей полноты государственной власти в руках пролетариата, создание на переходный период такого исключительного режима, при котором господствующий класс руководствуется не общими нормами, рассчитанными на долгий период, а соображениями революционной целесообразности.

Диктатура необходима потому, что вопрос поставлен не о частных переменах, а о самом существовании буржуазии. На этой почве невозможно соглашение. Здесь решить может только сила. Единовластие пролетариата не исключает, разумеется, ни отдельных соглашений, ни значительных уступок, особенно по отношению к мелкой буржуазии и крестьянству. Но заключать эти соглашения пролетариат может, лишь овладев материальным аппаратом власти и обеспечив за собою возможность самостоятельного решения того, какие уступки давать и в каких отказывать в интересах социалистической задачи.

Теперь Каутский начисто отвергает диктатуру пролетариата, как «насилие меньшинства над большинством», т.-е. характеризует революционный режим пролетариата теми самыми чертами, какими честные социалисты всех стран неизменно характеризовали диктатуру эксплоататоров, хотя бы и прикрытую формами демократии.

Отрекшись от революционной диктатуры, Каутский растворяет вопрос о завоевании власти пролетариатом в вопросе о завоевании социал-демократией большинства голосов в одной из будущих избирательных кампаний. Всеобщее избирательное право, согласно юридической фикции парламентаризма, дает выражение воли граждан всех классов нации, а стало быть открывает возможность привлечь на сторону социализма большинство. Пока эта теоретическая возможность не стала реальностью, социалистическое меньшинство должно повиноваться буржуазному большинству. Фетишизм парламентского большинства представляет собою грубое отречение не только от диктатуры пролетариата, но и от марксизма и революции вообще. Если принципиально подчинить социалистическую политику парламентскому таинству большинства и меньшинства, то в странах формальной демократии не будет вообще места для революционной борьбы. Если избранное на основании всеобщего голосования большинство выносит в Швейцарии драконовские постановления против стачечников, или если исполнительная власть, существующая волею формального большинства в Северной Америке, расстреливает рабочих, имеют ли «право» швейцарские и американские рабочие протестовать, применяя всеобщую забастовку? Очевидно, нет. Политическая стачка есть форма внепарламентского давления на «национальную волю», как она выразилась через посредство всеобщего голосования. Правда, сам Каутский как будто стесняется заходить так далеко, как того требует логика его новой позиции. Связанный какими-то остатками прошлого, он вынужден признавать допустимость внесения ко всеобщему избирательному праву поправок действием. Парламентские выборы, по крайней мере, в принципе, никогда не были для социал-демократов заменой реальной классовой борьбы, ее столкновений, отражений, наступлений, восстаний,— они были лишь вспомогательным элементом в этой борьбе, причем в одну эпоху играли большую, в другую—меньшую роль, чтобы в эпоху диктатуры вовсе сойти на-нет.

В 1891 г., т.-е. уже незадолго до своей смерти, Энгельс, как мы только что слышали, упорно отстаивал диктатуру пролетариата, как единственную форму его государственной власти. Сам Каутский не раз повторял это определение. Отсюда, между прочим, видно, какой недостойной фальсификацией является нынешняя попытка Каутского подкинуть нам диктатуру пролетариата, как специально русское будто бы изобретение.

Кто хочет цели, тот не может отказываться от средства. Борьба должна вестись с таким напряжением, чтобы действительно обеспечить единовластие пролетариата. Раз задача социалистического переворота требует диктатуры — «единственной формы, в которой пролетариат может осуществлять государственную власть»,—стало быть, диктатура должна быть обеспечена во что бы то ни стало.

Чтобы написать брошюру о диктатуре, нужно иметь чернильницу и пачку бумаги, может быть, еще некоторое количество мыслей в голове. Но для того, чтобы установить и упрочить диктатуру, нужно воспрепятствовать буржуазии подрывать государственную власть пролетариата. Каутский, очевидно, полагает, что этого можно достигнуть плаксивыми брошюрами. Но его собственный опыт должен был бы показать ему, что недостаточно потерять влияние на пролетариат, чтобы приобрести влияние на буржуазию.

Обеспечить единовластие рабочего класса можно, только заставив привыкшую к господству буржуазию понять, что для нее слишком опасно восставать против диктатуры пролетариата, подрывать ее саботажем, заговорами, восстаниями, помощью иностранным войскам. Нужно заставить отброшенную от власти буржуазию повиноваться. Каким путем? Попы устрашали народ загробными карами. В нашем распоряжении таких ресурсов нет. Да и поповский ад никогда не стоял особняком, а сочетался с материальным огнем святой инквизиции, как и со скорпионами демократического государства. Не склоняется ли Каутский к мысли, что буржуазию можно обуздать при помощи категорического императива, который в его последних писаниях играет роль духа святого? Мы можем со своей стороны лишь обещать ему практическое содействие в случае, если бы он решил снарядить кантиански-гуманитарную миссию в царство Деникина и Колчака. Во всяком случае, он получил бы там возможность убедиться в том, что контр-революционеры не лишены от

природы характера, а, благодаря шестилетнему пребыванию в огне и дыму войны, их характер успел приобрести крепкий закал. Каждый белогвардеец усвоил себе ту простую истину, что повесить коммуниста на суку легче, чем образумить его книжкой Каутского. Эги господа не питают суеверного страха ни к принципам демократии, ни к адскому пламени, тем более, что попы церкви и официальной науки действуют заодно с ними и обрушивают свои комбинированные молнии исключительно на головы большевиков. Русские белогвардейцы похожи на немецких и на всех других в том отношении, что их нельзя убедить или устыдить, а можно только устрашить или раздавить.

Кто отказывается принципиально от терроризма, т.-е. от мер подавления и устрашения по отношению к ожесточенной и вооруженной контр-революции, тот должен отказаться от политического господства рабочего класса, от его революционной диктатуры. Кто отказывается от диктатуры пролетариата, тот отказывается от социальной революции и ставит крест на социализме.

* * *

Никакой теории социальной революции у Каутского в настоящее время нет. Каждый раз, когда он пытается обобщить свои наветы на революцию и диктатуру пролетариата, он преподносит подогретые предрассудки жоресизма [58]) и бернштейнианства [59]).

«Революция 1789 года,—пишет Каутский,—сама устранила важнейшие причины, которые придали ей столь жестокий и насильственный характер, и подготовила более мягкие формы будущей революции» (стр. 97). Допустим, что это так, хотя для этого нужно позабыть июньские дни 1848 года [60]) и ужасы подавления Коммуны [61]). Допустим, что Великая Революция XVIII столетия, мерами беспощадного террора уничтожившая господство абсолютизма, феодализма и клерикализма, действительно подготовила условия более мирного и мягкого разрешения социальных вопросов. Но если даже признать это чисто либеральное положение, то и тут наш обличитель окажется кругом неправ, ибо русская революция, завершившаяся диктатурой пролетариата, началась именно с той работы, которая во Франции совершена была в конце XVIII столетия. Наши предки в прошлые столетия не позаботились подготовить—путем рево-

люционного террора—демократические условия для смягчения нравов нашей революции. Этическому мандарину Каутскому следовало бы учесть это обстоятельство и обвинять наших предков, а не нас.

Каутский как бы делает, впрочем, небольшую уступку в этом направлении. «Правда,—говорит он,—ни один проницательный человек не может сомневаться в том, что военную монархию, как немецкая, австрийская, русская, можно опрокинуть только при помощи насильственных средств. Но всегда думали при этом (кто?) меньше о кровавом применении оружия, больше о свойственном пролетариату средстве рабочего движения—о массовой стачке... Но что значительная часть пролетариата, оказавшись у власти, снова, как в конце XVIII столетия, даст выражение своей ярости и мести в пролитии крови—этого нельзя было ожидать. Это значило бы опрокинуть все развитие на голову» (стр. 101).

Понадобились, как видим, война и ряд революций, чтобы позволить, как следует, заглянуть в головы некоторых ученейших теоретиков и узнать, что̀ там собственно делается. Оказывается, Каутский не думал, что Романова [62]) или Гогенцоллерна [63]) можно устранить путем разговоров, но в то же время он серьезно воображал, что военную монархию можно опрокинуть всеобщей стачкой, т.-е. пассивной манифестацией скрещенных рук. Несмотря на русский опыт 1905 г. и мировую дискуссию по этому вопросу, Каутский сохранил, оказывается, анархо-реформистский взгляд на всеобщую стачку. Мы могли бы ему указать, что на страницах его собственного журнала «Neue Zeit» разъяснялось лет 12 тому назад, что всеобщая стачка—только мобилизация пролетариата и противопоставление его враждебной ему государственной власти, но что сама по себе стачка не может дать разрешения задачи, ибо скорее исчерпает силы пролетариата, чем его врагов, а это днем раньше или позже вынудит рабочих вернуться к станкам. Всеобщая стачка может получить решающее значение, лишь как предпосылка столкновения пролетариата с вооруженными силами противной стороны, т.-е. открытого революционного восстания рабочих. Только сломив волю противостоящей ему армии, революционный класс может разрешить проблему власти, основную задачу всякой революции. Всеобщая стачка приводит к мобилизации сил обеих сторон и дает первую серьезную проверку силы сопротивле-

ния контр-революции, но только в дальнейшем развитии борьбы, после перехода на путь вооруженного восстания, можно определить ту кровавую цену, какую революционный класс должен заплатить за власть. Но что платить придется именно кровью, что в борьбе за завоевание власти и за ее обеспечение пролетариату придется не только умирать, но и убивать,—в этом не сомневался ни один серьезный революционер. Заявлять, что факт жесточайшей борьбы пролетариата с буржуазией, не на жизнь, а на смерть, «опрокидывает на голову все развитие», означает только, что головы некоторых почтенных идеологов представляют собою camera obscura, темную камеру, в которой предметы отражаются ногами вверх.

Но и в отношении более передовых и культурных стран, с продолжительными демократическими традициями, справедливость исторического положения Каутского ровно ничем не доказана. Впрочем, само положение не ново. Ревизионисты придавали ему некогда более принципиальный характер. Они доказывали, что рост пролетарских организаций в условиях демократии обеспечивает постепенный и незаметный—реформистский, эволюционный—переход к социалистическому режиму—без всеобщих стачек и восстаний, без диктатуры пролетариата. Каутский доказывал в тот кульминационный период своей деятельности, что, несмотря на формы демократии, классовые противоречия капиталистического общества углубляются, и что этот процесс должен неизбежно привести к революции и к завоеванию власти пролетариатом.

Никто, разумеется, не пытался подсчитать заранее число жертв, какие будут вызваны революционным восстанием пролетариата и режимом его диктатуры. Но для всех было ясно, что число жертв определится силой сопротивления имущих классов. Если Каутский хочет своей книжкой сказать, что демократическое воспитание не смягчило классового эгоизма буржуазии, то это можно без дальнейших слов признать.

Если он хочет прибавить, что империалистская война, разразившаяся и свирепствовавшая четыре года, *несмотря* на демократию, содействовала огрубению нравов, приучила к насильственным способам действия и совершенно отучила буржуазию церемониться в деле истребления человеческих масс,—и тут он будет прав. Все это есть налицо. Но бороться приходится в тех именно условиях, какие есть. Сражаются не проле-

тарский и буржуазный гомункулусы [64]), вышедшие из реторты Вагнера-Каутского, а реальный пролетариат против реальной буржуазии, какими они вышли из последней империалистической бойни народов.

В этом факте развертывающейся во всем мире беспощадной гражданской войны Каутский видит результат... пагубного отречения от «испытанной победоносной тактики» II Интернационала.

«В действительности с того времени,—пишет он,—как марксизм господствует в социалистическом движении, это последнее до мировой войны было ограждено при всех своих сознательных больших движениях от больших поражений. И мысль обеспечить себе победу путем террористического господства совершенно исчезла из его рядов.

«Много прибавило в этом отношении то обстоятельство, что в то время, как марксизм был господствующим социалистическим учением, демократия укоренилась в Западной Европе и начала там становиться из цели борьбы надежной основой политической жизни».

В этой «формуле прогресса» нет ни атома марксизма: реальный процесс борьбы классов, их материальных столкновений растворен в марксистской пропаганде, которая, благодаря условиям демократии, обеспечивает будто бы безболезненность перехода к новым, «более разумным», общественным формам. Это вульгарнейшее просветительство, запоздалый рационализм в духе XVIII столетия, с той разницей, что идеи Кондорсэ [65]) заменены вульгаризацией «Коммунистического Манифеста». Вся история сводится к непрерывной ленте печатной бумаги, и центром этого «гуманного» процесса оказывается заслуженный письменный стол Каутского.

Нам ставят в пример рабочее движение эпохи II Интернационала, которое, идя под знаменем марксизма, не терпело крупных поражений при своих сознательных выступлениях. Но ведь рабочее движение, весь мировой пролетариат и с ним вся человеческая культура потерпели неизмеримое поражение в августе 1914 года, когда история подводила итоги всем силам и способностям социалистических партий, в среде коих руководящая роль принадлежала будто бы марксизму на «прочной основе демократии». *Эти партии оказались банкротами.* Те черты их предшествующей работы, которые Каутский хотел

бы теперь увековечить: приспособленчество, отказ от «нелегальных» действий, уклонение от открытой борьбы, надежды на демократию, как на путь к безболезненному перевороту—все это полетело прахом. Боясь поражения, удерживая при всех условиях массы от открытой борьбы, растворив в дискуссиях всеобщую стачку, партии II Интернационала подготовили свое ужасающее поражение, ибо не сумели пальцем о палец ударить, чтобы отстранить величайшую катастрофу мировой истории: четырехлетнюю империалистическую бойню, которая предопределила ожесточенный характер гражданской войны. Нужно, поистине, надеть ватный колпак не только на глаза, но и на нос и на уши, чтобы теперь, после бесславного крушения II Интернационала, после постыдного банкротства его руководящей партии—германской социал-демократии, после кровавого идиотизма мировой бойни и гигантского размаха гражданской войны, противопоставлять нам глубокомыслие, лойяльность, миролюбие и трезвость II Интернационала, наследство которого мы ныне ликвидируем!

III

ДЕМОКРАТИЯ

„Либо демократия, либо гражданская война“

У Каутского есть ясный и единственный путь спасения: *демократия*. Нужно только, чтобы все признали ее и обязались подчиняться ей. Правые социалисты должны отказаться от кровавых насилий, которые они производят, выполняя волю буржуазии. Сама буржуазия должна отказаться от мысли при помощи своих Носке и поручиков Фогелей [66]) отстаивать до конца свое привилегированное положение. Наконец, пролетариат должен раз навсегда отказаться от мысли сбросить буржуазию какими-либо другими средствами, кроме тех, которые предусмотрены конституцией. При соблюдении перечисленных условий социальная революция безболезненно растворится в демократии. Для успеха достаточно, как видим, чтобы наша бурная история надела на голову колпак и позаимствовалась мудростью из табакерки Каутского.

«Существуют только две возможности,—внушает наш мудрец:—либо демократия, либо гражданская война» (стр. 145). Однакоже в Германии, где формальные элементы «демократии» налицо, гражданская война не утихает ни на час. «Безусловно,— соглашается Каутский,—при нынешнем Национальном Собрании Германия не может оздоровиться. Но процессу оздоровления мы не содействуем, а противодействуем, если борьбу против нынешнего Собрания превращаем в борьбу против демократического избирательного права» (стр. 152). Как будто в самом деле вопрос в Германии сводится к форме избирательного права, а не к реальному обладанию властью!

Нынешнее Национальное Собрание, признает Каутский, не может «оздоровить» страну. Поэтому? Поэтому начнем игру с начала. Но согласятся ли партнеры? Сомнительно. Если партия невыгодна нам, то она, очевидно, выгодна им. Национальное Собрание, которое «неспособно оздоровить» страну, вполне способно через посредство межеумочной диктатуры Носке подготовить «серьезную» диктатуру Людендорфа. Так было с Учредительным Собранием, которое подготовило Колчака. Историческое предназначение Каутского состоит как раз в том, чтобы, дождавшись переворота, написать n плюс первую брошюру, которая объяснит крушение революции всем ходом предшествующей истории, от обезьяны до Носке и от Носке до Людендорфа. Задача революционной партии иная: она состоит в том, чтобы своевременно предвидеть опасность и предупредить ее *действием*. А для этого нет сейчас другого пути, как вырвать власть из рук подлинных ее держателей, аграриев и капиталистов, только временно прячущихся за господ Эбертов и Носке. Таким образом, от нынешнего Национального Собрания историческая дорога раздваивается: либо диктатура империалистической клики, либо диктатура пролетариата. К «демократии» путь не открывается ни с какой стороны. Каутский этого не видит. Он многословно разъясняет, что демократия имеет большое значение для политического развития и организационного воспитания масс, и что через нее пролетариат может притти к полному освобождению (стр. 72). Можно подумать, что, со времени написания Эрфуртской программы[67]), не произошло на свете ничего, достойного внимания!

Между тем, в течение десятилетий пролетариат Франции, Германии и других важнейших стран боролся и развивался, всесторонне используя учреждения демократии и создав на их основе могущественные политические организации. Этот путь воспитания пролетариата через демократию к социализму оказался, однако, прерван немаловажным событием—мировой империалистической войной. Классовому государству в момент, когда, по вине его, разразилась война, удалось, при помощи руководящих организаций социалистической демократии, обмануть пролетариат и вовлечь его в свою орбиту. Таким образом, сами по себе методы демократии при всех тех бесспорных выгодах, какие они давали в известную эпоху, обнаружили крайне ограниченную силу действия, так что воспитание двух

поколений пролетариата в условиях демократии отнюдь не обеспечило необходимой политической подготовки для оценки такого события, как мировая империалистическая война. Этот опыт не дает никаких оснований утверждать, что если бы война разразилась позже на десять или пятнадцать лет, пролетариат оказался бы к ней политически более подготовленным. Буржуазно-демократическое государство не только создает более благоприятные, по сравнению с абсолютизмом, условия политического развития трудящихся, но и ограничивает это развитие пределами буржуазной легальности, искусно накопляя и закрепляя на верхах пролетариата оппортунистические навыки и легалистские предрассудки. Для того, чтобы поднять германский пролетариат на революцию, когда грозила катастрофа войны, школа демократии оказалась совершенно недостаточной. Понадобилась варварская школа войны, социал-империалистических надежд, величайших военных успехов и беспримерного поражения. После этих событий, которые кое-что изменили во вселенной и даже в Эрфуртской программе, выступать с общими местами о значении демократического парламентаризма для воспитания пролетариата—значит впадать в политическое детство. В этом и состоит несчастье Каутского.

«Глубокое недоверие к политической освободительной борьбе пролетариата,—пишет он,—к его участию в политике характеризовало прудонизм[68]). Ныне возникает подобный же (!!) взгляд и рекомендуется, как новейший завет социалистического мышления, как продукт опыта, которого Маркс не знал и не мог знать; в действительности же это только вариация мысли, которой отроду пол-столетия, с которой Маркс боролся и которую преодолел» (стр. 58—59).

Большевизм оказывается... подогретым прудонизмом! В чисто теоретическом отношении это—одно из бесстыднейших утверждений брошюры.

Прудонисты отказывались от демократии потому же, почему вообще отказывались от политической борьбы. Они стояли за экономическую организацию рабочих без вмешательства государственной власти, без революционных переворотов,—за самопомощь рабочих на основе товарного хозяйства. Поскольку они ходом вещей толкались на путь политической борьбы, они, как мелко-буржуазные идеологи, предпочитали демократию не только плутократии, но и революционной диктатуре. Что же тут общего

с нами? В то время как мы отвергли демократию во имя концентрированной власти пролетариата,—прудонисты, наоборот, готовы были мириться с демократией, разбавленной федеративным началом, чтобы избегнуть революционного единовластия рабочего класса. С несравненно большим основанием Каутский мог бы нас сравнить с противниками прудонистов, *бланкистами*[69]), которые понимали значение революционной власти и вопрос об овладении ею не ставили суеверно в зависимость от формальных признаков демократии. Но, чтобы осмыслить сопоставление коммунистов с бланкистами, пришлось бы прибавить, что в лице рабочих и солдатских Советов мы располагали такой организацией переворота, о которой бланкисты не могли и мечтать; в лице нашей партии мы имели и имеем незаменимую организацию политического руководства с законченной программой социальной революции; наконец, могучим аппаратом хозяйственных преобразований были и остаются наши профессиональные союзы, целиком стоящие под знаменем коммунизма и поддерживающие Советскую власть. При этих условиях говорить о возрожденных большевизмом предрассудках прудонизма можно, только растеряв последние остатки теоретической добросовестности и исторического смысла.

Империалистическое перерождение демократии

Слово «демократия» в политическом словаре недаром имеет двойное значение. С одной стороны, оно обозначает государственный режим, основанный на всеобщем избирательном праве и других атрибутах формального «самодержавия народа». С другой стороны, под именем демократии понимаются самые массы народные, поскольку они живут политической жизнью, причем, как в этом втором смысле, так и в первом, понятие демократии возвышается над классовыми различиями.

Эти особенности терминологии имеют свое глубокое политическое основание. Демократия, как политический строй, представляется тем более устойчивой, законченной, незыблемой, чем больше места в жизни страны занимает промежуточная, мало дифференцированная в классовом отношении масса населения, мелкая буржуазия города и деревни. Высшего своего расцвета в XIX столетии демократия достигла в Соединенных Штатах Северной Америки и в Швейцарии. По ту сторону океана государ-

ственная демократия федеративной республики опиралась на аграрную демократию фермерства. В маленькой Гельветической республике мелкая буржуазия городов и крепкое крестьянство составляли основу консервативной демократии соединенных кантонов.

Рожденное из борьбы третьего сословия против сил феодализма, демократическое государство становится уже очень скоро орудием противодействия классовым антагонизмам, развивающимся внутри буржуазного общества. Буржуазная демократия преуспевает в этом тем больше, чем шире под нею пласт мелкой буржуазии, чем больше значение последней в хозяйственной жизни страны, чем ниже, стало быть, развитие классовых противоречий. Однако, чем дальше, тем безнадежнее промежуточные классы отставали от исторического развития и тем более лишались возможности говорить от имени нации. Правда, мелкобуржуазные доктринеры (Бернштейн [70]) и К⁰) с удовлетворением доказывали, что исчезновение мелко-буржуазных классов происходит не с такой быстротой, как это предполагалось школой Маркса. Можно, действительно, согласиться с тем, что численно мелко-буржуазные элементы города и особенно деревни все еще сохраняют чрезвычайно крупное место. Но главное содержание развития сказалось в утрате мелкой буржуазией производственного значения: та масса ценностей, какую этот класс вносит в общий доход нации, падала несравненно быстрее, чем численность мелкой буржуазии. Соответственно с этим падало ее социальное, политическое и культурное значение. Историческое развитие все более опиралось не на эти унаследованные от прошлого консервативные слои, а на полярные классы общества, т.-е. капиталистическую буржуазию и пролетариат.

Чем более мелкая буржуазия теряла свое социальное значение, тем менее она оказывалась способной играть роль авторитетного третейского судьи в исторической тяжбе между трудом и капиталом. Между тем, очень значительная численность городского мещанства и особенно крестьянства продолжала находить свое непосредственное выражение в избирательной статистике парламентаризма. Формальное равенство всех граждан, как избирателей, давало при этом лишь более открытое выражение неспособности «демократического парламентаризма» разрешить основные вопросы исторического развития. «Равный» голос для пролетария, крестьянина и руководителя треста ста-

вил формально крестьянина в положение посредника между двумя антагонистами. На деле же крестьянство, социально и культурно отсталое, политически беспомощное, давало во всех странах опору для наиболее реакционных, авантюристских, сумбурных и продажных партий, которые в последнем счете всегда поддерживали капитал против труда.

Как раз наперекор всем пророчествам Бернштейна, Зомбарта [71]), Тугана-Барановского [72]) и др., живучесть промежуточных классов не смягчила, а до крайности обострила революционный кризис буржуазного общества. Если бы пролетаризация мелкой буржуазии и крестьянства происходила в химически чистом виде, то мирное завоевание пролетариатом власти через посредство демократического парламентского аппарата было бы гораздо более вероятно, чем это мы видим теперь. Как раз тот факт, за который цеплялись сторонники мелкой буржуазии,—ее живучесть,—оказался роковым даже для внешних форм политической демократии после того, как капитализм подорвал ее существо. Занимая в парламентской политике место, какое утеряла в производстве, мелкая буржуазия окончательно скомпрометировала парламентаризм, превратив его в учреждение растерянной болтовни и законодательной обструкции. Уже из этого одного вырастала для пролетариата задача овладеть аппаратом государственной власти, как таковым, независимо от мелкой буржуазии и даже против нее,—не против ее интересов, а против ее тупоумия, ее неуловимой в своих бессильных метаниях политики.

«Империализм,—писал Маркс об империи Наполеона III,—есть самая проституционная и, вместе с тем, конечная форма государственной власти, которую... достигшая своего полного развития буржуазия превратила в орудие порабощения труда капиталу». Это определение шире режима французской империи и охватывает новейший империализм, порожденный мировыми притязаниями национального капитала великих держав. В экономической области империализм предполагал окончательное падение роли мелкой буржуазии; в области политической он означал полное уничтожение демократии путем ее внутренней молекулярной переработки и всестороннего подчинения всех ее средств и учреждений своим целям. Охватив все страны, независимо от их предшествующей политической судьбы, империализм показал, что ему чужды какие бы то ни было полити-

ческие предрассудки, и что он одинаково готов и способен использовать, социально переродив и подчинив себе, монархию Николая Романова или Вильгельма Гогенцоллерна, президентское самодержавие Северо-Американских Штатов и беспомощность нескольких сот маргариновых законодателей французского парламента. Последняя великая бойня—кровавая купель, в которой пытался обновиться буржуазный мир, — предъявила нам картину невиданной в истории мобилизации всех государственных форм, систем правления, политических направлений, религий и философских школ на службе империализму. Даже многие из тех педантов, которые проспали подготовительный период империалистического развития последних десятилетий и продолжали к понятиям демократии, всеобщего голосования и пр. относиться по их традиционному смыслу, стали чувствовать во время войны, что привычные понятия наполнились каким-то новым содержанием. Абсолютизм, парламентская монархия, демократия. Перед лицом империализма—а стало быть, и перед лицом идущей ему на смену революции—все государственные формы буржуазного владычества, от русского царизма и до северо-американского квази-демократического федерализма, уравнены в правах и связаны в такие комбинации, при которых они нераздельно дополняют друг друга. Империализму удалось всеми имеющимися в его распоряжении средствами, в том числе и через парламент, независимо от избирательной арифметики голосов, целиком подчинить себе в критический момент мелкую буржуазию городов и деревень и даже верхи пролетариата. Национальная идея, под знаком которой поднялось к власти третье сословие, нашла в империалистической войне свое возрождение в лозунге национальной обороны. С неожиданной яркостью вспыхнула в последний раз национальная идеология за счет классовой. Крушение империалистских иллюзий не только у побежденных, но—с некоторым запозданием—и у победителей, окончательно подкосило то, что было некогда национальной демократией, и, вместе с нею, ее главное орудие—демократический парламент. Дряблость, дрянность и беспомощность мелкой буржуазии и ее партии выступили всюду с ужасающей очевидностью. Во всех странах вопрос государственной власти стал ребром, как вопрос открытого соразмерения сил между явно или закулисно господствующей капиталистической кликой, в распоряжении которой имеются сотни тысяч дрессированного, закаленного, ни перед

чем не останавливающегося офицерства, и между восстающим революционным пролетариатом—при запуганности, растерянности и прострации промежуточных классов. Жалкими пустяками являются при этих условиях речи о мирном завоевании пролетариатом власти через посредство демократического парламентаризма.

Схема политического положения в мировом масштабе совершенно ясна. Приведя обескровленные и истощенные народы на край гибели, буржуазия, и в первую голову—буржуазия-победительница, обнаружила свою полную неспособность вывести их из ужасающего положения и свою несовместимость с дальнейшим развитием человечества. Все промежуточные политические группировки, включая сюда в первую голову социал-патриотические партии, гниют заживо. Обманутый ими пролетариат с каждым днем все более поворачивается против них и укрепляется в своем революционном призвании, как единственная сила, могущая спасти народы от одичания и гибели. Однако история вовсе не обеспечила к этому моменту формального парламентского большинства за партией социальной революции. Другими словами—история не превратила нацию в дискуссионный клуб, который чинно вотирует переход к социальной революции большинством голосов. Наоборот, насильственная революция явилась необходимостью именно потому, что неотложные потребности истории оказались бессильны проложить себе дорогу через аппарат парламентской демократии. Капиталистическая буржуазия рассчитывает: «До тех пор, пока в моих руках земля, заводы, фабрики, банки, пока я владею газетами, университетами, школами, пока—и это главное—в моих руках управление армией,—до тех пор аппарат демократии, как бы вы его ни перестраивали, останется покорен моей воле. Я духовно подчиняю себе тупую, консервативную, безвольную мелкую буржуазию, как она подчинена мне материально. Я подавляю и буду подавлять ее воображение могуществом моих сооружений, моих барышей, моих планов и моих преступлений. В моменты ее недовольства и ропота я создам десятки предохранительных клапанов и громоотводов. Я вызову в нужный час к жизни оппозиционные партии, которые завтра исчезнут, но сегодня выполнят свою миссию, дав возможность мелкой буржуазии проявить свое возмущение без вреда для капитализма. Я буду держать народные массы при режиме обязательного общего обучения на границе пол-

ного невежества, не давая им подняться выше того уровня, который мои эксперты духовного рабства признают безопасным. Я буду развращать, обманывать и устрашать более привилегированные или более отсталые слои самого пролетариата. Совокупностью всех этих мер я не дам авангарду рабочего класса овладеть сознанием большинства народа, доколе необходимые орудия подчинения и устрашения останутся в моих руках».

На это революционный пролетариат отвечает: «Стало быть, первым условием спасения является изъятие из рук буржуазии орудий господства. Безнадежна мысль мирно притти к власти при сохранении в руках буржуазии всех орудий владычества. Трижды безнадежна мысль притти к власти на том пути, который буржуазия сама указывает и в то же время баррикадирует,— на пути парламентской демократии. Путь один: вырвать власть, отняв у буржуазии материальный аппарат господства. Независимо от поверхностного соотношения сил в парламенте, я возьму в общественное распоряжение главные силы и средства производства. Я освобожу сознание мелко-буржуазных классов от капиталистического гипноза. Я на деле покажу им, что значит социалистическое производство. Тогда даже наиболее отсталые, темные или запуганные слои народа поддержат меня, добровольно и сознательно примкнув к работе социалистического строительства».

Когда русская Советская власть разогнала Учредительное Собрание [73]), этот факт показался руководящим западно-европейским социал-демократам если не началом светопреставления, то во всяком случае грубым и произвольным разрывом со всем предшествовавшим развитием социализма. Между тем, это был только неизбежный вывод из того нового положения, какое было подготовлено империализмом и войною. Если на путь подведения теоретических и практических итогов первым вступил русский коммунизм, то это по тем же историческим причинам, по которым русский пролетариат первым оказался вынужден вступить на путь борьбы за власть.

Все, что происходило после того в Европе, свидетельствует, что вывод был сделан нами правильно. Думать, что возможно восстановить демократию в ее непорочности, значит питаться жалкими реакционными утопиями.

Метафизика демократии

Чувствуя под ногами зыбкость исторической почвы в вопросе о демократии, Каутский переходит на почву нормативной философии. Вместо исследования того, что есть, он рассуждает о том, что должно бы быть.

Принципы демократии—суверенитет народа, всеобщее и равное избирательное право, свободы—выступают у него в ореоле нравственного долженствования. Они отвлекаются от своего исторического содержания и изображаются незыблемыми и священными сами по себе. Это метафизическое грехопадение не случайно. Крайне поучительно, что и покойник Плеханов, беспощадный противник кантианства в течение лучшей поры своей деятельности, попытался под конец жизни, когда его захлестнула волна патриотизма, ухватиться за соломинку категорического императива...

Той реальной демократии, с которой теперь немецкий народ сводит опытное знакомство, Каутский противополагает некую идеальную демократию, как вульгарному явлению—вещь в себе. Каутский не указывает с уверенностью ни одной страны, демократия которой действительно способна обеспечить безболезненный переход к социализму. Зато он твердо знает, что такая демократия должна быть. Нынешнему германскому Национальному Собранию, этому органу беспомощности, реакционной злобности и униженного искательства, Каутский противопоставляет другое, настоящее, истинное Национальное Собрание, которое имеет все преимущества, кроме небольшого преимущества... реальности.

Доктриной формальной демократии является не научный социализм, а теория так называемого естественного права. Сущность последней состоит в признании вечных и неизменных правовых норм, которые у разных народов и в разные эпохи находят различное, более или менее ограниченное и искаженное выражение. Естественное право новой истории, т.-е. такое, каким оно вышло из средних веков, заключало в себе прежде всего протест против сословных привилегий, злоупотреблений деспотического законодательства и других «искусственных» продуктов феодального положительного права. Идеологи еще слишком слабого третьего сословия давали выражение его классовым интересам в некоторых идеальных нормах, которые в дальнейшем развернулись в учение о демократии, приобретая при этом индивидуа-

листический характер. Личность есть самоцель, все люди имеют право высказывать устно и печатно свои мысли, каждый человек должен пользоваться одинаковым избирательным правом. Как боевое знамя против феодализма, требования демократии имели прогрессивный характер. Чем дальше, однако, тем больше метафизика естественного права (=теория формальной демократии) выдвигала свою реакционную сторону: установление контроля идеальной нормы над реальными требованиями рабочих масс и революционных партий.

Если оглянуться на историческое чередование миросозерцаний, то теория естественного права представится очищенным от грубой мистики пересказом христианского спиритуализма. Евангелие объявило рабу, что у него такая же душа, как и у рабовладельца, и таким образом установило равенство всех людей перед небесным трибуналом. На деле раб оставался рабом, и повиновение вменялось ему в религиозный долг. В учении христианства раб находил мистическое выражение собственному темному протесту против своего униженного состояния. На ряду с протестом также и утешение. Христианство говорило ему: «у тебя бессмертная душа, хотя ты и похож на вьючного осла». Тут звучала нота возмущения. Но то же христианство говорило: «пусть ты подобен вьючному ослу, но зато твоей бессмертной душе уготовано вечное воздаяние». Тут слышен голос утешения. Эти две ноты сочетались в историческом христианстве по разному в различные эпохи и у разных классов. Но в общем христианство, подобно всем другим религиям, стало орудием усыпления совести угнетенных мас.

Естественное право, развившись в теорию демократии, говорило рабочему: все люди равны перед законом, независимо от их происхождения, их имущественного положения и выполняемой ими роли; каждый имеет равное право голоса в определении судеб народа. Эта идеальная норма революционизировала сознание масс, поскольку являлась осуждением абсолютизма, аристократических привилегий, имущественного ценза. Но чем дальше, тем больше она усыпляла сознание, легализуя нужду, рабство и унижение; ибо как же восставать против порабощения, раз каждый имеет равное право голоса в определении народных судеб?

Ротшильд [74]), который кровь и слезы мира перечеканил в наполеондоры своих барышей, имеет один голос на парламент-

ских выборах. Темный землекоп, который не умеет подписать имени, всю жизнь спит не раздеваясь и бродит в обществе, как подземный крот, является, однако, носителем народного суверенитета и равен Ротшильду перед судом и на выборах в парламент. В реальных условиях жизни, в хозяйственном процессе, в социальных отношениях, в быту люди становились все более и более неравны друг другу: нагромождение ослепительной роскоши на одном полюсе, бедность и безнадежность—на другом. Но в области государственно-правовой надстройки эти зияющие противоречия исчезали; туда проникали лишь бесплотные юридические тени. Помещик, батрак, капиталист, пролетарий, министр, чистильщик сапог—все равны, как «граждане», как «законодатели». Мистическое равенство христианства сделало с небес шаг вниз в лице естественно-правового равенства демократии. Но оно не спустилось на землю к экономическому фундаменту общества. Для темного поденщика, который всю свою жизнь оставался вьючным скотом на службе буржуазии, идеальное право влиять на судьбы народа через посредство парламентских выборов оставалось немногим более реально, чем то блаженство, которое было обещано ему в царствии небесном.

В практических интересах развития рабочего класса социалистическая партия стала в известную эпоху на путь парламентаризма. Но это вовсе не значило, что она принципиально признала метафизическую теорию демократии, покоющуюся на началах над-исторического, над-классового права. Пролетарская доктрина рассматривала демократию, как служебный инструмент буржуазного общества, целиком приспособленный к задачам и потребностям господствующих классов. Но так как буржуазное общество жило трудом пролетариата и не могло отказать ему в легализации некоторой части его классовой борьбы, не разрушая себя, то этим открывалась для социалистической партии возможность использовать в известный период и в известных пределах механику демократии, отнюдь не присягая ей, как незыблемому принципу.

Основная задача партии во все эпохи ее борьбы состояла в том, чтобы создать условия реального, хозяйственного, бытового равенства для людей, как членов солидарного человеческого общежития. Именно поэтому и для этого теоретики пролетариата должны были разоблачить метафизику демократии, философское прикрытие политических мистификаций.

Если демократическая партия в эпоху своего революционного подъема, разоблачая гнетущую и усыпляющую ложь церковной догмы, проповедывала массам: «вас убаюкивают вечным блаженством по ту сторону жизни, а здесь вы бесправны и опутаны цепями произвола»,—то социалистическая партия несколькими десятилетиями спустя с неменьшим правом говорила тем же массам: «вас усыпляют фикцией гражданского равенства и политических прав, но у вас отнята возможность реализовать эти права; условное и призрачное юридическое равенство превращено в идеальную цепь каторжника, которою каждый из вас прикован к колеснице капитала».

Во имя своей основной задачи, социалистическая партия мобилизовала массы также и на основе парламентаризма, но нигде и никогда партия, как таковая, не обязывалась привести массы к социализму не иначе, как через ворота демократии. Приспособляясь к парламентскому режиму, мы ограничивались в предшествующую эпоху теоретическим разоблачением демократии, потому что были еще слишком слабы, чтобы практически преодолеть ее. Но идейная орбита социализма, которая вырисовывается сквозь все уклонения, падения и даже измены, предопределила именно такой исход: отбросить демократию и заменить ее рабочим механизмом пролетариата в тот момент, когда этот последний окажется достаточно силен для выполнения такой задачи.

Мы приведем одно свидетельство, но достаточно яркое. «Парламентаризм,—писал Поль Лафарг[75]), в русском сборнике «Социал-Демократ» в 1888 г.,—есть такая правительственная система, при которой у народа является иллюзия, будто он сам управляет делами страны, тогда как в действительности фактическая власть сосредоточивается при этом в руках буржуазии, и даже не всей буржуазии, а лишь некоторых слоев этого класса. В первый период своего господства буржуазия не понимает или, вернее, не чувствует необходимости создавать для народа иллюзию самоуправления. Поэтому все парламентские страны Европы начинали с ограниченной подачи голосов; повсюду право давать направление политике страны, посредством избрания депутатов, принадлежало вначале лишь более или менее крупным собственникам и затем уже постепенно распространялось на менее состоятельных граждан, пока, в некоторых странах, не превратилось из привилегии во всеобщее право всех и каждого.

«В буржуазном обществе, чем значительнее становится масса общественного богатства, тем меньшим и меньшим числом личностей она присваивается; то же происходит и с властью: по мере того, как растет масса граждан, обладающих политическими правами, и увеличивается число избираемых правителей, действительная власть сосредоточивается и становится монополией все меньшей и меньшей группы личностей». Таково таинство большинства.

Для марксиста Лафарга парламентаризм остается до тех пор, пока сохраняется господство буржуазии. «В тот день,— пишет Лафарг,—когда пролетариат Европы и Америки овладеет государством, он должен будет организовать революционную власть и диктаторски управлять обществом, пока буржуазия не исчезнет, как класс».

Каутский в свое время знал эту марксистскую оценку парламентаризма и не раз повторял ее сам, хотя и не с такой галльской ясностью и остротой. Теоретическое отступничество Каутского в том именно и состоит, что, признав принцип демократии абсолютным и незыблемым, он от материалистической диалектики вернулся вспять к естественному праву. То, что было разоблачено марксизмом, как передаточный механизм буржуазии, и лишь подлежало временному политическому использованию, в целях подготовки революции пролетариата, снова освящено Каутским, как верховное начало, стоящее над классами и безусловно подчиняющее себе методы пролетарской борьбы. Контрреволюционное вырождение парламентаризма нашло свое наиболее законченное выражение в обоготворении демократии упадочными теоретиками II Интернационала.

Учредительное Собрание

Вообще говоря, достижение партией пролетариата большинства в демократическом парламенте не является безусловной невозможностью. Но такой факт, даже если бы он осуществился, не вносил бы ничего принципиально нового в развитие событий. Промежуточные элементы интеллигенции, под влиянием парламентской победы пролетариата, оказали бы, может быть, меньшее противодействие новому режиму. Но основное сопротивление буржуазии определялось бы такими факторами, как настроение армии, степень вооружения рабочих, положение в соседних го-

сударствах; и гражданская война развивалась бы под давлением этих реальнейших обстоятельств, а не зыбкой арифметики парламентаризма

Наша партия не отказывалась открыть дорогу диктатуре пролетариата через ворота демократии, отдавая себе ясный отчет в известных агитационно-политических преимуществах такого «легализованного» перехода к новому режиму. Отсюда наша попытка созвать Учредительное Собрание. Эта попытка потерпела неудачу. Русский крестьянин, только пробужденный революцией к политической жизни, оказался лицом к лицу с полудюжиной партий, из которых каждая как бы поставила себе целью сбить его с толку. Учредительное Собрание стало поперек пути революционному движению—и было сметено.

Соглашательское большинство Учредительного Собрания представляло собою только политическое отражение недомыслия и нерешительности промежуточных слоев города и деревни и более отсталых частей пролетариата. Если стать на точку зрения отвлеченных исторических возможностей, то можно сказать, что было бы менее болезненно, если бы Учредительное Собрание, проработав год-два, окончательно дискредитировало эсеров и меньшевиков их связью с кадетами и тем привело бы к формальному перевесу большевиков, показав массам, что на деле существуют лишь две силы: революционный пролетариат, руководимый коммунистами, и контр-революционная демократия, возглавляемая генералами и адмиралами. Но вся суть в том, что темп развития внутренних отношений революции вовсе не шел нога в ногу с темпом развития международных отношений. Если бы наша партия возложила всю ответственность на объективную педагогику «хода вещей», то развитие военных событий могло опередить нас. Германский империализм мог овладеть Петербургом, к эвакуации которого правительство Керенского приступило вплотную. Гибель Петербурга означала бы тогда смертельный удар пролетариату, ибо все лучшие силы революции сосредоточивались там, в Балтийском флоте и в красной столице.

Нашу партию можно обвинять, следовательно, не в том, что она пошла наперекор историческому развитию, а в том, что она совершила прыжок через несколько политических ступенек. Она перешагнула через голову меньшевиков и эсеров, чтобы не дать германскому милитаризму перешагнуть через голову русского пролетариата и заключить мир с Антантой на спине рево-

люции прежде, чем она успеет на весь мир расправить свои крылья.

Из сказанного не трудно вывести ответы на те два вопроса, которыми донимает нас Каутский. Во-первых, зачем мы созывали Учредительное Собрание, раз имели в виду диктатуру пролетариата? Во-вторых, если первое Учредительное Собрание, которое мы сочли нужным созвать, оказалось отсталым и не отвечающим интересам революции, почему отказываемся мы от созыва нового Учредительного Собрания? Задняя мысль Каутского та, что мы отвергли демократию не по принципиальным причинам, а только потому, что она оказалась против нас. Чтобы поймать эту инсинуацию за ее длинные уши, восстановим факты.

Лозунг «вся власть Советам» был выдвинут нашей партией с самого начала революции, т.-е. задолго не только до роспуска Учредительного Собрания, но и до декрета об его созыве. Правда, мы *не* противопоставляли Советов будущему Учредительному Собранию, созыв которого все более оттягивался правительством Керенского[76]) и потому становился все более проблематичным, но мы, во всяком случае, не рассматривали Учредительного Собрания, по образцу мелко-буржуазных демократов, как будущего хозяина земли русской, который придет и все разрешит. Мы выяснили массам, что подлинным хозяином могут и должны стать революционные организации самих трудящихся масс—Советы. Если мы не отвергли формально Учредительного Собрания заранее, то потому лишь, что оно противопоставлялось не власти Советов, а власти самого Керенского, который, в свою очередь, был только вывеской буржуазии. При этом нами было решено заранее, что если бы в Учредительном Собрании большинство оказалось за нас, то Учредительное Собрание должно было распустить себя, передав власть Советам, как это сделала впоследствии Петербургская городская дума, избранная на основе самого демократического избирательного права. В своей книжке «Октябрьская Революция» я старался выяснить те причины, по которым Учредительное Собрание явилось запоздалым отражением эпохи, уже превзойденной революцией. Так как организацию революционной власти мы видели только в Советах и так как ко времени созыва Учредительного Собрания Советы были уже фактическою властью, то вопрос и решался для нас неизбежно в сторону насильственного роспуска Учредительного Собрания, которое само не желало распустить себя в пользу власти Советов.

Но почему,—спрашивает Каутский,—вы не созываете нового Учредительного Собрания?

Потому, что не видим в нем нужды. Если первое Учредительное Собрание могло еще сыграть мимолетную прогрессивную роль, дав убедительную для мелко-буржуазных элементов санкцию режиму Советов, который только устанавливался, то теперь, после двух лет победоносной диктатуры пролетариата и полного крушения всех демократических попыток в Сибири, на беломорском побережьи, на Украине, на Кавказе,—власть Советов, поистине, не нуждается в освящении подмоченным авторитетом Учредительного Собрания. Не в праве ли мы в та ком случае заключить,—вопрошает Каутский в тон Ллойд-Джорджу,—что Советская власть правит волею меньшинства, раз она уклоняется от проверки своего господства всеобщим голосованием? Вот удар, который бьет мимо цели!

Если парламентский режим даже в эпоху «мирного», устойчивого развития был довольно грубым счетчиком настроений в стране, а в эпоху революционной бури совершенно утратил способность поспевать за ходом борьбы и развитием политического сознания, то советский режим, несравненно ближе, органичнее, честнее связанный с трудящимся большинством народа, главное свое значение полагает не в том, чтобы статически отражать большинство, а в том, чтобы динамически формировать его. Вставши на путь революционной диктатуры, рабочий класс России тем самым сказал, что свою политику в переходный период он строит не на призрачном искусстве соревнования с хамелеонскими партиями в целях уловления крестьянских голосов, а на фактическом вовлечении крестьянских масс, рука об руку с пролетариатом, в дело управления страной в подлинных интересах трудящихся масс. Эта демократия поглубже парламентаризма!

Сейчас, когда главная задача—вопрос жизни и смерти—революции состоит в военном отпоре бешеному натиску белогвардейских банд, думает ли Каутский, что какое-угодно парламентское «большинство» способно обеспечить более энергичную и самоотверженную, более победоносную организацию революционной обороны? Условия борьбы настолько отчетливы в революционной стране, сдавленной за горло подлым кольцом блокады, что перед всеми промежуточными классами и группами остается лишь возможность выбора между Деникиным и Советской властью.

Какое нужно еще доказательство, когда даже партии, межеумочные по принципу, как меньшевики и эсеры, раскололись по той же самой линии!

Предлагая нам выборы в учредилку, полагает ли Каутский приостановить на время выборов гражданскую войну? Чьим решением? Если он намеревается привести для этого в движение авторитет II Интернационала, то спешим его предупредить, что это учреждение пользуется у Деникина лишь немного бо̀льшим авторитетом, чем у нас. Поскольку же война между рабоче-крестьянской армией и бандами империализма продолжается, и выборы должны по необходимости ограничиться советской территорией, хочет ли Каутский требовать, чтоб мы позволили открыто выступать партиям, которые поддерживают Деникина против нас? Пустая и презренная болтовня: ни одно правительство никогда и ни при каких условиях не может позволить воюющей с ним стороне в тылу у собственных армий мобилизовать вражеские силы.

Не последнее место в вопросе занимает и тот факт, что цвет трудового населения находится сейчас в действующих войсках. Передовые пролетарии и наиболее сознательные крестьяне, которые при всяких выборах, как и при всяком массовом политическом действии, стоят на первом месте, направляя общественное мнение трудящихся, они все сейчас борются и умирают в качестве командиров, комиссаров или рядовых бойцов Красной Армии. Если самые «демократические» правительства буржуазных государств, режим которых основан на парламентаризме, считали невозможным во время войны производить выборы в парламент, то тем более бессмысленно требовать таких выборов во время войны от Советской Республики, режим которой ни в малой мере не основан на парламентаризме. Вполне достаточно того, что *своим* выборным учреждениям—местным и центральным Советам—революционная власть России не препятствовала в самые тяжкие месяцы и дни обновляться путем периодических перевыборов.

Наконец, в качестве последнего довода—the last not least,—приходится к сведению Каутского сказать, что даже русские каутскианцы, меньшевики, как Мартов и Дан [77]), не считают возможным выдвигать в настоящее время требование Учредительного Собрания, откладывая его до лучшего будущего. Понадобится ли оно тогда? В этом позволительно усомниться. Когда

закончится гражданская война, диктатура рабочего класса раскроет всю свою творческую силу и на деле покажет наиболее отсталым массам, что может им дать. Путем планомерно проведенной трудовой повинности и централизованной организации распределения все население страны будет вовлечено в общесоветскую систему хозяйства и самоуправления. Сами Советы, ныне органы власти, постепенно растворятся в чисто-хозяйственных организациях. При этих условиях вряд ли кому придет в голову над реальной тканью социалистического общества воздвигать архаическое увенчание в виде Учредительного Собрания, которому пришлось бы только констатировать, что все нужное «учреждено» уже до него и без него*).

---

*) Чтобы прельстить нас в пользу Учредительного Собрания, на помощь доводам от категорического императива Каутский приводит аргумент от валюты. «России необходима,—пишет он,—помощь иностранного капитала, но эта помощь не придет к Советской Республике, если последняя не созовет Учредительного Собрания и не даст свободы печати, не потому, чтобы капиталисты были демократическими идеалистами, — они царизму давали без размышления многие миллиарды,—но они не имеют делового доверия к революционному правительству» (стр. 144).

В этой пачкотне есть осколки истины. Биржа действительно поддерживала правительство Колчака, когда он опирался на Учредительное Собрание. Но биржа стала еще энергичнее поддерживать Колчака, когда он разогнал Учредительное Собрание. На опыте Колчака биржа укрепилась в своем убеждении, что механика буржуазной демократии может быть использована в капиталистических целях, а затем отброшена, как изношенная портянка. Вполне возможно, что биржа снова дала бы некоторую предварительную ссуду под залог Учредительного Собрания в убеждении, вполне обоснованном прошлым опытом, что Учредительное Собрание явится только переходной ступенью к капиталистической диктатуре. Покупать «деловое доверие» биржи такою ценою мы не собираемся и решительно предпочитаем то «доверие», которое внушает реалистической бирже оружие Красной Армии.

IV

ТЕРРОРИЗМ

Главной темой книжки Каутского является терроризм. Воззрение, будто терроризм принадлежит к существу революции, Каутский объявляет широко распространенным заблуждением. Неверно, будто бы тот, «кто хочет революции, должен мириться с терроризмом». Что касается его, Каутского, то он, вообще говоря, за революцию, но решительно против терроризма. Дальше, однако, начинаются затруднения.

«Революция приносит нам,—жалуется Каутский,—кровавый терроризм, проводимый социалистическими правительствами. Большевики в России вступили первые на этот путь и суровейшим образом осуждались поэтому всеми социалистами, не стоявшими на большевистской точке зрения, в том числе и социалистами немецкого большинства. Но как только последние почувствовали себя угрожаемыми в своем господстве, они прибегли к методам того же террористического режима, который они клеймили на востоке» (стр. 9). Казалось бы, отсюда следовало сделать вывод, что терроризм гораздо глубже связан с природой революции, чем это думали кой-какие мудрецы. Но Каутский делает вывод прямо противоположный: гигантское развитие белого и красного терроризма во всех последних революциях—русской, германской, австрийской и венгерской—свидетельствует для него о том, что эти революции отклонились от своего подлинного пути и оказались не теми революциями, какими они должны бы быть согласно теоретическим сновидениям Каутского. Не углубляясь в обсуждение вопроса,—«имманентен» ли терроризм, «как таковой», революции, «как таковой», остановимся на примере нескольких революций, как они проходили перед нами в живой человеческой истории.

Напомним сперва религиозную реформацию [78]), вошедшую водоразделом между средневековой и новой историей: чем более глубокие интересы народных масс она захватывала, тем шире был ее размах, тем свирепее развертывалась под религиозным знаменем гражданская война, тем беспощаднее становился на обеих сторонах террор.

В семнадцатом веке Англия проделала две революции: первая, вызвавшая большие социальные потрясения и войны, привела, между прочим, к казни короля Карла I, а вторая—благополучно завершилась восшествием на престол новой династии. Английская буржуазия и ее историки совершенно по разному относятся к этим революциям: первая для них—бесчинство черни, «великий бунт»; за второй укрепилось название «славной революции». Причину такого различия в оценках разъяснил еще французский историк Огюстен Тьерри [79]). В первой английской революции, в «великом бунте», действующим лицом был народ, во второй—он почти «безмолвствовал». Отсюда вытекает, что в обстановке классового рабства трудно обучить угнетенные массы хорошим манерам. Выведенные из себя, они действуют поленом, камнем, огнем и веревкой. Придворные историки эксплоататоров бывают оскорблены. Но великим событием в историю новой (буржуазной) Англии вошла, тем не менее, не «славная» революция, а «великий бунт».

Величайшим после реформации и «великого бунта» событием новой истории, далеко превосходящим два предшествующие по значению, является Великая Французская Революция XVIII столетия. Этой классической революции отвечал классический терроризм. Каутский готов простить террор якобинцам, признавая, что другими мерами им бы не спасти республики. Но от этого оправдания задним числом никому ни тепло, ни холодно. Каутские конца XVIII столетия (лидеры французских жирондистов [80])) видели в якобинцах [81]) исчадие зла. Вот достаточно поучительное в своей банальности сопоставление якобинцев с жирондистами под пером одного из мещанских французских историков. «Как одни, так и другие хотели республики»... Но жирондисты «хотели республики свободной, законной, милостивой. Монтаньяры желали (!) республики деспотической и ужасной. И те и другие стояли за верховную власть народа; но жирондисты справедливо понимали под народом всех; для монтаньяров же... народом был лишь трудящийся класс; поэтому одним этим

людям и должно было, по мнению монтаньяров, принадлежать господство». Антитеза между великодушными рыцарями учредилки и кровожадными проводниками революционной диктатуры намечена здесь достаточно полно только в политических терминах эпохи.

Железная диктатура якобинцев была вызвана чудовищно-тяжким положением революционной Франции. Вот как рассказывает об этом буржуазный историк: «Иностранные войска вступили с четырех сторон на французскую территорию: с севера—англичане и австрийцы, в Эльзасе—пруссаки, в Дофинэ и до Лиона—пьемонтцы, в Руссильоне—испанцы. И это в такое время, когда гражданская война свирепствовала в четырех различных пунктах: в Нормандии, в Вандее, в Лионе и в Тулоне» (стр. 176). К этому надо прибавить внутренних врагов, в виде многочисленных тайных сторонников старого порядка, готовых всеми средствами помогать неприятелю.

Суровость пролетарской диктатуры в России—скажем тут же—была обусловлена не менее тяжкими обстоятельствами. Сплошной фронт на севере и юге, западе и востоке. Кроме русских белогвардейских армий Колчака, Деникина и пр., против Советской России выступают одновременно или поочередно: немцы и австрийцы, чехо-словаки, сербы, поляки, украинцы, румыны, французы, англичане, американцы, японцы, финны, эстонцы, литовцы... В стране, охваченной блокадой, задыхающейся от голода, непрерывные заговоры, восстания, террористические акты, разрушение складов, путей и мостов.

«У правительства, взявшего на себя борьбу с бесчисленными внешними и внутренними врагами, не было ни денег, ни достаточного войска—ничего, кроме безграничной энергии, горячей поддержки со стороны революционных элементов страны и громадной смелости принимать все меры для спасения родины, как бы произвольны, беззаконны и суровы они ни были». Такими словами характеризовал некогда Плеханов правительство... якобинцев («*Социал-Демократ*». Трехмесячное литературно-политическое обозрение. 1890 г., февраль, книга первая. Лондон. Статья «*Столетие Великой Революции*», стр. 6—7).

Обратимся к революции, которая произошла во второй половине XIX столетия, в стране «демократии», в Соединенных Штатах Северной Америки. Хотя речь шла отнюдь не об отмене частной собственности вообще, а только об отмене собственности

на чернокожих, тем не менее, учреждения демократии оказались совершенно неспособны мирным путем разрешить конфликт. Южные штаты, разбитые на выборах президента в 1860 году, решили какими-угодно мерами возвратить себе влияние, которым они до того располагали в интересах рабовладения, и, произнося, как полагается, звонкие слова о свободе и независимости, встали на путь рабовладельческого мятежа. Отсюда неизбежно вытекли все дальнейшие последствия гражданской войны. Уже в самом начале борьбы военная власть в Балтиморе заключила в форт Мак-Гэнри несколько граждан, сторонников рабовладельческого юга, несмотря на «habeas corpus». Вопрос о законности или незаконности подобных действий сделался предметом горячего спора между так называемыми «высшими авторитетами». Верховный судья Тэней решил, что президент не имеет права ни останавливать действие «habeas corpus», ни давать на то полномочия военным властям. «Таково, по всей вероятности, правильное конституционное разрешение этого вопроса,—говорит один из первых историков американской войны.—Но положение дел было до такой степени критическое, и необходимость принять решительные меры против населения Балтиморы до такой степени велика, что не только правительство, но и народ Соединенных Штатов поддерживал самые энергичные меры» («История американской войны», соч. *Флетчера*, подполковника гвардейских шотландских стрелков, перевод с английского, С.-Петербург 1867 г., стр. 95).

Некоторые предметы, в которых нуждался мятежный юг, доставлялись тайно северными купцами. Конечно, северянам не оставалось ничего другого, как прибегнуть к репрессиям. 6 августа 1861 г. утверждено было президентом постановление конгресса «о конфискации собственности, употребляемой для инсуррекционных целей». Народ, в лице наиболее демократических слоев, был в пользу крайних мер, республиканская партия имела на севере решительное преобладание, и люди, подозреваемые в сецессионизме, т.-е. поддержке раскольнических южных штатов, подвергались насилиям. В некоторых северных городах и даже в славившихся своими порядками штатах Новой Англии народ нередко врывался в конторы журналов, поддерживавших мятежных рабовладельцев, и разбивал их печатные станки. Случалось, что реакционных издателей вымазывали дегтем, украшали перьями и возили в таком виде по площадям, пока не вынуждали присягнуть в верности Союзу. Смазан-

ная дегтем плантаторская личность мало походила на «самоцель», так что категорический императив Канта терпел в гражданской войне штатов немалый урон. Но это не все. «Правительство, с своей стороны,—рассказывает нам историк,—принимало разного рода карательные меры против изданий, которые держались несогласных с ним мнений, и в короткое время свободная до сих пор американская пресса очутилась в положении *едва ли лучшем, чем в автократических европейских государствах*». Той же участи подверглась и свобода слова. «Таким образом,—продолжает подполковник Флетчер,—американский народ отказался в это время от большей части своей свободы. Надо заметить, — нравоучительно прибавляет он,—что *большинство народа было до такой степени поглощено войною и до такой степени проникнуто готовностью на всякого рода жертвы для достижения своей цели, что не только не сожалело об утраченной свободе, но даже почти этого не замечало*» («История американской войны», стр. 162—164).

Несравненно беспощаднее действовали кровожадные рабовладельцы юга со своей разнузданной челядью. «Повсюду, где образовалось большинство в пользу рабовладения,—рассказывает граф Парижский,—общественное мнение деспотически относилось к меньшинству. Всех, кто сожалел о национальном знамени..., принудили замолчать. Но скоро и это оказалось недостаточным; как и при всякой революции, равнодушных принудили выразить свою преданность новому порядку вещей... Те, которые не согласились на это, были отданы в жертву ненависти и насилия народной толпы... В каждом центре рождающейся цивилизации (юго-западных штатов) образовались комитеты бдительности из всех тех, которые отличались крайностями в избирательной борьбе... Кабак был обыкновенным местом их заседаний, и шумная оргия смешивалась с презренной пародией державных форм правосудия. Несколько бешеных людей, сидевших вокруг конторки, на которой лились джин и виски, судили своих присутствующих и отсутствующих сограждан. Обвиняемый, прежде чем был спрошен, уже видел, как приготовляли роковую веревку. Неявившийся в суд узнавал свой приговор, падая под пулей палача, притаившегося за углом леса»... Эта картина очень напоминает те сцены, какие изо дня в день разыгрываются в стане Деникина, Колчака, Юденича и других героев англо-французской и американской «демократии».

Как обстоял вопрос о терроризме в отношении Парижской Коммуны 1871 года, мы увидим ниже. Во всяком случае попытки Каутского противопоставить нам Коммуну—несостоятельны в корне и лишь доводят автора до словесных вывертов самого низкопробного качества.

Институт заложников, повидимому, надо признать «имманентным» терроризму гражданской войны. Каутский против терроризма и против института заложников, но за Парижскую Коммуну (NB: Коммуна жила пятьдесят лет тому назад). Между тем, Коммуна брала заложников. Получается затруднение. Но зачем же существует искусство экзегетики?

Декрет Коммуны о заложниках и об их расстреле в ответ на зверства версальцев возник, по глубокомысленному толкованию Каутского, «из стремления сохранить человеческие жизни, а не уничтожать их». Превосходное открытие! Его нужно только расширить. Можно и должно пояснить, что в гражданской войне мы истребляем белогвардейцев для того, чтобы они не истребляли рабочих. Стало быть, задачей нашей является не истребление жизней, а их сохранение. Но так как бороться за сохранение жизней приходится с оружием в руках, то это приводит к истреблению жизней—загадка, диалектический секрет которой был разъяснен стариком Гегелем [82]), не считая еще более древних мудрецов.

Коммуна могла удержаться и окрепнуть только путем жестокой борьбы с версальцами. У версальцев же было значительное число агентов в Париже. Борясь с бандами Тьера [83]), Коммуна не могла не истреблять версальцев—на фронте и в тылу. Если бы ее господство перешло за пределы Парижа, она в провинции встретила бы—в процессе гражданской войны с армией Национального Собрания—еще больше заклятых врагов в среде мирного населения. Коммуна не могла, сражаясь с роялистами, предоставлять свободу слова агентам роялистов в тылу.

Каутский, несмотря на все нынешние мировые события, совершенно не постигает, что значит война вообще, гражданская война в особенности. Он не понимает, что каждый, или почти каждый, сторонник Тьера в Париже был не просто идейным «противником» коммунаров, но агентом и шпионом Тьера, свирепым врагом, готовым стрелять в спину. Врага нужно обезвреживать, а во время войны это значит уничтожать.

Задача революции, как и войны, состоит в том, чтобы сломить волю врага, заставив его капитулировать и принять усло-

вия победителя. Воля есть, конечно, факт психического мира, но, в отличие от митинга, публичного диспута или съезда, революция преследует свою цель посредством применения материальных средств,—хотя в меньшей мере, чем война.

Сама буржуазия завоевала власть при помощи восстаний, закрепляла ее путем гражданской войны. В мирную эпоху она удерживает власть в своих руках при помощи сложной системы репрессий. Доколе существует классовое общество, основанное на глубочайших антагонизмах, репрессии остаются необходимым средством подчинить себе волю противной стороны.

Если бы даже в той или другой стране диктатура пролетариата сложилась во внешних рамках демократии, этим отнюдь еще не была бы устранена гражданская война. Вопрос о том, кому господствовать в стране, т.-е. жить или погибнуть буржуазии, будет решаться с обеих сторон не ссылками на параграфы конституции, но применением всех видов насилия. Сколько бы Каутский ни исследовал пищу антропопитеков (см. стр. 85 и след. его книжки) и другие близкие и отдаленные обстоятельства для определения причин человеческой жестокости, он не найдет в истории других средств сломить классовую волю врага, кроме целесообразного и энергичного применения насилия.

Степень ожесточенности борьбы зависит от ряда внутренних и международных обстоятельств. Чем ожесточеннее и опаснее сопротивление поверженного классового врага, тем неизбежнее система репрессий сгущается в систему террора.

Но тут Каутский занимает неожиданно новую позицию в борьбе с советским терроризмом: он просто-напросто отводит ссылки на свирепость контр-революционного сопротивления русской буржуазии. «Такой свирепости,—говорит он,—нельзя было заметить в ноябре 1917 г. в Петербурге и в Москве и еще меньше недавно в Будапеште» (стр. 102).

При такой счастливой постановке вопроса революционный терроризм оказывается просто продуктом кровожадности большевиков, уклонившихся одновременно от традиций травоядного антропопитека и от нравственных уроков каутскианства.

Первоначальное завоевание власти Советами, в начале ноября 1917 г. (по нов. стилю), совершилось само по себе с ничтожными жертвами. Русская буржуазия чувствовала себя настолько оторванной от народных масс, настолько внутренне бессильной, настолько скомпрометированной ходом и исходом войны, на-

столько деморализованной режимом Керенского, что почти не отважилась на сопротивление. В Петербурге власть Керенского была опрокинута почти без боя. В Москве сопротивление затянулось, главным образом, вследствие нерешительности наших собственных действий. В большинстве провинциальных городов власть переходила к Советам по одной телеграмме из Петербурга или Москвы. Если бы дело этим ограничилось, о красном терроре не было бы и речи. Но уже ноябрь 1917 г. был свидетелем начинавшегося сопротивления имущих. Понадобилось, правда, вмешательство империалистских правительств Запада для того, чтобы придать русской контр-революции веру в себя, а ее сопротивлению—все возрастающую силу. Это можно показать на крупных и мелких фактах, изо дня в день, за всю эпоху Советской революции.

«Ставка» Керенского не чувствовала никакой опоры в солдатских массах и склонна была без сопротивления признать Советскую власть, приступавшую к переговорам о перемирии с немцами. Но последовал протест военных миссий Антанты, сопровождавшийся открытыми угрозами. Ставка испугалась; подстрекаемая «союзными» офицерами, она встала на путь сопротивления. Это привело к вооруженному конфликту и к убийству начальника полевого штаба, генерала Духонина, группой революционных матросов.

В Петербурге официальные агенты Антанты, особенно французская военная миссия, рука об руку с эсерами и меньшевиками, открыто организовали сопротивление, со второго дня Советского переворота мобилизуя, вооружая, натравливая на нас юнкеров и вообще буржуазную молодежь. Восстание юнкеров 10 ноября породило в сотни раз больше жертв, чем переворот 7 ноября. Вызванный тогда же Антантой авантюристский поход Керенского—Краснова на Петербург естественно внес в борьбу первые элементы ожесточения. Тем не менее генерал Краснов [84]) был отпущен на честное слово. Ярославское восстание (летом 1918 года), стоившее стольких жертв, было организовано Савинковым [85]) по заказу французского посольства и на его средства. Архангельск был захвачен по плану английских военно-морских агентов при помощи английских военных судов и самолетов. Начало царствию Колчака, ставленника американской биржи, было положено чужеземным чехо-словацким корпусом, состоявшим на содержании французского прави-

тельства. Каледин [86]) и отпущенный нами на свободу Краснов, первые вожди донской контр-революции, могли иметь частичные успехи только благодаря открытой военной и финансовой поддержке со стороны Германии. На Украине Советская власть была низвергнута в начале 1918 года германским милитаризмом. Добровольческая армия Деникина была создана при помощи финансовых и технических средств Великобритании и Франции. Только в надежде на вмешательство Англии и при ее материальной поддержке была создана армия Юденича [87]). Политики, дипломаты и журналисты стран Согласия с полной откровенностью дебатируют два года под-ряд вопрос о том, достаточно ли выгодным предприятием является финансирование гражданской войны в России. При этих условиях нужен поистине медный лоб, чтобы причину кровавого характера гражданской войны в России искать в злой воле большевиков, а не в международной обстановке.

Русский пролетариат первым вступил на путь социальной революции, и русская буржуазия, политически бессильная, осмелилась не мириться со своей политической и экономической экспроприацией только потому, что во всех странах видела у власти свою старшую сестру, еще сохранявшую экономическое, политическое, а отчасти и военное могущество.

Если бы наш ноябрьский переворот произошел через несколько месяцев или хотя бы через несколько недель после установления господства пролетариата в Германии, Франции и Англии,—нет никакого сомнения в том, что наша революция была бы наиболее «мирной», наиболее «бескровной» из всех вообще возможных революций на грешной земле. Но эта историческая очередь, наиболее «естественная» на первый взгляд и во всяком случае наиболее выгодная для русского рабочего класса, оказалась нарушенной—не по нашей вине, а по воле событий: вместо того, чтобы быть последним, русский пролетариат оказался первым. Именно это обстоятельство придало—после первого периода замешательства—отчаянный характер сопротивлению господствовавших ранее в России классов, и вынудило русский пролетариат, в моменты величайших опасностей, внешних наступлений, внутренних заговоров и восстаний, прибегать к жестоким мерам государственного террора. Что эти меры оказались недействительны, этого теперь не скажет никто. Но может быть их потребуют считать... «недопустимыми»?

Рабочий класс, взявши с бою власть, имел задачей и обязанностью утвердить эту власть незыблемо, обеспечить свое господство неоспоримо, отбить охоту у своих врагов к государственному перевороту и тем обеспечить за собой возможность социалистических реформ. Иначе незачем брать власть.

Революция «логически» не требует терроризма, как «логически» она не требует и вооруженного восстания. Какая широковещательная банальность! Но зато революция требует от революционного класса, чтобы он добился своей цели *всеми* средствами, какие имеются в его распоряжении: если нужно—вооруженным восстанием, если требуется—терроризмом. Революционный класс, который с оружием в руках завоевал власть, обязан и будет с оружием в руках подавлять все попытки вырвать ее у него из рук. Там, где он будет иметь против себя вражескую армию, он противопоставит ей свою армию. Там, где он будет иметь против себя вооруженный заговор, покушение, мятеж,—он обрушит на головы врагов суровую расправу. Может быть, Каутский изобрел другие средства? Или же он сводит весь вопрос к *степеням* репрессии и предлагает во всех случаях применять тюремное заключение вместо расстрела?

Вопрос о форме репрессии или об ее степени, конечно, не является «принципиальным». Это вопрос целесообразности. В революционную эпоху отброшенная от власти партия, которая не мирится с устойчивостью правящей партии и доказывает это своей бешеной борьбой против нее, не может быть устрашена угрозой тюремного заключения, так как она не верит в его длительность. Именно этим простым, но решающим фактом объясняется широкое применение расстрелов в гражданской войне.

Или же Каутский хочет сказать, что расстрел вообще нецелесообразен, что «классы нельзя устрашить»? Это неверно. Террор бессилен—и то лишь в «последнем счете»,—если он применяется реакцией против исторически поднимающегося класса. Но террор может быть очень действителен против реакционного класса, который не хочет сойти со сцены. *Устрашение* есть могущественное средство политики, и международной и внутренней. Война, как и революция, основана на устрашении. Победоносная война истребляет по общему правилу лишь незначительную часть побежденной армии, устрашая остальных, сламывая их волю. Так же действует революция: она убивает единицы, устрашает тысячи. В этом смысле красный террор принципиально не отли-

чается от вооруженного восстания, прямым продолжением которого он является. «Морально» осуждать государственный террор революционного класса может лишь тот, кто принципиально отвергает (на словах) всякое вообще насилие—стало быть, всякую войну и всякое восстание. Для этого нужно быть просто-напросто лицемерным квакером.

«Но чем же ваша тактика отличается в таком случае от тактики царизма?»—вопрошают нас попы либерализма и каутскианства.

Вы этого не понимаете, святоши? Мы вам объясним. Террор царизма был направлен против пролетариата. Царская жандармерия душила рабочих, боровшихся за социалистический строй. Наши чрезвычайки расстреливают помещиков, капиталистов, генералов, стремящихся восстановить капиталистический строй. Вы улавливаете этот... оттенок? Да? Для нас, коммунистов, его вполне достаточно.

„Свобода печати“

Один пункт особенно беспокоит Каутского, автора великого числа книг и статей: это—свобода печати. Допустимо ли закрывать газеты?

Во время войны все учреждения и органы государственной власти и общественного мнения становятся, прямо или косвенно, органами ведения войны. В первую очередь это относится к печати. Ни одно правительство, ведущее серьезную войну, не позволит, чтобы на его территории существовали издания, открыто или замаскированно поддерживающие врага. Тем более в гражданской войне. Природа последней такова, что каждый из борющихся лагерей имеет в тылу своих армий значительные круги населения, стоящие на стороне врага. На войне, где успех и неудача оплачиваются смертью, проникшие в тыл вражеские агенты подвергаются расстрелу. Это негуманно, но никто еще не считал войну школой гуманности,—тем более гражданскую войну. Можно ли всерьез требовать, чтобы во время войны с белогвардейскими бандами Деникина издания партий, поддерживающих Деникина, беспрепятственно выходили в Москве и Петербурге? Предлагать это во имя «свободы» печати то же, что во имя гласности требовать опубликования военных тайн. «Осажденный город,—писал коммунар Артур Арну о Париже,—не может допустить, чтобы в его среде открыто высказывали желание его

падения, чтобы призывали к измене бойцов, его защищающих, чтобы неприятелю сообщили движение его войска. Таково было положение Парижа при Коммуне». Таково положение Советской Республики в течение двух лет ее существования.

Послушаем, однако, что говорит на этот счет Каутский.

«Оправдание этой системы (т.-е. репрессий по отношению к печати) сводится к наивному представлению, будто существует абсолютная истина (!) и только коммунисты ею обладают (!). Равным образом,—продолжает Каутский,—сводится она к другому воззрению, что все писатели являются от природы лжецами (!) и что только коммунисты — фанатики истины (!). В действительности же лжецы и фанатики того, что они считают правдой,— имеются во всех лагерях». И пр., и пр., и пр. (стр. 119).

Таким образом, для Каутского революция в своей самой острой фазе, когда дело идет для классов о жизни и смерти, попрежнему остается литературной дискуссией с целью установления... истины. Какая глубина!.. Наша «истина», конечно, не абсолютна. Но так как мы во имя ее сейчас проливаем кровь, то у нас нет ни основания, ни возможности вести литературную дискуссию об относительности истины с теми, кто «критикует» нас при помощи всех родов оружия. Равным образом задача наша не состоит и в том, чтобы наказать лжецов и поощрить праведников печати всех направлений, но в том, чтобы задушить классовую ложь буржуазии и обеспечить торжество классовой правды пролетариата—независимо от того, что в обоих лагерях имеются и фанатики, и лжецы.

«Советская власть,—сокрушается дальше Каутский,—разрушила единственное средство, которое может помочь против коррупции: свободу печати. Контроль посредством неограниченной свободы печати один мог держать в узде тех бандитов и авантюристов, которые неизбежно будут присасываться к каждой неограниченной неконтролируемой власти...» (стр. 140). И так далее.

Печать, как верное орудие борьбы с коррупцией! Этот либеральный рецепт звучит особенно жалко при мысли о двух странах с наибольшей «свободой» печати, — Северной Америке и Франции, которые являются вместе с тем странами наивысшего расцвета капиталистической коррупции.

Питаясь устаревшими сплетнями политических задворков русской революции, Каутский воображает, что без кадетски-

меньшевистской гласности советский аппарат разъедается «бандитами и авантюристами». Таков был голос меньшевиков год—полтора тому назад. Теперь и они этого не посмеют повторить. При помощи советского контроля и партийного отбора, в напряженной атмосфере борьбы, Советская власть справилась с бандитами и авантюристами, всплывшими на поверхность в момент переворота, несравненно лучше, чем справлялась с ними когда бы то ни было какая бы то ни было власть.

Мы воюем. Мы боремся не на жизнь, а на смерть. Печать есть орудие не отвлеченного общества, а двух непримиримых, вооруженных и сражающихся лагерей. Мы разрушаем печать контр-революции так же, как мы разрушаем ее укрепленные позиции, ее склады, ее коммуникации, ее разведку. Мы лишаем себя кадетски-меньшевистских обличений коррупции рабочего класса? Зато мы победоносно разрушаем основы капиталистической коррупции.

Но Каутский идет далее, развивая свою тему: он жалуется на то, что мы закрываем газеты эсеров и меньшевиков и даже— бывает и это—арестуем их вождей. Разве дело тут идет не об «оттенках» в пролетариате или в социалистическом движении? Школьный педант за привычными словами не видит фактов. Меньшевики и эсеры для него просто течения в социализме, тогда как в ходе революции они превратились в организацию, которая находится в действенном союзе с контр-революцией и ведет против нас открытую войну. Армия Колчака создавалась социалистами-революционерами (каким шарлатанством звучит ныне это имя!) и поддерживалась меньшевиками. И те, и другие вели и ведут против нас в течение полутора лет войну на Северном фронте. Правящие на Кавказе меньшевики, бывшие союзники Гогенцоллерна, ныне союзники Ллойд-Джорджа, арестовывали и расстреливали большевиков рука об руку с германскими и английскими офицерами. Меньшевики и эсеры Кубанской Рады [68]) создавали армию Деникину. Участвующие в правительстве эстонские меньшевики принимали прямое участие в последнем наступлении Юденича на Петербург. Таковы эти «течения» в социализме. Каутский считает, что можно находиться в состоянии открытой гражданской войны с меньшевиками и эсерами, которые при помощи созданных, благодаря им же, войск Юденича, Колчака и Деникина борются за свой «оттенок» в социализме, и в то же время предоставлять этим невинным «от-

тенкам» свободу печати в нашем тылу. Если бы спор с эсерами и меньшевиками мог быть разрешен путем убеждения и голосования, — т.-е. если бы за их спиной не стояли русские и иностранные империалисты, — тогда не было бы и гражданской войны.

Каутский, конечно, готов «осудить» (лишняя капля чернил!) и блокаду, и поддержку Антантой Деникина, и белый террор. Но в своем высоком беспристрастии он не может отказать последнему в смягчающих обстоятельствах. Белый террор, видите ли, не нарушает своих принципов, тогда как большевики, применяя красный террор, изменяют принципу «святости человеческой жизни, который они сами провозгласили» (стр. 139).

Что означает принцип святости человеческой жизни на практике, и чем он отличается от заповеди «не убий», Каутский не поясняет. Когда разбойник заносит нож над ребенком, можно ли убить разбойника, чтобы спасти ребенка? Не будет ли этим нарушен принцип «святости человеческой жизни»? Можно ли убить разбойника, чтоб спасти себя самого? Допустимо ли восстание угнетенных рабов против своих господ? Допустимо ли купить свободу ценою смерти тюремщиков? Если человеческая жизнь вообще свята и неприкосновенна, то нужно отказаться не только от применения террора, не только от войны, но и от революции. Каутский просто не отдает себе отчета в контр-революционном значении того «принципа», который он пытается навязать нам. В другом месте мы видим, что Каутский обвиняет нас в заключении Брест-Литовского мира [89]). По его мнению, мы должны были продолжать войну. Но как же быть со святостью человеческой жизни? Может быть, жизнь перестает быть священной, когда речь заходит о людях, говорящих на другом языке? Или же Каутский считает, что массовые убийства, организуемые по правилам стратегии и тактики, не суть убийства? Поистине трудно выдвинуть в нашу эпоху «принцип» более лицемерный и более глупый в одно и то же время. До тех пор, пока человеческая рабочая сила, а стало быть и жизнь, является предметом купли-продажи, эксплоатации и расхищения, принцип «святости человеческой жизни» является подлейшей ложью, имеющей целью держать в узде угнетенных рабов.

Мы боролись против смертной казни, введенной Керенским, потому что эта кара применялась военно-полевыми судами старой армии против солдат, отказывавшихся продолжать империали-

стическую войну. Мы вырвали это оружие из рук старых военных судов, разрушили самые суды и распустили старую армию, которая их создала. Истребляя в Красной Армии и вообще в стране контр-революционных заговорщиков, стремящихся путем восстаний, убийств, дезорганизации восстановить старый режим, мы действуем сообразно железным законам войны, в которой хотим обеспечить победу за собой.

Если уж искать формальных противоречий, то, разумеется, на стороне белого террора, являющегося орудием тех классов, которые считают себя христианскими, покровительствуют идеалистической философии и твердо убеждены, что личность (их собственная) есть самоцель. Что касается нас, то никогда мы не занимались кантиански-поповской, вегетариански-квакерской болтовней о «святости человеческой жизни». Мы были революционерами в оппозиции и остались ими у власти. Чтобы сделать личность священной, нужно уничтожить общественный строй, который ее распинает. А эта задача может быть выполнена только железом и кровью.

Есть и еще между белым террором и красным разница, которую игнорирует нынешний Каутский, но которая в глазах марксиста имеет решающее значение. Белый террор является орудием исторически-реакционного класса. Когда мы обличали бессилие репрессий буржуазного государства по отношению к пролетариату, мы никогда не отрицали того, что арестами и казнями правящие классы могут в известных условиях временно задержать развитие социальной революции. Но мы были уверены, что им не удастся остановить ее. Мы опирались на то, что пролетариат есть исторически восходящий класс и что буржуазное общество не может развиваться, не увеличивая силы пролетариата. Буржуазия в нынешнюю эпоху есть падающий класс. Она не только не играет более необходимой роли в производстве, но своими империалистическими методами присвоения разрушает мировое хозяйство и человеческую культуру. Однако историческая цепкость буржуазии колоссальна. Она держится и не хочет уходить. Тем самым она угрожает увлечь за собою в пропасть все общество. Ее приходится отрывать, отрубать. Красный террор есть орудие, применяемое против обреченного на гибель класса, который не хочет погибать. Если белый террор может лишь замедлить историческое восхождение пролетариата, то красный террор ускоряет гибель буржуазии. Ускорение — выигрыш

темпа — имеет в известные эпохи решающее значение. Без красного террора русская буржуазия совместно с мировой задушила бы нас задолго до наступления революции в Европе. Нужно быть слепцом, чтобы этого не видеть, или фальсификатором, чтобы это отрицать.

Кто признает революционное историческое значение за самым фактом существования советской системы, тот должен санкционировать и красный террор. А Каутский, исписавший за последние два года горы бумаги против коммунизма и терроризма, вынужден под конец своей брошюры смириться перед фактом и неожиданно признать, что русская советская власть представляет собою теперь важнейший фактор мировой революции. «Как бы ни относиться к большевистским методам, — пишет он, — тот факт, что пролетарское правительство в большой стране не только пришло к власти, но и удержало ее в течение уже двух лет до настоящего времени среди величайших трудностей, этот факт необычайно повышает чувство силы в пролетариате всех стран. Для действительной революции большевики этим сделали великое дело (Grosses geleistet)...» (стр. 153). Это заявление поражает, как величайшая неожиданность, — как признание исторической истины с той стороны, откуда этого уже больше не ждешь. Большевики совершили великое и историческое дело, продержавшись два года против объединенного капиталистического мира. Но большевики держались не только идеей, но и мечом. Признание Каутского есть невольное санкционирование методов красного террора и вместе с тем злейшее осуждение его собственной критической стряпни.

Влияние войны

Одну из причин крайне кровавого характера революционной борьбы Каутский видит в войне, в ее ожесточающем влиянии на нравы. Совершенно неоспоримо. Это влияние со всеми вытекающими отсюда последствиями можно было предвидеть заранее, приблизительно в ту эпоху, когда Каутский не знал, нужно ли голосовать *за* военные кредиты или *против* них.

«Империализм насильно вырвал общество из состояния неустойчивого равновесия, — писали мы пять лет тому назад в немецкой книге «Война и Интернационал». — Он взорвал шлюзы, которыми социал-демократия сдерживала поток революционной

энергии пролетариата, и направил этот поток в *свое* русло. Этот чудовищный исторический эксперимент, который одним ударом расшиб позвоночник социалистическому Интернационалу, заключает в себе в то же время смертельную опасность для самого буржуазного общества. Молот изъят из рук рабочего и заменен мечом. Рабочий, связанный механикой капиталистического хозяйства по рукам и по ногам, внезапно вырывается из его среды и приучается ставить цели коллектива выше домашнего благополучия и самой жизни.

«С им же самим созданным оружием в руках рабочий ставится в такое положение, при котором политическая судьба государства зависит непосредственно от него. Те, которые в обычные времена угнетали и презирали его, теперь льстят ему и заискивают перед ним. Одновременно он входит в интимные отношения с теми самыми пушками, которые, по Лассалю [90]), образуют важнейшую составную часть конституции. Он переступает границы государства, участвует в насильственных реквизициях, под его ударами города переходят из рук в руки. Происходят изменения, каких не видало последнее поколение.

«Если передовым рабочим теоретически было известно, что сила является матерью права, то политическое мышление их оставалось все же проникнуто духом поссибилизма и приспособления к буржуазной легальности. Теперь рабочий класс на деле учится презирать эту легальность и насильственно разрушать ее. Статические моменты в его психологии уступают место динамическим. Тяжелые орудия вбивают в его голову мысль, что в тех случаях, когда невозможно обойти препятствия, остается возможность его разрушить. Почти все взрослое мужское население проводится через эту страшную в своем социальном реализме школу войны, которая создает новый человеческий тип.

«Над всеми нормами буржуазного общества — с его правом, его моралью и его религией — возвышается ныне кулак железной необходимости. «Нужда не знает законов», — заявил немецкий канцлер (4 августа 1914 г.). Монархи выходят на площадь, чтобы на языке уличных торговок обвинять друг друга в лживости; правительства попирают торжественно признанные ими обязательства, а национальная церковь приковывает своего господа-бога, как каторжника, к национальной пушке. Разве не очевидно, что эти обстоятельства должны произвести глубочайшие

изменения в психике рабочего класса, радикально исцелив ее от гипноза легальности, который был создан эпохой политического застоя? Имущие классы скоро должны будут, к ужасу своему, убедиться в этом. Пролетариат, прошедший школу войны, при первом серьезном препятствии внутри собственной страны почувствует потребность заговорить языком силы. «Нужда не знает законов!» — бросит он в лицо тем, которые попытаются остановить его законами буржуазной легальности. А страшная экономическая нужда, которая воцарится в течение этой войны, и особенно по окончании ее, будет толкать массы на попрание многих и многих законов» (стр. 56 — 57).

Все это неоспоримо. Но к сказанному нужно прибавить, что война оказала не меньшее влияние и на психологию господствующих классов: насколько массы стали требовательнее, настолько буржуазия — неуступчивее.

В мирное время капиталисты обеспечивали свои интересы при помощи «мирного» грабежа наемного труда. Во время войны они служили этим же интересам путем уничтожения неисчислимых человеческих жизней. Это придало их хозяйскому самосознанию новую «наполеоновскую» черту. Капиталисты за время войны привыкли посылать на смерть миллионы рабов, единоплеменных и колониальных, ради угольных, железнодорожных и иных барышей.

В течение войны из среды буржуазии, крупной, средней и мелкой, выдвинулись сотни тысяч офицеров, профессиональных вояк, людей, характер которых получил боевой закал и освободился от всяких внешних сдержек, — квалифицированных солдафонов, готовых и способных отстаивать привилегированное положение выдрессировавшей их буржуазии с ожесточенностью, которая по-своему граничит с героизмом.

Революция была бы, вероятно, более гуманной, если бы пролетариат имел возможность «откупиться от всей этой банды», как выразился некогда Маркс. Но капитализм во время войны возложил на трудящихся слишком великое бремя долгов и слишком глубоко подорвал почву производства, чтобы можно было серьезно говорить о таком выкупе, при котором буржуазия молчаливо примирилась бы с переворотом. Массы слишком много потеряли крови, слишком исстрадались, слишком ожесточились, чтобы принять такое решение, которое им было бы не под силу экономически.

К этому присоединяются другие обстоятельства, действующие в том же направлении. Буржуазия побежденных стран ожесточена поражением, ответственность за которое она склонна возлагать на низы, на рабочих и крестьян, оказавшихся неспособными довести «великую национальную войну» до победоносного конца. С этой точки зрения очень поучительны те беспримерные по наглости объяснения, какие Людендорф давал комиссии Национального Собрания. Людендорфские банды горят стремлением отыграться за внешние унижения на крови собственного пролетариата. Что касается буржуазии победоносных стран, то она исполнена высокомерия и более, чем когда-либо, готова отстаивать свое социальное положение при помощи тех зверских мер, которые обеспечили ей победу. Мы видели, что международная буржуазия оказалась неспособной организовать раздел добычи промежду себя без войны и разорения. Может ли она согласиться без боя на отказ от добычи вообще? Опыт последних пяти лет не оставляет на этот счет никакого сомнения: если и раньше чистейшим утопизмом было ожидать, что экспроприация имущих классов — благодаря «демократии» — пройдет незаметно и безболезненно, без восстаний, вооруженных столкновений, попыток контр-революции и суровых подавлений, то обстановка, унаследованная от империалистской войны, обусловливает вдвойне и втройне напряженный характер гражданской войны и диктатуры пролетариата.

V

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ.

«Короткий эпизод первой революции, совершенной пролетариатом для пролетариата, кончился торжеством его противников. Этот эпизод—с 18 марта по 28 мая—продолжался 72 дня».

«Парижская Коммуна 18 марта 1871 г.». *П. Л. Лавров.* Петроград. Изд. т-во «Колос», 1919 г. (стр. 160).

Неподготовленность социалистических партий Коммуны

Парижская Коммуна 1871 года была первым, еще слабым историческим опытом господства рабочего класса. Мы дорожим памятью Коммуны, несмотря на крайнюю ограниченность ее опыта, неподготовленность участников, смутность программы, отсутствие единства в среде руководителей, нерешительность замыслов, безнадежную растерянность исполнения и фатально обусловленный всем этим ужасающий разгром. Мы ценим в Коммуне «первую, хоть весьма бледную зарю республики пролетариата», по выражению Лаврова [91]). Совсем иное дело — Каутский. Посвятив значительную часть своей книжки грубо-тенденциозному противопоставлению Коммуны Советской власти, он главные преимущества Коммуны видит в том, в чем мы видим ее беду и ее вину.

Каутский усердно доказывает, что Парижская Коммуна 1870 — 1871 г.г. не была «искусственно» подготовлена, а явилась неожиданно, застигнув революционеров врасплох, — в противоположность ноябрьской революции, которую наша партия тщательно подготовляла. Это бесспорно. Не решаясь ясно фор-

мулировать свои глубоко-реакционные мысли, Каутский не говорит прямо, заслуживают ли одобрения парижские революционеры 1871 г. за то, что не предвидели пролетарского восстания и не успели к нему подготовиться, и нужно ли нас порицать за то, что мы предвидели неизбежное и сознательно шли ему навстречу. Однако же все изложение Каутского построено таким образом, чтобы вызвать у читателя именно это представление: на коммунаров просто свалилось несчастье (баварский филистер Фольмар[92]) когда-то выражал сожаление, что коммунары не пошли спать вместо того, чтобы брать в руки власть) — и потому они заслуживают снисхождения; большевики сознательно шли навстречу несчастью (завоеванию власти) — и поэтому им не будет прощения ни на этом, ни на том свете. Такая постановка вопроса может показаться невероятной по своей внутренней несообразности. Тем не менее, она совершенно неизбежно вытекает из позиции «независимых»-каутскианцев, которые втягивают голову в плечи, чтобы ничего не видеть и не предвидеть, и если делают шаг вперед, то лишь получив предварительно доброго тумака в спину.

«Унизить Париж, — пишет Каутский, — не дать ему самоуправления, лишить его положения столицы, разоружить его, чтобы затем с полной уверенностью отважиться на монархический государственный переворот, — такова была важнейшая задача Национального Собрания и избранного им главы исполнительной власти, Тьера. Из этого положения возник конфликт, который привел к парижскому восстанию.

«Ясно, насколько отличался от этого характер государственного переворота, произведенного большевизмом, который свою силу извлекал из стремления к миру; который имел за собою крестьян; который в Национальном Собрании не имел против себя монархистов, но эсеров и меньшевистских социал-демократов.

«Большевики пришли к власти путем хорошо подготовленного государственного переворота, одним ударом передавшего им всю государственную машину, которую они сейчас же самым энергичным и беспощадным образом использовали для подавления своих противников, в том числе и пролетарских.

«Восстанию Коммуны, наоборот, никто не был удивлен больше, чем сами революционеры, и для значительного числа среди них конфликт был в высшей степени нежелателен» (стр. 44).

Чтобы лучше уяснить себе действительный смысл того, что говорится здесь Каутским о коммунарах, приведем следующие интересные свидетельства:

«... 1 марта 1871 г., — пишет Лавров в своей очень поучительной книжке о Коммуне, — через полгода после падения империи, за несколько дней до взрыва Коммуны, руководящие личности Парижского Интернационала все-таки не имели определенной политической программы...» *).

«После 18 марта, — пишет тот же автор, — Париж был в руках пролетариата, но его предводители, растерянные пред своим неожиданным могуществом, не принимали самых элементарных мер» **).

«Ваша роль вам не по росту и ваша единственная забота — избавиться от ответственности, высказал один член (центрального комитета Национальной Гвардии). В этом много правды, — пишет участник и историк Коммуны Лиссагарэ, — но в минуту самого действия отсутствие предварительной организации и подготовки очень часто отзывается тем, что роль выпадает людям не по их росту» ***).

Уже отсюда видно (дальше это станет еще яснее), что отсутствие со стороны парижских социалистов прямой борьбы за власть объяснялось их теоретической бесформенностью и политической растерянностью, а никак не более высокими тактическими соображениями.

Можно не сомневаться, что верность самого Каутского традициям Коммуны выразится, главным образом, в том чрезвычайном удивлении, с каким он встретит пролетарский переворот в Германии, как «конфликт, в высшей степени нежелательный». Мы сомневаемся, однако, чтобы это было записано потомками ему в заслугу. По существу же его исторической аналогии должны сказать, что она представляет собою сочетание путаницы, недомолвок и подтасовок.

Те намерения, какие имел Тьер в отношении Парижа, Милюков[93]), который открыто поддерживался Церетели[94]) и Черновым[95]), имел в отношении Петербурга. Все они — от Корни-

---

*) «Парижская Коммуна 18 марта 1871 г.». *П. Л. Лавров.* Изд. т-ва «Колос», Петроград 1919 г., стр. 64—65.

**) Там же, стр. 71.

***) «Histoire de la Commune de 1871» par *Lissagaray* Bruxelles 1876, стр. 106.

лова [96]) до Потресова [97]) — изо дня в день твердили, что Петербург оторвался от страны, не имеет с ней ничего общего, развращен в конец и стремится навязать ей свою волю. Низложить и унизить Петербург было первой задачей Милюкова и его помощников. И это происходило в тот период, когда Петербург был подлинным средоточием революции, еще не успевшей укрепиться в остальных частях страны. Бывший председатель Думы Родзянко [98]) открыто говорил о сдаче Петербурга на выучку немцам, подобно тому, как сдана была Рига. Родзянко лишь называл по имени то, что составляло задачу Милюкова и чему всей своей политикой содействовал Керенский.

Милюков хотел разоружить пролетариат, как и Тьер. Более того, при посредстве Керенского, Чернова и Церетели, петербургский пролетариат был в значительной мере разоружен в июле 1917 г. Он частично снова вооружился во время корниловского наступления на Петербург в августе. И это новое вооружение было серьезным элементом подготовки Ноябрьского (Октябрьского) восстания. Таким образом, как раз те пункты, где Каутский противопоставляет нашей Ноябрьской Революции мартовское восстание парижских рабочих, в значительнейшей мере совпадают.

В чем, однако, между ними разница? Прежде всего в том, что Тьеру его подлые замыслы удались: Париж был им задушен, десятки тысяч рабочих истреблены. Милюков же позорно расшибся: Петербург остался неприступной крепостью пролетариата, и лидер буржуазии ездил на Украину ходатайствовать об оккупации России войсками кайзера. В этой разнице есть значительная доля нашей вины, и мы готовы за нее нести ответственность. Капитальная разница состояла также в том, — и это не раз сказывалось в дальнейшем развитии событий, — что в то время, как коммунары исходили преимущественно из патриотических соображений, мы неизменно руководствовались точкой зрения международной революции. Разгром Коммуны привел к фактическому крушению I Интернационала. Победа Советской власти привела к созданию III Интернационала.

Но Маркс — накануне переворота — советовал коммунарам не восстание, а создание организации! Можно было бы еще понять, если бы Каутский приводил это свидетельство для того, чтобы доказать, что Маркс недостаточно оценивал остроту положения в Париже. Но Каутский пытается эксплоатировать

совет Маркса в доказательство предосудительности восстаний вообще. Подобно всем мандаринам германской социал-демократии, Каутский видит в организации прежде всего средство помешать революционному действию.

Но даже ограничиваясь вопросом организации, как таковой, не следует забывать, что Ноябрьской Революции предшествовало 9 месяцев существования правительства Керенского, в течение которых наша партия не без успеха занималась не только агитацией, но и организацией. Ноябрьский переворот произошел после того, как мы в рабочих и солдатских Советах Петербурга, Москвы и всех вообще промышленных центров страны завоевали подавляющее большинство и превратили Советы в могущественные организации, руководимые нашей партией. Ничего подобного не было у коммунаров. Наконец, у нас за спиной была героическая Парижская Коммуна, из крушения которой мы для себя сделали тот вывод, что революционеры должны предвидеть события и готовиться к ним. Это тоже наша вина.

Парижская Коммуна и терроризм

Пространное сравнение между Коммуной и Советской Россией Каутскому нужно только для того, чтобы оклеветать и унизить живую и победоносную диктатуру пролетариата в пользу попытки диктатуры, относящейся к уже довольно отдаленному прошлому.

Каутский с чрезвычайным удовлетворением цитирует заявление центрального комитета Национальной Гвардии от 19 марта по поводу убийства солдатами двух генералов: «Мы говорим с негодованием: кровавая грязь, при помощи которой хотят запачкать нашу честь, является жалкой клеветой. Никогда нами не постановлялось убийство, никогда Национальная Гвардия не принимала участия в исполнении преступления».

Разумеется, у центрального комитета не могло быть никакого основания брать на себя ответственность за убийства, к которым он не имел отношения. Но сантиментально-патетический тон заявления очень ярко характеризует политическую робость этих людей перед буржуазным общественным мнением. И не мудрено. Представителями Национальной Гвардии являлись люди в большинстве своем с очень скромным революционным стажем. «Ни одного известного имени, — пишет Лиссагарэ. — Это мелкие

буржуа, лавочники, чуждые замкнутым кружкам, большею частью, до тех пор чуждые и политике» (стр. 70).

«Скромное, несколько боязливое чувство грозной исторической ответственности и желание как можно скорее избавиться от нее, — пишет о них же Лавров, — проглядывают во всех прокламациях этого центрального комитета, в руки которого попали судьбы Парижа» (стр. 77).

Приведя для нашего посрамления декламацию относительно крови, Каутский дальше вслед за Марксом и Энгельсом критикует нерешительность Коммуны: «Если бы парижане (т.-е. коммунары) настойчиво преследовали Тьера по пятам, им, может быть, удалось бы завладеть правительством. Отступавшие из Парижа войска не оказали бы им ни малейшего сопротивления... Но Тьер без помехи отступил. Ему позволили увести с собой свои войска, реорганизовать их в Версале, наполнить новым духом и укрепить» (стр. 49)

Каутский не умеет понять, что те же самые люди и по тем же самым причинам издали цитированное выше заявление 19 марта и позволили Тьеру безнаказанно отступить и собрать войска. Если бы коммунары *победили* при помощи одних лишь средств духовного воздействия, тогда их заявление получило бы большой вес. Но этого не случилось. На деле их сантиментальная гуманность была лишь оборотной стороной их революционной пассивности. Люди, которые волей судьбы получили власть в Париже и не понимали необходимости немедленно использовать эту власть до конца, броситься вслед Тьеру и, прежде чем он успел опомниться, разбить его на-голову, сосредоточить в своих руках войска, произвести необходимую чистку командного состава, овладеть провинцией, — такие люди, конечно, не были склонны к мерам суровой расправы над контр-революционными элементами. Одно тесно связано с другим. Нельзя преследовать Тьера, не арестуя тьеровских агентов в Париже и не расстреливая заговорщиков и шпионов. Считая убийство контр-революционных генералов недопустимым «преступлением», нельзя развить энергию в преследовании войск, руководимых контр-революционными генералами.

В революции высшая энергия есть высшая гуманность. «Именно те люди, — справедливо говорит Лавров, — которые дорожат человеческой жизнью, человеческой кровью, должны стремиться организовать возможность быстрой и решительной

победы и затем действовать как можно быстрее и энергически для подавления врагов, так как лишь этим путем можно получить минимум неизбежных жертв, минимум пролитой крови» (стр. 225).

Заявление 19 марта может, однако, получить более правильную оценку, если его рассматривать не как безусловное исповедание веры, а как выражение преходящих настроений на другой день после неожиданной и бескровной победы. Совершенно чуждый понимания динамики революции, внутренней обусловленности ее быстро нарастающих настроений, Каутский мыслит безжизненными схемами и искажает перспективу событий произвольно подобранными аналогиями. Он не понимает того, что мягкосердечная нерешительность вообще свойственна массам в первую эпоху революции. Рабочие переходят в наступление лишь под давлением железной необходимости, как они переходят к красному террору лишь под угрозой белогвардейского истребления. То, что Каутский изображает, как результат особо высокой морали парижского пролетариата в 1871 г., на самом деле характеризует собою лишь первоначальный этап гражданской войны. Такие же явления наблюдались и у нас.

В Петербурге власть была завоевана нами в ноябре 1917 г. почти без пролития крови и даже без арестов. Министры правительства Керенского были отпущены на свободу очень скоро после переворота. Более того, казачий генерал Краснов, наступавший на Петербург вместе с Керенским уже после того, как власть перешла к Совету, и захваченный нами в плен в Гатчине, был отпущен на свободу на другой же день под честное слово. Это было «великодушие» совершенно в духе первых шагов Коммуны. Но это было ошибкой. Недавно генерал Краснов, провоевавши против нас около года на юге и истребивши многие тысячи коммунистов, снова наступал на Петербург, на этот раз в рядах армии Юденича. Более жестокий характер пролетарская революция получила лишь после восстания юнкеров в Петербурге и особенно после подготовленного кадетами, эсерами, меньшевиками восстания чехо-словаков на Волге[99]), массового истребления ими коммунистов, покушения на Ленина, убийства Урицкого[100]) и пр. и пр.

Те же самые тенденции, только в первичной стадии, мы видим и на истории Коммуны.

Толкаемая логикой борьбы, она принципиально встала на путь устрашения. Создание Комитета общественного спасения было продиктовано для многих его сторонников идеей красного террора. Комитет назначался для того, чтобы «рубить головы изменникам» («Journal Officiel», № 123), чтобы «поражать измену» (там же, № 124). К «устрашительным» декретам следует отнести распоряжение (3 апреля) об аресте имущества Тьера и его министров, о разрушении дома Тьера, о разрушении Вандомской колонны, в особенности же декрет о заложниках. За всякого расстрелянного версальцами пленного или сторонника Коммуны должно было быть расстреляно тройное число заложников. Мероприятия полицейской префектуры, руководимой Раулем Риго[101]), имели чисто террористический, хотя и не всегда целесообразный характер.

Действительность всех этих мер устрашения парализовалась бесформенным соглашательством руководящих элементов Коммуны, их стремлением примирить буржуазию с совершившимся фактом при помощи жалких фраз, их метаниями между фикцией демократии и реальностью диктатуры. Последнюю мысль прекрасно формулирует покойник Лавров в своей книжке о Коммуне.

«Париж богатых буржуа и нищих пролетариев, как разносословная политическая община, требовал во имя либеральных начал полной свободы слова, собраний, критики правительства и т. д. Париж, совершивший революцию в пользу пролетариата и поставивший своей задачей осуществить эту революцию в учреждениях, Париж, как община эмансипированного рабочего пролетариата, требовал революционных, т.-е. диктаториальных, мер относительно врагов нового строя» (стр. 143 — 144).

Если бы Парижская Коммуна не пала, а продолжала держаться в непрерывной борьбе, не может быть никаких сомнений в том, что она оказалась бы вынуждена перейти ко все более и более острым мерам подавления контр-революции. Правда, Каутский не имел бы при этом возможности противопоставлять гуманных коммунаров бесчеловечным большевикам. Зато и Тьер, вероятно, не имел бы возможности учинить свое чудовищное кровопускание пролетариату Парижа. Пожалуй, история не осталась бы в накладе.

Самочинный центральный комитет и „демократическая" Коммуна

«19 марта, — повествует Каутский, — в центральном комитете Национальной Гвардии одни требовали похода на Версаль, другие — апелляции к избирателям, третьи — принятия прежде всего революционных мер, как будто каждый из этих шагов, — глубокомысленно поучает нас автор, — не был одинаково необходим и как будто они исключали друг друга» (стр. 54). В дальнейших строках Каутский по поводу этих разногласий в Коммуне преподносит нам подогретые банальности о взаимоотношении реформы и революции. На самом деле вопрос стоял так: если наступать на Версаль и делать это, не теряя ни одного часа, то нужно было тут же реорганизовать Национальную Гвардию, поставить во главе её наиболее боевые элементы парижского пролетариата и тем самым временно ослабить Париж в революционном отношении. Но устраивать выборы в Париже, одновременно выводя из его стен цвет рабочего класса, было бы бессмысленно с точки зрения революционной партии. Теоретически поход на Версаль и выборы в Коммуну нисколько, разумеется, не противоречат друг другу, но практически они исключали друг друга: для успеха выборов нужно было отложить поход, для успеха похода — отсрочить выборы. Наконец, выводя в поле пролетариат и временно обессиливая тем Париж, необходимо было обеспечить себя от возможности контр-революционных покушений в столице, ибо Тьер не остановился бы ни перед какими мерами, чтобы поджечь у коммунаров тыл белым огнем. Нужно было установить более военный, т.-е. более строгий, режим в столице. «Приходилось бороться, — пишет Лавров, — противу многочисленных внутренних врагов, которые наполняли Париж и вчера еще бунтовали около биржи и на Вандомской площади, имели своих представителей в управлении, в Национальной Гвардии, имели свою прессу, свои собрания, почти явно сносились с версальцами и становились решительнее и дерзче при всякой неосторожности, при всякой неудаче Коммуны» (стр. 87). Необходимо было на-ряду с этим провести революционные меры финансового и вообще экономического характера, прежде всего для обеспечения революционной армии. Все эти необходимейшие меры революционной диктатуры с трудом могли мириться с ши-

рокой избирательной кампанией. Но Каутский понятия не имеет о том, что такое революция на деле. Он думает, что теоретически примирить — значит практически осуществить.

Центральный комитет назначил выборы в Коммуну на 22 марта, но, неуверенный в себе, пугаясь своей нелегальности, стремясь действовать в согласии с более «законным» учреждением, вступил в нелепые и бесконечные переговоры с совершенно бессильным собранием мэров и депутатов Парижа, готовый разделить с ними власть, только бы достигнуть соглашения. Между тем, драгоценное время уходило.

Маркс, на которого Каутский по старой памяти пробует опереться, ни в каком случае не предлагал в одно и то же время избирать Коммуну и выводить рабочих в поле для войны. В письме к Кугельману [102]) Маркс писал 12 апреля 1871 г., что центральный комитет Национальной Гвардии слишком рано сдал свою власть, чтобы очистить место Коммуне. Каутский, по собственным словам, «не понимает» этого мнения Маркса. Очень просто. Маркс-то во всяком случае понимал, что задача состояла не в погоне за легальностью, а в нанесении смертельного удара врагу. «Если бы центральный комитет состоял из действительных революционеров, — совершенно правильно говорит Лавров, — он должен был бы действовать иначе. Для него было бы непростительно дать врагам 10 дней до избрания и созыва Коммуны для того, чтобы оправиться, в то время как руководители пролетариата отказывались от обязанности и не признавали за собою права немедленно *руководить* пролетариатом. Теперь фатальная неподготовленность народных партий создала комитет, который считал для себя обязательным эти 10 дней бездействия» (стр. 78).

Стремление центрального комитета как можно скорее передать власть «законному» правительству диктовалось не столько суевериями формального демократизма, в которых, впрочем, не было недостатка, сколько страхом перед ответственностью. Под тем предлогом, что он есть временное учреждение, центральный комитет уклонился от принятия самых необходимых и совершенно неотложных мер, несмотря на то, что весь материальный аппарат власти сосредоточивался в его руках. Но и Коммуна не переняла полностью политической власти от центрального комитета, который продолжал довольно бесцеремонно вмешиваться во все дела. Это создавало крайне опасное, особенно в военной обстановке, двоевластие.

3 мая центральный комитет отправил в Коммуну депутацию, требуя себе распоряжения военным министерством. Снова поднялся, как говорит Лиссагарэ, вопрос о том, «следует ли распустить центральный комитет или арестовать его, или поручить ему управление военным министерством».

Дело шло тут вовсе не о принципах демократии, а об отсутствии у обоих участников ясной программы действий и о готовности как самочинной революционной организации, в лице центрального комитета, так и «демократической» организации, Коммуны, переложить ответственность друг на друга, не отказываясь в то же время целиком от власти. Политические отношения, которые, казалось бы, никак не могут быть названы достойными подражания.

«Но центральный комитет, — утешает себя Каутский, — никогда не пытался посягать на принцип, в силу которого высшая власть должна принадлежать избранным всеобщим голосованием. В этом пункте Парижская Коммуна была прямой противоположностью Советской Республики» (стр. 55). Не было единства правительственной воли, не было революционной решимости, было двоевластие, и в результате — скорый и страшный разгром. Но зато — разве не утешительно? — не было посягательств на «принцип» демократии.

Демократическая Коммуна и революционная диктатура

Тов. Ленин уже указывал Каутскому, что попытки изображать Коммуну, как выражение формальной демократии, являются прямым теоретическим шарлатанством. Коммуна, по традиции и по замыслу своей руководящей политической партии, бланкистов, была выражением *диктатуры революционного города над страной*. Так было в Великой Французской Революции; так было бы и в революции 1871 г., если бы Коммуна не пала на первых порах. Тот факт, что в самом Париже власть была выбрана на основе всеобщего голосования, не устраняет другого, гораздо более значительного факта: военных действий Коммуны — одного города против крестьянской Франции, т.-е. всей страны. Чтоб удовлетворить великого демократа Каутского, революционеры Коммуны должны были предварительно опросить, путем всеобщего голосования, все население Франции, разрешает ли оно им воевать с бандами Тьера.

Наконец, и в самом Париже выборы произошли после бегства оттуда тьеровской буржуазии, по крайней мере, наиболее активных ее элементов, и после увода оттуда тьеровских войск. Оставшаяся в Париже буржуазия, при всей своей наглости, боялась все же революционных батальонов, и выборы прошли под знаком этого страха, который был предчувствием неизбежного в дальнейшем красного террора. Утешать себя тем, что центральный комитет Национальной Гвардии, при диктатуре которого, к несчастью, весьма вялой и бесформенной, прошли выборы в Коммуну, не покушался на принцип всеобщего голосования, значит поистине тенью щетки чистить тень кареты.

Занимаясь бесплодными сопоставлениями, Каутский пользуется тем, что его читатель не знает фактов. В Петербурге мы в ноябре 1917 г. также избрали коммуну (городскую думу) на основе самого «демократического» голосования, без ограничений для буржуазии. Эти выборы, при бойкоте со стороны буржуазных партий, дали нам подавляющее большинство *). «Демократически» избранная дума добровольно подчинилась Петербургскому Совету, т.-е. поставила факт диктатуры пролетариата выше «принципа» всеобщего голосования, а спустя некоторое время и вовсе распустила себя собственным своим постановлением в пользу одного из отделов Петербургского Совета. Таким образом, Совет Петербурга — этот подлинный отец Советской власти — имеет на себе благодать формального «демократического» освящения, ничуть не хуже Парижской Коммуны.

«На выборах 26 марта было избрано 90 членов в Коммуну. Из них — 15 членов правительственной партии (Тьера) и 6 буржуазных радикалов, которые стояли в оппозиции к правительству, но осуждали восстание (парижских рабочих).

«Советская Республика, — поучает Каутский, — никогда не позволила бы, чтобы подобные контр-революционные элементы

*) Небезынтересно отметить, что в коммунальных выборах 1871 г. в Париже принимало участие 230.000 избирателей. На городских выборах в ноябре 1917 г. в Петербурге, несмотря на бойкот выборов со стороны всех партий, кроме нашей и левых эсеров, не имевших в столице почти никакого влияния, участвовало 390.000 избирателей. В Париже в 1871 г. было 2.000.000 душ населения. В Петербурге в ноябре 1917 г. — не больше двух миллионов. Нужно принять во внимание, что наша избирательная система была несравненно демократичнее. Центральный комитет Национальной Гвардии производил выборы на основании избирательного закона империи.

были допущены хотя бы в кандидаты, не говоря уже о выборах. Коммуна же из уважения к демократии не ставила выборам своих буржуазных противников ни малейшего препятствия» (стр. 55—56). Мы уже видели выше, что Каутский здесь во всех смыслах попадает пальцем в небо. Во-первых, на аналогичной стадии развития русской революции происходили демократические выборы в петербургскую коммуну, при чем Советская власть не ставила буржуазным партиям никаких препятствий, и если кадеты, эсеры и меньшевики, имевшие свою прессу, которая открыто призывала к ниспровержению Советской власти, бойкотировали выборы, то только потому, что еще надеялись в то время скоро справиться с нами при помощи военной силы. Во-вторых, никакой объемлющей все классы демократии не получилось и в Парижской Коммуне. Буржуазным депутатам — консерваторам, либералам, гамбеттистам — не оказалось в ней места.

«Почти все эти личности, — говорит Лавров, — или сейчас, или очень скоро вышли из совета Коммуны; они могли бы быть представителями Парижа — свободного города под управлением буржуазии, но были совершенно неуместны в совете общины, которая волею или неволею, сознательно или бессознательно, полно или неполно, но все-таки представляла революцию пролетариата и хотя бы слабую попытку создать формы общества, соответствующие этой революции» (стр. 111 — 112). Если бы петербургская буржуазия не бойкотировала коммунальных выборов, ее представители вошли бы в Петербургскую думу. Они там оставались бы до первого эсеро-кадетского восстания, после чего — с разрешения или без разрешения Каутского — были бы, вероятно, арестованы, если бы не покинули думу заблаговременно, как это сделали в известный момент буржуазные члены Парижской Коммуны. Ход событий остался бы тем же, — лишь на поверхности его некоторые эпизоды сложились бы иначе.

Славословя демократию Коммуны и в то же время обвиняя ее в недостаточной решительности по отношению к Версалю, Каутский не понимает, что коммунальные выборы, проводившиеся при двусмысленном участии «законных» мэров и депутатов, отражали надежду на мирное соглашение с Версалем. В этом суть дела. Руководители хотели соглашения, а не борьбы. Массы еще не не изжили иллюзии. Фальшивые революционные авторитеты еще не успели оскандалиться. Все вместе называлось демократией.

«Мы должны господствовать над нашими врагами нравственной силой... — проповедывал Верморель[103]). — Не следует прикасаться к свободе и к жизни личностей...» Стремясь предотвратить «междоусобную войну», Верморель призывал либеральную буржуазию, которую он раньше так беспощадно клеймил, создать «правильную власть, признанную и уважаемую всем населением Парижа». «Journal Officiel», выходивший под руководством интернационалиста Лонгэ[104]), писал: «Печальное недоразумение, которое в июньские дни (1848 г.) вооружило друг против друга два общественные класса, не может уже возобновиться... Классовый антагонизм перестал существовать...» (30 марта). И далее: «Теперь всякий раздор сгладится, потому что все солидарны, потому что никогда не было так мало социальной ненависти, социального антагонизма» (3 апреля). В заседании Коммуны 25 апреля Журд[105]) мог не без основания хвалиться тем, что Коммуна «еще никогда не нарушала прав собственности». Надеялись завоевать этим буржуазное общественное мнение и найти путь к соглашению.

«Подобная проповедь, — совершенно правильно говорит Лавров, — нисколько не обезоруживала врагов пролетариата, отлично понимавших, чем грозит им его торжество, отнимала у пролетариата энергию борьбы и ослепляла его как бы нарочно в виду непримиримых врагов» (стр. 137). Но подобная расслабляющая проповедь была неразрывно связана с фикцией демократии. Форма мнимой легальности позволяла думать, что вопрос разрешится без борьбы. «Что касается массы населения, — пишет член Коммуны Артур Арну[106]), — то она с некоторым правом верила в существование, по меньшей мере, скрытого соглашения с правительством». Бессильные привлечь буржуазию, соглашатели, как всегда, вводили в заблуждение пролетариат.

Что в условиях неизбежной и уже начавшейся гражданской войны демократический парламентаризм выражал лишь соглашательскую беспомощность руководящих групп, об этом ярче всего свидетельствовала бессмысленная процедура дополнительных выборов в Коммуну, 16 апреля. В это время «было уже не до голосования, — пишет Артур Арну. — Положение стало настолько трагическим, что не было ни необходимого досуга, ни необходимого хладнокровия для того, чтобы вообще голосование могло делать свое дело... Все люди, преданные Ком-

муне, были на укреплениях, фортах, в передовых отрядах... Народ не придавал нисколько значения этим дополнительным выборам. Выборы были, в сущности, лишь парламентаризмом. Надо было не считать избирателей, а иметь солдат; не узнавать, потеряли ли мы или выиграли во мнении Парижа, но защищать Париж от версальцев». Из этих слов Каутский мог бы усмотреть, почему на практике не так просто сочетать классовую войну с междуклассовой демократией.

«Коммуна не есть Учредительное Собрание, — писал в своем издании Мильер[107]), одна из лучших голов Коммуны, — она — военный совет. У нее должна быть одна цель: победа; одно орудие: сила; один закон: закон общественного спасения».

«Они никогда не могли понять, — обвиняет вождей Лиссагарэ, — что Коммуна была баррикада, а не правление...»

Они начали это понимать под конец, когда было уже поздно. Каутский не понял этого до сего дня. Нет основания ожидать, чтоб он понял это когда-нибудь.

* * *

Коммуна была живым отрицанием формальной демократии, ибо в развитии своем означала диктатуру рабочего Парижа над крестьянской страной. Этот факт господствует над всеми остальными. Сколько бы политические рутинеры в среде самой Коммуны ни цеплялись за видимость демократической легальности, каждое действие Коммуны, недостаточное для победы, было достаточно для обличения ее нелегальной природы.

Коммуна, т.-е. парижская городская дума, отменяла общегосударственный закон о конскрипции. Она называла свой официальный орган «Официальным Журналом Французской Республики». Она, хотя и робко, но прикасалась к Государственному Банку. Она провозгласила отделение церкви от государства и отменила бюджет вероисповеданий. Она входила в сношения с иностранными посольствами. И т. д. и т. д. Она все это делала по праву революционной диктатуры. Но этого права не хотел признать тогда еще зеленый демократ Клемансо.

На совещании с центральным комитетом Клемансо говорил: «Восстание имело незаконный повод... Скоро комитет станет смешон, и его декреты станут презираемы. Кроме этого, Париж не имеет права восставать противу Франции и должен безусловно принять авторитет Собрания».

Задачей Коммуны было разогнать Национальное Собрание. К сожалению, ей это не удалось. Ныне Каутский ищет для ее преступного намерения смягчающих обстоятельств.

Он указывает на то, что коммунары имели своими противниками в Национальном Собрании монархистов, тогда как мы в Учредительном Собрании имели против себя... социалистов в лице эсеров и меньшевиков. Полное умственное затмение! Каутский говорит о меньшевиках и эсерах, но забывает об единственном серьезном враге — о кадетах. Именно они являлись нашей русской партией Тьера, т.-е. блоком собственников во имя собственности, и профессор Милюков изо всех сил пытался подражать маленькому великому человеку. Уже очень скоро — задолго до ноябрьского переворота — Милюков стал искать своего Галифэ[108]) — поочередно в лице генерала Корнилова, Алексеева[109]), затем Каледина, Краснова и, после того, как Колчак оттеснил в угол все политические партии, разогнав Учредительное Собрание, партия кадет, единственная серьезная буржуазная партия, по существу насквозь монархическая, не только не отказала ему в поддержке, а, наоборот, окружила его еще большими симпатиями.

Меньшевики и эсеры не играли у нас никакой самостоятельной роли, совершенно так же, как партия Каутского в революционных событиях Германии. Свою политику они целиком строили на коалиции с кадетами и тем самым предоставляли кадетам решающее положение, совершенно независимо от соотношения политических сил. Партии эсеров и меньшевиков были только передаточным аппаратом для того, чтобы, собрав на митингах и на выборах политическое доверие пробужденных революцией масс, передать его затем в распоряжение контрреволюционной империалистической партии кадет, независимо от исхода выборов. Чисто вассальная зависимость эсеровски-меньшевистского *большинства* от кадетского *меньшинства* являлась сама по себе худо прикрытым издевательством над идеей «демократии». Но этого мало. Во всех тех областях страны, где режим «демократии» задерживался слишком долго, он неизбежно кончался открытым государственным переворотом контр-революции. Так было на Украине, где демократическая Рада, предавшая германскому империализму Советскую власть, оказалась сама сброшенной монархистом Скоропадским[110]). Так было на Кубани, где демократическая Рада оказалась под пятой у Деникина. Так

было — и это важнейший эксперимент нашей «демократии» — в Сибири, где Учредительное Собрание с формальным господством эсеров и меньшевиков, при отсутствии большевиков, с фактическим руководством кадет, привело к диктатуре царского адмирала Колчака. Так было, наконец, на нашем Севере, где учредиловцы, в лице правительства эсера Чайковского[111]), превратились в неряшливую декорацию для господства контрреволюционных генералов, русских и английских. Так произошло или происходит во всех мелких окраинных государствах: в Финляндии, в Эстонии, в Латвии, в Литве, в Польше, в Грузии, в Армении, где под формальным знаменем демократии совершается упрочение господства помещиков, капиталистов и чужестранного милитаризма.

Парижский рабочий 1871 г.—петербургский пролетарий 1917 г.

Одно из самых грубых, немотивированных и политически постыдных противопоставлений, какие делает Каутский между Коммуной и Советской Россией, касается характера парижского рабочего в 1871 г. и русского пролетария в 1917 —1919 г.г. Первого Каутский изображает революционным энтузиастом, способным на высокое самоотвержение, второго — эгоистом, шкурником, стихийным анархистом.

Парижский рабочий имеет за собой слишком определенное прошлое, чтобы нуждаться в революционной рекомендации — или в защите от похвалы нынешнего Каутского. Тем не менее, у петербургского пролетария нет и не может быть никаких мотивов уклоняться от сопоставления со своим героическим старшим братом. Непрерывная трехлетняя борьба петербургских рабочих — сперва за завоевание власти, затем за ее сохранение и упрочение — представляет собою исключительную летопись коллективного героизма и самоотвержения, среди небывалых мук голода, холода и вечных опасностей. Каутский, как это разъясняется нами в другой связи, для сопоставления с цветом коммунаров берет наиболее темные элементы русского пролетариата. Он и в этом отношении не отличается от буржуазных сикофантов, которым мертвые коммунары всегда представляются несравненно привлекательнее живых.

Петербургский пролетариат взял власть на четыре с половиною десятилетия позже парижского. Этот срок дал нам в руки

огромные преимущества. Ремесленный мелко-буржуазный характер старого, отчасти и нового Парижа совершенно чужд Петербургу, средоточию самой концентрированной промышленности в мире. Последнее обстоятельство чрезвычайно облегчало нам задачи агитации и организации, как и установление советской системы.

Наш пролетариат не имел и в отдаленной мере богатейших революционных традиций пролетариата Франции. Но зато в памяти старшего поколения наших рабочих были к началу нынешней революции еще слишком свежи великий опыт 1905 г., его неудачи и завещанный им долг мести.

Русские рабочие не проделали, подобно французским, долгой школы демократии и парламентаризма, которая в известную эпоху являлась важным фактором политической культуры пролетариата. Но, с другой стороны, у русского рабочего класса не успели отложиться в душе горечь разочарования и отрава скептицизма, которые до известного, надеемся, уже недалекого момента связывают революционную волю французского пролетариата

Парижская Коммуна потерпела военное крушение, прежде чем перед нею во весь рост встали экономические вопросы. Несмотря на прекрасные боевые качества парижских рабочих, военная судьба Коммуны сразу определилась, как безнадежная: нерешительность и соглашательство наверху породили распад на низах.

Жалованье Национальной Гвардии выплачивалось по расчету на 162.000 рядовых и 6.500 офицеров; но число тех, которые действительно шли в бой, особенно после неудачной вылазки 3 апреля, колебалось между 20 и 30 тысячами.

Эти данные нисколько не компрометируют парижских рабочих и не дают права считать их трусами и дезертирами, хотя, конечно, и в дезертирстве недостатка не было. Для боеспособной армии необходим прежде всего централизованный и точный аппарат управления. Этого у Коммуны не было и в помине.

Военное ведомство Коммуны было, по выражению одного автора, как бы темной комнатой, где все сталкивались. Канцелярия министерства была наполнена офицерами, простыми гвардейцами, которые требовали военных припасов, продовольствия, жаловались, что их не сменяют. Их отсылали в комендантство...

«Одни батальоны оставались в траншеях по 20 и по 30 дней, тогда как другие были постоянно в резерве... Эта беззаботность убила скоро всякую дисциплину. Люди храбрые скоро захотели зависеть лишь от самих себя; другие уклонялись от службы. Так же поступали и офицеры; одни бросали свой пост, чтобы итти на помощь к соседу, выдерживавшему огонь; другие уходили в город...» («Парижская Коммуна 1871 г.», *П. Л. Лавров*, 1919 г., стр. 100).

Такой режим не мог оставаться безнаказанным: Коммуна была утоплена в крови. Но на этот счет у Каутского имеется бесподобное утешение:

«Ведение войны, — говорит он, покачивая головой, — вообще ведь не сильная сторона пролетариата» (стр. 76)

Этот достойный Панглоса[112]) афоризм стоит вполне на уровне другого великого изречения Каутского, — именно, что Интернационал не является пригодным орудием во время войны, будучи по существу своему «инструментом мира».

В этих двух афоризмах в сущности нынешний Каутский — весь, целиком, т.-е. немногим больше круглого нуля. Ведение войны, видите ли, вообще не сильная сторона пролетариата, тем более, что и Интернационал создавался не для эпохи войны. Корабль Каутского строился для прудов и спокойных бухт, а вовсе не для открытого моря и не для бурной эпохи. Если этот корабль дал брешь, стал протекать и ныне благополучно идет на дно, то виной в этом буря, излишняя масса воды, чрезмерность волн и ряд других непредусмотренных обстоятельств, для которых Каутский не предназначал свой великолепный инструмент.

Международный пролетариат ставил своей задачей завоевание власти. Независимо от того, принадлежит ли гражданская война «вообще» к необходимым атрибутам революции «вообще», остается несомненным тот факт, что движение пролетариата вперед, по крайней мере, в России, в Германии, в частях бывшей Австро-Венгрии, приняло форму напряженной гражданской войны, притом не только на внутренних, но и на внешних фронтах. Если ведение войны не есть сильная сторона пролетариата, а рабочий Интернационал пригоден только для мирной эпохи, тогда нужно поставить крест на революции и на социализме, ибо ведение войны составляет довольно *сильную* сторону капиталистического государства, которое *без войны* не подпустит рабочих

к управлению. Тогда остается так называемую «социалистическую» демократию просто объявить приживалкой капиталистического общества и буржуазного парламентаризма, т.-е. открыто санкционировать то, что делают в политике Эберты, Шейдеманы, Ренодели и против чего на словах как будто все еще возражает Каутский.

Ведение войны не было сильной стороной Коммуны. Именно поэтому она оказалась разгромлена. И как беспощадно разгромлена!

«Надо обратиться, — писал в свое время довольно умеренный либерал Фио, — к проскрипциям Суллы [113]), Антония [114]) и Октавия [115]), чтобы встретить такие убийства в истории цивилизованных наций; религиозные войны при последних Валуа, Варфоломеевская ночь [116]), эпоха террора [117]) были в сравнении с ними детскими играми. В одну последнюю неделю мая в Париже поднято 17.000 трупов федерированных инсургентов... Убивали еще около 15 июня».

«Ведение войны вообще ведь не сильная сторона пролетариата»?

Неправда! Русские рабочие показали, что способны овладеть также и «инструментом войны». Мы видим здесь гигантский шаг вперед по сравнению с Коммуной. Это не отречение от Коммуны, — ибо традиции Коммуны вовсе не в ее беспомощности, — а продолжение ее дела. Коммуна была слаба. Чтобы довершить ее дело, мы стали сильны. Коммуну разбили. Мы наносим удар за ударом палачам Коммуны. Мы мстим за Коммуну, и мы отомстим за нее.

* * *

Из 168.500 национальных гвардейцев, получавших жалование, в бой шли два-три десятка тысяч. Эти цифры служат интересным материалом для выводов о роли формальной демократии в революционную эпоху. Судьба Парижской Коммуны решалась не в голосованиях, а в боях с войсками Тьера. 168.500 национальных гвардейцев представляли главную массу избирателей. Но фактически, в боях, определяли судьбу Коммуны 20 — 30 тысяч человек, наиболее самоотверженное боевое меньшинство. Это меньшинство стояло не особняком, — оно лишь более мужественно и самоотверженно выражало волю большинства. Но это все же было меньшинство. Остальные, прятавшиеся

в критические моменты, не были враждебны Коммуне; наоборот, они активно или пассивно поддерживали ее, но они были менее сознательны, менее решительны. На арене политической демократии их низшая сознательность открывала возможность обмана их авантюристами, проходимцами, мещанскими шарлатанами и честными тупицами, которые обманывали самих себя. Но в момент открытой классовой войны они в большей или меньшей мере шли за самоотверженным меньшинством. Это и нашло свое выражение в организации Национальной Гвардии. Если бы существование Коммуны продлилось, это взаимоотношение между авангардом и толщей пролетариата закреплялось бы все больше и больше. Та организация, которая сложилась и упрочилась бы в процессе открытой борьбы, как организация трудящихся масс, стала бы организацией их диктатуры, *Советом депутатов* вооруженного пролетариата.

VI

МАРКС И... КАУТСКИЙ

Каутский высокомерно отметает взгляды Маркса на террор, выраженные им в «Новой Рейнской Газете»[118]), так как в ту пору Маркс, видите ли, был еще очень «молод», стало быть, взгляды его еще не успели прийти в то состояние всесторонней расслабленности, какое столь выразительно наблюдается у некоторых теоретиков на седьмом десятке жизни. В противовес зеленому Марксу 1848—1849 г.г. (автору Коммунистического Манифеста!) Каутский цитирует зрелого Маркса эпохи Парижской Коммуны,—и этот последний, под пером Каутского, теряет свою седую, львиную гриву и выступает перед нами весьма почтенным резонером, склоняющимся перед святынями демократии, декламирующим о святости человеческой жизни и питающим достодолжное уважение к политическим чарам Шейдемана, Вандервельде и особенно своего физического внука Жана Лонгэ. Словом, умудренный опытом жизни, Маркс оказывается добропорядочным каутскианцем.

Из бессмертной «Гражданской войны», страницы которой наполняются новой напряженной жизнью в нашу эпоху, Каутский извлек для себя те только строки, где могучий теоретик социальной революции противопоставлял великодушие коммунаров буржуазному зверству версальцев. Эти строки Каутский опустошил и обобщил. Маркс, как проповедник отвлеченной гуманности, как апостол всеобщего человеколюбия! Точно речь идет о Будде или Льве Толстом... Что против международной травли, которая изображала коммунаров сутенерами, коммунарок—проститутками; против гнусной клеветы, которая наделяла побежденных борцов чертами зверства из источников порочного вообра-

жения победоносной буржуазии, Маркс выдвигал и подчеркивал те черты мягкости и благородства, которые нередко были лишь оборотной стороной нерешительности,—это слишком понятно: Маркс был Маркс. Он не был ни пошлым педантом, ни, тем более, прокурором революции: научный анализ Коммуны он сочетал с ее революционной апологией. Он не только объяснял и критиковал,—он защищал и боролся. Но, выдвигая мягкость Коммуны, которая пала, Маркс не оставлял никакого сомнения насчет тех мер, какие Коммуне были необходимы, чтобы не пасть.

Автор «Гражданской войны» обвиняет центральный комитет, т.-е. тогдашний Совет национально-гвардейских депутатов, в том, что он слишком поспешно уступил свое место выборной Коммуне. Каутский «не понимает» причин подобного упрека. Это добросовестное непонимание есть частное проявление отупения Каутского в отношении вопросов революции вообще. Первое место, по Марксу, должен был занимать орган чисто боевой, центр восстания и военных операций против версальцев, а не организация самоуправления рабочей демократии. Для этой последней очередь должна была прийти лишь позже.

Маркс обвиняет Коммуну в том, что она не перешла сразу в наступление против версальцев, а встала на путь обороны, которая выглядит всегда «гуманнее», дает больше возможностей апеллировать к моральному праву и святости человеческой жизни, но в условиях гражданской войны никогда не приводит к победе. Маркс же прежде всего хотел революционной победы. Нигде ни одним словом не выдвигает он принципа демократии, как начала, стоящего над классовой борьбой. Наоборот, с сосредоточенным презрением революционера и коммуниста Маркс,—не молодой редактор «Рейнской Газеты», а зрелый автор «Капитала»,—наш подлинный Маркс, с могучей львиной гривой, не подвергшейся еще обработке парикмахеров школы Каутского,—с каким концентрированным презрением говорит он «об искусственной атмосфере парламентаризма», в которой физические и духовные карлики Тьеры кажутся гигантами! «Гражданская война» после бесплодно сухой, кляузно-педантской брошюры Каутского действует, как освежающая гроза.

Вопреки клевете Каутского, Маркс не имеет ничего общего со взглядом на демократию, как на последнее, безусловное, верховное слово истории. Развитие самого буржуазного общества, из которого выросла современная демократия, никак не является

процессом той постепенной демократизации, о которой до войны мечтал величайший из социалистических иллюзионистов демократии, Жан Жорес[119]), а ныне—ученейший из педантов, Карл Каутский. В империи Наполеона III Маркс видит «единственно-возможную форму правления в эпоху, когда буржуазия уже утратила способность управлять народом, а рабочий класс еще не приобрел ее». Таким образом, не демократия, а бонапартизм является для Маркса конечной формой власти буржуазии. Схоласты могут сказать, что Маркс ошибался, так как бонапартистская империя сменилась на полстолетия «демократической республикой». Но Маркс не ошибался: по существу он был прав. Третья республика явилась эпохой полного растления демократии. Бонапартизм нашел в биржевой республике Пуанкаре—Клемансо более законченное выражение, чем во второй империи. Правда, третья республика не увенчивалась императорской короной; но зато над ней бодрствовала тень русского царя.

В оценке Коммуны Маркс тщательно избегает пользоваться стертой монетой демократической терминологии. «Коммуна была,—пишет он,—учреждением не парламентским, а рабочим, и соединяла в себе как исполнительную, так и законодательную власть». На первое место Маркс выдвигает не условно-демократическую форму Коммуны, а ее классовое существо. Коммуна, как известно, уничтожила регулярную армию, полицию и декретировала отчуждение церковных имуществ. Она это сделала по праву революционной диктатуры Парижа, без разрешения со стороны общегосударственной демократии, которая в тот период формально находила гораздо более «законное» выражение в Национальном Собрании Тьера. Но революция не решается голосованием. «Национальное Собрание,—говорит Маркс,—было не более не менее, как одним из эпизодов этой революции, истинным воплощением которой был все-таки вооруженный Париж». Как это далеко от формального демократизма!

«Стоило коммунальному порядку вещей,—говорит Маркс,—водвориться в Париже и во второстепенных центрах, старое центральное правительство и в провинциях уступило бы место *самоуправлению производителей*». Задачу революционного Парижа Маркс видит, следовательно, не в том, чтобы от своей победы апеллировать к зыбкой воле Учредительного Собрания, а в том, чтобы всю Францию покрыть централизованной орга-

низацией коммун, построенных не на внешних принципах демократии, а на подлинном самоуправлении производителей.

Каутский ставил в вину советской конституции многостепенность выборов, которая противоречит прописям буржуазной демократии. Маркс характеризует намечавшуюся структуру рабочей Франции такими словами: «Заведывание общими делами всех сельских общин каждого округа должно было лежать на собрании уполномоченных, заседающих в главном городе округа, а окружные собрания должны были в свою очередь посылать уполномоченных в Национальное Собрание, заседающее в Париже».

Маркс нимало, как видим, не смущался многостепенностью выборов, поскольку дело шло о государственной организации самого пролетариата. В рамках буржуазной демократии многостепенность выборов затемняет разграничительные линии партий и классов. Но в «самоуправлении производителей», т.-е. в классовом пролетарском государстве, многостепенность выборов есть вопрос не политики, а техники самоуправления, и в известных пределах может представлять такие же преимущества, как и в области профессиональной организации.

Филистеры демократии возмущаются тем неравенством представительства рабочих и крестьян, которое в советской конституции отражает различие революционной роли города и деревни. Маркс пишет: «Коммуна хотела подчинить сельских производителей умственному руководству окружных городов и обеспечить им в городских рабочих естественных представителей их интересов». Задача не в том, чтобы на бумаге уравнять крестьянина с рабочим, а в том, чтобы духовно поднять крестьянина до рабочего. Все вопросы пролетарского государства Маркс берет в революционной динамике живых сил, а не в игре теней на ярмарочном экране парламентаризма.

Чтобы дойти до последних пределов умственного падения, Каутский отрицает государственную правомочность рабочих Советов на том основании, что не существует юридического разграничения между пролетариатом и буржуазией. В неоформленности социальных разграничений Каутский видит источник произвола Советской диктатуры. Маркс говорит как раз наоборот: «Коммуна была весьма растяжимою государственной формой, тогда как все прежние правительственные формы страдали узостью. Тайна ее заключается в том, что она по самому существу своему

была правительством рабочего класса, результатом борьбы между классом производителей и классом присвоителей, давно искомой политической формой, под которой могло бы совершиться экономическое освобождение труда». Тайна Коммуны заключалась в том, что она, по самому существу своему, была правительством рабочего класса. Эта выясненная Марксом тайна остается для Каутского и по сей день тайной за семью печатями.

Фарисеи демократии с негодованием говорят о репрессиях Советской власти, о закрытии газет, об арестах и расстрелах. Маркс отвечает «на пошлую ругань газетных лакеев» и на упреки «благонамеренных буржуа-доктринеров» по поводу репрессий Коммуны следующими словами: «Не довольствуясь тем, что вели открыто самую кровожадную войну против Парижа, версальцы старались втайне проникнуть в него подкупами и заговорами. Могла ли в такое время Коммуна, *не изменяя позорно своему призванию*, соблюдать условные формы либерализма, будто вокруг царствовал глубокий мир? Если бы правительство Коммуны было сродно по духу с правительством Тьера, то не было бы никаких оснований запрещать газеты партии порядка в Париже, а газеты Коммуны в Версале». Таким образом, то, чего Каутский требует во имя священных основ демократии, Маркс клеймит, как позорную измену своему призванию.

О разрушениях, которые ставились в вину Коммуне, как ставятся ныне в вину Советской власти, Маркс говорит, как о «неизбежном и сравнительно незначительном моменте в исполинской борьбе нового, нарождавшегося общества с разрушавшимся старым». Разрушения и жестокости неизбежны во всякой войне. Только сикофанты могут считать их преступлением «в войне порабощенных против их угнетателей, *единственной справедливой войне в истории*» (Маркс). Между тем, наш грозный обвинитель Каутский во всей своей книжке не заикается о том, что мы находимся в состоянии непрерывной революционной обороны, что мы ведем напряженную войну против мировых угнетателей, эту «единственно-справедливую войну в истории».

Каутский лишний раз бьет себя в перси по поводу того, что Советская власть пользуется в гражданской войне суровым средством захвата заложников. Он снова проводит бессвязные и недобросовестные сравнения жестокой Советской власти с гуманной Коммуной. Ясно и отчетливо звучит по этому поводу

отзыв Маркса: «Когда Тьер уже в самом начале войны дал силу гуманному обычаю расстреливания пленных коммунаров, Коммуне для спасения жизни этих пленных *не оставалось ничего более*, как прибегнуть к прусскому обычаю брать заложников. Не переставая расстреливать пленных, версальцы сами отдавали на жертву заложников. *Каким же образом можно было еще долее щадить их жизнь* после той кровавой бани, которою мак-магоновские преторианцы отпраздновали свое вступление в Париж?». Как иначе, спросим мы вместе с Марксом, можно действовать в условиях гражданской войны, когда контр-революция, занимающая значительную часть той же национальной территории, захватывает, где может, невооруженных рабочих, их жен, их матерей, расстреливает и вешает их,—как иначе можно действовать, как не захватывая заложниками излюбленных или доверенных людей буржуазии и ставя таким образом весь буржуазный класс под дамоклов меч круговой поруки? Не составляло бы трудности показать на истории гражданской войны, изо дня в день, что все жестокости Советской власти являлись вынужденными мерами революционной самообороны. Не станем здесь входить в подробности. Но чтобы дать хотя бы частный критерий для оценки условий борьбы, напомним, что в то время, как белогвардейцы совместно со своими англо-французскими союзниками расстреливают каждого без исключения коммуниста, который попадает к ним в руки, Красная Армия дарует пощаду всем без исключения пленным, в том числе и высшим офицерам.

«Вполне сознавая свое историческое призвание, полный геройской решимости остаться на высоте его,—так писал Маркс,—рабочий класс может отвечать улыбкой спокойного презрения на пошлую ругань газетных лакеев и на ученое покровительство благонамеренных буржуа-доктринеров, которые изрекают свои невежественные стереотипные общие места, свою кастовую ерунду вещим тоном оракулов научной непогрешимости».

Если благонамеренные буржуа-доктринеры выступают иногда в виде отставных теоретиков II Интернационала, то это нисколько не отнимает у их кастовой ерунды права оставаться ерундой.

VII

РАБОЧИЙ КЛАСС И ЕГО СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА

Русский пролетариат

Инициатива социалистической революции силою вещей оказалась возложенной не на старый пролетариат Западной Европы с его могущественными политическими и профессиональными организациями, с тяжеловесными традициями парламентаризма и тред-юнионизма, а на молодой рабочий класс отсталой страны. История, как всегда, пошла по линии наименьшего сопротивления. Революционная эпоха ворвалась через наименее забаррикадированную дверь. Те чрезвычайные, поистине сверх-человеческие трудности, какие при этом обрушились на русский пролетариат, подготовили, ускорили и в значительной степени облегчили революционную работу западно-европейского пролетариата, которая еще впереди.

Вместо того, чтобы рассматривать русскую революцию в перспективе наступившей во всем мире революционной эпохи, Каутский рассуждает на тему о том, не слишком ли рано русский пролетариат взял в свои руки власть.

«Для социализма,—разъясняет он,—необходимо высокое развитие народа, высокая мораль масс, сильно развитые социальные инстинкты, чувство солидарности и проч. Такого рода мораль,—поучает Каутский,—была уже высоко развита у пролетариев Парижской Коммуны. Она отсутствует у массы, которая в настоящее время задает тон в большевистском пролетариате» (стр. 120).

Для целей Каутского мало опорочить в глазах своих читателей большевиков, как политическую партию. Зная, что большевизм слился с русским пролетариатом, Каутский делает по-

пытку опорочить русский пролетариат в целом, представить его, как темную, безыдейную, жадную массу, которая руководится инстинктами и внушениями момента. На протяжении своей брошюры Каутский много раз возвращается к вопросу об умственном и нравственном уровне русских рабочих, и каждый раз только для того, чтобы сгустить характеристику их невежества, тупости и варварства. Для достижения вящшего контраста, Каутский приводит пример того, как рабочие представители *одного* из военно-промышленных предприятий в эпоху Коммуны установили обязательное ночное дежурство в предприятии *одного* рабочего, чтобы возможно было выдавать ремонтируемое оружие ночью. «Так как при данных обстоятельствах настоятельно необходима крайняя экономия со средствами Коммуны,—гласил регламент,—то ночное дежурство будет безвозмездным»... «Поистине,—заключает Каутский,—эти рабочие рассматривали время своей диктатуры, не как благоприятную конъюнктуру для удовлетворения своих личных интересов» (стр. 65). Совсем иное дело русский рабочий класс. Он лишен сознательности, идейной устойчивости, выдержки, готовности к самоотвержению и проч. Он так же мало способен выбирать для себя надлежащих полномочных руководителей,—издевается Каутский,—как мало способен был Мюнхгаузен [120]) вытащить себя за волосы из болота. Это сравнение русского пролетариата с вралем Мюнхгаузеном, вытаскивающим себя из болота, является ярким образцом того наглого тона, в каком Каутский говорит о русском рабочем классе.

Он приводит цитаты из отдельных наших речей и статей, где обличаются отрицательные явления в рабочей среде, и пытается представить дело так, что пассивностью, темнотою и эгоизмом исчерпывается жизнь русского пролетариата за время 1917—1920 г.г., т.-е. в величайшую из революционных эпох.

Каутский как будто не знает, не слышал, не догадывается, не предполагает, что во время гражданской войны русский пролетариат имел не один случай отдавать бескорыстно свой труд и даже устанавливать «безвозмездное» дежурство—не одного рабочего в течение ночи, а десятков тысяч рабочих в течение долгого ряда тревожных ночей. В дни и недели наступления Юденича на Петербург достаточно было одной телефонограммы Совета, чтобы многие тысячи рабочих бодрствовали на своих постах на всех заводах и во всех кварталах города. И это не в пер-

вые дни петербургской коммуны, а после двухлетней борьбы, в холоде и голоде.

Наша партия два-три раза в год мобилизует высокий процент своих членов на фронт. На протяжении 8 тысяч верст они умирают и учат умирать других. И когда в голодной и холодной Москве, отдавшей цвет своих рабочих фронту, объявляется партийная неделя, из пролетарской массы вливается в наши ряды в течение 7 дней 15 тысяч человек. И в какой момент? Когда опасность гибели Советской власти достигла наивысшей остроты, в момент, когда был взят Орел и Деникин приближался к Туле и Москве, Юденич угрожал Петербургу, в этот тягчайший период московский пролетариат в течение недели дал в ряды нашей партии 15 тысяч человек, которых ждали новые мобилизации на фронт. И можно сказать с уверенностью, что никогда еще, за исключением, может быть, только недели ноябрьского восстания 1917 года, московский пролетариат не был так единодушен в своем революционном подъеме и в своей готовности к самоотверженной борьбе, как в эти тягчайшие дни опасности и жертв.

Когда наша партия выдвинула лозунг субботников и воскресников, революционный идеализм пролетариата нашел себе яркое выражение в форме трудового добровольчества. Сперва десятки и сотни, затем тысячи, теперь десятки и сотни тысяч рабочих безвозмездно отдают каждую неделю несколько часов своего труда для хозяйственного возрождения страны. И это делают полуголодные люди, в рваных сапогах, в грязном белье,— потому что в стране нет ни обуви, ни мыла. Таков на деле тот большевистский пролетариат, которому Каутский прописывает курс самоотвержения. Факты и их отношения предстанут пред нами еще выпуклее, если мы тут же напомним, что все эгоистические, мещанские, грубо-корыстные элементы пролетариата,— все те, что уклоняются от фронта, от субботников, занимаются мешечничеством и подбивают рабочих в голодные недели на стачки,—все они голосуют на советских выборах за меньшевиков, то-есть за русских каутскианцев.

Каутский приводит наши слова о том, что мы и до ноябрьской революции отдавали себе ясный отчет в недостатках воспитания русского пролетариата, но, признавая неизбежность перехода власти к рабочему классу, мы считали себя в праве надеяться на то, что в самой борьбе, на ее опыте, и при все возрастающей поддержке пролетариата других стран, совладаем с

трудностями и обеспечим переход России к социалистическому строю. По этому поводу Каутский вопрошает: «Отважится ли Троцкий сесть на локомотив и привести его в движение в уверенности, что он уже на ходу все изучит и организует? Нужно заранее приобрести качества для управления локомотивом, прежде чем решиться привести его в движение. Так и пролетариат должен был заранее приобрести необходимые качества, делающие его способным к руководству промышленностью, раз он должен был перенять его» (стр. 117).

Это поучительное сравнение сделало бы честь любому сельскому пастору. Тем не менее оно глупо. С несравненно бо̀льшим основанием можно было бы сказать: отважится ли Каутский сесть верхом на лошадь, прежде чем он не научится твердо сидеть в седле и управлять четвероногим при всех аллюрах? Мы имеем основания думать, что Каутский не решился бы на такой опасный, чисто большевистский эксперимент. С другой стороны, мы опасаемся и того, что, не рискуя сесть на лошадь, Каутский был бы в затруднительном положении по части изучения тайн верховой езды. Ибо основной большевистский предрассудок состоит именно в том, что научиться ездить верхом можно только сидя на лошади.

Относительно управления локомотивом это на первый взгляд не так очевидно, но не менее верно. Никто еще не научился управлять локомотивом, оставаясь в своем кабинете. Нужно взобраться на паровоз, встать в будку, взять в руки регулятор, повернуть его. Правда, паровоз допускает учебные маневры под руководством старого машиниста. Лошадь допускает обучение в манеже под руководством опытных наездников. Но в области государственного управления таких искусственных условий создать нельзя. Буржуазия не строит для пролетариата академий управления государством и не предоставляет ему для временных опытов государственный рычаг. Да и верховой езде рабочие и крестьяне обучаются не в манеже и без содействия берейторов.

К этому нужно прибавить еще одно соображение, пожалуй, важнейшее: пролетариату никто не предоставляет на выбор садиться на коня или не садиться, брать власть сейчас или отложить. При известных условиях рабочий класс вынужден брать власть под угрозой политического самоупразднения на целую историческую эпоху. Взявши власть, нельзя по произволу принимать одни последствия и отказываться от других. Если дезорга-

низацию производства капиталистическая буржуазия сознательно и злонамеренно превращает в средство политической борьбы с целью возвращения себе государственной власти, то пролетариат вынужден переходить к социализации, независимо от того, выгодно это или невыгодно в *данный момент*. А перенявши производство, пролетариат вынужден, под давлением железной необходимости, на самом опыте учиться трудному делу — организовать социалистическое хозяйство. Севши в седло, всадник вынужден управлять лошадью — под страхом расшибить себе череп.

* * *

Чтоб дать своим благочестивым сторонникам и сторонницам надлежащее представление о нравственном уровне русского пролетариата, Каутский приводит на 116 стр. своей книжки следующий мандат, выданный будто бы рабочим советом Мурзиловки: «Совет уполномачивает настоящим тов. Григория Сареева по его выбору и приказанию реквизировать и привести в казармы для надобностей расположенного в Мурзиловке, Брянского уезда, артиллерийского дивизиона 60 женщин и девушек из класса буржуазии и спекулянтов. 16 сентября 1918 г.» (опубликовано доктором Nath. Wintch-Malejeff, «What are the Bolshewists doing», Lausanne 1919, S. 10).

Нисколько не сомневаясь в поддельном характере этого документа и лживости всего вообще сообщения, я поручил, однако, произвести всестороннее расследование, чтобы выяснить, какие факты или эпизоды могли лечь в основу этого вымысла. Тщательно произведенное расследование показало нижеследующее:

1. В Брянском уезде совершенно нет поселка по имени Мурзиловка. Нет такого поселка и в соседних уездах. Наиболее подходящим по названию является село Муравьевка, Брянского уезда. Но там не было никакого артиллерийского дивизиона и вообще не случилось ничего, что могло бы стоять хоть в какой-нибудь связи с приведенным выше «документом».

2. Расследование велось также по линии артиллерийских частей. Решительно нигде не удалось открыть хотя бы косвенного намека на факт, подобный приводимому Каутским со слов его вдохновителя.

3. Наконец, расследование коснулось вопроса, не было ли на месте слухов подобного рода. И здесь решительно ничего обнаружено не было. И немудрено. Самое содержание фаль-

сификата находится в слишком грубом противоречии с нравами и общественным мнением передовых рабочих и крестьян, направляющих Советы, даже в самых отсталых районах.

Таким образом, документ должен быть квалифицирован, как низкопробная подделка, которую могут распространять лишь наиболее злостные сикофанты наиболее желтых газет.

В то время, как происходило указанное только что расследование, тов. Зиновьев доставил мне номер шведской газеты («Svenska Dagbladet»), от 9 ноября 1919 года, где воспроизведено факсимиле мандата следующего содержания:

«Мондатъ

Предявителью сего, товарищу Карасееву, представляется прав соціализировать въ городъ Екатерин од (замазано) душ дѣвиц: возрастом от 16-ти до 36 лѣтъ на кого укажетъ товарищъ карасеевъ.

Главкомъ Иващевъ».

Этот документ еще глупее и наглее, чем тот, который приведен Каутским. Город Екатеринодар — центр Кубани — находился, как известно, лишь очень короткое время в руках Советской власти. Очевидно, нетвердый в революционной хронологии автор фальсификации стер на своем документе дату, дабы ненароком не вышло, что «Главком Иващев» социализировал екатеринодарских женщин в эпоху господства там деникинской солдатчины. Что документ мог ввести в соблазн тупоумного шведского буржуа, — мудреного в этом ничего нет. Но для русского читателя слишком ясно, что документ не просто подделан, но подделан *иностранцем со словарем в руках*. Крайне любопытно, что имена обоих социализаторов женщин — «Григория Сареева» и «тов. Карасеева» — звучат совершенно не по-русски. Окончание *еев* в русских фамилиях встречается редко и только в определенных сочетаниях. Но у самого разоблачителя большевиков, автора английской брошюры, на которую ссылается Каутский, фамилия оканчивается именно на *еев* (Wintch-Malejeff). Очевидно, что этот сидящий в Лозанне англо-болгаро-полицейский субъект творит соцализаторов женщин, в полном смысле слова, по образу и подобию своему.

У Каутского во всяком случае своеобразные вдохновители и сподвижники!

Советы, профессиональные союзы и партия

Советы, как форма организации рабочего класса, представляют для Каутского, «по отношению к партийным и профессиональным организациям более развитых стран, не высшую форму организации, а прежде всего суррогат (Notbehelf), возникший из отсутствия политических организаций» (стр. 51). Допустим, что это верно по отношению к России. Но тогда почему Советы возникли в Германии? Не следует ли от них вовсе отказаться в республике Эберта? Мы знаем, однако, что Гильфердинг [121]), ближайший единомышленник Каутского, предлагал включить Советы в конституцию. Каутский молчит.

Оценка Советов, как «примитивной» организации, верна постольку, поскольку открытая революционная борьба «примитивнее» парламентаризма. Но искусственная сложность последнего захватывает только ничтожные по численности верхи. Революция же возможна только там, где за живое захвачены массы. Ноябрьская революция поставила на ноги такие толщи, о которых не могла и мечтать дореволюционная социал-демократия. Как ни широки были организации партии и профессиональных союзов в Германии, но революция сразу оказалась несравненно шире их. Свое непосредственное представительство революционные массы нашли в простейшей и общедоступной делегатской организации — в Совете. Можно признать, что Совет Депутатов уступает как партии, так и профессиональному союзу в смысле ясности программы или оформленности организации. Но он далеко превосходит и партию и союзы по числу вовлеченных им в организованную борьбу масс, и это количественное преимущество придает Совету неоспоримый революционный перевес. Совет обнимает рабочих всех предприятий, всех профессий, всех ступеней культурного развития, всех уровней политического сознания,—и тем самым объективно вынуждается формулировать *общие* интересы пролетариата.

«Манифест Коммунистической Партии» видел задачу коммунистов именно в том, чтобы формулировать общие исторические интересы рабочего класса в целом.

«Коммунисты отличаются от других пролетарских партий, по словам Манифеста, лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций выдвигают и отстаивают независимые от национальности интересы пролетариата в целом; с

другой стороны, тем, что они на различных ступенях развития, которые проходит борьба между пролетариатом и буржуазией, постоянно являются представителями интереса движения, взятого в целом». В лице всеохватывающей классовой организации Советов само движение берет себя «в целом». Отсюда ясно, почему коммунисты могли и должны были стать руководящей партией Советов.

Но отсюда же видна вся фальшь оценки Советов, как «суррогата» партии (Каутский), и все тупоумие попытки включить Советы, в виде подсобного рычага, в механизм буржуазной демократии (Гильфердинг). Советы — организация пролетарской революции и имеют смысл, как орган борьбы за власть, либо как аппарат власти рабочего класса.

Не постигая революционной роли Советов, Каутский видит их коренные недостатки в том, что составляет их важнейшие достоинства: «Разграничение буржуа и рабочих,—пишет он,—нигде нельзя точно провести. В этом разграничении всегда есть нечто произвольное, что превращает идею Советов в высшей степени подходящую основу для диктаторского произвольного господства, но делает ее непригодной для создания ясного и систематически построенного государственного режима» (стр. 115).

Классовая диктатура не может создать себе, по Каутскому, отвечающих ее природе учреждений по той причине, что не существует безупречных разграничительных линий между классами. Но как же быть в таком случае с классовой борьбой вообще? Ведь именно в многочисленности переходных ступеней между буржуазией и пролетариатом мелко-буржуазные идеологи всегда видели главный аргумент против самого «принципа» классовой борьбы. Для Каутского же принципиальные сомнения начинаются как раз там, где пролетариат, преодолев бесформенность и неустойчивость промежуточных классов, увлекши одну их часть за собой, отбросивши другую в лагерь буржуазии, фактически организовал свою диктатуру в государственном режиме Советов. Именно потому Советы и являются незаменимым аппаратом пролетарского господства, что рамки их эластичны и гибки, так что не только социальные, но и политические изменения в соотношении классов и слоев могут найти немедленно же выражение в советском аппарате. Начиная с крупнейших заводов и фабрик, Советы втягивают затем в свою организацию рабочих мастерских

и торговых служащих, перебрасываются на деревню, организуют крестьян против помещиков, затем низшие и средние слои крестьянства — против кулаков. Рабочее государство подбирает себе многочисленные штаты служащих, в значительной мере, из среды буржуазии и буржуазной интеллигенции. По мере того, как они дисциплинируются советским режимом, они находят свое представительство в системе Советов. Расширяясь — моментами суживаясь — в соответствии с расширением или сужением завоеванных пролетариатом социальных позиций, советская система остается государственным аппаратом социальной революции, в ее внутренней динамике, в ее приливах и отливах, ошибках и достижениях. Вместе с окончательным торжеством социальной революции советская система распространится на все население, чтобы тем самым потерять черты государства и раствориться в могущественной производительной и потребительной кооперации.

Если партия и профессиональные союзы были организациями подготовки к революции, то Советы являются орудием самой революции. После ее победы Советы становятся органами власти. Роль партии и союзов, не умаляясь, существенно при этом изменяется.

В руках партии сосредоточивается общее руководство. Она непосредственно не управляет, ибо ее аппарат для этого не приспособлен. Но ей принадлежит решающее слово во всех основных вопросах. Более того,—наша практика привела к тому, что по всем вообще спорным вопросам, конфликтам между ведомствами и личным конфликтам внутри ведомств последнее слово принадлежит Центральному Комитету партии. Это дает чрезвычайную экономию времени и сил и в самых трудных и запутанных обстоятельствах обеспечивает необходимое единство действий. Такой режим возможен только при непререкаемом авторитете партии и безукоризненности ее дисциплины. К счастью для революции, наша партия обладает в равной мере и тем и другим. Создастся ли в других странах, не получивших от прошлого крепкой революционной организации с большим боевым закалом, столь же авторитетная коммунистическая партия ко времени пролетарского переворота, предсказать трудно. Но совершенно очевидно, что от этого вопроса в большой степени зависит ход социалистической революции в каждой стране.

Исключительная роль коммунистической партии в условиях победоносной пролетарской революции вполне понятна.

Речь идет о диктатуре класса. В составе класса имеются различные слои, неоднородные настроения, разный уровень развития. Между тем диктатура предполагает единство воли, единство направления, единство действия. Каким же другим путем оно может быть осуществлено? Революционное господство пролетариата предполагает в самом пролетариате политическое господство партии с ясной действенной программой и непререкаемой внутренней дисциплиной.

Политика блоков внутренне противоречит режиму революционной диктатуры. Мы имеем в виду не блок с буржуазными партиями, о котором вообще не может быть речи, но блок коммунистов с другими «социалистическими» организациями, которые представляют разные ступени отсталости и предрассудков трудящихся масс.

Революция быстро подтачивает все неустойчивое, изнашивает все искусственное; противоречия, замаскированные в блоке, быстро вскрываются под напором революционных событий. Мы это видели на примере Венгрии, где диктатура пролетариата приняла политическую форму коалиции коммунистов с перекрасившимися соглашателями. Коалиция скоро распалась. Коммунистическая партия жестоко поплатилась за революционную несостоятельность и политическое предательство своих попутчиков. Совершенно очевидно, что венгерским коммунистам было бы выгоднее притти к власти позже, дав предварительно возможность левым соглашателям себя скомпрометировать вконец. Другое дело, насколько это было возможно. Во всяком случае, блок с соглашателями, лишь временно маскируя относительную слабость венгерских коммунистов, мешал им в то же время усиливаться за счет соглашателей и привел их к катастрофе.

Та же мысль достаточно иллюстрируется на примере русской революции. Блок большевиков с левыми эсерами, длившийся несколько месяцев, закончился кровавым разрывом. Правда, по счетам блока платить пришлось не столько нам, коммунистам, сколько нашим неверным попутчикам. Очевидно, что такой блок, в котором мы были сильнейшей стороной и потому не слишком рисковали при попытке использовать на одном историческом перегоне крайний левый фланг мещанской демократии, тактически должен быть вполне оправдан. Но, тем не менее, левоэсеровский эпизод совершенно ясно показывает, что режим сделок, соглашений, взаимных уступок — а это и есть режим блока —

не может долго держаться в эпоху, когда ситуации меняются с чрезвычайной быстротой и требуется высшее единство точки зрения для того, чтобы сделать возможным единство действия.

Нас не раз обвиняли в том, что диктатуру Советов мы подменили диктатурой партии. Между тем можно сказать с полным правом, что диктатура Советов стала возможной только посредством диктатуры партии: благодаря ясности своего теоретического сознания, и своей крепкой революционной организации партия обеспечила Советам возможность из бесформенных парламентов труда превратиться в аппарат господства труда. В этом «подмене» власти рабочего класса властью партии нет ничего случайного и нет по существу никакого подмена. Коммунисты выражают основные интересы рабочего класса. Вполне естественно, если в тот период, когда история ставит эти интересы в полном объеме в порядок дня, коммунисты становятся признанными представителями рабочего класса в целом.

«Но где у вас гарантия,—спрашивают нас некоторые мудрецы,—что именно ваша партия выражает интересы исторического развития? Уничтожив или отбросив в подполье другие партии, вы тем самым устранили их политическое соревнование с вами, а стало быть, и лишили себя возможности проверки вашей линии».

Это соображение продиктовано чисто либеральным представлением о ходе революции. В эпоху, когда все антагонизмы принимают открытый характер, и политическая борьба быстро переходит в гражданскую войну, у господствующей партии для проверки своей линии имеется достаточно материальных критериев, помимо возможного тиража меньшевистских газет. Носке громит коммунистов, но они растут. Мы подавляли меньшевиков и эсеров,—и они сошли на-нет. Этого критерия для нас достаточно. Во всяком случае наша задача состоит не в том, чтобы в каждый данный момент статистически измерить группировку направлений, а в том, чтобы обеспечить победу нашему направлению, которое есть направление революционной диктатуры, и в ходе этой последней, в ее внутренних трениях находить достаточный критерий для самопроверки

Длительная «независимость» профессионального движения в эпоху революции пролетариата—такая же невозможность, как и политика блоков. Профессиональные союзы становятся важнейшими экономическими органами пролетариата у власти.

Тем самым они подпадают под руководство коммунистической партии. Не только принципиальные вопросы профессионального движения, но и серьезные организационные конфликты внутри его разрешаются Центральным Комитетом нашей партии.

Каутскианцы обличают Советскую власть, как диктатуру «части» рабочего класса. «Если бы,—говорят они,—диктатура проводилась, по крайней мере, *всем* классом». Нелегко понять, что́ собственно они себе при этом представляют. Диктатура пролетариата, по самому существу своему, означает непосредственное господство революционного авангарда, который опирается на тяжелые массы и, где нужно, заставляет отсталый хвост равняться по голове. Это относится и к профессиональным союзам. После завоевания власти пролетариатом, они получают принудительный характер. Они должны охватить всех промышленных рабочих. Партия попрежнему включает в свои ряды только наиболее сознательных и самоотверженных. Лишь с большим отбором она расширяет свои ряды. Отсюда вытекает руководящая роль коммунистического меньшинства в профессиональных союзах, которая отвечает господству коммунистической партии в Советах и является политическим выражением диктатуры пролетариата.

Профессиональные союзы становятся непосредственными носителями общественного производства. Они выражают не только интересы промышленных рабочих, но и интересы самой промышленности. В первый период тред-юнионистские тенденции не раз еще поднимают в союзах свою голову, побуждая союзы торговаться с советским государством, ставить ему условия и требовать от него гарантий. Чем дальше, тем больше союзы сознают себя производственными органами советского государства и берут на себя ответственность за его судьбы, не противопоставляя себя ему, а отождествляя себя с ним. Союзы становятся проводниками трудовой дисциплины. Они требуют от рабочих напряженного труда при самых тяжких условиях, поскольку рабочее государство еще не в силах эти условия изменить. Союзы становятся проводниками революционной репрессии по отношению к недисциплинированным, разнузданным, паразитическим элементам рабочего класса. От тред-юнионистской политики, которая в известной степени неотделима от профессионального движения в рамках капиталистического общества, союзы переходят по всей линии на путь политики революционного коммунизма.

Крестьянская политика

«Большевики хотели,—обличает Каутский,—победить зажиточных крестьян в селе тем, что предоставили политические права исключительно беднейшим крестьянам. Они затем снова предоставили представительство зажиточным крестьянам» (стр. 142).

Каутский перечисляет внешние «противоречия» нашей крестьянской политики, не ставя вопроса об ее общем направлении и о внутренних противоречиях, заложенных в политическое и хозяйственное положение страны.

В русском крестьянстве, каким оно вошло в советский строй, было три слоя: беднота, жившая в значительной мере продажей своей рабочей силы и прикупавшая для своего обихода средства продовольствия; средний слой, который покрывал свои потребности продуктами своего хозяйства и в ограниченных размерах продавал избытки; верхний слой, т.-е. богатое крестьянство, кулачество, которое систематически покупало рабочую силу и широко продавало продукты сельского хозяйства. Незачем говорить, что эти группировки не отличаются ни определенностью признаков, ни однородностью на всем протяжении страны. Все же в общем и целом крестьянская беднота являлась естественным и неоспоримым союзником городского пролетариата, кулачество — столь же неоспоримым и непримиримым его врагом; наибольше колебаний обнаруживал самый широкий — *средний* слой крестьянства.

Если бы страна не была так истощена, и пролетариат имел возможность предоставлять в распоряжение крестьянских масс необходимое количество товарных и культурных благ, приобщение трудового большинства крестьянства к новому режиму совершалось бы гораздо более безболезненно. Но хозяйственное расстройство страны, которое явилось не результатом нашей земельной или продовольственной политики, а порождено причинами, предшествовавшими ее появлению, отняло у города на продолжительный период всякую возможность давать деревне продукты текстильной и металлической промышленностей, колониальные товары и проч. В то же время промышленность не могла отказаться от извлечения из деревни хотя бы минимальных продовольственных средств. Пролетариат требовал у крестьянства продовольственных авансов, хозяйственной ссуды под те ценно-

сти, которые он только собирается создать. Символом этих будущих ценностей является обесцененный вконец кредитный знак. Но крестьянская масса мало способна к историческому отвлечению. Связанное с Советской властью ликвидацией помещичьего землевладения и видя в ней гарантию против реставрации царизма, крестьянство в то же время нередко противодействует извлечению хлеба, считая это невыгодной сделкой до тех пор, пока само оно не получает ситца, гвоздей и керосина.

Советская власть, естественно, стремилась главную тяжесть продовольственного налога возложить на верхи деревни. Но в неоформленных социальных условиях деревни влиятельное кулачество, привыкшее вести за собою середняков, находило десятки способов переложить продовольственный налог с себя на широкие массы крестьянства, враждебно противопоставляя их в то же время Советской власти. Необходимо было поднять в крестьянских низах подозрительность и враждебность по отношению к кулацким верхам. Этой задаче служили комитеты бедноты. Они создавались из низов, из элементов, которые были в прошлую эпоху придавлены, оттерты в задний угол, бесправны. Разумеется, в их среде оказалось известное число полупаразитических элементов. Это послужило главным мотивом для демагогии народнических «социалистов», речи которых рождали благодарное эхо в сердцах кулачья. Но самый факт вручения власти деревенской бедноте имел неизмеримое революционное значение. Для руководства деревенскими полупролетариями из городов направлялись партией передовые рабочие, которые совершали в деревне неоценимую работу. Комитеты бедноты стали ударными органами против кулачества. Пользуясь поддержкой государственной власти, они тем самым заставили средний слой крестьянства сделать выбор не только между Советской властью и властью помещиков, но и между диктатурой пролетариата и полупролетарских элементов деревни, с одной стороны, и засильем кулачества — с другой. На ряде уроков, из которых некоторые были очень жестоки, среднее крестьянство оказалось вынужденным убедиться, что советский режим, прогнавший помещиков и исправников, в свою очередь, налагает на крестьянство новые обязательства и требует от них жертв. Политическая педагогика в отношении к десяткам миллионов среднего крестьянства не прошла легко и гладко, как в школьной комнате, и не дала немедленных бесспорных результатов. Были восстания середняков, соединившихся с кула-

ками и неизменно подпадавших во всех таких случаях под руководство белогвардейцев-помещиков; были злоупотребления местных агентов Советской власти и, в частности, комитетов бедноты. Но основная политическая цель была достигнута. Могущественное кулачество, если и не было вконец уничтожено, то оказалось глубоко потрясено, его самосознание подрублено. Среднее крестьянство, оставаясь политически бесформенным, как оно бесформенно экономически, стало приучаться видеть своего представителя в передовом рабочем, как раньше видело в горлане-кулаке. После того, как этот основной результат был достигнут, комитеты бедноты, как временные учреждения, как острый клин, вогнанный в деревенскую массу, должны были уступить свое место Советам, в которых крестьяне-бедняки представлены совместно с середняками.

Комитеты бедноты просуществовали около шести месяцев: с июня до декабря 1918 г. В их учреждении, как и в их упразднении Каутский не видит ничего, кроме «колебаний» советской политики. Между тем, у него самого нет и намека на какие бы то ни было практические указания. Да и откуда им быть? Опыт, какой мы в этом отношении делаем, не знает прецедентов, и вопросы, какие Советская власть практически разрешает, не имеют книжных рецептов. То, что Каутский называет противоречиями политики, есть на самом деле *активное маневрирование* пролетариата в рыхлой, нерасчленившейся крестьянской толще. Парусному судну приходится маневрировать под ветром, однако никто не увидит противоречий в маневрах, которые ведут судно к цели.

В вопросах о сельско-хозяйственных коммунах и советских хозяйствах можно также немало насчитать «противоречий», в которых на ряду с отдельными ошибками выражаются различные этапы революции. Какое количество земли советскому государству сохранить на Украине за собою, и какое — передать крестьянам; какое направление дать сельско-хозяйственным коммунам; в какой форме оказывать им поддержку, чтобы не сделать их питомниками паразитизма; в каком виде обеспечить над ними контроль, — это все совершенно новые задачи социалистического хозяйственного творчества, которые ни теоретически, ни практически не предрешены и в разрешении которых принципиальная программная линия только еще должна найти свое фактическое применение и свою проверку на опыте, путем неизбежных временных отклонений направо и налево.

Но даже самый факт, что русский пролетариат нашел опору в крестьянстве, Каутский поворачивает против нас: «Это ввело в советский режим экономически реакционный элемент, от которого Парижская Коммуна была пощажена (!), так как ее диктатура не опиралась на крестьянские советы».

Как будто в самом деле мы могли принять наследство феодально-буржуазного строя, по произволу выкинув из него «экономически реакционный элемент»! Но и этого мало. Отравив Советскую власть «реакционным элементом», крестьянство лишило нас своей опоры. Ныне оно «ненавидит» большевиков. Все это Каутский доподлинно знает по радио Клемансо и шпаргалкам меньшевиков

На самом деле верно то, что широкие слои крестьянства страдают от отсутствия необходимых продуктов промышленности. Но столь же верно то, что всякий другой режим — а их было немало в разных частях России за последние три года — оказывался несравненно тяжелее для крестьянских плеч. Ни монархические, ни демократические правительства не могли увеличить товарный фонд. И те и другие нуждались в крестьянском хлебе и в крестьянской лошади. Для проведения своей политики буржуазные правительства, и в том числе меньшевистски-каутскианские, пользовались чисто бюрократическим аппаратом, который в неизмеримо меньшей степени, чем советский аппарат, состоящий из рабочих и крестьян, считается с потребностями крестьянского хозяйства. В результате середняк, несмотря на колебания, недовольство и даже восстания, в последнем счете неизменно приходит к выводу, что, как ни трудно ему сейчас при большевиках, при всяком другом режиме ему было бы несравненно труднее. Совершенно верно, что Коммуна была «пощажена» от крестьянской опоры. Зато Коммуна не была пощажена от разгрома крестьянской армией Тьера! Наша же армия, на четыре пятых состоящая из крестьян, с подъемом и с успехом сражается за Советскую Республику. И этот один факт, опровергая Каутского и его вдохновителей, дает наилучшую оценку крестьянской политике Советской власти.

Советская власть и специалисты

«Большевики думали сперва обойтись без интеллигентов, без специалистов», рассказывает Каутский (стр. 128). Но затем,

убедившись в необходимости интеллигенции, они от жестоких репрессий перешли на путь привлечения интеллигенции к работе всеми мерами, в том числе и путем высокой оплаты труда. «Таким образом,—иронизирует Каутский,—правильный путь привлечения специалистов состоит в том, чтобы сперва беспощадно помять их» (стр. 129). Именно так. С позволения всех филистеров, диктатура пролетариата в том именно и состоит, чтобы «помять» господствовавшие раньше классы и заставить их признать новый строй и подчиниться ему. Воспитанная в предрассудках всемогущества буржуазии, профессиональная интеллигенция долго не верила, не хотела и не могла верить, что рабочий класс действительно способен управлять страной, что он взял власть не случайно, что диктатура пролетариата есть непреложный факт. Буржуазная интеллигенция поэтому крайне легко брала свои обязательства по отношению к рабочему государству, даже когда поступала к нему на службу, и считала, что получать от Вильсона, Клемансо или Мирбаха [122]) деньги на антисоветскую агитацию или передавать военные тайны и технические средства белогвардейцам и иностранным империалистам совершенно естественное и простое дело при режиме пролетариата. Нужно было показать ей на деле и показать крепко, что пролетариат взял власть не для того, чтобы допускать над собой подобные шутки.

В суровых карах по отношению к интеллигенции наш мещанский идеалист видит «последствия политики, которая стремилась привлечь интеллигентов не путем убеждения, а путем пинков спереди и сзади» (стр. 129). Таким образом, Каутский всерьез воображает, что можно буржуазную интеллигенцию привлечь к строительству социализма путем одного лишь убеждения,—при этом в условиях, когда во всех других странах господствует еще буржуазия, которая не останавливается ни перед какими средствами, чтобы запугать, обольстить или подкупить русскую интеллигенцию и сделать ее орудием колониального порабощения России.

Вместо того, чтобы анализировать ход борьбы, Каутский и в отношении интеллигенции дает школьные рецепты. Совершенно ложно, будто наша партия думала обойтись без интеллигенции, не отдавая себе отчета в ее значении для предстоявшей нам хозяйственной и культурной работы. Наоборот. Когда борьба за завоевание и упрочение власти была в полном разгаре, и большинство интеллигенции играло роль ударного от-

ряда буржуазии, сражаясь против нас открыто или саботируя наши учреждения, Советская власть беспощадно боролась со специалистами именно потому, что знала их огромное организующее значение, поскольку они не пытаются строить самостоятельную «демократическую» политику, а выполняют задания одного из основных классов. Только после того, как сопротивление интеллигенции было сломлено суровой борьбой, открылась возможность привлечь специалистов к работе. Мы немедленно же встали на этот путь. Он оказался не столь простым. Те отношения, какие были в капиталистических условиях между рабочим и директором, переписчиком и управляющим, солдатом и офицером, оставили в наследство глубочайшее классовое недоверие к специалистам, еще более обострившееся в первый период гражданской войны, когда интеллигенция стремилась во что бы то ни стало сломить рабочую революцию голодом и холодом. Изжить эти настроения, перейти от бешеного ожесточения к мирному сотрудничеству было нелегко. Рабочие массы должны были постепенно привыкнуть видеть в инженере, в агрономе, в офицере не вчерашнего угнетателя, а сегодняшнего полезного работника, необходимого специалиста в распоряжении рабоче-крестьянской власти. Мы уже сказали, что Каутский неправ, когда навязывает Советской власти принципиальное стремление заменить специалистов пролетариями. Но что такого рода тенденция должна была сказаться в широких кругах пролетариата, — это бесспорно. Молодой класс, доказавший сам себе, что он способен преодолеть величайшие сопротивления на своем пути, разодравший в клочья покрывало мистики, которое окружало власть имущих, убедившийся, что не боги горшки обжигают, — этот революционный класс, естественно, склонен был, в лице менее зрелых своих элементов, на первых порах переоценивать свою способность, разрешать все и всякие задачи, не прибегая к помощи воспитанных буржуазией специалистов.

Борьбу с такого рода тенденциями, поскольку они принимали оформленный характер, мы начали не со вчерашнего дня.

«Сейчас, в период, когда власть Советов обеспечена, — говорили мы на Московской городской конференции 28 марта 1918 г., — борьба с саботажем должна выражаться в том, чтобы вчерашних саботажников превратить в слуг, в исполнителей, в технических руководителей там, где это нужно новому режиму. Если мы с этим не справимся, если не привлечем все те силы, которые нам не-

обходимы, и не поставим их на советскую службу, то наша вчерашняя борьба с саботажем, борьба военно-революционная, была бы тем самым осуждена, как совершенно напрасная и бесплодная.

«Как и в мертвые машины, так и в этих техников, инженеров, врачей, учителей, вчерашних бывших офицеров,—в них вложен известный наш народный национальный капитал, который мы обязаны эксплоатировать, использовать, если мы хотим вообще разрешить основные задачи, которые стоят перед нами.

«Демократизация не состоит вовсе в том,—это азбука для всякого марксиста,—чтобы упразднять значение квалифицированных сил, значение лиц, обладающих специальными познаниями, и не в том, чтобы замещать их выборными коллегиями везде и всюду.

«Выборные коллегии, состоящие из самых лучших представителей рабочего класса, но не обладающих необходимыми техническими познаниями, не могут заменить одного техника, который прошел специальную школу и который знает, как делать данное специальное дело. Тот разлив коллегиальности, который наблюдается у нас во всех областях, является совершенно естественной реакцией молодого, революционного, вчера еще угнетенного класса, который отбрасывает единоличное начало вчерашних повелителей, хозяев, командиров и везде ставит своих выборных представителей. Это, я говорю, совершенно естественная и в источниках своих совершенно здоровая революционная реакция. Но это не есть последнее слово хозяйственного государственного строительства пролетарского класса.

«Дальнейший шаг должен состоять в самоограничении коллегиального начала, в здоровом и спасительном самоограничении рабочего класса, который знает, где может сказать решающее слово выборный представитель самих рабочих, а где необходимо очистить место технику, специалисту, который вооружен известными познаниями, на которого нужно возложить большую ответственность и который должен быть взят под бдительный политический контроль. Но необходимо специалисту предоставить возможность свободной деятельности, свободного творчества, потому что ни один сколько-нибудь способный, даровитый специалист в своей области не может работать, подчиняясь в своей специальной работе коллегии людей, которые не знают этой области. Политический коллегиальный советский контроль всюду и везде, но для исполнительных функций необходимо назначать

специалистов-техников, ставить их на ответственные посты и возлагать на них ответственность.

«Те, которые боятся этого, те бессознательно относятся с глубоким внутренним недоверием к советскому режиму. Те, кто думают, что привлечение к руководству техническими специальными постами вчерашних саботажников грозит самым основам советского режима, те, с одной стороны, не отдают себе отчета в том, что не об какого-нибудь инженера, не об какого-нибудь вчерашнего генерала может споткнуться советский режим,—в политическом, в революционном, в военном смысле советский режим непобедим,—а он может споткнуться на своей собственной неспособности справиться с творческими организационными задачами.

«Ему необходимо извлечение из старых учреждений всего того, что там было жизнеспособным и ценным, и запрячь все это в новую работу.

«Если мы этого, товарищи, не сделаем, то мы с нашими основными задачами не справимся, ибо выставить из своих недр в кратчайший срок, выдвинуть из своей среды всех необходимых специалистов, отбросивши все то, что было накоплено в прошлом, это было бы невозможным.

«В сущности говоря, это было бы то же самое, как если бы мы сказали, что все те машины, которые доселе служили для эксплоатации рабочих, мы теперь отбрасываем. Это было бы безумием. Привлечение ученых специалистов для нас так же необходимо, как и взятие на учет всех средств производства и транспорта и всех вообще богатств страны. Нам надо, и притом безотлагательно, взять на учет техников-специалистов, которые у нас есть, и на деле ввести для них трудовую повинность, предоставивши им в то же время широкое поле деятельности и взявши их под политический контроль» *).

Острее всего вопрос о специалистах стоял с самого начала в военном ведомстве. Здесь, под давлением железной необходимости, он оказался разрешен в первую очередь.

В области управления промышленностью и транспортом необходимые организационные формы далеко не вполне достиг-

---

*) «Труд, дисциплина, порядок спасут социалистическую Советскую Республику». Москва 1918 г. Каутский знает эту брошюру, так как несколько раз цитирует ее. Это не мешает ему, однако, обойти приведенное выше место, выясняющее отношение Советской власти к интеллигенции.

нуты еще и по сей день. Причину нужно искать в том факте, что в течение первых двух лет мы были вынуждены интересы промышленности и транспорта приносить в жертву потребностям военной обороны. Крайне изменчивый ход гражданской войны, в свою очередь, препятствовал установлению правильных взаимоотношений со специалистами. Квалифицированные техники индустрии и транспорта, врачи, учителя, профессора либо уходили с отступающими армиями Колчака и Деникина, либо принудительно уводились ими. Только теперь, когда гражданская война приблизилась к концу, интеллигенция в массе своей примиряется с Советской властью или склоняется перед ней. Хозяйственные задачи становятся на первый план. Одной из важнейших среди них является научная организация производства. Перед специалистами открывается необъятное поле работы. Им предоставляется необходимая для творческой работы самостоятельность. Общегосударственное руководство промышленностью сосредоточивается в руках партии пролетариата.

Международная политика Советской власти

«Большевики,—рассуждал Каутский,—приобрели силы для завладения политической властью тем, что среди политических партий в России они были той, которая энергичнее всех требовала мира,—мира какой-угодно ценой, сепаратного мира, не заботясь о том, какое это произведет влияние на общую международную ситуацию, окажет ли это содействие победе и мировому владычеству немецкой военной монархии, под покровительством которой они долгое время находились, как индийские или ирландские мятежники или итальянские анархисты» (стр. 42).

О причинах нашей победы Каутский знает только то, что мы стояли за лозунг мира. Он не объясняет, чем держалась Советская власть, когда снова мобилизовала значительнейшую часть солдат империалистской армии, чтобы в течение двух лет с успехом отражать своих политических врагов.

Лозунг мира играл, бесспорно, огромную роль в нашей борьбе, но именно потому, что он был направлен против *империалистской* войны. Ярче всего лозунг мира поддерживали не усталые солдаты, а передовые рабочие, для которых он знаменовал не отдых, а непримиримую борьбу против эксплоататоров. Эти самые рабо-

чие под лозунгом мира отдавали затем свою жизнь на советских фронтах.

Утверждение, будто мы требовали мира, не заботясь о том, какое влияние он окажет на международное положение, есть запоздалый перепев кадетско-меньшевистской клеветы. Сравнение нас с германофильскими националистами Индии и Ирландии ищет опоры в том, что германский империализм действительно *пытался* нас использовать наравне с индусами и ирландцами. Но и шовинисты Франции немало поработали над тем, чтобы использовать Либкнехта[123] и Люксембург[124] — даже Каутского и Бернштейна! — в своих интересах. Весь вопрос в том, позволили ли мы себя использовать? Дали ли мы своим поведением европейским рабочим хоть тень повода соединять нас воедино с немецким империализмом? Достаточно вспомнить ход Брестских переговоров, их разрыв и германское наступление в феврале 1918 г., чтобы циничность обвинения Каутского раскрылась до конца. Мира между нами и германским империализмом не было в сущности ни на один день. На украинском и кавказском фронтах мы в меру наших крайне слабых тогда сил продолжали вести войну, не называя ее открыто. Мы были слишком слабы, чтобы поднять войну на всем русско-немецком фронте, мы поддерживали до поры до времени фикцию мира, пользуясь тем, что главные германские силы были отвлечены на запад. Если германский империализм оказался достаточно силен в 1917—1918 годах для того, чтобы навязать нам Брестский мир после всех наших усилий сорвать с себя эту петлю, то одною из главных причин тому явилось позорное поведение германской социал-демократии, составной и необходимой частью которой оставался Каутский. 4 августа 1914 г. был предрешен Брест-Литовский мир. В тот момент Каутский не только не объявил войны германскому милитаризму, чего он позже требовал от Советской власти, еще бессильной в 1918 г. в военном отношении, — Каутский предлагал голосовать за военные кредиты «под известными условиями» и вообще держал себя так, что в течение месяцев пришлось выяснять, стоял ли он за войну или против войны. И этот политический трус, сдавший в решающий момент основные позиции социализма, осмеливается обвинять нас в том, что мы оказались вынужденными отступить в известный момент — не идейно, но материально — и почему? — потому, что нас предала германская социал-демократия, развращенная каутскиан-

ством, то-есть теоретически замаскированной политической прострацией.

Мы не заботились о международном положении?! На самом деле у нас относительно международного положения был более глубокий критерий, и он не обманул нас. Уже до февральской революции русская армия не существовала, как боевая сила. Ее окончательный развал был предопределен. Если бы не произошло февральской революции, царизм заключил бы сделку с германской монархией. Но сорвавшая эту сделку февральская революция, именно потому, что она была революцией, окончательно подорвала армию, основанную на монархическом принципе. Месяцем раньше или позже армия должна была рассыпаться на куски. Военная политика Керенского была политикой страуса. Он закрывал глаза на разложение армии, говорил громкие фразы и угрожал на словах германскому империализму.

В этих условиях у нас был единственный исход: встать на почву мира, как неизбежного вывода из военного бессилия революции, и превратить этот лозунг в орудие революционного воздействия на все народы Европы; то-есть, вместо того, чтобы, вместе с Керенским, пассивно дожидаться окончательной военной катастрофы, которая могла похоронить под своими обломками революцию, овладеть лозунгом мира и повести за ним пролетариат Европы и в первую голову — рабочих Австро-Германии. Под этим углом зрения мы вели наши мирные переговоры с центральными империями и в этом духе составляли наши ноты к правительствам Антанты. Мы затягивали переговоры, как могли, чтобы дать возможность европейским рабочим массам разобраться в смысле Советской власти и ее политики. Январьская стачка 1918 г. в Германии и Австрии показала, что наши усилия не пропали даром. Эта стачка была первым серьезным предвестником германской революции. Немецкие империалисты поняли, что именно мы представляем для них смертельную опасность. Это очень красноречиво засвидетельствовано в книге Людендорфа. Они уже не рисковали, правда, выступить против нас с открытым крестовым походом. Но там, где они могли воевать против нас прикрыто, обманывая при содействии германской социал-демократии немецких рабочих, они это делали: на Украине, на Дону, на Кавказе. В Центральной России, в Москве граф Мирбах стоял с первого дня своего приезда в фокусе контр-революционных заговоров против Советской власти, как т. Иоффе [125]) в Берлине на-

ходился в теснейшей связи с революцией. Крайняя левая германской революции, партия Карла Либкнехта и Розы Люксембург, все время шла с нами рука об руку. Немецкая революция сразу приняла форму Советов, и немецкий пролетариат, несмотря на Брестский мир, ни на минуту не сомневался в том, что мы с Либкнехтом, а не с Людендорфом. В своих показаниях перед комиссией рейхстага Людендорф в ноябре 1919 г. рассказывал, как «верховное командование требовало создания учреждения, которое имело бы своей задачей раскрыть связь революционных стремлений в Германии с Россией. Иоффе прибыл в Берлин, и в разных городах были учреждены русские консулаты. Это имело для армии и флота тяжелые последствия». Каутский же имеет печальное мужество писать, что «если дело дошло до немецкой революции, то они (большевики) поистине не виноваты в этом» (стр. 110—111).

Если бы мы имели даже возможность в 1917—1918 г.г. посредством революционного воздержания поддерживать старую царскую армию, вместо того, чтобы ускорять ее разрушение, мы, таким образом, просто-напросто оказали бы содействие Антанте, прикрывая своим соучастием ее разбойничью расправу над Германией, Австрией и всеми вообще странами мира. При этой политике мы оказались бы в решающий момент совершенно безоружны перед Антантой, еще более безоружны, чем ныне Германия. Между тем, благодаря ноябрьской революции и Брестскому миру, мы сейчас являемся единственной страной, которая противостоит Антанте с винтовкой в руках. Нашей международной политикой мы не только не помогли Гогенцоллерну занять господствующее мировое положение, наоборот, ноябрьским переворотом мы больше, чем кто бы то ни было, подготовили его падение. В то же время мы обеспечили за собой военную паузу, в продолжение которой создали многочисленную крепкую армию, первую в истории армию пролетариата, с которой не могут ныне справиться все цепные собаки Антанты.

Самый критический момент в нашем международном положении наступил осенью 1918 г., после разгрома германских армий. Вместо двух могущественных лагерей, более или менее нейтрализовавших друг друга, пред нами стояла победоносная Антанта на вершине своего мирового могущества, и лежала раздавленная Германия, юнкерская сволочь которой сочла бы за счастье и честь вцепиться в горло русскому пролетариату за

кость с кухни Клемансо. Мы предложили мир Антанте и снова готовы были — ибо были вынуждены — подписать самые тяжелые условия. Но Клемансо, в империалистическом хищничестве которого остались во всей своей силе черты мелко-буржуазного тупоумия, отказал юнкерам в кости и в то же время решил во что бы то ни стало украсить Дом Инвалидов скальпами вождей Советской России. Этой политикой Клемансо оказал нам немалую услугу. Мы отстояли себя и устояли.

В чем же заключалась руководящая идея нашей внешней политики после того, как первые месяцы существования Советской власти обнаружили значительную еще устойчивость капиталистических правительств Европы? Именно в том, что Каутский с недоумением воспринимает теперь, как случайный результат: *продержаться!* Мы слишком ясно сознавали, что самый факт существования Советской власти есть событие величайшего революционного значения. И это сознание диктовало нам уступки и временные отступления,—не в принципах, а в практических выводах из трезвой оценки собственной силы. Мы отступали, как армия, которая сдает врагу город и даже крепость, чтобы, отойдя, сосредоточиться не только для обороны, но и для наступления. Мы отступали, как стачечники, у которых сегодня истощились силы и средства, но которые, стиснув зубы, готовятся к новой борьбе. Если бы мы не были проникнуты несокрушимой верой в мировое значение советской диктатуры, мы не шли бы на тягчайшие жертвы в Брест-Литовске. Если бы наша вера оказалась противоречащей действительному ходу вещей, Брест-Литовский договор вошел бы в историю, как бесполезная капитуляция обреченного режима. Так *тогда* оценивали положение не только Кюльманы [126], но и Каутские всех стран. Но мы оказались правы в оценке как своей тогдашней слабости, так и своей будущей силы. Существование Эбертовской республики с ее всеобщим избирательным правом, парламентским шулерством, «свободой» печати и убийством рабочих вождей, есть просто очередное звено в исторической цепи рабства и подлости. Существование Советской власти есть факт неизмеримого революционного значения. Нужно было ее удержать, пользуясь свалкой капиталистических наций, еще не законченной империалистской войной, самоуверенной наглостью Гогенцоллернской банды, тупоумием мировой буржуазии в основных вопросах революции, антагонизмом Америки и Европы, запутанностью отношений внутри

Антанты,—нужно было вести еще недостроенный советский корабль по бурным волнам, меж скал и рифов, и на ходу достраивать и бронировать его.

Каутский решается повторять обвинение нас в том, что мы не бросились в начале 1918 г. без оружия на могущественного врага. Если бы мы сделали это, мы были бы разбиты *). Первая большая попытка захвата власти пролетариатом потерпела бы крушение. Революционное крыло европейского пролетариата получило бы тягчайший удар. Антанта помирилась бы с Гогенцоллерном на трупе русской революции, мировая капиталистическая реакция получила бы отсрочку на ряд лет. Когда Каутский говорит, что, заключая Брестский мир, мы не задумывались об его влиянии на судьбы германской революции, он постыдно клевещет. Мы обсуждали вопрос со всех сторон, и единственным нашим критерием являлся интерес международной революции. Мы пришли к выводу, что этот интерес требует, чтобы единственная в мире Советская власть сохранилась. И мы оказались правы. Но Каутский ждал нашего падения если не с нетерпением, то с уверенностью, и на этом ожидавшемся падении строил всю свою международную политику.

Опубликованные Бауэровским министерством [127]) протоколы заседания коалиционного правительства от 19 ноября 1918 г. гласят: «Во-первых, продолжение суждений об отношении Германии к Советской Республике. Гаазе [128]) советует вести политику оттягивания. Каутский присоединяется к Гаазе: *нужно отодвинуть решение, Советское правительство долго не продержится, неизбежно падет в течение нескольких недель»*... Таким образом, в тот период, когда положение Советской власти было действительно крайне тяжко,—разгром германского милитаризма со-

---

*) Венская «Arbeiter Zeitung» противопоставляет, как полагается, русских коммунистов, как разумных, австрийским. «Разве Троцкий,— пишет газета,—с ясным взглядом и пониманием возможного, не подписал насильственный Брестский мир, хотя он и послужил к упрочению немецкого империализма? Брестский мир был одинаково жесток и постыден, как и Версальский мир. Но значит ли это, что Троцкий должен был отважиться на продолжение войны против Германии? Разве судьба русской революции не была бы давно закончена? Троцкий склонился перед неотвратимой необходимостью и подписал постыдный договор в предвидении германской революции». Заслуга предвидения всех последствий Брестского мира принадлежит Ленину. Но это, конечно, не меняет ничего в содержании аргументов газеты венского каутскианства.

здавал, казалось, для Антанты полную возможность покончить с нами «в течение нескольких недель»,— в этот момент Каутский не только не спешит нам на помощь и даже не просто умывает руки, но участвует в активном предательстве революционной России. Чтобы облегчить Шейдеману его роль—*сторожа* буржуазии вместо «программной» роли ее *могильщика*, Каутский сам торопится стать могильщиком Советской власти. Но Советская власть жива. Она переживет всех своих могильщиков

VIII

ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА

Советская власть и промышленность

Если в первый период Советской революции главные обвинения буржуазного мира направлялись против нашей жестокости и кровожадности, то позже, когда этот аргумент от частого употребления притупился и потерял силу, нас стали делать ответственными, главным образом, за хозяйственное расстройство страны. В согласии с своей нынешней миссией Каутский методически переводит на язык псевдо-марксизма все буржуазные обвинения в разрушении Советской властью промышленной жизни России: большевики приступили к социализации без плана, социализировали то, что не созрело для социализации; наконец, русский рабочий класс вообще еще не подготовлен к управлению промышленностью и т. д., и т. п.

Повторяя и комбинируя эти обвинения, Каутский с тупым упорством замалчивает основные причины нашего хозяйственного расстройства: империалистическую бойню, гражданскую войну и блокаду.

Советская Россия с первых месяцев своего существования оказалась лишенной угля, нефти, металла и хлопка. Сперва австро-германский, затем антантовский империализм, при содействии русских белогвардейцев, отрезал от Советской России донецкий каменноугольный и металлургический бассейн, кавказский нефтеносный район, Туркестан с его хлопком, Урал с его богатейшими источниками металла, Сибирь с ее хлебом и мясом. Донецкий бассейн обычно давал нашей промышленности 94% угольного топлива и 74% черного металла. Урал до-

ставлял остальные 26% металла и 6% угля. Обе эти области в ходе гражданской войны отошли от нас. Мы лишились полумиллиарда пудов угля, доставлявшегося из-за границы. Одновременно мы остались без нефти: все промысла до единого перешли в руки наших врагов. Нужно иметь поистине медный лоб, чтобы пред лицом этих фактов говорить о разрушающем влиянии «несвоевременной», «варварской» и проч. социализации на промышленность, которая совершенно лишена топлива и сырья. Принадлежит ли предприятие капиталистическому тресту или рабочему государству, социализирован ли завод или нет, труба его все равно не будет дымиться без угля или нефти. Об этом можно кое-что узнать хотя бы в Австрии; впрочем, и в самой Германии. Ткацкая фабрика, управляемая по самым лучшим методам Каутского,—если допустить, что по методам Каутского можно вообще чем-нибудь управлять, кроме собственной чернильницы,—не даст ситцу, если ее не снабдить хлопком. Мы же лишились одновременно как туркестанского, так и американского волокна. Кроме того, как уже сказано, мы не имели топлива.

Конечно, блокада и гражданская война явились в результате пролетарского переворота в России. Но отсюда вовсе не вытекает, что гигантские опустошения, произведенные англо-американо-французской блокадой и разбойничьими походами Колчака и Деникина, нужно отнести за счет непригодности советских методов хозяйства.

Предшествовавшая революции империалистская война с ее всепожирающими материально-техническими требованиями легла на нашу молодую промышленность гораздо большею тяжестью, чем на промышленность более могущественных капиталистических стран. Особенно жестоко пострадал наш транспорт. Эксплоатация железных дорог чрезвычайно усилилась, изнашивание соответственно возросло, между тем ремонт был сведен к строгому минимуму. Неизбежный час расплаты был приближен кризисом топлива. Почти единовременная утрата нами донецкого и заграничного угля и кавказской нефти вынудила в области транспорта к переходу на дрова. А так как наличные дровяные запасы совершенно не были на это рассчитаны, то пришлось отапливать паровозы свеже заготовляемыми сырыми дровами, которые крайне разрушительно действуют на и без того изношенный механизм паровозов. Мы видим, следовательно, что главные причины транспортной разрухи предшествовали ноябрю 1917 года.

Но и те причины, которые прямо или косвенно связаны с ноябрьской революцией, относятся к числу политических последствий революции, но ни в каком случае не затрагивают социалистических методов хозяйства.

Влияние политических потрясений в области хозяйства не ограничивалось, разумеется, вопросами транспорта и топлива Если мировая промышленность за последние десятилетия все более превращалась в единый организм, то тем непосредственнее это относится к промышленности национальной. Между тем, война и революция механически расчленяли и кромсали русскую промышленность по всем направлениям. Промышленное разрушение Польши, Прибалтики, а затем Петербурга началось при царизме и продолжалось при Керенском, захватывая все новые и новые области. Бесконечные эвакуации одновременно с разрушением промышленности означали и разрушение транспорта. Во время гражданской войны с ее подвижными фронтами эвакуации приняли более лихорадочный и потому еще более разрушительный характер. Каждой из сторон, временно или навсегда очищавшей тот или другой промышленный центр, принимались все меры к тому, чтобы сделать важнейшие промышленные предприятия непригодными для противника: увозились все ценные машины, или, по крайней мере, наиболее тонкие их части вместе с техниками и лучшими рабочими. За эвакуацией следовала реэвакуация, которая нередко довершала разрушение как перевозимого имущества, так и железных дорог. Некоторые важнейшие промышленные районы—особенно на Украине и на Урале—переходили из рук в руки несколько раз.

К этому нужно прибавить, что в то время, как разрушение технического оборудования совершалось в небывалых никогда размерах, приток машин из-за границы, игравший ранее в нашей промышленности решающую роль, совершенно прекратился.

Но не только мертвые элементы производства, здания, машины, рельсы, топливо и сырье, потерпели ужасающий ущерб под соединенными ударами войны и революции,—не менее, если не более пострадал главный фактор промышленности—ее живая творческая сила—пролетариат. Он совершал ноябрьский переворот, строил и отстаивал аппарат Советской власти и вел непрерывную борьбу с белогвардейцами. Квалифицированные рабочие—в то же время, по общему правилу, и наиболее передо-

вые. Гражданская война надолго оторвала многие десятки тысяч лучших рабочих от производительного труда, поглотивши многие тысячи из них безвозвратно. Социалистическая революция главной тяжестью своих жертв легла на пролетарский авангард, а стало быть, и на промышленность.

Все внимание советского государства было за два с половиной года его существования направлено на военный отпор: лучшие силы и главные средства отдавались фронту.

Классовая борьба вообще наносит удары промышленности. В этом ее задолго до Каутского обвиняли все философы социальной гармонии. Во время простых экономических стачек рабочие потребляют, но не производят. Тем более глубокие удары наносит хозяйству классовая борьба в самой ожесточенной своей форме — в виде вооруженных боев. Но ясно, что гражданскую войну никак нельзя отнести к социалистическим методам хозяйства.

Перечисленных выше причин с избытком достаточно, чтобы объяснить тяжкое хозяйственное положение Советской России. Нет топлива, нет металла, нет хлопка, разрушен транспорт, расстроено техническое оборудование, разметана по лицу страны живая рабочая сила при высоком проценте ее убыли на фронтах, — есть ли надобность искать дополнительных причин в хозяйственном утопизме большевиков для объяснения упадка нашей промышленности? Наоборот, каждой из приведенных причин в отдельности достаточно, чтобы вызвать вопрос, как вообще может при подобных условиях существовать фабрично-заводская деятельность?

Между тем, она существует преимущественно в виде военной промышленности, которая живет сейчас за счет всей остальной. Советская власть вынуждена была воссоздавать ее, как и армию, из обломков. Восстановленная в этих небывало тяжких условиях военная промышленность выполняла и выполняет свою задачу: Красная Армия одета, обута, имеет винтовку, пулемет, пушку, патрон, снаряд, самолет и все прочее, что ей необходимо.

Как только обозначился просвет мира—после разгрома Колчака, Юденича и Деникина, — мы поставили перед собою в полном объеме вопросы организации хозяйства. И уже в течение трех-четырех месяцев напряженной работы в этой области обнаружилось с совершенной несомненностью, что, благодаря

своей теснейшей связи с народными массами, гибкости государственного аппарата и своей революционной инициативе, Советская власть располагает такими ресурсами и методами возрождения хозяйства, каких не имело и не имеет никакое другое государство.

Правда, перед нами при этом встали совершенно новые вопросы и новые трудности в сфере организации труда. Социалистическая теория на эти вопросы не имела готовых ответов и не могла их иметь. Решения приходится находить на опыте и через опыт проверять. От разрешаемых Советской властью гигантских хозяйственных задач каутскианство отстало на целую эпоху. В виде меньшевизма, оно путается под ногами, противопоставляя практическим мероприятиям нашего хозяйственного строительства мещанские предрассудки и интеллигентски-бюрократический скептицизм.

Чтобы ввести читателя в самое существо вопросов организации труда, как они стоят теперь перед нами, мы приводим ниже доклад автора этой книги на III Всероссийском Съезде профессиональных союзов [129]). В целях более полного освещения вопроса текст речи дополнен значительными выдержками из докладов автора на Всероссийском Съезде Советов Народного Хозяйства [130]) и на IX Съезде Коммунистической Партии [131]).

Доклад об организации труда

— «Товарищи! Внутренняя гражданская война заканчивается. На Западном фронте положение остается неопределенным. Возможно, что польская буржуазия бросит вызов своей судьбе... Но даже и в этом случае — мы его не ищем — война уже не потребует от нас того всепоглощающего напряжения сил, какого требовала единовременная борьба на четырех фронтах, Страшное давление войны становится слабее. Хозяйственные потребности и задачи все более выдвигаются вперед. История подводит нас вплотную к нашей основной задаче — организации труда на новых социальных основах. Организация труда есть по существу организация нового общества: каждое историческое общество является в основе своей организацией труда. Если каждое прошлое общество было организацией труда в интересах меньшинства, причем это меньшинство организовало свое государственное принуждение над подавляющим большин-

ством трудящихся, то мы делаем первую в мировой истории попытку организации труда в интересах самого трудящегося большинства. Это, однако, не исключает элемента принуждения во всех его видах, и самых мягких и крайне жестких. Элемент обязательности, государственной принудительности не только не сходит с исторической сцены, но, наоборот, будет играть еще в течение значительного периода чрезвычайно большую роль.

По общему правилу, человек стремится уклониться от труда. Трудолюбие вовсе не прирожденная черта: оно создается экономическим давлением и общественным воспитанием. Можно сказать, что человек есть довольно ленивое животное. На этом его качестве в сущности основан в значительной мере человеческий прогресс, потому что если бы человек не стремился экономно расходовать свою силу, не стремился бы за малое количество энергии получить как можно больше продуктов, то не было бы развития техники и общественной культуры. Стало быть, под этим углом зрения, лень человека есть прогрессивная сила. Старик Антонио Лабриола [132]), итальянский марксист, рисовал даже будущего человека «счастливым и гениальным ленивцем». Не нужно, однако, делать отсюда такой вывод, что партия и профессиональные союзы в своей агитации должны проповедывать это качество, как нравственный долг. Нет, нет! У нас его и так избыток. Задача же общественной организации состоит как раз в том, чтобы «леность» вводить в определенные рамки, чтобы ее дисциплинировать, чтобы подстегивать человека при помощи способов и мер, изобретенных им самим.

Трудовая повинность

Ключ к хозяйству — рабочая сила, квалифицированная, элементарно-обученная, полуобученная, сырая, или чернорабочая. Выработать способы ее правильного учета, мобилизации, распределения, производительного применения — значит практически разрешить задачу хозяйственного строительства. Это — задача для целой эпохи, задача грандиозная. Трудность ее усугубляется тем, что перестраивать труд на социалистических началах приходится в условиях небывалого оскудения, ужасающей нищеты.

Чем больше износилось наше машинное оборудование, чем в большее расстройство пришли железнодорожные сооружения, чем меньше надежды у нас в ближайшее время получать в сколько-нибудь значительном количестве машины из-за границы, тем

большее значение получает вопрос о живой рабочей силе. Казалось бы, ее много. Но где пути к ней? Как ее привлечь к делу? Как ее производственно организовать? Уже при очистке железнодорожного полотна от снежных заносов мы столкнулись с большими затруднениями. Разрешать их путем приобретения рабочей силы на рынке нет никакой возможности при нынешней ничтожной покупательной силе денег, при почти полном отсутствии продуктов обрабатывающей промышленности. Потребность в топливе не может быть удовлетворена, хотя бы частично, без массового, еще небывалого применения рабочей силы для дровяных, торфяных и сланцевых работ. Гражданская война жестоко разрушила железнодорожное полотно, мосты, станционные здания. Нужны десятки и сотни тысяч рабочих рук, чтобы привести все это в порядок. Для производства в широких размерах лесозаготовительных, торфяных и иных работ нужны помещения для рабочих, хотя бы временные бараки. Отсюда, опять-таки, необходимость значительной рабочей силы для строительных работ. Необходимы многочисленные рабочие руки для организации речного сплава. И так далее, и так далее...

Капиталистическая промышленность в широких размерах питалась вспомогательной рабочей силой, в форме крестьянских отхожих промыслов. Деревня, сжатая тисками малоземелья, всегда выбрасывала известный избыток рабочих рук на рынок. Государство понуждало ее к этому требованием податей Рынок предлагал крестьянину товары. Сейчас этого нет. Земли у деревни прибавилось, сельскохозяйственных машин нехватает, рабочие руки для земли нужны, промышленность сейчас деревне почти ничего дать не может, рынок не имеет более притягательного влияния на рабочую силу.

Между тем рабочая сила нужна более, чем когда бы то ни было. Не только рабочий, но и крестьянин должен дать советскому государству свою силу для того, чтобы трудовая Россия, а с ней вместе и сами трудящиеся, не были раздавлены. Единственным способом привлечения для хозяйственных задач необходимой рабочей силы является проведение *трудовой повинности*.

Самый принцип трудовой повинности является для коммуниста совершенно бесспорным: «Кто не работает, тот не ест». А так как есть должны все, то все обязаны работать. Трудовая повинность начертана в нашей Конституции[133]) и в Кодексе труда[134]). Но до сих пор она оставалась лишь принципом. Применение ее

имело случайный, частичный, эпизодический характер. Только сейчас, когда мы вплотную подошли к вопросам хозяйственного возрождения страны, вопросы трудовой повинности встали перед нами во всей своей конкретности. Единственное и принципиально и практически правильное разрешение хозяйственных трудностей состоит в том, чтобы рассматривать население всей страны, как резервуар необходимой рабочей силы — источник почти неисчерпаемый,— и внести строгий порядок в дело ее учета, мобилизации и использования.

Как практически приступить к извлечению рабочей силы на основе трудовой повинности?

До сих пор только военное ведомство имело опыт в области учета, мобилизации, формирования и переброски больших масс. Эти технические приемы и навыки наше военное ведомство в значительной мере унаследовало от прошлого. В области хозяйственной такого наследия нет, так как там действовал частноправовой принцип, и рабочая сила поступала на отдельные предприятия с рынка. Естественно, если мы оказались вынуждены, по крайней мере, на первых порах, в широких размерах привлечь аппарат военного ведомства для трудовых мобилизаций.

Мы создали специальные органы для проведения трудовой повинности в центре и на местах: в губерниях, уездах и волостях у нас действуют уже комитеты по трудовой повинности. Они опираются, главным образом, на центральный и местные органы военного ведомства. Наши хозяйственные центры — ВСНХ, Нар. Ком. Земледелия, НКПС, Наркомпрод — вырабатывают требования на необходимую им рабочую силу. Главный комитет по трудовой повинности принимает эти требования, согласует их, приводит в соответствие с местными источниками рабочей силы, дает соответственные наряды своим местным органам и проводит через них трудовые мобилизации. В пределах областей, губерний и уездов местные органы самостоятельно исполняют эту работу в целях удовлетворения местных хозяйственных нужд.

Вся эта организация у нас создана только вчерне. Она еще крайне несовершенна. Но курс взят, безусловно, правильно.

Если организация нового общества сводится в основе своей к новой организации труда, то организация труда означает, в свою очередь, правильное проведение всеобщей трудовой повинности. Эта задача ни в каком случае не исчерпывается орга-

низационными и административными мероприятиями. Она захватывает самые основы хозяйства и быта. Она сталкивается с могущественными психологическими навыками и предрассудками. Проведение трудовой повинности предполагает, с одной стороны, колоссальную воспитательную работу, с другой — величайшую осмотрительность в практическом подходе.

Использование рабочей силы должно быть как можно более экономно. При трудовых мобилизациях необходимо считаться с хозяйственно-бытовыми условиями каждого района, с потребностями основного занятия местного населения, т.-е. сельского хозяйства. Нужно по возможности опираться на прежние побочные занятия и отхожие промыслы местного населения. Нужно, чтобы переброска мобилизованной рабочей силы совершалась по кратчайшим расстояниям, т.-е. на ближайшие участки трудового фронта. Нужно, чтобы число мобилизованных рабочих соответствовало объему хозяйственной задачи. Нужно, чтобы мобилизованные были своевременно обеспечены необходимыми орудиями труда и продовольствия. Нужно, чтобы во главе их были поставлены опытные и толковые инструктора. Нужно, чтобы мобилизованные на месте убедились, что их рабочая сила используется предусмотрительно, экономно, а не расходуется зря. Где только возможно, необходимо прямую мобилизацию заменять трудовым уроком, т.-е. наложением на волость обязанности поставить, например, к такому-то сроку столько-то куб. саж. дров, или подвезти гужом к такой-то станции столько-то пудов чугуна и т. д. Необходимо в этой области с особой тщательностью изучать накопляющийся опыт, придавать большую гибкость хозяйственному аппарату, проявлять больше внимания к местным интересам и бытовым особенностям. Словом, уточнять, улучшать, совершенствовать приемы, методы и органы проведения мобилизации рабочей силы. Но в то же время необходимо раз навсегда уяснить себе, что самый принцип трудовой повинности столь же радикально и невозвратно сменил принцип вольного найма, как социализация средств производства сменила капиталистическую собственность.

Милитаризация труда

Проведение трудовой повинности немыслимо без применения — в той или другой степени — методов милитаризации труда

Этот термин вводит нас сразу в область величайших суеверий и оппозиционных воплей.

Чтобы понять, что значит милитаризация труда в рабочем государстве и каковы ее методы, нужно уяснить себе, каким путем шла милитаризация самой армии, которая, как мы все помним, в первый свой период вовсе не обладала необходимыми «милитарными» свойствами. Для Красной Армии мы за эти два года мобилизовали немногим меньше солдат, чем сколько имеется членов в наших профессиональных союзах. Но члены профессиональных союзов—рабочие, а в армии рабочие составляют около 15%, остальное — крестьянская масса. И тем не менее для нас не может быть никакого сомнения в том, что подлинным строителем и «милитаризатором» Красной Армии является передовой рабочий, выдвинутый партийной и профессиональной организацией. Когда на фронтах бывало трудно, когда свеже-мобилизованная крестьянская масса не обнаруживала достаточной устойчивости, мы обращались к ЦК партии коммунистов, с одной стороны, к президиуму Всероссийского Совета профессиональных союзов — с другой. Из этих обоих источников на фронты отправлялись передовые рабочие и строили там Красную Армию по образу и подобию своему, — воспитывали, закаляли, милитаризовали крестьянскую массу.

Этот факт необходимо сейчас вспомнить со всей отчетливостью потому, что он сразу бросает надлежащий свет на самое понятие милитаризации в условиях рабоче-крестьянского государства. Милитаризация труда не раз провозглашалась, как лозунг, и осуществлялась в отдельных отраслях хозяйства в буржуазных странах как на Западе, так и у нас при царизме. Но наша милитаризация отличается от этих опытов по своим целям и методам так же, как сознательный, организованный для освобождения пролетариат отличается от сознательной, организованной для эксплоатации буржуазии.

Из смешения, полусознательного и полузлостного, исторических форм милитаризации пролетарской, социалистической с милитаризацией буржуазной вытекает большинство предрассудков, ошибок, протестов и воплей в этом вопросе. На такого рода подстановке понятий основана целиком вся позиция меньшевиков, наших русских каутскианцев, как она выразилась в их принципиальной резолюции, предъявленной настоящему Съезду профессиональных союзов.

Меньшевики выступают не только против милитаризации труда, но и против трудовой повинности. Они отвергают эти методы, как «принудительные». Они проповедуют, что трудовая повинность равносильна низкой производительности труда, а милитаризация означает бесцельное расхищение рабочей силы.

«Принудительный труд всегда является трудом малопроизводительным»,—таково точное выражение резолюции меньшевиков. Это утверждение подводит нас к самому существу вопроса. Ибо дело, как мы видим, идет вовсе не о том, разумно или неразумно объявить тот или другой завод на военном положении; целесообразно ли предоставить военно-революционному трибуналу право карать развращенных рабочих, ворующих столь драгоценные для нас материалы и инструменты или саботирующих работу. Нет, вопрос поставлен меньшевиками гораздо глубже. Утверждая, что принудительный труд *всегда* малопроизводителен, они тем самым пытаются вырвать почву из-под всего нашего хозяйственного строительства в настоящую переходную эпоху. Ибо о том, чтобы перешагнуть от буржуазной анархии к социалистическому хозяйству без революционной диктатуры и без принудительных форм организации хозяйства, не может быть и речи.

В первом пункте резолюции меньшевиков говорится о том, что мы живем в эпоху перехода от капиталистического способа производства к социалистическому. Что это значит? И прежде всего: откуда это? С какого времени это признано нашими каутскианцами? Они нас обвиняли — и это составляло основу наших разногласий — в социалистическом утопизме; они утверждали — и это составляло сущность их политического учения,— что о переходе к социализму в нашу эпоху не может быть и речи и что наша революция является буржуазной и что мы, коммунисты, только разрушаем капиталистическое хозяйство, не ведем страну вперед, а отбрасываем ее назад. В этом состояло основное разногласие, глубочайшее, непримиримое расхождение, из которого вытекали все остальные. Теперь меньшевики говорят нам мимоходом, во вступительных положениях своей резолюции, как нечто, не требующее доказательства, что мы находимся в условиях перехода от капитализма к социализму. И это совершенно неожиданное признание, которое, казалось бы, весьмо похоже на полную идейную капитуляцию, делается тем более легко и мимолетно, что оно, как показывает вся резолюция, не налагает на

меньшевиков никаких революционных обязательств. Они целиком остаются в плену буржуазной идеологии. Признав, что мы на перевале к социализму, меньшевики с тем большим ожесточением набрасываются на те методы, без которых, в суровых и тяжких условиях нынешнего времени, перехода к социализму совершить невозможно.

Принудительный труд, — говорят нам, — всегда непроизводителен. Спрашиваем: что означает здесь принудительный труд, то-есть какому труду он противопоставляется? Очевидно, свободному. Что понимать в таком случае под свободным трудом? Это понятие формулировано было прогрессивными идеологами буржуазии в борьбе против несвободного, то-есть против крепостного, труда крестьян и против нормированного, регламентированного труда цеховых ремесленников. Свободный труд означал такой труд, который можно «свободно» купить на рынке, — свобода свелась к юридической фикции на основе вольнонаемного рабства. Другого вида свободного труда мы в истории не знаем. Пусть столь немногочисленные представители меньшевиков на этом Съезде объяснят нам, что означает у них свободный, непринудительный труд, если не рынок рабочей силы?

История знала труд рабский. История знала труд крепостной. История знала регламентированный труд средневекового цеха. Во всем мире господствует ныне наемный труд, который желтые газетчики всех стран, в качестве высшей свободы, противопоставляют советскому «рабству». Мы же, наоборот, капиталистическому рабству противопоставляем общественно-нормированный труд на основе хозяйственного плана, обязательного для всего народа и, следовательно, принудительного для каждого работника страны. Без этого нельзя и думать о переходе к социализму. Элемент материального, физического принуждения может быть больше или меньше, — это зависит от многих условий: от степени богатства или обнищания страны, от наследий прошлого, от уровня культуры, от состояния транспорта и аппарата управления и пр., и пр., — но обязательность, а стало быть и принудительность, является необходимым условием обуздания буржуазной анархии, обобществления средств производства и труда и перестройки хозяйства на основе единого плана.

Для либералов свобода, в конце концов, означает рынок. Может или не может капиталист купить по сходной цене рабочую силу, — вот единственное для него мерило свободы труда. Это

мерило фальшиво не только по отношению к будущему, но и по отношению к прошлому.

Было бы абсурдно представлять себе дело так, будто во время крепостного права труд протекал целиком под палкой физического принуждения, будто надсмотрщик стоял с кнутом над спиной каждого мужика. Средневековые формы хозяйства выросли из известных производственных условий и создали известные формы быта, с которыми мужик сживался, которые он в известные эпохи считал справедливыми или, по крайней мере, принимал, как неизменные. Когда он, под влиянием перемены в материальных условиях, враждебно выступал, государство обрушивалось на него своей материальной силой, обнаруживая тем самым принудительный характер организации труда.

Основу милитаризации труда составляют те формы государственного принуждения, без которых замена капиталистического хозяйства социалистическим навсегда останется пустым звуком. Почему мы говорим о *милитаризации?* Разумеется, это лишь аналогия, но аналогия, очень богатая содержанием. Никакая другая общественная организация, кроме армии, не считала себя в праве в такой мере подчинять себе граждан, в такой степени охватывать их своей волей со всех сторон, как это считает себя в праве делать и делает государство пролетарской диктатуры. Только армия — именно потому, что она по-своему разрешала вопросы жизни и смерти наций, государств, правящих классов— наделялась правом требовать от каждого и всякого полного подчинения своим задачам, целям, уставам и приказам. И она достигала этого тем в большей степени, чем более задачи военной организации совпадали с потребностями общественного развития.

Вопрос жизни и смерти Советской России разрешается сейчас на фронте труда. Наши хозяйственные и с ними вместе профессионально-производственные организации имеют право требовать от своих членов всей той самоотверженности, дисциплины и исполнительности, каких до сих пор требовала только армия.

С другой стороны, отношение капиталиста к рабочему вовсе не основывается на одном только «свободном» договоре, а заключает в себе могущественные элементы государственной регламентации и материального принуждения.

Конкуренция капиталиста с капиталистом придавала известную, весьма частичную реальность фикции свободы труда, но эту конкуренцию, сведенную к минимуму синдикатами и трестами, мы окончательно устранили, уничтожив частную собственность на средства производства. Переход к социализму, признанный на словах меньшевиками, означает переход от стихийного распределения рабочей силы игрою купли-продажи, движением рыночных цен и заработной платы к планомерному распределению рабочих хозяйственными органами уезда, губернии, всей страны. Такого рода плановое распределение предполагает подчинение распределяемых хозяйственному плану государства. Это и есть сущность *трудовой повинности*, которая неизбежно входит в программу социалистической организации труда, как ее основной элемент.

Если плановое хозяйство немыслимо без трудовой повинности, то эта последняя неосуществима без устранения фикции свободы труда, без замены ее принципом обязательности, который дополняется реальностью принуждения.

Что свободный труд производительнее принудительного — это совершенно верно по отношению к эпохе перехода от феодального общества к буржуазному. Но нужно быть либералом, или — в наше время — каутскианцем, чтобы увековечивать эту истину и переносить ее на эпоху перехода от буржуазного строя к социалистическому. Если верно, что принудительный труд непроизводителен всегда и при всяких условиях, как говорит резолюция меньшевиков, тогда все наше строительство обречено на провал. Ибо другого пути к социализму, кроме властного распоряжения хозяйственными силами и средствами страны, кроме централизованного распределения рабочей силы в зависимости от общегосударственного плана, у нас быть не может. Рабочее государство считает себя в праве послать каждого рабочего на то место, где его работа необходима. И ни один серьезный социалист не станет отрицать за рабочим государством права наложить свою руку на того рабочего, который отказывается выполнять трудовой наряд. Но в том-то и вся суть, что меньшевистский путь перехода к «социализму» есть млечный путь — без хлебной монополии, без уничтожения рынка, без революционной диктатуры и без милитаризации труда.

Без трудовой повинности, без права приказывать и требовать исполнения, профессиональные союзы превратятся в простую

форму без содержания, ибо строющемуся социалистическому государству профессиональные союзы нужны не для борьбы за лучшие условия труда — это есть задача общественной и государственной организации в целом, — а для того, чтобы организовать рабочий класс в производственных целях, воспитывать, дисциплинировать, распределять, группировать, прикреплять отдельные категории и отдельных рабочих к своим постам на определенные сроки, — словом, рука об руку с государством, властно вводить трудящихся в рамки единого хозяйственного плана. Отстаивать в этих условиях «свободу» труда — значит отстаивать бесплодные и беспомощные, ничем не регулируемые поиски лучших условий, бессистемные хаотические переходы с завода на завод, в голодной стране, в обстановке страшной расшатанности транспортного и продовольственного аппарата... Что, кроме полного распада рабочего класса и полной хозяйственной анархии, могло бы явиться результатом нелепой попытки сочетания буржуазной свободы труда с пролетарской социализацией средств производства?

Стало быть, товарищи, милитаризация труда в том основном смысле, какой мною указан, не есть выдумка отдельных политиков или выдумка нашего военного ведомства, а является неизбежным методом организации и дисциплинирования рабочей силы в переходную эпоху от капитализма к социализму. И если принудительное распределение рабочей силы, ее кратковременное или длительное прикрепление к отдельным отраслям и предприятиям, ее регламентация под углом общегосударственного хозяйственного плана, — если все эти формы принуждения всегда и везде, как пишет резолюция меньшевиков, ведут к понижению производительности труда, — тогда ставьте крест на социализме. Ибо на падении производительности труда основать социализм нельзя. Всякая общественная организация есть в основе своей организация труда. И если наша новая организация труда ведет к понижению его производительности, то тем самым фатально идет к гибели строющееся социалистическое общество, как бы мы ни изворачивались и какие бы меры спасения ни выдумывали.

Поэтому я и сказал с самого начала, что меньшевистские доводы против милитаризации подводят нас к коренному вопросу о трудовой повинности и ее влиянии на производительность труда. Верно ли, что принудительный труд всегда непроизводи-

телен? Приходится ответить, что это самый жалкий и пошлый либеральный предрассудок. Весь вопрос в том, кто, над кем и для чего применяет принуждение? Какое государство, какой класс, в каких условиях, какими методами? И крепостная организация была в известных условиях шагом вперед и привела к повышению производительности труда. Производительность чрезвычайно возросла при капитализме, то-есть в эпоху свободной купли-продажи рабочей силы на рынке. Но свободный труд вместе со всем капитализмом, войдя в стадию империализма, взорвал себя в империалистической войне. Все мировое хозяйство вступило в период кровавой анархии, чудовищных потрясений, обнищания, вырождения, гибели народных масс. Можно ли при этих условиях говорить о производительности свободного труда, когда плоды этого труда разрушаются в десять раз скорее, чем созидаются? Империалистская война и то, что за ней последовало, обнаружили невозможность дальнейшего существования общества на основе свободного труда. Или, может быть, у когонибудь есть секрет того, как отделить свободный труд от белой горячки империализма, то-есть повернуть общественное развитие на полстолетие или на столетие назад? Если бы оказалось, что идущая на смену империализму плановая, следовательно, принудительная организация труда ведет к понижению хозяйства, это означало бы гибель всей нашей культуры, попятное движение человечества назад, к варварству и дикости.

К счастью не только для Советской России, но и для всего человечества, философия низкой производительности принудительного труда «всегда и при всяких условиях» есть только запоздалый перепев старых либеральных мелодий. Производительность труда есть производная величина сложнейшей совокупности общественных условий и вовсе не измеряется и не предопределяется юридической формой труда.

Вся история человечества есть история организации и воспитания коллективного человека для труда, с целью достижения более высокой его производительности. Человек, как я уже позволил себе выразиться, ленив, то-есть инстинктивно стремится с наименьшей затратой сил получить как можно большее количество продуктов. Без такого стремления не было бы и экономического развития. Рост цивилизации измеряется производительностью человеческого труда, и каждая новая форма общественных отношений должна выдержать испытание на этом оселке.

«Свободный», т.-е. вольнонаемный, труд вовсе не сразу появился на свет божий во всеоружии производительности. Он приобрел высокую производительность лишь постепенно, в результате длительного применения методов трудовой организации и трудового воспитания. В это воспитание входили самые разнообразные способы и приемы, менявшиеся к тому же от одной эпохи к другой. Буржуазия сперва дубиной выгоняла мужика из деревни на большую дорогу, ограбив предварительно его земли, а когда он не хотел работать на фабрике, она прижигала ему лоб каленым железом, вешала, ссылала на галеры и, в конце концов, приучала выбитого из деревни бродягу к станку мануфактуры. На этой стадии, как видим, «свободный» труд еще мало отличается от каторжного труда и по материальным условиям, и по правовой обстановке.

В разные эпохи буржуазия в разных пропорциях сочетала с каленым железом репрессии методы идейного воздействия, прежде всего—поповскую проповедь. Она еще в XVI веке реформировала старую религию католицизма, которую отстаивал феодальный строй, и приспособила себе новую религию, в виде реформации, которая свободную душу сочетала со свободной торговлей и со свободным трудом. Она нашла себе новых попов, которые стали духовными приказчиками, благочестивыми табельщиками буржуазии. Школу, печать, ратушу и парламент буржуазия приспособила для идейной обработки рабочего класса. Различные формы заработной платы — поденная, поштучная, сдельная, коллективный договор, — все это лишь меняющиеся способы в руках буржуазии для трудовой дрессировки пролетариата. К этому присоединяются всякие формы поощрения труда и разжигания карьеризма. Наконец, даже тред-юнионами, т.-е. организациями самого рабочего класса, буржуазия сумела овладеть и широко пользовалась, особенно в Англии, для дисциплинирования трудящихся. Она приручала вождей и при их посредстве прививала рабочим убеждения в необходимости мирного органического труда, безукоризненного отношения к своим обязанностям и строгого исполнения законов буржуазного государства. Увенчанием всей этой работы явился тейлоризм [135]), в котором элементы научной организации процесса производства сочетаются с самыми концентрированными приемами потогонной системы.

Из сказанного ясно, что производительность вольнонаемного труда не есть нечто данное, готовое, преподнесенное исто-

рией на блюде. Нет, это есть результат долгой и упорной репрессивной, воспитательной, организационной и поощрительной политики буржуазии по отношению к рабочему классу. Шаг за шагом она научилась выжимать из рабочих все большее и большее количество продуктов труда, и одним из могущественных орудий в ее руках являлось провозглашение вольного найма единственно свободной, нормальной, здоровой, производительной и спасительной формой труда.

Такой юридической формы труда, которая сама по себе обеспечивала бы его производительность, в истории не было и быть не может. Юридическая оболочка труда отвечает отношениям и понятиям эпохи. Производительность труда развивается на основе роста технических сил, трудовым воспитанием, постепенным приспособлением трудящихся к изменяющимся средствам производства и новым формам общественных отношений.

Создание социалистического общества означает организацию трудящихся на новых основах, их приспособление к этим основам, их трудовое перевоспитание с неизменной целью — повышения производительности труда. Рабочий класс, под руководством своего авангарда, должен сам перевоспитать себя на основах социализма. Кто этого не понял, тому чужда азбука социалистического строительства.

Какие же у нас методы для перевоспитания трудящихся? Несравненно более обширные, чем у буржуазии, и притом честные, прямые, открытые, не зараженные ни лицемерием, ни ложью. Буржуазия вынуждена была обманывать, выдавая свой труд за свободный, тогда как на деле он является не только общественно-навязанным, но и рабским трудом. Ибо это — труд большинства в интересах меньшинства. Мы же организуем труд в интересах самих трудящихся, и потому у нас не может быть никаких побудительных мотивов скрывать или замаскировывать общественно-принудительный характер трудовой организации. Мы не нуждаемся ни в поповских, ни в либеральных, ни в каутскианских сказках. Мы говорим прямо и открыто массам, что они могут спасти, поднять и привести в цветущее состояние социалистическую страну только путем сурового труда, безусловной дисциплины, точнейшей исполнительности каждого работника.

Главное из наших средств — идейное воздействие, пропаганда не только словом, но и делом. Трудовая повинность имеет принудительный характер, но это вовсе не значит, что она

является насилием над рабочим классом. Если бы трудовая повинность натыкалась на противодействие большинства трудящихся, она оказалась бы сорванной — и с нею вместе советский строй. Милитаризация труда при противодействии трудящихся есть аракчеевщина [136]). Милитаризация труда волею самих трудящихся есть социалистическая диктатура. Что трудовая повинность и милитаризация труда не насилуют воли трудящихся, как это делал «свободный труд», об этом лучше всего свидетельствует небывалый в истории человечества расцвет трудового добровольчества в виде субботников. Такого явления не было нигде и никогда. Своим добровольным бескорыстным трудом — раз в неделю и чаще — рабочие ярко демонстрируют не только свою готовность нести на себе бремя «принудительного» труда, но и свое стремление дать государству сверх того еще некоторую прибавочную работу. Субботники являются не только превосходной манифестацией коммунистической солидарности, но и вернейшим залогом успешного проведения трудовой повинности. Эти истинно-коммунистические тенденции нужно осветить, расширить и углубить при помощи пропаганды.

Главное духовное оружие буржуазии — религия; у нас — открытое выяснение массам действительного положения дел, распространение естественно-исторических и технических знаний, посвящение масс в общегосударственный хозяйственный план, на почве которого должно происходить применение всей рабочей силы, какою может располагать Советская власть.

Главное содержание нашей агитации в прошлую эпоху давала политическая экономия: капиталистический общественный строй был загадкой, и мы эту загадку массам раскрывали. Теперь общественные загадки раскрываются массам самой механикой советского строя, который вовлекает трудящихся во все области управления. Политическая экономия чем дальше, тем больше будет получать историческое значение. На передний план выдвигаются науки, исследующие природу и способы подчинения ее человеку.

Профессиональные союзы должны организовать в самом широком масштабе научно-техническую просветительную работу так, чтобы каждый рабочий в собственном труде находил импульсы для теоретической работы мысли, а эта последняя снова возвращала бы его к труду, совершенствуя труд, делая его более производительным. Общая печать должна равняться

по хозяйственным задачам страны не в том только смысле, в каком это происходит сейчас, т.-е. не в смысле одной лишь общей агитации в пользу трудового подъема, а в смысле обсуждения и взвешивания конкретных хозяйственных задач и планов, способов и путей их разрешения, и главное—проверки и оценки достигнутых результатов. Газетам необходимо изо дня в день следить за выработкой важнейших заводов и других предприятий, регистрируя успехи и неудачи, поощряя одних, обличая других...

Русский капитализм, в силу своей запоздалости, несамостоятельности и вытекающих отсюда паразитических черт, в гораздо меньшей степени, чем капитализм Европы, успел обучить, технически воспитать и производственно дисциплинировать рабочие массы. Эта задача сейчас целиком ложится на профессиональные организации пролетариата. Хороший инженер, хороший машинист, хороший слесарь должны иметь в Советской Республике такую же известность и славу, какую раньше имели выдающиеся агитаторы, революционные борцы, а в последний период — наиболее мужественные и способные командиры и комиссары. Большие и малые вожди техники должны занять центральное положение в общественном внимании. Нужно заставить плохих рабочих стыдиться того, что они плохо знают свое дело.

У нас сохранилась, и еще в течение продолжительного времени останется, заработная плата. Чем дальше, тем больше ее значение будет состоять в том, чтобы обеспечить всех членов общества всем необходимым; тем самым она перестанет быть заработной платой. Но сейчас мы еще недостаточно богаты для этого. Основной задачей является повышение количества производимых продуктов, и этой задаче подчиняются все остальные. В настоящий тяжкий период заработная плата есть для нас в первую голову не способ обеспечения личного существования отдельного рабочего, а способ оценки того, что отдельный рабочий приносит своим трудом рабочей республике.

Поэтому заработная плата как денежная, так и натуральная должна быть приведена в возможно более точное соответствие с производительностью индивидуального труда. При капитализме поштучная и аккордная система расплаты, применение методов Тейлора и пр. имели задачей повышение эксплоатации рабочих выжиманием сверх-прибыли. При обобще-

ственном производстве поштучная плата, премии и пр. имеют своей задачей увеличение массы общественного продукта, а следовательно, и повышение общего благосостояния. Те рабочие, которые более других содействуют общему интересу, получают право на большую часть общественного продукта, чем лентяи, неряхи и дезорганизаторы.

Наконец, награждая одних, рабочее государство не может не карать других, то-есть тех, кто явно нарушает трудовую солидарность, подрывает общую работу, наносит тяжкий ущерб социалистическому возрождению страны. Репрессия для достижения хозяйственных целей есть необходимое орудие социалистической диктатуры.

Все перечисленные меры — и наряду с ними ряд других — должны обеспечить развитие соревнования в области производства. Без этого мы никогда не поднимемся выше среднего, крайне недостаточного уровня. В основе соревнования лежит жизненный инстинкт — борьба за существование,— который при буржуазном строе принимает характер конкуренции. Соревнование не исчезнет и в развитом социалистическом обществе, но при возрастающем обеспечении необходимыми жизненными благами соревнование будет приобретать все более бескорыстный, чисто идейный характер. Оно будет выражаться в стремлении оказать наибольшую услугу своему селу, уезду, городу или всему обществу и получить взамен известность, благодарность, симпатии, или, наконец, просто внутреннее удовлетворение от сознания хорошо выполненной работы. Но в тяжкий переходный период, в условиях крайней бедности материальными благами и слишком еще недостаточного развития чувства общественной солидарности, соревнование неизбежно должно быть в той или другой степени связано со стремлением к обеспечению себя предметами личного потребления.

Вот, товарищи, совокупность средств, какими располагает рабочее государство для повышения производительности труда. Готового решения, как видим, здесь нет. Ни в какой книге оно не написано. Да подобной книги и не могло быть. Мы только начинаем с вами писать эту книгу потом и кровью трудящихся. Мы говорим: рабочие, работницы, вы перешли на путь нормированного труда. Только на этом пути вы построите социалистическое общество. Перед вами стоит задача, которой никто за вас не решит: задача повышения производительности труда

на новых общественных основах. Не разрешив этой задачи, вы погибнете. Разрешив ее, вы поднимете человечество на целую голову.

Трудовые армии

К вопросу о применении армии для трудовых задач, который получил у нас огромное принципиальное значение, мы подошли эмпирическим путем, отнюдь не на основании теоретических соображений. На некоторых окраинах Советской России обстановка сложилась так, что значительные военные силы оставались на неопределенный срок свободными от боевого применения. Перебросить их на другие, активные фронты, особенно зимой, было трудно вследствие расстройства железнодорожного транспорта. Таково оказалось, например, положение 3-й армии, расположенной в губерниях Урала и Приуралья. Руководящие работники этой армии, понимавшие, что демобилизовать армию мы пока еще не можем, сами возбудили вопрос о переводе ее на трудовое положение. Они прислали в центр более или менее разработанный проект положения о трудовой армии.

Задача была новой и нелегкой. Будут ли красноармейцы работать? Будет ли их работа достаточно производительна? Окупит ли она себя? По этому поводу были сомнения даже в нашей собственной среде. Незачем и говорить, что меньшевики ударили в оппозиционные литавры. Тот же Абрамович [137]) на Съезде Советов Народного Хозяйства, кажется, в январе или в начале февраля, то-есть когда все дело было еще в проекте, предсказывал, что мы потерпим неизбежный крах, ибо все предприятие представляет собою бессмыслицу, аракчеевскую утопию и пр. и пр. Мы смотрели на дело иначе. Конечно, трудности были велики, но они принципиально не отличались от всех вообще трудностей советского строительства.

Присмотримся в самом деле, что представляет из себя организм 3-й армии? В этой армии оставалось мало воинских частей: всего на всего одна стрелковая дивизия и одна кавалерийская — в сумме 15 полков — да еще специальные части. Остальные воинские части были уже раньше переданы другим армиям и фронтам. Но аппарат армейского управления оставался еще нетронутым, и мы считали вероятным, что весною придется перебросить его по Волге на Кавказский фронт против Деникина, если бы к тому времени он не был окончательно сломлен.

В общем в 3-й армии оставалось около 120.000 красноармейцев в управлениях, учреждениях, воинских частях, в лазаретах и пр. В этой общей массе, преимущественно крестьянской по составу, числилось около 16.000 коммунистов и членов организации сочувствующих — в значительном числе уральских рабочих. Таким образом, по своему составу и строению 3-я армия представляла собою массу крестьянства, связанного в военную организацию под руководством передовых рабочих. В армии работало значительное число военных специалистов, выполнявших важные военные функции и находившихся под общим политическим контролем коммунистов. Если под этим общим углом зрения взглянуть на 3-ю армию, то она представит собою отображение всей Советской России. Возьмем ли мы Красную Армию в целом, организацию Советской власти в уезде, губернии или во всей республике, включая и хозяйственные органы, мы найдем везде ту же организационную схему: миллионы крестьян, которые вовлекаются в новые формы политической, хозяйственной и общественной жизни организованными рабочими, занимающими руководящее положение во всех областях советского строительства. На посты, требующие специальных знаний, привлекаются специалисты буржуазной школы; им предоставляется необходимая самостоятельность, но контроль над их работой сохраняется в руках рабочего класса, в лице его коммунистической партии. Проведение трудовой повинности для нас мыслимо опять-таки не иначе, как путем мобилизации преимущественно крестьянских рабочих сил под руководством передовых рабочих. Таким образом, не было и не могло быть никаких принципиальных препятствий на пути трудового применения армии. Иначе сказать, принципиальные возражения против трудовых армий со стороны тех же меньшевиков были в сущности возражениями против «принудительного» труда вообще, следовательно, против трудовой повинности и против советских методов хозяйственного строительства в целом. Через эти возражения мы без труда перешагнули.

Разумеется, военный аппарат, как таковой, не приспособлен к руководству процессом труда. Но на это мы и не посягали. Руководство должно было оставаться в руках соответственных хозяйственных органов; армия давала необходимую рабочую силу в виде организованных компактных единиц, пригодных в массе своей для выполнения простейших однородных работ:

очистка путей от снега, заготовка дров, строительные работы, организация гужевого транспорта и пр. и пр.

Теперь мы имеем уже значительный опыт в деле трудового применения армии и можем давать не только предположительную и гадательную оценку. Каковы же выводы из этого опыта? Меньшевики поторопились их сделать. Все тот же Абрамович заявил на съезде горнорабочих, что мы обанкротились, что трудовые армии представляют собой паразитические образования, где на 10 работающих приходится 100 обслуживающих. Верно ли это? Нет. Это легкомысленная и злобная критика людей, которые стоят в стороне, фактов не знают, подбирают только осколки и мусор и повсюду и везде либо констатируют наше банкротство, либо пророчат его. На деле же трудовые армии не только не обанкротились, но, наоборот, сделали крупные успехи, доказали свою жизненность, эволюционируют и все более упрочиваются. Обанкротились как раз те пророки, которые предсказывали, что из всей затеи ничего не выйдет, что работать никто не станет, что красноармейцы не перейдут на трудовой фронт, а просто разбегутся по домам.

Эти возражения диктовались мещанским скептицизмом, недоверием к массе, недоверием к смелой организационной инициативе. Но разве не те же в основе своей возражения слышали мы, когда приступали к широким мобилизациям для военных задач? Нас и тогда пугали повальным дезертирством, будто бы неизбежным после империалистической войны. Дезертирство, разумеется, было, но по проверке опытом оно оказалось вовсе не таким массовым, как нас пугали; армии оно не разрушило: связь духовная и организационная, коммунистическое добровольчество и государственное принуждение в совокупности своей обеспечили миллионные мобилизации, многочисленные формирования и выполнение труднейших боевых задач. Армия, в конце концов, победила. По отношению к трудовым задачам мы, на основании военного опыта, ждали тех же результатов. И не ошиблись. Красноармейцы вовсе не разбежались при переходе с военного положения на трудовое, как пророчествовали скептики. Благодаря хорошо поставленной агитации, самый переход сопровождался большим нравственным подъемом. Правда, известная часть солдат попыталась покинуть армию, но это бывает всегда, когда крупное воинское соединение перебрасывается с одного фронта на другой, или из тыла отправляется на фронт,

вообще подвергается встряске, и когда потенциальное дезертирство превращается в активное. Но тут вступили сейчас же в свои права политотделы, пресса, органы борьбы с дезертирством и т. д., и сейчас процент дезертиров в армиях труда нисколько не выше, чем в наших боевых армиях.

Указание на то, что армии, в силу своего внутреннего строения, могут выделить лишь небольшой процент работников, верно только отчасти. Что касается 3-й армии, то я уже указал, что она сохранила полный аппарат управления при крайне незначительном числе воинских частей. До тех пор, пока мы — по военным, а не по хозяйственным соображениям — сохраняли в неприкосновенности штаб армии и ее управления, процент работников, выделявшихся армией, был действительно крайне низок. Из общего числа 110.000 красноармейцев — занятых на административно-хозяйственных постах, оказалось 21%; число людей суточного наряда (караульных и пр.) при большом количестве армейских учреждений и складов — около 16%; число больных, главным образом, тифом, вместе с обслуживающим медико-санитарным персоналом — около 13%; отсутствующих по разным причинам (командировки, отпуска, незаконные отлучки)— до 25%. Таким образом, свободная для работы наличность составляла всего 23%, это—максимум того, что можно было в тот период получить для труда из данной армии. На самом деле работало в первое время всего около 14%; главным образом, из тех двух дивизий, стрелковой и кавалерийской, которые еще оставались у армии.

Но как только выяснилось, что Деникин разбит и что нам не придется в помощь войскам Кавказского фронта спускать весною по Волге 3-ю армию, мы немедленно приступили к расформированию тяжеловесных армейских аппаратов и к более правильному приспособлению учреждений армии для трудовых задач. Хотя эта работа еще не закончена, но она уже успела дать очень значительные результаты. В настоящий момент *) бывшая 3-я армия дает работников около 38% по отношению к своему общему составу. Что касается рядом с нею работающих воинских частей Уральского военного округа, то они уже выделяют 49% работников. Этот результат не так плох, если сравнить его с посещаемостью фабрично-заводских предпри-

*) Март 1920 г.

ятий, где на многих еще недавно, а на некоторых и сегодня, невыход на работу, по законным и незаконным причинам, достигал 50 и более процентов *). К этому нужно прибавить, что рабочие фабрик и заводов обслуживаются нередко взрослыми членами семьи, тогда как красноармейцы обслуживают себя сами.

Если возьмем мобилизованных на Урале при помощи военного аппарата 19-летних, главным образом, для лесозаготовительных работ, то окажется, что из общего числа их, свыше 30.000, на работу выходит свыше 75%. Это уже крупнейший шаг вперед. Он показывает, что, применяя военный аппарат для мобилизации и формирования, мы можем в конструкцию чисто-трудовых частей вводить такие изменения, которые обеспечивают огромное повышение процента непосредственно участвующих в материальном процессе производства.

Наконец, и относительно производительности военного труда мы можем теперь судить на основании опыта. На первых порах производительность труда в главных отраслях работы, несмотря на большой моральный подъем, была действительно крайне низка и могла казаться совершенно обескураживающей при чтении первых трудовых сводок. Так, на заготовку куб. саж. дров приходилось в первое время 13—15 рабочих дней, тогда как нормой, правда, в настоящее время редко достигаемой, считаются 3 дня. Нужно еще прибавить, что артисты этого дела способны в благоприятных условиях заготовить куб. саж. в день на человека. Что же оказалось на деле? Воинские части были расположены далеко от лесосек. Во многих случаях приходилось совершать переходы на работу и с работы в 6—8 верст, что поглощало значительную часть рабочего дня. Нехватало на месте топоров и пил. Многие красноармейцы, родом степняки, не знали леса, никогда не валили деревьев, не рубили и не пилили их. Губернские и уездные лесные комитеты далеко не сразу научились пользоваться воинскими частями, направлять их, куда нужно, и обставлять, как следует. Неудивительно, если все это имело своим результатом крайне низкий уровень производительности труда. Но после того, как были устранены наиболее вопиющие недостатки организации, результаты получи-

---

*) С того времени этот процент чрезвычайно понизился (июнь 1920 г.).

лись гораздо более благоприятные. Так, по последним данным, на куб. саж. дров приходится в той же первой трудовой армии $4^1/_2$ рабочих дня, что не так уже далеко от нынешней нормы. Наиболее утешительным является, однако, тот факт, что производительность труда систематически повышается по мере улучшения его постановки.

А чего в этом смысле можно достигнуть, об этом свидетельствует краткий, но очень богатый опыт московского инженерного полка. Главное Военно-Инженерное Управление, руководившее этим опытом, начало с установления нормы выработки — в три рабочих дня на куб дров. Эта норма скоро оказалась превзойденной. В январе месяце на куб дров приходилось $2^1/_3$ рабочих дня; в феврале—2,1; в марте—1,5 рабочих дня, что является исключительно высокой производительностью. Этот результат достигнут духовным воздействием, точным учетом индивидуальной работы каждого, пробуждением трудового честолюбия, выдачей премий работникам, дающим выше средней выработки, или, если говорить языком профессиональных союзов, гибким тарифом, приспособленным ко всем индивидуальным изменениям производительности труда. Этот почти лабораторный опыт ясно намечает пути, по которым нам нужно итти в дальнейшем.

У нас сейчас действует уже ряд трудовых армий: Первая, Петербургская, Украинская, Кавказская, Южно-Заволжская, Запасная. Последняя содействовала, как известно, значительному повышению провозоспособности Казань-Екатеринбургской дороги. И везде, где сколько-нибудь разумно был проделан опыт применения воинских частей для трудовых задач, результаты показали, что этот метод — безусловно жизненный и правильный.

Предрассудок относительно неизбежной паразитичности военной организации — при всех и всяких условиях — оказывается разбит. Советская армия воспроизводит в себе тенденции советского общественного строя. Нужно мыслить не застывшими понятиями прошлой эпохи: «милитаризм», «военная организация», «непроизводительность принудительного труда», а без предвзятости, с открытыми глазами подходить к явлениям новой эпохи и помнить, что суббота существует для человека, а не наоборот, что все формы организации, в том числе и военная, являются только орудием стоящего у власти рабочего клас-

са, который имеет и право и возможность эти орудия приспособлять, изменять, перестраивать, пока не добьется надлежащего результата.

Единый хозяйственный план

Широкое проведение трудовой повинности, как и меры милитаризации труда, могут сыграть решающую роль только в том случае, если они будут применяться на основе единого хозяйственного плана, охватывающего всю страну и все отрасли производственной деятельности. Этот план должен быть рассчитан на ряд лет, на всю ближайшую эпоху. Он естественно разбивается на отдельные периоды, или очереди, в соответствии с неизбежными этапами хозяйственного возрождения страны. Нам придется начать с простейших и в то же время основных задач.

Прежде всего надо обеспечить самую возможность жить — хотя бы и в тягчайших условиях — рабочему классу и тем самым сохранить промышленные центры, спасти города. Это — исходный пункт. Если мы не хотим растворить город в деревне, промышленность в земледелии, окрестьянить всю страну, мы должны поддержать, хотя бы на минимальном уровне, наш транспорт и обеспечить хлеб для городов, топливо и сырье для промышленности, фураж для скота. Без этого мы не сделаем ни шагу вперед. Следовательно, ближайшая часть плана — улучшение положения транспорта, по крайней мере, предупреждение дальнейшего его падения и заготовка необходимейших запасов продовольствия, сырья и топлива. Весь ближайший период будет целиком заполнен сосредоточением и напряжением рабочей силы для разрешения этих основных задач, чем только и будет создана предпосылка для всего дальнейшего. Такую задачу мы поставили в частности нашим трудовым армиям. Будет ли первый период, как и следующие, измеряться месяцами или годами, сейчас незачем предсказывать — это зависит от многих причин, начиная с международного положения и кончая степенью единодушия и выдержки рабочего класса.

Второй период, это—машиностроение в интересах транспорта, добыча сырья и продовольствия. Здесь в центре всего стоит паровоз.

В настоящее время ремонт паровозов ведется слишком кустарным путем, поглощая непомерно много сил и средств. Необходимо ремонт подвижного состава перевести на основы массового производства запасных частей. Теперь, когда вся же-

лезнодорожная сеть и все заводы находятся в руках одного хозяина, рабочего государства, мы можем и должны установить единые для всей страны типы паровозов и вагонов, нормализировать их составные части, привлечь все необходимые заводы к массовому производству запасных частей и приблизить ремонт к простой замене изношенных частей новыми и тем самым обеспечить массовую сборку новых паровозов из запасных частей. Теперь, когда источники топлива и сырья вновь нам открыты, мы должны будем на паровозостроении сосредоточить исключительное внимание.

Третий период — машиностроение в интересах производства предметов широкого массового потребления.

Наконец, четвертый период, опирающийся на завоевания трех первых, позволит перейти к производству предметов личного потребления в самом широком масштабе.

Этот план имеет большое значение не только в качестве общей директивы для практической работы наших хозяйственных органов, но и в качестве руководящей линии для пропаганды среди рабочих масс по поводу наших хозяйственных задач. Наши трудовые мобилизации не войдут в жизнь, не укоренятся, если мы не захватим за живое все, что есть честного, сознательного, одухотворенного в рабочем классе. Мы должны выяснить массам всю правду о нашем положении и о наших видах на будущее, сказать им открыто, что наш хозяйственный план при максимуме напряжения со стороны трудящихся не даст нам ни завтра, ни послезавтра кисельных берегов и молочных рек, ибо в ближайший период мы направим нашу главную работу на то, чтобы подготовить условия для производства средств производства. Лишь после того, как мы обеспечим хотя бы в минимальных размерах возможность восстановления средств транспорта и производства, мы перейдем к производству предметов потребления. Таким образом, непосредственно осязательный для трудящихся плод работы, в виде предметов личного потребления, получится лишь в последней, четвертой, стадии хозяйственного плана, и тогда лишь наступит серьезное облегчение жизни. Массы, которые будут в течение продолжительного времени еще нести на себе тяжесть труда и лишений, должны во всем объеме понять неизбежную внутреннюю логику этого хозяйственного плана, чтобы оказаться способными вынести его на своих плечах.

Чередование намеченных выше четырех хозяйственных периодов не нужно понимать слишком абсолютно. Мы, конечно, не собираемся приостановить сейчас совершенно нашу текстильную промышленность: мы не можем этого сделать уже по одним только военным соображениям. Но для того, чтобы внимание и силы не раздробились под давлением вопиющих отовсюду потребностей и нужд, необходимо, руководствуясь хозяйственным планом, как основным критерием, выделять главное и основное от подсобного и второстепенного. Незачем говорить, что мы ни в каком случае не стремимся к замкнутому «национальному» коммунизму: снятие блокады, а тем более европейская революция должны были бы внести существеннейшие изменения в наш хозяйственный план, сократив стадии его развития, сблизив их между собой. Но когда эти события наступят, мы не знаем. И мы должны действовать так, чтобы удержаться и окрепнуть при самом неблагоприятном, то-есть самом медленном, развитии европейской и мировой революции. В случае действительного установления торговых сношений с капиталистическими странами мы будем руководствоваться опять-таки охарактеризованным ранее хозяйственным планом. Мы отдадим часть нашего сырья в обмен на паровозы или на другие необходимые машины, но никак не в обмен на одежду, обувь или колониальные товары: у нас на очереди стоят не предметы потребления, а орудия транспорта и производства.

Мы были бы близорукими скептиками и крохоборами мещанского типа, если бы представляли себе, что возрождение хозяйства будет постепенным переходом от нынешнего полного хозяйственного распада к тем его состояниям, какие распаду предшествовали, то-есть, что мы по тем же самым ступенькам, по которым спускались вниз, будем подниматься наверх и лишь через некоторое, довольно продолжительное время доведем наше социалистическое хозяйство до того уровня, на котором оно было накануне империалистической войны. Такое представление было бы не только неутешительным, но и безусловно неправильным. Разруха, уничтожавшая и разбивавшая на своем пути неисчислимые ценности, уничтожала в хозяйстве и много рутинного, затхлого, бессмысленного и тем самым очищала путь для нового строительства в соответствии с теми техническими данными, которые имеются теперь у мирового хозяйства.

Если русский капитализм развивался, не переходя со ступени на ступень, а перескакивая через ряд ступеней, и в первобытных степях заводил американские заводы, то тем более такой форсированный путь доступен социалистическому хозяйству. После того, как мы преодолеем злую нищету, скопим небольшие запасы сырья и продовольствия, улучшим транспорт, мы сможем перескакивать через целый ряд посредствующих ступеней, пользуясь тем, что мы не связаны оковами частной собственности и потому имеем возможность все предприятия и все элементы хозяйства подчинить единому государственному плану.

Так, например, мы сможем, несомненно, перейти к электрификации во всех основных отраслях промышленности и в сфере личного потребления, не проходя снова через «век пара». Программа электрификации у нас намечена в ряде последовательных стадий, в соответствии с основными этапами общего хозяйственного плана.

Новая война может замедлить осуществление наших хозяйственных намерений; наша энергия и настойчивость могут и должны ускорить процесс хозяйственного возрождения. Но каким бы темпом ни развертывались далее события, ясно, что в основу всей нашей работы — трудовых мобилизаций, милитаризации труда, субботников и других видов трудового коммунистического добровольчества — должен быть положен *единый хозяйственный план*, при чем ближайший период потребует от нас полного сосредоточения всей энергии на первых, элементарных задачах: продовольствие, топливо, сырье, транспорт. *Не рассеивать внимания, не дробить сил, не разбрасываться.* Таков единственный путь спасения.

Коллегиальность и единоличие

Меньшевики пытаются поставить ставку еще на один вопрос, который кажется им благоприятным, чтобы снова породниться с рабочим классом. Это—вопрос о форме управления промышленными предприятиями, вопрос коллегиального и единоличного начала. Нам говорят, что передача заводов единоличным управляющим, вместо коллегии, есть преступление против рабочего класса и социалистической революции. Замечательно, что наиболее ревностными защитниками социали-

стической революции от единоличия выступают те самые меньшевики, которые еще совсем недавно считали, что самый лозунг социалистической революции есть издевательство над историей и преступление перед рабочим классом.

Виновным перед социалистической революцией оказывается прежде всего наш партийный съезд, который высказался за приближение к единоличию в управлении промышленностью и прежде всего на низших звеньях, на заводах и фабриках. Было бы, однако, величайшим заблуждением рассматривать это решение, как ущерб самодеятельности рабочего класса. Самодеятельность трудящихся определяется и измеряется не тем, трое ли рабочих или один поставлены во главе завода, а факторами и явлениями более глубокого порядка: построением хозяйственных органов при активном участии профсоюзов, построением всех советских органов через советские съезды, представляющие десятки миллионов тружеников; вовлечением в управление или в контроль над управлением самих управляемых— вот в чем выражается самодеятельность рабочего класса. И если рабочий класс, на основании своего опыта, приходит через свои съезды, партийные, советские и профессиональные, к тому выводу, что во главе завода лучше ставить одно лицо, а не коллегию, то это есть решение, продиктованное самодеятельностью рабочего класса. Оно может быть правильно или ошибочно с точки зрения административной техники, но оно не навязано пролетариату, а продиктовано его усмотрением и волей. Было бы поэтому грубым заблуждением смешивать вопрос о господстве пролетариата с вопросом о рабочих коллегиях во главе заводов. Диктатура пролетариата выражается в уничтожении частной собственности на средства производства, в господстве над всем советским механизмом коллективной воли трудящихся, но никак не в форме управления отдельными хозяйственными предприятиями.

Необходимо тут же отвести другое обвинение, часто направляемое против защитников единоличия. Оппоненты говорят: «Это советские милитаристы пытаются из военной области перенести свой опыт в сферу хозяйства. Может быть, в армии принцип единоличия хорош, но в хозяйстве он не годится». Такое возражение неправильно во всех отношениях. Неверно, будто в армии мы начали с единоначалия; даже и теперь мы еще далеко не целиком перешли к нему. Неверно и то, будто в защиту

единоличных форм управления хозяйственными предприятиями с привлечением специалистов мы стали выступать только на основании военного опыта. На самом деле мы в этом вопросе исходили и исходим из чисто марксистского понимания революционных задач и творческих обязанностей пролетариата, взявшего в свои руки власть. Необходимость преемственности накопленных в прошлом технических знаний и навыков, необходимость привлечения специалистов, их широкого использования, чтобы техника пошла не вспять, а вперед,—все это понималось и признавалось нами не только с самого начала революции, но и задолго до октября. Я полагаю, что если бы гражданская война не ограбила наши хозяйственные органы, забравши оттуда все наиболее крепкое, инициативное, самостоятельное, то несомненно, что вступление на путь единоличия в области хозяйственного управления совершилось бы раньше и безболезненнее.

Некоторые товарищи смотрят на аппарат управления хозяйством прежде всего как на школу. Это, конечно, в корне неверно. Задача органов управления—управлять. Кто хочет и способен учиться управлять, пусть идет в школу, на специальные инструкторские курсы, пусть идет в помощники, присматриваться и накоплять опыт, но кто назначается в правление завода, тот идет не в школу, а на ответственный административно-хозяйственный пост. Но если даже смотреть на этот вопрос под ограниченным и потому неправильным углом зрения «школы», то я скажу, что при единоличии школа получается в десять раз лучшая, потому что, если вы замените одного хорошего работника тремя незрелыми, то, поставивши коллегию из трех незрелых на ответственный пост управления, лишите их возможности отдать себе отчет в том, чего им не хватает. Каждый озирается на других при решении и винит других при неудаче.

Что это не есть вопрос принципа, лучше всего показывают противники единоличия тем, что не требуют для мастерских, для цехов, для рудников коллегиальности. Они даже говорят с возмущением, что только сумасшедшие могут требовать, чтобы мастерской управляла тройка или пятерка: должен быть один заведующий цехом—и только. Почему? Если коллегиальное управление есть «школа», то почему нам не нужна школа низшего типа? Почему и в мастерских не завести коллегии? Но

если коллегиальность не является священным заветом для мастерских, почему же она обязательна для завода?

Абрамовичем было здесь сказано, что так как у нас мало специалистов—по вине большевиков, повторяет он за Каутским,—то мы будем их заменять коллегиями рабочих. Это пустяки. Никакая коллегия из лиц, не знающих данного дела, не может заменить одного человека, который это дело знает. Коллегия юристов не заменит одного стрелочника. Коллегия больных не заменит врача. Самая идея неправильна. Коллегия сама по себе не дает знаний незнающему. Она может только скрывать незнание незнающего. Если на ответственный административный пост поставлено лицо, то оно не только у других, но и у себя самого на виду и ясно видит, что знает и чего не знает. Но нет ничего хуже коллегии из незнающих, плохо подготовленных работников на чисто практическом посту, требующем специальных познаний. Члены коллегии находятся в состоянии вечной растерянности, взаимного недовольства, и своей беспомощностью вносят шатания и хаос во всю работу. Рабочий класс глубоко заинтересован в том, чтобы повысить свою способность к управлению, т.-е. обучиться, но это достигается в сфере промышленности тем, что правление завода периодически отчитывается перед всем заводом, причем обсуждается хозяйственный план на год или на текущий месяц, и все рабочие, которые проявляют серьезный интерес к делу промышленной организации, берутся руководителями предприятия или особыми комиссиями на учет, проводятся через соответственные курсы, тесно связанные с практической работой самого завода, назначаются после того сперва на менее ответственные, затем на более ответственные посты. Таким путем мы захватим многие тысячи, в дальнейшем десятки тысяч. Вопрос же о тройках и пятерках интересует не рабочие массы, а более отсталую, более слабую, менее пригодную для самостоятельной работы часть советской рабочей бюрократии. Передовой, сознательный, твердый администратор естественно стремится взять завод в свои руки целиком, показать и себе и другим, что он может управлять. А если это администратор слабенький, который нетвердо стоит на ногах, ему хочется притулиться к другому, ибо в компании с другими незаметна будет его слабость. В такой коллегиальности есть глубоко опасное начало угашения личной ответственности. Если рабочий способен, но не опытен, ему нужен, стало быть,

руководитель; под его рукой он подучится, а завтра мы его назначим заведующим на маленький завод. Таким путем он будет итти вперед. А в случайной коллегии, где сила и слабость каждого неясны, чувство ответственности неизбежно угашается.

Наша резолюция говорит о систематическом *приближении* к единоначалию, разумеется, не одним росчерком пера. Тут возможны различные варианты и комбинации. Где рабочий может справиться один, поставим его руководителем завода, дадим ему помощником специалиста. Где специалист хорош, поставим его начальником и дадим ему помощника, двух или трех—из рабочих. Наконец, где коллегия на деле доказала свою работоспособность, сохраним ее. Это—единственно серьезное отношение к делу, и только таким путем мы подойдем к правильной организации производства.

Есть еще одно соображение общественно-воспитательного характера, которое мне кажется самым существенным. У нас руководящий слой рабочего класса слишком тонок. Это—слой, который знал подполье, долго вел революционную борьбу, бывал за границей, читал много по тюрьмам и в ссылке, имеет политический опыт, широкий кругозор, это—самая драгоценная часть рабочего класса. Затем идет более молодое поколение, которое сознательно проделало нашу революцию с 1917 г. Это—очень ценная часть рабочего класса. Куда бы ни кинуть взор—на советское строительство, на профессиональные союзы, на партийную работу, на фронт гражданской войны,—всюду и везде руководящую роль играет этот верхний слой пролетариата. Главная правительственная работа Советской власти за эти два с половиной года состояла в том, что мы маневрировали, перебрасывая передовой слой рабочих с одного фронта на другой. Более глубокие слои рабочего класса, вышедшие из крестьянской толщи, хотя и настроены революционно, но еще слишком бедны инициативой. Чем болен наш русский мужик—это стадностью, отсутствием личности, то-есть тем, что воспело наше реакционное народничество, что восславил Лев Толстой в образе Платона Каратаева [138]): крестьянин растворяется в своей общине, подчиняется земле. Совершенно очевидно, что социалистическое хозяйство основано не на Платоне Каратаеве, а на мыслящем, инициативном, ответственном работнике. Эту личную инициативу необходимо в рабочем воспитать. Личное начало у буржуазии, это—корыстный индивидуализм, конкурен-

ция. Личное начало у рабочего класса не противоречит ни солидарности, ни братскому сотрудничеству. Социалистическая солидарность не может опираться на безличие, на стадность. Между тем именно безличие часто прячется за коллегиальность.

В рабочем классе много сил, дарований, талантов. Нужно, чтоб они были на виду, обнаружились в соревновании. Начало единоличия в области административно-технической этому содействует. Вот почему оно выше и плодотворнее начала коллегиальности.

Заключительное слово по докладу

Товарищи, аргументы меньшевистских ораторов, особенно Абрамовича, отражают прежде всего полную оторванность от жизни и ее задач. Стоит наблюдатель на берегу реки, которую необходимо переплыть, и рассуждает о свойствах воды и о силе течения. Переплыть надо — вот задача! А наш каутскианец переминается с ноги на ногу. «Мы не отрицаем,— говорит он, — необходимости переплыть, но вместе с тем, как реалисты, мы видим опасность, и не одну, а несколько: течение быстрое, есть подводные камни, люди устали и пр. и пр. Но когда вам говорят, что мы отрицаем самую необходимость переплыть, то это не так, — ни в каком случае. Еще 23 года тому назад мы не отрицали необходимости переплыть»...

На этом построено все — с начала до конца. Во-первых, говорят меньшевики, мы не отрицаем и никогда не отрицали необходимости обороны, стало быть, не отрицаем и армии. Во-вторых, мы не отрицаем в принципе и трудовой повинности. Позвольте, но где же вообще, кроме небольших религиозных сект, есть на свете люди, которые отрицали бы оборону «вообще»! Однако дело ни на шаг не подвигается вашим отвлеченным признанием. Когда дошло до реальной борьбы и до создания реальной армии против реальных врагов рабочего класса, что вы тогда делали?— Противодействовали, саботировали,— не отрицая обороны вообще. Вы говорили и писали в ваших газетах: «Долой гражданскую войну!» в то время, когда на нас напирали белогвардейцы и приставили нож к нашему горлу. Теперь вы, одобряя задним числом нашу победоносную оборону, переводите ваш критический взор на новые задачи и поучаете нас: «Вообще мы не отрицаем трудовой повинности,— говорите

вы,—но... без юридического принуждения». Однако же в этих словах чудовищное внутреннее противоречие! Понятие «повинности» само в себе заключает элемент принуждения. Человек *повинен*, обязан что-то сделать. Если не сделает, то, очевидно, претерпит принуждение, кару. Тут мы подходим к вопросу о том, какое принуждение. Абрамович говорит: экономическое давление—да, но не юридическое принуждение. Представитель союза металлистов т. Гольцман [139]) превосходно показал всю схоластичность такого построения. Уже при капитализме, то-есть при режиме «свободного» труда, экономическое давление неотделимо от юридического принуждения. Тем более теперь!

В своем докладе я пытался разъяснить, что приучение трудящихся на новых общественных основах к новым формам труда и достижение более высокой производительности труда возможны только путем одновременного применения различных методов — и экономической заинтересованности, и юридической принудительности, и влияния внутренне-согласованной хозяйственной организации, и силы репрессий, и прежде всего и после всего — идейного воздействия, агитации, пропаганды, наконец, общего повышения культурного уровня,—только комбинацией всех этих средств может быть достигнут высокий уровень социалистического хозяйства.

Если уже при капитализме экономическая заинтересованность неизбежно сочетается с юридическим принуждением, за которым стоит материальная сила государства, то в государстве советском, т.-е. переходном к социализму, между экономическим принуждением и юридическим вообще нельзя провести водораздела. У нас все важнейшие предприятия находятся в руках государства. Когда мы говорим токарю Иванову: «Ты обязан работать сейчас на Сормовском заводе,—если откажешься, то не получишь пайка»,—что это такое: экономическое давление или юридическое принуждение? На другой завод он не может уйти, ибо все заводы в руках государства, которое этого перехода не допустит. Стало быть, экономическое давление сливается здесь с давлением государственной репрессии. Абрамович, очевидно, хочет, чтобы мы, в качестве регулятора распределения рабочей силы, пользовались только повышением заработной платы, премией и пр. для привлечения нужных рабочих на важнейшие предприятия. Очевидно, тут вся его мысль. Но если так поставить вопрос, то всякий серьезный работник

профессионального движения поймет, что это чистейшая утопия. Надеяться на свободный приток рабочей силы с рынка мы не можем, ибо для этого нужно было бы иметь в руках государства достаточно обширные маневренные ресурсы продовольственного, квартирного и транспортного характера,—то-есть те именно условия, которые еще только предстоит создать. Без массовой, планомерно организованной государством переброски рабочей силы по нарядам хозяйственных органов мы ничего не сделаем. Здесь перед нами момент принудительности выступает во всей своей экономической необходимости. Я вам читал телеграмму из Екатеринбурга о ходе работ Первой Армии Труда,—там говорится, что через Уральский комитет по трудовой повинности прошло свыше 4 тысяч квалифицированных рабочих. Откуда они явились? Главным образом из бывшей третьей армии. Их не отпустили по домам, а отправили по назначению. Из армии их передали Комитету по трудовой повинности, который распределил их по категориям и отправил по заводам. Это— с либеральной точки зрения—«насилие» над свободой личности. Подавляющее большинство рабочих, однако, охотно шло на трудовой фронт, как раньше—на боевой, понимая, что этого требуют высшие интересы. Часть шла против воли. Таких заставили.

Государство должно—это, разумеется, ясно—лучших рабочих путем премиальной системы поставить в лучшие условия существования. Но это не только не исключает, а, напротив, предполагает, что государство и профессиональные союзы,— без которых советское государство промышленности не построит,—получают на рабочего какие-то новые права. Рабочий не просто торгуется с советским государством,—нет, он повинен государству, всесторонне подчинен ему, ибо это—*его* государство.

«Если бы,—говорит Абрамович,—нам просто сказали, что дело идет о профессиональной дисциплине, не из-за чего было бы копья ломать; но при чем тут милитаризация?» Конечно, дело идет в значительной мере о дисциплине профессиональных союзов, но о новой дисциплине новых, *производственных* профессиональных союзов. Мы живем в советской стране, где господствует рабочий класс,—чего не понимают наши каутскианцы. Когда меньшевик Рубцов [140]) говорил, что от профессиональных союзов в моем докладе остались только рожки да

ножки, то тут есть доля правды. От профессиональных союзов, как он их понимает, то-есть от союзов тред-юнионистского типа, действительно, осталось немногое, но профессионально-производственная организация рабочего класса в условиях Советской России имеет величайшие задачи. Какие? Конечно, не задачи борьбы с государством во имя интересов труда, а задачи построения, рука об руку с государством, социалистического хозяйства. Такого рода союз есть принципиально новая организация, которая отличается не только от тред-юнионов, но и от революционных профессиональных союзов в буржуазном обществе, как господство пролетариата отличается от господства буржуазии. Производственный союз правящего рабочего класса имеет не те задачи, не те методы, не ту дисциплину, что союз борьбы угнетенного класса. У нас все рабочие *обязаны* входить в союзы. Меньшевики против этого. Это вполне понятно, потому что они фактически против *диктатуры пролетариата*. К этому в последнем счете и сводится весь вопрос. Каутскианцы против диктатуры пролетариата и тем самым против всех ее последствий. Экономическое принуждение, как и политическое — только формы проявления диктатуры рабочего класса в двух тесно связанных областях. Правда, Абрамович нам глубокомысленно доказывал, что при социализме принуждения не будет, что принцип принуждения противоречит социализму, что при социализме будет действовать чувство долга, привычка к труду, привлекательность труда и пр. и пр. Это бесспорно. Но только эту бесспорную истину нужно расширить. Дело-то в том, что при социализме не будет самого аппарата принуждения,— государства: оно целиком растворится в производительной и потребительной коммуне. Тем не менее, путь к социализму лежит через высшее напряжение государственности. И мы с вами проходим как раз через этот период. Как лампа, прежде чем потухнуть, вспыхивает ярким пламенем, так и государство, прежде чем исчезнуть, принимает форму диктатуры пролетариата, т.-е. самого беспощадного государства, которое повелительно охватывает жизнь граждан со всех сторон. Вот этой мелочи, этой исторической ступенечки — государственной диктатуры — Абрамович, а в лице его и весь меньшевизм, не заметил и об нее споткнулся.

Никакая другая организация, кроме армии, не охватывала в прошлом человека с такой суровой принудительностью, как

государственная организация рабочего класса в тягчайшую переходную эпоху. Именно поэтому мы и говорим о *милитаризации* труда. Судьба меньшевиков—плестись в хвосте событий и признавать те части революционной программы, которые уже успели утратить практическое значение. Меньшевизм ныне—хоть и с оговорками—не оспаривает законности расправы с белогвардейцами и с дезертирами из Красной Армии,—он это вынужден признать после своих собственных печальных опытов с «демократией». Он как будто понял—задним числом,—что лицом к лицу с контр-революционными бандами нельзя отделываться фразами о том, что при социализме красного террора не понадобится. Но в области хозяйства меньшевики все еще пытаются отослать нас к нашим сыновьям и особенно внукам. Однако же хозяйство нам приходится строить сейчас, не медля, в обстановке тяжелого наследия буржуазного общества и еще не завершенной гражданской войны.

Меньшевизм, как и все вообще каутскианство, утопает в демократических банальностях и социалистических отвлеченностях. Снова и снова обнаруживается, что для него не существует задач переходного периода, т.-е. пролетарской революции. Отсюда безжизненность его критики, его указаний, планов и рецептов. Дело не в том, что будет через 20—30 лет,—тогда, разумеется, будет гораздо лучше,—а в том, как сегодня выбиться из разрухи, как сейчас распределить рабочую силу, как сегодня повысить производительность труда, как, в частности, поступить с теми четырьмя тысячами квалифицированных рабочих, которых мы извлекли на Урале из армии. Отпустить их на все четыре стороны: «ищите, где лучше, товарищи»? Нет, мы так не могли поступить. Мы посадили их в воинские эшелоны и отправили по фабрикам и заводам.

«Чем же ваш социализм,—восклицает Абрамович,—отличается от египетского рабства? Приблизительно таким же путем фараоны строили пирамиды, принуждая массы к труду». Неподражаемая для «социалиста» аналогия! При этом упущена все та же мелочь: классовая природа власти! Абрамович не видит разницы между египетским режимом и нашим. Он забыл, что в Египте были фараоны, были рабовладельцы и рабы. Не крестьяне египетские через свои Советы решали строить пирамиды,—там был иерархически-кастовый общественный строй,—и трудящихся заставлял работать враждебный им класс. У нас

принуждение осуществляется рабоче-крестьянской властью во имя интересов трудящихся масс. Вот чего Абрамович не заметил. Мы учились в школе социализма тому, что все общественное развитие основано на классах и их борьбе и что весь ход жизни определяется тем, какой класс стоит у власти и во имя каких задач проводит свою политику. Вот чего не понимает Абрамович. Может быть, он хорошо знает Ветхий Завет, но социализм для него—книга за семью печатями.

Идя по пути либерально-поверхностных аналогий, не считающихся с классовой природой государства, Абрамович мог бы (и в прошлом меньшевики не раз это делали) отождествить красную и белую армию. И там и здесь шли мобилизации по преимуществу крестьянских масс. И там и здесь имело место принуждение. И там и здесь не мало офицеров, прошедших одну и ту же школу царизма. Те же винтовки, те же патроны в обоих лагерях,—какая же разница? Разница есть, господа, и она определяется основным признаком: кто стоит у власти? Рабочий класс или дворянство, фараоны или мужики, белогвардейщина или питерский пролетариат. Разница есть, и о ней свидетельствует судьба Юденича, Колчака и Деникина. У нас крестьян мобилизовали рабочие; у Колчака—белогвардейское офицерство. Наша армия сплотилась и окрепла, белая—рассыпалась в прах. Нет, разница между советским режимом и режимом фараонов существует,—и недаром питерские пролетарии начали свою революцию с того, что подстреливали на колокольнях Питера фараонов *).

Один из меньшевистских ораторов попытался мимоходом изобразить меня, как защитника милитаризма вообще. По его сведениям, выходит, видите ли, что я защищаю не более не менее, как германский милитаризм. Я доказывал, изволите видеть, что германский унтер-офицер, это — чудо природы, и все, что он творит — выше подражания... Что я говорил на самом деле? Только то, что милитаризм, в котором все черты общественного развития находят наиболее законченное, отчеканенное и заостренное выражение, может быть рассматриваем с двух

*) Так называли царских городовых, которых министр внутренних дел Протопопов разместил в конце февраля 1917 года на крышах домов и на колокольнях.

сторон: во-первых, политической или социалистической — и тут он целиком зависит от того, какой класс стоит у власти; и, во-вторых, с организационной, как система строгого распределения обязанностей, точных взаимоотношений, безусловной ответственности, суровой исполнительности. Буржуазная армия есть аппарат зверского угнетения и подавления трудящихся; социалистическая армия есть орудие освобождения и защиты трудящихся. Но безусловное подчинение части целому есть черта, общая *всякой* армии. Суровый внутренний режим неотделим от военной организации. На войне всякая неряшливость, недобросовестность и даже простая неточность нередко влекут тягчайшие жертвы. Отсюда стремление военной организации довести ясность, оформленность, точность отношений и ответственности до наивысшего предела. Такого рода «военные» качества ценятся во всех областях. В этом смысле я и сказал, что каждый класс ценит у себя на службе тех членов своих, которые, при прочих равных данных, прошли военную выучку. Немецкий — скажем — кулак, вышедший из казармы, в качестве унтер-офицера, был для немецкой монархии и остается для республики Эберта дороже, ценнее того же кулака, не прошедшего военной выучки. Аппарат германских железных дорог был поставлен на большую высоту в значительной мере благодаря привлечению унтер-офицеров и офицеров на административные должности в путейском ведомстве. В этом смысле и нам есть кое-чему поучиться у милитаризма. Тов. Цыперович [141]), один из виднейших наших профессиональных работников, свидетельствовал нам здесь, что рабочий-профессионалист, который прошел военную выучку, который занимал, скажем, ответственный пост комиссара полка в течение года, отнюдь не стал от этого хуже для профессиональной работы. Он вернулся в союз тем же пролетарием с ног до головы, ибо он сражался за дело пролетариата; но он вернулся закаленным, возмужавшим, более самостоятельным, более решительным, ибо он побывал в очень ответственных положениях. Ему приходилось руководить несколькими тысячами красноармейцев, разного уровня сознательности, — в большинстве своем крестьян. Он с ними пережил и победы и неудачи, наступал и отступал. Бывали случаи предательства командного состава, кулацких мятежей, паники, — он стоял на посту, сдерживал менее сознательную массу, направлял ее, воодушевлял своим примером, карал предателей и шкурников. Этот опыт—боль-

шой и ценный опыт. И когда бывший комиссар полка возвращается в профсоюз, он становится не плохим организатором.

По вопросу о *коллегиальности* аргументы Абрамовича так же безжизненны, как и по всем другим вопросам, — аргументы постороннего наблюдателя, стоящего на берегу реки.

Абрамович нам разъяснял, что хорошая коллегия лучше плохого единоличия и что в хорошую коллегию должен входить хороший специалист. Все это великолепно,—почему только меньшевики не предложат нам несколько сот таких коллегий? Я думаю, что ВСНХ найдет для них достаточное применение. Но мы, не наблюдатели, а работники, должны строить из того материала, какой есть. У нас есть спецы, из которых, скажем, одна третья часть добросовестная и знающая, другая треть—полудобросовестная и полузнающая, а третья треть—никуда не годится. В рабочем классе много даровитых, самоотверженных и энергичных людей. У одних — к несчастью, немногих — есть уже необходимые знания и опыт. У других есть характер и способности, но нет опыта и знаний. У третьих — ни того, ни другого. Из этого материала надо создавать заводские и другие правления, и тут нельзя отделываться общими фразами. Прежде всего нужно отобрать всех рабочих, которые уже на опыте доказали, что могут руководить предприятиями, и таким дать возможность стоять на своих ногах,—такие сами хотят единоличия, потому что заводоуправления — это не школа для отстающих. Твердый, знающий дело рабочий хочет *управлять*. Если он решил и приказал, то решение его должно быть исполнено. Его могут сместить, это другое дело, но пока он хозяин,—советский, пролетарский хозяин,—он руководит предприятием вполне и целиком. Если его включить в коллегию из более слабых, которые вмешиваются в управление, толку не выйдет. Такому рабочему-администратору нужно дать специалиста-помощника, одного или двух, смотря по предприятию. Если подходящего рабочего-администратора нет, а есть добросовестный и знающий специалист, мы его поставим во главе предприятия, приставим к нему 2—3 выдающихся рабочих, в качестве помощников, так, чтобы каждое решение специалиста было известно помощникам, но чтобы отменять это решение они не имели права. Они будут шаг за шагом проделывать со специалистом его работу и коечему научатся, а через полгода-год смогут занять самостоятельные посты.

Абрамович приводил, с моих же слов, пример парикмахера, который командовал дивизией и армией. Верно! Чего, однако, не знает Абрамович, так это того, что если у нас товарищи-коммунисты начали командовать полками, дивизиями и армиями, так это потому, что они раньше были комиссарами при командирах-специалистах. Ответственность нес специалист, который знал, что если ошибется, то будет отвечать полностью, не сможет сказать, что он только «консультант», или «член коллегии». Сейчас у нас в армии большинство командных постов, особенно на низших, т.-е. политически наиболее важных ступенях, занимают рабочие и передовые крестьяне. А с чего мы начали? Мы ставили на командные посты офицеров, а рабочих ставили комиссарами, и они учились, и учились с успехом, и научились бить врага.

Товарищи, мы стоим перед трудным периодом, может быть, перед труднейшим. Тяжким эпохам в жизни народов и классов соответствуют суровые меры. Чем дальше, тем будет легче, тем свободнее будет себя чувствовать каждый гражданин, тем незаметнее будет становиться принудительная сила пролетарского государства. Может быть, мы тогда и меньшевикам газеты разрешим, если только меньшевики до тех пор сохранятся. Но сейчас мы живем в эпоху диктатуры—политической и экономической. А меньшевики продолжают эту диктатуру подрывать. Когда мы сражаемся на гражданском фронте, охраняя революцию от врагов, а газета меньшевиков пишет: «долой гражданскую войну!»—этого мы допустить не можем. Диктатура есть диктатура, война есть война. И теперь, когда мы перешли на путь высшей концентрации сил на поле хозяйственного возрождения страны, русские каутскианцы, меньшевики, остаются верны своему контр-революционному призванию: их голос звучит попрежнему, как голос сомнения и разложения, расшатывания и подтачивания, недоверия и распада.

Разве же это не чудовищно и не смешно, когда на этом съезде, где собраны полторы тысячи представителей, олицетворяющих русский рабочий класс, где меньшевиков менее 5%, а коммунистов около 90%, Абрамович говорит нам: «Не увлекайтесь такими методами, когда отдельная кучка заменяет народ». «Все через народ,—говорит представитель меньшевиков,— никаких опекунов над трудящейся массой! Все через трудящиеся массы, через их самодеятельность!» И дальше: «Класс убедить аргумен-

тами нельзя!». Да вы поглядите на этот зал: вот он класс! Рабочий класс здесь перед нами и с нами, а именно вы, ничтожная кучка меньшевиков, пытаетесь убедить его мещанскими аргументами! Вы хотите быть опекунами этого класса. А между тем у него есть своя высокая самодеятельность, и эту самодеятельность он проявил, между прочим, и в том, что вас скинул и пошел вперед своей дорогой!

IX

КАРЛ КАУТСКИЙ, ЕГО ШКОЛА И ЕГО КНИГА

Австро-марксистская школа (Бауэр, Реннер, Гильфердинг, Макс Адлер [142]), Фридрих Адлер) в прошлом нередко противопоставлялась школе Каутского, как прикрытый оппортунизм — подлинному марксизму. Это оказалось чистейшим историческим недоразумением, которое одних обманывало дольше, других меньше, но, в конце концов, раскрылось с полной ясностью: Каутский есть основоположник и наиболее законченный представитель австрийской подделки марксизма. В то время, как действительное учение Маркса является теоретической формулой действия, наступления, развития революционной энергии, доведения классового удара до конца, — австрийская школа превратилась в академию пассивности и уклончивости, стала вульгарно-исторической и консервативной, т.-е. свела свои задачи к тому, чтобы объяснять и оправдывать, а не направлять к действию и ниспровержению, унизилась до роли прислужницы текущих потребностей парламентского и профессионалистского оппортунизма, заменила диалектику плутоватой софистикой и, в конце концов, несмотря на шумиху ритуально-революционной фразеологии, превратилась в надежнейшую опору капиталистического государства вместе с воздымавшимся над ним алтарем и троном. Если последний сбрушился в пропасть, то тут нет никакой вины австро-марксистской школы.

То, что характеризует австро-марксизм, это — отвращение к революционному действию и страх перед ним. Австро-марксист способен развернуть бездну глубокомыслия в объяснении вчерашнего дня и значительную отвагу в деле пророчества относительно завтрашнего дня, — но для сегодняшнего дня у него

никогда нет большой мысли, предпосылки к большому действию. Сегодняшний день для него всегда пропадает под напором мелких оппортунистических забот, которые затем получают истолкование, как непреложнейшее звено между прошлым и будущим.

Австро-марксист неистощим, когда дело касается выискивания причин, препятствующих инициативе и затрудняющих революционное действие. Австро-марксизм есть ученая и чванная теория пассивности и капитуляции. Не случайно, разумеется, что именно в Австрии, в этом Вавилоне, раздиравшемся бесплодными национальными противоречиями, в этом государстве, представлявшем олицетворенную невозможность существования и развития, возникла и укрепилась псевдо-марксистская философия невозможности революционного действия.

Виднейшие австро-марксисты представляют, каждый на свой лад, некоторую «индивидуальность». По разным вопросам они нередко расходились между собой. У них бывали даже политические разногласия. Но в общем это пальцы одной и той же руки.

Карл Реннер является наиболее пышным, махровым, наиболее самовлюбленным представителем этого типа. Дар литературной имитации или, проще, стилистической подделки свойствен ему в исключительной степени. Его воскресные первомайские статьи представляли собой прекрасно стилизованную комбинацию самых революционных слов. И так как слова и их сочетания живут в известных пределах своей самостоятельной жизнью, то статьи Реннера будили в сердцах многих рабочих революционный огонь, которого автор их, повидимому, не знал никогда.

Мишурность австро-венской культуры, погоня за внешним, за званием, за титулом свойственна была Реннеру в большей степени, чем остальным его собратьям. В сущности, он оставался всегда лишь королевско-императорским чиновником, который в совершенстве владел марксистской фразеологией.

Превращение автора известной своим революционным пафосом юбилейной статьи о Карле Марксе в опереточного канцлера, который изъясняется в чувствах уважения и благодарности скандинавским монархам, представляет собой один из самых закономерных парадоксов истории.

Отто Бауэр ученее, прозаичнее, серьезнее и скучнее Реннера. Ему нельзя отказать в способности читать книги, собирать факты и делать выводы — применительно к тем заданиям, какие ему ставит практическая политика, которую делают дру-

гие. У Бауэра нет политической воли. Его главное искусство состоит в том, чтобы в самых острых практических вопросах отделываться общими местами. Его мысль — политическая мысль всегда живет параллельной жизнью с волей — лишена мужества. Его работы всегда лишь ученая компиляция даровитого воспитанника университетского семинария. Самые постыдные действия австрийского оппортунизма, самое низкопробное прислужничество власти имущих со стороны австро-германской социал-демократии находили в Бауэре своего глубокомысленного истолкователя, который иногда почтительно высказывался против формы, всегда соглашаясь по существу. Если Бауэру случалось обнаруживать подобие темперамента и политической энергии, то исключительно в борьбе против революционного крыла — в нагромождении доводов, фактов, цитат *против* революционного действия. Его высшим моментом был тот период (после 1907 г.), когда он, еще слишком молодой, чтобы быть депутатом, играл роль секретаря социал-демократической фракции, обслуживал ее материалами, цифрами, суррогатами идей, инструктировал, писал конспекты и казался себе вдохновителем великих действий, тогда как на деле был только поставщиком суррогатов и фальсификатов для парламентских оппортунистов.

Макс Адлер представляет довольно замысловатую разновидность австро-марксистского типа. Это лирик, философ, мистик—философский лирик пассивности, как Реннер ее публицист и юрист, как Гильфердинг ее экономист, как Бауэр ее социолог. Максу Адлеру тесно в мире трех измерений, хотя он весьма комфортабельно умещался в рамках венского мещанского социализма и габсбургской государственности. Сочетание мелкой адвокатской деловитости и политической приниженности с бесплодными философскими потугами и дешевыми бумажными цветами идеализма придавало той разновидности, какую представлял Макс Адлер, приторный и отталкивающий характер.

Рудольф Гильфердинг, венец, как и остальные, вошел в германскую социал-демократию почти как бунтовщик, но как бунтовщик австрийского «закала», т.-е. всегда готовый капитулировать без боя. Гильфердинг принимал внешнюю подвижность и суетливость воспитавшей его австрийской политики за революционную инициативу, и в течение доброй дюжины месяцев он требовал, правда, в самых скромных выражениях, более инициативной политики от руководителей германской социал-демо-

кратии. Но австрийско-венская суетливость быстро сползла с него самого. Он скоро подчинился механическому ритму Берлина и автоматизму духовной жизни немецкой социал-демократии. Свою умственную энергию он освободил для чисто теоретической области, где он не сказал, правда, большого слова,—ни один австро-марксист не сказал большого слова ни в одной из областей,—но где он написал тем не менее серьезную книгу. С этой книгой на спине, как носильщик с тяжелым грузом, он вошел в революционную эпоху. Но и самая ученая книга не может заменить отсутствия воли, инициативы, революционного чутья, политической решимости, без чего немыслимо действие... Медик по образованию, Гильфердинг склонен к трезвости и, несмотря на свою теоретическую подготовку, является самым примитивным эмпириком в области вопросов политики. Главная задача сегодняшнего дня состоит для него в том, чтобы не выскочить из колеи, завещанной ему вчерашним днем и чтобы найти для этой консервативности и мещанской дряблости учено-экономическое оправдание.

Фридрих Адлер—наименее уравновешенный представитель австро-марксистского типа. Он унаследовал от отца политический темперамент. В мелкой изнуряющей борьбе с нескладицей австрийских условий Фридрих Адлер позволил своему ироническому скептицизму разрушить вконец революционные основы своего мировоззрения. Унаследованный от отца темперамент не раз толкал его в оппозицию против школы, созданной его отцом. В известные моменты Фридрих Адлер мог казаться прямо-таки революционным отрицанием австрийской школы. На самом деле он был и остается ее необходимым завершением. Его взрывчатая революционность знаменовала собою острые припадки отчаяния австрийского оппортунизма, пугавшегося время от времени своего собственного ничтожества.

Фридрих Адлер — скептик до мозга костей: он не верит в массу, в ее способность к действию. В то время, как Карл Либкнехт в часы высшего торжества германской военщины вышел на Потсдамскую площадь, чтобы звать придавленные массы к открытому бою, Фридрих Адлер вошел в буржуазный ресторан, чтобы убить там австрийского министра-президента. Своим одиноким выстрелом Фридрих Адлер безуспешно пытался покончить со своим собственным скептицизмом. После этого истерического напряжения он впал в еще большую прострацию.

Черно-желтая свора социал-патриотизма (Аустерлиц [143]), Лейтнер [144]) и пр.) обливала Адлера-террориста всеми помоями своего пафоса трусов. Но когда острый период остался позади, и блудный сын вернулся из каторжной тюрьмы в отчий дом с ореолом мученика, он оказался в таком виде вдвойне и втройне ценным для австрийской социал-демократии. Золотой ореол террориста был превращен опытными фальшивомонетчиками партии в звонкую монету демагогии. Фридрих Адлер стал присяжным поручителем за дела Аустерлицов и Реннеров перед массами. К счастью, австрийские рабочие все меньше отличают сентиментально-лирическую прострацию Фридриха Адлера от высокопарной пошлости Реннера, высоко-талмудической импотенции Макса Адлера или аналитического самодовольства Отто Бауэра.

Трусость мысли теоретиков австро-марксистской школы целиком и полностью раскрылась пред лицом великих задач революционной эпохи. В своей бессмертной попытке включить систему советов в конституцию Эберта—Носке Гильфердинг дал выражение не только своему духу, но и духу всей австро-марксистской школы, которая, с наступлением революционной эпохи, попыталась стать ровно настолько левее Каутского, насколько до революции была правее его.

С этой точки зрения чрезвычайно поучителен взгляд на систему советов Макса Адлера.

Венский философ-эклектик признает значение советов. Его смелость идет так далеко, что он их усыновляет. Он прямо провозглашает их аппаратом социальной революции. Макс Адлер, разумеется, за социальную революцию. Но не за бурную, баррикадную, террористическую, кровавую, а за разумную, экономную, уравновешенную, юридически канонизированную, в философском участке одобренную.

Макс Адлер не пугается даже того, что советы нарушают «принцип» конституционного разделения властей (в австрийской социал-демократии есть не мало болванов, которые в таком нарушении видят великий недочет советской системы!),—наоборот, адвокат профессиональных союзов и юрисконсульт социальной революции, Макс Адлер в слиянии властей видит даже преимущество, которое обеспечивает непосредственное выражение воли пролетариата. Макс Адлер—за непосредственное выражение воли пролетариата, но только не путем прямого захвата власти через посредство советов. Он предлагает метод более надежный.

В каждом городе, районе, квартале рабочие советы должны «контролировать» полицейских и иных чиновников, навязывая им «волю пролетариата». Каково же будет, однако, «государственно-правовое» положение советов в республике Зейца, Реннера и К°? На это наш философ отвечает: «Рабочие советы в последнем счете получат столько государственно-правовой мощи, сколько обеспечат ее за собой путем своей деятельности» («Arbeiter Zeitung», № 179, 1 Juli 1919).

Пролетарские советы должны постепенно *врастать* в политическую власть пролетариата, как прежде, по теории реформизма, все пролетарские организации должны были врастать в социализм, чему, однако, немножко помешали непредвиденные четырехлетние недоразумения между центральными государствами и Антантой и все, что после того последовало. От экономной программы планомерного врастания в социализм без социальной революции пришлось отказаться. Но зато открылась перспектива планомерного врастания советов в социальную революцию—без вооруженного восстания и захвата власти.

Для того, чтобы советы не погрязли в задачах районов и кварталов, отважный юрисконсульт предлагает—пропаганду социал-демократических идей! Политическая власть остается по-прежнему в руках буржуазии и ее помощников. Но зато в районах и кварталах советы контролируют приставов и околоточных. А в утешение рабочему классу и одновременно для централизации его мысли и воли Макс Адлер по воскресеньям будет читать рефераты о государственно-правовом положении советов, как в прошлом он читал рефераты о государственно-правовом положении профессиональных союзов

«Таким путем, — обещает Макс Адлер, — порядок государственно-правового регулирования положения рабочих советов, их вес и значение были бы обеспечены по всей линии государственно-общественной жизни, и — без диктатуры советов — советская система приобрела бы влияние, больше которого она не могла бы иметь и в республике советов; в то же время не пришлось бы оплачивать это влияние политическими бурями и экономическими разрушениями». (Там же). Как видим, вдобавок ко всему остальному Макс Адлер остается еще в согласии с австрийской традицией: сделать революцию, не поссорившись с господином прокурором.

* * *

Родоначальником этой школы и ее высшим авторитетом является Каутский. Тщательно оберегая, особенно после дрезденского партейтага и первой русской революции, свою репутацию хранителя марксистской ортодоксии, Каутский время от времени неодобрительно покачивал головою по поводу наиболее компрометирующих выходок своей австрийской школы. По примеру покойника Виктора Адлера, Бауэр, Реннер, Гильфердинг — все вместе и каждый в отдельности — считали Каутского слишком педантичным, слишком неповоротливым, но очень почтенным и вполне полезным отцом и учителем церкви квиетизма.

Каутский стал внушать серьезные опасения своей собственной школе в период своей революционной кульминации, во время первой русской революции, когда он признал необходимым захват власти русской социал-демократией и пытался теоретические выводы из опыта всеобщей стачки в России привить германскому рабочему классу. Крушение первой русской революции сразу оборвало эволюцию Каутского на пути радикализма. Чем непосредственнее выдвигались развитием вопросы массового действия в самой Германии, тем уклончивее становилось отношение к ним Каутского. Он топтался на месте, отступал назад, терял уверенность, и педантически-схоластические черты его мышления все более выступали на передний план. Империалистская война, которая убила всякую неопределенность и ребром поставила все основные вопросы, обнажила полное политическое банкротство Каутского. Он сразу безнадежно запутался на простейшем вопросе о голосовании военных кредитов. Все его писания после того представляют вариации одной и той же темы: «Я и моя путаница». Русская революция окончательно убила Каутского. Всем предшествующим развитием он был поставлен во враждебное отношение к ноябрьской победе пролетариата. Это неотвратимо отбрасывало его в лагерь контр-революции. Он утратил последние остатки исторического чутья. Его дальнейшие писания все более превращались в желтую литературу буржуазного рынка.

Разобранная нами книжка Каутского по внешности своей обладает всеми атрибутами так называемого объективного научного труда. Чтобы исследовать вопрос о красном терроре, Каутский поступает со всей свойственной ему обстоятельностью. Он начинает с изучения социальных условий, подготовивших Вели-

кую Французскую Революцию, а также физиологических и социальных причин, содействующих развитию жестокости и гуманности на всем протяжении истории человеческого рода. В книжке, посвященной большевизму, где вопрос рассматривается на 154 стр., Каутский обстоятельно рассказывает, чем кормился наш отдаленнейший человекоподобный предок, и высказывает догадку, что, питаясь преимущественно растительными продуктами, он пожирал еще насекомых и, может быть, некоторых птиц (см. стр. 85). Словом, ничто не заставляло предполагать, что от такого, вполне респектабельного и явно склонного к вегетарианству, предка могут произойти такие кровожадные потомки, как большевики. Вот на какую солидную научную базу поставлен Каутским вопрос!..

Но, как нередко бывает с произведениями подобного рода, за академико-схоластическим нарядом скрывается злостный политический памфлет. Это одна из самых лживых и бессовестных книг. Разве не невероятно, на первый взгляд, что Каутский подбирает презреннейшие сплетни о большевиках с богатого стола Гаваса, Рейтера и Вольфа [145]), обнажая таким образом из-под ученого колпака уши сикофанта. Но эти неопрятные подробности являются только мозаическими украшениями на основном фоне солидной ученой лжи по адресу Советской Республики и ее руководящей партии.

Каутский в самых мрачных тонах живописует нашу жестокость по отношению к буржуазии, которая-де «не проявляла склонности к сопротивлению».

Каутский клеймит нашу беспощадность по отношению к социалистам-революционерам и меньшевикам, которые-де являются «оттенками» в социализме.

Каутский рисует советское хозяйство, как хаос распада.

Каутский изображает советских работников да и весь вообще русский рабочий класс, как скопище эгоистов, бездельников и шкурников.

Он ни одним словом не говорит о небывалом в истории—по размаху подлости — поведении русской буржуазии, об ее национальных предательствах: о сдаче Риги [146]) немцам с «педагогическими» целями; о подготовке такой же сдачи Петербурга; об ее обращении к чужеземным армиям, чехо-словацкой, немецкой, румынской, английской, японской, французской, арабской и негритянской, против русских рабочих и крестьян; об ее заго-

ворах и убийствах на деньги Антанты; об использовании ею блокады не только для смертельного истощения наших детей, но и для систематического, неутомимого, упорного распространения во всем мире неслыханной лжи и клеветы.

Он ни одним словом не говорит о подлейших издевательствах и насилиях над нашей партией со стороны правительства эсеров и меньшевиков до ноябрьского переворота; об уголовном преследовании нескольких тысяч ответственных работников партии по статье о шпионаже в пользу гогенцоллернской Германии, об участии меньшевиков и эсеров во всех заговорах буржуазии, о сотрудничестве их с царскими генералами и адмиралами, Колчаком, Деникиным и Юденичем, о террористических актах, совершавшихся эсерами по заказу Антанты, о восстаниях, которые эсеры организовали на деньги иностранных посольств в нашей армии, истекавшей кровью в борьбе против монархических банд империализма.

Каутский ни словом не упоминает о том, что мы не только неоднократно заявляли, но и на деле доказывали нашу готовность, хотя бы ценою уступок и жертв, обеспечить стране мир; что, несмотря на это, мы вынуждены вести напряженную войну на всех фронтах, чтобы отстоять самое существование нашей страны, чтобы избежать превращения ее в колонию англо-французского империализма.

Каутский ни слова не говорит о том, что на эту героическую борьбу, в которой мы отстаиваем будущее мирового социализма, русский пролетариат вынужден расходовать главную свою энергию, лучшие и наиболее драгоценные свои силы, отнимая их у экономического и культурного строительства.

Во всей своей брошюре Каутский даже не упоминает о том, что сперва германский милитаризм, при содействии своих Шейдеманов и попустительстве своих Каутских, затем милитаризм стран Согласия, при содействии Реноделей и попустительстве Лонгэ, окружил нас железной блокадой, захватил у нас все порты, отрезал нас от всего мира, оккупировал через посредство наемных белогвардейских банд огромные территории, богатые сырыми материалами, отрезал нас на продолжительное время от бакинской нефти, от донецкого угля, от донского и сибирского хлеба, от туркестанского хлопка.

Каутский ни словом не упоминает о том, что в этих небывалых по своей трудности условиях русский рабочий класс в тече-

ние почти трех лет вел и ведет героическую борьбу против своих врагов на фронте в 8.000 верст; что русский рабочий класс сумел сменить молот на меч и создал могущественнейшую армию; что для этой армии он мобилизовал свою истощенную промышленность и, несмотря на разорение страны, которую палачи всего мира обрекли на блокаду и гражданскую войну, он в течение трех лет собственными силами и средствами одевает, кормит, вооружает, перевозит миллионную армию, научившуюся побеждать.

Обо всех этих условиях молчит Каутский в книжке, посвященной русскому коммунизму. И его молчание есть основная, капитальная, краеугольная ложь, правда, пассивная, но более преступная и более мерзостная, чем активная ложь всех мошенников международной буржуазной прессы, вместе взятых.

Клевеща на политику коммунистической партии, Каутский нигде не говорит, чего он собственно хочет и что предлагает. Большевики действовали на арене русской революции не одни. Мы видели и видим на ней — то у власти, то в оппозиции — эсеров (не менее пяти группировок и течений), меньшевиков (не менее трех течений), плехановцев, максималистов, анархистов... Решительно все «оттенки в социализме» (говоря языком Каутского) испробовали свои силы и показали, чего они хотят и что могут. Этих «оттенков» так много, что между соседними трудно уж просунуть лезвие ножа. Самое происхождение этих «оттенков» не случайно: они представляют собою, так сказать, различные варианты приспособления дореволюционных социалистических партий и групп к условиям величайшей революционной эпохи. Казалось бы, перед Каутским достаточно полная политическая клавиатура, чтобы указать на ту клавишу, которая дает правильный марксистский тон в русской революции. Но Каутский молчит. Он отвергает режущую его слух большевистскую мелодию, но он не ищет иной. Разгадка проста: *старый тапер вообще отказывается играть на инструменте революции*.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Эта книга появляется к моменту II конгресса Коммунистического Интернационала [147]). Революционное движение пролетариата сделало за истекшие со времени первого конгресса месяцы большой шаг вперед. Позиции официальных, открытых социал-патриотов подкопаны везде. Идеи коммунизма получают все более широкое распространение. Официальное, догматизированное каутскианство жестоко скомпрометировано. Сам Каутский в недрах той «Независимой» партии, которую он создал, представляет сейчас мало авторитетную и довольно смешную фигуру.

Тем не менее, идейная борьба в рядах международного рабочего класса еще только настоящим образом разгорается. Если, как мы только что сказали, догматизированное каутскианство дышит на ладан, и вожди промежуточных социалистических партий спешат от него откреститься, то каутскианство, как мещанское настроение, как традиция пассивности, как политическая трусость, играет еще огромную роль на верхах рабочих организаций всего мира, нисколько не исключая партий, тяготеющих к III Интернационалу и даже формально примкнувших к нему.

Независимая партия в Германии, написавшая на своем знамени диктатуру пролетариата, терпит в своих рядах группу Каутского, все усилия которой направлены на то, чтобы теоретически скомпрометировать и опорочить диктатуру пролетариата, в лице ее живого выражения—Советской власти. В условиях гражданской войны такого рода сожительство мыслимо постольку и до тех пор, поскольку и пока диктатура пролетариата является для руководящих кругов «независимых» социал-демократов благочестивым пожеланием, бесформенным протестом против открытого и позорного предательства Носке, Эберта, Шейдемана и других и—не в последнем счете—орудием выборной и парламентской демагогии.

Живучесть бесформенного каутскианства ярче всего видна на примере французских лонгэтистов. Сам Жан Лонгэ искреннейшим образом убедил себя и долго пытался убедить других, что он идет с нами нога в ногу и что только цензура Клемансо и наветы наших французских друзей Лорио [148]), Моната [149]), Росмера [150]) и других мешают нашему братству по оружию. Между тем, достаточно познакомиться с любым парламентским выступлением Лонгэ, чтобы убедиться, что пропасть, отделяющая его от нас, в настоящее время, пожалуй, еще глубже, чем в первый период империалистической войны. Революционные задачи, стоящие теперь перед международным пролетариатом, стали серьезнее, непосредственнее и грандиознее, прямее и отчетливее, чем 5—6 лет тому назад, и политическая реакционность лонгетистов, парламентских представителей вечной пассивности, стала разительней, чем когда-либо, хотя формально они вернулись в лоно парламентской оппозиции.

Итальянская партия, входящая в состав III Интернационала, нимало не свободна от каутскианства. Что касается вождей, то очень значительная часть их носит интернационалистские доспехи только по должности и по принуждению снизу. В 1914—1915 годах итальянской социалистической партии было несравненно легче, чем другим европейским партиям, сохранять оппозиционное отношение к войне как потому, что Италия вступила в войну на 9 месяцев позже других стран, так и в особенности потому, что международное положение Италии создало в ней даже могущественную буржуазную группировку (джиолитианцев [151]) в широком смысле слова), которая до последнего момента оставалась враждебной вмешательству Италии в войну. Эти обстоятельства позволили итальянской социалистической партии без глубочайшего внутреннего кризиса отказывать правительству в военных кредитах и вообще оставаться вне интервенционистского блока. Но этим самым оказался, несомненно, замедлен процесс внутреннего очищения партии. Входя в состав III Интернационала, итальянская социалистическая партия до сего дня терпит в своей среде Турати [152]) и его сторонников. Эта весьма широкая группировка — к сожалению, мы затрудняемся сколько-нибудь точно определить ее количественное значение в итальянской парламентской фракции, в печати, в партийных и профессиональных организациях — представляет собой менее педантический, не столь догматизированный, более декламаторский и лирический, но, тем не менее, злейший оппортунизм, романизированное каутскианство.

Миролюбивое отношение к каутскианским, лонгетистским, туратистским группировкам прикрывается обыкновенно тем соображением, что время революционных действий в соответственных странах еще не пришло. Но такая постановка вопроса совершенно фальшива. Никто не требует от тяготеющих к коммунизму социалистов назначить революционный переворот в ближайшие недели или месяцы. Но чего III Интернационал требует от своих сторонников, это—признания не на словах, а на деле того, что цивилизованное человечество вступило в революционную эпоху, что все капиталистические страны идут навстречу величайшим потрясениям и открытой классовой войне и что задача революционных представителей пролетариата состоит в том, чтобы для этой неотвратимой и близящейся войны подготовить необходимое идейное вооружение и организационные пункты опоры. Те интернационалисты, которые считают возможным в настоящее время сотрудничать с Каутским, Лонгэ и Турати, выступать с ними бок-о-бок перед рабочими массами, тем самым отказываются на деле от идейной и организационной подготовки революционного восстания пролетариата, независимо от того, произойдет ли оно месяцем или годом раньше, или позже. Для того, чтобы открытое восстание пролетарских масс не раздробилось в запоздалых поисках пути и руководства, нужно, чтобы широкие пролетарские круги уже сейчас научились охватывать весь объем предстоящих им задач и всю непримиримость их со всеми разновидностями каутскианства и соглашательства. Подлинно революционное, т.-е. коммунистическое, крыло должно противопоставлять себя перед лицом массы всем нерешительным и половинчатым группировкам доктринеров, адвокатов и теноров пассивности, укрепляя свои позиции, прежде всего идейные, затем организационные, открытые, полуоткрытые и строго конспиративные. Момент формального раскола с открытыми и замаскированными каутскианцами, или момент изгнания их из рядов рабочей партии, конечно, определяется соображениями целесообразности в зависимости от обстановки, но вся политика действительных коммунистов должна быть ориентирована в этом направлении.

...Вот почему мне кажется, что эта книга все же не запоздала— к большому для меня сожалению, если не как для автора, то как для коммуниста.

17 июня 1920 г.

II

Между империализмом и революцией

Основные вопросы революции на частном примере Грузии

Памяти Степана Шаумяна, Алексея Джапаридзе и 24 других бакинских коммунистов,

— без следствия и суда —

на глухом перегоне между закаспийскими станциями Перевал и Ахча Куйма

убитых 20 сентября 1918 года

начальником английской военной миссии в Асхабаде Тиг-Джонсом

с ведома и одобрения других английских властей в Закавказьи и, в частности, командующего британскими войсками в Закавказьи генерал-майора Томпсона;

памяти рабочих, расстрелянных меньшевистским правительством во время митинга в Александровском саду в Тифлисе 10 февраля 1918 года;

памяти десятков, сотен и тысяч кавказских коммунистов, погибших в борьбе за Советскую власть,

— расстрелянных, повешенных, замученных

— коалиционным «демократическим» правительством Закавказья[153]);

меньшевистским правительством «демократической» Грузии;

войсками султана, союзника закавказской «демократии»;

войсками Гогенцоллерна, покровителя меньшевистской Грузии;

великобританскими войсками, вошедшими в Грузию для совместной с меньшевиками борьбы против коммунистов;

белогвардейцами Деникина и Врангеля, при прямом и косвенном содействии грузинских меньшевиков;

памяти революционных вожаков крестьянских восстаний Осетии, Абхазии, Аджарии, Гурии, Мингрелии и пр., расстрелянных меньшевистским правительством Грузии,—

посвящается автором эта книга, написанная для разоблачения лжи,

клеветы и травли,

идущих густыми тучами из лагеря угнетателей, эксплоататоров, империалистов, хищников, убийц и их политических наемников и добровольных лакеев.

ВВЕДЕНИЕ

От срока, назначенного для Генуэзской конференции [154]), нас отделяют — сейчас, когда пишутся эти строки — менее, чем три недели. Сколько времени отделяет нас от самой конференции, этого, повидимому, еще не знает никто. Дипломатическая борьба вокруг конференции теснейшим образом переплетается с политической агитацией вокруг Советской России. Между дипломатией буржуазии и ее собственной социал-демократией соблюдается в основе разделение труда: дипломатия ведет официальные интриги, социал-демократия мобилизует общественное мнение против республики рабочих и крестьян.

Чего хочет дипломатия? Наложить на революционную Россию как можно более тяжелую дань; заставить ее заплатить как можно больше возмещений; как можно шире раздвинуть на советской территории рамки частной собственности; создать иностранным и русским финансистам, промышленникам, ростовщикам как можно больше преимуществ над русскими рабочими и крестьянами. То, что служило раньше прикрытием этих требований: «демократия», «право», «свобода»,—ныне отброшено буржуазной дипломатией, как купец отбрасывает бумажную оболочку с куска ткани, когда приходится показывать товар, торговаться и мерить на аршин.

Но в буржуазном обществе ничто не пропадает даром. Бумажная оболочка «права» поступает в распоряжение социал-демократии: это ее товар, она этим торгует. II Интернационал, — а сказанное о нем относится и к отбрасываемой им налево тени, в виде Интернационала $2^1/_2$, — стремится изо всех сил доказать рабочим, что, так как Советское правительство не соблюдает «права» и «демократии», то трудящиеся массы России не заслуживают поддержки в их борьбе против мировых ростовщиков.

Наше неуважение к «праву» и «демократии» мы наиболее полно проявили, как известно, в Октябрьской Революции. Она и является нашим первородным грехом. В течение первых лет буржуазия пыталась искоренить социалистическую революцию мечом. Теперь она ограничивается внесением к ней существенных капиталистических поправок. Борьба идет из-за их размера.

II Интернационал хочет, однако, воспользоваться Генуэзской конференцией для восстановления «права» и «демократии». Казалось бы, отсюда должна вытекать вполне определенная программа: не допускать в Геную «узурпаторского», «диктаторского», террористического правительства Советов, а поставить туда демократические реликвии Учредительного Собрания. Но такая постановка вопроса была бы слишком смехотворна и, кроме того, шла бы в разрез с практическими шагами буржуазии. II Интернационал менее всего претендует на роль сумасбродного рыцаря демократии. Он только ее Санхо-Пансо [155]). Он не смеет поставить вопрос в полном объеме. Он хочет лишь иметь маленькую пользу.

Знаменем борьбы за маленькую демократическую пользу является сейчас Грузия. Советский переворот произошел там всего лишь год тому назад. В Грузии у власти стояла партия II Интернационала. Меньшевистская республика все время металась между империализмом и пролетарской революцией, ища у первого помощи или помогая ему против второй. Но такова же роль и всего II Интернационала. Меньшевистская Грузия расплатилась собственным крушением за свою связь с контрреволюцией. Но и II Интернационалу грозит неминуемо та же судьба. Немудрено, если борьба международной социал-демократии за «демократическую» Грузию получила в некотором роде символический характер.

Однако же в пользу претензий грузинских меньшевиков самые изобретательные головы II Интернационала не смогли выдвинуть ни одного довода, который не был бы уже тысячекратно использован защитниками «демократических» прав Милюкова — Керенского — Чернова — Мартова. Принципиальной разницы нет никакой. Социал-демократы преподносят ныне in octavo то, что объединенная печать империализма предподносила ранее in folio. В этом не трудно убедиться, если взять в руки постановление Исполнительного Комитета II Интернационала по поводу Грузии.

Текст постановления заслуживает рассмотрения. Стиль — это не только человек, но также и партия. Послушаем, каким политическим стилем II Интернационал разговаривает с пролетарской революцией.

I. «Территория Грузии была занята войсками Московского правительства, которое поддерживает в Грузии власть, ненавистную ее населению, и является в глазах пролетариата всего мира единственным ответственным лицом за уничтожение Грузинской республики и за террористический режим, установленный в этой стране».

Разве реакционная печать всего мира не утверждала этого в течение 4-х лет относительно Советской Федерации в целом? Разве не говорила она, что власть Советов ненавистна населению России и держится только военным террористическим режимом? Разве не удерживали мы Петербург и Москву при помощи «латышских, китайских, немецких и башкирских полков»? Разве не «насильственно» распространялась Москвою Советская власть в Украине, в Сибири, на Дону, на Кубани, в Азербейджане? Если теперь, вслед за отбитой нами реакционной сволочью, II Интернационал повторяет эти же фразы, слово в слово, специально в отношении Грузии, — меняет ли это их природу?

II. «Ответственность Московского правительства еще усугубилась после недавних событий в Грузии, в особенности же после забастовок протеста, устроенных рабочими (?) *и подавленных силой, как это делается реакционными правительствами».*

Да, революционное правительство Грузии силой помешало меньшевистским верхам железнодорожной бюрократии, не успевшим бежать чиновникам и белым офицерам саботировать рабоче-крестьянское государство. По поводу этих репрессий Мергейм [156]), довольно известный мелкий прислужник империализма во Франции, пишет о «тысячах» грузинских граждан, которым пришлось покинуть свои жилища. «Среди этих беглецов — мы цитируем его дословно — находится *громадное количество офицеров, бывших чиновников республики и все вожди Народной Гвардии».* Это и есть тот самый меньшевистский аппарат, который беспощадно давил в течение трех лет революционных рабочих и непрерывно восстававших грузинских крестьян, а после низвержения меньшевиков оставался готовым орудием реставрационных попыток Антанты. Что революционное правительство Грузии круто расправилось с саботажной бюрократией,

это мы всецело признаем. Но это же самое мы делали на всей территории революции. Установление господства Советов в Петербурге и Москве прежде всего натолкнулось на попытку железнодорожной стачки, под руководством меньшевистско-эсеровской железнодорожной бюрократии. Опираясь на рабочих, мы разгромили эту бюрократию, очистили и подчинили ее власти трудящихся. Реакционная сволочь всего мира кричала по этому поводу о нашем варварском терроризме. Те же вопли, вслед за реакционной сволочью, повторяются теперь, в отношении одной только Грузии, социал-демократическими вождями. В чем же перемена?

Но не поразительно ли, что у социал-демократических вождей поворачивается язык говорить о подавлении силой рабочих забастовок, как о методе действий «реакционных правительств»? Или мы не знаем, кто входит во II Интернационал? Носке и Эберт — руководящие члены его. Или они исключены? Сколько рабочих стачек и восстаний раздавили они? Может быть, это не они — палачи Розы Люксембург и Карла Либкнехта? Или это не социал-демократ Херзинг [157]), член II Интернационала, провоцировал мартовское движение в Германии, чтобы утопить его в крови? А последние самые свежие мероприятия социал-демократа Эберта против железнодорожной стачки в Германии?

Или Исполнительному Комитету из Лондона не видно, что делается на континенте? Но в таком случае да разрешено будет почтительно спросить Гендерсона: не был ли он тайным советником короны во время пасхального восстания в Ирландии в 1916 году, когда королевские войска громили Дублин и расстреляли 15 ирландцев, в том числе социалиста Конноли, уже раненого перед этим? Может быть, Вандервельде, бывший председатель II Интернационала, маленький тайный советник маленькой короны, не призывал русских социалистов во время войны мириться с царизмом, бродившим по горло в крови рабочих и крестьян и вскоре захлебнувшимся в ней? Нужно ли умножать примеры? Поистине вождям II Интернационала так же к лицу защита права стачек, как Искариоту — проповедь верности.

III. «В тот момент, когда Московское правительство требует своего признания другими государствами, оно должно бы было, если оно хочет, чтобы уважались его собственные права, с таким же уважением относиться к правам других народов

и не нарушать элементарных принципов, на которых должно покоиться общение между цивилизованными народами».

Политический стиль — это партия, это ее душа. Последний пункт есть высшее достижение II Интернационала. Если Советская Россия хочет добиться признания (от кого?), то она должна «с таким же (с каким?) уважением относиться к правам других народов и не нарушать — заметьте это себе — элементарных принципов, на которых должно (должно!) покоиться общение между цивилизованными народами»

Кто это писал? Мы бы сказали, что это писал сам Лонгэ, если бы он не переселился в Интернационал № 2½. Может быть, это Вандервельде, тонкий юрист бельгийской короны? Или мистер Гендерсон, вдохновленный собственной воскресной проповедью на религиозном собрании «Братства»? Или, может быть, Эберт в свои свободные часы? Прямо-таки необходимо установить для истории автора несравненной резолюции. Конечно, мы не сомневаемся, что мысль II Интернационала работала коллективно. Но кто явился тем избранным каналом, по которому прорвался гнойник этой коллективной мысли?

Вернемся, однако, к тексту. Для того, чтобы быть признанными буржуазными, империалистскими, рабовладельческими правительствами (а речь идет именно о них!), Советское правительство должно «не нарушать принципов» и «с таким же уважением относиться к правам других народов», с каким... С каким же это «уважением»?

Четыре года империалистские правительства пытались свергнуть нас. Не свергли. Их экономическое положение безнадежно Их взаимная борьба до крайности обострилась. Они увидели себя вынужденными вступить в сношения с Советской Россией, во имя ее сырья, рынка и платежей. Приглашая к этому, Ллойд-Джордж разъяснял Бриану [158]), что международная мораль допускает соглашение не только с разбойниками Востока (Турция), но и с разбойниками Севера (Советская Россия). На крепкое слово Ллойд-Джорджа мы не в обиде. В этом вопросе мы целиком принимаем его откровенную формулу. Да, мы считаем возможным, допустимым и необходимым вступать — в известных пределах — в соглашения и с империалистскими разбойниками как Запада, так и Востока.

Соглашение, налагая на нас обязательства, должно в то же время заставить наших врагов отказаться от нападений на нас

с оружием в руках. Таков намечающийся пока что итог четырехлетней открытой борьбы. Правда, и буржуазные правительства требуют признания «элементарных принципов, на которых должно покоиться общение между цивилизованными народами». Но эти принципы не имеют ничего общего с вопросами демократии и национального самоопределения. От нас сухо требуют признания нами долгов, заключенных царизмом для подавления той же самой Грузии, Финляндии, Польши, всех окраин и трудящихся масс самой Великороссии. От нас требуют еще возмещения потерь частных капиталистов, потерпевших от революции. Нельзя отрицать того, что пролетарская революция нанесла ущерб некоторым карманам и кошелькам, считающим себя самым священным из принципов, на коих «покоится общение между цивилизованными народами». Об этом будет речь в Генуе и в других местах. Но о каких таких принципах говорят вожди II Интернационала? О разбойничьих принципах Версальского мира, определяющих пока что взаимоотношения государств, т.-е. о принципах Клемансо, Ллойд-Джорджа и микадо? Или же на своем плутовато-уклончивом языке они говорят о тех принципах, на которых не покоится, а должно только покоиться общение между народами? Тогда, зачем они их выдвигают, в виде условия нашего принятия в достопочтенную «семью» нынешних империалистских государств? Или они хотят, чтобы мы разоружались уже сегодня и очищали перед империализмом территорию, исходя из соображений о том, каковы будут взаимоотношения народов завтра? Но мы один такой опыт перед лицом всего мира произвели. Во время брест-литовских переговоров мы открыто проделали свое разоружение. Разве это остановило германский милитаризм от вторжения в наши пределы? И, может быть, германская социал-демократия, опора II Интернационала, подняла знамя восстания? Нет, она осталась правительственной партией Гогенцоллерна.

В Грузии правила мелко-буржуазная партия меньшевиков. Ныне там правит партия грузинских большевиков. Меньшевики опирались на материальное содействие европейского и американского империализма. Грузинские большевики опираются на содействие Советской России. По какой же логике социал-демократический Интернационал хочет обусловить заключение мира между Советской Федерацией и капиталистическими странами возвращением Грузии меньшевикам?

Логика плоха, но цель ясна. II Интернационал хотел и хочет низвержения Советской власти. Он сделал в этом направлении все, что мог. Эту борьбу он вел вместе с капиталом под флагом демократии против диктатуры. Рабочие массы Европы сбили его с этой позиции, не позволив открыто бороться против Советской Республики. Теперь, из-за грузинского прикрытия, социал-демократия возобновила борьбу.

Трудящиеся массы всего мира сразу обнаружили стремление брать русскую революцию в целом, и в этом их революционный инстинкт совпал, не первый раз, с высшим теоретическим разумом, который учит, что революция, с ее героизмом и жестокостями, борьбой за личность и попранием личности, можно постигнуть только в материальной логике ее внутренних отношений, а не путем расценки отдельных ее частей и эпизодов по прейс-куранту права, морали или эстетики. Первый большой теоретический бой, который коммунизм дал в защиту революционного права диктатуры и ее методов, принес свои плоды. Социал-демократы окончательно распрощались с методами марксизма и даже с его фразеологией. Немецкие независимые, итальянские социалисты и им подобные, прижатые своими рабочими, «признали» диктатуру, чтоб тем ярче обнаружить свою неспособность за нее бороться. Коммунистические партии выросли и стали силой. Но в развитии пролетарской революции обнаружилась глубокая заминка. Ее смысл и значение достаточно полно выяснены третьим конгрессом Коммунистического Интернационала. Кристаллизация революционного сознания, в виде роста коммунистических партий, сопровождалась отливом стихийно-революционных настроений первого послевоенного периода. Буржуазное общественное мнение снова перешло в наступление. Главная его задача состояла в том, чтобы уничтожить или, по крайней мере, омрачить обаяние революции.

Началась грандиозная работа, в которой грубая и крикливая ложь принесла буржуазии гораздо меньше пользы, чем тщательно подобранные осколки правды. Через свою газетную разведку буржуазия подошла к революции с заднего двора. Знаете ли вы, что такое пролетарская республика? Это паровозы, страдающие одышкой, это тифозная вошь, это дочь знакомого почтенного адвоката в нетопленной квартире, это меньшевик в тюрьме, это нечищенные отхожие места. Вот что такое революция рабочего класса! Буржуазные журналисты показали всему миру

советскую вошь под микроскопом. Мистрис Сноуден [159]), вернувшись с Волги на Темзу, прежде всего сочла своим долгом публично почесаться. Это стало почти обрядом, при помощи которого символизируются преимущества цивилизации над варварством. Однако же этим все-таки не исчерпывается вопрос. Господа осведомители буржуазного общественного мнения подошли к революции... сзади, притом во всеоружии микроскопа. Некоторые детали они рассмотрели с большой, даже чрезмерной тщательностью. Но то, что они рассмотрели, не есть революция пролетариата.

Однако самое перенесение вопроса в плоскость наших хозяйственных затруднений и бытовых неурядиц явилось шагом вперед. От монотонных и не очень умных разговоров о преимуществах Учредительного Собрания над властью Советов буржуазное общественное мнение как бы перешло к пониманию того, что мы существуем, а учредилки нет и не будет. Деловые обличения транспортных и иных непорядков были в своем роде равносильны признанию Советов de facto и шли к тому же по линии наших собственных тревог и усилий. Признание ни в каком случае, однако, не означает примирения. Оно означает лишь, что место сорвавшегося решительного наступления заняла позиционная война. Мы все еще помним, как во время великой бойни на германо-французском фронте борьба внезапно сосредоточивалась вокруг какой-нибудь «сторожки лесника». В течение ряда недель сторожка ежедневно поминалась в сообщениях штабов. По существу дела борьба из-за сторожки означала либо попытку прорвать устоявшийся фронт, либо, по крайней мере, причинить врагу как можно больше вреда.

Продолжая войну с нами не на жизнь, а на смерть, буржуазное общественное мнение, естественно, ухватилось за Грузию, как за очередную сторожку лесника в нынешней стадии позиционной борьбы. Лорд Нортклиф [160]), Гюисманс [161]), Густав Эрве [162]), правящие румынские бандиты, Мартов, роялист Леон Додэ [163]), мистрис Сноуден и ее свояченица, Каутский и даже фрау Луиза Каутская[164]) (см. «Wiener Arbeiter-Zeitung»), — словом, все роды оружия, какими располагает буржуазное общественное мнение, объединились на защите демократической, лойяльной, строго нейтральной Грузии.

И вот мы наблюдаем необъяснимый на первый взгляд рецидив неистовства: все те обвинения — политические, правовые,

нравственные, уголовные, — какие ранее направлялись против Советской системы в целом, теперь мобилизованы против Советской власти в Грузии. Оказывается, что именно здесь, в Грузии, Советы не выражают воли народа. А в Великороссии? Неужели забыт разгон Учредительного Собрания при помощи «латышских и китайских полков»? Разве не доказано давно, что, не имея нигде корней, мы всюду приводим «извне» (!!!) вооруженную силу и выметаем ко всем чертям самые солидные демократические правительства со всеми их корнями? Ведь именно с этого вы начинали, господа! Ведь именно поэтому вы предсказывали падение Советов через несколько недель: и Клемансо — в начале версальских переговоров, и Каутский — в начале германской революции. Почему же теперь речь идет только о Грузии? Потому, что Жордания[165]) и Церетели живут в эмиграции? А все другие: азербейджанские мусаватисты[166]), армянские дашнакцаканы[167]), кубанская рада, донской круг, украинские петлюровцы, Мартов и Чернов, Керенский и Милюков? Почему такое преимущество грузинским меньшевикам перед московскими? Для грузинских меньшевиков они требуют возвращения власти, а для московских — только изменения меры пресечения. Это не очень логично, но политическая цель слишком ясна. Грузия — свежий повод для новой мобилизации вражды и ненависти против нас в затянувшейся позиционной войне. Таковы законы войны «на истощение». Наши противники воспроизводят in octavo то самое, на чем провалились in folio.

Этим определяется в значительной мере содержание и характер нашей работы. Нам пришлось снова перебирать вопросы, уже нашедшие свое принципиальное истолкование, в частности, в нашей книге «Терроризм и коммунизм». Мы стремились на этот раз достигнуть наибольшей конкретности. Задача состояла в том, чтобы на частном примере показать действие основных сил нашей эпохи. На истории «демократической» Грузии мы пытались проследить политику правящей социал-демократической партии, вынужденной определять свой путь между империализмом и пролетарской революцией! Мы хотели бы надеяться, что именно детальная конкретность изложения позволила приблизить внутренние проблемы революции, ее потребности и ее трудности к пониманию такого читателя, который не имеет прямого революционного опыта, но заинтересован в том, чтобы овладеть им.

* * *

Мы не всегда в тексте приводим ссылки на источник: это было бы слишком утомительно для читателя, особенно иностранного, так как дело идет о русских изданиях. Кто захотел бы проверить наши цитаты и получить более полные документальные данные, того отсылаем к следующим брошюрам: «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», Тифлис 1919 г.; «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика и Грузинская Демократическая Республика и их взаимоотношения», Москва 1922 г.; *Махарадзе*, «Диктатура меньшевистской партии в Грузии», Москва 1921 г.; *Мещеряков*, «В меньшевистском раю», Москва 1921 г.; *Я. Шафир*, «Гражданская война в России и меньшевистская Грузия», Москва 1921 г.; того же автора «Тайны меньшевистского царства», Тифлис 1921 г. Две последние брошюры основаны на разработке части материалов, найденных специальной комиссией Коммунистического Интернационала в Грузии и в Крыму. Кроме того, мы пользовались архивом Народных Комиссариатов Иностранных Дел и Военного.

Наше изложение, как и наши источники, не могут и в отдаленной степени претендовать на полноту. Наиболее ценные материалы не доступны для нас: это вывезенные бывшим меньшевистским правительством наиболее компрометирующие документы, равно как и архивы соответственных учреждений Великобритании и Франции, начиная с ноября 1918 г.

Если бы добросовестно собрать эти документы и издать их, получилась бы очень поучительная хрестоматия для руководителей II и $2^1/_2$ Интернационалов. При всей затруднительности финансового положения Советской Республики, правительство ее, несомненно, взяло бы на себя расходы по изданию. Незачем и говорить, что при условии взаимности оно обязалось бы передать для такого издания все без исключения документы советских государственных архивов, относящихся к Грузии. Мы очень опасаемся, что наше предложение не будет принято. Ну, что ж: придется подождать, пока найдутся другие пути, чтобы тайное сделать явным. В конце концов, такой день настанет.

Москва,
20 февраля 1922 г.

МИФ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Как изображают судьбу Грузии свергнутые меньшевики и их весьма разнообразные покровители? На этот счет сложился уже целый миф, рассчитанный на уловление простаков. А простаки на свете существуют.

Грузинский народ решил свободной своей волей, в мире и дружбе, отложиться от России. Так начинается миф. Это свое решение грузинский народ выразил в демократическом голосовании. Одновременно с этим он написал на своем знамени программу безусловного нейтралитета в международных отношениях. Ни делом, ни помышлением Грузия не вмешивалась в русскую гражданскую войну. Ни центральные империи, ни Антанта не могли отклонить ее от стези нейтрализма. Лозунгом ее было: живи и жить давай другим! Прослышав об этой праведной земле, несколько известных благочестием пилигримов II Интернационала (Вандервельде, Ренодель, мистрис Сноуден...) немедленно запаслись пассажирскими билетами прямого сообщения. Вслед за ними прибыл туда отягощенный годами и мудростью Каутский. Все они, подобно древним апостолам, беседовали на языках, которых не знали, имели видения, которые потом описали в статьях и в книгах; Каутский на обратном пути от Тифлиса до Вены непрерывно пел псалом: «Ныне отпущаеши раба твоего, владыко... яко видеста очи мои спасение твое»...

Не успели, однако, пилигримы принести своей пастве благую весть, как совершилось ужасное: без всякого повода Советская Россия бросила на мирную нейтральную демократическую Грузию свою армию и беспощадно раздавила социал-демократическую республику, пользовавшуюся полной и неограниченной любовью народных масс. Причину этого беспримерного злодеяния надо искать в империализме и бонапартизме

Советской власти и, в частности, в ее зависти к демократическим успехам грузинских меньшевиков. На этом миф, собственно, кончается. Дальше идут уже апокалиптические пророчества о том, как неизбежно падут большевики, и как меньшевики воссияют во всей славе своей.

Обоснованию мифа посвящена благочестивая книжка Каутского *). На мифе равно основаны и резолюция II Интернационала о Грузии, и статьи «Times'а» [168]), и речи Вандервельде, и, несомненно, симпатии бельгийской королевы и писания Эрве—Мергейма. Если на эту тему не издано еще папской энциклики, то только по причине несвоевременной смерти Бенедикта XV. Будем надеяться, что его преемник восполнит пробел.

Мы должны, однако, заявить, что если миф о Грузии, подобно многим другим, не лишен поэтических достоинств, то, подобно всем мифам, он расходится с действительностью. Точнее говоря, грузинский миф есть сплошная ложь, в которой повинно не народное творчество, а машинное производство капиталистической печати. Ложь и только ложь лежит в основе бешеной анти-советской агитации, в которой лидеры II Интернационала играют первую скрипку. И шаг за шагом мы это покажем.

* * *

Мистер Гендерсон узнал впервые о существовании Грузии от мистрис Сноуден, а мистрис Сноуден познакомилась с деятельностью Жордания и Церетели во время своей образовательной поездки в Батум и Тифлис. Что касается нас, то мы знали этих господ раньше, и притом не как владык независимой демократической Грузии, о которой они сами никогда и не помышляли, а как русских политиков Петербурга и Москвы. Чхеидзе [169]) стал во главе Петербургского Совета, а затем и Центрального Исполнительного Комитета Советов в эпоху Керен-

---

*) *Georgien*. Eine sozialdemokratische Bauernrepublik, Wien 1921. «Я не видел ничего,—рассказывает сам Каутский,—кроме того, что можно видеть из вагона или в Тифлисе. К этому присоединилось еще мое незнание грузинского и русского языков». Дальше он же сообщает: «Коммунисты избегали меня». Надо бы еще добавить, что гостеприимные меньшевики обманывали почетного гостя на каждом шагу, чему он, с своей стороны, охотно шел навстречу. Результатом сочетания этих счастливых условий и явилась книжка, представляющая достойное теоретическое увенчание международной кампании против Советской России.

ского, когда в Советах господствовали эсеры и меньшевики. Церетели был министром правительства Керенского и идейным вдохновителем соглашательской политики *). Чхеидзе вместе с Даном и другими служил посредником между меньшевистским Советом и коалиционным правительством. Гегечкори [170]) и Чхенкели [171]) выполняли ответственнейшие поручения Временного Правительства: Чхенкели был его полномочным комиссаром для Закавказья. Позиция меньшевиков в основе своей была такова: революция должна сохранить свой буржуазный характер; во главе ее должна поэтому остаться буржуазия; коалиция социалистов с буржуазией должна иметь своей задачей приучить народные массы к господству буржуазии; стремление к завоеванию власти пролетариатом гибельно для революции; большевикам должна быть объявлена беспощадная война. В качестве идеологов буржуазной республики Церетели—Чхеидзе, как и все их единомышленники, непримиримо отстаивали единство и неделимость Республики в пределах старой царской империи. Притязания Финляндии на расширение ее автономии, домогательства украинской национальной демократии в области самоуправления встречали со стороны Церетели—Чхеидзе беспощадный отпор. Чхенкели громил на Съезде Советов сепаратистские тенденции некоторых окраин, хотя в ту пору даже Финляндия не требовала полной самостоятельности. Для подавления этих автономистских тенденций Церетели—Чхеидзе готовили вооруженную силу. Они применили бы ее, если бы история оставила им для этого необходимое время.

Но главные их силы были отданы борьбе с большевиками.

История, которая знает многое, вряд ли знает другую кампанию злобы, ненависти и травли, подобную той, какая велась в эпоху Керенского против нас. Газеты всех оттенков и направлений во всех статьях и отделах, в прозе и в стихах, словом и рисунком, поносили, проклинали, клеймили большевиков. Не было гнусности, которой бы нам не приписывали: всем вместе и каждому в отдельности. Когда казалось, что травля достигла уже высшей точки, какой-нибудь эпизод, иногда ничтожный, придавал ей новую энергию, она взвивалась еще выше, опья-

---

*) Каутский путает и перевирает даже там, где это не вызывается его высокой целью: так, он рассказывает, будто Чхеидзе и Церетели стояли во главе Петербургского Совета в 1905 г. На самом деле никто в тот период не слыхал в Петербурге их имени.

ненная испарениями своего собственнного неистовства. Буржуазия чувствовала смертельную опасность. Языком исступленного бешенства бредило помешательство страха. Меньшевики, как всегда, отражали настроения буржуазии. В разгар этой кампании мистер Гендерсон нанес визит Временному Правительству и пришел к утешительному заключению, что сэр Бьюкенен [172]) с необходимым достоинством и успехом представляет идеалы британской демократии при демократии Керенского—Церетели.

Царская полиция и контр-разведка, временно остававшиеся в бездействии из опасения промахнуться, рвались доказать свою преданность новым господам. Все партии образованного общества единодушно указали им объект попечения и забот большевиков. Дурацкие выдумки о нашей связи со штабом Гогенцоллерна, которым на деле никто не верил, кроме разве мелких сыщиков и московских купчих, повторяются, развиваются, варьируются, размазываются изо дня в день и на все лады. Лидеры меньшевиков лучше чем кто-либо знали подлинную цену этому обвинению. Но Церетели и братия считали полезным поддерживать его по политическим мотивам. Грудным баритоном Церетели задает тон, хриплым лаем вторят ему все черносотенные задворки. В результате коммунистическую партию формально обвиняют в государственной измене, в службе германскому милитаризму. Наши типографии и склады громит буржуазная чернь под руководством патриотического офицерства; Керенский закрывает наши газеты; тысячи и тысячи коммунистов арестовываются в Петербурге и во всех концах страны.

Меньшевики и их союзники, социалисты-революционеры, получили власть из рук рабочих и солдатских Советов. Но они уже очень скоро почувствовали, что эта почва уходит из-под их ног. Их мысль была направлена на то, чтобы в противовес рабочим и солдатским Советам помочь политически организоваться мелко-буржуазным и буржуазным элементам страны через посредство демократических муниципалитетов и земств. Но так как Советы слишком быстро эволюционировали влево, то работа по сплочению буржуазных классов дополняется у меньшевиков работой по ослаблению и дезорганизации Советов. Перевыборы злостно затягиваются, второй Съезд Советов открыто саботируется. Церетели вдохновляет эту политику, Чхеидзе ее организационно увенчивает. В центральном органе Советов уже с августа—сентября 1917 г. доказывается, что советская система от-

жила свой век, что Советы «разлагаются». Чем революционнее, настойчивее, нетерпеливее становятся рабочие и крестьянские массы, тем более грубый и открытый характер принимает зависимость меньшевиков от имущих классов. Буржуазно-демократические муниципалитеты и земства не спасают положения: революционная волна переливается через эту жалкую плотину. Созванный все же меньшевиками — под нашим давлением — второй Всероссийский Съезд Советов берет, при поддержке петербургского гарнизона, в свои руки власть, почти без боя и без жертв. Тогда меньшевики вместе с социалистами-революционерами и кадетами становятся на путь ожесточенной и, где возможно, вооруженной борьбы с Советами, т.-е. с рабочими и крестьянами. Так залагается основа белым фронтам.

В течение первых девяти месяцев революции меньшевики сменяют, следовательно, три этапа: весною 1917 года они — неограниченные вожди Советов; летом они пытаются занять «нейтральную» позицию между Советами и буржуазией; осенью они вместе с буржуазией объявляют гражданскую войну Советам. Эта отчетливая смена этапов характеризует всю сущность меньшевизма и, как увидим далее, целиком объемлет собою историю меньшевистской Грузии.

Чхеидзе еще до октябрьского переворота ускользает на Кавказ: осторожность была всегда сильнейшей из его гражданских доблестей. Он избирается впоследствии председателем коалиционного Закавказского сейма: таким образом, роль, которую Чхеидзе исполнял в Петербурге in folio, он продолжает на Кавказе in octavo.

Меньшевики, в союзе с эсерами и кадетами, становятся вдохновителями контр-революционного Комитета спасения родины и революции, который немедленно вступает в связь с наступающей на Петербург казачьей конницей Краснова и организует попытку вооруженного восстания юнкеров. Лидеры меньшевиков, которым Каутский выдает патент на устройство бескровных демократий, являются фактическими инициаторами и организаторами гражданской войны в России. От Петербургского Комитета спасения родины и революции, в котором меньшевики работали совместно со всеми белогвардейскими организациями, прямые нити ведут ко всем дальнейшим контр-революционным восстаниям, заговорам, покушениям: к чехо-словакам на Волге, к самарскому комитету Учредительного Собрания[173]) и Колчаку, к правительству Чайковского [174]) и генералу Мил-

леру [175]) на севере, к Деникину и Врангелю на юге, к военным штабам окраинных буржуазных республик, к заграничным эмигрантским убежищам и к секретным фондам Антанты. Во всей этой работе лидеры меньшевиков, в том числе и грузинских, принимали участие не во имя обороны независимой Грузии, о которой еще не было и речи, а как вожди одной из анти-советских партий, имевшей свои опорные пункты во всей стране. Лидером анти-советского блока в учредилке выступал не кто другой, как Церетели.

Вместе со всей контр-революцией меньшевики отступали от промышленного центра к отсталой периферии. Они, естественно, воспользовались Закавказьем, как одним из последних рубежей. Если в Самаре они окапывались под лозунгом Учредительного Собрания, то в Тифлисе они попытались в известный момент выкинуть флаг независимой Республики. Однако не сразу. Переход с буржуазно-централистической позиции на мелко-буржуазно-сепаратистскую, диктовавшийся не национальными требованиями грузинских масс, а соображениями общероссийской гражданской войны, совершился через посредство нескольких этапов.

Через 3 дня после октябрьского переворота в Петербурге Жордания заявил на заседании тифлисской городской думы: «Восстание в Петербурге доживает последние дни. Оно и с самого начала было обречено на неудачу». В порядке вещей: никто не мог требовать, чтобы Жордания проявил в Тифлисе больше проницательности, чем другие филистеры во всех концах света. Разница лишь та, что Тифлис — один из пунктов российской революции, и что Жордания — один из активных участников той борьбы, которая должна была покончить с большевистским восстанием. Однако «последние дни» прошли и не оказались последними. Пришлось в ноябре уже спешно создавать самодовлеющий закавказский комиссариат: не государство, а временный контр-революционный плацдарм, откуда грузинские меньшевики надеялись оказать решающее содействие восстановлению «демократического» порядка во всей России. Эти надежды имели под собою кое-какие основания: хозяйственная отсталость, крайняя слабость промышленного пролетариата, отдаленность от центральной России, переплет национальностей с разнообразными социальными, бытовыми и религиозными условиями, наличие между ними недоверия и национального антагонизма, наконец, соседство Дона и Кубани, — все это в совокупности создавало

благоприятные условия для противодействия рабочей революции и действительно превратило на долгое время Предкавказье и Кавказ в Вандею [176]) и Жиронду, связанные единством борьбы против Советов. В этот период в Закавказьи находились еще многочисленные царские войска турецкого фронта. Вести о предложении Советским правительством мира и о земельной реформе потрясли не только солдатские массы, но и местное трудовое население Закавказья. Начинается тревожная эпоха для окопавшихся в Закавказьи контр-революционеров. Они немедленно организуют блок «порядка», в который входят все партии, кроме, разумеется, большевиков. Меньшевики, за которыми сохраняется руководящая роль, вдохновляют союз грузинских дворян-помещиков и мелких буржуа, армянских лавочников и нефтепромышленников, татарских беков и ханов. Русское белое офицерство предоставляет себя целиком в распоряжение антибольшевистского блока.

В конце декабря состоялся делегатский съезд Закавказского фронта, созванный под руководством самих же меньшевиков. Большинство оказалось за левыми. Тогда меньшевики совместно с правым флангом съезда совершили переворот и создали без левых, т.-е. большинства, краевой совет кавказских войск. По соглашению с этим советом закавказский комиссариат постановил в январе 1918 г.: «признать желательным посылку в местности, где в настоящее время происходят беспорядки, казачьих частей»... Узурпация, как метод, и корниловские казаки, как вооруженная сила, — таковы действительные пункты отправления закавказской демократии.

Меньшевистский coup d'état в Закавказьи — не исключение. Когда оказалось, что на втором Всероссийском Съезде Советов (октябрь 1917 г.) большевики составляют подавляющее большинство, старый Исполнительный Комитет (из меньшевиков и эсеров), созвавший Съезд, отказался сдать дела Исполнительному Комитету, выбранному Съездом. К счастью, за нами было не только формальное большинство Съезда, но и весь гарнизон столицы. Это спасло нас от разгона и позволило нам дать меньшевикам наглядный урок советской демократии...

Закавказские войска продолжали, однако, оставаться угрозой «порядку» и после дворцового переворота меньшевиков. Чувствуя за собою поддержку революционно настроенных солдат, рабочие и крестьянские массы Закавказья обнаруживали

недвусмысленные намерения последовать примеру северян. Чтобы спасти положение, нужно было разоружить и распылить революционные войска.

План разоружения армии был тайно разработан правительством Закавказья совместно с представителями царского генералитета. В заговоре принимали участие белый генерал Пржевальский, будущий сподвижник Врангеля полковник Шатилов, будущий министр внутренних дел Грузии Рамишвили и др. Наряду с мерами по разоружению революционных частей постановлено было казачьи полки, опору Корнилова, Каледина, Краснова, не разоружать. Сотрудничество меньшевистской Жиронды и казацкой Вандеи принимает здесь военный характер.

Разоружение превратилось в подлое ограбление и нередко истребление возвращавшихся на родину солдат специальными контр-революционными отрядами. На нескольких железнодорожных станциях разыгрались крупные бои, с применением бронепоездов и артиллерии. Тысячи жертв пали в этой бойне, вдохновителями которой явились грузинские меньшевики.

Блаженный Каутский изображает большевистски настроенные закавказские войска, как разнузданные банды, которые грабили, насиловали и убивали. Совершенно так же изображала их в свое время вся контр-революционная сволочь. Такой подход нужен Каутскому для того, чтобы изобразить инициаторов разоружения, грузинских меньшевиков, как «рыцарей в лучшем смысле слова». В нашем распоряжении имеются, однако, коекакие другие свидетельства, притом исходящие от самих меньшевиков. Последние сами испугались дела рук своих, когда разоружение приняло кроваво-погромный характер. Видный меньшевик Джугели [177]) заявлял 14 января 1918 г.: «Это было не разоружение, а разграбление солдат. У несчастных, измученных, тоскующих по дому людей забиралось все, вплоть до сапог. Здесь же шел торг. Разбойными бандами продавалось вооружение. Творилось что-то возмутительное» («Слово» № 10).

Несколько дней спустя Джугели, сам участник разоружения тифлисского гарнизона (мы еще с этим господином в дальнейшем встретимся), обвинил Рамишвили в привлечении к работе по разоружению одного из наиболее разбойничьих отрядов закавказской контр-революции. Между двумя деятелями произошел по этому поводу следующий публичный «обмен мнений», который мы вынуждены привести:

«Н. Рамишвили: — Джугели — клеветник.

«Джугели: — А Ной Рамишвили — лжец.

«Н. Рамишвили (повторяя): — Джугели — клеветник.

«Джугели: — Прошу прекратить оскорбительные выражения по моему адресу.

«Н. Рамишвили: — Заявляю, что сказанное Джугели — инсинуация и что Джугели — клеветник.

«Джугели: — А вы — подлец и негодяй, и я с вами поступлю, как следует» («Слово» № 22).

Мы видим, что разоружение вовсе не являлось такой бесспорной рыцарственной работой, как пишет Каутский, раз два единомышленника, наиболее близких к этому делу, столь нерыцарственным образом стремятся свалить с себя ответственность за него.

Но нельзя все же не покачать соболезнующе головою над Каутским: вот что значит избыток усердия при ослаблении задерживающих центров! Заметим тут же, что вся книжка Каутского своим бесцеремонно-апологетическим тоном чрезвычайно напоминает писания некоторых престарелых французских академиков о цивилизаторской миссии княжества Монако [178]) или о благодетельной роли Карагеоргиевичей [179]). Престарелые академики, вышедшие в тираж у себя на родине, получали ордена и пенсии со стороны благородного правительства открытой ими Аркадии, Каутский, насколько знаем, зачислен был только в почетные члены грузинской Народной Гвардии. Это свидетельствует, что он бескорыстнее французских академиков Но зато, сравнявшись с ними в глубине исторических обобщений, он значительно уступает им в изысканности хвалительного стиля.

* * *

Брест-Литовский мир вырос из распада старой армии. Она была жестоко надломлена долгим рядом поражений. Самый факт мартовской революции нанес ее внутренней организации глубочайший удар. Ее нужно было перестраивать снизу до верху, изменив под ней социальную базу, дав ей новые цели и новые внутренние отношения. Между тем полное несоответствие слова и дела, революционное пустозвонство при отсутствии воли к переменам, — словом, демократический маскарад Керенского—Церетели окончательно убивали ее. Военный министр правительства Керенского, генерал Верховский, настойчиво твердил о полной

неспособности армии продолжать войну и о необходимости заключения мира во что бы то ни стало. Дальнейшие надежды на чудо и колебания, прикрытые патриотической истерикой, только обнажали безнадежность положения. Отсюда вырос Брест-Литовск. Меньшевики требовали от нас продолжения войны с Германией в надежде, что мы так вернее сломим себе голову. Под этим антигерманским знаменем они объединялись со всеми силами реакции. Они пытались использовать против нас последние остатки военной инерции народа. Грузинские лидеры шли при этом в первом ряду.

Заключение Брест-Литовского мира дало внешний повод для объявления независимости Закавказья (22 апреля 1918 г.). Судя по прошлой патриотической риторике, можно бы думать, что целью являлось продолжение войны с Турцией и Германией. Наоборот, формальное отделение Закавказья от России было продиктовано стремлением создать более неуязвимую юридическую обстановку для иностранной интервенции. При ее помощи меньшевики не без основания рассчитывали удержать в Закавказьи буржуазно-демократический режим и нанести затем удар советскому северу.

Не только союзные меньшевикам буржуазно-помещичьи партии, но и сами лидеры грузинского меньшевизма открыто говорили и писали о борьбе со всероссийским большевизмом, как о главной причине отделения Закавказья. 26 апреля Церетели говорил в Закавказском сейме:—«Когда возникал большевизм в России, когда там поднималась смертельная рука над жизнью государства, мы всеми силами, какими располагали, боролись с большевизмом... Мы боролись там с убийцами государства и убийцами нации и *с тем же самоотвержением здесь будем бороться с убийцами нации*» (Шумные аплодисменты). С тем же самоотвержением и—с тем же успехом! Но разве эти слова оставляют хоть тень сомнения насчет того, в чем видели меньшевики задачу «самостоятельного» Закавказья? Не в создании между Черным и Каспийским морями идеальной социал-демократической республики, святой и нейтральной, а в борьбе с убийцами государства (буржуазного!) большевиками, во имя восстановления в старых государственных рамках буржуазно-демократической «нации». Вся речь Церетели, только что цитированная, состоит из повторения тех же патетических общих мест, какие мы от него десятки раз слышали в Петербурге. Председательствование на этом «историческом» заседании Закав-

казского сейма принадлежало тому самому Чхеидзе, который, в качестве неизменного председателя, не раз зажимал большевикам рот в Петербурге. Только то, что на севере они совершали in folio, они воспроизводили здесь in octavo. С тем же «самоотвержением» и с тем же успехом!

Практически непризнание Брест-Литовского договора сразу поставило Закавказье, как «государство», в безвыходное положение, ибо окончательно развязало руки туркам и их союзникам. Уже через несколько недель Закавказское правительство и сейм умоляли Турцию принять за основу Брест-Литовский договор. Но турки не хотели об этом и слушать. Паши и немецкие генералы стали в Закавказьи неограниченными господами положения. Однако главное было все же достигнуто: при помощи иностранных войск революция была временно подавлена, падение буржуазного режима отсрочено.

При объявлении независимости Закавказья (22 апреля 1918 г.) без всякого опроса населения, грузинские меньшевики, как водится, провозгласили новую эру братства его разноплеменных народностей на основах демократии. Между тем, едва возникнув, новая республика уже распалась. Азербейджан искал спасения у Турции, Армения боялась турок пуще огня, Грузия искала покровительства Германии. Через пять недель после своего торжественного провозглашения Закавказская республика была ликвидирована. При похоронах ее демократической декламации было не меньше, чем при рождении. Но существо дела от этого не меняется: мелко-буржуазная демократия обнаруживает свою полную неспособность преодолеть национальные трения и согласовать национальные интересы. 26 мая 1918 г. учреждается, опять-таки без всякого опроса населения, независимая Грузия, как осколок Закавказья. Снова потоки торжественного демократического славословия! Проходит всего пять месяцев и между демократической Грузией и столь же демократической Арменией возникает война из-за спорного клочка территории. С обеих сторон слышим речи о высших заветах цивилизации и о вероломном нападении врага. Об армяно-грузинской «демократической» войне у Каутского ни слова! Под руководством Жордания—Церетели и их армянских и татарских двойников Закавказье сразу превращается в Балканский полуостров, где национальная резня и демократическое шарлатанство давно уже достигли одинаково высокого расцвета. Через эти безобразные

шатания и кровавые падения грузинский меньшевизм неизменно проносит, однако, свою действительно руководящую идею: беспощадную борьбу с большевистской «анархией».

Самостоятельность Грузии дает меньшевикам возможность—или вернее ставит их в необходимость—открыто показать, какое место они занимают в борьбе Советской республики с империализмом. Ответ Жордания был как нельзя более ясен. «Грузинское правительство доводит до сведения населения,—так гласит правительственное сообщение от 13 июня 1918 г.,—что прибывшие в Тифлис германские войска *приглашены самим правительством Грузии* и имеют своей задачей защищать, в полном согласии и по указаниям правительства, границы Грузинской демократической республики. Часть этих войск уже отправлена в Борчалинский уезд для очищения его от банд разбойников». (На самом деле для неофициальной войны с демократическим Азербейджаном, опять-таки из-за клочка территории).

Блаженный Каутский изображает дело так, что германские войска были приглашены исключительно против турок, и что во всем остальном Грузия сохраняла полную самостоятельность. Если бы даже допустить, что какие-либо демократические телята приглашали генерала фон-Кресса [180]) в качестве простого наружного караула при учреждениях грузинской демократии, то сам-то генерал фон-Кресс мало был приспособлен для такой роли. Но было бы совершенно неуместно преувеличивать наивность демократических телят. Роль германских войск в окраинных государствах России в течение 1918 г. определилась вполне. В Финляндии они выступали палачами рабочей революции. В Прибалтике точно так же. Они прошли всю Украину, громя Советы, истребляя коммунистов, разоружая рабочих и крестьян. У Жордания не было никакого основания ожидать, что они войдут в Грузию с другими целями. Но как раз поэтому-то меньшевистское правительство и пригласило войска победоносного Гогенцоллерна. Перед турецкими войсками они имели все преимущества дисциплины. «Еще большой вопрос, какая опасность для нас хуже,—заявил 28 апреля 1918 г. официальный докладчик Закавказского сейма, меньшевик Ониашвили,—*большевистская или турецкая*». Что большевистская опасность несравненно хуже *немецкой*, на этот счет у них сомнения не было. Они не скрывали этого в речах и показали на деле.

В качестве министров всероссийского правительства гру-

зинские меньшевики обвинили нас в союзе с германским штабом и через царских следователей предали нас обвинению в государственной измене. Брест-Литовский мир, открывавший германскому империализму «ворота революции», они объявили предательством России. Именно под этим лозунгом они призывали к низвержению большевиков. А когда почва революции слишком нагрелась у них под ногами, они откололи Закавказье от России, затем Грузию—от Закавказья и действительно настежь открыли ворота «демократии» перед войсками кайзера—с самым низким поклоном и с самыми льстивыми речами. После разгрома Германии, они, как увидим, повторили те же слова и жесты по адресу победоносной Антанты. В этом отношении, как и в остальных, политика меньшевиков является только отражением политики русской буржуазии: в лице кадет (Милюков!) она вступила на Украине в соглашение с германскими оккупационными властями, а после разгрома Германии отправила в лоно Антанты тех же кадет, в качестве блудных сынов, которые при всех зигзагах своего пути не упускали из виду главного, как для них, так и для Антанты: борьбы с большевиками. Поэтому-то Антанта столь легко снова открыла им свое сердце и, что еще важнее, свою кассу. Поэтому же министр войны Гендерсон, братавшийся в Петербурге с министром войны Церетели, снова встретил его как собрата, после того, как Церетели прошел через объятия гогенцоллернского генерала фон-Кресса. Зигзаги, противоречия, измены,—но всегда против революции пролетариата!

25 сентября 1918 г. Жордания письменно заверял фон-Кресса: «не в наших интересах умалять престиж Германии на Кавказе». А через два месяца пришлось уже открывать ворота великобританским войскам. Этому предшествовали переговоры, главной задачей которых было доказать, разъяснить, убедить, что с немецким генералом фон-Крессом у грузинской «демократии» был навязанный обстоятельствами полубрак по расчету; настоящий же брак, по глубокому чувству, предстоит именно с великобританским генералом Уоккером. 15 декабря старый меньшевик Топуридзе, представитель правительства в Батуме, отвечает на вопросы антантовской миссии: «Полагаю,—говорит он, по собственному его донесению,—что всеми средствами и силами наша республика будет содействовать державам Согласия в борьбе с большевиками»... Английскому агенту Вебстер тот же Топуридзе докладывает, что Грузия «будет видеть выпол-

нение своего долга, если будет оказывать содействие Англии на Кавказе в борьбе против большевизма»... После того, как британский полковник Джордан разъяснил, что введение союзных войск в Грузию совершается «согласно общей схемы международного мира и спокойствия», т.-е. для удушения большевиков в общероссийском масштабе и для подчинения всех народов России адмиралу Колчаку,—Гегечкори уведомляет полковника Джордана, что «грузинское правительство, одушевленное желанием работать в согласии с союзниками над осуществлением провозглашенных союзниками принципов права и справедливости, дает свое согласие на ввод войск». Словом, при перемене германского подданства на антантовское вожди грузинского меньшевизма чрезмерно пренебрегли добрым старым советом русского поэта: «Льстецы, льстецы, умейте сохранить и в самой подлости оттенок благородства».

Я слишком хорошо помню стол заседаний Брест-Литовска. Я слишком хорошо помню за этим столом барона Кюльмана, генерала Гофмана [181]) и графа Чернина. Но еще отчетливее и резче помню я представителей украинской мелко-буржуазной демократии, которые тоже называли себя социалистами и которые были—по своему политическому уровню—как раз подстать грузинским меньшевикам. Во время самых переговоров они вступили в блок за нашей спиной с феодальными представителями Германии и Австро-Венгрии. И нужно было видеть, как они виляли перед теми, как помахивали хвостами, как заглядывали подобострастно и любовно в глаза своим новым господам и с каким высокомерным торжеством глядели на нас, изолированных представителей пролетариата, на этих брест-литовских заседаниях!

Я знаю,
Как эти плуты вертятся по ветру,
И льстят, и ссорят, и в огонь льют масло,
И рабски угождают, и, как псы,
Бегут за господами.

События последних лет не были бедны испытаниями. Но я не знаю минут более тягостных, более невыносимых, чем те, когда приходилось дышать в атмосфере жгучего стыда за бесчестие, отсутствие достоинства, низкопробность мелко-буржуазной демократии, которая в борьбе с пролетариатом бросается на колени перед представителями феодально-капиталистического мира. И разве не то же самое, слово в слово, буква в букву, проделал дважды грузинский меньшевизм?

„СТРОЖАЙШИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ"

Каутский, Вандервельде, Гендерсон, словом международная мистрис Сноуден, категорически отрицают сотрудничество меньшевистской Грузии с русской и иностранной контр-революцией. А в этом ведь сущность всего вопроса. Во время ожесточенной войны Советской России с белогвардейцами, которых поддерживал иностранный империализм, демократическая Грузия сохраняла, видите ли, нейтралитет. И не просто нейтралитет, пишет блаженный Каутский, а «строжайший нейтралитет». Можно было бы усомниться в этом, даже если бы мы не знали фактов. Но мы их знаем. Мы знаем не только то, что грузинские меньшевики принимали участие во всех кознях против Республики Советов, но и то, что сама независимая Грузия создана была, как орудие в империалистической и гражданской войне против рабоче-крестьянской России. Мы это уже видели из предшествующего изложения. Но блаженный Каутский об этом не хочет и слышать. Но мистрис Сноуден возмущена. Но Макдональд [182]) с негодованием отвергает «глупые обвинения». Макдональд так и пишет: «глупые обвинения», ибо он очень сердится. А Макдональд, хотя и не Брут [183]), но «достопочтенный человек». Однако же существуют факты, документы, протоколы, которым приходится верить больше, чем так называемым достопочтенным людям.

25 сентября 1918 г. происходило официальное совещание представителей грузинской республики, кубанского правительства и добровольческой армии. От лица этой последней выступали генералы Алексеев, Деникин, Романовский. Драгомиров, Лукомский, известный монархист Шульгин и пр.—имена, достаточно говорящие за себя. Генерал Алексеев открыл совещание словами: «От имени добровольческой армии и кубанского прави-

тельства приветствую представителей *дружественной нам* Грузии, в лице Е. П. Гегечкори и генерала Г. И. Мазниева».

У дружественных сторон имелись недоразумения; главное из них касалось Сочинского округа. Рассеивая недоразумения, Гегечкори говорил: «Куда, как не в Грузию, во время гонений, постигших офицеров в России, стали со всех концов ее стекаться офицеры! И мы принимали их, из скудных средств своих делились всем, платили жалованье, кормили и делали все, чтобы в пределах собственного стесненного положения помочь им»... Уже эти слова могут посеять кое-какие сомнения насчет «нейтральности» Грузии в войне рабочих с царскими генералами. Но сам Гегечкори торопится придать сомнениям характер полной несомненности. «Считаю долгом напомнить вам,—говорит он далее Алексееву, Деникину и др.,—что не следует забывать и про то, *какую услугу оказали мы вам в борьбе с большевизмом, и что эта поддержка должна также учитываться вами*». Они, кажется, ясны, эти слова Гегечкори, министра иностранных дел демократической Грузии, одного из лидеров меньшевистской партии. Или, может быть, г. Макдональд нуждается в комментариях? Их дает второй представитель Грузии, Мазниев, который тут же прибавляет: «Офицеры все время двигаются из Тифлиса к вам (к Алексееву и Деникину), и по дороге я им всячески помогаю. Это может засвидетельствовать и генерал Ляхов. Им выдаются деньги, продовольствие на стоянках и т. д., и все это безвозмездно. Согласно вашей просьбе, *я собирал офицеров*, находящихся в Сочи, Гаграх, Сухуме, и *звал их итти в ряды ваших войск*»... Каутский ручается за нейтралитет, и притом за строжайший. Макдональд просто объявляет «глупыми обвинениями» указания на те услуги, какие меньшевики оказывали белым в борьбе с большевиками. Но мы должны все же сказать, что достопочтенный человек бранится слишком поспешно. Факты подтверждают наши обвинения. Факты уличают Макдональда. Факты удостоверяют, что именно мы говорим правду, а не международная мистрис Сноуден.

Но это не все. Стараясь доказать, что, временно уступив Грузии Сочинский округ, белогвардейцы ничего не теряют, тем более, что их основная задача—движение на север, против большевиков, Гегечкори говорит: «Если в действительности, в будущем, в чем я не сомневаюсь, будет воссоздана новая Россия, то для нас, быть может, встанет вопрос не только о возврате Сочинского округа, но и вопросы более важные, и вами это

должно быть учтено». Эти слова раскрывают смысл самостоятельности Грузии: это не «национальное самоопределение», а стратегическая мера в борьбе с большевизмом. Когда Алексеев и Деникин воссоздадут «новую Россию»,—в чем Гегечкори «не сомневается»,—то для грузинских меньшевиков встанет вопрос о возвращении не только Сочинского округа, но и всей Грузии в лоно единой России. Таков этот «строжайший нейтралитет».

Но, как бы все еще опасаясь, чтобы в некоторых огнеупорных черепах не осталось каких-либо сомнений, Гегечкори завершает: «По вопросу об отношении к большевикам могу заявить, что *борьба с большевизмом* в наших пределах *беспощадна*. Мы *всеми* имеющимися у нас *средствами подавляем большевизм*, как движение антигосударственное, угрожающее целости нашего государства, и я думаю, что в этом отношении мы дали уже *ряд доказательств, которые говорят сами за себя*». Эти слова уже во всяком случае не нуждаются в пояснениях!

Но откуда известны такие интимные разговоры? Они запротоколированы и напечатаны. Но не фальшивы ли эти протоколы? Вряд ли. Они изданы самим грузинским правительством в виде цветной книги под названием: «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», Тифлис 1919 г. Цитируемые протоколы напечатаны на страницах 391—414. Так как министром иностранных дел был Гегечкори, следовательно он сам печатал свои беседы с Алексеевым и Деникиным. В извинение Гегечкори надо сказать, что он тогда еще не предвидел, что Каутскому и Макдональду придется честью II Интернационала клясться в нейтралитете меньшевистской Грузии. Не только в этом случае, но и во многих других положение достопочтенных людей II Интернационала было бы гораздо легче, если бы на свете не существовало стенографии и книгопечатания.

Для того, чтобы политический смысл заявлений Гегечкори в его беседе с Деникиным стал нам вполне ясен, необходимо напомнить, каково было военно-политическое положение Советской России в сентябре 1918 г. Возьмите карту—это стоит труда. Наша западная граница проходила между Псковом и Новгородом. Псков, Минск и Могилев находились в руках принца Леопольда Баварского. А немецкие принцы в то время кое-что значили на свете! Немцами же, приглашенными для защиты демократии от большевиков, была оккупирована вся Украина. Группа генерала фон-Кирбаха [184]), топтавшая ногами Одессу и Севасто-

поль, головою почти упиралась в Курск и Воронеж. Донские казаки угрожали Воронежу с юго-востока. В их тылу, на Кубани, строилась армия Алексеева—Деникина. На Кавказе господствовали турки и немцы. Советская Астрахань висела на тоненькой ниточке. Волга к северу была перерезана дважды: казаками у Царицына и чехо-словаками у Самары. Вся южная половина Каспийского моря уже находилась в руках белых, под командой английских морских офицеров; северная половина была вырвана у нас в следующем году. На востоке мы вели войну с чехо-словаками и белыми, занимавшими Заволжье, Урал и Сибирь. На севере царила Антанта: в ее руках находились Архангельск и все побережье Белого моря. Северная половина Мурманской железной дороги была захвачена англо-французским десантом. Маннергеймовская Финляндия [185]) нависала угрозой над Петербургом, который был с трех сторон охвачен полукольцом врагов. А наша армия только строилась под ударами.

В этой обстановке официальные представители меньшевистской Грузии докладывают организаторам добровольческой армии, что Грузия спасает белых офицеров от большевистских преследований; безвозмездно содержит их; вербует среди них добровольцев и направляет к Алексееву—Деникину; наконец, борется с большевизмом «беспощадно», подавляя его «всеми имеющимися средствами».

Гегечкори не хвастал и не преувеличивал своих заслуг перед контр-революцией. Он и его друзья действительно сделали все, что могли. Нельзя было, конечно, требовать от них, чтобы они выставили в помощь белым серьезную вооруженную силу, так как им самим приходилось пользоваться немецкими войсками для борьбы с внутренней «анархией». Их реальные рессурсы были гораздо ниже их доброй контр-революционной воли. Тем не менее, они оказали, по масштабу того момента, огромные услуги белогвардейским военным организациям. Оказавшееся на территории Грузии и захваченное меньшевиками многомиллионное имущество кавказской армии они использовали в очень значительной части для оказания материальной поддержки белым: донским, кубанским и терским казакам, чеченским офицерам, отрядам Геймана [186]) и Филимонова [187]), добровольческой армии Алексеева—Деникина и пр. Помощь эта в тот момент имела для буржуазно-помещичьих отрядов на Кавказе тем большее значение, что они еще почти ничего не получали извне.

Так как сотрудничество меньшевистской Грузии с контрреволюционерами всех мастей происходило изо дня в день и протоколировалось только случайно, было бы трудно сейчас писать связную историю этого сотрудничества, тем более, что наиболее ценные архивы вывезены меньшевиками за границу. Но даже и те разрозненные и случайные документы, которые остались в канцеляриях Тифлиса, совершенно достаточны для того, чтобы не оставить даже в голове самого заскорузлого нотариуса и тени сомнения насчет так называемого нейтралитета Грузии.

Переговоры и совместная военная работа с организаторами добровольческой армии начинаются уже в июне 1918 г., если не с первого дня самостоятельности Грузии. Некоторые чисто военные операции (напр., продвижение к станице Говорищенской) были предприняты Грузией по просьбе кубанского правительства, действовавшего заодно с «добровольцами». Генерал Гейман, наступавший на большевиков со станицы Дагестанской, получил от уже знакомого нам генерала грузинской службы Мазниева 600 ружей, 2 пулемета и патроны. Генералу Масловскому был передан Грузией бронепоезд в Туапсе, где этот генерал, находившийся, как и Гейман, на службе у Алексеева, действовал совместно с меньшевистским командованием. Гегечкори имел в виду, между прочим, и эти факты, когда напоминал Алексееву и Деникину о помощи со стороны Грузии.

В октябре 1918 года, т.-е. вскоре после знакомого нам совещания Гечечкори—Деникина, грузинское правительство отпустило донскому правительству, находившемуся в войне с советскими войсками, значительное количество интендантского имущества *). 3 ноября 1918 г. генерал грузинской службы Мазниев докладывал своему правительству, что он ведет борьбу с большевиками рука об руку с казаками добровольческой армии. «На позициях оставил казаков, а вверенные мне войска отвел в Сочи на отдых» и пр. 26 ноября грузинское правительство постановило отпустить представителю добровольческой армии Объедову необходимое количество медикаментов и перевязочных средств и вообще «оказывать в этом деле всяческое содействие». Это «дело» состояло в гражданской войне против Советской России. Конечно, перевя-

*) Точная ведомость этому очень значительному имуществу опубликована на основании подлинных документов в книжке *Я. Шафира*. «Гражданская война в России и меньшевистская Грузия», Москва 1921, стр. 39.

зочные средства и лекарства—очень гуманные, очень нейтральные предметы. Но беда в том, что грузинское правительство сперва с оружием в руках отобрало эти гуманные предметы у «зараженных большевистской анархией» кавказских войск, а затем передало белогвардейцам, атаковавшим с юга Советскую Россию.

Все это вместе называется «строжайшим нейтралитетом» — у Каутского, но не у Жордания. Последний писал председателю императорской германской миссии 15 октября 1918 г., т.-е. в разгаре излагаемых событий: «Я *никогда* не рассматривал международное положение Грузии, как государства совершенно нейтрального, так как *очевидные факты нам показывают обратное*». Вот именно! Это письмо напечатано опять-таки самим Жордания в уже цитированной тифлисской цветной книге, которая вполне была к услугам Каутского, когда он писал свою брошюру. Но он предпочитал руководствоваться апостольскими вдохновениями. Весьма вероятно, что Жордания, который не мог не признавать очевидных фактов в «деловых» переговорах с генералом фон-Крессом, считал вполне возможным во время душеспасительных бесед с Каутским водить почтенного старца за нос; тем более, что Каутский привез в Тифлис нос, вполне для этого приспособленный.

Грузия предоставила, по договору, свои железные дороги для перевозки в Азербейджан турецких войск, с помощью которых была низвергнута в Баку Советская власть, установленная почти отрезанными от России бакинскими рабочими. Последствия этого для нас были огромны. Из источника питания Советской России нефтью Баку превращался в опорный пункт для наших врагов. Можно, конечно, сказать, что, отделившись от России, грузинское правительство вынуждено было оказать столь решающее содействие султанским войскам против бакинского пролетариата. Допустим. Но остается тот факт, что Жордания и другие лидеры Грузии приносили свои поздравления реакционно-буржуазной мусульманской партии мусават по поводу взятия Баку турецкими войсками. Насилие турецкого милитаризма шло, следовательно, по линии внутренних побуждений меньшевизма, которых он, как видим, и не скрывал.

Революция не только утратила на время Баку, но и лишилась навсегда нескольких десятков своих лучших сынов. В сентябре 1918 г., почти в те самые дни, когда Гегечкори вел переговоры с Деникиным, 26 большевиков, вождей бакинского про-

летариата, во главе с т. Шаумяном, членом Центрального Комитета нашей партии, и Алексеем Джапаридзе, были расстреляны на глухой степной станции за Каспием. Об этом вы можете, Гендерсон, навести справки у вашего Томпсона [188]), генерала освободительной войны: его агенты были палачами. Так ни Шаумян, ни Джапаридзе уже не узнали о ликовании Жордания по поводу падения советского Баку. Но они и без того унесли с собой в могилу жгучую ненависть к меньшевистским пособникам палачей.

* * *

Рукопись этой книги была уже закончена, когда я получил свежую книгу Вадима Чайкина [189]), социалиста-революционера и члена Учредительного Собрания: «К истории российской революции. Казнь 26 бакинских комиссаров», в издательстве Гржебина в Москве. Эта книга, состоящая в значительной своей части из документов, важнейшие из коих воспроизведены фотографически, представляет собою рассказ о том, как английские военные власти организовали, без какого бы то ни было намека на суд, убийство 26 бакинских комиссаров. Непосредственным практическим организатором был глава британской военной миссии в Асхабаде Реджинальд Тиг-Джонс. Генерал Томпсон знал обо всем этом деле, и Тиг-Джонс, как вытекает изо всех обстоятельств, действовал с согласия почтенного генерала. После того, как убийство 26 безоружных людей, которых взяли, якобы для вывоза в Индию, было благополучно совершено на глухой станции, генерал Томпсон помог бежать одному из виднейших участников убийства, продажному негодяю Дружкину. Обращения Вадима Чайкина, отнюдь не большевика, а социалиста-революционера и члена Учредительного Собрания, к английскому генералу Маллесону и к английскому генералу Мильну не привели ни к чему. Наоборот, все эти джентльмены оказались солидарны в укрывательстве убийства и убийц и фабрикации ложных сообщений. Как явствует из документов той же книжки, Гегечкори, министр иностранных дел Грузии, обязался, по настоянию Чайкина, не выпускать уголовного негодяя Дружкина из Грузии. На деле же, по соглашению с великобританским генералом Томпсоном, предоставил Дружкину полную возможность ускользнуть от следствия и суда. В то время, как комитеты русских и грузинских социалистов-революционеров и русских закавказских мень-

шевиков, обследовав все обстоятельства дела, подписали заявление о преступном образе действий английских военных властей, комитет грузинских меньшевиков, пришедший в комиссии вместе с другими партиями к тому же выводу, отказался, однако, подписать документ, чтобы не ссориться с английскими властями, Телеграф меньшевистского грузинского правительства отказывался принимать депеши Вадима Чайкина, посвященные изобличению великобританских убийц. Если бы о грузинских меньшевиках не было известно ничего, кроме того, что сообщают неоспоримые и несомненные документы в книжке Чайкина, этого было бы вполне достаточно для того, чтобы на веки-веков заклеймить клеймом бесчестия и позора этих господ, их демократию, их покровителей и защитников.

У нас нет ни малейшей надежды на то, что после прямых, точных, бесспорных указаний, данных Чайкиным, мистер Гендерсон, или мистер Макдональд, или мистер Томас [190]), или мистер Клайнс [191]), или мистер Секстон [192]), или мистер Дэвисон [193]), или мистер Адамсон [194]), или мистер Годж[195]), или мистер Роз [196]), или мистер Боэрман [197]), или мистер Юнг [198]), или мистер Спур [199]),— поставят себе в обязанность открыто и честно разобрать это дело до конца и призвать к ответу тех представителей Великобритании, которые в Закавказьи с таким блеском отстаивали демократию, цивилизацию, право, религию и мораль от большевистского варварства.

* * *

Международная мистрис Сноуден опровергает сотрудничество грузинских меньшевиков с контр-революционными организациями и армиями, исходя из двух обстоятельств: во-первых, сами меньшевики жаловались английским социалистам на Антанту, которая заставляет-де их поддерживать контр-революционеров; во-вторых, у Грузии были с белыми трения, принимавшие моментами даже характер военных конфликтов.

Английский генерал Уоккер [200]) грозил пальцем перед самым носом у председателя правительства Ноя Жордания, предупреждая его, что немедленно закроет центральный меньшевистский орган, если там появится статья, способная огорчить Антанту. Английский поручик стучал штыком по столу грузинского прокурора, требуя немедленного освобождения тех из арестованных лиц, на которых он, божьей милостью поручик, указал перстом.

Вообще, судя по документам, английские военные власти вели себя в Грузии еще более нагло, чем германские. Конечно, в этих случаях Жордания почтительно напоминал о грузинской почти-независимости и жаловался Макдональду на нарушения грузинского почти-нейтралитета. Этого требовала простая осторожность. Когда Деникин отбирал у Грузии Сухумский округ, меньшевики жаловались на Деникина Уоккеру, а на Уоккера—Гендерсону,— в обеих инстанциях с одинаковым успехом.

Если б этих жалоб и столкновений не было, это значило бы по-просту, что меньшевики ровно ничем не отличаются от Деникина. Но это так же неверно, как сказать, что Гендерсон ничем не отличается от Черчилля [201]). Размах мелко-буржуазных колебаний в революционную эпоху очень велик: от поддержки пролетариата до формального союза с помещичьей контр-революцией. Чем менее мелко-буржуазные политики самостоятельны, тем более они декламируют о своей полной независимости, о своем абсолютном нейтралитете. Под этим углом зрения не трудно проследить всю историю меньшевиков, правых эсеров, левых эсеров в масштабе всей революции. Они никогда не бывают нейтральны. Они никогда не бывают самостоятельны. Их «нейтральность» есть всегда только критическая мертвая точка в движении справа налево или слева направо. Поддерживая большевиков (левые эсеры, анархисты) или поддерживая царских генералов (правые эсеры, меньшевики), мелко-буржуазные партии нередко пугаются в решающий момент близкой победы своего союзника, или, еще чаще, покидают его в минуту опасности. Надо, правда, сказать, что если в революционную эпоху мелко-буржуазные партии обычно разделяют все невыгоды поражения, то на их долю редко приходятся преимущества победы. Укрепившись при помощи «демократии», монархическая контр-революция—на востоке, в лице Колчака, на севере и западе, в лице Юденича, Миллера и английских генералов, на юге, в лице Деникина,—беспощадно унижала и била своих пособников-демократов.

В конце концов и европейская социал-демократия имеет на этот счет кое-какой опыт, в виде синяков и фонарей под глазами, правда, не из эпохи революции, а из эпохи войны. Социал-патриоты, помогавшие своей буржуазии в самые трудные для нее месяцы войны, рассчитывали если не на участие пролетариата в плодах победы, то вообще на повышение роли социализма и своей собственной в судьбах государства после войны. Они

ошиблись. Обманутые Гендерсон, Самба [202]) и другие тоже обличали свою буржуазию, грозили ей и жаловались на нее Интернационалу. Но это не значит, что они не служили ей. Служили, но с претензиями. Служили, но были обмануты. Служили, но жаловались. Никто не говорит про них, что это просто наемные лакеи. Нет, это мелко-буржуазные оппортунисты, то-есть лакеи политические, амбициозные, многословные, всегда колеблющиеся, всегда ненадежные,—но лакеи до мозга костей.

* * *

Усвоив, как сказано, методы французских академиков, воспевающих просвещенную политику княжества Монако или династии Карагеоргиевичей, Каутский не спрашивает объяснений, не требует причин, не удивляется противоречиям и не страшится несообразностей. Если Грузия оторвалась от революционной России, то виноваты большевики. Если Грузия призвала немецкие войска, то это потому, что они лучше турецких. Гогенцоллернские войска пришли в Грузию «не как грабители,—мямлит и шамкает Каутский,—а как организаторы ее производительных сил»... Но и вместе с гогенцоллернскими войсками, которые «радостно приветствовались на улицах Тифлиса»—кем? кем? кем?—Грузия ничего не теряет из своих демократических добродетелей. Томпсон и Уоккер тоже пошли ей только на пользу. И после того, как на каждом из атрибутов ее целомудрия орудовал сперва ею же приглашенный немецкий лейтенант, а затем английский, никто не может более сомневаться в том, что к моменту прибытия делегации II Интернационала демократические добродетели Грузии достигли полного расцвета. Отсюда пророческий вывод Каутского: Россию спасет дух меньшевизма, воплощением которого явилась меньшевистская Грузия (стр. 72).

Наступает момент, когда приходится дать слово самому «духу меньшевизма». В конце 1918 г. (27 декабря) состоялось в Москве партийное совещание Р. С.-Д. Р. П. (меньшевиков). На этом совещании подверглась обсуждению политика тех частей партии, которые вошли в состав белогвардейских правительств или вступили в открытый союз с иностранным империализмом; в частности и в особенности речь шла при этом о грузинских меньшевиках. В официальном сообщении меньшевистского Ц. К. о совещании говорится: «В своей среде партия не может и *не*

намерена терпеть союзников контр-революционной буржуазии и англо-американского империализма, как бы ни были понятны мотивы, толкнувшие многих из них на путь такого союза». В резолюции конференции прямо говорится: «Совещание констатирует, что политика грузинской социал-демократии, пытавшейся спасти демократический строй и самоуправление Грузии ценой ориентации на иностранную помощь и на отделение от России, поставила ее *в противоречие с задачами, которые преследует партия в целом*».

Этот поучительный эпизод дает понятие не только о проницательности Каутского в оценке событий революции, но и об его добросовестности в их фактическом изложении. Не справившись даже у своих друзей-меньшевиков и не приняв необходимейших мер предосторожности, Каутский изображает внешнюю политику Жордания—Церетели, как истинно меньшевистскую и потому образцовую для международной социал-демократии. Между тем официальная оценка «истинно меньшевистской» партии, устами Мартова—Дана, гласит, что внешняя политика Жордания—Церетели оказывает на партию «дезорганизующее влияние», грозя «подорвать в корне ее престиж в глазах пролетарских масс» (см. указанное издание меньшевистского Ц. К., стр. 6). В то время, как Каутский ставит печать марксистского благословения на грузинской политике «строжайшего нейтралитета», Мартов—Дан доходят по адресу этой политики до чрезвычайной угрозы: «партия не может,—пишут они,—не становясь всеобщим посмешищем, допускать такие политические выступления отдельных ее частей, которые, в открытом или прикрытом союзе с ее классовыми врагами, направлены против самой сущности ее революционной политики» (там же, стр. 6).

На этом можно бы поставить точку. Ученый шлафрок Каутского достаточно плотно ущемлен двумя половинками меньшевистской двери: вырваться, кажется, нельзя. Может быть, однако, Каутский теперь, с некоторым запозданием, обратится за помощью к Мартову? Возможно. И нет сомнения, что он эту помощь получит. Мы сами можем, в целях смягчения удара, нанесенного Каутскому руками меньшевиков, сказать несколько пояснительных слов. Момент тогда был очень революционный. Большевики били Колчака. В Германии и Австро-Венгрии вспыхнула революция. Лидерам меньшевиков пришлось выбрасывать в море слишком компрометирующий груз, чтобы не захлебнуться

окончательно самим. На рабочих собраниях Москвы и Петербурга они с возмущением отрекались от солидарности с предательской политикой тогдашней Грузии. Они грозили исключить Жордания и др., если те не перестанут превращать партию в «посмешище». Момент был очень беспокойный: сам Гильфердинг хотел Советы ввести в конституцию. А уж это доказывает, что дело дошло до крайности.

Грозили исключить,—но ведь не исключили? О, конечно, не исключили. И не собирались исключать. Они не были бы меньшевиками, если бы дело не расходилось у них со словом. Весь международный меньшевизм есть не что иное, как условная угроза, которая никогда не осуществляется, символический размах, за которым не следует удара.

Но это не меняет факта: по самому основному вопросу политики грузинских меньшевиков Каутский постыдно обманывает читателей. Его обман разоблачен самими же меньшевиками. Вырваться нельзя: шлафрок зажат прочно.

А Макдональд? О, Макдональд—достопочтенный человек. Но и у него есть недостаток: он ничего не понимает в вопросах социализма. Решительно ничего!

ВНУТРЕННИЙ РЕЖИМ

Во внешней политике—строжайший нейтралитет, а во внутренней, разумеется, полнейшая свобода. Да и как же иначе? «Отношения между рабочими и крестьянами в Грузии,—рассказывает Каутский,—до настоящего времени самые лучшие, какие лишь возможны» (стр. 54). От Рейна до Тихого океана свирепствуют кровавые восстания,—«Грузия—единственная страна, которая, наряду с немецкой Австрией, избегла насильственных действий» (там же). Коммунисты? Но они «при полной свободе легальной деятельности» не могли приобресть никакого влияния (стр. 65). Социал-демократы на всех выборах получали подавляющее большинство голосов. Действительно, единственная в своем роде страна—от Тихого океана и до Рейна. Да и за Рейном вряд ли сыщется подобная, если не считать княжества Монако, в изображении престарелых французских академиков на пенсии.

Перед такой политической мазней останавливаешься в первый момент столь же парализованным, как перед наглой олеографией, где каждая краска лжет в отдельности, а все вместе лгут еще оскорбительнее для глаза. Все, что мы знаем о происхождении самостоятельной Грузии и об ее внешней политике, опровергает уже ту картину всеобщего умиротворения, которую Каутский наблюдал из окна вагона между Батумом и Тифлисом. Связь между внешней политикой и внутренней должна была в Грузии обнаружиться тем сильнее, что Грузия образовалась путем почкования в два приема, так что внешними становились для нее сегодня те вопросы, которые вчера еще были внутренними. Кроме того, под флагом разрешений своих внешних задач, меньшевики приглашали внутрь страны иностранную военную силу, сперва немцев, потом англичан, при чем опять-таки уже можно сказать что генерал фон-Кресс и генерал Уоккер играли не последнюю

роль во внутренней жизни страны. Так как, по Каутскому, банальность которого становится моментами парадоксальной, гогенцоллернские генералы выполняли в Грузии высокую функцию «организаторов производительных сил» (стр. 57), не покушаясь на часовой механизм демократии, то не лишне привести здесь грозный окрик фон-Кресса по поводу ареста группы черносотенных дворян, приступивших к созданию погромных банд. «Правительство не может,—поучал фон-Кресс министра Рамишвили,—считать политику партии или группы граждан неблагонадежной потому только, что она направлена против настоящего режима. Пока политика эта не будет направлена против существования самого государства, ее нельзя считать государственной изменой». В ответ на эти классические поучения, Рамишвили, между прочим, докладывал: «я предложил деятелям этого союза (помещиков) представить проект об улучшении положения бывших дворян, что и приводится в исполнение». Кто здесь лучше: организатор производительных сил Кресс или демократ Рамишвили,—решить не легко. Что английские офицеры вмешивались во внутреннюю жизнь еще более нагло, чем германские, об этом мы уже упоминали. Однако, если не считать солдатской грубости и излишней откровенности, вмешательство тех и других шло в общем по той же линии социального и политического консерватизма, которая была линией самих меньшевиков с самого начала революции.

Главный урок, какой вынес Церетели из опыта русской революции, тот, что «робость и неуверенность демократии в борьбе с анархией» погубили демократию, революцию и страну, и, в качестве главного вдохновителя правительственной политики, он требовал от закавказского сейма вменить «в обязанность правительству самыми суровыми мерами бороться с проявлениями анархии»... (18 марта 1918 г.).

Еще ранее того, 15 февраля, Жордания заявляет на заседании сейма: «У нас в стране все больше и больше увеличивается анархия... Среди рабочего класса настроение большевистское, даже меньшевики-рабочие заражены большевизмом».

Первые национальные грузинские полки проникнуты теми же настроениями. Демобилизованные солдаты разносят революционную заразу по деревням.

«То, что сейчас происходит у нас в деревнях,—говорит Жордания,—не ново; то же самое происходило во всех (!) революциях,

повсюду (!) крестьянские массы выступали против демократии. Пора нам положить конец господству народнических крестьянских иллюзий социал-демократической партии. Пора вернуться к Марксу и твердо стоять на страже революции против крестьянской реакции». Ссылка на Маркса—тупость, осложненная шарлатанством. В меньшевистский период, о котором идет речь, закавказское крестьянство восставало не против демократической революции, а против ее медленности, нерешительности, трусливости, особенно в аграрном вопросе. Только после действительной победы аграрно-демократической революции открывается почва для контр-революционных крестьянских движений: против материальных требований города, против социалистических тенденций хозяйственной политики, наконец, против диктатуры партии рабочего класса. Если в первую эпоху революции движущей силой аграрных восстаний являются низы деревни, ее наиболее угнетенные и малоимущие слои, то руководящая роль в крестьянских восстаниях второй эпохи переходит к верхнему слою деревни, к ее наиболее зажиточным, крепким, кулацким элементам. Но нет надобности останавливаться на том, что грузинские меньшевики, как и не грузинские, не понимают революционной азбуки марксизма. С нас достаточно признания того факта, что крестьянские массы, составляющие подавляющее большинство населения, по-большевистски выступали против меньшевистской «демократии». Верное преподанной сеймом программе, грузинское правительство, опиравшееся на мелко-буржуазную демократию городов и на верхи рабочего класса, крайне малочисленного вообще, вело беспощадную борьбу против зараженных большевизмом трудящихся масс.

Вся история меньшевистской Грузии есть история крестьянских восстаний. Они происходят решительно во всех частях маленькой страны, отличаясь нередко чрезвычайным упорством. В некоторых уездах Советская власть держится месяцами. Восстания ликвидируются карательными экспедициями и завершаются военно-полевыми судами из офицеров и князьков-помещиков. Как грузинское правительство расправлялось с революционными крестьянами, об этом лучше всего рассказать словами доклада абхазских меньшевиков по поводу деятельности отряда Мазниева в Абхазии.

«Этот отряд по своей жестокости и бесчеловечности,— говорит адресованный грузинскому правительству доклад,— пре-

взошел деятельность печальной памяти царского генерала Алиханова. Так, например, казаки этого отряда врывались в мирные абхазские деревни, забирая все мало-мальски ценное, совершая насилия над женщинами. Другая часть этого отряда, под непосредственным наблюдением г. Тухарели [203]), была занята разрушением бомбами домов тех лиц, на которых кто-либо доносил. Аналогичные же насилия были произведены в Гудаутском уезде. Начальник грузинского отряда, поручик Купуния, бывший пристав г. Поти, избил целый сход в селении Ацы, заставив всех лечь под пулеметный огонь, и прошелся затем по их спинам, нанося удары шашкой плашмя; затем приказал сходу собраться в кучу, верхом во весь карьер врезался в толпу, нанося побои кнутом. Обратившиеся к нему с протестом против такого зверства и насилия члены бывшего Абхазского народного совета, Абухва и Дзукуя, были арестованы и посажены в сарай... Помощник комиссара Гудаутского уезда, поручик Григориади, применял порку на сельских сходах и назначал по своему усмотрению сельских комиссаров, ненавистных народу, из бывших правительственных старшин при царском режиме»...

Не очевидно ли, что отношения между меньшевиками и крестьянами, как мы знаем от Каутского, были всегда «самыми лучшими, какие лишь возможны»?.. Одним из последствий абхазского усмирения явился почти поголовный выход из социалдемократической фракции меньшевиков-абхазцев (Тарнова, Базба, Чукбар, Кобахия, Цвижба, Барцын и Дзукуя).

В восставшей Осетии Джугели действовал не лучше.

Так как мы поставили себе, по педагогическим соображениям, задачей характеризовать политику грузинских меньшевиков, по возможности, их же собственными заявлениями и документами, то нам приходится здесь, преодолевая литературную брезгливость, привести выдержки из книги уже известного нам «рыцарственного» меньшевика Валико Джугели, бывшего начальника Народной Гвардии. Наши цитаты посвящены действиям самого Джугели по усмирению крестьянского восстания в Осетии.

«Враг всюду в беспорядке бежит, почти не сопротивляясь. Этих изменников надо жестоко наказать».

В тот же день он делает в дневнике (книга имеет характер дневника) такую запись:

«Теперь ночь. Всюды видны огни. Это горят дома повстанцев. Но я уже привык и смотрю на это почти спокойно».

В записи следующего дня читаем:

«Всюду вокруг нас горят осетинские деревни... В интересах борющегося рабочего класса, в интересах грядущего социализма, мы будем жестоки. Да, будем. Я со спокойной душой и чистой совестью смотрю на пепелище и клубы дыма... Я совершенно спокоен. Да, спокоен».

На следующий день утром Джугели записывает:

«Горят огни... Дома горят... С огнем и мечом»...

В тот же день через несколько часов новая запись:

«А огни горят, горят»...

Вечером того же дня он снова записывает:

«Теперь всюду огни... Горят и горят. Зловещие огни... Какая-то страшная, жестокая и феерическая красота... И, озираясь на эти ночные, яркие огни, один старый товарищ печально сказал мне:

— Я начинаю понимать Нерона [204]) и великий пожар Рима [205]).

А огни горят, всюду горят».

Из этого отвратительного кривляния (стиль—это человек!) мы во всяком случае имеем возможность снова укрепиться в убеждении, что отношения между грузинскими меньшевиками и крестьянами оставались неизменно «самыми лучшими, какие лишь возможны».

После эвакуации Аджарии (Батумской области) англичанами в 1920 г. грузинскому правительству пришлось вступать во владение краем при помощи артиллерии. Словом, для нероновских кривляний Джугели имел непрерывные поводы во всех концах Грузии *).

Вслед за Жордания министр внутренних дел Рамишвили,— тот самый, который занимался вопросом об улучшении положения бывших дворян,—также ссылался на Маркса в обоснование белого террора, направленного против мятежного крестьянства.

Можно, однако, с уверенностью сказать, что, несмотря на белый террор, дополненный бумажными цветами риторики, меньшевистская диктатура была бы бесследно снесена потоком революционного движения, если бы не присутствие в стране

---

*) Мы не станем здесь перечислять крестьянские восстания в Грузии. Краткая сводка движения дана в статье т. Миха Цхакая—«Коммунистический Интернационал» № 18, стр. 4751 и след.

иностранных войск. Удержаться в тот период меньшевикам помог не немец Маркс, а немец фон-Кресс.

Особенно нелепо звучит утверждение Каутского насчет «полнейшей свободы деятельности» грузинской коммунистической партии. Достаточно бы *некоторой* свободы. Но мы уже знаем: если нейтралитет, то строжайший; если свобода, то полнейшая; не просто хорошие отношения, а «самые лучшие, какие лишь возможны».

Поразительно прежде всего то, что ни Каутский, ни Вандервельде, ни сама мистрис Сноуден, ни иностранные дипломаты, ни журналисты буржуазной печати, ни верный страж свободы—«Таймс», ни честнейший «Тан» [206])—словом, никто из всех тех, кто благословил в Грузии демократию, не заметил в ней Особого Отряда. А между тем он существовал. Особый Отряд, с вашего позволения, есть меньшевистская Ч. К. Особый Отряд захватывал, арестовывал, расстреливал всех тех, кто действовал против меньшевистской демократии. Особый Отряд, в отношении методов терроризма, ничем не отличался от Чрезвычайной Комиссии Советской России,—ничем, кроме той задачи, которой он служил. Чрезвычайная Комиссия охраняла социалистическую диктатуру от агентов капитала, Особый Отряд охранял буржуазный режим от большевистской «анархии». Но ведь именно поэтому-то респектабельная публика, проклинавшая Ч. К., совершенно не замечала грузинского Особого Отряда. Зато грузинские большевики никак не могли его не замечать, ибо он для них, главным образом, и существовал. Приводить мартиролог грузинского коммунизма—аресты, высылки, выдачи белым, тюремные голодовки, расстрелы... есть ли надобность? не достаточно ли вспомнить почтительный доклад Гегечкори Деникину: «По вопросу об отношении к большевикам могу заявить, что борьба с большевизмом в наших пределах *беспощадна*. Мы всеми имеющимися у нас средствами *подавляем большевизм*... и в этом отношении мы дали ряд доказательств, которые говорят сами за себя!». Эту цитату следовало бы начертать у Каутского на колпаке, если бы последний и так уж не был испещрен мало лестными надписями во всех направлениях. Где Гегечкори говорит: *подавляем всеми средствами, душим беспощадно*, там Каутский поясняет: *полнейшая свобода*. Не пора ли над Каутским учинить мягкую, истинно-демократическую опеку?..

Уже 8 февраля 1918 года были закрыты в Грузии все большевистские газеты. В этот период меньшевистская пресса еще

выходила в Советской России совершенно открыто. 10 февраля произошел расстрел мирного митинга в Александровском саду в Тифлисе, в день открытия закавказского сейма [207]).15 февраля Жордания громил в сейме большевистские настроения народных масс и даже рабочих-меньшевиков. Наконец, Церетели, подвергший вместе с Керенским нашу партию обвинению в государственной измене, в марте каялся в сейме в чрезмерной «робости и неуверенности» правительства Керенского в преследовании большевиков. Немецкие войска были привлечены в Грузию,— так же, как в Финляндию, Прибалтику, Украину,—главным образом, против большевиков. На вопрос американского представителя о большевиках, дипломатический представитель Грузии Топуридзе отвечает: «Мы справились и подавили. Доказательство налицо: на бывшей территории России только в Грузии нет большевизма». Относительно будущего Топуридзе дает не менее твердое обязательство: «всеми силами и средствами наша республика будет содействовать державам Согласия в борьбе с большевиками»... Командующий британскими войсками западного Закавказья генерал Форестьер Уоккер разъяснил 4 января 1919 г. устно и письменно г. Жордания, что врагом Антанты на Кавказе является «большевизм, который великие державы решили уничтожить, где бы и когда бы он ни показался». По поводу полученной от Уоккера инструкции Жордания заявил через две недели английскому генералу Мильну: «генерал Уоккер... оказался первым лицом, которое поняло положение вещей в нашей стране».

Сам генерал Мильн следующим образом резюмировал свое соглашение с Жордания: «У нас с вами общие враги, это—германцы и большевики». Все это в совокупности создавало как нельзя более благоприятные условия для «полнейшей свободы деятельности» большевиков.

18 февраля 1919 г. Уоккер за № 99/6 приказывает грузинскому правительству: «все большевики, которые войдут в Грузию, должны быть заключены только во Мцхете (тифлисская тюрьма) и строго охраняемы». Речь идет о большевиках, искавших спасения от Деникина. Но уже 26 февраля, за № 99/9, Уоккер пишет: «Ввиду разговора, который я имел с его превосходительством г. Жордания 20 числа сего месяца, я пришел к заключению, что необходимо воспрепятствовать впредь вхождению большевиков в Грузию по Грузинской дороге».

Заключение большевиков-беженцев во Мцхете сохраняло им, по крайней мере, до поры до времени жизнь. Уоккер «пришел к заключению», что лучше вовсе преградить им единственный путь спасения, отбросив их тем самым в руки деникинских палачей. В минуту, свободную от обличения жестокостей Советского правительства и от благочестивых церковных упражнений, Артуру Гендерсону следовало бы насчет этого предмета обменяться мнениями с Форестьер Уоккером!

Дело не ограничилось переговорами и перепиской их превосходительств. Уже 8 апреля сорок два человека, в числе которых были советские комиссары Терской республики, их жены и дети, красноармейцы и другие беженцы, были задержаны грузинским постом у крепости Дарьял и, после издевательств, насилий и побоев под руководством полковника Церетели, их прогнали снова на территорию Деникина. Жордания пытался объяснить весь этот невинный эпизод личной инициативой полковника Церетели: между тем последний только выполнял секретное соглашение между Жордания и Уоккером. Правда, в документе № 99/9 ничего не сказано об ударах прикладами и палками в грудь и в голову. Но как же иначе прогнать обезумевших от усталости и страха людей, ищущих спасения от верной гибели? Полковник Церетели, надо полагать, твердо усвоил себе, со слов своего более знаменитого однофамильца, что «робость и неуверенность демократии» в борьбе с большевизмом способны погубить государство и нацию.

Таким образом, в основу грузинской республики была положена с самого начала клятва борьбы с коммунизмом. Вожди партии и члены правительства ставили себе задачей «беспощадное подавление» большевиков. Этой задаче были подчинены важнейшие органы государства: Особый Отряд, Народная Гвардия и милиция. Немецкие, а затем английские офицеры—действительные владыки Грузии в этот период—целиком разделяли эту часть социал-демократической программы. Коммунистические газеты закрывались, собрания разгонялись и расстреливались, руководимые большевиками революционные села сжигались. Особый Отряд расстреливал вожаков, Мцхет заполнялся коммунистами, беженцы-большевики отдавались во власть Деникина. В одном октябре 1919 г. было расстреляно в Грузии, по заявлению ее министра внутренних дел, свыше тридцати коммунистов. Во всем остальном, как мы знаем от блаженного Каутского,

коммунистическая партия Грузии пользовалась «полнейшей свободой деятельности».

Правда, как раз во время пребывания Каутского в Тифлисе грузинские коммунисты имели свои легальные издания и пользовались некоторой—отнюдь не «полнейшей»—свободой деятельности. Нужно, однако, тут же прибавить, что этот временный режим был установлен, после разгрома нами Деникина, силою советского *ультиматума*, приведшего к мирному договору между Советской Россией и Грузией от 7 мая 1920 года. С февраля 1918 года по июнь 1920 г. грузинская коммунистическая партия не выходила из подполья...

Следовательно, Советы вмешались в 1920 г. во внутренние дела «демократии», к тому же «нейтральной»?!. Увы, увы!—отрицать не приходится. Генерал фон-Кресс требовал, чтоб грузинским дворянам предоставлена была свобода контр-революционной деятельности. Генерал Уоккер требовал, чтобы коммунистов сажали в Мцхет или прикладами передавали в распоряжение Деникина. Мы же, разгромив Деникина и подойдя к границам Грузии, потребовали, чтобы коммунистам была предоставлена свобода деятельности, поскольку она не направлена на вооруженное восстание. Мир вообще очень несовершенен, г. Гендерсон! Меньшевистское правительство оказалось вынужденным пойти на наше требование и, по собственному официальному заявлению, выпустило единовременно из тюрем около 900 большевиков *). В конце концов, это не так уж много. Но надо все же принять во внимание статистику народонаселения. Если в видах справедливости наши сердца тоже не глухи к справедливости—о, мистрис Сноуден!—принять грузинскую пропорцию (900 арестованных на $2^1/_2$ миллиона населения) для Советской Федерации, то окажется, что мы имеем право заключить в тюрьмы советских республик около 45.000 меньшевиков. Полагаю, что в самые острые и тяжкие для революции периоды, всегда вызывавшие обострение враждебной работы меньшевиков, мы никогда не доходили и до одной десятой части этого весьма внушительного числа. А так как в советских пределах и вообще не наберется 45.000 меньшевиков, то мы можем дать гарантию, что наша практика никогда не перешагнула той репрессивной нормы, которая

---

*) См. ноту грузинского министра иностранных дел от 30 июня 1920 года за № 5171.

установлена демократией Жордания—Церетели и одобрена светочами II Интернационала.

Итак, в мае мы—в порядке гражданской войны—вынудили у грузинского правительства легализацию коммунистической партии. Расстрелянные не были воскрешены, но арестованные были освобождены. Если демократия стала слегка демократичнее, то, как видим, только под кулаком пролетарской диктатуры. Революционный кулак, как орудие демократизма,—вот прекрасная тема для ближайшей воскресной проповеди г. Гендерсона!

Значит ли это, что с середины 1920 г. политика Грузии изменилась в смысле сближения с большевиками? Ни в малейшей степени. Меньшевистское правительство пережило весною 1920 г. острый период страха и капитулировало. Когда же оно не без изумления убедилось, что занесенный кулак не опускается на его голову, оно решило, что переоценило опасность, и стало по всей линии бить отбой.

Прежде всего возобновились репрессии против коммунистов. Наш дипломатический представитель в ряде нот, утомляющих своим однообразием, протестует против закрытия газет, арестов, захвата партийного имущества и пр. Но эти протесты уже не оказывали действия: грузинское правительство закусило удила, сотрудничало с Врангелем, рассчитывало на Польшу и тем ускоряло развязку...

Еще раз: чем именно меньшевистская «демократия» отличалась от большевистской диктатуры? Во-первых, тем, что меньшевистский террористический режим, копируя многие методы большевиков, имел задачей охранять устои частной собственности и союз с империализмом. Советская диктатура была и остается организованной борьбой за социалистическое переустройство общества в союзе с революционным пролетариатом. Во-вторых, тем, что советская диктатура большевиков в своей исторической миссии и в условиях ее осуществления почерпает свое оправдание и действует открыто. Меньшевистский же режим терроризма и демократии есть безыдейный ублюдок жестокости и ханжества.

ПЕРИОД ОСТОРОЖНОСТИ

Военный разгром центральных империй и революция в Германии внесли величайшие изменения в мировое положение. Тифлисские политики искали новой ориентации. Простейшей формой ее явилось пресмыкательство пред Антантой. Но завтрашний день не мог им не внушать опасений. Вассальный союз с Германией давал Грузии до поры до времени серьезные гарантии неприкосновенности, так как Германия связывала брест-литовской петлею Советскую Россию, крушение которой к тому же казалось неизбежным. Такое же вассальное подчинение Англии не решало вопроса: Советская Россия находилась с Англией в состоянии войны, и, независимо от ее окончательного исхода, Грузия могла легко оказаться ущемленной на смерть на одном из крутых поворотов. Победа Антанты означала победу Деникина, а следовательно, и ликвидацию меньшевистского царства. Между тем в 1919 г. деникинщина делала большие успехи, и победа Советской власти несла величайшие опасности, но в 1919 г. советские войска были оттеснены с Кавказа. Тифлисские политики стали в своих связях с контр-революцией более осторожны, более выжидательны, более уклончивы, но не более проницательны и не более честны.

Не мог не вселять некоторого беспокойства в меньшевистские сердца и ход рабочего движения в Европе. 1919 год был годом бурного революционного подъема. Пали троны Гогенцоллернов и Габсбургов [208]). Шатался куда более могущественный трон буржуазии. Трещали по всем швам партии II Интернационала. Русские меньшевики, не переставая обличать и поучать коммунистов, заговорили об эпохе социалистической революции, сняли под благовидным предлогом лозунг Учредительного Собрания и осудили своих грузинских единомышленников за полити-

ческую связь с англо-американским империализмом. Эти тревожные симптомы также требовали большей осторожности.

В течение 1919 г., не считая первых его месяцев, грузинские меньшевики не спешат помогать по собственной инициативе Деникину, который к тому же гораздо меньше нуждается в них, и не хвастают своей помощью белым. Наоборот, они сознательно придают ей вынужденный характер, как бы из-под палки великобританских офицеров. Сотрудничество их с Антантой отнюдь не становится от этого деловым компромиссом враждебных сторон, а целиком сохраняет характер идейно-политической связи и зависимости. Они переводят на язык грузинского меньшевизма освободительную риторику «западных демократий» и пресные пошлости вильсонизма [209]), склоняясь перед величием идеи Лиги Наций. Они становятся на практике осторожнее, но не честнее

Мы подозреваем, что мистрис Сноуден снедаема любопытством насчет того, что именно мы, отвергающие бога и его заповеди, понимаем под «честностью». Полагаем даже, что мистер Гендерсон ставит нам такой вопрос не без иронии, насколько ирония вообще совместима с благочестием.

Каемся: мы не знаем безусловной морали попов, церковных или университетских, из Ватикана [210]) или из «приятных воскресных полдников». Категорический императив Канта [211]), философский Христос без плоти и без художественных достоинств религиозного мифа нам так же чужд, как старый жестокий хитрец Моисей, который открыл клад вечной морали на Синайской горе. Мораль есть функция живого человеческого общества, в ней нет ничего абсолютного, она изменяется вместе с самим обществом и служит обобщенным выражением интересов его классов, главным образом, господствующих. Официальная мораль есть идеальная узда, накинутая на угнетенных. В процессе борьбы рабочий класс вырабатывает свою революционную мораль, которая начинается с ниспровержения бога и абсолютных норм. Под честностью мы разумеем для себя *соответствие слова и дела пред лицом рабочего класса*, под контролем верховной цели движения и борьбы: освобождения человечества от рабства путем социальной революции. Мы вовсе не говорим, например, что нельзя хитрить и обманывать, что нужно любить своих врагов и пр. Такая возвышенная мораль доступна, очевидно, только глубоко верующим государственным людям, как лорд Керзон [212]), лорд Нортклиф или мистер Гендерсон. Мы наших врагов ненавидим или презираем,

смотря по тому, чего они заслуживают; бьем или обманываем— в зависимости от обстоятельств, и даже, когда идем на соглашение, не испытываем прилива всепрощающей любви. Но мы считаем, что нельзя лгать массе и обманывать ее относительно целей и методов ее собственной борьбы. Социальная революция целиком основана на росте сознания пролетариата, на его вере в свои силы и в партию, которая им руководит. Хитрить можно с врагами пролетариата, но не с ним самим. Наша партия делала ошибки вместе с массой и во главе ее. Эти ошибки мы открыто признавали пред лицом массы и совершали необходимый поворот вместе с нею. То, что святоши легальности называют нашей демагогией, есть только слишком громко, слишком для них грубо и тревожно провозглашенная правда. Вот что мы понимаем под честностью, мистрис Сноуден!

Вся политика грузинского меньшевизма состояла из шашен, мелких хитростей, плутней, рассчитанных не только на то, чтобы обмануть врага, но и на то, чтобы усыпить массы. Среди рабочих и крестьян и даже среди рабочих-меньшевиков господствовали большевистские настроения. Их подавляли силой. В то же время разлагали массу, выдавая ей врагов за друзей. Фон-Кресс рекомендовался, как друг. Генерал Уоккер изображался, как оплот демократии. Сделки с русскими белогвардейцами совершались то более явно, чтобы пойти навстречу Антанте, то скрытно, чтобы не волновать массы.

1919 год был для грузинских меньшевиков годом большей осторожности и скрытности. Но их политика от этого не стала ни на иоту честнее.

ГРУЗИЯ И ВРАНГЕЛЬ

В последние месяцы 1919 г. военное положение Советской Федерации меняется радикально: Юденич уничтожен, Деникин сперва отброшен на юг, затем разгромлен. К концу года войска Деникина разбиты на несколько деморализованных групп. Антанта как бы охладевает к белым. Крайнее крыло англо-французских интервенционистов переносит главное внимание на окраинные национальные государства. Первое место в очередном походе против России должно принадлежать Польше. Этот новый план освобождает англо-французскую дипломатию от необходимости считаться с великодержавными притязаниями русских белогвардейцев и развязывает ей руки для признания независимости Грузии.

В этих условиях Советское правительство предлагает Грузии союз против Деникина. Цель предложения двойная: во-первых, заставить грузинское правительство понять, что если оно переменит свою международную ориентацию, оно сможет в военном отношении опираться не на фон-Кресса и генерала Уоккера, а на Буденного [213]), во-вторых, ускорить при содействии Грузии ликвидацию остатков деникинских войск, дабы не дать сложиться из них новому фронту.

На это предложение грузинское правительство отвечает категорическим отказом. После всего, что мы узнали об отношениях Грузии к немцам, туркам, Деникину, англичанам, нам нет надобности выслушивать слишком усердного Каутского, который объясняет отказ Грузии ее заботой о... нейтралитете. Тем более, что сам Жордания, в поте чела добывавший в те дни признание Антанты, достаточно откровенно обнажил пружины меньшевистской политики.

14 января он заявил в Учредительном Собрании: «Вы знаете, что Советская Россия нам предложила военный союз. Мы ей наотрез (!!) отказали в этом. Вам, наверное, известен наш ответ. Что означает (означал бы) этот союз? Он означает, что мы должны были порвать связь с Европой... Пути Грузии и России здесь разошлись. Наш путь ведет в Европу, путь России—в Азию. Знаю, враги скажут, что мы на стороне империалистов. Поэтому я здесь должен решительно заявить: *предпочту империалистов Запада фанатикам Востока!*». Эти слова в устах главы правительства во всяком случае не могут быть сочтены двусмысленными. Жордания как бы обрадовался поводу—не просто заявить, а прокричать, что в новом военном походе, который «империалисты Запада» подготовляли против «фанатиков Востока», Грузия будет целиком на стороне Пилсудского, Таке Ионеску [214]), Мильерана и всех прочих. Никак нельзя оспаривать у Жордания права «предпочитать» империалистскую Европу, которая нападает, Советской России, которая обороняется. Но тогда не нужно оспаривать и у нас, у «фанатиков Востока», нашего права проломить, когда нужно, контр-революционный череп мелко-буржуазному лакею империализма. Ибо и мы можем «решительно заявить»: предпочитаем врага с проломленным черепом врагу, способному кусаться и вредить.

Наиболее уцелевшие остатки деникинской армии укрылись в Крыму. Но что такое Крым? Не плацдарм, а западня. В 1919 году мы сами ушли из этой бутылки, когда Деникин угрожал вогнать из Украины пробку в ее узкое горлышко. Тем не менее, Врангель укрепился в Крыму и стал строить новую армию и новое правительство. Это было возможно только потому, что англо-французский флот расширял крымский плацдарм. Черное море, враждебное нам, было целиком к услугам Врангеля [215]). Но сами по себе военные корабли Антанты еще не решили вопроса. Они доставляли Врангелю одежду, оружие, отчасти предметы питания. Но ему прежде всего нужны были люди. Откуда же он получал их? В очень большом, в решающем для него количестве—из Грузии. Если бы за меньшевистской Грузией не было бы других грехов, кроме одного этого, ее судьбу нужно было бы считать предрешенной. Незачем ссылаться на давление Антанты, ибо Грузия не противодействовала, а шла целиком навстречу этому давлению. Политически вопрос стоит, однако, яснее и проще: если «самостоятельность» Грузии заключается в том, что она, по требо-

ванию турок, немцев, англичан и французов, вынуждена поджигать дом Советской России, то уж не нам, конечно, мириться с такой самостоятельностью.

В Крым вошло с Врангелем не более 15—20 тысяч солдат. Мобилизация местного населения приносила мало пользы: мобилизованные сражаться не хотели, многие уходили в горы, образуя отряды «зеленых». Врангелю, при ограниченности его плацдарма и рессурсов, нужен был отборный элемент, белое офицерство, добровольцы, богатые казаки, непримиримые враги Советской власти, уже прошедшие школу гражданской войны под командованием Колчака, Деникина или Юденича. Корабли Антанты свозили их отовсюду. Но главным гнездом их оказалась Грузия. Правое крыло разбитой армии Деникина опустилось на Кавказ под непрерывными ударами нашей конницы и искало спасения в пределах меньшевистской республики. Разумеется, дело не обошлось без выполнения некоторых обрядов так называемого международного права. В качестве «нейтральной» страны, Грузия приняла отступающие белые войска и, разумеется, заключила их в «концентрационные лагери». А в качестве страны, которой западные империалисты ближе фанатиков Востока, она поставила «лагеря» в такие условия, чтобы дать возможность белым попасть в Крым без потери драгоценного времени.

По предварительному соглашению с агентами Антанты— уличающие документы налицо!—меньшевистское правительство заботливо выделило здоровых, способных носить оружие деникинцев и сосредоточило их преднамеренно в Поти, на морском берегу. Их забрали там корабли Антанты. А для ограждения нейтральной репутации Понтия—Жордания агенты его правительства отбирали у капитанов английских и французских пароходов расписки в том, что те свезут беженцев в Константинополь. И если их отвозили, тем не менее, в Севастополь, то виною тому исключительно вероломство капитанов. Таких отборных деникинцев было передано в Поти не менее 10.000 душ. В найденных в Грузии бумагах сохранился поучительный протокол правительственной комиссии по военным беженцам. Начальник концентрационного лагеря генерал Арджеванидзе доложил: «Лагерь в настоящее время пуст ввиду отъезда добрармии из Поти». Постановлено: «Принять к сведению».

При однородных условиях были несколькими месяцами позже возвращены из Гагр в Крым 6.000 казаков после неудачного десанта. Начальник Гагринской уездной милиции, меньшевик Осидзе, маленький местный чиновник, непосвященный в тайны тифлисского правительства, докладывал с некоторым удивлением своему начальству: «Арестовывая большевиков, мы в Гаграх давали волю размахнуться агентам Врангеля». Эти два наиболее крупных факта произошли в июне и в октябре. Но уже с начала года освобождение интернированных деникинцев и их отправка через Батум шли полным ходом. Это подтверждается тифлисскими документами, помеченными январем 1920 г. Вербовщики Врангеля работают совершенно открыто. В Грузию стекается белое офицерство, ищущее ангажемента. Оно находит здесь правильно организованную белую агентуру и без затруднения доставляется в Крым. Во всех необходимых случаях грузинское правительство приходит на помощь деньгами.

Социалист-революционер Чайкин, председатель Комитета освобождения Черноморья (организации, руководившей восстанием местных крестьян против Деникина), следующим образом характеризовал политику Грузии в официальном обращении к грузинскому правительству: «Нечего и пояснять, что такие факты, как свободный отъезд из Грузии генерала Эрдели, приезд для вербовки из Крыма деникинских генералов и незадержание их в качестве интернируемых на грузинской территории, наконец, агитационно-вербовочная работа в Поти генерала Невадовского и др.,—все это есть бесспорное нарушение Грузией нейтралитета в пользу добрармии и является враждебным по отношению к силам, находящимся с добрармией в состоянии войны». Это писалось 23 апреля 1920 года, следовательно, еще до массовых перевозок подобранных врангелевцев из Поти. 6 сентября генерал грузинской службы Мдивани докладывал начальнику французской миссии, что грузинские власти не только не чинят никаких помех к вывозу деникинцев, но, наоборот, оказывают «самое широкое содействие, вплоть до выдачи беженцам от одной тысячи до пятнадцати тысяч рублей». Всего в Грузии находилось до 25—30 тысяч казаков и до 4.000 добровольцев-деникинцев. Большая часть их была переброшена в Крым.

Мало того, что Грузия давала Врангелю людей. Она обеспечивала его, кроме того, необходимейшими для ведения войны

материалами. С конца 1919 г. и до ликвидации Врангеля Грузия доставляет ему из своих запасов уголь, нефть, авиационный бензин, керосин, машинное масло. Заключение в мае 1920 года договора с Советской Россией не приостанавливает этой работы. Она ведется только чуть-чуть более прикрыто, через так называемых «частных лиц». 8 июля Батум, находившийся фактически в руках Англии, переходит в руки меньшевистской Грузии. Но после этого батумский порт продолжает работать на Врангеля. Обо всем этом в свое время с полной точностью доносила наша миссия, и ее донесения лежат сейчас перед нами *). Документы, найденные впоследствии в Батуме, Тифлисе и в Крыму, целиком подтверждают эти донесения, устанавливают названия пароходов, качества военных грузов, имена подставных лиц (напр., известного кадета Парамонова). Важнейшие извлечения из найденных документов уже опубликованы, опубликование других предстоит в ближайшем будущем.

Можно попытаться возразить одно: Грузия не выставила в помощь Врангелю своей собственной армии. Но она и не могла этого сделать: чисто-партийная Народная Гвардия была слишком малочисленна и едва справлялась с охраной внутреннего порядка. Национальная же армия до конца оставалась фиктивной величиной: ее полусформированные части были политически ненадежны и небоеспособны. Таким образом, меньшевистское правительство не сделало в пользу Врангеля того, чего оно позже оказалось не способно сделать в свою собственную защиту: выставить в поле вооруженную силу. Но, за вычетом невозможного, оно сделало, повидимому, все. Можно сказать без преувеличения, что меньшевистская *Грузия создала врангелевскую армию.* Те 30 тысяч отборных офицеров, унтер-офицеров и бойцов-казаков, которые были из Грузии доставлены в Крым, сжигали за собою все корабли и дорого продавали в боях свою жизнь. Без них Врангель вынужден был бы эвакуироваться из Крыма еще в течение лета. С ними он до конца года упорно боролся и

---

*) Приводим для примера одно из таких донесений, помеченное 14 июля: «В начале прошлой недели в Крым ушли следующие суда, нагруженные военным имуществом: «Возрождение», «Донец» и «Киев». 7 ушли: «Маргарита» со снарядами, патронами и автомобилями, «Жаркий» с патронами и подводная лодка «Утка». На этих судах выехало более 2.000 человек добровольцев и официальное представительство добровольческой армии во главе с генералом Драценко», и пр., и пр., и пр.

временами наносил нам тяжкие удары. Ликвидация Врангеля потребовала больших жертв. Сколько тысяч рабочей и крестьянской молодежи легло на обширном секторе, заканчивающемся узким Перекопским перешейком! [216]). Без Грузии не было бы армии Врангеля. Без Врангеля, может быть, не выступила бы Польша. А в случае ее выступления нам не пришлось бы раздваивать свои силы, и рижский мир выглядел бы иначе: он во всяком случае не отдавал бы миллионы украинских и белорусских крестьян польским помещикам. Крым был для грузинских меньшевиков соединительным звеном с империалистами Запада— против фанатиков Востока. Это звено обошлось нам во много тысяч жизней. Их ценою правительство Жордания купило юридическое признание независимости своей республики. По нашим расчетам, оно слишком дорого заплатило за такой дешевый товар.

Лицом к юго-западу в течение 1920 г. Советская Федерация била правым кулаком на запад, по главному врагу, по буржуазной Польше; левым кулаком—на юг, по Врангелю. Не в праве ли она была, зная все приведенные выше факты, ударить каблуком Грузию по ее меньшевистской голове? Разве это не было бы актом законной революционной самообороны? Разве право национального самоопределения равносильно праву безнаказанно причинять ущерб? Если Советская Россия не ударила в течение 1920 г. по меньшевистской Грузии, то не потому, что сомневалась в своем «праве» бить злобного, непримиримого, вероломного врага, а по соображениям политической целесообразности. Мы не хотели облегчать работу Мильерану, Черчиллю и Пилсудскому, которые стремились втянуть в войну против нас окраинные государства. Мы стремились, наоборот, показать этим последним, что, при известных условиях, они могут спокойно и уверенно жить бок о бок с Советской Республикой. Во имя приручения мелких республик, управляемых мелкими буржуа с очень толстыми черепами, мы не раз шли за эти годы на небывалые уступки, на чудовищные попустительства. Разве, чтобы взять самый свежий пример, карельская авантюра [217]) финляндской буржуазии не давала нам все права на вооруженное вторжение в пределы Финляндии? Если мы на это не пошли, то не по формальным мотивам, которые были и остаются целиком на нашей стороне, а потому, что, по самому существу нашей политики, мы прибегаем к вооруженной силе лишь тогда, когда другого выхода действительно нет.

РАЗВЯЗКА

Питая Врангеля людьми и материалами, Грузия в то же время в течение всего 1920 года являлась конспиративной квартирой для российских и особенно кавказских белогвардейцев различных группировок. Она служила посредницей между Петлюрой [218]), Украиной, Кубанью, Дагестаном, белыми горцами. После поражения деятели эти находят у меньшевиков приют, здесь учреждают свои штабы, отсюда развертывают свою деятельность. Из Грузии они направляют повстанческие отряды на территорию Советской власти по следующим путям: 1) Сухум-Кале — перевал Марух и далее в верховья Кубани и реки Лабы. 2) Сухум - Кале — Гагры, Адлер — Красная Поляна, перевал Айшха — верховья реки Лабы. 3) Кутаис — Они— Нальчик.

Они действуют более или менее конспиративно,—ровно в такой мере, чтобы сохранять дипломатический декорум, будучи, однако, хорошо известны грузинскому Особому Отряду. «Своим пребыванием в Грузии,—пишет 12 ноября 1920 г. белогвардейский поручик Особому Отряду,—не создам никакого повода к каким-либо неприятностям с советской миссией, так как моя работа будет протекать еще более конспиративно. Если требуются поручители за меня из грузинских деятелей, таковых найдется достаточное количество». Документ этот, в числе многих других, найден в меньшевистских архивах комиссией Коммунистического Интернационала. Белые заговорщические организации находятся в теснейшей связи с миссиями Антанты и особенно с их контр-разведкой. Если у Гендерсона есть на этот счет сомнения, он мог бы справиться в архивах великобританской контр-разведки. Хотим надеяться, что его патриотический стаж обеспечивает ему доступ в это святилище.

Батум является в этот период важнейшим узлом в интригах и заговорах Антанты и ее вассалов. В июле 1920 г. Англия передала Батум непосредственно в руки меньшевистской Грузии, которая сейчас же оказалась вынуждена прокладывать себе путь к сердцам аджарского населения при помощи артиллерии. Эвакуируя Батум после предварительного разрушения средств его морской обороны, британское командование тем самым засвидетельствовало полное свое доверие к доброй воле Грузии по отношению к Врангелю. Разгром его армии сразу изменил обстановку. Генералы и дипломаты Антанты слишком хорошо знали истинный характер взаимоотношений Грузии, Врангеля и советских республик, чтобы не сомневаться насчет отчаянного положения, в какое ликвидация Врангеля поставила грузинских меньшевиков. Надо полагать, что и сами они не молчали, требуя «гарантий». В правящих английских кругах ставится вопрос о новой оккупации Батума, под видом аренды, порто-франко или под другим ярлыком, которых у дипломата не меньше, чем у вора отмычек. Руководящая грузинская печать сообщала о предстоящей оккупации скорее с демонстративным удовлетворением, чем с беспокойством. Речь шла, совершенно очевидно, о создании нового фронта против нас. Мы заявили, что будем рассматривать занятие англичанами Батума, как прямое открытие военных действий.

Приблизительно в то же время судьбами независимой Грузии близко заинтересовалась известная покровительница слабых, Франция г. Мильерана. Прибывший в Грузию «верховный комиссар Закавказья», господин Абель Шевалье, не теряя времени, заявил через грузинское телеграфное агентство: «Французы братски любят Грузию, и я счастлив, что могу заявить об этом во всеуслышание. Интересы Франции абсолютно совпадают с интересами Грузии»... Интересы той Франции, которая окружала голодной блокадой Россию и напускала на нее ряд царских генералов, «абсолютно совпадали» с интересами демократической Грузии. Правда, после лирических и несколько глуповатых речей о пламенной любви французов к грузинам, г. Шевалье, как и полагается представителю Третьей Республики, разъяснил, что «государства всего мира алчут и жаждут в настоящее время сырья и фабрикатов: Грузия же—великий и естественный путь между Востоком и Западом». Другими словами, на ряду с лю-

бовью к грузинам сентиментальных друзей г. Мильерана привлекал также и запах бакинской нефти.

Почти вслед за Шевалье прибыл в Грузию французский адмирал Дюмениль. В смысле пламенной любви к единоплеменникам Ноя Жордания моряк ничуть не уступал сухопутному дипломату. В то же время адмирал сразу заявил, что так как Франция «не признает захвата чужой собственности» (кто бы мог думать!), то он, Дюмениль, находясь на территории «независимой» Грузии, не позволит Советскому правительству завладеть русскими судами, находящимися в грузинском порту и намеченными к передаче Врангелю или его возможным наследникам. Право торжествует иногда сложными путями!

Сотрудничество представителей французской демократии с демократами Грузии развернулось в полном объеме. Французский миноносец «Сакияр» обстрелял и сжег русскую шхуну «Зейнаб». Французские контр-разведчики при участии агентов грузинского Особого Отряда напали на советского дипломатического курьера и ограбили его. Французские миноносцы прикрыли увод в Константинополь русского парохода «Принцип», стоявшего в грузинском порту. Работа по организации восстания в соседних советских республиках и областях России пошла усиленно. Количество доставлявшегося туда из Грузии оружия сразу возросло. Голодная блокада Армении, уже ставшей к тому времени советской, продолжалась. Но Батум не был оккупирован. Возможно, что Ллойд-Джордж к тому времени отказался от мысли о новом фронте. Возможно также, что крайняя любовь французов к Грузии помешала активному проявлению того же чувства со стороны англичан. Наше заявление относительно Батума также не осталось, разумеется, без последствий. Уплатив в последний момент за прошлые услуги метафизическим векселем признания de jure, Антанта решила ничего не строить на безнадежном фундаменте меньшевистской Грузии.

После непримиримой борьбы, какую грузинские меньшевики вели с нами, они нисколько не сомневались еще весною 1920 г. в том, что наши войска, завершая победу над Деникиным, дойдут, не останавливаясь, до Тифлиса и Батума и сметут меньшевистскую демократию в море... Мы же, не ожидая от советского переворота в Грузии сколько-нибудь значительных революционных последствий, вполне были готовы терпеть ря-

дом с собой меньшевистскую «демократию» при условии общего фронта против русской контр-революции и европейского империализма.

Но именно эта наша готовность, продиктованная политическим расчетом, была понята в Тифлисе как выражение нашей слабости. Наши друзья в Тифлисе писали нам, что в первый период правящие меньшевики совершенно отказались понимать мотивы нашего миролюбивого поведения: им было совершенно ясно, что мы могли бы занять Грузию без боя. Они нашли вскоре фантастическое объяснение в том, будто Англия обусловила ведение с нами каких бы то ни было переговоров нашим миролюбивым отношением к Грузии! Так или иначе, но первоначальный страх быстро переходит в наглость, которая обрушивает на нас одну провокацию за другой. В период наших неудач на польском фронте и затруднений на врангелевском Грузия открыто становится в стан наших врагов. Жалкая мещанская демократия, без революционной широты, без политического кругозора, без перспектив, вчера пресмыкавшаяся пред Гогенцоллерном, сегодня готовая ползать на брюхе перед Вильсоном, поддерживающая Врангеля и готовая от него в подходящую минуту отречься, вступающая в соглашение с Советской Россией в надежде ее обмануть, трусливая меньшевистская демократия, запутавшаяся вконец, сама себя обрекла гибели.

Имея на то все права, мы, как уже сказано, не видели политического интереса в военной ликвидации меньшевистской Грузии. В частности, мы очень хорошо знали заранее, что господа меньшевистские политики, если им наступить на ногу, будут кричать на всех языках демократической цивилизации. Это не ростовские, новочеркасские или екатеринодарские рабочие, которых деникинцы, при дружественном «нейтралитете» и фактическом содействии грузинских меньшевиков, уничтожали сотнями и тысячами и которые погибали безымянно и неведомо для Европы. Грузинские меньшевистские политики, сплошь интеллигенты, бывшие студенты разных университетов Европы, гостеприимные хозяева Ренoделя, Вандервельде и Каутского,— разве не ясно было заранее, что они привлекут к себе сердца всех органов социал-демократии, либерализма и реакции? Разве не ясно было, что все политики , обесчестившие себя поддержкою империалистской бойни, все предатели и банкроты официаль-

ного социализма, в ответ на жалобы обиженных грузинских собратьев, поднимут негодующий вой, чтобы тем ярче засвидетельствовать свою свежую восприимчивость к голосу справедливости и свою преданность идеалам демократии? Тем более, что все это можно было обнаружить на вопросе, который не вводил их ни в какие расходы. Мы слишком хорошо их знали, чтобы не сомневаться заранее в том, что они не упустят такого превосходного повода для резолюций, манифестов, адресов, деклараций, меморандумов, статей и речей, для самых патетических модуляций своего голоса—при сочувствии буржуазии и поддержке своих правительств. Уже по одной этой причине, т.-е. из одного желания не давать удобного повода для международной «демократической» истерики, мы были бы готовы не трогать меньшевистских вождей контр-революции в их грузинском убежище, если бы у нас даже не было для этого других более серьезных причин. Мы хотели соглашения. Мы предлагали меньшевикам совместные действия против Деникина. Они отказались. Мы заключили с ними договор, который гораздо меньше, чем протекторат Антанты, задевал их независимость. Мы настаивали на выполнении договора, обличали враждебное поведение грузинских меньшевиков в бесконечном ряде нот и протестов. Мы стремились давлением трудящихся масс самой Грузии обеспечить в ее лице соседа, который мог бы быть даже не безвыгодным для нас посредником между Советской Федерацией и капиталистическим Западом. Вся наша политика в отношении Грузии была ориентирована в этом направлении. Но для меньшевиков уже не было возможности поворота. Изучая ныне документальную историю наших отношений с правительством меньшевиков, я не раз удивлялся нашему долготерпению и в то же время отдавал дань признания той гигантской буржуазной машине фальсификации и лжи, при помощи которой неизбежный советский переворот в Грузии был представлен, как внезапный и ничем не вызванный военный разгром, как набег советского волка на невинную Красную Шапочку меньшевизма. О, поэты биржи, сказочники дипломатии, мифотворцы большой прессы, о, наемная сволочь капитала!

* * *

Каутский со свойственной ему одному проницательностью раскрывает дьявольскую механику большевистского перево-

рота в Грузии: восстание началось не в Тифлисе, как следовало бы, если бы оно исходило от рабочих масс, а на окраинах страны, по соседству с советскими войсками; оно развивалось от периферии к центру; не ясно ли, что меньшевистский режим пал жертвою военного насилия извне? Эти рассуждения сделали бы честь начинающему судебному следователю. Но они ничего не дают для понимания исторических событий.

Советская революция распространялась из петербургского и московского центров по всей старой империи царей. У революции в этот период не было армии. Ее носителями являлись отряды наспех вооруженных рабочих. Они вступали почти без сопротивления в самые отсталые области и, при безраздельном сочувствии трудящихся, строили советскую власть. В тех случаях, где буржуазно-помещичья реакция овладевала центром области, как на Дону или на Кубани, восстание шло от периферии к центру, нередко при содействии столичных агитаторов и боевиков.

Контр-революции, однако, удалось, при помощи извне, снова овладеть наиболее отсталыми окраинами и укрепиться в них: на Дону, на Кубани, на Кавказе, в Заволжьи и Сибири, на Белом море и даже на Украине. Революция строила свою армию одновременно с контр-революцией. Вопрос о границах советской революции стал уже решаться путем правильных сражений, целых военных кампаний. Но так как армии не были введены «извне», а были созданы борющимися не на жизнь, а на смерть классами на всем протяжении старой империи царей, то языком военных сражений говорила революционная борьба классов. Контр-революция, правда, в очень большой степени поддерживалась военной силой *извне*. Но это только усиливает наши выводы. Без Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенского района, Донецкого бассейна, Урала революции не было бы вообще. Донская область сама по себе никогда не установила бы советской власти. Ее не установила бы и деревня Московской губернии. Но так как и московская деревня, и кубанская станица, и заволжская степь издавна входили в одно государственное и хозяйственное целое и с ним вместе были вовлечены в водоворот революции, то над всеми ими установилось революционное руководство города и промышленного пролетариата. Распространение и победу революции обеспечивал не плебисцит в каждом углу страны, а неоспоримая гегемония

пролетарского авангарда во всей стране. Некоторым, именно западным, окраинам, при помощи внешней вооруженной силы, удалось не только временно вырваться из водоворота революции, но и на длительный срок удержать буржуазный режим. «Демократии» Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и даже Польши существуют благодаря тому, что в критический период их возникновения иностранная военная сила поддержала буржуазию и подавила пролетариат. Именно в этих странах, непосредственно примыкающих к капиталистическому Западу, произведено было механическое нарушение соотношения сил путем истребления, заточения и изгнания лучших пролетарских элементов военной силой, введенной сюда извне. Таким путем только и установилось в них временное равновесие демократии на буржуазных основах. Отчего бы, кстати, праведникам II Интернационала не выдвинуть такой программы: удаление из Финляндии, Эстонии, Латвии и пр. буржуазных армий, сформированных при помощи внешних сил; освобождение всех арестованных и возвращение всех изгнанных (поскольку невозможно воскрешение всех убитых); референдум?..

Положение Закавказья отличалось тем, что между ним и центрами революции пролегала полоса казачьей Вандеи. Без Советской России мелко-буржуазная закавказская демократия была бы сразу раздавлена Деникиным. Без белогвардейщины на Дону и Кубани она сразу растворилась бы в советской революции. Она жила и питалась напряженной гражданской войной в России и иностранной военной помощью в самом Закавказьи. С того момента, когда гражданская война заканчивалась победой Советской Республики, крушение мелко-буржуазного режима в Закавказьи становилось неизбежным.

Мы слышали уже в феврале 1918 г. жалобы Жордания на то, что большевистские настроения захватили деревню и город и владеют даже рабочими-меньшевиками. Крестьянские восстания в Грузии не прекращались. В то время, как в Советской России легальные меньшевистские газеты выходили до восстания чехо-словаков-эсеров-меньшевиков в мае 1918 г.,— в Грузии коммунистическая партия была загнана в подполье уже с начала февраля. Несмотря на то, что отрезанность от Советской России и непрерывное присутствие иностранных войск терроризуют трудящихся Закавказья, красные восстания занимают в жизни Грузии несравненно больше места, чем белые на

советской территории. Аппарат репрессий грузинского правительства несравненно больше, чем соответственный аппарат Советской России.

Наша победа над Деникиным и, тем самым, над всемогущей Антантой произвела огромное впечатление на народные массы Закавказья. При приближении советских войск к границам Азербейджана и Грузии трудящиеся массы этих республик, не перестававшие чувствовать себя заодно с трудящимися России, были охвачены бурным революционным волнением. Их настроение можно отчасти сравнить с тем, какое охватило народные массы Восточной Пруссии, да в значительной мере и всей Германии, во время нашего наступления на Варшаву и приближения левого фланга Красной Армии к германским границам. Но там мы имели перед собою мимолетный эпизод, тогда как разгром деникинских армий, на глазах Антанты, имел решающий характер, и трудящиеся массы Азербейджана, Армении и Грузии не сомневались в том, что Советское правительство к северу от них отныне прочно и незыблемо обеспечено.

В Азербейджане советский переворот произошел при приближении наших войск к границам государства почти автоматически. Правящая буржуазно-помещичья партия «мусават» не имела и в отдаленной степени традиций и влияния грузинских меньшевиков. Баку, играющий в Азербейджане несравненно большую роль, чем Тифлис в Грузии, был старой цитаделью большевизма. Мусаватисты бежали, сдав бакинским коммунистам власть без боя. Немногим достойнее была и роль армянских дашнакцаканов. В Грузии события развернулись более планомерно. Таившиеся под спудом большевистские настроения стали решительно пробиваться наружу. Коммунистическая партия быстро растет, как организация, и еще быстрее привлекает к себе сочувствие трудящихся. Газета грузинских социалистов-федералистов «Сакартвелло» писала 7 декабря 1920 г.: «Совершенно иной была сила коммунистов в Грузии всего несколько месяцев тому назад и совершенно другая—сегодня... Тогда и вокруг Грузии не было большевиков. Мы были окружены независимыми национальными государствами. Наше экономическое, финансовое положение было сравнительно лучше, чем сегодня. Но сегодня картина изменилась, и эта перемена картины произошла в пользу большевиков... Сегодня в Грузии у большевиков имеются партийные организации. Кое-где в рабочей среде

они имеют большинство, как, например, в союзе печатников... Вообще большевистская работа приняла у нас широкий характер... Внутри — рост большевистских сил, и извне—полное их господство. Таково то положение, в которое попала Грузия».

Эти жалобы враждебной нам газеты, отражающие действительные факты, для нас очень важны: они категорически опровергают Каутского, который на ряду с «полнейшей свободой» для коммунистов констатировал их полнейшее бессилие и, основываясь на этом, изображал советский переворот в Грузии как результат внешнего насилия. Между тем слова националистической газеты: «Внутри—рост большевистских сил и извне—их господство»—представляют собою законченную формулу надвигающегося советского переворота.

Общая безвыходность положения окончательно толкнула грузинский меньшевизм на путь открытой реакции. Уже грубый и вызывающий отказ правительства Жордания от союза против Деникина ослабил позиции меньшевиков в массах. В том же направлении действовали постоянные нарушения договора с Советской Росс ей, которые мы, разумеется, не оставляли неизвестными. Сознавая невозможность своего самостоятельного существования при победе Советской власти на всем остальном юго-востоке бывшей царской империи, меньшевики делают отчаянное усилие помощи Врангелю и привлечения военного содействия Антанты. Тщетно! В Крыму разрешилась не только судьба Врангеля, но и судьба меньшевистской Грузии.

Некоторое усиление наших войск на Кавказе произошло осенью 1920 г., во время врангелевского десанта на Кубани и упорных разговоров об оккупации Батума. Сосредоточение войск имело чисто оборонительный характер. Ликвидация Врангеля и перемирие с Польшей породили новый прилив советских настроений в Грузии. Присутствие красных полков у границ означало, что нет основания опасаться иностранной интервенции в случае советского переворота. Не для того, чтобы сокрушить меньшевиков, нужны были красные войска, а для того, чтобы предупредить возможность английского, французского или врангелевского десанта из Константинополя против советской революции. Сами же меньшевики со своей преторианской Народной Гвардией и фиктивной национальной армией оказали ничтожное сопротивление. Начавшись в середине февра-

ля, советская революция была уже закончена к середине марта во всех частях страны.

У нас нет никакого основания скрывать или умалять роль советской армии в победе Советов на Кавказе. В феврале 1921 г. она оказала революции крупнейшее содействие, хотя и во много раз меньшее, чем та помощь, которую меньшевики в течение трех лет получали от турецкой, германской, английской армий, не говоря о русских белогвардейцах. Что Революционный Комитет, руководивший восстанием, начал свою деятельность не с Тифлиса, центра меньшевистской Народной Гвардии, а с окраин, упираясь спиною в Красную Армию и с бирая силы,— это только свидетельствует о том, что у Революционного Комитета был политический смысл в голове, чего никак нельзя сказать о Каутском, который задним числом пытается продиктовать грузинской революции противоположную стратегию. Эти уроки мы почтительно возвращаем обратно. Мы хотим учиться и учить, как бить врага. Апостолы же II Интернационала преподают искусство быть битыми.

Совершилось то, что долго подготовлялось и что должно было совершиться в силу логики вещей. История отношений между Грузией и Советской Россией есть только глава книги о блокаде России, о военных интервенциях, о французском золоте, об английских кораблях, о четырех фронтах, где сгорали в огне лучшие люди рабочего класса. Эта глава не может быть выделена из книги. Той Грузии, которую рисуют ныне разбитые меньшевистские полководцы гражданской войны, никогда не было: ни демократической, ни мирной, ни самостоятельной, ни нейтральной Грузии. Был грузинский плацдарм обще-российской войны классов. Этот плацдарм ныне в руках победоносного пролетариата.

И после того, как меньшевистские лидеры Грузии помогли перерезать, переморозить и перевешать десятки тысяч красноармейцев, тысячи коммунистов и нанести нам раны, которые придется залечивать в течение годов; после того, как мы, несмотря на все потери и жертвы, вышли победителями из борьбы; после того, как трудящиеся массы Грузии, при нашем содействии, вышвырнули их через Батумский люк пинком ноги,— они предлагают нам считать старую игру несостоявшейся и начать с начала. Их поврежденное русскими, турецкими, прусскими и британскими офицерами демократическое целомудрие

будет восстановлено Макдональдом, Каутским, мистрис Сноуден и др. учеными акушерами и повивальными бабками II Интернационала, после чего будет во всей славе своей возрождена—под охраной великобританского флота, при субсидиях английских нефтепромышленников и итальянских марганцепромышленников, при ликовании «Таймса» и даже с благословения нового римского папы—меньшевистская Грузия, самая демократическая, самая свободная, самая нейтральная страна в мире!

ГРУЗИНСКАЯ ЖИРОНДА, КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТИП

Грузия сыграла в истории российского меньшевизма крупнейшую роль. Именно в Грузии меньшевизм стал наиболее явной и очевидной формой приспособления марксизма к потребностям интеллигенции отсталого, в значительной мере докапиталистического народа. Отсутствие промышленности означало тем самым отсутствие национальной буржуазии. Торговый капитал находился преимущественно в руках армян. Духовная культура представлена была интеллигенцией мелкопоместного по преимуществу дворянства. Внедрявшийся в жизнь капитализм еще не создал новой культуры, но уже порождал требования, которые грузинские дворяне не могли удовлетворить при помощи своих виноградников и баранов. Недовольство русским чиновником и царизмом сочеталось с враждой против капитализма в лице армянского купца и ростовщика. Тревога перед завтрашним днем и поиски выхода создали в молодом поколении дворянской и мелко-буржуазной интеллигенции восприимчивость к идеям демократии и стремление искать опоры в трудящихся. Однако к этому времени—конец прошлого столетия—программа политической демократии в ее старом, якобинском или манчестерском виде [219]) давно уже была скомпрометирована ходом исторического развития и сдала власть над сознанием угнетенных масс Европы различным социалистическим теориям, которые, в свою очередь, все более вытеснялись марксизмом. Окрашенные завистливой враждой к капитализму стремления молодого поколения поместий и городов к более широкой арене для литературной, политической и всякой иной работы; первые движения ремесленников и немногочисленных промышленных рабочих; глухое недовольство закабаленного крестьянства,— все это нашло свое выражение в меньшевистской перелицовке

марксизма, которая одновременно приучала к признанию неизбежности капиталистического развития, заново освещала скомпрометированные на Западе идеи политической демократии и предсказывала в неопределенной дали веков господство рабочего класса, органически и безболезненно вырастающее из демократии.

Мелкие дворяне по происхождению, мелкие буржуа—по образу жизни и складу психологии, с фальшивым марксистским паспортом в кармане,—такими вошли вожди грузинского меньшевизма в революционную политику. Южная впечатлительность и приспособленность сделали их во многих случаях вожаками студенческого и общедемократического движения; тюрьма, ссылка и трибуна Государственной Думы укрепили их политический авторитет и обеспечили за меньшевизмом в Грузии известную традицию.

Мелко-буржуазная несостоятельность меньшевизма, и особенно его грузинского крыла, раскрывалась тем ярче, чем могущественнее становился размах революции, чем сложнее ее внутренние и международные задачи. Политическая трусость составляет очень важную черту меньшевизма, а революция плохо мирится с трусостью. Во время больших событий меньшевик являет очень печальную фигуру. В этой его особенности говорит социальный страх мелкого буржуа перед крупным, штатского интеллигента перед генералом, маленького адвоката перед «настоящим» дипломатом, мнительного и тщеславного провинциала перед французом или британцем. Трусость по отношению к патентованным представителям капитала есть оборотная сторона высокомерия по отношению к рабочим. В ненависти Церетели к Советской России есть органическое возмущение против попытки рабочего самовольно взяться за дело, которое в лучшем случае по плечу ему, образованному мелкому буржуа, и то только с разрешения крупного буржуа.

Когда Чхенкели или Гегечкори говорят о большевизме, они собирают эпитеты на заборах не только Тифлиса, но и всей Европы. Когда же они «беседуют» с царским генералом Алексеевым или с немецким фон-Крессом, или с великобританским Уоккером, они стараются ни в чем не уклоняться от высшего тона швейцарских метр-д'отелей. Генералов они боятся больше всего. Они их заверяют, они их убеждают, они им почтительно разъясняют, что грузинский социализм совсем не то, что другие

виды социализма: те разрушают и причиняют беспокойство, а этот является гарантией порядка. Политический опыт делает мелких буржуа циничнее, но ничему не научает.

Мы развернули выше дневник Джугели и увидели одного из «рыцарственных» меньшевиков в собственном изображении. Он сжигает осетинские деревни и стилем испорченного гимназиста записывает в дневник свое восхищение красотой пожара и свою родственность Нерону. Этому отвратительному кривляке, несомненно, импонируют большевики, которые не замалчивают фактов гражданской войны и суровых мер своей расправы с врагами. Джугели, как и его учителям, абсолютно недоступно понимание того, что за этой открытой и не пугающейся самой себя политикой революционного насилия живет сознание своей исторической правоты, своей революционной миссии, которое не имеет ничего общего с разнузданным цинизмом «демократического» провинциального сатрапа, сжигающего крестьянские села и глядящегося при этом в зеркало, чтобы убедиться в своем сходстве с римским дегенератом на троне.

Джугели—не исключение, и это лучше всего иллюстрируется тем фактом, что весьма лестное предисловие к его книге написано бывшим министром иностранных дел Гегечкори. Министр внутренних дел Рамишвили, вслед за Жордания, с фальшивой напыщенностью провозглашал право демократии на беспощадный террор и ссылался при этом на Маркса. От Нерона до Маркса... Торопливая мимичность этих провинциальных мещан, их поверхностная, чисто обезьянья подражательность является кричащим свидетельством их бессодержательности и пустоты.

По мере того, как полное бессилие «самостоятельной» Грузии обнаруживалось все больше перед самими меньшевиками, и им приходилось, после разгрома Германии, искать покровительства Антанты, они все более тщательно прятали инструменты своего Особого Отряда и, вместо дешевой поддельной маски Джугели-Нерона, выдвигали вперед столь же дешевую и не менее поддельную маску Жордания-Церетели-Гладстона [220]), великого провозгласителя либеральных общих мест.

Фальсифицированный марксизм психологически необходим был, особенно в юности, грузинским меньшевикам, поскольку он примирял их самих с их буржуазной по существу позицией. Их политическая трусость, их демократическая риторика,—

пафос общих мест,—их инстинктивное отвращение ко всему точному, законченному и резкому в области идей, их завистливое преклонение перед внешними формами буржуазной цивилизации давали в сочетании психологический тип, прямо противоположный марксистскому.

Когда Церетели говорит о «международной демократии»,— в Петербурге, в Тифлисе или в Париже,—никогда нельзя знать, идет ли речь о мифической «семье народов», об Интернационале, или об Антанте. В последнем счете он адресуется всегда к этой последней, но выражается так, как если бы захватывал попутно и мировой пролетариат. Смазанность его идей, бесформенность понятий как нельзя более облегчают такую подтасовку. Когда Жордания, старейшина клана, говорит о международной солидарности, он заодно ссылается и на гостеприимство грузинских царей. «Будущее Интернационала и (!) Лиги Наций обеспечено»,—возвещает Чхенкели, вернувшись из Европы. Национальные предрассудки и осколки социализма, Маркс и Вильсон, риторические увлечения и мелко-буржуазная ограниченность, пафос и плутовство. Интернационал и Лига Наций, немножко искренности, много шарлатанства и над всем этим самодовольство провинциального аптекаря—эта взболтанная событиями микстура составляет душу грузинского меньшевизма.

Грузинские меньшевики восторженно приветствовали 14 пунктов Вильсона [221]). Они приветствовали Лигу Наций. Раньше они приветствовали вступление войск кайзера в Грузию. Потом они приветствовали их уход. Они приветстовали вступление войск Великобритании. Они приветствовалви дружественное заявление французского адмирала. Само собой разумеется, что они приветствовали Каутского, Вандервельде, госпожу Сноуден и во всякое время готовы приветствовать архиепископа Кентерберийского [222]), если последний не откажется израсходовать несколько дополнительных проклятий по адресу большевиков. Такими путями эти господа доказывают, что они плоть от плоти «европейской цивилизации».

Почти с исчерпывающей полнотой грузинский меньшевизм раскрывает себя в меморандуме, представленном делегацией Грузии Лиге Наций в Женеве.

«Став под знамя западной демократии,—гласит заключительная часть меморандума,—грузинский народ, естественно, с исключительной симпатией относится к идее образования та-

кой политической системы, которая, являясь прямым последствием войны, одновременно служит средством для того, чтобы парализовать возможность возникновения войны в будущем. «Лига Наций», воплощающая такую систему, представляет собой самое замечательное, по плодотворности, достижение человечества (!) на пути к его будущему единству. Возбуждая ходатайство о принятии в «Лигу Наций»... правительство Грузии полагает, что самые принципы, долженствующие регулировать международную жизнь, направленную отныне (!) в сторону солидарности и сотрудничества, требуют принятия в семью свободных европейских народов народа древнего (!), некогда авангарда христианства (!) на Востоке, ныне ставшего авангардом демократии,—народа, стремящегося только к свободному и упорному труду в своем доме, являющемся его законным и бесспорным наследием». Тут нельзя ничего ни прибавить, ни убавить. Классический документ пошлости! Его можно пустить в ход в качестве надежного критерия: социалист, которого не стошнит от этого меморандума, должен с позором навсегда изгоняться из рабочего движения.

Главный вывод Каутского из его изучения Грузии—тот, что, в отличие от всей России, с ее фракциями, расколами и внутренней борьбой, в отличие от всего вообще греховного мира, который на этот счет оказался не лучше России, только в горах Грузии нашел безраздельное господство подлинный, нефальсифицированный марксизм. В то же время Каутский не скрывает, что в Грузии не было ни крупной, ни средней промышленности, а стало быть и современного пролетариата. Главную массу меньшевистских депутатов Учредительного Собрания Грузии составляли учителя, врачи, чиновники. Главную массу избирателей—крестьяне. Каутский, однако, совершенно не утруждает себя объяснением этого явного исторического чуда. Он, который вместе со всеми меньшевиками обвиняет нас в том, будто мы черты отсталости России выдаем за ее преимущества, находит идеальный образец социал-демократии в самом отсталом углу старой России. На самом деле тот факт, что в грузинском «марксизме» не было до поры до времени таких расколов и такой широкой борьбы фракций, как в других не столь блаженных странах, свидетельствовал лишь о бо́льшей первобытности социальной среды, в которой крайне запоздал процесс дифференциации буржуазной и пролетарской демократии,

а следовательно, и о том, что грузинский меньшевизм не имел ничего общего с марксизмом. Вместо ответов на эти основные вопросы, Каутский свысока заявляет, что знал истины марксизма тогда уже, когда многие из нас еще находились в пеленках. Оспаривать это преимущество Каутского мы не покушаемся. Мудрый Нестор, шекспировский, а не гомеровский, видел свое преимущество в том, что его возлюбленная была некогда прекраснее, чем бабушка его более молодого врага. Всяк утешается, как может. Однако же, быть может, именно потому, что Каутский слишком давно проходил азбуку социализма, он не сумел применить к Грузии первых ее букв. Более прочное и длительное господство грузинского меньшевизма он истолковывает как плод высшей тактической мудрости, а не как результат того, что эра революционного социализма для отсталой Грузии началась позже, чем для других частей старой России. Обиженный ходом истории, Карл Каутский приезжал в Тифлис утолять свою духовную жажду в последние дни меньшевистской эры, через три четверти столетия после того, как Маркс и Энгельс написали свой манифест. Сюда же поспешила мистрис Сноуден проветрить свой духовный погреб. Еще бы! Евангелие от Жордания, разумное, органическое, истинно-фабианское [223]), охватывающее и грузинского царя Вахтанга [224]) и господина Гюисманса, самим небом создано для удовлетворения высших запросов официальных лидеров британского социализма.

Как живуча глупость, когда она имеет социальные корни!

ЕЩЕ РАЗ — ДЕМОКРАТИЯ И СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА

Теперь, когда мы покончили с историческим очерком, позволительно остановиться на некоторых обобщениях

Как раз история Закавказья за последние пять лет представляет поучительнейший курс на тему о демократии в революционную эпоху. При выборах во Всероссийское Учредительное Собрание ни одна из кавказских партий не выдвигала программы отделения от России. Через четыре-пять месяцев, в апреле 1918 г., Закавказский сейм, составленный из тех же депутатов Учредительного Собрания, постановил отделиться и образовать самостоятельное государство. Таким образом, по основному вопросу государственной жизни—с Советской Россией или отдельно от нее и против нее?—никто не опрашивал население Закавказья; о референдуме, плебисците или новых выборах не было и речи. Отделить Закавказье от России постановили те самые депутаты, которые выбраны были для того, чтобы представлять Закавказье в Петербурге на основании бесформенных обще-демократических платформ первого периода революции.

Первоначально Закавказская республика провозглашена была, как объединение всех национальностей. Но обстановка, созданная самым фактом отделения от России и поисками новых международных ориентаций, привела к тому, что Закавказье разбилось на три национальные части: Азербейджан, Армению и Грузию. Уже 26 мая 1918 г., т.-е. спустя пять недель после отделения, тот же самый сейм из депутатов Всероссийского Учредительного Собрания, который создавал Закавказскую республику, объявил ее ликвидированной. Никто опять-таки не справлялся у народных масс: ни новых выборов, ни других форм опроса. Сперва, не спрашивая населения, его отделили от России—во имя более тесного единения татар, армян и грузин, как объясняли

лидеры сейма. Затем, при первом внешнем толчке татар, армян и грузин разбили на три государства, опять-таки не спрашивая их.

В тот же день грузинский сектор сейма провозгласил независимую Грузинскую республику. Никто не спрашивал рабочих и крестьян Грузии: они были поставлены перед совершившимся фактом.

В течение десяти месяцев после этого меньшевики укрепляли «совершившийся факт»: загнали коммунистов в подполье, вступили в сношения с турками и немцами, заключили мирные договоры, сменили немцев на англичан и американцев, провели свои основные реформы, а главное создали свою преторианскую вооруженную силу в лице Народной Гвардии, и только после этого всего решились созвать Учредительное Собрание (в мае 1919 г.), поставив массы перед необходимостью выбирать представителей в парламент независимой Грузинской республики, о которой ранее эти массы никогда не слыхали и не думали.

Что все это означает? Если бы, скажем, Макдональд был повинен в историческом мышлении, то-есть если бы он способен был видеть в истории движение ее живых сил и интересов и отличать их подлинное лицо от их маски, их действительные побуждения от их уловок, он сделал бы прежде всего тот вывод, что меньшевистские политики, эти демократы par excellence, стремились самые важные мероприятия провести и фактичеаси проводили в обход методов политической демократии. Правк, юни воспользовались закавказским осколком Всероссийского Учредительного Собрания. Но они им воспользовались для целей, противоположных тем, ради которых он выбирался. Они затем искусственно поддерживали этот остаток вчерашнего дня революции, чтобы противодействовать ее завтрашнему дню. Они созвали Грузинское Учредительное Собрание только после того, как загнали Грузию в положение, из которого для населения не было никакого другого выхода, кроме того, который они навязали. Закавказье было отделено от России, Грузия—от Закавказья, англичане занимали Батум, ненадежные друзья—белые—стояли на границах республики, грузинские большевики были поставлены вне закона, меньшевистская партия оставалась единственным возможным посредником между Грузией и Антантой, от которой зависела доставка хлеба. В этих условиях «демократические» выборы означали только неизбежное санкционирование целой цепи фактов, совершенных при помощи контр-революционного

насилия самими меньшевиками и их иностранными соучастниками и покровителями.

Сравните с этим Октябрьский переворот, который мы готовили открыто, собирая массы вокруг программы «вся власть Советам», строя Советы, борясь за Советы и завоевывая всюду в них большинство против меньшевиков и социалистов-революционеров в непримиримой борьбе.

Где же действительно революционная демократия?

Тут нужно еще раз вернуться к некоторым вопросам механики революции, какою мы знаем ее по всему опыту новой истории.

Революция оказывалась до настоящего времени возможна только в том случае, если интересы большинства народа, следовательно, разных классов, противоречили существующей системе имущественных и государственных отношений. Революция начиналась поэтому с элементарных «общенародных» требований, в которых находят свое выражение классовый расчет имущих, тупоЛобие мелкой буржуазии, политическая отсталость пролетариата. Только в процессе фактического осуществления этой программы обнаруживаются противоречия интересов в лагере самой революции. Ее имущие, консервативные элементы постепенно или одним ударом отбрасываются в контр-революционный лагерь. Слой за слоем поднимаются на борьбу угнетенные массы. Требования становятся решительнее, методы борьбы неумолимее. Революция достигает своей кульминации. Для ее дальнейшего подъема отсутствуют либо материальные предпосылки (в условиях производства), либо сознательная политическая сила (партия). Тогда кривая начинает склоняться вниз, на короткий срок или на долгую историческую эпоху. Крайняя партия революции либо отбрасывается от власти, либо сама урезывает свою программу действий, выжидая благоприятных изменений в соотношении сил. Мы даем здесь алгебраическую схему революции без ее точных классовых значений, но этого для нас сейчас достаточно, так как речь идет о взаимоотношении между ходом борьбы живых сил и формами демократии.

Представительное учреждение, унаследованное от прошлого (Генеральные Штаты во Франции, Государственная Дума в России), может в известный момент дать толчок революции, чтобы сейчас же стать к ней в противоречие.

Представительное учреждение, выбранное в первую эпоху революции, отражает неизбежно всю ее политическую бесформен-

ность, наивность, добродушие, нерешительность. Именно поэтому оно очень скоро становится тормозом революционного развития. Если нет налицо революционной силы, способной перешагнуть через эту помеху, революция задерживается на месте, а затем отбрасывается назад. Учредилку сметает контр-революция. Так было в революции 1848 г. Генерал Врангель ликвидировал прусское Учредительное Собрание, которое оказалось неспособно ликвидировать генерала Врангеля и само не было своевременно ликвидировано революционной партией. У нас, как известно, тоже был генерал Врангель, с теми же, очевидно, наследственными наклонностями. Мы, однако, ликвидировали его. Мы могли это сделать только потому, что своевременно ликвидировали Учредительное Собрание. Ибо, напр., самарская учредилка воспроизвела прусский опыт, найдя своего могильщика в лице Колчака.

Французская революция могла до поры до времени оперировать при помощи громоздких и неизменно отстававших представительных учреждений только благодаря тому, что тогдашняя Германия обреталась в ничтожестве, а Англии было трудно тогда, как и теперь, приступиться к континентальной стране. Таким образом, французская революция, в отличие от нашей, имела в самом начале длительную внешнюю «передышку», позволявшую до поры до времени медлительно примеривать и приспособлять последовательные демократические представительства к потребностям революции. Когда же положение стало более грозным, руководящая революционная партия не политику ориентировала по диагоналям формальной демократии, а топором гильотины обтесала наспех демократию по потребностям политики: якобинцы истребили правых членов Конвента и запугали центристов болота. Революция пошла не по руслу демократии, а по теснинам и порогам террористической диктатуры. История вообще не знает революций, которые бы завершались демократическим путем. Ибо революция—очень серьезная тяжба, которая всегда разрешается не по форме, а по существу. Бывает, и при том нередко, что отдельные люди проигрывают свое состояние и даже так называемую честь по условным правилам карточной игры; но классы никогда не соглашаются проигрывать достояние, власть и «честь» по условным правилам игры «демократического» парламентаризма. Они всегда решают этот вопрос всерьез, т.-е. в зависимости от действительного соотношения материальных сил, а не их полупризрачного отражения.

Можно не сомневаться, что даже в странах с абсолютным большинством пролетарского населения, как Англия, порожденное рабочей революцией представительное учреждение будет отражать наряду с первыми запросами революции чудовищные консервативные традиции этой страны. Сознание сегодняшнего английского тред-юнионистского вождя—это амальгама из религиозно-общественных предрассудков эпохи восстановления собора св. Павла и ранее того; практических навыков чиновников рабочей организации в эпоху высшей капиталистической зрелости; надутости мелкого буржуа, который хочет быть респектабельным; нечистой совести рабочего политика, который много раз предавал. К этому надо прибавить интеллигентские, профессорские, фабианские влияния: социалистическое морализаторство воскресных проповедников, рационалистические схемы пацифистов, дилетантизм «гильдейских» социалистов, упрямую и высокомерную фабианскую ограниченность. Если нынешние социальные отношения Англии крайне революционны, то ее могущественное историческое прошлое отложилось крайним консерватизмом в сознании не только рабочей бюрократии, но и верхнего слоя наиболее квалифицированных рабочих. В России препятствия для социалистической революции объективные: преобладание раздробленного крестьянского хозяйства и техническая отсталость; в Англии—субъективные: окостенелость сознания коллективного Гендерсона и многоголовой Сноуден. Рабочая революция справится с этими препятствиями методами очищения и самоочищения. Но нет никакой надежды на то, что она справится с ними на пути демократии. Именно мистер Макдональд этому помешает—не своей программой, а фактом своего консервативного существования.

Если б русская революция, при зыбкости социальных отношений внутри, при крутых и всегда опасных переменах извне, связала себя путами буржуазного демократизма, она давно бы уже лежала на большой дороге, с перерезанным горлом. Правда, Каутский пишет, что гибель Советской Республики не была бы ныне серьезным ударом для международной революции. Но это уж иное дело! Мы не сомневаемся даже, что крушение республики русского пролетариата сняло бы тяжелый камень со многих отягченных ныне сердец. Они сейчас же объяснили бы, что всегда это предвидели. Каутский написал бы тысяча первую брошюру, в которой объяснял бы, почему пала власть русских рабочих, но забыл бы объяснить, почему он сам обречен на ничтожество.

Мы же попрежнему считаем, что как раз тот факт, что Советская Республика не пала в труднейшие годы, служит лучшим свидетельством в пользу советской системы. Разумеется, она не заключает в себе никакой чудодейственной силы. Но она оказалась достаточно гибкой, чтобы, теснейшим образом связав коммунистическую партию с массами, облегчить партии необходимое маневрирование; чтобы не парализовать ее инициативы; чтобы обезопасить ее от второстепенных и третьестепенных, по отношению к основным задачам революции, шансов парламентской игры. Что касается противоположной опасности—оторваться от перемен в настроениях и от изменений в соотношении сил,—то как раз в этой области советская система в течение последнего года доказала свою высшую жизненность. Меньшевики всего мира подхватили слово о термидорианском этапе [225]) русской революции. Но ведь не они, а мы сами поставили этот диагноз. И, что еще важнее, необходимые для сохранения власти пролетариата уступки термидорианским настроениям и тенденциям мелкой буржуазии коммунистическая партия сделала без ломки системы и не выпуская руля. Один размышляющий русский профессор [226]), которого революция кое-чему научила, не без остроумия назвал нашу новую экономическую политику «спуском на тормозах». Весьма вероятно, что наш профессор, как и многие другие, представляет себе этот спуск, размера и значения которого мы отнюдь не хотим умалять, как нечто окончательное и решающее. Ему придется снова убедиться, что, при всей решительности отдельных своих уклонов, наша политика всегда восстановляет и сохраняет свое основное направление. Для этого нужно только брать ее не в масштабе газетной сенсации, а в масштабе эпохи. Во всяком случае «спуск на тормозах» имеет, с точки зрения стоящего у власти пролетариата, такие же преимущества, какими для буржуазного режима являются своевременные реформы, ослабляющие силу революционного напора: сравнение, которое должно бы многое сказать Гендерсону, ибо вся его партия есть только предохранительный тормоз при буржуазном обществе.

А как же обстоит дело с «вырождением» советской системы, о чем так много говорят и пишут международные меньшевики, правда, уж не первый месяц, даже и не первый год? То, что они называют «вырождением», стоит в теснейшей связи с тем, что выше названо спуском на тормозах. Международная революция переживает процесс молекулярного собирания сил при внешнем

застое и даже отступлении. Одним из выражений этого является наша новая экономическая политика. Естественно, если этот период тяжелой международной заминки сказывается на положении и на настроениях трудящихся масс России и, следовательно, на работе советской системы. Ее административный и хозяйственный аппарат сделал за этот период крупные успехи. Но жизнь Советов, как массовых представительств, разумеется, не могла сохранить ту силу напряжения, какой отличалась в первый период первых внутренних побед или во все моменты острой внешней опасности. Самодовлеющая возня парламентских партий, их комбинации и интриги могут достигнуть и нередко достигают чрезвычайного «драматизма» во время величайшей угнетенности в народных массах. Советская система не имеет такой независимости. Она гораздо непосредственнее отражает массы и их настроения. Чудовищно же ставить ей в минус то, что является ее основным плюсом. Только развитие революции в Европе снова даст могущественный толчок советской системе. Или, может быть, можно «поднять настроение» трудящихся при помощи меньшевистской оппозиции и прочих таинств парламентаризма? Недостатка в странах парламентской демократии нет. И что же? Только тупейший профессор государственного права или только бесстыднейший ренегат социализма могут отрицать, что рабочие массы России сейчас, при так называемом «упадке» советской системы, участвуют в направлении всех сторон общественной жизни в сотни раз более активно, непосредственно, непрерывно, решительно, чем в любой парламентской республике.

* * *

В странах старой парламентарной культуры выработался целый ряд сложных и разнообразных передаточных механизмов, при помощи которых воля капитала находит свое выражение через парламент, вышедший из всеобщего голосования. В молодых и культурно отсталых странах демократия на крестьянской основе получает несравненно более откровенный и тем самым очень поучительный характер. Как с амебы начинают изучение животных организмов, так изучение тайн великобританского парламентаризма надо бы начинать с изучения практики балканских конституций. Господствовавшие в Болгарии, со времени ее самостоятельного существования, правящие партии вели между

собой беспощадную борьбу, почти не отличаясь друг от друга в программном отношении. Каждая призванная князем к власти партия, с руссофильским или германофильским уклоном, распускала Народное Собрание и производила новые выборы, которые неизменно давали ей подавляющее большинство, предоставляя для соперничающих с ней партий по два, по три места. Одна из этих обреченных демократическими выборами на ничтожество партий призывалась затем князем к власти через два-три года, распускала Народное Собрание и получала подавляющее большинство мандатов на новых выборах. Болгарское крестьянство, которое по своему культурному уровню и политическому опыту никак не ниже грузинского, неизменно проявляло свою политическую волю в том, что голосовало за партию власти. И в революции крестьянство поддерживает только ту партию, относительно которой оно на деле убеждается, что она может стать или уже стала властью. Так было с эсерами после мартовской революции 1917 г. Так было с большевиками после Октября. Демократическое господство меньшевиков в Грузии имело по существу «балканский» характер, только на подкладке революционной эпохи,—т.-е. опиралось на засвидетельствованное всем опытом истории бессилие крестьянства в условиях буржуазного порядка создать самостоятельную партию, способную руководить государством. Программу и руководство давали в новой истории всегда города. Революции получали тем более решительный характер, чем в большей мере крестьянские массы связывали свою судьбу с судьбой крайней левой партии городов. Так было уже в Мюнстере на исходе реформации. Так было в Великую Французскую Революцию, где городской якобинский клуб сумел опереться на деревню. Революция 1848 года разбилась на первых же шагах именно потому, что ее слабое левое крыло не сумело найти опоры в деревне и крестьянство в лице армии осталось опорой порядка. Нынешняя русская революция размахом своим обязана именно тому, что рабочие сумели политически овладеть крестьянством, показав ему, что способны создать власть.

В Грузии малочисленность и отсталость пролетариата, к тому же изолированного от центров революции, позволили несравненно дольше держаться у власти политическому союзу мелко-буржуазной интеллигенции и наиболее консервативных рабочих групп. Грузинское крестьянство пыталось путем волнений и восстаний навязать власти свои радикальные требования, но оказалось,

как всегда, неспособным создать власть. Его разрозненные восстания подавлялись. Рядом с подавлением шел парламентский обман.

Относительная устойчивость меньшевистского режима обусловливалась политическим бессилием раздробленных крестьянских масс, которое меньшевики искусно поддерживали.

Они достигали этой цели тем лучше, что вопрос о фактической власти разрешили независимо от формул народовластия, путем организации самостоятельной, ничем с учреждениями демократии не связанной, вооруженной силы. Мы имеем в виду Народную Гвардию, о которой до сих пор говорили только мимоходом. А между тем она является важнейшим ключом к тайнам меньшевистской демократии. Народная Гвардия непосредственно подчинялась президенту республики и состояла из тщательно подобранных и хорошо вооруженных сторонников режима. Каутский знает это: «Только испытанные организованные товарищи могли получить оружие» (стр. 61). В качестве испытанного и организованного меньшевика сам Каутский был зачислен в почетные солдаты грузинской Народной Гвардии. Это очень трогательно, но гвардия все же плохо мирится с демократией. Полемизируя с большевиками, Каутский пишет в той же брошюре: «Где пролетариат или пролетарская партия не имеют монополии на вооружение, там они смогут—в аграрной стране—удержаться у власти только при сочувствии крестьянства» (стр. 48). Но что же такое национальная гвардия, как не монополия вооружения в руках меньшевистской партии? Правда, наряду с вооруженной гвардией меньшевистской диктатуры создавалась в Грузии армия на основе всеобщей воинской повинности. Но значение этой армии было близко к нулю. Во время низвержения меньшевиков, в феврале—марте 1921 года, национальная армия почти не принимала участия в боях и по общему правилу переходила на сторону большевиков или просто сдавалась без боя. Может быть, у Каутского на этот счет какие-либо иные сведения? Пусть расскажет. Но прежде всего пусть объяснит: для чего нужна была строго подобранная и чисто преторианская вооруженная сила, если грузинская «демократия» держалась сочувствием трудящихся масс? Зачем эта монополия вооружения в руках испытанных меньшевиков и вообще патентованных сторонников режима? Об этом у Каутского ни слова. Макдональд, как мы знаем, вообще не считает нужным «беспокоить себя» размышлением над вопросами

революции, тем более, что в пределах Великобритании он привык к зрелищу наемных реакционных войск, охраняющих «демократию». Да, над этой мелочью, над вооруженной силой режима, апологеты меньшевистской демократии не останавливаются. Между тем в руках Народной Гвардии сосредоточивалась фактически вся власть. Рука об руку с Особым Отрядом она карала и миловала, арестовывала, расстреливала, высылала. Не спрашивая учредилки, она проводила собственными постановлениями трудовую повинность. Еще Фердинанд Лассаль очень популярно разъяснял, что пушки составляют существеннейшую часть всякой конституции. Над грузинской «конституцией» возвышалась, как видим, вооруженная до зубов Народная Гвардия, которая, по словам Каутского, достигала 30.000 *) меньшевиков, орудовавших не программой II Интернационала, а ружьями и пушками, этой серьезнейшей частью конституции.

Мы помним, сверх того, что в Грузии находились неизменно иностранные войска, специально приглашенные меньшевиками и имевшие своей задачей поддержание режима.

Контр-разведки Антанты рука об руку с контр-разведкой Деникина—Врангеля и с меньшевистским Особым Отрядом действовали по широкому фронту, будучи всегда к услугам Народной Гвардии или оккупационных войск для нужд «борьбы с анархией», представляли собою наиболее развернутую часть «конституции» грузинского меньшевизма.

В этих условиях 82% меньшевиков в Учредительном Собрании были только парламентским отражением пушек Народной Гвардии, Особого Отряда, английской военной экспедиции и тифлисской одиночной тюрьмы. Таковы мистерии демократии.

— А у вас?—слышим мы запальчивый голос коллективной мистрис Сноуден.

— У нас, сударыня? Прежде всего, сударыня, если привести учреждения в соответствие с размерами страны и численностью населения, то средства диктатуры грузинского меньшевизма в несколько раз превзойдут государственный аппарат Советской власти. Если вы знаете четыре правила арифметики, то вам не трудно будет в этом убедиться. Далее, сударыня, против нас все время воевал весь капиталистический мир,

---

*) Цифра чрезвычайно преувеличена: меньшевики и здесь не упустили случая надуть почетного народогвардейца.

тогда как Грузия пользовалась неизменно покровительством тех самых победоносных империалистских стран, которые воевали с нами. Наконец, сударыня,—и это не маловажно,—мы никогда и нигде не отрицали, что наш режим есть режим классовой революционной диктатуры, а не чистой надклассовой демократии, которая будто бы в себе самой почерпает гарантии своей устойчивости. Мы не лгали, как лгут грузинские меньшевики и их покровители. «Привыкли мы крапиву звать крапивой». Когда мы лишаем буржуазию и ее политических лакеев политических прав, мы не прибегаем к демократической маскировке, мы действуем открыто, осуществляя революционное право победоносного пролетариата. Когда мы расстреливаем врагов, мы не говорим, что это поют эолсвы арфы демократии. Честная революционная политика прежде всего исключает пускание массам пыли в глаза.

ПРАВО НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

«Союзные державы не имеют намерения отступать от великого принципа самоопределения маленьких народов. Только тогда откажутся они от него, когда должны будут согласиться с фактом, что какая-либо временно независимая нация своей неспособностью поддержать порядок, придирчивостью и агрессивными актами и даже постоянным ребяческим и ненужным утверждением своего собственного достоинства покажет, что она представляет возможную опасность для мира вселенной. Такую нацию великие державы не потерпят, так как они решили, что мир всего мира должен быть сохранен».

В таких энергичных словах английский генерал Уоккер вколачивал грузинским меньшевикам понимание *относительности* права нации на самоопределение. Политически Гендерсон целиком стоял да стоит и сейчас за своим генералом. Но «принципиально» он вполне готов превратить национальное самоопределение в абсолютный принцип и направить его против Советской Республики.

Национальное самоопределение есть основная формула демократии для угнетенных наций. Там, где классовый или сословный гнет осложняется национальным порабощением, требования демократии прежде всего получают форму требований национального равноправия, автономии или самостоятельного существования.

Программа буржуазной демократии включала в свой состав право на национальное самоопределение. Но этот демократический принцип вступил в резкое и открытое противоречие с интересами буржуазии наиболее могущественных наций. Республиканская форма государства оказалась вполне совместимой с гос-

подством биржи. Над техникой всеобщего избирательного права без труда установилась диктатура капитала. Но право на национальное самоопределение принимало и принимает во многих случаях характер острой и непосредственной опасности расчленения буржуазного государства или отделения колоний.

Самые могущественные буржуазные демократии превратились в империалистские аристократии. Финансовая олигархия Сити [227]), через посредство «демократически» закабаленного ею народа метрополии, господствует над бесправным человеческим океаном Азии и Африки. Французская республика, с населением в 38 миллионов душ, является только составной частью колониальной империи, насчитывающей ныне до 60 миллионов цветных рабов. Чернокожие колонии Франции должны во все возрастающей степени укомплектовывать армию, служащую как для поддержания колониального рабства, так и для охраны господства капиталистов над трудящимися в самой Франции. Стремление ко всемирному расширению рынка за счет соседних народов, борьба за расширение колониального могущества, за господство над морями—империализм становился, чем дальше, тем больше, в непримиримое противоречие с сепаратистскими национальными тенденциями угнетенных народов. А так как мелко-буржуазная демократия, и в том числе социал-демократия, попала в полную политическую кабалу к империализму, то программа национального самоопределения фактически сошла на-нет.

Великая империалистская бойня внесла резкие изменения в этот вопрос: все буржуазные и социал-патриотические партии ухватились за национальное самоопределение,—но с другого конца. Воюющие правительства изо всех сил стремились овладеть этим лозунгом, сперва в войне друг с другом, потом в борьбе с Советской Россией. Германский империализм играл с национальной независимостью поляков, украинцев, литовцев, латышей, эстонцев, финнов, кавказских народов сперва против царизма, затем более широко—против нас. Антанта вместе с царизмом держала курс на «освобождение» народов Австро-Венгрии, Германии и Турции, а затем, лишившись сотрудничества царизма, перешла к «освобождению» окраинных народов России.

Советская Республика, унаследовав насилием и гнетом скованную царскую империю, открыто провозгласила свободу национального самоопределения и свободу национального отчленения. Понимая огромное значение этого лозунга в переходную

эпоху к социализму, наша партия ни на минуту не превращала демократический принцип самоопределения в абсолют, господствующий над всеми остальными историческими потребностями и задачами. Хозяйственное развитие современного человечества имеет глубоко централистический характер. Капитализм создал основные предпосылки для планового хозяйства в мировом масштабе. Империализм есть только хищное капиталистическое выражение этой потребности в объединенном руководстве всем хозяйством земли. Каждой из могущественных империалистских стран тесно в пределах национального хозяйства, и она хочет более широкого рынка. Ее целью, по крайней мере идеальной, является монополия хозяйства всего мира. На языке капиталистического хищничества и разбоя здесь находит свое выражение основная задача нашей эпохи: установление соответствия между хозяйствами всех частей света и построение в интересах всего человечества гармонического мирового производства, проникнутого началом наивысшей экономии сил и средств. Это и есть задача социализма.

Совершенно очевидно, что принцип национального самоопределения ни в каком случае не стоит над объединительными тенденциями социалистического хозяйственного строительства. В этом отношении он занимает в ходе исторического развития то подчиненное место, которое отведено демократии вообще. Социалистический централизм не может, однако, прийти непосредственно на смену централизму империалистическому. Угнетенные народности должны получить возможность свободно расправить свои члены, отекшие под цепями капиталистического принуждения. Как долго затянется период самоудовлетворения национальной независимостью Финляндии, Чехо-Словакии, Польши и проч. и проч.,—зависит прежде всего от общего хода развития социальной революции. Но хозяйственная несостоятельность отдельных национально-государственных клеток, изолированных друг от друга, со всей остротой сказывается уже на второй день после рождения на свет каждого нового национального государства.

Пролетарская революция не имеет ни в каком случае своей задачей или своим методом механическое национальное обезличение и принудительное сплочение. Борьба в области языка, школы, литературы, культуры ей безусловно чужда, так как ее руководящим началом являются не профессиональные инте-

ресы интеллигенции и «национальные» интересы лавочников, а самые основные интересы рабочего класса. Победоносная социальная революция каждой национальной группе предоставит полную возможность нестесненного разрешения задач национальной культуры, объединив в то же время—к общей выгоде и с общего согласия трудящихся—хозяйственные задачи, которые требуют планового разрешения в зависимости от естественно-исторических и технических данных, но никак не от национальных группировок. Советская федерация создает для соподчинения национальных и хозяйственных потребностей наиболее подвижную и эластичную государственную форму

Между Западом и Востоком Советская Республика выступила во всеоружии двух лозунгов: диктатуры пролетариата и национального самоопределения. В отдельных случаях эти две ступени могут оказаться отделенными друг от друга всего несколькими годами или даже месяцами. По отношению к великому царству Востока этот промежуток будет измеряться скорее десятилетиями.

В революционных условиях России оказалось достаточным девяти месяцев демократического режима Керенского—Церетели, чтобы подготовить условия победы пролетариата. По сравнению с режимом Николая и Распутина [228]), режим Керенского—Церетели был историческим шагом вперед: в этом признании, от которого мы, разумеется, никогда не отказывались, заключается не формальная, профессорская, поповская, макдональдовская, а революционная, историческая, материалистическая оценка действительного значения демократии. Свое самостоятельное прогрессивное значение она успела исчерпать в течение трех четвертей года революции. Это, конечно, не значит, что можно было в октябре 1917 года путем референдума получить формально точный ответ от большинства рабочих и крестьян на вопрос о том, считают ли они, что с них достаточно подготовительного демократического курса исторической школы. Но это значит, что после девяти месяцев демократического режима завоевание власти пролетарским авангардом уже не рисковало наткнуться на отпор непонимания и предрассудков большинства трудящихся, а, наоборот, сразу получало возможность расширять и укреплять свои позиции, активно привлекая и завоевывая сознание все более широких трудящихся масс. В этом, с разрешения тупоголовых педантов демократии, и состоит великое значение советской системы.

Национальное отделение бывших окраин царской империи и их превращение в самостоятельные мелко-буржуазные республики имело то же относительно прогрессивное значение, как и демократия в целом. Только империалисты и социал-империалисты могут отказывать угнетенным народам в праве на отделение. Только фанатики и шарлатаны национализма могут видеть в этом самоцель. Для нас национальное самоопределение являлось и остается исторически неизбежной во многих случаях ступенью к диктатуре рабочего класса, который уже силою законов революционной стратегии развивает в процессе гражданской войны, в противовес национальному сепаратизму, глубоко централистические тенденции, вполне совпадающие в дальнейшем с потребностями планового социалистического хозяйства.

Как скоро классовый отпор иллюзии «самостоятельного» государственного существования сделает возможным завоевание власти рабочим классом, зависит как от общего темпа революционного развития (об этом уже сказано), так и от специальных внутренних и внешних условий данной страны. В Грузии фиктивная национальная независимость держалась три года. Нужно ли было трудовым массам Грузии действительно три года на то, чтобы в достаточной мере износить национальные иллюзии,—и достаточно ли было трех лет,—на этот вопрос нельзя дать академический ответ. Референдум и плебисцит в обстановке ожесточенной борьбы империализма и революции на каждом клочке мировой территории превращаются в фикцию. Как они устраиваются, об этом можно навести справку у господ Корфанти [229]), Желиховского [230]) или в соответственных комиссиях Антанты. Для нас вопрос разрешается не методами формально-демократической статики, а методами революционной динамики. В чем действительная сущность дела? В том, что советский переворот в Грузии, совершенный, несомненно, при активном участии Красной Армии—было бы предательством не помочь рабочим и крестьянам Грузии вооруженной силой, раз она у нас была!—разыгрался после политического опыта трех лет «независимости» Грузии в таких условиях, которые вполне обеспечили ему дальнейший политический, а не только временный военный успех, то-есть дальнейшее расширение и укрепление советского фундамента самой Грузии. А в этом именно, с позволения тупоголовых педантов демократии, и состоит революционная задача.

Политики II Интернационала, вслед за своими наставниками из буржуазно-дипломатических канцелярий, делают гримасы убийственной иронии по поводу признания нами права на национальное самоопределение.—Ловушка для простаков! Приманки красного империализма!—На самом-то деле приманки расставляет на пути сама история, которая не решает задач прямолинейно. И уж, во всяком случае, не мы превращаем зигзаги исторического развития в ловушки. Ибо, делом признавая право на национально-государственное самоопределение, мы всегда открыто выясняем массам его ограниченное историческое значение и ни в каком случае не подчиняем ему интересы пролетарской революции.

Признание права на самоопределение со стороны рабочего государства есть тем самым признание того, что революционное насилие не является всемогущим историческим фактором. Советская Республика ни в каком случае не собирается заменять своей вооруженной силой революционные усилия пролетариата других стран. Завоевание им власти должно вырасти из его собственного политического опыта. Это не значит, что революционные усилия трудящихся, хотя бы той же Грузии, не могут найти вооруженную поддержку извне. Нужно только, чтоб эта поддержка явилась в такой момент, когда потребность в ней подготовлена предшествующим развитием и назрела в сознании революционного авангарда, имеющего за собой сочувствие большинства трудящихся. Это вопросы революционной стратегии, а не формального демократического ритуала.

Реальная политика сегодняшнего дня требует от нас всемерного согласования интересов рабочего государства с условиями, вытекающими из его окружения большими и малыми буржуазными национально-демократическими государствами. Именно этими соображениями, вытекающими из учета фактических сил, определялась наша уступчивая, терпеливая, выжидательная политика по отношению к Грузии. Но когда это соглашательство, исчерпав себя политически, не давало даже элементарных гарантий безопасности; когда принцип самоопределения в руках генерала Уоккера и адмирала Дюмениля стал юридической гарантией контр-революции, подготовлявшей новый удар против нас, мы не видели и не могли видеть никаких принципиальных препятствий к тому, чтобы, по призыву революционного авангарда Грузии, ввести в нее красные войска и помочь рабочим и бедней

шим крестьянам опрокинуть в кратчайший срок и с минимальными жертвами ту жалкую демократию, которая сама погубила себя своей политикой.

Мы не только признаем, но всемерно поддерживаем принцип самоопределения там, где он направлен против феодальных, капиталистических, империалистических государств. Но там, где фикция самоопределения превращается руками буржуазии в орудие, направленное против революции пролетариата, у нас нет никакого основания относиться к этой фикции иначе, чем к другим «принципам» демократии, превращенным капиталом в свою противоположность.

Что в отношении Кавказа советская политика оказалась правильной также и в национальном отношении, об этом лучше всего свидетельствуют нынешние взаимоотношения закавказских народов.

Эпоха царизма была эпохой варварских национальных погромов на Кавказе. Армяно-татарская резня вспыхивала периодически. Кровавые взрывы под чугунной крышкой царизма являлись продолжением вековой борьбы закавказских народов между собой.

Эпоха так называемой демократии придала национальной борьбе гораздо более резко выраженный и организованный характер. Стали создаваться на первых же порах национальные армии, враждебные друг другу и нередко открывавшие друг против друга военные действия. Попытка создания буржуазной федеративно-демократической Закавказской республики потерпела жалкий и постыдный крах. Через пять недель после создания федерация распалась. Через несколько месяцев «демократические» соседи уже открыто воевали друг с другом. Один этот факт решает вопрос. Ибо, если демократия, вслед за царизмом, оказалась неспособной создать условия хотя бы только мирного сожительства народов Закавказья, необходимо было, очевидно, вступить на новый путь.

Только Советская власть внесла умиротворение в национальные взаимоотношения. При выборах в Советы бакинские и тифлисские рабочие выбирают татарина, армянина или грузина, не справляясь об их национальности. В Закавказьи бок-о-бок живут мусульманские, армянские, грузинские и русские красные полки. Они себя чувствуют и сознают единой армией. Никакая сила не двинет их друг против друга. Зато все они будут отстаи-

вать Советское Закавказье против всякого внешнего или внутреннего покушения.

Национальное умиротворение Закавказья, достигнутое советской революцией, есть само по себе факт огромного политического и культурного значения. Тут творится действительный и живой интернационализм, который мы можем спокойно противопоставить пустопорожним пацифистским речам героев II Интернационала, дополняющим шовинистическую практику его национальных составных частей.

* * *

Требование увода советских войск из Грузии и организации референдума «под контролем смешанных комиссий из социалистов и коммунистов» представляет собой одну из самых низкопробных империалистских ловушек под демократическим флагом национального самоопределения.

Мы оставляем в стороне ряд кардинальных вопросов: на каком основании демократы хотят нам навязать демократическую форму опроса населения вместо более высокой, с нашей точки зрения, советской формы? Почему применение референдума ограничивается одной Грузией? Почему такое требование предъявляется только Советской Республике? Почему социал-демократы хотят проводить референдум у нас, тогда как они не производят ничего похожего у себя дома?

Станем на позицию наших противников, если у них есть подобие позиции. Выделим вопрос о Грузии и рассмотрим его изолированно. Задачей ставится: создание условий свободного (демократического, а не советского) волеизъявления грузинского народа.

1. Кто с кем договаривается? Кто обеспечивает действительное выполнение договорных условий: с одной стороны, очевидно, союзные советские республики; а с другой? Не II ли Интернационал? Но где его материальная сила, которая могла бы обеспечить соблюдение условий?

2. Если даже принять, что договаривается рабочее государство с... Гендерсоном и Вандервельде, и что в соответствии с этим контрольные комиссии создаются из коммунистов и социал-демократов—как быть с «третьей» силой,—с империалистскими правительствами? Не вмешаются ли они? Или социал-демократиче-

ские приказчики ручаются за своих хозяев? Но где материальные гарантии?

3. Советские войска должны быть уведены из Грузии. Но западная граница Грузии омывается Черным морем. А на нем безраздельно господствуют военные корабли Антанты. Белогвардейские десанты, высаживавшиеся с кораблей Англии и Франции, достаточно знакомы населению Кавказа. Советские войска уйдут, а империалистский флот останется. Для грузинского населения это будет означать, что оно должно какой угодно ценой искать соглашения с действительным хозяином положения, с Антантой. Грузинский крестьянин должен будет сказать себе, что, хотя он и предпочитает Советскую власть, но так как она вынуждена почему-то (очевидно потому, что слаба) очистить территорию, несмотря на постоянную угрозу со стороны империализма, то ему, грузинскому крестьянину, нужно искать посредников между собою и этим империализмом. Не таким ли путем хотите вы учинить насилие над свободной волей грузинского народа и навязать ему меньшевиков?

4. Или нам предложат увести военные корабли Антанты из Черного моря? Кто предложит: правительства Антанты или мистрис Сноуден? Этот вопрос (см. п. 2) имеет некоторое значение. Просим разъяснений!

5. Куда будут уведены военные корабли: в Мраморное море? или в Средиземное? Но при господстве Англии над проливами эта дистанция не имеет никакого значения. Какой же выход?

6. Может быть, запереть проливы на ключ? И, может быть, уж заодно вручить ключ Турции? Ибо из принципа национального самоопределения никак не вытекает, что Великобритания должна господствовать над турецкими проливами, над Константинополем, над Черным морем и тем самым над его побережьем, особенно если напомнить, что наш черноморский флот уведен белыми бандитами и находится в руках Антанты.

И прочее, и прочее, и прочее.

Мы согласились поставить вопрос так, как пытаются его ставить наши противники, то-есть в плоскости демократических принципов и гарантий. И оказалось, что нас пытаются самым бесцеремонным образом обмануть; от нас требуют материального разоружения советской территории, а в качестве гарантии против империалистских и белогвардейских захватов и переворотов нам предлагают... резолюцию II Интернационала.

Или, может быть, никаких империалистских опасностей Кавказу не грозит? Мистрис Сноуден ничего не слышала о бакинской нефти? Возможно, возможно. Можем сообщить ей по этому поводу, что путь в Баку ведет через Батум—Тифлис. Этот последний пункт является стратегическим фокусом Закавказья, что не безызвестно английским и французским генералам. На Кавказе существуют и сейчас белогвардейские заговорщические организации, под очень торжественными именами «комитетов освобождения», что не мешает им получать денежные субсидии со стороны английских и русских нефтепромышленников, итальянских марганцепромышленников и пр. Морским путем белым бандам доставляется оружие. Борьба идет из-за нефти и марганца. Нефтепромышленникам совершенно все равно, как дорваться до нефти: через Деникина, через мусульманскую партию мусават или через ворота «национального самоопределения» с привратниками из II Интернационала. Если Деникину не удалось разбить Красную Армию, может быть, Макдональду удастся увести ее мирным путем? Результат был бы тот же самый.

Но Макдональду не удастся. Такие вопросы не решаются резолюциями II Интернационала, даже если бы эти резолюции и не были так жалки, противоречивы, вороваты и косноязычны, как резолюция о Грузии.

БУРЖУАЗНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ, СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ, КОММУНИЗМ

Остается еще спросить, на каком собственно основании они, люди II Интернационала, требуют от нас, от Советской Федерации, от коммунистической партии, чтоб мы очистили Грузию. Во имя каких начал? Допустим, что Грузия действительно насильственно оккупирована, и что в этом нашел свое выражение советский империализм. Но что дает Гендерсону, члену II Интернационала, бывшему великобританскому министру, право требовать от нас, от организованного в государство пролетариата, от III Интернационала, от революционного коммунизма, чтобы мы, ради его благочестивых глаз, разоружили Советскую Грузию? Когда этого требует г. Черчилль, он показывает рукою на длинные хоботы морских пушек и на колючую проволоку блокады. Ну, а на что указывает рукою г. Гендерсон: на священное писание, на партийную программу или на свои дела? Но священное писание есть наивный миф; программа г. Гендерсона—миф, но без наивности; а дела его всецело свидетельствуют против него.

Не так давно Гендерсон был министром одной из демократий—своей собственной, великобританской. Почему же он не настоял, чтоб эта демократия, в защиту которой он готов на всякие жертвы и даже на принятие министерского портфеля из рук либерально-консервативного Ллойд-Джорджа,—почему же он не настоял и даже не пробовал настоять, чтобы эта демократия начала осуществлять—не наши, о, нет!—а свои собственные и его, Гендерсона, принципы? Почему он не требовал эвакуации Индии и Египта? Почему он не поддержал в свое время требования ирландцев о полном освобождении их от великобританского ига? Мы знаем, что Гендерсон, как и Макдональд, в положенные для

этого дни протестует в меланхолических резолюциях против излишеств великобританского империализма. Но этот бессильный и безвольный протест никогда не грозил и не грозит действительным интересам колониального владычества английского капитала, никогда не вел и не ведет к мужественным и решительным действиям и имеет своей задачей облегчить угрызения совести «социалистическим» гражданам правящей нации и дать выход недовольству английских рабочих, а вовсе не разбить цепи колониальных рабов. Господство Англии над колониями Гендерсоны считают не вопросом политики, а фактом естественной истории. Они никогда и нигде не заявляли, что индусы, египтяне и прочие порабощенные народы имеют право, более того, обязаны перед своим будущим восстать с оружием в руках против английского владычества, и никогда не брали на себя, как «социалисты», обязательства при первой же возможности с оружием в руках помочь освободительной борьбе колоний. Уж тут-то, во всяком случае, не может быть сомнения, что дело идет об элементарнейшем архидемократическом долге, притом в двойном смысле: во-первых, колониальные рабы составляют, несомненно, подавляющее большинство по сравнению с ничтожным господствующим британским меньшинством, во-вторых, само это меньшинство и прежде всего его официальные социалисты признают принципы демократии руководящими началами своего существования. Вот Индия! Почему Гендерсон не поднимает мятежного движения в пользу увода из Индии британских войск? Ведь более явного, чудовищного, вопиюще бесстыдного попрания законов демократии, чем господство британского капиталистического спрута над огромным телом этой несчастной, порабощенной страны, нет и быть не может! Казалось бы, что Гендерсон, Макдональд и прочие должны бы изо дня в день, и не только днем, но и ночью, бить тревогу, требовать, призывать, обличать, проповедывать восстание индусов и всех английских рабочих против бесчеловечного попрания принципов демократии. Но нет, они молчат или, еще хуже, время от времени, скрывая зевок, подписывают резонерскую, пустую и пресную, как английская проповедь, резолюцию, имеющую своей целью показать, что, оставаясь целиком на почве колониального господства, они предпочитали бы иметь его розы без шипов, и что во всяком случае они не согласны исколоть об эти шипы свои руки лойяльных британских социалистов. Когда это вызывается будто бы демократическими и патриотическими соображе-

ниями, Гендерсон спокойно усаживается в кресло королевского министра, и ему как бы и в голову не приходит, что это кресло опирается на самый анти-демократический в мире пьедестал: господство численно ничтожной капиталистической клики, через посредство нескольких десятков миллионов британского народа, над несколькими сотнями миллионов цветных рабов Азии и Африки. Более того, во имя защиты этого чудовищного господства, прикрытого формами демократии, Гендерсон вступил в союз с открытой военно-полицейской диктатурой русского царизма. Вы были министром русского царизма, г. Гендерсон, поскольку вы были министром войны. Не извольте забывать! И уж, конечно, Гендерсону и в голову не приходило требовать от царя, своего патрона и союзника, чтобы он уводил русские войска из Грузии, или из других порабощенных им территорий. Предъявление такого рода требований он объявил бы в то время услугой германскому милитаризму. Всякое революционное движение в Грузии против царя он рассматривал так же, как восстание в Ирландии, т.-е. как результат немецкого подкупа и немецкой интриги. Поистине, голова может пойти кругом от этих чудовищных, вопиющих противоречий и несообразностей! И однако же они в порядке вещей. Ибо господство Великобритании, т.-е. ее правящих верхов, над одной четвертью человечества Гендерсоны считают не вопросом политики, а фактом естественной истории. Анти-демократический, эксплоататорский, плантаторский, паразитический взгляд на расы, которые отличаются цветом кожи, не читают Шекспира и не носят глаженых воротничков, пропитал насквозь этих демократов, которые были и останутся пленниками буржуазного общественного мнения вместе со всем своим социализмом фабианским, худосочным и немощным.

И вот, имея за спиной царскую Грузию, Ирландию, Египет, Индию, они отваживаются требовать от нас, своих противников, а не союзников, очищения Советской Грузии! В этом сумбурном, насквозь несостоятельном требовании есть, однако,— как это ни неожиданно на первый взгляд,—невольная дань уважения пролетарской диктатуре со стороны мещанской демократии. Сами того не сознавая, или сознавая это только наполовину, Гендерсон и К° говорят: «Разумеется, от буржуазной демократии, министрами которой мы становимся, когда она нас к этому призывает, нельзя требовать, чтобы она серьезно считалась с демократическим принципом самоопределения; от нас, социалистов

этой демократии, респектабельных граждан господствующей нации, прикрывающей свое рабовладельчество демократическими фикциями, нельзя требовать, чтоб мы всерьез и делом помогали колониальным рабам восстать против рабовладельцев. Но вы, воплотившаяся в государство революция, обязаны сделать то, чего мы, по трусости, по лживости и лицемерию, сделать не можем».

Другими словами, формально ставя демократию выше всего, они вольно или невольно признают, что к диктатуре пролетариата можно и должно предъявлять такие высокие требования, которые показались бы смешными и просто глупыми, если бы их адресовать буржуазной демократии, у которой они сами состоят в министрах или в лойяльных депутатах.

Но этому своему невольному уважению отвергаемой ими пролетарской диктатуре они придают ту форму, какая свойственна их политическому косноязычию. Они требуют, чтобы диктатура утверждала и защищала себя не своими собственными методами, а теми, какие они признают на словах обязательными для демократии, но которых они никогда не осуществляют. Мы уже говорили об этом в первом манифесте Коммунистического Интернационала: наши враги требуют от нас, чтобы мы защищали свою жизнь не иначе, как по условным правилам французской борьбы, то-есть по тем правилам, которые созданы нашими врагами, но которые они же считают для себя в борьбе с нами необязательными.

* * *

Чтобы освежить и конкретизировать свои представления о политике «западных демократий» в отношении отсталых народов, а также и о той роли, какую в этой политике играют люди II Интернационала, нужно прочитать воспоминания бывшего французского посла при царском дворе, г. Палеолога [231]). Если бы этой книги не было, ее следовало бы выдумать. Следовало бы выдумать и самого Палеолога, если бы он своим своевременным появлением на арене мемуарной литературы не избавил нас от этого труда. Палеолог—вполне законченный представитель Третьей Республики,—не только с византийской фамилией, но и с насквозь византийской душой. В ноябре 1914 г., в первый период войны, ему через одну из придворных дам, по указанию «свыше» (очевидно, царицы), передается благочестивое рукописное наставле-

ние Распутина. Г. Палеолог, представитель республики, отвечает на строгое внушение Распутина следующим письмом: «Французский народ, который обладает чутьем сердца, понимает очень хорошо, что русский народ воплощает свою любовь к отечеству в личности царя». Это письмо республиканского дипломата, рассчитанное на то, чтобы дойти до царя, написано было через 10 лет после 9 января 1905 г. и через 122 года после того, как первая Французская Республика отрубила голову Людовику Капету[232]), в личности которого, по утверждению тогдашних Палеологов, французский народ воплощал свою любовь к отечеству. Поразительно не то, что г. Палеолог, в порядке тайного дипломатического бесчестья, добровольно размазывал придворную грязь по своему республиканскому лицу; поразительно то, что он эту срамную работу по собственной инициативе открыто доводит до сведения той самой демократии, которую он так низкопробно представлял при дворе Распутина. И это не мешает ему по сей день оставаться политическим деятелем «демократической республики» и занимать в ней ответственный пост! Вот что *было бы* поразительно, если бы мы не знали законов развития буржуазной демократии, которая поднялась до Робеспьера [233]), чтобы закончить Палеологом.

В откровенности бывшего посла скрывается, однако, по всей вероятности, высшая византийская хитрость. Он рассказывает нам так много, чтобы не рассказывать всего. Может быть, он лишь усыпляет нашу подозрительную пытливость. Кто знает, какие требования предъявлял ему капризный и всемогущий Распутин? И кто знает, какими сложными путями Палеологу приходилось обеспечивать интересы Франции и цивилизации?

Во всяком случае мы можем быть уверены в одном: г. Палеолог принадлежит ныне к той французской политической группе, которая готова поклясться, что Советская власть не представляет истинной воли русского народа, и которая не устает повторять, что возобновление сношений с Россией станет возможным лишь тогда, когда «правильно действующие учреждения демократии» вручат управление Россией русским Палеологам.

Посол французской демократии не один. Рядом с ним стоял сэр Бьюкенен. 14 ноября 1914 г. Бьюкенен, по рассказу Палеолога, заявил Сазонову [234]): «Правительство его британского величества пришло к признанию того, что вопрос о проливах и Константинополе должен быть разрешен сообразно с желаниями Рос-

сии. Я счастлив вам это объявить». Так залагалась программа войны права, справедливости и национального самоопределения. Через 4 дня Бьюкенен объявил Сазонову: «Британское правительство увидит себя вынужденным аннектировать Египет. Оно выражает надежду, что русское правительство не будет этому противиться». Сазонов поторопился согласиться. А еще через 3 дня Палеолог «напомнил» Николаю II, что «Франция обладает в Сирии и Палестине драгоценным достоянием исторических воспоминаний (!), а также интересов моральных (!!) и материальных». Он, Палеолог, надеется, что его величество одобрит те меры, которые правительство республики (все той же, т.-е. демократической) сочтет необходимым принять для сохранения этого достояния.

— «Oui. Certes» (Да. Конечно),—отвечает его величество.

Наконец, 12 марта 1915 г. Бьюкенен требует чтобы, в счет Константинополя и проливов, Россия уступила Англии нейтральную, т.-е. еще не поделенную, часть Персии. Сазонов отвечает: «C'est entendu» (Согласен).

Таким образом, две демократии совместно с царизмом, который тоже ведь был облит в ту эпоху исходившими от Антанты лучами демократического света, разрешали судьбы Константинополя, Сирии, Палестины, Египта и Персии. Г. Бьюкенен представлял великобританскую демократию не лучше и не хуже, чем г. Палеолог—французскую. После низвержения Николая II Бьюкенен сохранил свой пост. Гендерсон, министр его величества и, если не ошибаемся, великобританский социалист, прибыл во время режима Керенского в Петербург для того, чтобы в случае надобности сменить Бьюкенена, так как в английском правительстве кому-то показалось, что для разговоров с Керенским нужен другой тембр голоса, чем для разговора с Распутиным. Гендерсон осмотрелся в Петербурге и нашел, что Бьюкенен вполне на месте, как представитель великобританской демократии. Бьюкенен был, несомненно, того же мнения о социалисте Гендерсоне.

По крайней мере, Палеолог ставил «своих» социалистов в пример фрондирующим царским сановникам. По поводу придворной «агитации» графа Витте [235]) за скорейшее окончание войны Палеолог заявил Сазонову: «Поглядите на наших социалистов: они безупречны» (стр. 189). Эта хозяйская оценка господином Палеологом господ Ренođеля, Лонгэ, Вандервельде и всех их единомышленников производит некоторое впечатление даже и сейчас после

всего нами пережитого. Получая сам наставления от Распутина и почтительно расписываясь в их получении, Пелеолог, в свою очередь, покровительственно оценивает перед царским министром французских социалистов и признает их безупречными. Эти слова: «voyez nos socialistes —ils sont impeccables» следовало бы превратить в эпиграф и начертать на знамени II Интернационала, откуда давно уже пора снять слова об объединении пролетариев всего мира, которые так же к лицу Гендерсону, как фригийская шапка [236]) — Палеологу.

Гендерсоны считают господство англо-саксонской расы над другими расами естественным фактом, предпосылкой человеческой цивилизации. Вопрос о национальном самоопределении начинается для них по существу только за пределами Великобританской империи. Это национальное высокомерие больше всего роднит социал-патриотов Запада с их буржуазией, т.-е. фактически закабаляет их буржуазии.

В самом начале войны в ответ на естественное возражение: как же можно говорить о защите демократии, когда вы в союзе с царизмом?—французский социалист, профессор швейцарского университета, ответил буквально следующее: «Дело идет о Франции, а не о России; Франция в этой борьбе—моральная сила, Россия—сила физическая». Он говорил это, как нечто вполне естественное, и совершенно не ощущал бесстыдного шовинизма этих слов. Месяц или два спустя, в споре на ту же тему в редакции «L'Humanité», в Париже, я привел слова французского профессора в Женеве.—«Он совершенно прав»,—ответил тогдашний главный редактор газеты.

Мне вспоминается фраза молодого Ренана [237]) о том, что смерть француза есть моральное событие, тогда как смерть казака (Ренан просто хочет сказать «русского») есть факт физического порядка. Это чудовищное национальное высокомерие имеет свои большие причины. Французская буржуазия уже оставила позади богатую историю в то время, когда другие народы еще коснели в полу-средневековом варварстве. Английская буржуазия еще ранее прокладывала пути новой цивилизации. Отсюда презрительное отношение к остальному человечеству, как к историческому навозу. Своей классовой самоуверенностью, богатством своего опыта, разнообразием своих культурных завоеваний британская буржуазия духовно подавляла свой собственный рабочий класс, отравляя его психологией господствующей расы.

В устах Ренана фраза о французе и казаке являлась циническим выражением высокомерия действительно могущественного материально и духовно класса. Перелицовка той же фразы французским социалистом означала приниженность французского социализма, его идейную скудость, его чисто лакейскую зависимость от духовных объедков с барского стола буржуазии.

Если Палеолог, смягченно повторяя Ренана, говорит, что смерть француза представляет несравненно бо́льшую утрату для культуры, чем смерть русского, то тот же Палеолог говорит или, по крайней мере, подразумевает, что гибель на войне французского биржевика, миллионера, профессора, адвоката, дипломата, журналиста представляет несравненно большую утрату для культуры, чем смерть французского токаря, текстильщика, шоффера или крестьянина. Одно неизбежно вытекает из другого. Национальный аристократизм в корне противоречит социализму— не в том уравнительно-водянистом христианском смысле, что все нации, все люди равноценны на весах культуры, а в том смысле, что национальный аристократизм, неразрывно связанный с буржуазным консерватизмом, целиком и полностью направляется против революционного переворота, который один только и способен создать условия для более высокой человеческой культуры. Национальный аристократизм рассматривает культурную ценность человека под углом зрения накопленного прошлого. Социализм рассматривает культурную ценность людей под углом зрения будущего. Нет никакого сомнения в том, что французский дипломат Палеолог излучает из себя больше поглощенных им культурных благ, чем тамбовский крестьянин. Но нет, с другой стороны, никакого сомнения в том, что тамбовский крестьянин, прогнавший дубиной помещиков и дипломатов, заложил основы для новой, более высокой культуры. Французский рабочий и французский крестьянин, благодаря своей высшей культурности, выполнят эту работу лучше и пойдут вперед быстрее.

Мы, русские марксисты, вследствие запоздалости развития России, не имели над собой могущественной буржуазной культуры. Мы приобщались к европейской духовной культуре не через посредство нашей жалкой национальной буржуазии, а самостоятельно, усваивая и доводя до конца наиболее революционные выводы европейского опыта и европейской мысли. Это дало нашему поколению кое-какие преимущества. И не скрою: тот искренний и глубокий восторг, с каким мы относимся к продук-

там британского гения в самых различных областях человеческого творчества, только резче и беспощаднее оттеняет то презрение, тоже искреннее и глубокое, с каким мы относимся к идейной ограниченности, теоретической пошлости и отсутствию революционного достоинства у патентованных вождей британского социализма. Они вовсе не провозвестники нового мира; они только последыши старой культуры, которая в их лице испугалась за свою дальнейшую судьбу. И духовное худосочие этих последышей является как бы возмездием за бурное и пышное прошлое буржуазной культуры.

* * *

Буржуазное сознание впитало в себя огромные культурные завоевания человечества. В то же время оно является сейчас главным препятствием на пути развития человеческой культуры.

Одно из важнейших качеств нашей партии, делающее ее самым могущественным рычагом развития в нашу эпоху, состоит в ее полной и безусловной свободе от общественного мнения буржуазии. Эти слова означают нечто гораздо большее, чем может показаться на первый взгляд. Они нуждаются в пояснении, особенно, если иметь в виду такую неблагодарную часть аудитории, как политики II Интернационала. Тут каждую революционную мысль, даже простейшую, нужно закреплять надежными гвоздями.

Буржуазное общественное мнение есть плотная психологическая ткань, обволакивающая со всех сторон орудия и инструменты буржуазного насилия и тем предохраняющая их как от многих частных толчков, так и от фатального революционного толчка, в последнем счете все же неизбежного. Действующее буржуазное общественное мнение слагается из двух частей: из унаследованных воззрений, оценок, предрассудков, представляющих отложившийся опыт прошлого, плотный слой целесообразной пошлости и полезного тупоумия; и из сложной машинизированной, искусно управляемой, вполне современной техники мобилизации патриотического пафоса нравственного негодования, национального энтузиазма, альтруистического порыва и других видов лжи и обмана. Такова общая формула. Необходимы, однако, поясняющие примеры.

Когда умирает от тифа в тюрьме голодной России кадетский адвокат, принимавший участие на средства Англии или Франции

в подготовке веревочной петли для шеи рабочего класса, тогда проволочный и беспроволочный телеграфы буржуазного общественного мнения производят такое количество колебаний, которое вполне достаточно для того, чтобы вызвать целесообразную реакцию возмущения в достаточно для этого подготовленном коллективном сознании мистрис Сноуден. Совершенно очевидно, что вся дьявольская работа капиталистической радио- и телеграфии была бы бесполезна, если бы череп мелкой буржуазии не был для нее созвучным резонатором.

Возьмем другое явление: голод в Поволжье. В нынешних своих формах небывалого ужаса этот голод является, по крайней мере, наполовину результатом гражданской войны, поднятой на Волге чехо-словаками и Колчаком, т.-е. фактически организованной и питавшейся англо-американским и французским капиталом. Засуха пала на почву, уже ранее истощенную, разоренную, лишенную рабочего скота, орудий труда и каких бы то ни было запасов. Если мы запирали в тюрьму кое-каких офицеров и адвокатов, чего мы вовсе не выдаем за пример гуманности, то ведь буржуазная Европа и с нею Америка стремились превратить всю стомиллионную Россию в одну голодную тюрьму, окружали нас стеной блокады и в то же время, через своих белых агентов, взрывали, сжигали, уничтожали наши ничтожные запасы. Если у кого есть в распоряжении весы чистой морали, пусть взвесит на них суровые меры, какие мы применяли в смертельной борьбе со всем миром, и те бедствия, какие, в поисках неуплаченных процентов, обрушивал мировой капитал на головы волжских матерей. Однако же машина буржуазного общественного мнения действует так систематически, самоуверенно, нагло, а мелко-буржуазный кретинизм создает для нее такой неоценимый резонанс, что в результате мистрис Сноуден обращает главный запас своего человеколюбия на... обиженных нами агентов империализма.

Преклонение перед буржуазным общественным мнением определяет для деятельности социал-реформистов непроходимые пределы, гораздо более узкие, чем границы буржуазной легальности. Можно установить для современных капиталистических государств тот закон, что их режим тем «демократичнее», «либеральнее», «свободнее», чем респектабельнее национальные социалисты, чем тупоумнее преклонение национальной рабочей партии перед общественным мнением буржуазии. Зачем над Макдональдом внешний жандарм, если в нем самом сидит внутренний?

Здесь нельзя обойти вопрос, самое упоминание о коем есть угроза респектабельности: мы говорим о религии. Не так давно Ллойд-Джордж назвал церковь центральной силовой станцией всех партий и течений, т.-е. буржуазного общественного мнения в целом. Для Англии это верно в особенности. Не в том, разумеется, смысле, что действительные внушения для своей политики Ллойд-Джордж получает от религии, что ненависть Черчилля к Советской России вызывается нетерпеливым стремлением войти в царствие небесное и что ноты лорда Керзона почерпаются непосредственно из нагорной проповеди. Нет, двигателем их политики являются весьма земные интересы буржуазии, которая поставила их у власти. Но то «общественное мнение», которое только и делает возможной нормальную работу механизма государственного принуждения, находит свой важнейший ресурс в религии. Правовая норма, поставленная над людьми, над классами, над обществом, в качестве идеального кнута, есть только пресное переложение религиозной нормы, этого небесного кнута, занесенного над эксплоатируемым человечеством. В конце концов, поддержать в безработном докере веру в неприкосновенность демократической легальности силою формальных аргументов—дело безнадежное. Тут нужен прежде всего материальный аргумент—боби с резиновой палкой на земле, а над ним мистический аргумент: предвечный боби с молнией в небесах. Но если в голове самих «социалистов» фетишизм буржуазной легальности сочетается с фетишизмом эпохи друидов [238]), то это и дает в результате того идеального внутреннего жандарма, при содействии которого буржуазия может себе позволить (до поры до времени) роскошь приблизительного соблюдения демократического ритуала.

Когда мы говорим о предательствах и изменах социал-реформистов, то мы вовсе не хотим этим сказать, что все они или хотя бы большинство их просто продажные души: в таком виде они и не годились бы для той серьезной роли, которую отводит им буржуазное общество. Неважно даже, в какой мере их респектабельное честолюбие мелких буржуа чувствует себя польщенным званием депутата лойяльной оппозиции или портфелем королевского министра. Хотя в этом-то, разумеется, недостатка нет.

Достаточно того, что буржуазное общественное мнение, которое в спокойные дни разрешает им быть в оппозиции, в решительную минуту, когда дело идет о жизни и смерти буржуазного общества или, по крайней мере, об его важнейших инте-

ресах—война, восстание в Ирландии или в Индии, могущественная стачка углекопов, Советская Республика в России—всегда оказывалось способно заставить их занять ту политическую позицию, которая нужна капиталистическому порядку. Нисколько не желая придавать личности мистера Гендерсона совсем ей несвойственные титанические размеры, мы можем с уверенностью сказать, что мистер Гендерсон с коэффициентом «рабочей партии» есть важнейший устой буржуазного общества в Англии. А в головах Гендерсонов основные элементы буржуазного воспитания и осколки социализма сплачиваются воедино традиционным цементом религии. Вопрос о социальном освобождении английского пролетариата не может быть серьезно поставлен до тех пор, пока рабочее движение не будет очищено от вождей, организаций, настроений, олицетворяющих собою униженное, робкое, рабское, трусливое, подлое преклонение угнетенных перед общественным мнением угнетателей. Нужно изгнать внутреннего жандарма, чтобы можно было опрокинуть внешнего!

Коммунистический Интернационал учит рабочих презирать буржуазное общественное мнение и прежде всего презирать тех «социалистов», которые ползают на брюхе перед заповедями буржуазии. Дело идет не о показном презрении, не о лирических тирадах и проклятиях,—поэты самой буржуазии не раз щекотали ее нервы дерзкими своими вызовами, особенно по вопросам религии, семьи и брака,—дело идет о глубокой внутренней свободе пролетарского авангарда от духовных силков и петель буржуазии, о новом революционном общественном мнении, которое позволило бы пролетариату не на словах, а на деле, не тирадами, а, где нужно, сапогами попирать заповеди буржуазии, осуществляя свободно поставленную себе революционную цель, которая есть в то же время объективное требование истории.

ВОЗЗВАНИЕ СЪЕЗДА СОВЕТОВ ГРУЗИИ К ТРУДЯЩИМСЯ ВСЕГО МИРА

Мы, представители трудящихся масс, собравшиеся на 1-й съезд Советов Грузии, одновременно с братским приветом всем трудящимся, угнетенным и борющимся против эксплоататоров всего мира, шлем негодующий протест против угнетателей и их прислужников, которые как раз в настоящее время, под знаменем мнимых симпатий к «независимой» Грузии, готовят новые покушения против завоеванной нами рабоче-крестьянской власти.

Грузия входила в состав царской империи, скованной воедино цепями насилия. Трудящиеся массы Грузии, в полном единодушии с рабочим классом всей России, в течение ряда лет вели непримиримую борьбу против царского самодержавия, помещичьего землевладения и буржуазной эксплоатации. Недостаток политического опыта трудящихся масс Грузии привел к тому, что руководство политической борьбой попало на ряд лет в руки мелко-буржуазной грузинской интеллигенции, которая под знаменем меньшевизма притупляла борьбу трудящихся масс, ища компромисса и соглашения с самодержавием, с помещиками и особенно с буржуазией.

Во время империалистской войны господствовавшая в Грузии меньшевистская партия отравляла сознание трудящихся масс ядом буржуазного патриотизма, действуя в этом отношении заодно с предательскими вождями II Интернационала.

Мартовская революция 1917 г., низвергшая царизм, временно поставила у власти мелко-буржуазные партии меньшевиков и эсеров во всей России. В их среде видную роль занимали вожди грузинского меньшевизма: Чхеидзе, Церетели и др.

В области международной политики лозунгом меньшевиков, как и всех остальных мелко-буржуазных партий, было *продол-*

жение войны рука об руку с империалистическими странами Антанты.

В социальной области меньшевики стояли за *сохранение буржуазного строя*.

В области политической они считали необходимым прикрыть господство буржуазии *«демократической республикой»*, которая, как показал опыт всего мира, является только машиной в руках господствующей капиталистической клики.

В области национальной меньшевики, вместе со всеми буржуазными и мелко-буржуазными партиями, давали решительный *отпор национальным требованиям* финнов, украинцев и других народностей, запертых в царскую тюрьму.

В самой Грузии меньшевики тормозили всеми мерами борьбу трудящихся масс против их угнетателей, препятствовали разрешению аграрного вопроса, сохраняли на службе старых насильников эпохи царизма и т. п.

Пресса меньшевиков, заодно с открыто буржуазной печатью, главные свои усилия сосредоточила на травле и клевете против большевиков, которых изображали рабочим и крестьянам, как врагов революции и агентов германского царизма. Вряд ли история политической борьбы знала более низменную, более бесчестную, более злостную клевету!

После почти бескровного в Петербурге Октябрьского переворота, опрокинувшего прогнивший режим Керенского—Церетели, кавказские меньшевики становятся руководителями гражданской войны, объединяющей во всей стране меньшевиков, эсеров, кадет и всех черносотенцев в одном лагере против рабочих и крестьянских советов.

Когда рабочие, преодолевая все препятствия, побеждают почти во всей стране, грузинские меньшевики откалывают от Советской Республики Закавказье, пытаясь превратить его в самостоятельное буржуазное государство. Порвав с рабочим классом России, они идут отныне рука об руку с буржуазно-помещичьей сворой в лице грузинских националистов, армянских дашнаков и азербейджанских мусаватистов. Все Закавказье, под руководством меньшевиков, превращается в контр-революционные окопы, чтобы раздавить здесь развивающуюся рабоче-крестьянскую революцию.

Таким образом внутри Закавказья, оторванного от России не по национальным, а по классовым мотивам, устанавливается

под руководством меньшевиков диктатура эксплоататоров над трудящимися. Меньшевики овладевают административно-полицейским аппаратом, они задают тон всему Закавказью, безраздельно господствуют в Грузии.

Проникновение турок и германцев в Закавказье обострило борьбу между различными национальными частями буржуазного и мелко-буржуазного фронта. Грузинские меньшевики сочли момент подходящим для того, чтобы расчленить Закавказье и провозгласить мнимую независимость Грузии. Видя в войсках кайзера и султана надежную гарантию против опасности с севера, грузинские меньшевики беспощадно расправляются с рабочими стачками и непрерывно вспыхивающими восстаниями крестьянства в разных частях страны. Как раньше грузинские меньшевики в лице Чхеидзе и Церетели пытались подавлять самоопределение финляндского и украинского народов, так теперь в пределах Грузии они мечом и огнем расправляются с национальными стремлениями абхазцев, аджарцев и осетин.

Разгром германского милитаризма меняет только хозяина меньшевистской Грузии, не меняя ее международной или внутренней политики. Теперь меньшевики становятся орудием в руках империалистов Антанты. Они поддерживают непрерывную связь со всеми контр-революционными силами юга России. Они не отказываются ни от одной меры, которая могла бы причинить ущерб Советской России. Понятно, что коммунистическая партия была окончательно загнана ими в подполье, а Особый Отряд действовал во славу буржуазной республики. Пребывание в Батуме английских оккупационных сил делало политику грузинских меньшевиков особенно наглой и провокационной по адресу Советской России. Деникин имел в лице «демократической» Грузии самый надежный тыл.

Разгром деникинской армии красными войсками и приближение этих последних к Закавказью в начале 1920 года сразу пошатнули призрачное владычество националистической партии в Закавказьи. Трудящиеся массы были охвачены глубоким революционным порывом. Уже в этот период Красная Армия могла войти в пределы Грузии, как желанная избавительница от меньшевистско-антантовского ига. Передовые рабочие и крестьяне нетерпеливо ждали этого и настойчиво призывали Советское правительство на помощь.

Правительство Советской России, не желая пролития крови рабочих и крестьян и желая установления прочного мира между рабочими и крестьянами Грузии и России, приостановило вступление красных войск в пределы Грузии, и вместо этого был заключен мирный договор в мае 1920 года.

Но меньшевики с первого же дня подписания мирного договора с РСФСР стали систематически его нарушать, помогая тайно и явно всем врагам Советской России в надежде, что Советская власть будет свергнута и рабоче-крестьянская революция в России будет окончательно подавлена. Но эти господа жестоко ошиблись в своих расчетах.

Ликвидация польской войны и разгром Врангеля осенью 1920 г. должны были неизбежно принести падение грузинского фланга контр-революционного фронта. После опыта соглашения с грузинскими меньшевиками, который привел к неслыханному вероломству и предательству, РСФСР не могла оставаться в стороне от борьбы, которую трудящиеся массы Грузии вели против правительства меньшевиков, и совершенно естественно, что вооруженные рабочие и крестьяне Советской Федерации пришли на помощь восставшим против буржуазии и помещиков трудящимся массам Грузии.

Красные полки вошли в охваченную революционным восстанием страну, как избавители. Созданная меньшевиками грузинская национальная армия в подавляющем своем большинстве отказалась сражаться с красными войсками и побраталась с ними. Запятнавшее себя изменой революции правительство меньшевиков было выкинуто вон и на кораблях Антанты бежало, захватив с собою казну грузинского народа.

Ныне эта казна расходуется на то, чтобы клеветать на союзные советские республики и на Красную Армию. Вожди II Интернационала—Каутский, Гендерсон, Макдональд, Гюисманс и многие другие—в один голос с руководящими империалистскими политиками и газетами мировой биржи—выражают свои горячие симпатии грузинской «демократии», будто бы попранной советским империализмом

Мы, представители подлинных трудящихся масс Грузии, мы, рабочие и крестьяне ее, собравшись на свой Съезд Советов, клеймим позором эту постыдную международную комедию подлости и лжи. Лицемерную симпатию Гендерсона и Вандервельде мы отвергаем с таким же негодованием и презрением, как и сим-

патию их покровителей—лондонских и французских ростовщиков.

Капиталистические и социал-демократические покровители грузинских меньшевиков предлагают организовать в Грузии опрос населения, —по образцу тех референдумов, которые Антанта устраивала или собиралась устраивать в Силезии, Восточной Галиции, Литве, Армении и пр.,—словом, референдум, ответ на который заранее предрешен теми, которые считают нужным организовать комедию демократического издевательства над волей народа. Трудовой грузинский народ подал свой подлинный голос в непрерывном ряде восстаний против меньшевиков, потом в выборах городских и сельских советов на местах, теперь на съезде Советов трудящихся масс всей Грузии, который дает наиболее правильное и верное выражение политическому опыту, чувствованиям и желаниям трудового грузинского народа.

Красная Армия нам нужна, пока не исчезнет угроза существованию советских республик, до тех пор, пока рабочие всего мира не отбросят от власти империалистических хищников и не создадут действительных гарантий покойного, мирного и братского сотрудничества всех народов. Мы, рабочие и крестьяне Грузии, вместе с рабочими и крестьянами всех советских республик и вместе с самой Красной Армией, мечтаем о том дне, когда действительное разоружение империализма позволит нам демобилизовать Красную Армию и вернуть своих братьев к полям и станкам, к мирному труду.

Рабочие и работницы, трудящиеся крестьяне Европы и всего мира! Не верьте лжи, не верьте клевете наших и ваших врагов! Внемлите голосу наших братьев—грузинских рабочих и крестьян! Красная Армия не есть аппарат внешнего насилия, а наше собственное орудие борьбы за освобождение трудящихся. В ее рядах полки, состоящие из всех народов великой Советской Федерации, одухотворены одинаковыми идеями братства и солидарности. Красная Армия не знает национального разделения и национальной борьбы, она одинаково защищает интересы трудящихся всех народов.

Обанкротившиеся меньшевики и агенты Антанты—Жордания, Церетели, Чхеидзе—своей агитацией, которую они ведут на захваченные у народа деньги, пытаются создать благоприятные условия для новой военной интервенции иностран-

ного империализма в Закавказьи. Но Жордания обращается одновременно и к империалистскому совету в Каннах [239]), и к желтому социал-демократическому Интернационалу. Мы же обращаемся к трудящимся массам Европы и всего мира с призывом дать революционный отпор новым посягательствам империализма и его многоцветных прислужников.

Передовые рабочие! Разъясните трудящимся всего мира, что власть в Грузии, впервые за все ее существование, находится в руках грузинских рабочих и трудовых крестьян. Эту власть мы держим в своих руках, и мы ее никому не уступим!

Перед лицом рабочих и работниц всего мира мы заявляем, что за три с половиной года пребывания у власти меньшевиков для рабочей Грузии не было сделано решительно ничего, крестьянство также не получило землю, которая ему была обещана меньшевиками. Меньшевики за время своего хозяйничанья не смогли водворить в стране ни внутреннего, ни внешнего мира, они достигли того, что находились в явно враждебных отношениях не только с Советской Россией, но и с соседними республиками. Но хуже всего было то, что они до крайности обострили отношения между народностями самой Грузии. Благодаря их националистической и шовинистической политике, не раз дело доходило до кровавых столкновений, именно на национальной почве.

Между тем за весьма короткое время Советская власть уже сумела разрешить самые основные и кардинальные вопросы. Вся земля уже передана трудящимся, всякая эксплоатация в области земледелия уничтожена, установлен национальный мир внутри страны между всеми народностями, установлены мирные и братские отношения со всеми окружающими Грузию как советскими, так и не-советскими государствами. За год существования Советской власти в Грузии мир и спокойствие ни внутри страны, ни вовне ни на секунду не нарушались. Наше желание— жить со всеми народами в мире и братском сотрудничестве. Мы восстанавливаем нашу разрушенную на долгие годы империалистической и гражданской войны экономическую жизнь, и мы с полной уверенностью заявляем, что в ближайшее время сумеем выйти победителями и на хозяйственном фронте, как мы вышли победителями на фронте гражданской войны.

Сознательные и честные солдаты и моряки всех стран! Разъясните вашим братьям, что путь к восстановлению буржуазной

Грузии мог бы быть проложен не иначе, как по трупам грузинских рабочих и крестьян. Против всякой попытки восстановить презренное и ненавистное царство меньшевистской лжедемократии, мы встанем, как один человек, под лозунгом—«свобода или смерть». Наш союз с Советской Арменией, с Советским Азербейджаном, со всей Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой уже закреплен и останется несокрушимым навсегда.

Рабочие и работницы и трудовые крестьяне Европы и всех других стран! Мы обращаемся к вам с этим братским призывом к чувству солидарности и братского единения трудящихся масс всех народов!

Да здравствует власть Советов! Да здравствует мировая пролетарская революция!

Президиум Съезда: *Махарадзе, Мдивани, Думбадзе, Орахелашвили, Торошелидзе, Гегечкори, Тодриа, Гаглоев, Лакоба, Глонти, Окуашвили, Папиашвили Варвара, Окуджава, Мамулия, Стуруа, Химшиашвили, Варамишвили, Назаретян.*

Тифлис,
26 февраля 1922 года.

III

Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции

Настоящая глава представляет собой литературную обработку доклада, сделанного автором на IV конгрессе Коммунистического Интернационала. В качестве приложения мы печатаем конспективное изложение самого доклада в форме тезисов.

Л. Т.

20—XII—22 г.

Ход гражданской войны

Основная задача всякой революционной партии—завоевание власти. У II Интернационала эта цель была лишь, говоря на языке идеалистической философии, «регулятивной идеей», т.-е. идеей, имеющей мало общего с практикой.

Лишь за последние годы мы стали учиться в международном масштабе ставить завоевание политической власти, как практическую революционную цель. Этому помогла русская революция. Тот факт, что для России мы можем назвать определенный день—25 октября (7 ноября) 1917 г.,—когда коммунистическая партия, ставшая во главе рабочего класса, вырвала из рук буржуазии политическую власть, ярче всяких рассуждений доказывает, что для революционеров завоевание власти—не «регулятивная идея», а практическая задача.

7 ноября 1917 г. наша партия встала во главе государства. Это не означало,—и вскоре это обнаружилось с полной отчетливостью,—что гражданская война закончилась. Наоборот, только после Октябрьского переворота она и начала у нас развертываться в широком масштабе. Этот факт имеет не только исторический интерес, но служит источником серьезнейших поучений для западно-европейского пролетариата.

Почему это так произошло? Объяснение заключается в культурно-политической отсталости страны, которая только что освободилась от царистского варварства. Крупная буржуазия и дворянство имели некоторый политический опыт, благодаря городским думам, земствам, Государственной Думе и пр. Мелкая буржуазия имела мало политического опыта, а главная масса населения, крестьянство, и того меньше. Таким образом, главные резервы контр-революции—кулацкое, а до некоторой степени и среднее крестьянство—открывались именно в этой наиболее аморфной среде. И только после того, как буржуазия стала вполне

понимать, что́ она теряет с потерей власти, и выдвинула боевое контр-революционное ядро, ей удалось найти доступ к крестьянским и мещанским элементам и слоям, причем руководящие посты буржуазия, по необходимости, уступила наиболее реакционным элементам из среды высшего дворянского офицерства. В результате, гражданская война развернулась по-настоящему только после Октябрьского переворота. И мы расплачивались неисчислимыми жертвами гражданской войны за ту легкость, с которой завоевали власть 7 ноября 1917 г. В более старых в капиталистическом смысле и более культурных странах положение будет несомненно глубоко отличным. Там народные массы войдут в революцию гораздо более оформленными в политическом отношении. Правда, ориентация отдельных слоев и групп пролетариата, а тем более мелкой буржуазии, будет еще сильно колебаться и изменяться, но эти изменения будут происходить все же более систематически; сегодняшний день будет более непосредственно вытекать из вчерашнего. Буржуазия на Западе готовится к отпору заранее, она более или менее знает те элементы, на которые ей придется опереться, и она строит свои контр-революционные кадры заранее. Мы это видим в Германии, мы это наблюдаем, хотя и не так отчетливо, во Франции; и, наконец, в наиболее законченной форме—в Италии, где после незавершенной революции мы имеем завершенную контр-революцию, не без успеха использовавшую некоторые приемы и методы революции.

Что это значит? Это значит, что застигнуть европейскую буржуазию врасплох, как мы застигли русскую, вряд ли удастся. Европейская буржуазия умнее, дальновиднее, времени она не теряет. Все, что можно поставить на ноги против нас, она мобилизует уже сейчас. Таким образом, революционный пролетариат встретит на своем пути к власти не только боевые авангарды контр-революции, но и ее важнейшие резервы. Только разбив, дезорганизовав и деморализовав эти силы врага, пролетариат захватит государственную власть. Но зато после пролетарского переворота у побежденной буржуазии уже не окажется тех мощных резервов, из которых она могла бы черпать материал для продления гражданской войны. Другими словами, после завоевания власти европейский пролетариат будет, по всей вероятности, иметь значительно большую свободу действий для своего хозяйственного и культурного строительства, чем имели мы на другой

день после переворота. Чем труднее и суровее будет борьба за государственную власть, тем меньше эта власть будет оспариваться у пролетариата после его победы.

Это общее положение надо расчленить и конкретизировать по отношению к разным странам, в зависимости от их социальной структуры и от их очереди в процессе революции. Совершенно очевидно, что чем в большем числе стран пролетариат опрокинул буржуазию, тем более сокращаются родовые муки революции для остальных стран, и тем меньше будет у побежденной буржуазии искушения начинать борьбу за власть— особенно, если пролетариат покажет, что в этих вопросах он шутить не любит. А он, разумеется, покажет это. И здесь он сможет вполне использовать пример и опыт русского пролетариата. Мы делали ошибки в разных областях, в том числе, разумеется, и в политике. Но в общем и целом мы дали европейскому рабочему классу недурной пример решительности, твердости и, когда нужно было, беспощадности в революционной борьбе. А такая беспощадность и есть высшая революционная гуманность—уже потому, что, обеспечивая успех, она сокращает тяжелый путь кризиса. Гражданская война была не только военным процессом,—разумеется, она была, с позволения почтенных пацифистов, в том числе и тех, которые по недоразумению блуждают еще в наших коммунистических рядах,—она была и военным процессом, но не только военным, а и политическим, и даже политическим прежде всего. Методами войны развертывалась борьба за политические резервы,—то-есть, прежде всего, за крестьянство. Долго колебавшееся между буржуазно-помещичьим блоком, услуживавшей этому блоку «демократией» и революционным пролетариатом крестьянство в решающую минуту, когда приходилось делать последний выбор, неизменно становилось на сторону пролетариата и поддерживало его—не демократическими избирательными бюллетенями, а продовольствием, лошадьми и оружием. Это и решило нашу победу.

Таким образом, роль крестьянства в русской революции огромна. Роль эта будет велика и в других странах, например, во Франции, где крестьянство составляет еще бо́льшую половину населения. Но ошибаются те товарищи, которые полагают, что крестьянство способно играть в революции самостоятельную руководящую роль, так сказать, на равных правах с пролетариатом. Если мы победили в гражданской войне, то не только

и не столько благодаря правильности нашей военной стратегии, сколько благодаря правильности стратегии политической, которая неизменно лежала в основе наших военных операций в гражданской войне. Мы ни на минуту не забывали, что основная задача для пролетариата заключалась в том, чтобы привлечь на свою сторону крестьянство. Однако делали это мы не по-эсеровски. Те, как известно, прельщали крестьян самостоятельной демократической ролью, а затем выдавали их с головой помещику. Мы же твердо знали, что крестьянство—колеблющаяся масса, неспособная в целом на самостоятельную и, тем более, руководящую революционную роль. Решительностью своих действий мы ставили крестьянские массы в необходимость выбирать между революционным пролетариатом, с одной стороны, и помещичьим офицерством, стоявшим во главе контр-революции,—с другой. Еслиб не было этой решительности с нашей стороны в уничтожении демократического средостения, крестьянство путалось бы и колебалось между разными лагерями и оттенками «демократии»,—и революция неизбежно погибла бы.

Демократические партии и, в первую голову, социал-демократия—нет сомнения, что и в Западной Европе дело будет обстоять так же—были всегда загонщиками контр-революции. Наш опыт на этот счет имеет исчерпывающий характер. Вы знаете, товарищи, что несколько дней тому назад Красная Армия заняла Владивосток [240]). Этим замыкается длинная цепь фронтов гражданской войны за истекшее пятилетие. По поводу взятия красными Владивостока известный вождь либеральной партии, Милюков, пишет в своей парижской газете несколько историко-философских строк, которые я готов назвать классическими. Он дает—в статье от 7 ноября—краткое изображение глупой, постыдной, но фатальной роли демократических партий. Читаю: «Эта печальная история—она всегда была печальной!—начинается с торжественного заявления о полном единодушии антибольшевистского фронта. Меркулов (глава дальне-восточной контрреволюции) признал, что «несоциалисты» (т.-е. черносотенные элементы) своей победой были в значительной степени обязаны демократическим элементам. Но поддержка демократии,—продолжает Милюков,—была использована Меркуловым только для низвержения большевиков. После этого власть перешла к тем элементам, которые, в сущности, смотрели на демократию, как на скрытых большевиков».

Эти строки, которые я заранее назвал классическими, могут показаться банальными. В самом деле, они только повторяют то, что марксисты говорили не раз. Но вспомните, что это говорит либерал Милюков—после шести лет революции. Вспомните, что он подводит итог политической роли русской демократии на широкой арене: от Финского залива и до Тихого океана. Так было с Колчаком, с Деникиным, с Юденичем, так было во время английских, французских и американских оккупаций, так было во время петлюровщины на Украине. На всех наших окраинах повторялось одно и то же утомительно-монотонное явление: демократия (меньшевики и эсеры) загоняет крестьянство в объятия реакции, последняя захватывает власть, обнаруживает себя во всю, отталкивает от себя крестьян, после чего следует победа большевиков. У меньшевиков открывается глава покаяния. Но не надолго—до первой оказии. Затем та же самая история повторяется в каком-нибудь другом углу театра гражданской войны: сперва измена, потом полупокаяние. И хотя эта механика крайне проста и достаточно, казалось бы, скомпрометирована, все-таки можно предсказать, что социал-демократы повторят ее во всех странах в период наивысшего обострения борьбы пролетариата за власть. Первая задача революционной партии рабочего класса во всех странах, это—беспощадная решительность, когда вопрос переходит на поле гражданской войны.

Условия социалистического строительства

После завоевания власти, задача строительства, прежде всего—хозяйственного, встает, как центральная и вместе с тем труднейшая. Разрешение этой задачи зависит от причин разного порядка и разной глубины: во-первых, от уровня производительных сил и, в частности, от соотношения между индустрией и крестьянским хозяйством; во-вторых, от культурного и организаторского уровня рабочего класса, завоевавшего государственную власть; в-третьих, от политической ситуации международной и внутренней: побеждена ли буржуазия окончательно или еще сопротивляется,—имеют ли место иностранные военные интервенции,—саботирует ли техническая интеллигенция и пр., и пр.

По относительной важности эти условия социалистического строительства должны быть расположены в таком порядке, в каком мы их привели. Самое основное из условий—это уровень

производительных сил; потом следует культурный уровень пролетариата; и наконец—политическая или военно-политическая ситуация, в какую попадает пролетариат, овладев властью. Но это последовательность логическая. А практически—рабочий класс, взявши власть, прежде всего сталкивается с политическими затруднениями. У нас это были белогвардейские фронты, интервенции и пр. Во вторую очередь пролетарский авангард сталкивается с затруднениями, вытекающими из недостаточности культурного уровня широких рабочих масс. И только в третью очередь его хозяйственное строительство упирается в пределы, поставляемые наличным уровнем производительных сил.

Свою работу у власти наша партия вела почти все время под давлением потребностей гражданской войны, и историю хозяйственного строительства Советской России за пять лет ее существования нельзя понять, если к ней подходить только с точки зрения экономической целесообразности. К ней нужно подходить прежде всего с мерилом военно-политической необходимости и во вторую уже очередь—с мерилом хозяйственной целесообразности.

Экономическая разумность вовсе не всегда совпадает с политической необходимостью. Если на войне мне угрожает опасность нашествия белой гвардии, я взрываю мост. С точки зрения отвлеченной экономической целесообразности—это варварство, а с точки зрения политической—это необходимость. И я буду глупец и преступник, если во-время не взорву моста. Хозяйство наше в целом мы перестраивали, в первую очередь, под давлением необходимости военного ограждения власти рабочего класса. Из элементарной школы марксизма мы знаем, что из капиталистического общества нельзя попасть в социалистическое одним прыжком, и никто из нас не истолковывал в таком механическом смысле известные слова Энгельса о прыжке из царства необходимости в царство свободы; никто не думал, что, овладев властью, можно в одну ночь переделать общество. Энгельс на самом деле имел в виду целую эпоху революционных преобразований, которая во всемирно-историческом масштабе означает действительный «прыжок». Но с точки зрения практической работы это не прыжок, а целая система взаимно связанных реформ, преобразований, иногда очень детальных мероприятий. Совершенно очевидно, что с хозяйственной точки зрения экспроприация буржуазии оправдывается постольку, поскольку рабочее государство спо-

собно организовать эксплоатацию предприятий на новых началах. Та массовая поголовная национализация, которую мы проводили в 17—18 г.г., совершенно не отвечала только что указанному условию. Организационные возможности рабочего государства чрезвычайно отставали от суммарной национализации. Но суть-то в том, что эту национализацию мы производили под давлением гражданской войны. И нетрудно показать и понять, что, если бы мы захотели действовать более осторожно в экономическом смысле, то-есть производить экспроприацию буржуазии с «разумной» постепенностью, то это было бы с нашей стороны крайней политической неразумностью и величайшей неосторожностью. При такой политике мы не имели бы возможности праздновать пятилетнюю годовщину в Москве в обществе коммунистов всего мира. Нужно воспроизвести в своем сознании все особенности нашего положения, как оно сложилось после 7 ноября 1917 г. Да, если бы мы вступили на арену социалистического развития после победы революции в Европе, у нашей буржуазии душа была бы в пятках, и справиться с ней было бы очень просто. После захвата власти русским пролетариатом она не смела бы и шевельнуться. Мы могли бы в этом случае спокойно прибирать к рукам одни лишь крупные предприятия, предоставляя средним и мелким существовать до поры до времени на частно-капиталистических началах; потом перешли бы к средним предприятиям, строго сообразуясь с организационными и производственными возможностями и потребностями. Такой порядок бесспорно отвечал бы экономической «разумности», но, к несчастью, политическая последовательность событий не считалась с нею и на этот раз. Нужно вообще напомнить, что революции сами по себе являются внешним выражением того, что миром отнюдь не управляет «экономическая разумность»; социалистическая революция еще только имеет своей задачей установить господство разума в области хозяйства, а тем самым—и во всех других областях общественной жизни.

Когда мы пришли к власти, капитализм еще стоял на ногах во всем мире (да и по сей день стоит), но наша буржуазия не хотела ни за что верить, что Октябрьский переворот—всерьез и надолго: во всей Европе, во всем мире у власти буржуазия, а у нас, в отсталой России—пролетариат!?.. Ненавидя нас, русская буржуазия не хотела нас брать всерьез. Первые декреты революционной власти встречались насмешливо: с ними не счи-

тались, их не выполняли. Даже газетчики—уж на что трусливые души!—и те не хотели брать всерьез основные революционные мероприятия рабочего правительства. Буржуазии казалось, что все это трагическая шутка, недоразумение. Как же иначе можно было научить нашу буржуазию и ее лакеев уважению к новой власти, как не отнятием у ней собственности? Другого пути не было. Каждая фабрика, каждый банк, каждая контора, лавка, приемная адвоката—были крепостью против нас. Они давали воинствующей контр-революции материальную базу и органическую связь. Банки в тот период почти открыто поддерживали саботажников, выплачивая жалованье бастовавшим чиновникам. Поэтому-то мы и подошли к вопросу не с точки зрения отвлеченной хозяйственной «разумности» (Каутского, Отто Бауэра, Мартова и других политических импотентов), а с точки зрения потребностей революционной войны. Нужно было разгромить врага, отнять у него источники питания, независимо от того, в какой мере поспевала за этим организационная хозяйственная работа. В сфере хозяйственного строительства мы вынуждены были в тот период сосредоточивать свои усилия на самых элементарных задачах: материально поддерживать, хотя бы впроголодь, существование рабочего государства, накормить и одеть Красную Армию, отстаивавшую это государство на фронтах, накормить и одеть (это уже во вторую очередь) ту часть рабочего класса, которая оставалась в городах. То примитивное государственное хозяйство, которое—худо ли, хорошо ли—разрешало эти задачи, и получило впоследствии название военного коммунизма.

Военный коммунизм

Для определения военного коммунизма особенно характерны три вопроса: как добывалось продовольствие—как распределялось оно—как регулировалась работа государственной промышленности.

Советская власть застала не вольную торговлю хлебом, а монополию, опиравшуюся на старый торговый аппарат. Гражданская война разрушила этот аппарат. И рабочему государству ничего не оставалось, как создать наспех государственный аппарат для изъятия хлеба у крестьян и сосредоточения его в своих руках.

Распределялось продовольствие почти вне зависимости от производительности труда. Да иначе и быть не могло. Для того, чтобы установить соответствие между работой и платой, нужно иметь несравненно более совершенный аппарат управления хозяйством и большие продовольственные ресурсы. В первые же годы советского режима дело шло, прежде всего, о том, чтобы обеспечить городскому населению возможность не вымереть окончательно с голоду. Это и достигалось путем уравнительного пайка. И изъятие крестьянских излишков, и распределение пайков были, в сущности, мерами осажденной крепости, а не социалистического хозяйства. При известных условиях, именно при скором наступлении революции на Западе, переход от режима осажденной крепости к социалистическому режиму был бы для нас, разумеется, чрезвычайно облегчен и ускорен. Но об этом мы еще скажем далее...

В чем же состояла сущность военного коммунизма по отношению к промышленности? Всякое хозяйство может существовать и развиваться только при условии известной пропорциональности между различными его частями. Отдельные отрасли промышленности находятся по отношению друг к другу в определенном количественном и качественном соотношении. Необходима известная пропорция между отраслями, производящими предметы потребления, и отраслями, создающими средства производства. Необходима также пропорциональность внутри каждой из этих отраслей. Другими словами, материальные средства и живая рабочая сила нации и всего человечества должны быть распределены в известном взаимоотношении между сельским хозяйством и промышленностью и отдельными отраслями промышленности для того, чтобы возможно было поддержание существования человечества и дальнейшее его развитие.

Как это достигается? При капитализме это достигается через рынок, путем свободной конкуренции, механикой спроса и предложения, игрой цен, сменой периодов подъема и периодов кризиса. Мы называем этот метод анархическим—и называем верно. Он связан с расхищением большого количества сил и ценностей посредством периодических кризисов и приводит неизбежно к войнам, грозящим полной гибелью человеческой культуре. Но этот анархический капиталистический метод в пределах своего исторического действия все же устанавливает относительную пропорциональность между различными отраслями хозяй-

ства, необходимое соотношение, благодаря которому буржуазное общество только и может жить, не задыхаясь и не погибая.

Наше довоенное хозяйство имело свою внутреннюю пропорциональность, устанавливавшуюся игрой капиталистических сил на рынке. Пришла война, которая произвела колоссальные перетасовки во взаимоотношении различных отраслей хозяйства. Как ядовитые грибы, выросли предприятия военной промышленности за счет промышленности общего типа. Затем пришла революция, гражданская война с ее разрушениями, саботаж с его тихой сапой. Какое же мы получили наследство? Хозяйство, в котором сохранились слабые воспоминания о той пропорцинальности частей, которая существовала при капитализме, была затем искажена империалистской войной и окончательно добита гражданской войной,—вот что мы получили в наследство. Какими способами могли мы выходить на дорогу хозяйственного развития?

При социализме хозяйство будет управляться централистически, и, следовательно, необходимая пропорциональность отдельных отраслей будет достигаться путем строго соразмеренного плана,—конечно, с большой автономией частей, но опять-таки под общенациональным, а затем и мировым контролем. Такой целокупный охват всего хозяйства, такой совершенный социалистический учет, как мы говорим, не может быть создан a priori, умозрительно, канцелярски; он может вырасти только из постепенного приспособления текущего, практического хозяйственного расчета как к наличным материальным ресурсам и возможностям, так и к новым потребностям социалистического общества. Путь этот длинен. С чего же мы могли и должны были начать в 1917—1918 году? Капиталистический аппарат—рынок, банки, биржа—был разрушен. Гражданская война была в полном разгаре. Об экономическом соглашении с буржуазией, или хотя бы с частью буржуазии, в смысле предоставления ей известных хозяйственных прав, не могло быть и речи. Буржуазный аппарат управления хозяйством был разрушен не только в общегосударственном масштабе, но и на каждом отдельном предприятии. Отсюда вырастала элементарная жизненная задача: создать хотя бы грубый временный аппарат для того, чтобы из полученного хаотического промышленного наследства извлечь самые необходимые продукты для воюющей армии и для рабочего класса. По существу, это была не хозяйственная задача в широком смысле слова, а военно-промышленная. При содействии профессиональ-

ных союзов государство материально овладело промышленными предприятиями и создало крайне громоздкий и неповоротливый централизованный аппарат, который все же позволил обеспечить действующую армию обмундированием и боевыми припасами— в крайне недостаточном количестве, но все же в таком, что мы вышли не побежденными, а победителями из борьбы.

Политика изъятия излишков у крестьян вела неизбежно к сокращению и понижению сельско-хозяйственного производства. Политика уравнительной заработной платы вела неизбежно к понижению производительности труда. Политика централизованного бюрократического руководства промышленностью исключала возможность действительно централизованного и полного использования технического оборудования и наличной рабочей силы. Но вся эта политика военного коммунизма была нам навязана режимом блокированной крепости с дезорганизованным хозяйством и истощенными ресурсами.

Вы спросите, не надеялись ли мы перейти от военного коммунизма к социализму без больших хозяйственных поворотов, потрясений и отступлений, т.-е. по более или менее прямой восходящей линии? Да, действительно, в тот период мы твердо рассчитывали, что революционное развитие в Западной Европе пойдет более быстрым темпом. Это бесспорно. И если бы пролетариат овладел в Германии, во Франции, вообще в Европе властью в 1919 году, то все наше экономическое развитие получило бы совсем другую форму. Маркс писал в 1883 г. Николаю Даниэльсону [241]), одному из теоретиков русского народничества, что если европейский пролетариат овладеет властью до того, как русская община будет окончательно ликвидирована историей, то в России и община сможет стать исходным пунктом коммунистического развития. И Маркс был совершенно прав. С тем большим правом мы могли принять, что если европейский пролетариат завоюет власть в 19-ом году, то он возьмет на буксир нашу отсталую в хозяйственном и культурном смысле страну, поможет нам технически и организационно и, таким образом, даст нам возможность, путем исправления и изменения методов нашего военного коммунизма, притти к действительному социалистическому хозяйству. Да, мы на это надеялись. Наша политика никогда не опиралась на преуменьшение революционных возможностей и перспектив. Наоборот, как живая революционная сила, мы всегда стремились раздвинуть эти возможности, исчерпать их до конца.

Это г. г. Шейдеманы и Эберты накануне революции отрицают революцию, не верят в нее и готовятся стать императорскими министрами; революция застигает их врасплох, они беспомощно барахтаются, а затем, при первой оказии, превращаются в орудие контр-революции. Что касается господ из $2^1/_2$ Интернационала, то они в тот период особенно старались отличаться от II Интернационала: они провозгласили наступление революционной эпохи и признали диктатуру пролетариата. Разумеется, у них это было только на словах. При первом отливе вся эта межеумочная дрянь вернулась под кров Шейдемана. Но самый факт образования $2^1/_2$ Интернационала свидетельствовал о том, что революционная перспектива Коммунистического Интернационала, и в частности нашей партии, вовсе не была «утопична»— не только с точки зрения общей тенденции развития, но и с точки зрения темпа.

Чего нехватало революционному пролетариату после войны— так это революционной партии. Социал-демократия спасла капитализм, т.-е. отсрочила на годы час его гибели или, еще точнее, продлила его агонию, ибо нынешнее существование капиталистического мира есть не что иное, как затянувшаяся агония.

Но, во всяком случае, этим фактом были созданы для Советской Республики и ее хозяйственного развития наименее благоприятные условия. Рабоче-крестьянская Россия очутилась в кольце экономической блокады. С Запада к нам шла не техническая и организационная помощь, а одна военная интервенция за другой. И после того, как обнаружилось, что в военном смысле мы выйдем победителями, стало ясно, что в хозяйственном смысле нам придется еще в течение продолжительного времени рассчитывать на свои собственные средства и силы.

„Новая экономическая политика“

Отсюда выросла необходимость— от военного коммунизма, т.-е. от чрезвычайных мер, имевших задачей поддержать хозяйственную жизнь осажденной крепости, перейти к такой системе мероприятий, которая обеспечивала бы постепенный подъем производительных сил страны даже и без содействия социалистической Европы. Военная победа, которая была бы невозможна без военного коммунизма, в свою очередь позволила от мер военной необходимости перейти к мерам хозяйственной целесообраз-

ности. Таково происхождение так называемой *новой экономической политики*. Ее часто называют отступлением, и мы сами так ее называем—и с известным основанием. Но чтобы правильно оценить, в чем, собственно, это отступление состоит, чтобы понять, как мало это отступление похоже на «капитуляцию», нужно отдать себе отчет в нынешнем нашем хозяйственном положении и в тенденциях его развития.

В марте 1917 года был низвергнут царизм. В октябре рабочий класс взял в руки власть. Почти вся земля, национализированная государством, была передана крестьянам. Обрабатывающие эту землю крестьяне обязаны ныне платить государству определенный натуральный налог, который является существенным вкладом в дело социалистического строительства. Рабочее государство владеет всей железнодорожной сетью, всеми промышленными предприятиями и, за второстепенными исключениями, ведет на этих предприятиях хозяйство за собственный счет. Вся система кредита сосредоточена в руках государства. Внешняя торговля составляет государственную монополию. Каждый, кто способен трезво и без предвзятости оценить эти результаты пятилетнего существования рабочего государства, должен будет сказать: да, для отсталой страны это весьма большой социалистический успех.

Особенность, однако, в том, что этот успех был достигнут не путем непрерывного прямолинейного развития, а зигзагообразным движением: сперва у нас был режим «коммунизма», затем мы открыли ворота рыночным отношениям. Этот поворот в политике стал трактоваться в буржуазной печати как отказ от коммунизма и капитуляция перед капитализмом. Незачем говорить, что социал-демократы разъясняют, углубляют и комментируют эту версию. Нельзя, однако, не признать, что кое-кто даже из числа наших друзей впадал в сомнение: нет ли тут действительно скрытой капитуляции перед капитализмом? Нет ли действительно опасности, что на основе восстановленного нами свободного рынка капитализм будет развиваться все больше и больше и возьмет верх над начатками социализма? Чтобы дать правильный ответ на этот вопрос, нужно предварительно устранить основное недоразумение. В корне неверно, будто экономическое развитие Советской России идет от коммунизма к капитализму. Коммунизма у нас не было. Не было у нас социализма и не могло быть. Мы национализировали дезорганизованное хо-

зяйство буржуазии и установили, в самый острый период борьбы не на жизнь, а на смерть—режим потребительского «коммунизма». Победив буржуазию на поле политики и войны, мы получили возможность приступить к хозяйству и оказались вынуждены восстановить рыночные формы взаимоотношений между городом и деревней, между отдельными отраслями промышленности и между отдельными предприятиями.

Без свободного рынка крестьянин не находит своего места в хозяйстве, теряет стимул к улучшению и расширению производства. Только мощное развитие государственной промышленности, ее способность обеспечить крестьянина и его хозяйство всем необходимым, подготовит почву для включения крестьянина в общую систему социалистического хозяйства. Технически эта задача будет разрешена при помощи электрификации, которая нанесет смертельный удар сельско-хозяйственной отсталости, варварской изолированности мужика и идиотизму деревенской жизни. Но путь к этому лежит через улучшение хозяйства нынешнего крестьянина-собственника. Этого рабочее государство может достигнуть только через рынок, пробуждающий личную заинтересованность мелкого хозяина. Первые результаты уже сейчас налицо. Деревня в этом году дает рабочему государству, в виде натурального налога, гораздо больше хлеба, чем государство получало во время военного коммунизма путем изъятия излишков. В то же время сельское хозяйство, несомненно, идет вверх. Крестьянин доволен,—а без нормальных отношений между пролетариатом и крестьянством социалистическое развитие в нашей стране невозможно.

Но новая экономическая политика вытекает не только из взаимоотношений между городом и деревней. Она является необходимым этапом в развитии государственной промышленности. Между капитализмом, когда средства производства составляют собственность частных лиц и все экономические отношения регулируются рынком,—и между законченным социализмом, который ведет плановое общественное хозяйство, имеется ряд переходных ступеней; и НЭП, по существу, является одной из них.

Рассмотрим этот вопрос на примере железных дорог. Именно железнодорожный транспорт является той областью, которая в наибольшей степени подготовлена для социалистического хозяйства, так как железнодорожная сеть была и у нас в большей своей части национализирована еще при капитализме и условиями

самой техники централизована и до известной степени нормализована. Большую половину дорог мы получили от государства, меньшую—экспроприировали у частных обществ. Подлинно социалистическое управление должно, конечно, рассматривать всю сеть как целое, т.-е. не с точки зрения собственника той или другой железнодорожной линии, а с точки зрения интересов всего транспорта и всего хозяйства страны. Оно должно распределять паровозы или вагоны между отдельными линиями так, как это требуется интересами хозяйственной жизни в целом. Но перейти к такому хозяйству даже и в централизованной области железнодорожного транспорта не так просто. Тут открывается ряд посредствующих экономических и технических этапов. Паровозы бывают различных типов, потому что они строились в разные времена, разными обществами и на разных фабриках, причем разные паровозы ремонтируются одновременно в одних и тех же мастерских и наоборот: однородные паровозы—в разных мастерских. Капиталистическое общество, как известно, расточает громадное количество рабочей силы по причине излишнего разнообразия, анархической пестроты составных частей своего производственного аппарата. Необходимо, стало быть, разбить паровозы по типам и распределить их между железными дорогами и мастерскими. Это будет первым серьезным шагом на пути к нормализации, т.-е. к достижению технической однородности паровозов и их составных частей. Нормализация, как у нас не раз говорилось, и говорилось справедливо, есть социализм техники. Без нормализации техника не достигнет своего высшего расцвета. А где же и начинать нормализацию, как не на железных дорогах? И мы, действительно, приступили к этой задаче, но тотчас же натолкнулись на большие препятствия. Железнодорожные линии, притом не только частные, но и государственные, производили свой расчет со всеми остальными хозяйственными предприятиями при помощи рынка. Экономически это было, при данной системе хозяйства, неизбежно и необходимо, потому что содержание и развитие той или другой линии зависит от того, насколько она оправдывается хозяйственно. Приносит ли данная линия пользу хозяйству, это можно установить только через посредство рынка,—до тех пор, пока мы не выработали методов всеобщего социалистического учета хозяйства; а эти методы, как сказано, могут явиться только в результате продолжительного опыта работы на основе национализированных средств производства.

Итак, старые способы хозяйственной проверки ходом гражданской войны были устранены прежде, чем успели создаться новые. При этих условиях вся железнодорожная сеть оказывалась формально объединенной, но каждая часть этой сети отрывалась от всей остальной хозяйственной среды и повисала в воздухе. Рассматривая сеть, как самодовлеющее техническое целое, объединяя железнодорожный и вагонный парки всей сети, централистически сортируя паровозы и централизуя ремонт, т.-е. преследуя абстрактный, технически-социалистический план, мы рисковали окончательно утратить всякий контроль над нужностью или ненужностью, выгодностью или невыгодностью каждой отдельной дороги и всей сети в целом. Какие линии развернуть, а какие сократить, какой подвижной состав и какой рабочий персонал нужен на данной линии, сколько грузов может провезти государство для своих нужд, какую часть провозной способности оно должно предоставить для нужд других организаций и частных лиц, все эти вопросы—на данном историческом основании—не могут разрешиться иначе, как путем установления платы за провоз, правильной бухгалтерии и правильной коммерческой калькуляции. Только на основе бухгалтерского балансирования различных частей железнодорожной сети, в сочетании с таким же балансированием других отраслей хозяйства, мы придем к выработке методов социалистического учета и нового хозяйственного плана. Отсюда вытекает необходимость и после перехода всех дорог в руки государства—предоставить отдельным железнодорожным линиям или группам их хозяйственную самостоятельность, в смысле их приспособления ко всем остальным хозяйственным предприятиям, от которых они зависят, или которые ими обслуживаются. Одних абстрактно-технических планов и формально-социалистических целей недостаточно для того, чтобы перевести железнодорожное хозяйство с капиталистических рельс на социалистические. В течение определенного—и притом продолжительного—времени рабочему государству, даже для управления железнодорожной сетью, приходится пользоваться капиталистическими методами, т.-е. методами рынка.

Сказанное относится с еще большей очевидностью к промышленным предприятиям, которые и в отдаленной степени не были при капитализме так централизованы и нормализованы, как железные дороги. После ликвидации рынка и системы кредита каждый завод походил на телефонный аппарат с отрезанными

проводами. Военный коммунизм создал бюрократический суррогат хозяйственного объединения. Машиностроительные заводы на Урале, в Донецком бассейне, в Москве, в Петрограде и проч. оказались объединенными в ведении единого Главка, который централистически распределял между ними топливо, сырье, техническое оборудование, рабочую силу, поддерживая последнюю при помощи системы уравнительного пайка. Совершенно очевидно, что такое бюрократическое управление совершенно нивеллировало особенности каждого предприятия и уничтожало самую возможность проверки производительности его и выгодности, даже если бы учетные данные Главка отличались большей или меньшей точностью, чего, на самом деле, не было и в помине.

Для того, чтобы каждое предприятие стало составной клеточкой единого социалистического организма, планомерно функционирующего, нужна большая переходная работа рыночного хозяйствования, которая займет долгий ряд лет. И в течение этой переходной эпохи каждое предприятие и каждая группа предприятий должны в большей или меньшей степени самостоятельно ориентироваться на рынке и проверять себя через рынок. В этом и состоит смысл новой экономической политики: если политически на первый план выпятилось ее значение в качестве уступки крестьянству, то *никак не меньше* ее значение, как неизбежного этапа в развитии государственной промышленности при переходе от капиталистического хозяйства к социалистическому.

Итак, для регулирования промышленности рабочее государство прибегает к методам рынка. Рынок нуждается во всеобщем эквиваленте. Этот эквивалент имеет у нас, как вы знаете, довольно жалкий вид. Тов. Ленин уже говорил о наших усилиях добиться некоторой стабилизации рубля и о том, что эти усилия не остались совсем безуспешными. Очень поучительно, что, вместе с восстановлением рынка, восстанавливаются и фетишистские явления в области хозяйственного мышления,—в том числе и у многих коммунистов, поскольку они выступают не как коммунисты, а как торговцы на рынке. Наши предприятия, как вы, разумеется, знаете, страдают от недостатка средств. Откуда их взять? Ясно откуда: из-под пресса. Достаточно увеличить эмиссию, чтобы двинуть в ход ряд фабрик и заводов, ныне затихших. «Взамен ваших несчастных бумажек, которые вы так скаредно отпускаете,—так говорят иные товарищи,—мы вам дали

бы через несколько месяцев полотно, обувь, гайки и другие прекрасные предметы». Совершенно очевидна фальшь этого рассуждения. Недостаток оборотных средств свидетельствует только о том, что мы бедны, и что для расширения производства нам нужно пройти стадию первоначального социалистического накопления. Наша бедность—в хлебе, в угле, в паровозах, в квартирах и проч.—получает теперь форму недостатка оборотных средств потому, что мы перевели хозяйство на основу рынка. Тяжелая промышленность при этом с завистью указывает на успехи легкой. Что это значит? Это значит, что при начинающемся оживлении хозяйства наличные ресурсы направляются, в первую голову, туда, где они всего нужнее и неотложнее,— т.-е. в те отрасли, где производятся продукты личного или хозяйственного потребления рабочих и крестьян. Предприятия этого типа делают сейчас хорошие дела. При этом на рынке государственные предприятия конкурируют друг с другом и отчасти с частными, которые, как увидим, очень малочисленны. Только таким образом национализированная промышленность научается работать как следует быть; другим путем этой цели достигнуть нельзя: ни априорным хозяйственным планом, высиженным в канцелярии, ни отвлеченной коммунистической проповедью. Нужно, чтобы каждая государственная фабрика, ее технический директор, ее коммерческий директор подвергался контролю не только сверху—со стороны государственных органов, но и снизу— со стороны рынка, который в течение еще длительного периода остается регулятором государственного хозяйства. По мере того, как государственная легкая промышленность, упрочиваясь на рынке, начинает приносить государству доход, создаются оборотные средства для тяжелой промышленности. Разумеется, это не единственный источник государства. У него есть и другие: натуральный налог, взимаемый с крестьянина, налоги на частную промышленность и торговлю, таможенные доходы и проч.

Финансовые затруднения нашей промышленности имеют, следовательно, не самодовлеющий характер, а вытекают из всего процесса возрождения хозяйства. Если бы наш финансовый комиссариат попытался, путем расширения эмиссии, пойти навстречу каждому промышленному предприятию, рынок неизбежно изверг бы избыточную эмиссию прежде, чем нетерпеливые заводы успели бы выбросить на рынок новые продукты; другими словами, рубль потерпел бы такое падение, что покупа-

тельная сила этой удвоенной или утроенной эмиссии была бы ниже покупательной силы наличных сейчас денег. Государство, конечно, не зарекается от новых эмиссий, но они должны производиться в соответствии с реальным хозяйственным процессом и с таким расчетом, чтоб они в каждом данном случае увеличивали покупательную силу государства и тем содействовали первоначальному социалистическому накоплению. Государство не отказывается, со своей стороны, целиком от планового хозяйства, т.-е. от сознательных и властных поправок к работе рынка. Но оно исходит при этом не из априорного учета, не из отвлеченной и крайне неточной плановой гипотезы, как при военном коммунизме, а из фактической работы того же рынка, одним из орудий проверки которого является состояние валюты и централизованной системы государственного кредита.

Силы и средства двух лагерей

Куда же ведет нас НЭП: к капитализму или к социализму? Это, разумеется, центральный вопрос. Рынок, свободная торговля хлебом, конкуренция, аренда, концессии,—что все это влечет за собою? Если дать чорту палец, то не придется ли дать ему и руку, и плечо, а в конце концов, и все тело? Уже сейчас мы наблюдаем частный капитал в области торговли, особенно на путях между городом и деревней. Частный торговый капитал у нас во второй раз проходит стадию первоначального капиталистического накопления в то время, как рабочее государство проделывает период первоначального *социалистического* накопления. Раз частный торговый капитал возрастает, он стремится неизбежно проникнуть и в промышленность. Государство сдает частным предпринимателям заводы и фабрики. Накопление частного капитала происходит уже, следовательно, не только в торговле, но и в индустрии. Не окажется ли, что господа эксплоататоры—спекулянты, торговцы, арендаторы, концессионеры—будут становиться все сильнее и сильнее под крышей рабочего государства, будут овладевать все большею частью национального хозяйства, рассасывая через посредство рынка элементы социализма, а затем, в известный момент, завладеют и государственной властью? Ибо,—мы знаем это не хуже самого Отто Бауэра,—экономика есть базис, а политика—надстройка. Не означает ли все это

в действительности, что НЭП является переходом к капиталистической реставрации?

Отвечая абстрактно на столь абстрактно поставленный вопрос, нельзя, разумеется, отрицать, что опасность капиталистической реставрации не исключена, как вообще не исключена опасность временного поражения в процессе борьбы. Когда мы воевали с Колчаком и Деникиным, за спиною которых стояла Антанта, опасность нашего поражения была весьма возможна, и Каутский благочестиво ждал этого со дня на день. Но мы, считаясь с теоретической возможностью поражения, практически ориентировали нашу политику на победу. Соотношение сил, во всяком случае, не исключало нашей победы. К этому соотношению сил мы прибавили твердую волю и правильную стратегию. И мы победили. И сейчас тоже идет борьба между теми же врагами: рабочим государством и капитализмом, но не на военном поле, а на хозяйственной арене. Если во время гражданской войны Красная Армия, с одной стороны, а белая—с другой, боролись за влияние на крестьян, то сейчас борьба идет между государственным капиталом и частным за крестьянский рынок. В борьбе надо, по возможности, полно и точно учитывать силы и средства противника и свои. Как же обстоит дело на этот счет?

Важнейшее наше средство в хозяйственной борьбе на основе рынка—государственная власть. Только реформистские дурачки могут не понимать значения этого орудия. Буржуазия понимает прекрасно. Это доказывает вся ее история.

Другим орудием в руках пролетариата являются важнейшие производительные силы страны: весь железнодорожный транспорт, вся добывающая промышленность, подавляющее большинство предприятий обрабатывающей промышленности находится в непосредственном хозяйственном заведывании рабочего класса.

Ему же, рабочему государству, принадлежит земля, и крестьянин вносит за нее сотни миллионов пудов в год натурального налога.

В руках рабочей власти—государственная граница: иностранные товары, вообще, иностранные капиталы могут получить доступ в страну в тех пределах, в каких это признает желательным и допустимым рабочее государство.

Таковы орудия и средства социалистического строительства.

У противника есть, разумеется, возможность накоплять, хотя бы и при рабочей власти,—пользуясь прежде всего свободной торговлей хлебом. Торговый капитал может проникать и уже проникает в промышленность, берет в аренду предприятия, получает с них доход, нарастает. Все это совершенно бесспорно. Но каковы количественные соотношения борющихся сил? Какова динамика этих сил? В этой области, как и в других, количество переходит в качество. Если бы в руки частного капитала попали важнейшие производительные силы страны, тогда о социалистическом строительстве не могло бы быть, разумеется, и речи, и дни рабочей власти были бы сочтены. Как велика эта опасность? Насколько она близка? Ответить на этот вопрос могут только факты и цифры. Мы приведем наиболее важные и необходимые.

Наша железнодорожная сеть, протяжением в 63.000 верст, с числом рабочих и служащих, превышающим 800.000, составляет целиком и полностью собственность государства. Никто не станет отрицать, что железнодорожная сеть представляет собою очень важный, во многих отношениях решающий фактор хозяйства, и этого фактора мы из рук не собираемся выпускать.

Возьмем теперь область промышленности. И ныне, при новой экономической политике, все промышленные предприятия без исключения составляют собственность государства. Правда, некоторые из этих предприятий сдаются в аренду. Но каково соотношение между теми предприятиями, где государство хозяйничает за собственный счет, и теми, которые оно сдает в аренду? Это соотношение видно из следующих цифр: за государственный счет работает свыше 4.000 предприятий, занимающих в общем до 1.000.000 рабочих; в аренду сдано несколько менее 4.000 предприятий, занимающих всего на всего около 80.000 рабочих. Это значит, что на государственном предприятии в среднем работает 207 рабочих, а на сданном в аренду—17 рабочих. Объясняется это тем, что в аренду сданы второстепенные и, главным образом, третьестепенные предприятия легкой промышленности. Но и сданные в аренду только немногим более, чем наполовину (на 51%), находятся в эксплоатации частных капиталистов; остальные же арендаторы—отдельные государственные органы и кооперативы, берущие у государства промышленные предприятия на договорных началах. Другими словами, около 2.000 наиболее мелких предприятий, занимающих тысяч 40—50 рабочих, эксплоа-

тируются частным капиталом, противостоящим 4.000 наиболее могущественных и наиболее сборудованных предприятий, занимающих около 1.000.000 рабочих и эксплоатируемых советским государством. Смешно и нелепо говорить о победе капитализма «вообще», игнорируя эти факты и цифры. Разумеется, арендные предприятия конкурируют с государственными и, рассуждая отвлеченно, можно сказать: если бы на арендных предприятиях хозяйство велось очень хорошо, а на государственных—очень плохо, то, по истечении значительного числа лет, частный капитал всосал бы в себя государственный капитал. Но пока что до этого еще далеко. Контроль над хозяйственным процессом—в руках государственной власти, а эта власть—в руках рабочего класса. Восстановив рынок, рабочее государство, разумеется, ввело ряд правовых изменений, необходимых для того, чтобы обеспечить возможность рыночного оборота. Постольку, поскольку эти законодательные и административные реформы открывают возможность капиталистического накопления, они являются косвенными, но очень важными уступками буржуазии. Но использовать эти уступки наша новая буржуазия может лишь в меру своих экономических и политических рессурсов. Экономические ее ресурсы мы видели: они более чем скромны. Политические ее ресурсы равны нулю. И мы постараемся, чтобы в *политической* области у нее не было никакого «накопления». Не забудьте, что кредитный и налоговый аппарат находится в руках рабочего государства и представляет собой очень важное орудие в борьбе между государственной промышленностью и частной.

Правда, в области торговли роль частного капитала значительнее. Каких-нибудь точных исчислений на этот счет дать пока еще нельзя. По крайне приблизительным подсчетам наших кооператоров, частный торговый капитал составляет 30%, а государственно-кооперативный—до 70% торгового оборота. Главная роль частного капитала—в посредничестве между крестьянским хозяйством и промышленностью, а отчасти между разными отраслями промышленности. Но важнейшие промышленные предприятия находятся в руках государства; ключ от внешней торговли—у него же; государство—главный покупатель и продавец на рынке. При этих условиях кооперация может с достаточным успехом конкурировать с частным капиталом—и чем дальше, тем больше. К тому же напоминаем опять, что ножницы фиска

очень важный инструмент: они должны своевременно подстригать частно-капиталистическую крону, чтобы она не дорастала до небес.

Теоретически мы всегда утверждали, что пролетариат после завоевания власти вынужден будет еще в течение длительного времени терпеть наряду с государственными предприятиями— частные, технически менее совершенные, менее поддающиеся централизации; при этом мы никогда не сомневались, что отношения между государственными и частными предприятиями, а в значительной мере и взаимоотношения между отдельными государственными предприятиями или их группами, будут регулироваться рыночным путем в форме денежного расчета. Но этим самым мы, стало быть, допускали, что параллельно с процессом социалистической реорганизации хозяйства будет продолжаться процесс частного капиталистического накопления. Нам, однако, не приходило в голову опасение, что частное накопление обгонит и пожрет рост государственного хозяйства. Откуда же и почему разговоры о неизбежной победе капитализма или об уже происшедшей нашей «капитуляции» перед ним? Только потому, что мы не просто оставили мелкие предприятия в частных руках, а сперва национализировали их и даже попробовали на части из них вести хозяйство за государственный счет, а затем сдали их в аренду. Но как бы ни оценивать этот хозяйственный зигзаг,—как неизбежность, выросшую из всей обстановки, или как тактическую ошибку,—совершенно очевидно, что этот поворот или это «отступление» ничего не меняет в соотношении сил между государственной промышленностью и частно-арендной: на одной стороне—государственная власть, железнодорожная сеть и миллион промышленных рабочих, на другой стороне— около 50.000 рабочих, эксплоатируемых частным капиталом. Где же все-таки основание считать, что в этих условиях победа обеспечена капиталистическому накоплению над социалистическим?

Главные козыри явно на нашей стороне—за исключением одного, очень существенного: за спиною частного капитала, действующего в России, стоит мировой капитал. Мы все еще живем в капиталистическом окружении. Поэтому можно и должно поставить вопрос, не будет ли наш зарождающийся социализм, хозяйничающий еще капиталистическими средствами, закуплен мировым капиталом?

Для такой операции нужны две стороны: та, которая покупает, и другая, которая продает. Власть же у нас—в руках рабочего класса. От него зависят концессии, их предмет и их размеры. Внешняя торговля монополизирована. Европейский капитал пытается пробить в монополии бреши. Но этому не бывать. Монополия внешней торговли имеет для нас принципиальное значение. Она служит одним из средств защиты против капитализма, который, конечно, не прочь бы на известных условиях *скупить* зарождающийся социализм, после того, как он оказался не в силах раздавить его военным путем... Как обстоит дело с концессиями теперь—об этом упоминал здесь тов. Ленин: много дискуссий, мало концессий. Чем же это объясняется? Да именно тем, что никакой капитуляции перед капитализмом с нашей стороны нет и не будет. Правда, не раз говорилось и писалось сторонниками восстановления связи с Советской Россией, что мировой капитализм, который переживает величайший кризис, нуждается в Советской России: Англия нуждается в русском рынке, Германия—в русском хлебе и т. д. и т. д. Казалось бы, это совершенно верно, если глядеть на мир пацифистски, т.-е. с точки зрения «здравого смысла», который ведь всегда очень пацифичен,—почему и остается в дураках. Казалось бы, что английскому капиталу надо бы изо всех сил устремиться в Россию; казалось бы, что французская буржуазия должна бы сюда направить немецкую технику, чтобы создать таким образом новые источники для уплаты германской контрибуции. Но этого не происходит. Почему? Потому, что мы живем в эпоху полного нарушения капиталистического равновесия, в эпоху пересекающихся кризисов—экономических, политических, военных,—в эпоху неустойчивости, неизвестности и постоянной тревоги. Это не дает возможности буржуазии вести политику, рассчитанную на большой период, ибо такая политика немедленно превращается в уравнение со слишком большим числом неизвестных. Торговый договор с Англией [242]) был, в конце концов, подписан. Но это произошло уже года полтора тому назад; на деле же мы покупаем у Англии только на золото, а концессии до сих пор в процессе обсуждения.

Если бы европейская буржуазия, и в первую голову английская, считала, что установление широкого сотрудничества с Россией может *немедленно* же внести серьезные улучшения в хозяйственное положение Европы, Ллойд-Джордж и компания, несомненно, довели бы дело в Генуе до другого результата. Но они

понимают, что сотрудничество с Россией не может внести *немедленно* больших и резких изменений. В несколько недель и даже месяцев русский рынок не уничтожит английской безработицы. Россия может лишь постепенно войти в хозяйственную жизнь Европы и мира все возрастающим фактором; по своим размерам, по своим естественным богатствам, по численности населения и особенно по ее пробужденной революцией активности, Россия может стать важнейшей хозяйственной силой Европы и мира, но не сразу, не завтра, а лишь в течение ряда лет. Она могла бы стать могущественным покупателем и поставщиком, если бы получила сейчас кредиты, а следовательно, и возможность ускорить свое экономическое развитие. Через пять, через десять лет она стала бы для Англии первостепенным рынком. Но надо для этого, чтобы английское правительство верило, что через десять лет оно будет существовать, и что английский капитал будет через десять лет достаточно силен, чтобы удержать за собой русский рынок. Другими словами, политика действительно экономического сотрудничества с Россией может быть лишь политикой на широкой основе. Но вся суть в том, что послевоенная буржуазия уже неспособна вести политику большого масштаба. Она не знает, что несет ей завтрашний и тем более послезавтрашний день. И это есть один из признаков ее исторического конца.

Этому, правда, как бы противоречит тот факт, что Лесли Уркарт [243]) пытался заключить договор на целые 99 лет. На самом деле, тут противоречие лишь мнимое. Расчет Уркарта простой и в своем роде безошибочный: если капитализм сохранится в Англии и во всем мире в течение 99 лет, то Уркарт сохранит свои концессии и в России. А если пролетарская революция разразится не через 99 лет и даже не через 9 лет, а гораздо ранее? Разумеется, Россия не станет таким местом, где экспроприированные собственники всего мира сохранят свою собственность. Но кому приходится терять голову, тот по волосам не плачет...

Еще в то время, когда мы впервые предлагали долгосрочные концессии, Каутский сделал вывод, что мы не верим в скорое наступление пролетарской революции. Теперь он прямо должен заключить, что мы отсрочиваем революцию, по меньшей мере, на 99 лет. Такой вывод, вполне достойный этого почтенного, но несколько помятого теоретика, был бы, однако, неосновательным. На самом деле, подписывая ту или другую концессию, мы берем на себя ответственность только за наше законодательство и за

нашу администрацию по отношению к этой концессии, но никак не за работу мировой революции. Эта последняя переступит через кое-какие бо̀льшие препятствия—не только через наши концессионные договоры.

Мнимую «капитуляцию» Советской власти перед капитализмом социал-демократы выводят не из анализа фактов и цифр, а из общих мест,—нередко из употребляемого у нас по отношению к нашему государственному хозяйству термина «государственный капитализм» [244]). Я не считаю этот термин ни точным, ни вообще счастливым. Тов. Ленин уже подчеркнул в своем докладе необходимость употреблять этот термин в кавычках, т.-е. пользоваться им с величайшей осторожностью. Это крайне необходимое указание, ибо не у всех эта осторожность налицо. А в Европе этот термин был совсем ложно понят, даже отчасти и в коммунистической среде. Многим кажется, что наша государственная промышленность есть подлинный государственный капитализм, в общепринятом у марксистов значении этого слова. Это, конечно, не так. Если это и «государственный капитализм», то в таких больших кавычках, что они должны быть больше самого термина. Почему? Совершенно ясно: при употреблении этого термина нельзя игнорировать классовую природу государства.

Не мешает напомнить, что самый этот термин социалистического происхождения. Жорес и за ним все вообще французские реформисты говорили о «последовательной социализации демократической республики». На это мы, марксисты, отвечали, что, пока власть в руках буржуазии, социализация—не есть социализация, и приведет она не к социализму, а только к государственному капитализму. Другими словами, индивидуальная собственность отдельных капиталистов на отдельные фабрики, железные дороги и пр. будет заменена коллективной собственностью той буржуазной фирмы, которая зовется государством, на целую группу предприятий, железных дорог и т. д. Поскольку у власти буржуазия, постольку она в целом через посредство государственного капитализма эксплоатирует пролетариат,—как отдельный буржуа, при помощи индивидуальной собственности, эксплоатирует «своих» рабочих. Таким образом, термин «государственный капитализм» был выдвинут или, во всяком случае, полемически употреблялся революционными марксистами против реформистов, с той целью, чтобы выяснить и показать, что действительная социализация начинается только после завоевания власти рабочим классом.

Реформисты, как известно, всю свою программу строили на реформах. Мы, марксисты, никогда не отрицали социалистических реформ. Но мы говорили, что эпоха социалистических реформ начнется только после завоевания власти пролетариатом. В этом было разногласие. Теперь власть в России в руках рабочего класса. Важнейшая промышленность в руках рабочего государства. Здесь нет классовой эксплоатации, значит, нет и капитализма, хотя налицо его формы. Промышленность рабочего государства есть по тенденциям своего развития социалистическая промышленность, но для своего развития она пользуется методами, созданными капиталистическим хозяйством и еще далеко нами не изжитыми.

При подлинном государственном капитализме, т.-е. при власти буржуазии, рост государственного капитализма означает обогащение буржуазного государства, усиление его могущества над рабочим классом. У нас рост государственной советской промышленности означает рост самого социализма, непосредственное усиление могущества пролетариата.

Что принципиально новые хозяйственные явления развиваются в старой оболочке, это мы в истории наблюдали не раз, притом в самых разнообразных комбинациях. Когда в России начинала развиваться промышленность, еще при крепостном праве, начиная с петровских времен и позже, заводы и фабрики, созданные по тогдашнему европейскому образцу, строились на крепостных началах, т.-е. к ним, в качестве рабочей силы, приписывались крепостные крестьяне (заводы эти назывались поссессионными заводами). Капиталисты Строгоновы, Демидовы [245]) и пр., владельцы этих предприятий, развивали капитализм в крепостной оболочке. Так и социализм делает неизбежно первые свои шаги в капиталистической оболочке. Перейти к законченным социалистическим методам нельзя путем прыжка через собственную голову, особенно, если она не очень вымыта и причесана, как наша российская, не в обиду нам будь сказано. Надо еще учиться и учиться.

Критерий производительности труда

Есть, однако, важный, в сущности, основной вопрос для определения жизненности общественного режима,—мы его еще до сих пор совершенно не касались,—это вопрос о производи-

тельности хозяйства, и не о производительности индивидуального труда только, но о производительности всего хозяйственного режима в целом. Историческое восхождение человечества в том и состоит, что режим, обеспечивающий более высокую производительность труда, сменяет режим с низшей производительностью. Если капитализм сменил собою старое феодальное общество, то только благодаря тому, что при господстве капитала человеческий труд более производителен. И социализм победит капитализм вполне и окончательно только потому и только тем, что обеспечит гораздо большее количество продуктов на единицу человеческой рабочей силы. Можем ли мы уже сейчас сказать, что наши государственные предприятия работают более производительно, чем они работали при капиталистическом режиме? Нет, этого еще нет. Не только американцы, англичане, французы или немцы работают на своих капиталистических фабриках лучше, производительнее, чем мы,—это имело место и до революции,—но мы сами работали до революции лучше, чем работаем сейчас. Это обстоятельство на первый взгляд может показаться очень грозным, с точки зрения оценки советского режима. Наши буржуазные враги, а за ними, разумеется, и социал-демократические критики, всемерно использовывают против нас факт низкой производительности нашего хозяйства. Французский представитель Кольра [246]) в Генуе в ответ Чичерину [247]) с буржуазной наглостью заявил, что советская делегация вообще-де не имеет права высказываться по экономическим вопросам, ввиду того хозяйственного состояния, в котором находится ныне Россия. Этот довод представляется на первый взгляд очень победоносным; но на самом деле он свидетельствует только о чрезвычайном историческом и экономическом невежестве. Конечно, было бы очень хорошо, если бы мы могли уже сегодня не теоретическими аргументами, выводимыми нами из опыта, а материальными аргументами обнаружить преимущества социализма, т.-е. показать, что наши заводы и фабрики, благодаря более централизованной и упорядоченной организации, дают более высокую производительность труда, чем такие же предприятия капиталистических стран или, по крайней мере, чем те же предприятия до революции— но этого нет, этого пока не может быть, этого нельзя достигнуть так скоро. То, что мы имеем сейчас,—это не социализм, противостоящий капитализму, а тяжкий процесс перехода от одного к другому и притом лишь первые наиболее мучительные шаги

этого перехода. Перефразируя известные слова Маркса, можно сказать, что мы страдаем от того, что у нас еще есть могущественные остатки капитализма и только начатки социализма.

Да, производительность труда у нас уменьшилась, благосостояние пало. В сельском хозяйстве урожай последнего года составляет, примерно, $^3/_4$ среднего урожая до войны. В промышленности дело обстоит еще более печально: мы имеем в этому году приблизительно $^1/_4$ довоенной продукции. Транспорт производит около $^1/_3$ довоенной работы. Факты эти очень печальны. Но разве иначе обстояло дело при переходе от феодального общества к буржуазному? Капиталистическое общество, богатое, хвалящееся своим богатством и своей культурой, возникло тоже из революции, притом чрезвычайно разрушительной. Объективная историческая задача: создать условия для более высокой производительности труда—была, в конце концов, разрешена буржуазной революцией, точнее, рядом революций. Но каким путем? Путем чрезвычайных опустошений и временного упадка материальной культуры. Возьмем пример той же самой Франции. Разумеется, г. Кольра, в качестве буржуазного министра, не обязан знать истории своего горячо любимого отечества. Но мы-то историю Франции и ее революции знаем. Возьмем ли реакционера Тэна [248]) или социалиста Жореса, мы найдем у них достаточно ярких фактов, характеризующих ужасающее состояние Франции после революции. И так велик был размах опустошений, что после 9 термидора, т.-е. на пятом году революции, нищета не ослабевала, а, наоборот, продолжала усугубляться. На десятом году французской революции, когда Наполеон Бонапарт [249]) был уже первым консулом, Париж, насчитывавший в то время полмиллиона душ населения, получал в день от 300 до 500 мешков муки, тогда как ему для голодного существования нужно было 1.500 мешков, и первый консул изо дня в день следил за количеством поступающих мешков. Это было—не забывайте!—на десятом году после начала Великой Французской Революции. К этому времени население Франции уменьшилось—от голода, эпидемий и войн—в 37 департаментах из 58. Незачем говорить, что английские Кольра и Пуанкаре той эпохи с величайшим презрением относились к разоренной Франции.

Что это все значит? Да только то, что революция очень жестокий и неэкономный способ разрешения вопроса. Но другого способа история не выдумала. Революция открывает двери но-

вому политическому строю, но она достигает этого путем разрушительной катастрофы. А у нас, к тому же, революции предшествовала война. Мы не в 10-ом году революции—не забывайте и этого!—а в начале 6-го года, и наша революция поглубже французской, которая заменила только одну форму эксплоатации другой формой, тогда как мы заменяем общество, построенное на эксплоатации, обществом, основанным на солидарности. Сотрясение очень большое, разрушения очень велики, разбитой посуды очень много,—и то, что сейчас прежде всего бросается в глаза, это издержки революции. Что же касается величайших завоеваний революции, то они реализуются только постепенно, в течение лет и десятилетий.

Как раз в последние дни мне подвернулась под руку одна речь, имеющая отношение к интересующему нас вопросу: это речь французского химика Бертело, сына знаменитого Бертело [250]). В качестве делегата академии наук, он высказал недавно следующую мысль (цитирую по газете «Temps»): «Во все периоды истории, как в области наук, так и в области политики и социальных явлений, вооруженным конфликтам всегда принадлежала грандиозная и страшная привилегия ускорять зарождение новых времен кровью и железом». Разумеется, г. Бертело имеет в виду прежде всего войны, но в основе он все же прав, потому что и войны, поскольку они служили делу революционного класса, давали громадный толчок историческому развитию; поскольку же они (а это происходило гораздо чаще) служили делу угнетателей, они нередко давали толчок движению угнетенных. В еще большей мере слова Бертело относятся к революции. «Вооруженные конфликты» между классами, приносящие великие разрушения, знаменуют в то же время «зарождение новых эпох». Стало быть, издержки революции не ложные расходы (не faux frais, как говорят французы). Нужно только не требовать процентов до истечения срока. И мы просим наших друзей подождать еще 5 лет, чтобы в 10-ом году революции, т.-е. в том году, когда Наполеон подсчитывал кули для голодного Парижа, мы могли доказать превосходство социализма над капитализмом в экономической области не умозрениями, а материальными фактами. И мы надеемся, что первые убедительные факты к тому времени будут уже налицо.

Но нет ли все же на пути к этим будущим успехам опасности капиталистического перерождения нашего режима— имен-

но вследствие крайне печального состояния промышленности в настоящий момент? Крестьянство собрало в этом году, как мы уже сказали, около $^3/_4$ довоенного урожая. Промышленность же дала всего $^1/_4$ довоенной производительности. Тем самым соотношение между городом и деревней чрезвычайно нарушено, притом в ущерб городу. Государственная промышленность при этих условиях не сможет дать крестьянину эквивалентного продукта за его хлеб, и крестьянские излишки, выброшенные на рынок, станут основой частно-капиталистического накопления. Разумеется, в основе своей это рассуждение правильно: рыночные отношения, с какими бы целями мы их ни восстановили, имеют свою логику. Но здесь опять-таки важно установить правильные количественные соотношения. Если бы крестьянство выбрасывало весь свой урожай на рынок, это грозило бы, при ослаблении промышленности в четыре раза, тягчайшими последствиями для социалистического развития. Но на самом деле крестьянство производит, главным образом, для собственного потребления. Сверх этого оно уплачивает в настоящем году государству свыше 350.000.000 пудов продовольственного налога. Только излишки сверх собственного потребления и сверх налога выбрасываются им на рынок. А это вряд ли многим больше 100.000.000 пудов в нынешнем году, причем значительная, если не значительнейшая часть этих ста миллионов закупается кооперацией или государственными учреждениями. Таким образом, государственная индустрия противостоит не всему крестьянскому хозяйству в целом, а лишь той его, незначительной пока части, которая выбрасывается на рынок. Только эта часть (или, вернее, часть этой части) становится источником частно-капиталистического накопления. В дальнейшем эта часть будет, несомненно, расти. Но параллельно будет расти и производительность объединенной государственной промышленности. И нет решительно никаких оснований думать, что рост государственной промышленности будет отставать от сельско-хозяйственного подъема. Мы сейчас увидим, что мудренейшая и глубокомысленнейшая критика господ теоретиков усопшего двухсполовинного Интернационала основана, главным образом, на неведении или непонимании элементарнейших экономических отношений России, как они складываются в конкретной обстановке пространства и времени.

О социал-демократической критике

К нашему 4-му юбилею, т.-е. год тому назад, Отто Бауэр посвятил нашему хозяйству брошюру, в которой он говорит о нашей новой экономической политике в корректно-прилизанной форме все то, что с пеной у рта излагают обычно наши более темпераментные враги из социал-демократического лагеря. Во-первых, новая экономическая политика есть «капитуляция перед капитализмом», но тем-то именно она и хороша, по Бауэру, тем-то она и реалистична (эти господа реалистичность всегда видели и видят в том, чтобы при первом подходящем случае стать на колени перед буржуазией). В конечном своем результате, поучает нас Бауэр, русская революция не может привести ни к чему иному, как к буржуазно-демократической республике, и он, Бауэр, предсказал это уже, видите ли, в 1917 г. Однако мы помним, что в 1919 г. «предсказания» этих плачевных героев $2^1/_2$ Интернационала звучали несколько иначе. Тогда они говорили о крушении капитализма и наступлении социально-революционной эпохи. Но никакой дурак не поверит, что, если во всем мире капитализм приближается к гибели, то в революционной России, где властвует рабочий класс, должен еще только начаться период капиталистического расцвета! Итак, в 1917 г., когда Отто Бауэр еще сохранял девственную австро-марксистскую веру в незыблемость капитализма и габсбургской монархии, он писал, что русская революция может привести только к созданию буржуазного государства. Но социалистический оппортунизм всегда импрессионистичен в политике. Застигнутый врасплох революцией и захлебываясь в ее волнах, он в 1919 году признал: это крушение капитализма, это начало социально-революционной эпохи! Но так как теперь, слава богу, волны революции снова отхлынули, то наш мудрец спешно возвращается к своему пророчеству от 1917 г.; ибо, как мы уже знаем, у него, к счастью, два пророчества наготове, и он может использовать их по желанию. Далее Бауэр рассуждает так: «Мы видим, таким образом, что возрождается капиталистическое хозяйство (в России); капиталистическое хозяйство, над которым властвует новая буржуазия, опирающаяся на миллионы крестьянских хозяйств; к ней, к этой буржуазии, поневоле должны приспособляться законодательство и управление государством». Вы видите теперь, что представляет собой наша Совет-

ская Россия? Уже год тому назад этот господин заявлял, что хозяйство и государство находятся у нас под властью новой буржуазии. Это сдача в аренду предприятий, плохо оборудованных и занимающих, как я вам рассказывал, около 50 тысяч рабочих—против миллиона рабочих в лучших государственных предприятиях,—есть «капитуляция советской власти перед промышленным капиталом»!

Чтобы дать этим столь же нелепым, сколь и наглым утверждениям надлежащую историческую оправу, Бауэр утверждает: «после долгих колебаний советское правительство решилось теперь, наконец (!!), признать иностранные долги царского правительства». Словом: одна капитуляция за другой!..

Так как не все товарищи, разумеется, помнят в точности нашу историю, то я напомню, что еще 4 февраля 1919 года мы сделали всем капиталистическим правительствам следующие предложения по радио: 1) признание долговых обязательств России; 2) отдача в залог нашего сырья, в качестве гарантии уплаты займов и процентов; 3) предоставление концессий—по их вкусу; 4) территориальные уступки в форме военной оккупации некоторых областей вооруженными силами Антанты или ее русских агентов.

Все это мы предложили капиталистическому миру радиотелеграммой от 4 февраля 1919 г. в обмен за то, чтобы нас оставили в покое. А в апреле того же года мы повторили наши предложения еще подробнее и точнее неофициальному американскому уполномоченному—как его звали, этого парня?.. Да, Буллит [251])... Так вот, товарищи, если сравнить эти предложения с теми, которые были отвергнуты нашими представителями в Генуе и Гааге [252]), то станет очевидным, что на этом пути мы двигались не в направлении расширения уступок, а, наоборот, в направлении более твердого отстаивания наших революционных завоеваний. Сейчас мы никаких долгов не признали; никакого сырья не даем и не собираемся давать в залог; очень сдержанны в вопросе о концессиях; и уж во всяком случае не согласны терпеть никаких оккупационных войск на нашей территории! Кое-что изменилось с 1919 года...

Мы уже слышали от Отто Бауэра, что все это развитие ведет к «демократии». «Снова подтверждается,—поучает нас ученик Каутского и учитель Мартова,—что за переворотом в области экономического базиса должен последовать и переворот

во всей политической надстройке». Совершенно верно—между базисом и надстройкой, в общем и целом, существует именно то взаимоотношение, какое указывает Бауэр. Но, во-первых, экономический базис Советской России изменяется не совсем так, как изображает Отто Бауэр, и не совсем так, как хочет Лесли Уркарт, слово которого в этом вопросе, нужно признаться, имеет больший вес, чем слово Бауэра. А во-вторых, поскольку экономический базис действительно изменяется в сторону капиталистических отношений, эти изменения происходят таким темпом и в таком масштабе, что мы отнюдь не рискуем потерять политический контроль над этим экономическим процессом.

Под чисто политическим углом зрения вопрос пока-что сводится к тому, что правящий рабочий класс делает те или другие, очень значительные уступки буржуазии. Но отсюда до «демократии», т.-е. до передачи власти в руки капиталистов, еще очень далеко. Для достижения этой цели буржуазии нужен был бы победоносный контр-революционный переворот. А для переворота ей нужны были бы соответственные силы. В этом отношении мы кое-чему научились на примере самой же буржуазии. В течение всего XIX столетия она только и делала, что чередовала репрессии с уступками в пользу мелкой буржуазии, крестьянства, верхов рабочего класса, нещадно эксплоатируя в то же время трудящиеся массы. Уступки эти имели то политический, то экономический, то комбинированный характер. Но это были всегда уступки со стороны правящего класса, сохранявшего в своих руках государственную власть. Некоторые из ее экспериментов в этой области казались вначале очень рискованными, например, введение всеобщего избирательного права. Маркс назвал законодательное сокращение рабочего времени в Англии победой нового принципа. Какого? Принципа рабочего класса. Но от частичной победы этого принципа до завоевания политической власти английским рабочим классом оказался, как мы это хорошо знаем, весьма продолжительный путь. Правящая буржуазия отмеряла уступки. Государственная бухгалтерия оставалась в ее руках. Ее правящие политики решали, сколько можно дать не только без опасности для сохранения власти, но, наоборот,—с выгодой для укрепления буржуазного господства. Мы, марксисты, не раз говорили, что буржуазия исчерпала свою историческую миссию. Между тем, она сохраняет в своих руках власть до сегодняшнего дня. Это значит, что

взаимоотношение между экономическим базисом и политической надстройкой вовсе не так прямолинейно. Мы видим, что классовый режим держится в течение десятилетий после того, как он пришел уже в явное противоречие с потребностями экономического развития.

Какие же теоретические основания утверждать, что уступки рабочего государства буржуазным отношениям должны автоматически вести за собой смену рабочего государства государством капитала? Если верно, что капитализм исчерпал себя в международном масштабе,—а это безусловно верно,—то тем самым утверждается прогрессивная историческая роль рабочего государства. Уступки, которые делаются рабочим государством буржуазии, представляют собой только компромиссы, вызываемые трудностями развития, но само развитие исторически предопределено и обеспечено. Разумеется, если бы наши уступки развивались без ограничения, умножались, накоплялись; если бы мы стали сдавать в аренду все новые и новые группы национализированных промышленных предприятий; если бы мы стали сдавать в концессию важнейшие источники добывающей промышленности или железные дороги; если бы наша политика катилась по наклонной плоскости уступок в течение ряда лет,—перерождение экономического базиса неизбежно привело бы к крушению политической надстройки. Мы говорим о крушении, а не о перерождении, потому что власть из рук коммунистического пролетариата капитал мог бы вырвать не иначе, как в результате ожесточенной и беспощадной гражданской войны. Но кто ставит вопрос так, тот тем самым предполагает жизненность и долговечность господства мировой и европейской буржуазии. К этому все сводится. Социал-демократические теоретики, которые, с одной стороны, признают в воскресных статьях, что капитализм, особенно в Европе, пережил себя и стал тормозом исторического развития, а, с другой стороны, выражают уверенность в том, что эволюция Советской России неизбежно ведет ее к торжеству буржуазной демократии, впадают в самое жалкое и плоское противоречие, вполне достойное этих тупых и чванных конфузионистов. Новая экономическая политика рассчитана на определенные условия пространства и времени: это маневрирование рабочего государства, живущего еще в капиталистическом окружении и твердо рассчитывающего на ре-

волюционное развитие Европы. Оперировать в решении вопроса о судьбе Советской Республики с абсолютными категориями капитализма и социализма, которым «адэкватны» соответственные политические надстройки,—значит ничего не понимать в условиях переходной эпохи; значит быть схоластом, а не марксистом. Нельзя выключать из политических расчетов такой фактор, как время. Если допустить, в самом деле, что капитализм будет существовать в Европе еще столетие или полстолетия и что Советская Россия должна будет к нему приспособляться в своей хозяйственной политике,—тогда вопрос разрешается сам собою, ибо этим допущением мы заранее предполагаем крушение пролетарской революции в Европе и наступление новой эпохи капиталистического возрождения. На каком таком основании? Если Отто Бауэр в жизни нынешней Австрии открыл чудесные признаки капиталистического воскресения, тогда, что и говорить, участь Советской России предрешена. Но мы пока чудес не видим и в чудеса не верим. С нашей точки зрения, обеспечение власти европейской буржуазии на ряд десятилетий обозначало бы в нынешних мировых условиях не новый расцвет капитализма, а хозяйственное гниение и культурный распад Европы. Что такой процесс мог бы увлечь в пропасть и Советскую Россию, этого, вообще говоря, отрицать нельзя. Пришлось бы ей при этом проходить через стадию демократии, или она загнила бы в других формах—это уже вопрос второстепенный. Но мы не видим никакого основания становиться под знамя философии Шпенглера [253]). Мы твердо рассчитываем на революционное развитие в Европе. Новая экономическая политика есть только приспособление к темпу этого развития.

Отто Бауэр и сам как бы чувствует, что из тех изменений, которые происходят в нашей экономике, вовсе не так непосредственно вытекает режим демократии. Он поэтому очень трогательно уговаривает нас помочь капиталистическим тенденциям развития против социалистических тенденций. Бауэр говорит: «Воссоздание капиталистического хозяйства не может происходить под диктатурой коммунистической партии. Новый курс в народном хозяйстве требует нового курса в политике». Разве же это не трогательно до слез? Тот самый человек, который столь содействовал экономическому и политическому расцвету Австрии, убеждает нас: «поймите, ради бога, что капитализм никак не может расцвесть под диктатурой вашей партии». Но ведь

именно потому-то—не в обиду будет сказано всем Бауэрам—мы и сохраняем диктатуру нашей партии

Уступки капитализму отмеряет у нас коммунистическая партия, как руководительница рабочего государства. Сейчас в нашей печати ведется широкое обсуждение вопроса о концессии Лесли Уркарта. Сдавать или не сдавать? Дискуссия имеет своей целью выяснить как конкретные материальные условия договора, так и оценить концессию с точки зрения ее места в общей системе советского хозяйства. Не слишком ли велика концессия? Не слишком ли глубоко внедрится капитал через эту концессию в самую сердцевину нашего промышленного хозяйства? Таковы вопросы. Кто их решает? Рабочее государство. Разумеется, НЭП заключает в себе огромную уступку буржуазным отношениям и самой буржуазии. Но размеры этой уступки как раз определяем мы. Мы—хозяева. У нас ключ от двери. Государство есть само по себе огромной важности фактор хозяйственной жизни. И мы ни мало не собираемся выпускать этот фактор из рук.

Мировое положение и революционные перспективы

Повторяем: пророчества социал-демократов относительно последствий нашей новой экономической политики целиком вытекают из признания безнадежности пролетарской революции в Европе в ближайшую историческую эпоху. Мы не можем помешать этим господам оставаться пессимистами за счет пролетариата и оптимистами за счет буржуазии: в этом и состоит историческое призвание эпигонов II Интернационала. Что касается нас, то мы не имеем оснований подвергать сомнениям или изменениям тот взгляд на мировое положение, который был формулирован нами в тезисах, одобренных III конгрессом Коминтерна. За истекшие после того полтора года капитализм ни на шаг не приблизился к восстановлению своего равновесия, окончательно подорванного войной и ее последствиями. Английский министр иностранных дел, лорд Керзон, очень недурно охарактеризовал мировое положение в речи, которую он произнес 9 ноября, как раз в день рождения германской республики. Я приведу из нее несколько фраз,—они этого заслуживают:

«Все державы,—говорит Керзон,—вышли из войны со слабыми, надломленными силами. Мы (англичане) несем тяжкое

иго налогов, которое давит на промышленность страны. У нас множество безработных во всех отраслях труда... Что касается до положения Франции, то эта страна обременена колоссальной задолженностью и не в состоянии добиться репараций... Германия находится в состоянии политической неустойчивости, а ее хозяйственная жизнь надломлена страшным валютным кризисом... Россия все еще находится вне семьи европейских народов, она все еще стоит под знаменем коммунизма (Керзон, значит, не совсем согласен на этот счет с Отто Бауэром) и продолжает свою коммунистическую пропаганду во всех частях мира (что вовсе неверно). Италия,—продолжает Керзон,—пережила много внутренних потрясений и правительственных кризисов (далеко не пережила, а еще только переживает)... Ближний Восток находится в состоянии полного хаоса. Такое положение дел ужасно».

Лучше Керзона вести пропаганду в мировом масштабе не могли бы и мы, русские коммунисты. «Такое положение дел ужасно»—констатирует к 5-му юбилею Советской Республики авторитетный представитель наиболее сильного европейского государства. И он прав: положение ужасно. Из этого ужасного положения,—добавляем мы,—необходимо выйти. Выход же один: *революция*.

Мне случилось как-то на вопрос одного итальянского корреспондента о том, как мы оцениваем теперь мировое положение, дать следующий, довольно, впрочем, банальный ответ: буржуазия уже неспособна к власти,—что, как мы только что слышали, подтверждает по существу господин Керзон,—рабочий класс еще не способен захватить власть. Этим определяется злосчастный характер нашей эпохи. Таковы были, примерно, мои слова. И вот три или четыре дня тому назад я получаю из Берлина от одного из друзей вырезку из одного из последних, предсмертных номеров «Фрейхейт» [254]), где, под заголовком: «Победа Каутского над Троцким», говорится о том, что «Роте Фане» [255]) не имеет достаточно смелости, чтобы выступить против моей капитуляции перед Каутским, хотя, как вы знаете, товарищи, «Роте Фане» всегда имела достаточно смелости, чтобы выступать против меня,—даже и тогда, когда я бывал прав. Но, впрочем, это относится к III конгрессу, а не к IV. Итак, я сказал итальянскому журналисту: «Капиталисты уже неспособны, а рабочие еще неспособны к власти, таков характер нашей эпохи». И вот,

по поводу этих слов блаженной памяти «Фрейх йт» говорит: «То, что Троцкий высказывает здесь, как *свой* взгляд, было до сих пор мнением *Каутского*». Итак, я почти что повинен в плагиате. Это—тяжкое наказание за банальное интервью. Должен сказать, что давать интервью не очень привлекательнсе занятие, и дается у нас интервью не по доброй воле, а по строгому предписанию нашего друга Чичерина. Как видно, и в эпоху новой экономической политики, когда мы отказались от излишнего централизма, кое-что остается у нас централизованным: во всяком случае, ордера на интервью централизованы в Комиссариате Иностранных Дел. А раз уже приходится давать интервью, то говоришь, конечно, самые плоские вещи, какие только имеешь про запас. И признаюсь, в том случае, о котором идет речь, я меньше всего подозревал, что мое замечание насчет межеумочного характера нашей эпохи представляет патентованное изобретение. Теперь оказывается, если верить «Фрейхейт», что духовным отцом этого афоризма является Каутский. Если бы это было верно, то я оказался бы слишком уж строго наказанным за свое интервью. Ибо все, что Каутский теперь говорит или пишет, имеет единственной видимой целью доказать, что марксизм—это одно, а маразм—совсем другое. Да, я констатировал и сейчас констатирую неоспоримый факт, что европейский пролетариат, в нынешнем его состоянии, неспособен сейчас, в данный момент, овладеть властью. Но почему? Да потому именно, что широкие круги рабочего класса не вышли еще из-под растлевающего влияния идей, предрассудков и традиций, выражением которых является каутскианство. Именно этим, и даже только этим, вызывается сейчас политическая расколотость пролетариата и его неспособность овладеть властью. Эту простую мысль я и высказал итальянскому корреспонденту. Правда, я не называл при этом Каутского, но только потому, что умные люди и без того должны понять, против кого и против чего направлена моя мысль. Такова моя «капитуляция» перед Каутским.

У Коммунистического Интернационала нет и не может быть причин капитулировать перед кем бы то ни было—теоретически или практически. Тезисы третьего конгресса о мировом положении безусловно правильно охарактеризовали основные черты нашей эпохи, как эпохи великого исторического кризиса капитализма. На третьем конгрессе мы настаивали на необходимости различать большой или исторический кризис капитализма—

и малые или конъюнктурные кризисы, составляющие необходимый этап каждого торгово-промышленного цикла. Вы помните, что по этому поводу были большие прения как в комиссии конгресса, так и отчасти в пленуме. Мы защищали против ряда товарищей тот взгляд, что в историческом развитии капитализма нужно строго различать два ряда кривых: *основную*— которая знаменует развитие капиталистических производственных сил, рост производительности труда, накопление богатств и пр., и *циклическую* кривую, характеризующую периодические волны подъема и кризиса, повторяющиеся в среднем каждые девять лет. Соотношение между этими двумя кривыми в марксистской литературе,—да и вообще, насколько я знаю, в экономической литературе—до сих пор совершенно не освещено. Между тем, вопрос имеет колоссальную важность—и теоретическую и политическую.

С середины 90-х годов основная кривая капиталистического развития резко поднимается вверх. Европейский капитализм проходит через свою кульминацию. В 1919 году разразился кризис, который был не только очередным циклическим колебанием, но и началом эпохи длительного экономического застоя. Империалистская война явилась попыткой вырваться из тупика. Попытка не удалась, и глубокий исторический кризис капитализма только обострился. Однако в пределах этого исторического кризиса неизбежны циклические волны, то-есть кризисы и подъемы, с той, однако, глубокой разницей по сравнению с довоенным периодом, что нынешние циклические кризисы отличаются резко выраженным характером, тогда как нынешние подъемы имеют гораздо более поверхностный и слабо выраженный характер. В 1920 году начался—на основе общего капиталистического распада—острый циклический кризис. Некоторые товарищи, из так называемых «левых», считали, что этот кризис будет непрерывно углубляться и обостряться до пролетарской революции. Мы же предсказывали неизбежность, в более или менее близком будущем, перелома экономической конъюнктуры в сторону некоторого улучшения. Более того, мы выражали уверенность, что такого рода перелом конъюнктуры не только не ослабит революционного движения, а придаст ему, наоборот, новые силы, Жестокий кризис 1920 года тяжко придушил рабочие массы, временно порождая в их среде настроение выжидательной пассивности и даже безнадежности. В этих условиях улучше-

ние конъюнктуры неизбежно должно было вызвать повышение самочувствия рабочих масс и оживление классовой борьбы. Некоторые товарищи серьезно думали тогда, что в таком прогнозе выражается наклон к оппортунизму и стремление отсрочить революцию на неопределенное время. Отголоски таких наивных взглядов ярко запечатлены в протоколах Иенского съезда нашей немецкой партии [256]).

Представим теперь себе, товарищи, в каком положении мы все оказались бы сегодня, если бы полтора года тому назад приняли и усыновили эту чисто механическую теорию «левых» о непрерывно обостряющемся торгово-промышленном кризисе! Сейчас ни один здравомыслящий человек не станет отрицать, что перелом конъюнктуры наступил. В Соединенных Штатах, т.-е. в самой могущественной капиталистической стране, мы наблюдаем явный промышленный подъем. В Японии, в Англии, во Франции улучшение экономической конъюнктуры несравненно слабее, но самый факт перелома и здесь налицо. Насколько длителен будет подъем и какой он достигнет высоты—это вопрос другой. Мы ни на минуту не можем забывать, что улучшение конъюнктуры развертывается на основе мирового и особенно европейского капиталистического распада. Причины этого распада не задеваются конъюнктурными изменениями рынка. Но, с другой стороны, и распад не устраняет конъюнктурных изменений. Мы были бы вынуждены сегодня подвергнуть новой теоретической проверке наш основной взгляд на революционный характер текущей эпохи, если бы полтора года тому назад мы уступили левым, которые валили в одну кучу исторический кризис капиталистической системы хозяйства и циклические конъюнктурные колебания рынка и требовали от нас признания того чисто метафизического взгляда, будто кризис при всех и всяких обстоятельствах является революционным фактором. Теперь же у нас нет никакого основания подвергать ревизии наши решения. Не потому считали мы нашу эпоху революционной, что в 1920 году острый конъюнктурный кризис сменил фиктивный подъем 1919 года, а на основании нашей общей оценки мирового капитализма и борьбы его основных сил. Для того, чтобы этот урок ни для кого не пропал даром, нам нужно подтвердить полную правильность тезисов третьего конгресса, целиком сохраняющих силу и для нынешнего момента.

Основная идея решений III конгресса такова. После войны массы были охвачены революционным настроением и готовностью к открытой борьбе. Но не было революционной партии, способной вести их к победе. Отсюда поражение революционных масс в различных странах, упадок настроения, пассивность. Сейчас революционные партии существуют во всех странах, но они опираются непосредственно только на часть рабочего класса—точнее сказать, на меньшинство его. Коммунистическим партиям нужно завоевать доверие подавляющего большинства рабочего класса. Убедившись на опыте в правильности, твердости и надежности коммунистического руководства, рабочий класс стряхнет с себя разочарование, пассивность, выжидательность—и тогда откроется эпоха последнего штурма. Как близок этот час? Мы этого не предсказываем. Но задачу сегодняшнего дня III конгресс определил как борьбу за влияние на большинство рабочего класса. С того времени прошло полтора года. Мы сделали, несомненно, крупные успехи. Но задача пока остается той же: нужно завоевать доверие подавляющего большинства трудящихся. Это может и должно быть достигнуто в процессе борьбы за переходные требования под общим лозунгом единого пролетарского фронта.

Сейчас мировое рабочее движение стоит под знаком наступления капитала. Вместе с тем, даже в странах, как Франция, где рабочее движение год-полтора тому назад переживало период удручающего затишья, мы видим ныне несомненный рост готовности рабочего класса к отпору. Стачки во Франции, несмотря на крайне недостаточное руководство, учащаются и принимают крайне напряженный характер, свидетельствующий о возрастающей боеспособности рабочих масс. Отсюда постепенное углубление и обострение классовой борьбы. Наступлению капитала соответствует сосредоточение государственной власти в руках наиболее реакционных элементов буржуазии. Но в то же самое время мы видим, как, идя навстречу обострению классовой борьбы, буржуазное общественное мнение, с молчаливого полусогласия правящих клик, подготовляет для себя новую ориентацию—влево, в сторону реформистского и пацифистского обмана. Во Франции у власти стоит архи-реакционный националистический блок, руководимый Пуанкаре [257]), и в то же время систематически подготовляется победа левого блока, который, разумеется, охватит собой и господ социалистов. В Англии сей-

час происходят общие выборы. Из-за распада коалиции Ллойд-Джорджа они наступили раньше, чем ожидались. Сейчас еще неизвестно, кто победит, может быть, к власти вернется прежняя крайняя империалистская группировка *). Но если она даже и победит, то, вероятно, не надолго. В Англии, как и во Франции, явно подготовляется новая парламентарская ориентировка буржуазии. Методы открыто империалистские, агрессивные—методы Версальского мира, Фоша [258]), Пуанкаре, Керзона—явно упираются в тупик. Франция не может получить с Германии того, чего у Германии нет. В свою очередь Франция не может платить своих долгов. Антагонизм Англии и Франции возрастает непрерывно. Америка не хочет отказаться от получения уплаты по долгам. И среди средних и особенно мелко-буржуазных слоев населения накопляются реформистски-пацифистские настроения: нужно бы договориться с Германией, с Россией, расширить Лигу Наций, смягчить бремя милитаризма, получить заем у Америки и т. д., и т. д. Военно-оборонческие иллюзии, идеи и лозунги национализма, шовинизма, затем надежды на великие плоды побед—словом, иллюзии, которые захватили в странах Антанты и значительную часть самого рабочего класса, сменяются отрезвлением и разочарованием; такова почва для роста левого блока во Франции, так называемой Рабочей партии [259]) и независимых либералов [260]) — в Англии. Разумеется, никакой серьезной перемены политики от реформистски-пацифистской ориентации буржуазии ждать нельзя. Объективные условия капиталистического мира ныне меньше всего приспособлены для реформизма и пацифизма. Но весьма вероятно, что понадобится еще практическое крушение этих иллюзий прежде, чем станет возможна революционная победа.

Мы говорили до сих пор только об Антанте, но совершенно очевидно, что если бы во Франции у власти стояли радикалы [261]) и социалисты, а в Англии—рабочие оппортунисты и независимые либералы, это неизбежно вызвало бы в Германии новый прилив соглашательских и пацифистских надежд: с демократическими правительствами Англии и Франции можно-де договориться, можно получить отсрочку по платежам и даже скидку, можно при их содействии получить заем в Америке и пр. А кто же более приспособлен для соглашения с французскими ради-

---

*) Победили, как известно, консерваторы.

калами, социалистами и английскими трудовиками, как не германские социал-демократы?..

Конечно, события могут развернуться и острее. Не исключена возможность того, что репарационная проблема [262]), французский империализм, итальянский фашизм [263]) доведут дело до революционной развязки, не дав буржуазии времени выдвинуть вперед свое левое крыло. Но слишком многое говорит за то, что буржуазия вынуждена будет прибегнуть к реформистской и пацифистской ориентировке прежде, чем пролетариат почувствует себя подготовленным для решающего наступления. Это будет означать эпоху европейской керенщины. Конечно, лучше было бы ее миновать: это не очень вкусное блюдо—керенщина, да еще в мировом масштабе. Но выбор исторических путей зависит от нас только до некоторой степени. При известных условиях мы примем и европейскую керенщину, как приняли в свое время русскую. Наша задача будет состоять в том, чтобы превратить эпоху реформистского и пацифистского обмана в прямое вступление к завоеванию власти революционным пролетариатом. У нас керенщина длилась всего-на-всего около девяти месяцев. Сколько времени продлится она у вас, если ей суждено вообще наступить? На этот вопрос сейчас, разумеется, нельзя дать ответа. Это зависит от того, как быстро произойдет ликвидация реформистских и пацифистских иллюзий, то-есть в значительной мере от того, с какой ловкостью будут маневрировать ваши Керенские, которые, в отличие от наших, знают, по крайней мере, таблицу умножения. Но это зависит также и от того, с какой энергией, решительностью, гибкостью будет маневрировать наша собственная партия.

Совершенно очевидно, что эпоха реформистски-пацифистских правительств стала бы временем возрастающего натиска рабочих масс. Наша задача состояла бы в том, чтобы овладеть этим натиском, стать во главе его. Но для этого нужно, чтобы наша партия вступила в эпоху пацифистского обмана совершенно очищенной от пацифистских и реформистских иллюзий. Горе той коммунистической партии, которая сама в большей или меньшей степени оказалась бы захлестнута пацифистской волной! Неизбежное крушение пацифистских иллюзий означало бы вместе с тем крушение такой партии. Рабочему классу пришлось бы снова, как это было с ним в 1919 г., искать вокруг себя той партии, которая его еще не обманула... Вот почему проверка

наших рядов и их очищение от чужеродных элементов является первостепенной нашей задачей в эту эпоху революционной подготовки. Один французский товарищ, именно Фроссар [264]), сказал однажды: «Le parti c'est la grande amitié» (партия, это—великая дружба). Формула эта затем часто повторялась и другими. И действительно, нельзя отрицать, что формула сама по себе очень привлекательная, и в известном смысле каждый из нас готов под ней подписаться. Нужно только твердо помнить, что партия не рождается, как великая дружба, а превращается в великое содружество путем глубокой борьбы, внешней и, если нужно, внутренней, путем очищения рядов, путем тщательного и, если нужно, беспощадного отбора лучших элементов рабочего класса, беззаветно преданных делу революции. Другими словами, прежде чем стать великим содружеством, партия должна пройти через великий отбор!

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ *)

1. Вопрос о путях хозяйственного развития Советской России должен быть оценен и понят сознательными рабочими всего мира как с точки зрения судеб первой в мире рабочей республики, ее прочности, устойчивости, повышения ее благосостояния, ее приближения к социализму, так и с точки зрения тех уроков и выводов, которые вытекают из русского опыта для хозяйственного строительства пролетариата других стран, после завоевания им государственной власти.

2. Методы и темп хозяйственного строительства победоносного пролетариата определяются: а) уровнем развития производительных сил как в хозяйстве в целом, так и в отдельных его отраслях, в особенности—соотношением между промышленностью и крестьянским хозяйством; б) культурным и организационным уровнем пролетариата, как правящего класса; в) политической ситуацией, сложившейся после завоевания пролетариатом власти (сопротивлением низвергнутых буржуазных классов, поведением мелкой буржуазии и крестьянства, размахом и разрушительностью гражданской войны, наличностью внешних военных интервенций и пр.).

Совершенно очевидно, что, чем выше уровень производительных сил в стране и культурно-организационный уровень пролетариата, чем слабее сопротивление низвергнутых классов, тем ровнее, систематичнее, скорее и успешнее победоносный пролетариат может перевести хозяйство с капиталистических основ на социалистические.

---

*) Настоящие тезисы представляют собою конспект доклада, прочитанного мною на IV конгрессе Коминтерна по вопросу о хозяйственном положении Советской России и перспективах мировой революции. *Л. Т.*

В силу своеобразного сочетания исторических условий, первой вступила на путь социалистического развития Россия —страна хозяйственно отсталая, несмотря на высокую концентрацию важнейших отраслей ее промышленности,—страна с отсталыми в культурном и организационном отношении рабочими и крестьянскими массами, несмотря на крайне высокие революционно-политические качества пролетарского авангарда.

Этими противоречиями в хозяйственном, социальном и политическом строении России, а также и тем фактом, что Советская Республика в течение всего своего существования оставалась и остается в капиталистическом окружении, определяются судьбы хозяйственного строительства рабоче-крестьянской власти, повороты этого строительства в смысле нынешней, так называемой новой экономической политики.

3. Поголовная экспроприация не только крупной и средней, но и мелкой буржуазии города и деревни была мерой не экономической целесообразности, а политической необходимости. При продолжавшемся господстве капитализма во всем мире не только крупная, но и мелкая буржуазия России не хотела верить в устойчивость рабочего государства и являлась резервуаром для помещичье-буржуазной контр-революции. Сломить сопротивление этой последней и тем отстоять Советскую власть можно было в этих условиях не иначе, как полной экспроприацией буржуазии и кулацких верхов деревни. Только такая решительная и беспощадная политика, поставившая колеблющиеся крестьянские массы пред необходимостью выбирать между помещичьей реставрацией и рабочим государством, обеспечила победу этого последнего.

4. Рабочее государство оказалось, следовательно, уже на первых шагах своей деятельности обладателем всех промышленных предприятий, вплоть до самых мелких. Внутреннее соотношение различных отраслей промышленности, в том числе—и в первую голову—основных, было уже до того совершенно нарушено и искажено перестройкой промышленности во время войны и для войны. Личный состав управляющего хозяйственно-административного аппарата находился либо в эмиграции, либо на белых фронтах, а если на советской службе, — то в качестве саботажников.

Завоевание и удержание власти рабочим классом было куплено ценою быстрого и беспощадного разрушения всего буржуаз-

ного аппарата управления хозяйством, сверху донизу как в отдельном предприятии, так и во всей стране.

Таковы те условия, в которых сложился так называемый «военный коммунизм».

5. Самой неотложной задачей нового режима было—обеспечить продовольствием города и армию. Уже империалистская война заставила от свободы хлебной торговли перейти к монополии. Разрушив, под давлением потребностей гражданской войны, все организации торгового капитала, рабочее государство не могло, разумеется, начать с восстановления свободной хлебной торговли. Оно оказалось вынужденным заменить разрушенный торговый аппарат государственным—на основе принудительного изъятия излишков крестьянского хозяйства.

Распределение продовольственных и иных потребительских ресурсов приняло форму уравнительного государственного пайка, почти вне зависимости от квалификации и производительности труда. Этот «коммунизм» был справедливо назван *военным* не только потому, что заменил хозяйственные методы военными, но и потому, что служил в первую голову военным целям. Дело шло не о том, чтобы обеспечить планомерное развитие хозяйства в создавшихся условиях, а о том, чтобы обеспечить продовольствие армии на фронтах и спасти рабочий класс от вымирания. Военный коммунизм—это режим осажденной крепости.

6. В области промышленности был создан, на основе профсоюзов и при их помощи, грубый централизованный аппарат, имевший своей непосредственной целью извлечь из расстроенной вконец войной, революцией и саботажем промышленности, хотя бы минимум продуктов, необходимых, в первую голову, для ведения гражданской войны. Подобие единого плана достигалось тем, что наличные производительные силы использовывались лишь в незначительной своей части.

7. Если бы за победой русского пролетариата последовала вскоре победа пролетариата западно-европейского, то это не только сократило бы в чрезвычайной степени гражданскую войну в России, но и открыло бы перед русским пролетариатом новые организационные и технические возможности, неразрывно связав хозяйство Советской России с более высоким хозяйством других пролетарских стран. При этом условии переход от «военного коммунизма» к подлинному социализму произошел бы, несомненно, в более короткий срок и без тех потрясений и отступле-

ний, которые пришлось пережить изолированной пролетарской России за эти 5 лет.

8. Экономическое отступление—или, вернее, политическое отступление на хозяйственном фронте—стало совершенно неизбежным, когда вполне определилось, что Советской России предстоит своими собственными организационными и техническими силами и средствами строить свое хозяйство в течение более или менее значительного периода, необходимого для подготовки европейского пролетариата к завоеванию власти.

Контр-революционные события в феврале 1921 г. [265]) показали полную неотложность большего приспособления хозяйственных методов социалистического строительства к потребностям крестьянства. Революционные события в марте 1921 г. [266]) в Германии показали полную неотложность политического «отступления» в смысле подготовительной борьбы за овладение большинством рабочего класса. Оба эти отступления, совпадающие по времени, находятся, как указано выше, в теснейшей взаимной связи. Отступлениями они являются в том условном смысле, что и там, и здесь выяснилась со всей отчетливостью необходимость пройти через некоторый подготовительный период: нового хозяйственного курса—в России, борьбы за переходные требования и единый фронт—на Западе.

9. От методов военного коммунизма советское государство перешло к методам рынка. Оно заменило изъятие излишков натуральным налогом, предоставив крестьянству свободно продавать излишки на рынке; восстановило денежное обращение, приняв ряд мер, направленных к стабилизации валюты; перевело предприятия государственной промышленности на начала коммерческого расчета, восстановив зависимость заработной платы от квалификации и выработки; сдало ряд мелких и средних промышленных предприятий в аренду частным предпринимателям. В возрождении рынка, его методов и учреждений и состоит существо «новой экономической политики».

10. К 5-летию существования Советской Республики экономика ее, в грубых чертах, может быть охарактеризована следующим образом:

а) Вся земля принадлежит государству. Около 95%—пахотной земли находится в хозяйственном распоряжении крестьянства, которое вносит государству, в виде натурального налога, в нынешнем году свыше 300 миллионов пудов ржи из

урожая, который составил, примерно, $^3/_4$ среднего до-военного урожая.

б) Вся железнодорожная сеть (свыше 63 тысяч верст) составляет собственность государства. При свыше 800 тысяч служащих и рабочих, она выполняет сейчас, примерно, треть той работы, которую выполняла до войны.

в) Все промышленные предприятия принадлежат государству. На важнейших из них (свыше 4.000 предприятий), насчитывающих около миллиона рабочих, государство ведет хозяйство за собственный счет. До 4.000 второстепенных и третьестепенных предприятий, насчитывающих около 80 тысяч рабочих, сдано в аренду. Государственные предприятия занимают в среднем 207 рабочих каждое. Арендные предприятия—17 рабочих в среднем каждое. Однако из арендованных предприятий только около половины находится в руках частных предпринимателей; другая половина арендована отдельными государственными учреждениями или органами кооперации.

г) Частный капитал формируется и оперирует ныне главным образом в области торговли. По крайне приблизительным и недостоверным первым исчислениям, на его долю приходится около 30% торгового оборота; остальные 70% составляются из сумм государственных органов и кооперации, тесно связанной с государством.

д) Внешняя торговля, составляющая в нынешнем году $^1/_4$ довоенной в отношении ввоза и $^1/_{20}$—в отношении вывоза, целиком сосредоточена в руках государства.

11. Методы военного коммунизма, т.-е. методы крайне грубого централизованного учета и распределения, заменены при новой политике методами рынка: куплей-продажей, коммерческой калькуляцией, конкуренцией. Но на этом рынке рабочее государство выступает, как самый могущественный собственник, покупатель и продавец. Непосредственно в руках рабочего государства сосредоточено подавляющее большинство производительных сил промышленности и средств железнодорожного транспорта. Деятельность государственных органов, таким образом, контролируется и в значительной мере направляется рынком. Выгодность того или другого предприятия проверяется через конкуренцию и коммерческий расчет. Связь земледелия с промышленностью, деревни—с городом, осуществляется через посредство рынка.

12. Поскольку, однако, существует свободный рынок, на нем неизбежно образуется и частный капитал, конкурирующий с государственным—сперва в области торговли, но стремящийся проникнуть и в сферу промышленности. Недавняя гражданская война пролетариата с буржуазией сменяется конкуренцией пролетарской промышленности с буржуазной. Как в гражданской войне борьба шла, в значительной мере, за политическое привлечение крестьянства, так сейчас борьба идет, главным образом, из-за крестьянского рынка. Пролетариат имеет в этой борьбе огромные преимущества: наиболее высоко стоящие производительные силы страны и государственную власть. На стороне буржуазии—сноровка и, до известной степени, связь с иностранным капиталом, в частности, с эмигрантским.

13. Налоговая политика рабочего государства и объединение в его руках кредитных учреждений должны быть отмечены особо, в качестве могучего средства обеспечения перевеса государственных, т.-е. по своим тенденциям социалистических, форм хозяйства над частно-капиталистическими. Налоговая политика дает возможность привлекать все возрастающую часть частно-капиталистических доходов для государственного хозяйства не только в области земледелия (продналог), но и в области торговли и промышленности. Таким образом, и частный капитал (концессии!) становится, при пролетарской диктатуре, данником в пользу первоначального социалистического накопления.

С другой стороны, торгово-промышленный кредит, сосредоточенный в руках государства, питает, как свидетельствуют данные последних месяцев, на 75% государственные предприятия, на 20%—кооперацию и никак не более, как на 5%, частные предприятия.

14. Утверждение социал-демократов о «капитуляции» советского государства перед капитализмом представляет собой, таким образом, явное и грубое искажение действительности. На самом деле, Советское правительство вступило на тот хозяйственный путь, каким оно пошло бы, несомненно, в 1918—1919 г.г., если бы неотразимые потребности гражданской войны не вынудили его экспроприировать буржуазию, одним ударом разрушить ее хозяйственный аппарат и заменить его на скорую руку военно-коммунистическим аппаратом.

15. Важнейшим политическим и экономическим результатом НЭП'а является серьезное и прочное соглашение с крестьян-

ством, для которого доступ к открытому рынку стал импульсом к расширению и интенсификации хозяйства. Опыт последнего года, в частности—расширение озимого посева, дает все основания ожидать дальнейшего систематического улучшения сельского хозяйства. Таким путем создается не только продовольственный фонд для промышленного развития России, но и важнейший товарный фонд для внешней торговли. Отныне русский хлеб будет появляться на европейском рынке во все возрастающем количестве. Значение этого фактора для социалистического переворота на Западе понятно само собой.

16. Те отрасли промышленности, которые непосредственно работают на потребление, в особенности на крестьянский рынок, сделали несомненные и весьма заметные успехи уже за первый год НЭП'а. Тяжелая промышленность находится еще, правда, в крайне тяжком положении, но эта отсталость тяжелой промышленности, целиком вытекающая из условий последних лет, находит свое объяснение также и в условиях восстанавливающегося товарного хозяйства: только первые успехи в сельско-хозяйственной области и в сфере легкой индустрии могут дать настоящий толчок к правильному развитию машиностроения, металлургии и топливной промышленности, которым, разумеется, обеспечено самое внимательное отношение со стороны государства. Это последнее будет расширять свое хозяйство, собирать в своих руках все бо̀льшие оборотные средства, а затем, путем государственного (*«первоначального социалистического»)* накопления, обновлять и увеличивать также и основной капитал. Нет решительно никаких оснований считать, что государственное накопление будет итти медленнее, чем частно-капиталистическое, и что таким образом частный капитал выйдет победителем из борьбы.

17. Поскольку дело идет об иностранном капитале (смешанные общества, концессии и пр.), его роль на территории России, независимо от его собственной крайне выжидательной и осторожной политики, определяется соображениями и расчетом рабочего государства, которое выдает промышленные концессии и заключает торговые соглашения в тех пределах, в каких это не может подорвать основ государственного хозяйства. Монополия внешней торговли является в этом отношении одним из важнейших залогов социалистического развития.

18. Переведя свое хозяйство на основы рынка, рабочее государство не отказывается, однако, даже и на ближайший пе-

риод от планового начала в хозяйстве. Уже тот факт, что вся железнодорожная сеть и подавляющее большинство промышленных предприятий эксплоатируются непосредственно за счет государства и финансируются последним, делает неизбежным сочетание централизованного государственного контроля над этими предприятиями с автоматическим контролем рынка. Государство все больше сосредоточивает свое внимание на тяжелой промышленности и транспорте, как основах хозяйства, приспособляя, в значительной степени, к их потребностям свою финансовую, фискальную, концессионную и таможенную политику. Государственный план хозяйства, в условиях нынешнего периода, не ставит себе утопической задачи—заменить универсальным предвидением стихийную работу спроса и предложения. Наоборот, исходя из рынка, как основной формы распределения хозяйственных благ и регулирования их производства, хозяйственный план сегодняшнего дня направлен на то, чтобы сочетанием кредитных, налоговых, промышленных, торговых факторов обеспечить государственным предприятиям максимальное преобладание на рынке, внести во взаимоотношения между этими предприятиями максимальное предвидение и единообразие и, таким образом, опираясь на рынок, содействовать скорейшему его преодолению—прежде всего во взаимоотношениях между самими государственными предприятиями.

19. Вовлечение крестьянства в плановое государственное, т.-е. социалистическое, хозяйство представляет задачу, еще более сложную и длительную. Организационно пути для этого прокладывает контролируемая и направляемая государством кооперация, обслуживающая важнейшие потребности крестьянина и его хозяйства. Экономически этот процесс будет совершаться тем быстрее, чем бо̀льшую массу продуктов государственная промышленность сможет предоставить деревне через посредство кооперации. Но полного торжества в земледелии социалистическое начало может достигнуть только через электрификацию сельского хозяйства, которая нанесет спасительный удар варварской разобщенности крестьянского производства. План электрификации составляет, поэтому, важную составную часть общего государственного хозяйственного плана, и эта часть, неизменно возрастая по мере подъема производительных сил советского хозяйства, должна в дальнейшем получать все большее преобладание, пока не станет основой всего социалистического хозяйственного плана в целом.

20. Организация хозяйства состоит в правильном, целесообразном распределении сил и средств между разными отраслями и разными предприятиями и в разумном, т.-е. экономном применении этих сил и средств внутри каждого предприятия. Капитализм достигал этой цели путями спроса и предложения, конкуренции, подъема и кризиса.

Социализм будет достигать той же цели сознательным построением национального, а потом и мирового хозяйства, как единого целого, по общему плану, исходящему как из наличных производственных средств, так и из наличных потребностей, всеобъемлющему и чрезвычайно гибкому в то же время. Такой план не может быть построен априорно: он должен быть выработан, исходя из того хозяйственного наследства, какое получает пролетариат от прошлого, путем систематических изменений и перестроек, все более и более решительных и смелых, по мере повышения хозяйственной выучки пролетариата и умножения его технического могущества.

21. Совершенно очевидно, что между капиталистическим режимом и законченным социализмом неизбежно должна пролегать длительная эпоха, в течение которой пролетариат, пользуясь методами и организационными формами капиталистического оборота (деньги, биржа, банки, коммерческая калькуляция), все в большей и большей степени овладевает рынком, централизует, объединяет его и тем самым, в последнем счете, упраздняет рынок, заменяет его централистическим планом, вытекающим из всего прошлого хозяйственного развития и являющимся предпосылкой дальнейшего хозяйствования. На этом пути и находится сейчас Советская Республика—будучи несравненно ближе к точке отправления, чем к конечной цели. Только тот факт, что советское государство, после навязанного ему обстоятельствами военного коммунизма и вследствие задержки революции на Западе, оказалось вынужденным проделать известное отступление, более, впрочем, формального, чем материального характера, затуманивает картину и дает повод мелко-буржуазным противникам рабочего государства говорить о капитуляции перед капитализмом. На деле же развитие Советской России совершается не от социализма к капитализму, а от капитализма, временно придавленного методами так называемого военного коммунизма, к социализму.

22. В корне несостоятельным, исторически невежественным, является утверждение, будто упадок производительных сил России является результатом нерациональности социалистических или коммунистических методов хозяйства. На самом деле упадок явился результатом прежде всего войны, а затем революции, в той ожесточенной форме длительной гражданской войны, какую она приняла в России. Великая Французская Революция, создавшая предпосылки для мощного капиталистического развития Франции и всей Европы, непосредственно породила чрезвычайные опустошения и хозяйственный упадок. Через 10 лет после начала Великой Революции Франция была беднее, чем накануне революции. Тот факт, что промышленность Советской Республики дала за последний год не более четверти средней до-военной производительности, свидетельствует не о несостоятельности социалистических методов, которые еще не успели даже найти себе применение, а о глубине хозяйственного распада, неизбежно связанного с самой революцией. Но до тех пор, пока существует классовое человеческое общество, оно будет неизбежно оплачивать каждый свой крупный шаг вперед человеческими и материальными жертвами—все равно, идет ли речь о переходе от феодализма к капитализму, или о другом, несравненно более глубоком переходе: от капитализма к социализму.

23. Из сказанного выше вытекает сам собою ответ на вопрос о том, в какой мере то, что называется в России *новой экономической политикой*, является необходимой стадией всякой пролетарской революции. В новой экономической политике надо различать два элемента: а) охарактеризованный выше момент «отступления» и б) ведение пролетарским государством хозяйства на основах рынка и всех с ним связанных методов, процессов и учреждений.

а) Что касается «отступления», то оно и в других странах может явиться результатом чисто политических причин, т.-е. необходимости в разгаре гражданской войны захватить у врага гораздо большее количество предприятий, чем пролетариат сможет хозяйственно организовать. Вытекающие отсюда частичные отступления не исключены ни в одной стране. Но вряд ли они в других государствах будут иметь такой глубокий характер, как в крестьянской России, в которой, к тому же, гражданская война развернулась настоящим образом только после захвата пролетариатом власти. Сейчас уже можно не сомневаться в том,

что в большинстве капиталистических стран пролетариат придет к власти только через ожесточенную, упорную и длительную гражданскую войну. Другими словами, главные вражеские силы пролетариат Европы должен будет разбить до завоевания власти, а не после завоевания ее. И уж, во всяком случае, сопротивление буржуазии, военное, политическое и хозяйственное, будет тем более слабеть, чем в большем числе стран власть успеет перейти в руки пролетариата. А это значит, что момент военного захвата промышленности и следующий за ним момент хозяйственного отступления будет в остальном мире, по всей вероятности, играть несравненно меньшую роль, чем в России.

б) Что же касается использования методов и учреждений, созданных капитализмом для регулирования хозяйства, то все рабочие государства должны будут в той или иной мере пройти через эту стадию на пути от капитализма к социализму. Другими словами, каждое новое рабочее правительство должно будет после неизбежного в той или иной степени разрушения, в процессе гражданской войны, капиталистических хозяйственных органов (биржи, банки, тресты, синдикаты)—восстановить эти органы, подчинить их себе политически и организационно, связав их со всем механизмом пролетарской диктатуры, творчески овладеть ими для постепенной перестройки при их помощи хозяйства на социалистических началах. Чем большее число стран уже подпало под власть пролетариата, чем могущественнее овладевающий в данной стране властью пролетариат, тем труднее эмиграция капиталов и даже капиталистов, тем меньше почвы для саботажа со стороны административно-технической интеллигенции, тем меньше будет, следовательно, разрушение материальных и организационных капиталистических аппаратов—и тем легче их восстановление.

24. С какой скоростью рабочее государство будет проходить через эту стадию, в которой строящийся социализм еще живет и развивается под капиталистической оболочкой, это будет зависеть, как уже сказано выше, помимо военно-политической обстановки,—от организационно-культурного уровня и состояния доставшихся ему производительных сил. Совершенно очевидно, что чем выше будут оба эти уровня, тем быстрее рабочее государство совершит переход к социалистическому хозяйству, а затем и к полному коммунизму.

1/XII 1922 г.

О КРИВОЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ[267])

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ВМЕСТО ОБЕЩАННОЙ СТАТЬИ)

В своем введении к Марксовой «Борьбе классов во Франции» Энгельс писал:

«При суждении о событиях и группах событий современной истории никогда не будет возможности дойти до *последних* экономических причин. Даже теперь, когда соответствующая специальная литература доставляет такой богатый материал, невозможно даже в Англии изо дня в день проследить ход промышленности и торговли на мировом рынке, равно как и все изменения, происходящие в способах производства,—невозможно проследить так, чтобы в любой момент можно было вывести общий итог из этих многообразных, переплетающихся и постоянно меняющихся факторов. Самые важные из них к тому же по большей части в течение долгого времени действуют в скрытом состоянии, пока, наконец, внезапно и мощно не найдут себе проявления. Ясная картина экономической истории данного периода не может быть приобретена, пока этот период еще не завершился: она приобретается лишь потом, post factum, когда уже собран и просеян материал. Статистика является здесь необходимым вспомогательным средством, а она плетется всегда позади. Поэтому по отношению к текущей, современной истории слишком часто приходится рассматривать фактор, имеющий наиболее решающее значение, как постоянный; экономическое положение, сложившееся к началу изучаемого периода, как постоянное и неизменное для всего периода; или же приходится обращать внимание лишь на такие изменения в экономическом положении, которые вытекают из явных, несомненных событий и потому так же ясны и несомненны, как сами эти события. Материалистический метод

вынужден поэтому слишком часто ограничиваться сведением политических конфликтов к борьбе интересов между классами общества и фракциями классов, которые уже даны к начальному моменту исследования, уже созданы экономическим развитием, и рассматривать отдельные политические партии как более или менее адэкватное выражение этих самых классов и их фракций.

«Само собою понятно, *каким источником ошибок является неизбежное игнорирование одновременно происходящих изменений экономического положения, этого истинного базиса всех исследуемых событий*» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 6. Госиздат 1921. Курсив мой. *Л. Т.*).

Эти мысли Энгельса, формулированные им незадолго до смерти, не получили необходимого дальнейшего развития. Насколько могу припомнить, они даже редко цитировались — гораздо реже, чем того заслуживают. Более того, многие марксисты как бы утратили смысл их. Объяснение этому факту кроется опять-таки в указанных Энгельсом причинах невозможности сколько-нибудь законченного экономического истолкования *текущей* истории. Определять те подпочвенные толчки, которые политика сегодняшнего дня получает от экономики, — задача очень трудная, в полном объеме неразрешимая; между тем политические явления нужно объяснять безотлагательно, потому что борьба не терпит. Отсюда—необходимость прибегать в повседневной политической работе к объяснениям, настолько широким, что они, при длительном употреблении, превращаются в шаблоны. Пока политика протекает в одних и тех же формах, в одних и тех же берегах, с одной и той же, примерно, скоростью, т.-е. пока накопление экономического количества не переходит в изменение политического качества,—такого рода объяснительная абстракция («интересы буржуазии», «империализм», «фашизм») еще более или менее выполняет свою задачу: не истолкования политического факта во всей его конкретности, а сведения его к знакомому социальному типу, что имеет, конечно, свое неоценимое значение. Но при серьезном изменении обстановки, тем более при крутом повороте, такое общее объяснение обнаруживает всю свою несостоятельность, целиком превращаясь в пустопорожний шаблон. Тут уж непременно нужно пропустить зонд анализа поглубже, чтобы определить с качественной стороны, а по возможности и количественно измерить толчки экономики в сторону политики. Эти «толчки» представляют собою диалектическую

форму «заданий», исходящих от динамического базиса и подлежащих разрешению в сфере надстройки.

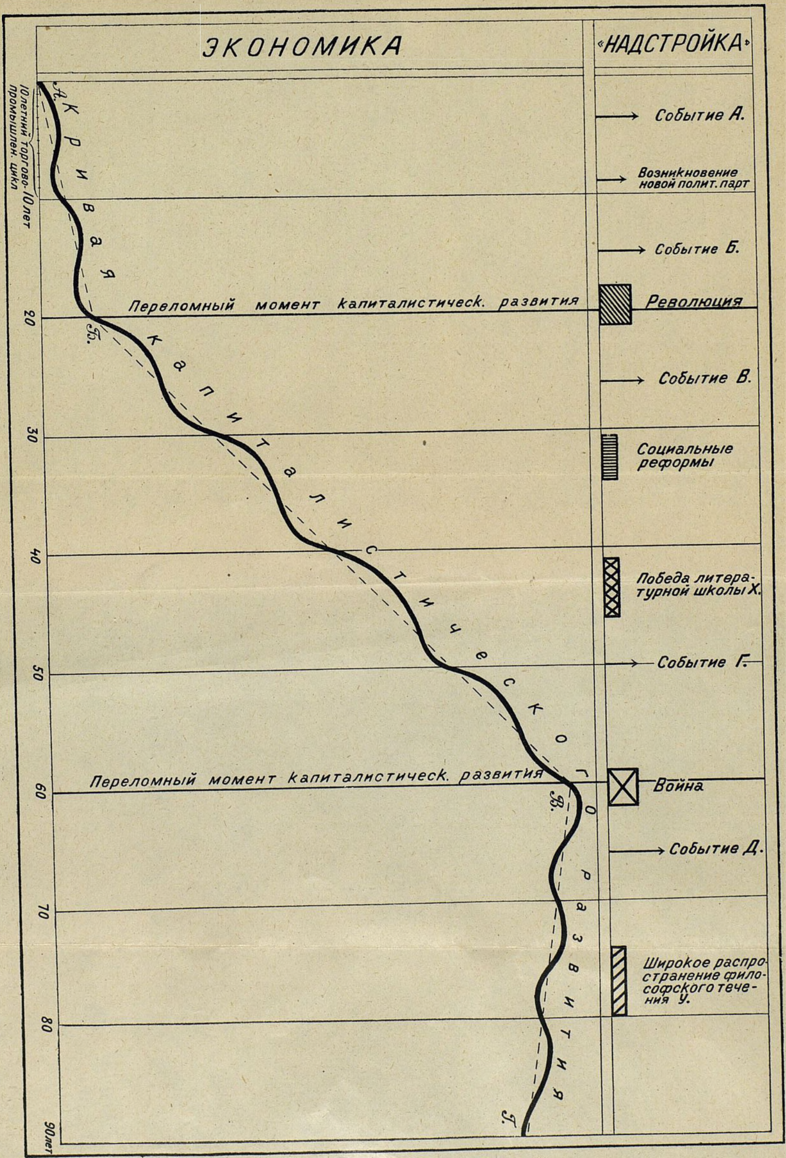
Колебания экономической конъюнктуры (подъем—депрессия—кризис) уже сами по себе означают периодические толчки, порождающие то количественные, то качественные изменения и новообразования в области политики. Доходы имущих классов, бюджет государства, заработная плата и безработица пролетариата, размеры внешней торговли и т. д. тесно связаны с конъюнктурой и, в свою очередь, самым непосредственным образом влияют на политику. Уже одного этого достаточно, чтобы понять, насколько важно и плодотворно было бы проследить шаг за шагом историю политических партий, государственных учреждений и пр. применительно к циклам капиталистического развития. Мы этим вовсе не хотим сказать, будто циклы объясняют *все:* этого не может быть уже по тому одному, что сами циклы представляют собою не основные, а производные экономические явления: они складываются на основе развития производительных сил через посредство рыночных отношений. Но циклы объясняют *многое*, образуя своей автоматической пульсацией необходимую диалектическую пружину в механике капиталистического общества. Через переломы торгово-промышленной конъюнктуры ближе всего подойдем к критическим узлам в развитии политических течений, законодательства и всех форм идеологии.

Но капитализм характеризуется не одной только периодичностью своих циклов,—иначе была бы сложная повторяемость, а не динамика развития. Торгово-промышленные циклы имеют в разные периоды различный характер. Главное различие их определяется количественным соотношением между кризисом и подъемом внутри каждого отдельного цикла. Если подъем с избытком возмещает то, что уничтожено или сокращено во время предшествующего кризиса, то капиталистическое развитие идет вверх. Если кризис, знаменующий разрушение или, по крайней мере, сжатие производительных сил, превышает по силе своего действия соответственный подъем, то мы имеем в результате упадок хозяйства. Если, наконец, кризис и подъем имеют приблизительно одинаковую силу, мы получаем временное застойное равновесие хозяйства. Такова грубая схема. Исторически мы наблюдаем, что однородные циклы группируются сериями: бывают целые эпохи капиталистического развития, когда ряд циклов характеризуется ярко выраженными подъемами и слабыми ско-

ропреходящими кризисами. Это дает в результате резко повышательное движение основной кривой капиталистического развития. Бывают застойные эпохи, когда эта кривая, через частные циклические колебания, сохраняет в течение десятилетий приблизительно один и тот же уровень. И, наконец, в некоторые исторические периоды основная кривая, проделывая, как всегда, циклические колебания, в общем идет вниз, знаменуя упадок производительных сил.

Уже априорно можно предположить, что эпохи энергичного капиталистического развития должны иметь резко отличные — в политике, в праве, в философии, в поэзии—черты от эпох застойных или экономически упадочных. Более того: переход от одной такой эпохи к другой должен, естественно, вызывать наибольшие потрясения в отношениях между классами и между государствами. Об этом пришлось говорить на III Конгрессе Коминтерна — в борьбе против чисто механического представления о происходящем ныне капиталистическом распаде. Если периодическая смена «нормального» подъема «нормальным» кризисом отражается во всех областях общественной жизни, то переход от целой подъемной эпохи к эпохе упадочной, или, наоборот, естественно вызывает величайшие исторические пертурбации, и нетрудно показать, что во многих случаях революции и войны стоят на грани двух разных эпох экономического развития, т.-е. на стыке двух разных отрезков капиталистической кривой. Рассмотреть под этим углом зрения всю новую историю есть, поистине, одна из благодарнейших задач для диалектического материализма.

Профессор Кондратьев [268]) подошел к этому вопросу после III Конгресса Интернационала—тщательно, как водится, обходя ту постановку, какая была дана вопросу на самом Конгрессе, и попытался, наряду с «малым циклом», охватывающим десятилетний период, установить понятие «большого цикла», охватывающего, примерно, пятьдесят лет. По этой симметрически-стилизованной конструкции большой экономический цикл состоит, примерно, из пяти малых циклов, при чем половина их имеет в сумме своей резко выраженный подъемный, а другая половина—кризисный характер, со всеми необходимыми переходными ступенями. Цифровое определение больших циклов, данное Кондратьевым, подлежит внимательной и не очень доверчивой проверке, применительно как к отдельным странам, так и к мировому рынку



ЭКОНОМИКА
«НАДСТРОЙКА»
Событие А.
Возникновение новой полит. парт
Событие Б.
Революция
Событие В.
Социальные реформы
Победа литературной школы Х.
Событие Г.
Война
Событие Д.
Широкое распространение философского течения У.
Кривая капиталистического развития
Переломный момент капиталистическ. развития
Переломный момент капиталистическ. развития
А.
Б.
В.
Г.
10летний торгово-промышлен. цикл
10 лет
20
30
40
50
60
70
80
90 лет

в целом. Уже заранее можно отвергнуть попытку профессора Кондратьева придать эпохам, которые он называет большими циклами, ту же «строго-закономерную ритмичность», какая наблюдается у малых циклов, как явно ошибочное обобщение по формальной аналогии. Периодичность малых циклов обусловлена внутренней динамикой капиталистических сил, проявляющей себя всегда и везде, раз налицо рынок. Что же касается тех крупных (в 50 лет) отрезков капиталистической кривой, которые профессор Кондратьев неосторожно предлагает тоже назвать циклами, то их характер и длительность определяются не внутренней игрой капиталистических сил, а теми внешними условиями, в русле которых протекает капиталистическое развитие. Приобщение к капитализму новых стран и материков, открытие новых естественных богатств и, вслед за этим, большие факты «надстроечного» порядка, как войны и революции, определяют характер и смену подъемных, застойных или упадочных эпох в капиталистическом развитии.

По какому же пути должно итти исследование?

Установить кривую капиталистического развития в ее непериодических (основных) и периодических (вторичных) изгибах и переломах—в отношении к отдельным интересующим нас странам и в отношении ко всему мировому рынку—такова первая часть задачи. Имея перед собой фиксированную кривую (метод ее фиксации есть, конечно, особый вопрос и отнюдь не простой, но он входит уже в область экономико-статистической техники), мы разбиваем ее на периоды, сообразно с углом ее подъема или спуска по отношению к горизонтали (см. таблицу). Таким путем получим наглядную схему экономического развития, т.-е. характеристику «истинного базиса всех исследуемых событий» (Энгельс). В зависимости от конкретности и детальности исследования нам может понадобиться ряд таких схем: в отношении сельского хозяйства, тяжелой индустрии и пр. Исходя из этой схемы, сопоставленной синхронистически с политическими событиями (в широком смысле), мы ищем не только соответствия или, чтобы выразиться осторожнее, соотношения между определенно окрашенными эпохами общественной жизни и резко выраженными отрезками кривой капиталистического развития, но и тех непосредственных подпочвенных толчков, которые развязывают события. Разумеется, на этом пути не так трудно дойти до вульгарнейшей схематизации и, прежде всего, до игнорирования цепкой

внутренней обусловленности и преемственности идеологических процессов и забвения того, что экономика решает лишь в *последнем счете*. Но мало ли какие карикатурные выводы ни делались из марксистского метода! Отвергать, по этой причине, указанную выше постановку вопроса («пахнет экономизмом»), значит демонстрировать полное непонимание существа марксизма, который ведь в изменениях экономического базиса, а не в чем-либо другом, ищет причин изменений в общественной надстройке.

Не без опасения вызвать теоретическое негодование противников «экономизма» (а отчасти с прямым расчетом вызвать их гнев) мы даем здесь схематический чертеж, изображающий произвольно нами конструированную кривую капиталистического развития за девяносто лет. Общее направление основной кривой определяется характером образующих ее частных конъюнктурных кривых. На нашей схеме резко выделяются три периода: 20 лет очень медленного капиталистического развития (АБ), 40 лет энергичного подъема (БВ), 30 лет затяжного кризиса и упадка (ВГ). Если мы на эту диаграмму нанесем важнейшие исторические события за то же время, то уже одного наглядного сопоставления крупных политических фактов с изгибами кривой будет достаточно для того, чтобы дать мысли неоценимые отправные точки для историко-материалистического исследования. Конечно, параллелизм политических событий и экономических изменений является очень относительным: по общему правилу «надстройка» лишь с опозданием регистрирует и отражает новообразования в сфере хозяйства. Но этот закон должен обнаружиться при конкретном исследовании тех сложных взаимоотношений, графический намек на которые мы здесь даем. В докладе на III конгрессе мы поясняли нашу мысль некоторыми историческими примерами: из эпохи революции 1848 г., первой русской революции (1905 г.) и переживаемого ныне периода. К этим примерам мы отсылаем читателя (См. «Новый этап»). Они не дают ничего законченного, но достаточно характеризуют исключительную важность выдвигаемого нами подхода, прежде всего, для понимания наиболее критических скачков истории: войны и революции. Если в данном письме мы пользуемся чисто произвольной графической схемой, не пытаясь взять за основу какой-либо реальный период истории, то по той простой причине, что попытка подобного рода слишком походила бы на неосторожное предвосхищение результатов сложного и кропотливого исследования, которое еще только нужно произвести.

Сейчас нельзя, разумеется, сколько-нибудь точно предвидеть, какая часть исторического поля будет освещена, и с какой именно яркостью, материалистическим исследованием, в основу которого будет положено более конкретное обследование капиталистической кривой и ее взаимоотношений со всеми сторонами общественной жизни. Достижимые на этом пути завоевания могут определиться только в результате самого исследования, более систематического, более упорядоченного, чем производившиеся до настоящего времени историко-материалистические экскурсии. И во всяком случае такого рода подход к новой истории обещает оплодотворить теорию исторического материализма гораздо более ценными завоеваниями, чем та, более чем сомнительная спекулятивная игра понятиями и терминами материалистического метода, которая, под пером некоторых наших марксистов, переносит в сферу материалистической диалектики приемы формализма, сводя задачу к уточнению определений и классификаций, к расщеплению пустой абстракции на четыре пустые четверти, словом, софистицирует марксизм пошловато-щегольскими манерами кантианского эпигонства. Нелепо, в самом деле, без конца точить и оттачивать инструмент, стирая марксову сталь, когда задача состоит в том, чтобы применять инструмент для обработки сырого материала!

Нам кажется, что тема эта могла бы составить предмет плодотворнейшей работы в наших марксистских семинариях по историческому материализму. Самостоятельные исследования в этой области, несомненно, осветили бы новым или, по крайней мере, более ярким светом и отдельные исторические события и целые эпохи. Наконец, самая привычка мыслить в указанных выше категориях чрезвычайно облегчила бы политическую ориентировку в нынешнюю эпоху, которая есть эпоха более чем когда-либо обнаженной связи капиталистической экономики, достигшей высшего насыщения, с до конца разнуздавшейся капиталистической политикой.

Я давно уже обещал «Вестнику Социалистической Академии» развить эту тему. До сих пор обстоятельства не позволяли мне выполнить свое обещание. Я не уверен, удастся ли мне выполнить свое намерение и в ближайшем будущем. Ограничусь поэтому пока настоящим письмом.

21/VI—23 г.

IV
Конкретные проблемы пролетарской революции

О СВОЕВРЕМЕННОСТИ ЛОЗУНГА „СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ЕВРОПЫ“ [269])

(В порядке международной дискуссии)

Я думаю, что, наряду с лозунгом: «правительство рабочих и крестьян» [270]), своевременно выдвинуть лозунг: «Соединенные Штаты Европы». Только в соединении этих двух лозунгов мы получим известный перспективный, этапный ответ на наиболее жгучие вопросы европейского развития.

Последняя империалистическая война была в основе своей европейской войной. Эпизодическое участие в ней Америки и Японии не нарушило этого ее характера. Добившись того, что ей нужно было, Америка выдернула руку из европейского костра и вернулась к себе домой.

Движущей силой войны явились капиталистические производительные силы, переросшие рамки европейских национальных государств. Германия ставила себе задачей «организовать» Европу, т.-е. экономически объединить под своим руководством европейский континент, чтобы затем, по-настоящему, начать борьбу с Англией за миродержавие. Франция ставила себе задачей раздробить Германию. Малочисленность населения Франции, ее преобладающий аграрный характер, консерватизм экономических форм делает для французской буржуазии недостижимой даже постановку проблемы — организовать Европу, — разрешение которой оказалось не по зубам германскому капитализму, вооруженному военной машиной Гогенцоллернов. Свое господство победоносная Франция поддерживает ныне, балканизируя Европу. Великобритания провоцирует и протежирует французскую политику расчленения и истощения Европы, прикрывая свою работу традиционным ханжеством. В результате наш несчастный континент изрезан, раздроблен, истощен, дезорганизован, балкани-

зирован — превращен в сумасшедший дом. Рурская экспедиция [271]) есть проявление буйного помешательства, сопряженного с дальновидным расчетом (окончательное разорение Германии) — сочетание, не раз наблюдавшееся психиатрией.

Как в основе войны лежала потребность производительных сил в широкой, очищенной от таможенных перегородок арене развития, так и в гибельной для Европы и для человечества оккупации Рура находит свое искаженное выражение потребность в сочетании рурского угля и лотарингского железа. Европа не может развивать свое хозяйство в тех государственно-таможенных границах, какие навязаны Версалем. Она должна снять эти границы, иначе ей грозит полный экономический упадок. Но те методы, какие правящая буржуазия применяет для преодоления ею же созданных границ, только увеличивают хаос и ускоряют распад.

Неспособность буржуазии подойти к разрешению основных вопросов хозяйственного восстановления Европы обнаруживается все ярче перед трудящимися массами. Лозунг «правительства рабочих и крестьян» идет навстречу этому возрастающему стремлению трудящихся найти выход собственными силами. Необходимо ныне конкретнее этот выход указать: это — теснейшая экономическая кооперация народов Европы, как единственное средство спасения нашего континента от хозяйственного разложения и закабаления могущественным американским капиталом.

Америка отошла от Европы, спокойно выжидая, когда агония европейского хозяйства дойдет до уровня, при котором можно будет скупить Европу — как Австрию [272]), за небольшие деньги. Но ни Франция отойти не может от Германии, ни Германия от Франции. А Германия с Францией уже составляют основное ядро Западной Европы. Здесь завязка и развязка европейской проблемы. Все остальное только дополнение. Что балканские государства не способны жить и развиваться вне федерации, это мы признали еще задолго до империалистской войны. Совершенно то же относится к осколкам Австро-Венгерской империи и оставшимся вне Советского Союза западным частям царской России. Аппенины, Пиренеи, Скандинавия — являются вдвинутыми в океан органами европейского тела. Самостоятельно существовать они не могут. Европейский континент, при данном уровне производительных сил, есть хозяйственное единство, — не замкнутое, разумеется, но внутренне глубоко связанное, — обнаружившееся в страшной катастрофе империалистской войны и ныне снова вскры-

тое в бешеном припадке рурской оккупации. Европа не географический термин, а экономический, несравненно более конкретный,—особенно в нынешних, послевоенных условиях, чем мировой рынок. Если для Балканского полуострова мы давно признали необходимость федерации, то ныне пора ясно и отчетливо поставить эту задачу по отношению к балканизированной Европе.

Остается вопрос о Советском Союзе, с одной стороны, о Великобритании, с другой. Само собою разумеется, что не Советский Союз будет противиться федеративному объединению Европы и с Европой. Тем самым обеспечивается прочный мост между Европой и Азией.

Вопрос о Великобритании решается более условно,—в зависимости от того, каким темпом пойдет ее революционное развитие. Если «правительство рабочих и крестьян» победит на континенте Европы до низвержения английского империализма, что весьма вероятно —то европейская федерация рабочих и крестьян будет тем самым направлена против британского капитала. Разумеется, с момента низвержения последнего британские острова входят желанным членом в европейскую федерацию.

Можно спросить: почему европейская федерация, а не мировая? Но такая постановка вопроса слишком абстрактна. Разумеется, мировое экономическое и политическое развитие тяготеет к единому мировому хозяйству, с той степенью централизации, которая будет соответствовать уровню техники. Но речь идет не о будущем социалистическом хозяйстве мира, а о выходе нынешней Европы из тупика. Нужно указать рабочим и крестьянам раздираемой и разоряемой Европы пути выхода —независимо от того, каким темпом пойдет революция в Америке, в Австралии, в Азии, в Африке. С этой точки зрения лозунг «Соединенные Штаты Европы» стоит в том же историческом плане, что и лозунг «правительства рабочих и крестьян»: это переходный лозунг, указывающий выход, открывающий перспективу спасения и тем самым толкающий трудящиеся массы на революционный путь.

Было бы неправильно стричь все мировое революционное развитие под одну гребенку. Америка вышла из войны не ослабевшей, а окрепшей. Внутренняя устойчивость американской буржуазии еще очень велика. Свою зависимость от европейского рынка она сводит к минимуму. Революция в Америке —если абстрагироваться от Европы —уходит, таким образом, в даль десятилетий. Значит ли это, что революция в Европе должна рав-

няться по Америке? Конечно, нет. Если отсталая Россия не стала (да и не могла) ждать революции в Европе, тем более Европа не станет и не сможет ждать революции в Америке. Рабоче-крестьянская Европа, блокированная капиталистической Америкой—на первых порах, может быть, даже Великобританией, —сможет продержаться и развиваться на основах тесного военного и экономического союза.

Нельзя закрывать глаза на то, что именно опасность со стороны С.-Американских Соединенных Штатов, поддерживающих разрушение Европы и готовящихся вступить в права владения ее наследством, делает особенно настоятельным сплочение взаимно разоряющих друг друга европейских народов в «Соединенные Штаты европейских рабочих и крестьян». Это противопоставление естественно вытекает из различия в объективном положении европейских стран и могущественной заатлантической республики, и ни в какой степени, разумеется, не направлено против международной солидарности пролетариата или против интересов американской революции. Наоборот. Одной из причин замедленного развития революции во всем мире являются пошлые европейские надежды на американского дядюшку (вильсонизм, филантропическое подкармливание наиболее голодающих уголков Европы, американские «займы» и пр., и пр.). Чем скорее народные массы Европы вернут себе доверие к своим собственным силам, подкошенное войною, чем плотнее они сомкнутся под лозунгом Союза рабоче-крестьянских республик Европы, тем быстрее пойдет развитие революции—и здесь, и по ту сторону океана. Ибо подобно тому, как победа пролетариата в России дала могущественный толчок развитию коммунистических партий в Европе,—победа европейской революции в такой же и даже в несравненно большей степени даст толчок революции в Америке и во всем мире. Если, абстрагируясь от Европы, мы вынуждены были выше американскую революцию рассматривать в тумане десятилетий, то, становясь на почву наиболее естественного чередования исторических событий, можем с уверенностью сказать, что победа революции в Европе в течение немногих лет расшатает могущество американской буржуазии.

Не только вопрос о Руре, т.-е. об европейском топливе и металле, но и вопрос о репарациях целиком укладывается в схему «Соединенных Штатов Европы». Вопрос репараций есть чисто европейский вопрос, и в ближайший период он может и будет

разрешаться только европейскими средствами. Европа рабочих и крестьян будет иметь свой репарационный бюджет, как она будет иметь свой военный бюджет, — до тех пор, пока ей будут угрожать опасности извне. Этот бюджет будет построен на подоходно-прогрессивном обложении, налогах на капитал, конфискации богатств, награбленных во время войны и пр. Распределение его будет регулироваться соответственными органами европейской рабоче-крестьянской федерации.

Мы не станем заниматься здесь предсказаниями насчет того, каким темпом пойдет объединение европейских республик, в какие хозяйственные и конституционные формы оно выльется, какой степени централизации достигнет европейское хозяйство в первый период рабоче-крестьянского режима. Все это можно спокойно предоставить будущему, — с учетом того опыта, который имеет уже Советский Союз, сложившийся на почве старой царской России. Но совершенно очевидно, что таможенные перегородки должны быть опрокинуты. Европейские народы должны взглянуть на Европу, как на арену объединенного и все более планомерного хозяйства.

Можно, пожалуй, возразить, что у нас речь идет, собственно, об европейской социалистической федерации, как составной части будущей мировой федерации, и что этот режим осуществим только при условии диктатуры пролетариата. Мы не будем, однако, останавливаться на этой аргументации, так как она была подвергнута достаточному международному разбору при обсуждении вопроса о «рабочем правительстве». «Соединенные Штаты Европы» представляют собою лозунг во всех отношениях соответственный лозунгу «рабочего (или рабоче-крестьянского) правительства». Осуществимо ли «рабочее правительство» вне диктатуры пролетариата? На это могут быть лишь условные ответы. Во всяком случае, мы берем «рабочее правительство», *как этап* к диктатуре пролетариата. В этом для нас и состоит огромная ценность лозунга. Но совершенно однородное, вполне параллельное значение имеет и лозунг «Соединенных Штатов Европы». Без этого дополнительного лозунга основные европейские проблемы повисают в воздухе.

А не сыграет ли этот лозунг на-руку пацифистам? Не думаю, чтобы в природе существовали ныне такие «левые», которые сочли бы эту опасность достаточным основанием для отвержения лозунга: мы все же живем в 1923 году и кое-чему научились. Бояться пацифистского истолкования Соединенных Штатов Европы можно

с таким же основанием или отсутствием основания, как и опасаться демократически-эсеровского истолкования лозунга рабоче-крестьянского правительства. Конечно, если выдвинуть Соединенные Штаты Европы, как самостоятельную программу, как панацею умиротворения и восстановления, отделив этот лозунг от рабочего правительства, от единого фронта, от классовой борьбы, то немудрено скатиться к демократизированному вильсонизму, т.-е. к каутскианству и ниже (если вообще есть что-либо ниже каутскианства). Но мы все-таки, повторяю, живем в 1923 году, и кое-чему научились. Коммунистический Интернационал представляет ныне реальность, и не Каутский будет осуществлять и контролировать связанную с нашими лозунгами борьбу. Наша постановка дела прямо противоположна каутскианской. Пацифизм есть академическая программа, имеющая своей задачей освободить от необходимости революционного действия. Наоборот, наша постановка толкает на путь борьбы. Рабочим Германии, не коммунистам (последних убеждать не нужно), рабочим вообще и в первую голову рабочим социал-демократам, которые боятся экономических последствий борьбы за рабочее правительство; рабочим Франции, мысль которых еще скована вопросом о репарациях и о государственном долге; рабочим Германии, Франции и всей Европы, которые опасаются, что установление рабочего режима поведет к изоляции их стран и к экономическому упадку,—мы говорим: даже временно изолированная Европа (а изолировать ее будет не так-то легко при наличии великого моста на Восток, в виде Советского Союза) не только удержится, но и поднимется и окрепнет, уничтожив внутренние таможенные перегородки и сомкнув свое хозяйство с необъятными естественными богатствами России. «Соединенные Штаты Европы»—чисто революционная перспектива,—ближайший этап общей нашей революционной перспективы, вырисовывающейся из глубокого различия в положении Европы и Америки. Кто игнорирует это коренное для текущего периода различие, тот поневоле будет реальную революционную перспективу топить в исторических абстракциях. Разумеется, рабоче-крестьянская федерация не замкнется на европейском этапе. Через наш Советский Союз она, как сказано, откроет себе выход в Азию и тем самым откроет Азии выход в Европу. Дело, таким образом, идет только об этапе, но это очень большой исторический этап, и через него-то нам и нужно в первую голову перевалить.

МОЖНО ЛИ КОНТР-РЕВОЛЮЦИЮ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЮ СДЕЛАТЬ В СРОК? [273])

«Конечно, нельзя. Это только поезда отходят в срок, и то не всегда»...

Точность мышления нужна везде, а в вопросах революционной стратегии тем более. Но так как революции происходят не очень часто, то революционные понятия и идеи успевают обрасти жирком, очертания становятся расплывчатыми, вопросы ставятся кое-как, и кое-как разрешаются.

Муссолини свою «революцию» (т.-е. контр-революцию) сделал в срок, заранее публично назначенный. Ему это удалось потому, что социализм не совершил революции, когда пришел для этого срок. Болгарские фашисты совершили свою «революцию» путем военного заговора [274]), с точным назначением чисел и распределением ролей. Точно так же и испанская офицерщина [275]). Контр-революционные перевороты совершаются почти всегда по этому образцу. Они приурочиваются обыкновенно к моменту, когда разочарование масс в революции или в демократии принимает форму безразличия и, таким образом, создает благоприятную политическую обстановку для организационно-технически подготовленного и заранее приуроченного к известному моменту военного удара. Ясно: благоприятную для реакционного переворота политическую обстановку нельзя создать искусственно, а тем более приурочить к известному сроку. Но когда эта обстановка в основных своих элементах налицо, руководящая партия, как мы видим, заранее выбирает благоприятный момент, приурочивает к нему политические, организационные, технические усилия и,— если в расчете не было просчета,—наносит победоносный удар.

Буржуазия не всегда совершала контр-революции. Ей приходилось в прошлом совершать и революции. Назначала ли она

для них срок? Очень интересно и во многом поучительно было бы проанализировать под этим углом зрения развитие как классических, так и эпигонских буржуазных революций (тема для молодых наших марксистских ученых!). Но и без такого детального исследования можно установить следующие основные элементы вопроса. Имущая и образованная буржуазия, т.-е. та именно часть «народа», которая брала власть, не совершала революции, а выжидала ее совершения. Когда движение низов переливалось через край и опрокидывало старый общественный строй или старый политический режим, либеральная буржуазия почти автоматически получала в свои руки власть. Такую революцию либеральные ученые объявляли «естественной», неизбежной, и они же создали под именем исторических законов великие общие места: революция и контр-революция (блаженной памяти кареевские: акция и реакция) суть естественные продукты исторического развития и, следовательно, не могут быть по произволу сделаны или назначены по календарю и пр., и пр. Эти законы никогда еще не мешали совершать хорошо подготовленные контрреволюционные перевороты. Зато бесформенность буржуазного либерального мышления пробирается нередко и в революционные головы, причиняя там большие опустошения и принося практический вред...

Но даже буржуазные революции далеко не во всех своих этапах развивались по «естественным» законам либеральной кафедры: когда мелко-буржуазная, плебейская демократия низвергала либерализм, она это делала путем заговора и подготовки восстания, приуроченного заранее к известному сроку. Так поступили якобинцы — крайнее левое крыло французской революции. Это вполне понятно. Для либеральной буржуазии (для французской в 1789 г., для нашей — в феврале 1917 года) достаточно бывает выждать могущественного стихийного движения, чтобы в последний момент положить на чашу весов свое богатство, свою образованность, свои связи с государственным аппаратом и, таким образом, овладеть рулем. Мелко-буржуазной демократии, при прочих сходных условиях, приходится действовать иначе: у нее нет ни богатства, ни общественного влияния, ни связей. Она вынуждена бывает заменить их точно продуманным и тщательно подготовленным планом революционного переворота. А план предполагает определенную ориентировку во времени, следовательно и назначение срока.

Тем более это относится к пролетарской революции. Коммунистическая партия не может занимать выжидательного положения по отношению к нарастающему революционному движению пролетариата,—такова в основе своей позиция меньшевизма: тормозить революцию, пока она развивается, воспользоваться ее успехами, когда она полупобедоносна, и сделать все, чтобы задержать ее завершение. Коммунистическая партия может овладеть властью не в результате использования революционного движения со стороны, а лишь в результате прямого и непосредственного политического, организационного и военно-технического руководства революционными массами как в период длительной подготовки, так и в самый момент решающего переворота. Именно поэтому коммунистической партии совершенно нечего делать с великим либеральным законом насчет того, что революции совершаются, а не делаются и, следовательно, не могут быть назначены в срок. С точки зрения наблюдателя это верно, с точки зрения руководителя —общее место и пошлость.

Представим себе страну, где политические условия пролетарской революции либо окончательно созрели, либо явно и очевидно дозревают с каждым днем. Каково будет в этих условиях отношение коммунистической партии к вопросу о восстании и назначении его по календарю?

Если страна переживает глубочайший социальный кризис, противоречия обострены до крайности, трудящиеся массы находятся в состоянии непрерывного кипения, если за партией стоит явное и бесспорное большинство трудящихся и тем самым все, что есть в пролетариате активного, сознательного, самоотверженного, —то у партии нет и не может быть другой задачи, как назначить, по возможности близкий, срок, т.-е. такой срок, в течение которого благоприятная революционная обстановка не могла бы круто измениться против нас, —и, сосредоточив главнейшие усилия на подготовке удара, подчинить всю текущую политику и организацию военной цели, дабы концентрированными силами нанести удар.

Чтобы не оперировать с отвлеченной страной, обернемся на нашу Октябрьскую революцию. Страна находилась в состоянии величайшего кризиса — и внутреннего, и международного. Государственный аппарат был парализован. Трудящиеся все более притекали под знамена нашей партии. С того момента, как в Питерском Совете, а затем и в Московском, образовалось больше-

вистское большинство, партия в упор стала перед вопросом — не о борьбе за власть вообще, а о подготовке захвата власти по определенному плану и в определенный срок. Таким сроком, как известно, оказался фактически день, назначенный для Всероссийского Съезда Советов. Часть членов ЦК заранее считала, что момент фактического удара надо приурочить к политическому моменту Съезда Советов. Другие члены ЦК, опасаясь, что буржуазия к этому моменту успеет подготовиться и разогнать Съезд, требовали перенесения его на более ранний срок. Вынесенное Центральным Комитетом решение назначало вооруженное восстание на срок не позже 15 октября. Это решение было выполнено с сознательным запозданием на десять дней, так как ход подготовки — агитационной и организационной — подтвердил, что произвести восстание независимо от Съезда Советов значило бы посеять недоумение в среде значительных слоев рабочего класса, которые приурочивают идею овладения властью к Советам, а не к партии и ее тайным организациям; с другой стороны, выяснилось вполне, что буржуазия уже слишком деморализована, чтобы успеть в двух- или трехнедельный срок подготовить серьезный отпор.

Военный вопрос встал перед нами, таким образом, в обнаженной календарной форме после того, как партия завоевала в руководящих Советах большинство, обеспечив тем самым за собою основную политическую предпосылку захвата власти. До того, как это большинство было налицо, организационно-технический план, конечно, не мог не быть более условным и гибким. Измерителями нашего революционного влияния были для нас Советы, созданные меньшевиками и эсерами в начале революции. Советы же явились политическим прикрытием нашей заговорщической, конспиративной работы, а затем и органами власти после фактического овладения ею.

Какова была бы наша стратегия, если бы налицо не было Советов? Очевидно, прежде всего, нам пришлось бы обращаться к другим измерителям нашего революционного влияния: профсоюзы, стачки, уличные демонстрации, всякого рода демократические выборы и пр. Хотя Советы в революционную эпоху — более надежный измеритель фактической активности масс, но и при отсутствии Советов мы имели бы полную возможность убедиться, в какой момент за нами стоит фактическое большинство рабочего класса и трудящихся вообще. Ясно, что к этому моменту

мы должны были бы бросить в массы лозунг создания Советов. Но этим самым мы поставили бы весь вопрос уже в плоскость военного столкновения и, следовательно, выбрасывая лозунг создания Советов, мы должны были бы уже иметь вполне продуманный план вооруженного восстания с назначенным сроком.

Раз большинство трудящихся за нас, по крайней мере, в решающих центрах и областях, тем самым создание Советов по нашему призыву было бы обеспечено. Более отсталые города и области последовали бы, с тем или другим опозданием, за руководящими центрами. Перед нами встала бы политическая задача: назначить Съезд Советов, и военная задача — обеспечить переход власти в руки этого Съезда. Совершенно очевидно, что это две стороны одной и той же задачи.

Представим себе теперь, что наш Центральный Комитет при указанной выше обстановке, т.-е. при отсутствии Советов, собрался на решающее заседание в тот период, когда массы уже стихийно тронулись к нам, но еще не обеспечили нам явного и подавляющего большинства. Как бы стали мы строить дальнейший план действия? Назначали бы мы срок восстания?

Ответ на это вытекает из всего предыдущего. Мы сказали бы себе: у нас сегодня еще нет явного и безусловного большинства; но сдвиг в массах так велик, что необходимое для нас бесспорное и боевое большинство есть дело ближайших недель; допустим, что для завоевания большинства рабочих в Петрограде, Москве и в Донецком бассейне нам нужно еще около месяца; поставим себе эту задачу и сосредоточим в этих центрах необходимые силы для ее разрешения. Как только большинство будет завоевано, — а мы проверим это на деле через месяц, — мы призовем трудящихся к созданию Советов. На это потребуется для Петрограда, Москвы и Донецкого бассейна никак не больше недели-двух; можно твердо рассчитывать на то, что остальные города и области последуют примеру центра в течение следующих двух-трех недель. Таким образом, на создание сети Советов нужно положить около месяца. После того, как в важнейших областях будут существовать Советы с нашим, разумеется, большинством, мы призываем их на Всероссийский Съезд Советов. На осуществление Съезда нужно прикинуть еще недели две. Таким образом, в нашем распоряжении до Съезда имеется два с половиной месяца. В течение этого времени захват власти должен быть не только подготовлен, но и осуществлен. В соответствии с этим мы дали бы нашей

военной организации программу, рассчитанную на два, максимум на два с половиной месяца для подготовки восстания в Петрограде, Москве, по линии железных дорог и пр. Я говорю условно (сделали бы, назначили бы), потому что на деле мы действовали хотя и не плохо, но не с такой планомерностью: не потому, что нам мешали «исторические законы», а потому, что мы совершали пролетарское восстание в первый раз.

Но нельзя ли при таком методе все же просчитаться? Захват власти означает войну, а на войне могут быть победы и поражения. Но тот путь, который мы схематически изображаем, наиболее правильно, наиболее прямо ведет к цели, т.-е. максимально увеличивает шанс победы. В самом деле, если бы оказалось через месяц после нарисованного выше решающего заседания ЦК, что мы еще не имеем большинства трудящихся за собой, мы не давали бы, конечно, лозунга создания Советов, так как лозунг этот повис бы в воздухе (предполагается в нашем примере, что эсеры и меньшевики против Советов). Наоборот, если бы бесспорное боевое большинство оказалось за нами уже по истечении двух недель, это сократило бы наш план и приблизило бы решающий момент восстания. То же самое относится ко второму и третьему этапам плана: к созданию Советов и к созыву их Съезда. Мы не давали бы лозунга Съезда Советов, пока не обеспечили бы, как сказано выше, фактического возникновения Советов в важнейших центрах. Таким образом, реальность каждого этапа в нашем плане подготовляется и обеспечивается выполнением предшествующих этапов плана. Подготовительная военная работа идет параллельно по строжайшему календарному заданию. При этом партия властно держит в руках свой военный аппарат. Конечно, в революции неожиданного, непредвиденного, стихийного всегда много, и, конечно, мы должны со всеми этими «случайностями» считаться и к ним приспособляться, но мы сделаем это с тем большим успехом и с тем большей уверенностью, чем более тщательно проработан план нашего заговора.

Революция обладает могущественной силой импровизации, но она никогда не импровизирует ничего хорошего для фаталистов, ротозеев и простаков. Побеждает: правильная политическая оценка, организация и воля к решающему удару.

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ *)

Возможен ли „устав“ гражданской войны?

Позвольте сделать маленькое вступление к беседе. Дело, товарищи, в том, — об этом я уже говорил в своем весеннем докладе в Академии, — что мы до сих пор не собрались подытожить опыт гражданской войны, не только международной, но и нашей. Между тем, потребность в этом — и с теоретической, и с практической стороны — колоссальнейшая. Гражданская война играла исключительную роль во всей истории человечества. За время с 1871 г. до 1914 г. роль эта для *Западной* Европы казалась (реформистам) отошедшей в прошлое. Империалистская война опять поставила гражданскую войну в порядок дня. Мы это знаем и понимаем, мы это ввели в нашу программу. Но научного подхода к гражданской войне, к ее этапам, формам и методам у нас нет или почти нет. Даже в смысле простого описания того, что происходило в этой области за последнее десятилетие, мы обнаруживаем чудовищную отсталость. Недавно, по другому поводу, я обратил внимание на то, что мы посвящаем довольно много времени и усилий Парижской Коммуне 1871 г., а пропускаем совершенно мимо себя борьбу немецкого пролетариата, у которого есть уже богатый опыт гражданской войны, почти не занимаемся, например, опытом болгарского вооруженного восстания в сентябре прошлого года. И, наконец, самое поразительное, это — то, что мы как бы совершенно сдали в архив опыт Октября, совершили, мол, и ладно...А у Октября, товарищи, есть чему поучиться, в том числе и военным деятелям, ибо будущие войны в несравненно большей степени, чем прошлые, будут сочетаться

---

*) Речь на заседании Правления Военно-Научннго Общества 29 июля 1924 года.

с различными формами гражданской войны. В частности разработка опыта болгарского восстания в сентябре прошлого года — вопрос высокого военно-революционного интереса. Здесь можно собрать все документы, вызвать участников события,— их немало живет теперь на советской земле,—и записать показания этих живых свидетелей. Все средства для изучения налицо. Болгарские события легко обозреть: площадь, на которой разыгрывалось восстание, не больше нашей крупной губернии, а организация борющихся сил, политические группировки и пр.— все это носит государственный характер. К тому же опыт болгарского восстания для стран с подавляющим большинством крестьянского населения (а таких стран много,—весь Восток таков) имеет колоссальнейшее значение.

Итак, в чем же собственно практическая задача? Задача в том, чтобы составить универсальный справочник, или руководство, или учебник, или устав по вопросам гражданской войны, следовательно, прежде всего по вооруженному восстанию, как высшему моменту революции. Нужно подытожить опыт, проанализировать условия, разобрать ошибки, выделить наиболее правильные операции, извлечь необходимые выводы. Обогатим ли мы этим *науку*, т.-е. познание законов исторического развития, или *искусство*, как совокупность выведенных из опыта правил действия? И то и другое, думается мне. Но цель у нас строго практическая: обогатить военно-революционное искусство.

Такого рода «Устав» будет, по необходимости, иметь очень сложное построение. Прежде всего нужно дать характеристику основных *предпосылок* захвата власти пролетариатом. Здесь мы еще остаемся в области революционной политики, но ведь восстание и есть продолжение политики —только особыми средствами. Анализ предпосылок вооруженного восстания надо приурочить к разным типам стран. Есть страны с большинством пролетарского населения и страны с ничтожным меньшинством пролетариата и с абсолютным преобладанием крестьянства. Между этими двумя полюсами располагаются страны переходного типа. Нужно, стало быть, положить в основу исследования, по крайней мере, три «типовые» страны: индустриальную, аграрную и промежуточную. Введение (о предпосылках и условиях революции) и должно дать характеристику особенностей каждого из этих типов под углом зрения гражданской войны. Восстание мы рассматриваем двояко: с одной стороны,—как определенный этап исторического

процесса, как определенное преломление объективных законов классовой борьбы; с другой стороны,—с субъективной или активной точки зрения: как подготовить и провести восстание, чтобы вернее всего обеспечить победу его. Тут тесная аналогия с войной. И война есть, разумеется, продукт известных исторических условий, результат столкновения интересов. В то же время война есть искусство. Теория войны есть учение о силах и средствах ее и об их группировке и употреблении для обеспечения победы. И восстание есть искусство. Может и должна быть разработана теория восстания, понимаемая в чисто-практическом смысле, т.-е. приближающаяся до известной степени к военным уставам.

Конечно, тут можно сразу же натолкнуться на целый ряд недоумений и возражений: как, вы собираетесь писать устав вооруженного восстания, а тем более гражданской войны? Но ведь это явная бюрократическая утопия. Вы хотите милитаризировать историю. Революционный процесс не поддается регламентации. Революция в каждой стране отличается величайшим своеобразием. Обстановка в революции непрерывно меняется. Не чудовищна ли сама мысль свести революционное руководство к ряду готовых шаблонов, записать по образцу австрийского гофкригсрата ряд непреложных параграфов и предписать их к непременному руководству?!...

Да, если бы кто-либо претендовал на что-либо подобное, то подлежал бы осмеянию. Но, в сущности, все эти соображения можно привести и против наших военных уставов. Война происходит всегда в новой обстановке, при новых условиях, которых нельзя заранее учесть. Тем не менее, без уставов, сводящих воедино военный опыт, немыслимо руководство армией ни в мирное время, ни, тем более, в бою. Старое изречение «не держись уставов, как слепой стены» нисколько не умаляет значения уставов, подобно тому, как диалектика не умаляет значения формальной логики и, в частности, правил арифметики. Несомненно, что элементов плановости, организованности, преднамеренности в гражданской войне несравненно меньше, чем в войне «национальных» армий. В гражданской войне политика сочетается с военными действиями несравненно теснее и непосредственнее, чем в «национальной» войне. Механическое перенесение методов из одной области в другую поэтому недопустимо. Но это вовсе не значит, что нельзя, на основании всего имеющегося опыта, вывести определенные методы, приемы, указания,

директивы, советы, которые имеют типовое значение и могут быть превращены в уставы и правила гражданской войны. К числу таких правил будет отнесено, разумеется, и указание на необходимость строжайшего подчинения чисто военных действий общей политической линии, строжайшего сообразования с обстановкой, с настроениями масс и пр. Во всяком случае, прежде чем пугаться утопичности такой задачи и пугать ею других, нужно путем тщательного исследования разрешить, существуют ли общие правила, обусловливающие победу в гражданской войне или облегчающие эту победу, в чем эти правила состоят и пр. Только на пути такой проработки можно установить, где кончается область правильных, полезных, дисциплинирующих работу указаний и где начинается область бюрократической фантастики.

Попробуем же под этим углом зрения подойти к революции. Высшим ее моментом является вооруженное восстание, которое решает вопрос о власти. Вооруженному восстанию предшествует непосредственный период организационной и технической подготовки, разумеется, на основе определенной политической кампании. Самый момент вооруженного восстания представляет собою, по общему правилу, краткий, но решающий период в ходе революции. Затем, в случае победы, наступает период закрепления победы путем разгрома остающихся налицо сил врага и создания новой государственной организации и вооруженной силы. В соответствии с этим устав гражданской войны — будем пока условно называть нашу работу этим именем—должен распадаться, по меньшей мере, на три части: раздел о подготовке к вооруженному восстанию, раздел о восстании и, наконец, раздел о закреплении победы. Таким образом, кроме указанного уже мною принципиального вступления, характеризующего, опять-таки, в сжатом, уставном или резолютивном виде предпосылки и условия революции, наш устав будет заключать в себе три части, объемлющие три важнейшие последующие этапы гражданской войны. Такова *стратегическая* архитектура всей работы. Мы здесь имеем именно стратегическую задачу: последовательную комбинацию различных сил и средств с целью разрешения основной задачи захвата и удержания власти. Каждая из частей этой стратегии гражданской войны предполагает ряд частных *тактических* задач: создание опорных боевых ячеек на фабриках и заводах, подготовку революционных комендатур на железных до-

рогах и в городах, специальную подготовку к захвату жизненных городских центров и проч. Такие же частные тактические задачи вытекают из следующего этапа, т.-е. по отношению к открытому восстанию, а также и из третьей части нашего устава, охватывающего период разгрома побежденного врага и закрепления власти победителя.

Если мы примем такую или подобную организационную схему, то мы сможем приступить к работе одновременно с разных концов. Можно будет с самого начала создать группу товарищей, которые займутся разработкой отдельных частных тактических вопросов, связанных с гражданской войной. Другие группы займутся выработкой общей стратегической схемы, принципиального введения и пр. Одновременно понадобится, очевидно, разработка наличных исторических материалов под углом зрения гражданской войны, ибо ясно, что устав мы собираемся строить не от чистого разума, а под углом зрения наличного опыта, освещенного и обобщенного, с одной стороны, с точки зрения марксизма, а с другой—с точки зрения военного дела.

Я ничего не говорю пока о системе изложения. Здесь было бы преждевременно предопределять что-либо заранее. В военных уставах имеются, как известно, только «порядки, а времен и случаев нет», т.-е. имеются только директивные указания, а конкретных примеров и пояснений не приводится. Сможем ли мы выдержать этот же метод изложения и для устава гражданской войны? В этом я не уверен. Очень возможно, что нам придется тут же, или в дополнительном комментарии, давать необходимый иллюстративный исторический материал или, по крайней мере, ссылку на него. Такой способ изложения может оказаться полезным противоядием против излишней схематизации. Но, повторяю, предопределять уже сейчас литературную конструкцию, по меньшей мере, преждевременно.

Вооруженное восстание и назначение „срока“

Устав гражданской войны или устав вооруженного восстания? Я думаю все-таки, что если вообще брать слово устав, то скорее уж устав гражданской войны. Мне кажется, что некоторые товарищи возражали против этого, как будто смешивая гражданскую войну с классовой борьбой, а вооруженное восстание — с гражданской войной. Гражданская война представляет опреде-

ленный этап классовой борьбы, когда эта последняя прорывает рамки легальности и переходит в плоскость открытого и, до известной степени, физического соразмерения сил. В этом истолковании гражданская война охватывает и стихийные восстания по частным поводам, и кровавые выступления контр-революционных банд, и революционную всеобщую стачку, и вооруженное восстание во имя захвата власти, и период подавления попыток контр-революционного восстания. Все это входит в рамки понятия гражданской войны, все это шире вооруженного восстания и все-таки несравненно уже понятия классовой борьбы, которая проходит через всю историю. Если говорить о вооруженном восстании, как задаче, то уж точно, а не так, как сплошь и рядом говорят — бесформенно, расплывчато, растворяя его в революции и тем сводя его на-нет. От этой расплывчатости нам нужно отучить других и потому—прежде всего отучиться самим. Где дело идет о вооруженном восстании, там мы стоим перед вполне уж определенной целью, распределяем роли, даем задания, связанные, разумеется, с движением масс, вооружаем, выбираем момент, наносим удар и — берем власть, если... нас не разбивают наголову. Вооруженное восстание, по крайней мере, по замыслу, должно быть разыграно по плану. Восстание есть определенный этап революции. После того как власть захвачена, гражданская война не прекращается, но принимает другие формы. Наш устав должен охватить и этот последующий этап. Вот почему речь идет именно об уставе гражданской войны, а не только об уставе вооруженного восстания. Хотя можно, разумеется, выделить и одну лишь эту задачу, как центральную.

Об опасностях схематизации мы уже говорили, но подойдем к этому вопросу поконкретнее, хотя бы на одном примере. Схематизацию, и притом крайне опасную, мне приходилось иногда наблюдать на подходе некоторых из молодых наших военных академиков к военным вопросам революции. Если мы возьмем три размежеванных нами этапа гражданской войны, то окажется, что военная работа руководящей революционной партии носит, применительно к каждому из этих периодов, совершенно особый характер. В подготовительный период мы имеем еще, очевидно, дело с наличием вооруженной силы господствующего класса, его армии, полиции и пр. Военная работа революционной партии на девять десятых состоит в этот период в организации разложения, взрывов изнутри и пр. вражеской армии и на одну десятую

часть — из подготовки элементов собственной вооруженной силы. Разумеется, это арифметическое соотношение я беру совершенно произвольно, но оно все же характеризует действительное содержание военно-подпольной работы революционной партии. Чем ближе к моменту вооруженного восстания, тем больше места занимает работа по созданию собственных вооруженных и полувооруженных отрядов. Здесь-то и возникает опасность академического схематизма. Совершенно очевидно, что отряды, при помощи которых революционная партия готовится совершить восстание, не могут иметь правильного характера, тем более по типу войсковых единиц высшего типа: бригад, дивизий или корпусов. Разумеется, руководящий орган восстания должен стремиться внести в него как можно больше элементов плана. Но план восстания строится не на централизованном управлении вооруженными силами революции, а на самой широкой самостоятельности каждого отдельного отряда при наивозможной определенности указанной ему заранее частной задачи. Вооруженная борьба со стороны восстающего ведется — по общему правилу — методами «малой войны», следовательно, отрядами партизанского или полупартизанского типа, связанными больше политической дисциплиной и единством ясно сознанной задачи, чем какой-либо правильной централизованной иерархией военного управления. После овладения властью задача резко меняется. Борьба победоносной революции за самосохранение и развитие переходит сразу в борьбу за создание централизованного государственного аппарата. Партизанщина, не только неизбежная, но и глубоко прогрессивная в период борьбы за власть, может стать после завоевания власти источником величайших опасностей, расшатывая слагающуюся революционную государственность. Тут-то и открывается уже период создания регулярной Красной Армии. Все эти моменты должны найти свое последовательное отражение в уставе гражданской войны.

В тесной связи с этим стоит вопрос о так называемом *сроке вооруженного восстания*. Само собою разумеется, что дело идет не о каком-нибудь произвольном назначении срока, так сказать, через голову событий, дело не идет также о назначении какого-либо неподвижного и незыблемого срока. Наконец, уже во всяком случае, дело не идет об открытом провозглашении какого-либо срока, в духе старой летописи: такого-то числа «иду на вы». Чтобы так подходить к вопросу о сроке, нужно обладать совсем-

таки ребяческим представлением о характере революции и ходе ее. Что восстание не вызывается по произволу, это мы, как марксисты, должны знать твердо и помнить ясно. Но когда объективные условия для восстания налицо, то восстание не само по себе делается — его нужно сделать. А чтобы сделать его, руководящий орган должен иметь в голове план восстания, прежде чем его осуществить. План восстания предполагает ориентировку в пространстве и во времени. Нужен самый тщательный учет всех факторов и элементов восстания, нужен глазомер, чтобы определить их динамику, нужен глазомер, чтобы определить тот разбег, какой требуется авангарду класса, чтобы не оторваться от класса, и в то же время совершить решающий прыжок. Одним из необходимых элементов этой ориентировки и является срок вооруженного восстания. Он намечается заранее, когда предпосылки восстания вырисовываются яснее. Разумеется, этот срок не провозглашается во всеуслышание, наоборот, он маскируется, по возможности, от врага, но так, чтобы не ввести в заблуждение собственную партию и массы, идущие за нею. Работа партии в разных областях приурочивается к этому сроку, подгоняется под него. Разумеется, если глазомер обманул нас, то срок может быть изменен, хотя это всегда уже связано с серьезными затруднениями и опасностями.

Надо прямо сказать, что вопрос о сроке восстания приобретает в некоторых случаях характер лакмусовой бумажки по отношению к революционному сознанию многих и многих западно-европейских коммунистов, до сих пор не освободившихся от выжидательного, фаталистического подхода к основным задачам революции. Наиболее глубокое и талантливое выражение этот подход нашел еще у Розы Люксембург. Психологически это вполне понятно. Она выросла, главным образом, в борьбе против бюрократического аппарата германской социал-демократии и германских профсоюзов. Она неутомимо доказывала, что этот аппарат удушает инициативу масс, и она видела спасение и выход в стихийном движении низов, которое должно опрокинуть все социал-демократические заставы и рогатки. Революционная всеобщая стачка, переливающаяся через все берега буржуазного общества, стала для Люксембург синонимом пролетарской революции. Но всеобщая стачка, какой бы мощной массовидностью она ни отличалась, еще не решает проблемы власти, а только ставит ее. Чтобы взять власть — нужно, на основе всеобщей стачки,

организовать вооруженное восстание. Разумеется, все развитие Розы Люксембург шло в этом направлении: она сошла со сцены, не сказав не только своего последнего, но и своего предпоследнего слова. Однако в германской коммунистической партии очень сильны были до самого недавнего времени тенденции революционного фатализма: революция идет, революция приближается, революция принесет с собою вооруженное восстание и власть, а партия... будет в это время вести революционную агитацию и ждать последствий. В такого рода условиях ставить ребром вопрос о сроке значит пробуждать от фаталистической пассивности и поворачивать лицом в сторону основной революционной задачи, т.-е. сознательно организованного вооруженного восстания с тем, чтобы вырвать у врага власть.

Вопрос о сроке в намеченной выше постановке также должен найти свое место в уставе гражданской войны. Этим самым мы облегчаем подготовку партии к восстанию, по крайней мере, подготовку ее руководящих кадров. Нужно иметь в виду, что для коммунистической партии самым трудным будет переход от длительной подготовительной работы к непосредственной борьбе за власть. Этот переход не может быть совершен без кризиса, притом очень и очень глубокого. Ослабить этот кризис, облегчить группировку наиболее решительных руководящих элементов, можно только одним путем: побуждая кадры партии продумывать и прорабатывать все вопросы революционного восстания заранее и тем конкретнее, чем ближе надвигаются события. Изучение Октябрьской Революции имеет с этой точки зрения совершенно неоценимое и незаменимое значение для европейских коммунистических партий. К сожалению, такого изучения сейчас нет, и его не может быть, покуда не будут созданы надлежащие пособия. Мы сами не изучили и не свели воедино опыт Октябрьской Революции и, в частности, ее военно-революционный опыт. Нужно проследить все этапы подготовки от марта до Октября, ход Октябрьского восстания в нескольких наиболее типических пунктах и затем — борьбу за закрепление власти.

Для кого мы будем писать этот устав? Некоторые товарищи говорили здесь: для рабочих, для того, чтобы каждый рабочий знал и пр. Разумеется, было бы очень хорошо, если бы «каждый» рабочий знал. Но такая постановка вопроса слишком широка и утопична. Начинать во всяком случае нужно не с этого. Наш устав должен быть, в первую голову, предназначен для руководя-

щих кадров, для командного состава революции. Разумеется, по частям, по отдельным вопросам он будет популяризоваться для более широких кругов, но, в первую голову, он должен быть предназначен для руководителей. Но, прежде всего, нам нужно самим собрать свой опыт и свои мысли — для себя самих, по возможности, ясно формулировать их, тщательно проверить и привести, по возможности, в систему. Некоторые военные писатели жаловались до империалистской войны, что войны происходят слишком редко для воспитания военачальников. С неменьшим основанием можно сказать, что революции происходят слишком редко для воспитания революционеров. Нашему поколению повезло в том смысле, что мы уже зрелыми людьми проделали революцию 1905 г. и дожили до руководящего участия в революции 1917 г. Но и то приходится сказать, что в будни революционный опыт очень быстро выветривается. Столько новых практических, повседневных, частичных и неотступных задач! Мы теперь гораздо чаще вынуждены рассуждать о том, как делается ситец, Волховстрой, кольчуг-алюминий, чем о том, как делается вооруженное восстание. Но и этот последний вопрос далеко еще не устарел. Ответ на него понадобится истории еще не раз.

Когда начинать?

Германская катастрофа прошлого года поставила Коммунистический Интернационал перед вопросом о методах организации революции и, в частности, перед вопросом о революционном восстании. На этой основе вопрос о назначении срока получил принципиальное значение, так как на нем яснее и повелительнее всего заостряются все вопросы, связанные с организацией революции... Социал-демократия усвоила, по существу, то отношение к революции, какое характеризует либерализм в эпоху борьбы буржуазии с феодалами и монархией за власть. Буржуазный либерализм спекулирует на революции, не беря на себя ответственности за нее. В подходящую минуту массовой борьбы либерализм бросает на чашу весов свой имущественный вес, свой образовательный ценз и другие средства классового влияния, чтобы захватить власть в свои руки. Германская социал-демократия сыграла подобную же роль в ноябре 1918 г., являясь при этом по существу политическим аппаратом для передачи власти, вырванной из рук Гогенцоллерна, в руки буржуазии. Такая политика выжидатель-

ной спекуляции абсолютно не совместима с коммунизмом, поскольку он ставит себе задачей вырвать государственную власть от имени пролетариата и в интересах пролетариата. Пролетарская революция есть революция огромных масс, в большинстве своем не организованных. Элемент стихийности играет в движении колоссальную роль. Обеспечить победу может только централизованная коммунистическая партия, которая ставит себе вполне определенно цель захвата власти, тщательно эту цель продумывает, прорабатывает, подготовляет и — на основе массового восстания — осуществляет. Коммунистическая партия своей централизованностью, решительностью, плановым подходом к вооруженному восстанию заменяет пролетариату в деле борьбы за власть те преимущества, какие буржуазии давались уже одним ее экономическим положением. В этой связи вопрос о сроке не есть какая-либо техническая деталь,—в вопросе о сроке ярче и конкретнее всего выражается отношение к восстанию, как искусству.

По вопросу о том, когда начинать (вопрос о сроке), нельзя, разумеется, переносить чисто военное представление на вооруженное восстание. Государство, располагающее необходимой армией, может войну начать, вообще говоря, в любой момент. Во время самой войны вопрос о переходе в наступление решается командованием, разумеется, не по произволу, а с учетом всей обстановки, но учет чисто военной обстановки все же проще, чем учет обстановки революционно-политической. Военное командование имеет дело с вполне оформленными боевыми единицами, связанными преднамеренной тщательно-продуманной и проработанной связью,—командование как бы держит армию в кулаке. Разумеется, этого нет и не может быть в революции. Здесь боевые отряды не отделены от массы и могут развить ударную силу только в связи с наступательным движением самой массы. Революционное командование должно, следовательно, уловить ритм движения для того, чтобы правильно определить момент, когда можно перейти в решающее наступление. В связи с этим, вопрос назначения срока представляется очень сложным. Разумеется, обстановка может сложиться с абсолютной отчетливостью, когда у руководящего органа партии не может оставаться более и тени сомнения: пробил час, надо действовать! Но если такая оценка является за 24 часа до решающего момента, то призыв может запоздать, партия может оказаться застигнутой врасплох и, следовательно, неспособной овладеть движением, которое в таком

случае может пойти навстречу поражению. Нужно, следовательно, по возможности заранее предвидеть приближение решающего момента, или, иначе сказать, нужно своевременно, сообразуясь с общим ходом движения и со всей обстановкой в стране, наметить срок для решающего удара.

Если, скажем, срок намечается через месяц или два, то за это время Центральный Комитет или руководящий орган партии дает партии необходимый разгон путем решительной агитации, которая ставит все основные вопросы ребром, и путем соответственной организационной подготовки, отбора и распределения наиболее боевых элементов и пр. Совершенно очевидно, что срок, назначенный за месяц, за два, а тем более за три или за четыре, не может иметь абсолютного характера, но тактика наша должна быть такова, чтобы она всем ходом своим проверяла правильность или неправильность намеченного срока по мере приближения к нему. Возьмем пример: политическими предпосылками успешного вооруженного восстания являются поддержка боевого авангарда большинством трудящихся в решающих пунктах и областях страны и соответственная расшатка органов государственной власти. Допустим, что такое состояние приближается, но еще не наступило. Силы революционной партии быстро нарастают, но еще трудно констатировать, есть ли за нею необходимое большинство. Между тем, обстановка становится все более и более острой, вопрос о восстании надвигается, как практическая проблема. Как поступает Центральный Комитет партии? Он может наметить, например, следующий план: 1) раз влияние партии быстро растет, если судить по темпу последних недель, то можно надеяться, что в таких-то и таких-то главнейших пунктах страны большинство рабочих уже в ближайшие недели окажется на нашей стороне,—сосредоточим в таких решающих пунктах лучшие силы партии и допустим предположительно, что завоевание большинства потребует от нас еще месяца; 2) раз большинство важнейших пунктов на нашей стороне, то мы сможем призвать рабочих к созданию Советов Рабочих Депутатов, разумеется, при условии, что дальнейшая расшатка правительственного аппарата пойдет своим чередом. Допустим, что на создание Советов в важнейших центрах страны нам потребуется еще две недели; 3) раз в важнейших центрах и областях страны возникают Советы под нашим руководством, то следующим естественным этапом явится обще-государственный Съезд Советов. На это

тоже нужно недели две-четыре. Совершенно очевидно, что в такой обстановке Съезд Советов должен только увенчать захват власти, иначе Съезд окажется пустышкой и будет разогнан,— другими словами, уже до момента Съезда реальный аппарат власти должен быть в руках пролетариата. Таким образом, восстание намечается через два—два с половиной месяца. Этот срок, вытекающий из общей оценки политической обстановки и ее дальнейшего развития, в свою очередь определяет характер и темп подготовительной военно-революционной работы по линии разложения буржуазной армии, по линии работы на железных дорогах, по линии создания рабочих вооруженных отрядов и пр. Мы даем вполне определенное задание подпольному коменданту города: в течение первых четырех недель сделать то-то и то-то, в следующие две недели детализировать и углубить работу так-то и, наконец, через новые две недели быть наготове к действию. Военно-революционная работа введена, таким образом, в рамки определенного срока с конкретно-поставленными частными целями. Этим устраняются та расплывчатость и выжидательность, которые могут оказаться роковыми; наоборот, достигается необходимая концентрированность усилий и соответственная решимость руководящих элементов, не только вверху, но и внизу. Тем временем политическая работа идет полным ходом. Революция развивает свою дальнейшую логику. Через месяц мы уже имеем объективную проверку: действительно ли партии удалось овладеть большинством рабочих в важнейших пунктах страны? Эта проверка может быть дана какими-либо выборами, поведением профсоюзов, уличными манифестациями, а, вернее всего, сочетанием всех этих методов и форм. Если мы убеждаемся, что первый этап был определен правильно, то этим самым намеченный нами для восстания срок получает уже серьезное подкрепление. В противном случае, если бы оказалось, что влияние наше, сильно выросшее за месяц, все же еще не обеспечивает за нами большинства, нам пришлось бы, очевидно, отодвинуть срок. Одновременно мы получим все новую и новую проверку того, насколько правящий класс растерян, насколько деморализованы войска, насколько вообще ослаб аппарат репрессии. Этими проверками определяется, в свою очередь, то, какая часть нашей подготовительной работы выходит наружу, а какая сохраняется в подполье. Организация Советов является дальнейшей возможной проверкой соотношения сил, а следовательно,

и условий вооруженного восстания. Конечно, не всегда, не везде и не во всех случаях можно будет создать Советы уже за несколько недель до восстания. Весьма вероятна такая обстановка, при которой Советы смогут быть созданы только в процессе самого восстания. Но там, где их можно будет вызвать к жизни под прямым руководством нашей партии еще при господстве буржуазии, они явятся уже прямыми предвестниками ближайшего восстания. Тем самым срок уточняется все более. Центральный Комитет проверяет работу своей военной организации по всем ее отделам, подгоняя эту работу под политическую обстановку. Надо при этом иметь в виду, что военная организация, как таковая, всегда будет считать себя не готовой, исходя не из общей оценки обстановки и соотношения сил, а из оценки своих собственных военно-организационных достижений; но решает, конечно, общая политическая оценка, и в том числе оценка ударных сил врага и наших собственных. Таким образом, срок, намеченный за два-три-четыре месяца, может оказать совершенно незаменимую организующую роль, независимо от того, будет ли он затем подтвержден пунктуально или же будет передвинут на несколько дней или недель в ту или иную сторону. Разумеется, наш пример чисто гипотетический, но он, как мне кажется, достаточно хорошо иллюстрирует мысль. Дело идет не о произвольной игре с календарными датами, а о том, чтобы выкристаллизовать срок из хода самих событий, проверять этот заранее намеченный срок через последовательные этапы движения, все более уточнять этот срок и в то же время приурочивать к нему сосредоточенные революционные усилия во всех областях работы.

Еще раз повторяю: под этим углом зрения надо тщательнейшим образом изучить опыт Октябрьского переворота — единственной до сих пор победоносной революции пролетариата. Надо составить стратегический и тактический календарь Октября. Надо показать, как события нарастали волна за волной, как они отражались в партии, в Советах, в Центральном Комитете, в военной организации. Что означали колебания внутри партии? Каков был их удельный вес в общем размахе событий? Какова была роль военной организации? Вот работа неоценимой важности. Откладывать ее дальше было бы прямым преступлением!

Затишье перед грозою

Есть еще один вопрос, который имеет громадное значение для понимания хода гражданской войны, и который должен найти то или другое выражение в нашем будущем «уставе». Кто внимательно следил за прениями, возникшими после германских событий прошлого года, тот, разумеется, заметил такого рода объяснение великого поражения: «главная причина в том, что у немецкого пролетариата к моменту решающих событий не было боевого настроения; масса не хотела драться; это лучше всего доказывается тем, что она не откликнулась на наступление фашистов; а раз масса не хочет драться, что же тут может сделать партия...» и пр. и пр. в том же роде. Мы слышали это от т.т. Брандлера[276]), Тальгеймера[277]) и др. На первый взгляд довод кажется действительно неотразимым: если масса не хочет драться, то тут уж ничего не поделаешь. Но, с другой стороны, откуда же возник «решающий момент»? Он явился результатом всей предшествующей борьбы, которая шла, повышаясь и обостряясь. 1923 год заполнен боями немецкого пролетариата. Как же это так могло случиться, что как раз перед своим Октябрем немецкий рабочий класс сразу лишился боевого настроения? Непонятно! Да верно ли само указание на нежелание рабочих драться?—возникает естественный вопрос. А от этого вопроса мысль ведет нас снова к нашему собственному октябрьскому опыту. Если перечитать предъоктябрьскую печать, хотя бы только нашу партийную, то увидим, что товарищи, выступавшие против вооруженного восстания, ссылались именно на нежелание рабочей массы драться. Сейчас это кажется невероятным, но, нем не менее, таков был главный аргумент. Мы имели, следовательто, аналогичное явление: весь 1917 год был заполнен боями пролетариата, а когда дело дошло до захвата власти, раздались голоса о том, что масса не хочет драться. И действительно, в движении перед Октябрем наступило некоторое затишье. Случайность ли это? Или же некоторый исторический «закон»? Устанавливать закон было бы, пожалуй, слишком поспешно. Но совершенно несомненно, что для такого явления должны быть некоторые общие причины. Явление это в природе называется «затишьем перед бурей». Смысл его в революции, мне кажется, таков. В течение известного периода боевое настроение массы растет, принимая самые различные формы: стачки, манифестации, улич-

ные столкновения и т. д. Масса впервые начинает по-настоящему сознавать свою силу. Один уже рост массовидности движения доставляет массе политическое удовлетворение. Вчера в движении участвовали сотни тысяч, а сегодня миллион. Целый ряд экономических и политических позиций захвачен стихийным напором, масса поэтому легко пускается в каждую новую стачку. Но этот период неизбежно исчерпывает себя, растет опыт массы и вместе с тем ее организация. А с другой стороны, и враг показывает, что не собирается сдавать свои основные позиции без боя. В соответствии с этим революционное настроение масс становится более критическим, более углубленным, затем и более тревожным. Она ищет — особенно после тех или других промахов или частичных поражений — правильного руководства, хочет получить уверенность в том, что ею будут и умеют руководить, и что в решающем бою она может твердо рассчитывать на победу. Вот этот переход от оптимистической, почти не рассуждающей стихийности к более критической сознательности и порождает революционную заминку—известный кризис в настроении масс. При прочих необходимых условиях этот кризис может быть преодолен только политикой партии, т.-е. прежде всего ее подлинной готовностью руководить восстанием пролетариата. Между тем, историческая грандиозность задачи (захватить власть!) порождает неизбежные колебания и в самой партии, особенно в верхах ее, где концентрируется ответственность. Оба явления, совсем, конечно, не равноценные—затишье перед бурей в низах и колебания на верхах — естественно совпадают по времени. И вот почему мы слышим предостерегающие голоса: «Вы видите, масса совсем не рвется в бой, наоборот, она настроена скорее пассивно; было бы при таких условиях авантюризмом звать ее на вооруженное восстание»... Незачем говорить, что когда такие настроения получают преобладание, то этим одним уже революции обеспечено поражение. А после поражения, происшедшего по вине партии, открывается уже полная возможность твердить на все лады, что восстание было невозможно, так как массы его не хотели. Этот вопрос должен быть тщательно проработан. Надо, на основании имеющегося опыта, учиться определять этот предгрозовой момент, когда пролетариат как бы говорит себе: «Одними стачками, демонстрациями, протестами дальше не пойдешь; тут уж нужно драться; драться я готов, потому что другого выхода нет; но драться уж надо по-настоящему, т.-е. сосредоточив все

силы и обеспечив правильное руководство». Тут вся ситуация заостряется до последней степени. Обстановка характеризуется архи-неустойчивым равновесием: шар на вершине конуса. В зависимости от толчка, шар может скатиться и в ту и в другую сторону. У нас, благодаря твердости и решимости партийного руководства, шар пошел по линии победы. В Германии политика партии толкнула шар в сторону поражения.

Политика и военное дело

Какой характер должна иметь наша работа над «уставом»: политический или военный? Она начинает с того пункта, где политика превращается в военное дело, и рассматривает дальше политику под углом зрения военного дела. Это на первый взгляд кажется противоречием, потому что не политика служит вооруженному восстанию, а вооруженное восстание служит политике. Но на самом деле тут никакого противоречия нет. Восстание в целом служит, разумеется, основным целям пролетарской политики. Но когда восстание в ходу, то текущая политика должна быть полностью и целиком подчинена восстанию.

Переход политики в военное дело и сочетание их вообще создают большие трудности. Мы знаем, что стыки слабее всего. Вот на стыках между политикой и ее военным продолжением также нетрудно споткнуться. Мы это видели немножко и здесь. Товарищ X показал нам методом от обратного, как трудно сочетать политику с военным делом, товарищ Y ошибку товарища X еще подкрепил. По словам товарища X выходит, будто Ленин в 1918 году значения Красной Армии не признавал, а говорил, что борются-де две мировые силы, и это нас спасает. А товарищ Y прибавил: «да, мы играли роль смеющегося третьего»... Никогда ничего подобного товарищ Ленин не говорил и не мог сказать. Здесь у обоих товарищей явно неправильный переход от политики к военному делу. Конечно, если бы Германия была к моменту нашей Октябрьской Революции победительницей, если бы европейский мир был уже подписан, то Германия нас раздавила бы, имели ли бы мы при этом армию в сто тысяч, пятьсот тысяч или даже в три миллиона,—она бы нас раздавила, ибо такой силы, как победоносная германская армия, у нас не могло бы быть ни в 1918, ни в 1919 году. Следовательно, борьба двух мировых лагерей была для нас основным прикрытием. Но в рамках этой борьбы

мы погибли бы сто раз, если бы у нас не было в 1918 г. нашей маленькой и слабой Красной Армии. Разве то обстоятельство, что Англия и Франция парализовали Германию, решало проблему Казани? Если бы мы Казань не удержали нашими полупартизанскими полурегулярными отрядами и дали белым продвинуться до Нижнего и Москвы, то нас перерезали бы, как кур, и были бы правы, а мы могли бы сколько угодно ссылаться при этом на то, что хотя армии у нас и нет, но зато мы «смеющийся третий»... с перерезанным горлом. Тов. Ленин становится на точку зрения политическую и говорит: «Милые друзья, военные работники, не зазнавайтесь. Вы представляете лишь один из фактов в сочетании сил, но вы не единственная и даже не главная сила,—держимся мы фактически европейской войной, т.-е. благодаря тому, что империалисты сейчас друг друга парализуют». Но отсюда никак не вытекает, будто Ленин в 1918 году «не придавал армии значения». Если перенести тот же метод рассуждения на внутренние задачи революции, на вооруженное восстание, например, то придем к очень любопытным выводам. Возьмем, например, вопрос о создании боевых отрядов. Подпольная или полуподпольная коммунистическая партия через свой подпольный военный отдел создает боевые сотни. С точки зрения решения вопроса о власти, это как будто совсем-таки ничтожная вещь. Что такое несколько десятков вооруженных или полувооруженных сотен? Если стать на точку зрения социальную, историческую, то вопрос о власти решается составом общества, ролью пролетариата в производстве, политической сознательностью пролетариата, степенью расшатанности старой государственной власти и пр.—вот чем решается вопрос. Но ведь это только *в последнем или предпоследнем счете*. А непосредственно? Непосредственно исход борьбы может зависеть от наличия десятка вооруженных отрядов. Необходимые социальные и политические предпосылки (этим предпосылкам должно быть посвящено введение в наш «устав») создают предварительные условия успеха, но они автоматически вовсе еще не обеспечивают успех, они доводят дело до того пункта, где политика переходит в вооруженное восстание, и говорят: «а теперь извольте поработать штыком!».

Еще раз повторяю. Гражданская война есть обостренное продолжение классовой борьбы. Вооруженное восстание есть продолжение политики, но особыми средствами, поэтому и судить о восстании нужно под углом его особых средств. Нельзя мерить

политику военным аршином, но и военное дело нельзя мерить одним лишь политическим аршином,—скажем, в отношении времени. Это тоже серьезный и самостоятельный вопрос, который должен найти освещение в нашем уставе. В подготовительный период мы измеряем время политическим аршином, т.-е. годами, месяцами, неделями. В период вооруженного восстания мы измеряем время часами и днями. Недаром говорится, что в военное время месяц идет за год; иногда и день за год. В апреле 1917 г. Ленин говорил: «терпеливо и настойчиво разъяснять рабочим...», а в конце октября уже не оставалось времени на терпеливое разъяснение тому, кто еще не понял,—нужно было итти в наступление во главе тех, которые уже поняли. Упущение лишнего дня в октябре означало бы крушение работы многих подготовительных месяцев и лет. Я вспоминаю ту военную игру, которую вы проводили несколько месяцев тому назад в Военной Академии. Там у вас вышел, насколько помню, спор, уводить ли немедленно части из Белостокского района, ввиду безнадежности тамошних позиций, или задержаться там в надежде на восстание в Белостоке, как пролетарском городе. Разумеется, решить такой вопрос серьезно можно лишь на основании самых точных и реальных данных. Военная игра этими данными не располагает, так как в ней все условно. Но принципиально говоря, в вашем споре столкнулись два мерила времени: чисто военное и революционно-политическое. А какое мерило, при прочих равных условиях, господствует на войне? Военное. Другими словами: поднимется ли Белосток за несколько дней — сомнительно; да если и поднимется, то неизвестно, что сделает поднявшийся пролетариат без военной подготовки и вооружения, а потерять за два, за три дня две-три дивизии вполне возможно, если они будут топтаться на безнадежных позициях в ожидании восстания, которое само по себе не может еще радикально изменить военную обстановку. На известном опыте с Брест-Литовским миром мы имели классический пример неправильного применения политического и военного мерила времени. Вы знаете, что большинство Центрального Комитета, и я в том числе, решили против меньшинства, во главе которого стоял тов. Ленин, не подписывать мира, хотя и был риск, что немцы начнут наступать. Какова была мысль этого решения? Часть товарищей утопически надеялась на революционную войну; другая часть, и я в том числе, считали необходимым «прощупать» немецкого рабочего: окажет ли он сопро-

тивление кайзеру, если тот станет наступать на революцию. В чем была здесь ошибка? В чрезмерности риска. Для того, чтобы раскачать немецкого рабочего, могли понадобиться недели или месяцы, а для того, чтобы немецким войскам добраться до Двинска, Минска и Москвы, нужны были, по тем временам, недели и дни. Революционно-политический аршин — долгий, а военный — короткий. И кто не уяснит себе этого до конца, как следует быть проработав имеющийся опыт, продумав и обобщив его, тот рискует из сочетания революционной политики и военного дела, т.-е. из величайшего нашего преимущества, сделать источник новых и новых ошибок.

Необходима величайшая ясность в постановке вопросов гражданской войны

Тов. П. опять вернул нас к вопросу о том, какой собственно устав мы пишем: устав вооруженного восстания или устав гражданской войны. Я все-таки остаюсь при своем мнении, говоря: не надо,—говорит он,—замахиваться слишком широко, иначе наша задача совпадет с задачами политики Коминтерна. Ничего подобного! Кто так говорит, тот явно смешивает гражданскую войну в точном смысле этого слова с классовой борьбой. Если мы обратимся к Германии, как к объекту изучения, то мы можем, например, с большой пользой заняться мартовскими днями 1921 г. После того следует длительный период собирания сил под лозунгом единого фронта. Совершенно очевидно, что к этому периоду устав гражданской войны никак не подойдет. С января 1923 года, с оккупации Рура, создается снова революционная обстановка, которая резко обостряется с июня 1923 года, когда терпит крушение буржуазная политика пассивного сопротивления и, вместе с тем, шатается или разваливается вся буржуазная государственность. Вот этот период мы, разумеется, должны подвергнуть тщательному изучению, с одной стороны, как классический образец развития и нарастания революционной ситуации, а с другой стороны, как столь же классический образец упущенной революции.

Гражданская война в Германии была в прошлом году, но увенчания и разрешения своего через вооруженное восстание она не получила. Исключительная и беспримерная революционная ситуация сошла на-нет, и буржуазия снова упрочилась.

Почему? Потому, что политика не получила в необходимый момент необходимого продолжения другими, т.-е. вооруженными, средствами. Разумеется, что возрождение в Германии буржуазного государственного режима после прошлогоднего срыва пролетарской революции имеет очень и очень сомнительную устойчивость. Революционная ситуация вернется—когда именно, нельзя сказать. Но совершенно очевидно, что август 1924 г. совсем не таков, каким был август 1923 года. И если бы мы закрывали глаза на опыт, если бы мы не научились из опыта, если бы мы пассивно шли навстречу новым ошибкам такого рода, то это могло бы привести к повторению прошлогодней немецкой катастрофы, что создало бы величайшую угрозу для революционного движения.

Вот почему в этой области меньше, чем в какой-либо другой, мы можем допускать смазанность основных понятий. Здесь опять пытались привести бесформенно-скептические возражения насчет срока, явно уклоняясь от марксистской постановки вопроса о восстании, как искусстве. В качестве чего-то чрезвычайно нового и поучительного нам приводят соображения о том, что условия очень сложны, что обстановка меняется, что нельзя поэтому заранее себя связывать и пр. и пр. Но если не итти дальше этих общих мест, то нужно ведь отказаться и от оперативных военных планов и сроков, ибо на войне условия иногда быстро и неожиданно меняются. Оперативный план никогда не реализуется на 100%, хорошо, если он реализуется на 25%, т.-е. подвергается на 75% изменению в процессе своего выполнения. Но полководец, который на этом основании стал бы вообще отрицать пользу оперативного плана, заслуживал бы смирительной рубашки. И, во всяком случае, я рекомендую такой путь, как методологически единственно правильный: давайте находить общие правила, общие нормы, а затем будем говорить об изъятиях, введем оговорки и пр. Если же мы начнем с изъятий, оговорок, уклонений, сомнений, колебаний, то ни до каких выводов никогда не доберемся.

Один из выступавших товарищей оспаривал мое замечание насчет эволюции военной организации в подготовительный период, во время восстания и после захвата власти. Партизанщина—говорил он—вообще недопустима, нужна правильная военная организация.—«Партизанщина есть хаос». Слушая эти речи, я чуть-чуть не дошел до отчаяния. Что это, в самом деле, за невозможное доктринерски-академическое высокомерие!—«Партизан-

щина есть хаос». Да с этой формальной генерально-штабной точки зрения и революция есть хаос. И большую войну мы в соответственных случаях будем дополнять малой войной, т.-е. такой, которая ведется отрядами партизанского типа. А в первый период революции только на такие отряды и приходится, главным образом, полагаться. Но — возражают нам — эти отряды должны быть «типовыми». Если вы хотите этим сказать лишь, что и в партизанскую войну нужно вносить все доступные ей элементы упорядоченности, то это правильно. Но если вы мечтаете об иерархически-централизованной военной организации, созданной уже до вооруженного восстания, то это утопия, которая может оказаться при проведении роковой. Если передо мной стоит задача овладения из подполья городом (как часть задачи по овладению властью в стране), то я разбиваю свою задачу на ряд частных задач (овладение главными правительственными зданиями, вокзалом, почтой, телеграфом, типографиями) и поручаю выполнение каждой из них начальникам небольших самостоятельных отрядов, заранее подготовленных для этих задач. Каждый отряд должен полагаться только на себя и иметь при себе своего главного интенданта, иначе — захватив телеграфную станцию, отряд может оказаться без пищи. Погоня за типовой регламентацией неизбежно приведет к бюрократизации, которая в этот период опасна вдвойне: во-первых, потому, что внушить начальникам боевых дружин и отдельным дружинникам ложную мысль о том, что ими кто-то будет сверху управлять, командовать, тогда как их нужно воспитывать в духе величайшей самостоятельности и предприимчивости; с другой стороны — бюрократизация, связанная с иерархической системой, оттянет лучшие элементы из дружин во всякие штабы. С первого же момента восстания штабы эти великолепнейшим образом повиснут в воздухе, а боевые отряды, ожидая руководства сверху, будут обречены на полупассивность и утрату времени, что для восстания означает верную гибель. Вот почему генерально-штабное чванство по отношению к партизанщине, как «хаосу», должно быть осуждено, как не реалистическое, не научное, не марксистское.

И после завоевания власти в главных центрах страны революционные партизанские отряды на периферии могут играть чрезвычайно прогрессивную роль. Нужно ли напоминать, какую услугу Красной Армии и революции оказывали партизанские отряды в тылу у немцев на Украине, или в тылу у Колчака в Си-

бири? Вместе с тем нужно, однако, установить за незыблемое правило, что революционная власть сейчас же принимает меры к тому, чтобы включить лучшие партизанские отряды и лучшие их элементы в систему правильной военной организации. Иначе эти партизанские отряды несомненно станут элементами хаоса и могут выродиться в ударные кулаки вооруженной мелко-буржуазной анархии против пролетарского государственного порядка. Примеров таких мы видели не мало. Указывают, с другой стороны, на то, что среди партизан, туго поддававшихся правильной организации, было не мало героев. Называли Сиверса [278]), называли Киквидзе [279]). Я мог бы назвать много других. И Сиверс, и Киквидзе боролись, как герои, и пали, как герои. Сейчас в свете их великих заслуг перед революцией совершенно бледнеют и меркнут те или другие отрицательные партизанские черты их боевой работы. Но в тот период борьба с этими чертами была обязательна. Только через борьбу с партизанщиной мы пришли к созданию Красной Армии и к ее решающим победам.

Еще и еще раз предупреждаю против расплывчатости терминологии, так как за этим чаще всего скрывается расплывчатость понятий. Еще и еще раз предупреждаю против уклонения от прямой и мужественной постановки вопросов под предлогом того, что все течет, все меняется. Внешним образом это чрезвычайно напоминает диалектику и, во всяком случае, охотно выдает себя за диалектику. Но на деле это не так. Диалектическая мысль,—как пружина, а пружина делается из закаленной стали. Скептические оговорки ничего не решают и ничему не научают. Когда основная мысль выделена резкой чертой, тогда оговорки и ограничения могут правильно расположиться вокруг нее. Если же ограничиваться одними оговорками, то получится в теории конфузия, а на практике — хаос; а конфузия и хаос не имеют ничего общего с диалектикой. По существу дела, под такого рода лже-диалектикой скрывается чаще всего социал-демократическое или обывательское отношение к революции, т.-е. как к чему-то, что совершается помимо нас. Об отношении к вооруженному восстанию, как к искусству, при таком подходе не может быть и речи. Между тем мы хотим заняться именно теорией этого искусства.

Все эти вопросы должны быть нами продуманы, проработаны, оформлены. Они должны войти составной частью в наше военное воспитание и обучение — по крайней мере, для высшего

командного состава. Связь этих вопросов с задачами обороны Советской Республики ясна и несомненна. Враги все еще продолжают твердить, будто Красная Армия имеет своей задачей искусственно вызывать взрывы в других странах и разрешать их при помощи своего штыка. Незачем говорить, что эта карикатура не имеет ничего общего с нашей действительной политикой. Мы больше всего озабочены сохранением мира, и мы это доказали и доказываем всем своим поведением: и серьезными уступками при договорах, и последовательным сокращением вооруженных сил. Но мы достаточно воспитаны в духе революционного реализма, чтобы отдавать себе ясный отчет в том, что наши враги еще попытаются прощупать нас при помощи оружия. И если мы далеки от мысли искусственными военными мерами форсировать развитие революции, то, с другой стороны, мы уверены, что война капиталистических стран против Советского Союза будет связана с глубокими социальными потрясениями и с явлениями гражданской войны в странах наших врагов. К этому мы должны быть готовы. Мы должны уметь сочетать навязанную нам оборонительную войну Красной Армии с гражданской войной в стане наших врагов. В этом смысле устав гражданской войны должен стать одним из необходимых элементов военно-революционной учебы высшего типа.

Примечания

[1]) *Книга Л. Д. Троцкого «Терроризм и коммунизм»*—впервые вышла в свет в 1920 году в издании Ленинградского отделения Госиздата.

[2]) *Книга «Между империализмом и революцией»* — впервые появилась в печати в 1921 году в издании Московского отделения Госиздата.

[3]) *Меньшевистская Грузия*.— 26 мая 1918 года Грузия объявила себя самостоятельной. Инициаторами отделения Грузии от России были грузинские меньшевики, которые и составили, в лице Жордания, Чхенкели и др. грузинское правительство. Историю возникновения Грузинской Республики и ее ликвидации см. в тексте: стр. 228—232—290—328—330.

[4]) IV Конгресс Коминтерна заседал в Москве 5 ноября — 12 декабря 1922 г. На Конгрессе было представлено — 62 партии, из них: с решающим голосом—49, с совещательным—13. Делегатов присутствовало 401, из них с решающим голосом—342, с совещательным—59. На Конгрессе были заслушаны следующие доклады: 1) отчет И. К. К. И. — Зиновьев, 2) Пять лет русской революции и перспективы мировой революции — Ленин, 3) НЭП — Троцкий, 4) Наступление капитала — Радек, 5) Программный вопрос — Бухарин, Тальгеймер, Кабакчиев, 6) Задачи коммунистов в профсоюзах — Лозовский, 7) Восточный вопрос — Равенстейн, Рой, Катаяма, 8) Аграрный вопрос — Варга, Теодорович, 9) КИМ — Шюллер, 10) Негритянский вопрос — Биллингс, Маккей, 11) Кооперация — Мещеряков, 12) Работа среди женщин — Цеткин, 13) Воспитательная работа — Герилэ, 14) Версальский договор — Кашен, 15) Реорганизация И. К. К. И. — Эберлейн, 16) Французский вопрос — Троцкий, 17) Итальянский вопрос — Зиновьев, 18) Чехо-словацкий вопрос — Радек, 19) Норвежский вопрос — Бухарин, 20) Мандатная комиссия.

IV Конгресс Коминтерна подвел некоторые итоги проведения тактики единого фронта в мировом масштабе и констатировал, что, несмотря на отдельные ошибки, допущенные в этой работе, в общем и целом эта тактика при данных условиях оказывается единственно правильной в деле завоевания пролетарских масс. Съезд основательно продискутировал те частичные разногласия, которые имелись внутри Коминтерна по вопросу о тактике единого фронта (французская и итальянская партии) и тем способствовал достижению большего единства в понимании этой тактики. Следует отметить, как одну из крупнейших работ Съезда, выработку проекта программы Коминтерна, принятого после длительной дискуссии. Хотя IV Конгресс лишь подтвердил основные положения тактики Коминтерна, установленные III Конгрессом, не вводя в эту тактику никаких существенных кор-

рективов, тем не менее работа IV Конгресса в чисто практической области, в области выработки конкретного плана выполнения тактических резолюций Коминтерна, оказалась чрезвычайно плодотворной. Конгресс вскрыл идейные уклоны, факты автономизма (отклонения от общих решений Коминтерна), неправильный подход некоторых партий к разрешению отдельных тактических задач и вынес ряд решений в связи с этими явлениями, принятых абсолютным большинством голосов.

[5]) *Карл Каутский* (р. 1854 г.)—виднейший теоретик II Интернационала. Редактор научного органа германской соц.-дем. партии «Neue Zeit», прекратившего свое существование в 1923 г. Перу Каутского принадлежит ряд ценных работ в области политической экономии, истории, социологии и политики. Наиболее известны следующие его книги, переведенные на главные европейские языки: «Предшественники новейшего социализма», «Аграрный вопрос», «Эрфуртская программа»,«Анти-Бернштейн», «Этика и материалистическое понимание истории»; брошюры «Путь к власти», «Движущие силы русской революции» и др. Начав свою деятельность в качестве теоретика германской социал-демократии, как революционный марксист, активно боровшийся со всякими видами оппортунизма в международном рабочем движении («мильеранизм» и «бернштейнианство»), Каутский, однако, уже в до-военные годы сам мало-по-малу склоняется к реформизму. Являясь в области теории крайним радикалом в течение десятков лет, выдающимся пропагандистом и популяризатором учения Маркса и Энгельса,—он политически солидаризировался с германской социал-демократией, которая в своей практической деятельности все более и более проникалась оппортунизмом и перерождалась в реформистскую партию. Империалистская война, вскрывшая всю оппортунистскую гниль II Интернационала, обнаружила также несостоятельность его главного теоретического вождя—К. Каутского.

По вопросу о голосовании военных кредитов вильгельмовскому правительству Каутский занял промежуточную позицию. Вообще, позиция К. Каутского во время войны, как и после нее, сводилась и сводится к постоянным колебаниям между революционным и оппортунистическим течениями в рабочем движении, с перевесом в пользу последнего. Во время войны К. Каутский, хотя и отмежевывался от Шейдемана, и даже одно время откололся от него (создание независимой социал-демократической партии в 1916 г.), однако старался теоретически оправдать и связать интернационализм и оборону отечества, интернационализм и социал-соглашательство. Несмотря на свои платонические расхождения с открытыми социал-шовинистами, Каутский считал необходимым не раскол с оппортунистами, а сохранение единства с ними.

Ту же оппортунистическую и половинчатую линию вел Каутский по отношению к Октябрьской Революции в России и ноябрьской в Германии. Теоретически и программно признавая диктатуру пролетариата, он практически вел все время непримиримую идейную борьбу против политики Советской власти, предсказывая ее скорое падение. Будучи одним из вдохновителей и организаторов $2^1/_2$ Интернационала, возникшего в 1921 г., он содействует через год его обратному переходу в ряды желтого II Интернационала. Являясь апологетом демократии, он объективно поддерживает самую раз-

нузданную буржуазную диктатуру. В сущности, все центристские партии после войны в основном руководятся позицией К. Каутского, и в этом смысле можно говорить о международном каутскианстве, хотя сам Каутский в последние годы не играет активной политической роли.

[6]) *Карл Радек*—один из виднейших деятелей Коминтерна, член Ц. К. Р. К. П. с 1919 года по 1923. К. Радек начал свою политическую деятельность в Польше, где состоял членом с.-д. Польши и Литвы. Переехав в Германию, он примкнул к лево-радикальному течению в германской социал-демократии, возглавлявшемуся Розой Люксембург. В результате, за свою ярко революционную линию, был выслан из Германии. Война застала К. Радека в Швейцарии, где он жил после высылки из Германии. По вопросу о войне занял определенно интернационалистскую революционную позицию. Был участником Циммервальдской (1915 г.) и Кинтальской (1916 г.) конференций, где блокировался с русскими большевиками, выступая против соглашательских тенденций значительной части делегатов. После февральской революции пытался попасть в Россию, но не был пропущен туда Временным Правительством, как «опасный элемент». Поселившись в Стокгольме, К. Радек по поручению Ц. К. большевистской русской партии, в качестве ее представителя, поддерживал связь с заграничными интернационалистско-революционными кругами. В октябре 1917 года приехал в Россию и вошел в состав Р. К. П.

Во время дискуссии о Брестском мире, вместе с т. Бухариным был одним из лидеров «левых» коммунистов. В декабре 1918 г. принял участие в работах съезда «спартаковцев» в Берлине и был арестован правительством Шейдемана. В 1922 г. был делегатом от Коминтерна на конференции трех Интернационалов.

В Коминтерне К. Радек вел и ведет со дня его основания обширную и ответственную работу в международном масштабе, являясь частым докладчиком на конгрессах и пленумах Коминтерна. К. Радек особенно близкое участие принимал до V Конгресса Коминтерна в делах германского рабочего движения и германской компартии.

[7]) *Вильгельм Либкнехт* (1826—1900)—один из основателей германской социал-демократии, близкий друг Маркса и Энгельса, отец убитого шейдемановцами К. Либкнехта. В. Либкнехт начал свою деятельность в революцию 1848 г. в Бадене и Пфальце. После неудачного исхода этой революции эмигрирует в Швейцарию, затем в Лондон, где сближается с основателями научного социализма Марксом и Энгельсом. Возвратившись в 1862 году по амнистии в Берлин, Либкнехт вступает в члены Лассалевского рабочего союза*), где старается вести пропаганду в марксистском духе. После смерти Лассаля Либкнехт вступает в открытый конфликт с Швейцером, заместителем Лассаля и ведет энергичную борьбу против тактики лассальянцев, доказывая ее ошибки: одностороннее ведение борьбы против буржуазии (не против монархии), перенесение центра тяжести борьбы в сторону завоевания всеобщего избирательного права, без такой же энергичной борьбы за другие демократические требования, наконец несостоятельность лозунга Лассаля о государственной помощи рабочим ассоциациям и т. д. Будучи

*) См. *К. Эйснер*. В. Либкнехт. Его жизнь и деятельность.

вторично выслан Бисмарком, он живет в Лейпциге; впервые знакомится и тесно сближается с Бебелем, способствуя переходу этого последнего с точки зрения либерализма на точку зрения революционного марксизма. В Лейпциге Либкнехт ведет агитационно-просветительную работу в Лейпцигском образовательном союзе для рабочих и др. организациях. В дальнейшем В. Либкнехт, совместно с Августом Бебелем, становится организатором широкого рабочего движения в Германии и германской социал-демократической партии. По его инициативе был создан в 1868 году «Демократический Еженедельник» и целый ряд других литературных изданий. В своей многолетней парламентской работе он остался до конца верен своему лозунгу: «никаких компромиссов с реакционерами»,—ведя выдержанную революционную линию. Его нелестная характеристика парламента, как «фигового листка абсолютизма», вызвала против него бурю буржуазного негодования. В. Либкнехт строго стоял на точке зрения ортодоксального марксизма, что неоднократно доказывал своей революционной работой. Когда разразилась в 1870 году франко-прусская война, В. Либкнехт воздержался от голосования военного займа, призывал к братству французских и немецких рабочих, и за протест против аннексии Эльзас-Лотарингии и солидаризирование в печати и парламенте с Парижской Коммуной был арестован, как государственный преступник, и заключен в крепость. В эпоху действия исключительного закона против социалистов в Германии (1878—1890), Либкнехт, совместно с Бебелем, был активнейшим организатором подполья, из которого он продолжал осаждать господствующий режим, предохраняя в то же время партию от распада и разложения. На съездах германской социал-демократической партии Либкнехт старался проводить выдержанную марксистскую линию и ополчался против всякой попытки свернуть с правильного пути. Так в 1894 году, на съезде партии, он резко осудил выступление Фольмара, который предлагал голосовать за правительственный бюджет.

[8]) *Август Бебель* (1840—1912)—наиболее выдающийся вождь германской социал-демократии в довоенный период ее развития. Выходец из полупролетарской семьи и сам пролетарий (токарь по ремеслу), Август Бебель постепенно выдвинулся в первоклассного руководителя рабочего движения. До 1865 года, когда он познакомился с В. Либкнехтом, Бебель придерживался либеральных взглядов и совместно с либералами работал в просветительном союзе ремесленников, в качестве его председателя. Общение с В. Либкнехтом толкнуло его к разрыву с либеральными идеями и заставило перейти на почву пролетарского революционного движения и примкнуть к I Интернационалу. С этого времени Авг. Бебель становится любимым вождем германского рабочего класса. В 1868 г. на конгрессе в Нюрнберге Бебель был выбран президентом немецких рабочих ферейнов (союзов). В 1869 году на съезде в Эйзенахе, Бебель, совместно с В. Либкнехтом, положил начало германской социал-демократии, которой и руководил до самой своей смерти. С 1867 г., когда Бебель был впервые избран в германский рейхстаг, он неизменно переизбирался депутатом вплоть до самой кончины. Помимо блестящих организаторских способностей, Бебель в течение своей многолетней деятельности проявил себя, как исключительный тактик, оратор и парламентский деятель. Как и его друг В. Либкнехт, Бебель вел

ортодоксально-марксистскую линию в германском рабочем движении. Во время франко-прусской войны Бебель, как и Либкнехт, воздержался от голосования военного займа, а после провозглашения во Франции республики, голосовал против займа и протестовал против аннексии Эльзас-Лотарингии, за что и был приговорен в 1872 году к двум годам тюрьмы по обвинению в государственной измене. Репрессиям всякого рода Бебель подвергался много раз, особенно в эпоху исключительного закона против социалистов (1878—1890 г.г.). Бебель резко выступал против попыток ревизионистов и оппортунистов—Эд. Бернштейна, Фольмара и др.—сдвинуть пролетарское движение с почвы революционного марксизма на почву реформизма. Ту же линию он проводил и в международном рабочем движении, и, будучи самым влиятельным вождем II Интернационала, неоднократно своим авторитетом способствовал поражению оппортунистов на международных съездах. Так было, например, на Амстердамском конгрессе 1904 года, когда, благодаря давлению Бебеля, Жорес потерпел поражение в попытке санкционировать принципиальное право социалистов входить в состав буржуазных министерств. Однако, в последний период своей жизни, Бебель потерял первоначальную чуткость и своей политикой способствовал практическому оппортунизму германской социал-демократии. Автор получившего большое распространение труда «Женщина и социализм» и ряда других литературных произведений.

[9]) *Шейдеман*—один из вождей германской социал-демократии военного и, отчасти, послевоенного периода. По профессии печатник. Ярый оппортунист и социал-соглашатель. Во время войны вел непримиримо шовинистическую линию. Голосовал за военные кредиты правительству Вильгельма. Одновременно вел беспощадную борьбу с проповедью К. Либкнехтом и Р. Люксембург революционного интернационализма, поощряя германское правительство в преследовании вдохновляемого ими спартаковского движения. После ноябрьской революции 1918 г. стал во главе германского правительства, ведя открыто буржуазную политику. Его правление ознаменовалось карательными экспедициями и массовыми убийствами революционно настроенных рабочих, шедших под знаменем Либкнехта. Наконец, во время выступления германского пролетариата в январе 1919 г., при пассивном содействии правительства Шейдемана пали от руки черносотенных офицеров Р. Люксембург и Карл Либкнехт. Значительный интерес для характеристики социал-шовинизма представляют мемуары Ш. о германской революции.

[10]) *Эберт*—бывший шорник, ныне президент германской буржуазной республики. До войны был ближайшим сотрудником Бебеля. Во время империалистической войны Эберт, вместе с Шейдеманом, вдохновляет социал-патриотов. В последние дни вильгельмовской монархии Эберт вступает в правительство Макса Баденского с целью предотвратить революцию. Национальным Собранием в 1919 году он избирается президентом германской республики. В 1923 году берлинские рабочие требовали его исключения из партии и профсоюза как человека, ставшего врагом рабочего класса.

[11]) *Лево-радикальное крыло германской социал-демократии* сложилось под непосредственным влиянием первой русской революции 1905 г. Но еще задолго до революции 1905 г. Роза Люксембург, совместно с ле-

выми элементами германской социал-демократии, заняла непримиримую позицию по отношению к «бернштейнианству» и «мильеранизму». Лево-радикалы все время вели борьбу против оппортунистических тенденций в германской партии, проводниками которых были правое крыло и центр. На основе опыта революции 1905 г. левые пытались привить германской социал-демократии новые методы борьбы, поставив на обсуждение вопрос о всеобщей стачке. Во время войны лево-радикалы стояли в резкой оппозиции к правящему большинству партии и центру, подвергая решительной критике лозунги социал-патриотизма и поведение парламентской фракции. В 1915 г. Роза Люксембург, Франц Меринг и Клара Цеткин издавали журнал «Интернационал» (вышел только один номер), вокруг которого группировались наиболее революционные элементы германской партии. После закрытия «Интернационала» ту же линию вел другой радикальный орган «Лучи Света». В 1916 г. часть левых радикалов, возглавляемая Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом, объединились вокруг союза «Спартак», другие же элементы левых радикалов группировались вокруг бременского журнала «Рабочая Политика», руководимого К. Радеком, гамбургской группы Лауфенберга и т. д. В 1918 г. эти группы положили начало коммунистическому движению в германском рабочем классе, создав кадры будущей коммунистической партии Германии.

[12]) *Спартаковцы*—члены союза «Спартак», организовавшегося в Германии в начале империалистической войны и действовавшего нелегально. Во главе союза стояли К. Либкнехт, Лев Иогихес и Р. Люксембург. Спартаковцы вели энергичную борьбу против позиции, занятой по вопросу о войне большинством германской социал-демократии, и призывали германский рабочий класс к гражданской войне и прекращению империалистической войны. Когда в 1916 году от официальной социал-демократии откололись «независимые» (Гаазе, Ледебур), отказавшиеся голосовать за кредиты, «спартаковцы» примкнули к ним, сохранившись, однако, как особая группа. Но после ноябрьской революции, когда в состав временного правительства вошли с.-д. большинства и независимые, спартаковцы разорвали с независимой с.-д. партией в декабре 1918 года, положив начало организации коммунистической партии Германии.

[13]) *Носке*—член шейдемановского правительства в 1919 и 1920 г.г. Помощник Шейдемана по подавлению революционного движения германского пролетариата; ознаменовал свое пребывание у власти массовым террором в отношении рабочего класса. Будучи старым членом германской социал-демократической партии и типичным представителем рабочей аристократии, Носке еще до войны открыто поддерживал колониальную политику империалистического правительства, а во время войны склонился к самому ярому социал-патриотизму. В настоящее время Носке сошел с политической арены, состоя бургомистром (гор. головой) Ганновера.

[14]) *Единый фронт.*—Исполком Коминтерна принял тезисы о тактике единого фронта в декабре 1921 года. Подтверждены на расширенном пленуме Исполкома 24 февраля—24 марта 1922 года.

Принимая тезисы о едином фронте, Коминтерн преследовал цель сплочения рядов мирового пролетариата против перешедшего в наступление мирового капитала. Еще на III Конгрессе, в резолюции о тактике,

говорилось: «Там, где положение рабочей массы становится все более невыносимым, коммунистические партии должны испробовать все, чтобы повести рабочие массы в борьбу за свои интересы. Принимая во внимание, что в Западной Европе и Америке, где рабочие массы организованы в профсоюзы и политические партии, и где, поэтому, можно лишь в очень редких случаях рассчитывать на непосредственно, стихийно возникающие движения,—коммунистические партии обязаны стремиться путем утверждения своего влияния в профсоюзах, путем усиления давления на другие партии, опирающиеся на пролетариат, начинать совместную борьбу за ближайшие интересы пролетариата. Причем, в случае, если в эту борьбу будут втянуты некоммунистические партии, задача коммунистов будет состоять в том, чтобы заранее подготовить рабочие массы к возможности предательства со стороны некоммунистических партий в любой момент борьбы. Коммунисты должны, по возможности, обострять положение и толкать на борьбу, доводя дело до того, чтобы, в случае необходимости, быть готовыми самостоятельно продолжать ее».

Наступление капитала, начавшееся в 1921 году, нанесло рабочему классу всех стран серьезные поражения. Заработная плата резко понизилась, рабочее время было увеличено, и общие условия жизни рабочего класса в целом ряде стран значительно ухудшились. Долго пассивность рабочих масс при таких условиях продолжаться не могла, и вскоре обнаружилась стихийная тяга мирового пролетариата к объединению своих сил, не взирая на партийные и организационные перегородки. Это обстоятельство толкнуло отдельные коммунистические партии активно ввязаться в борьбу широких рабочих масс, без различия их политических взглядов, за повседневные и переходные требования. Идея создания единого фронта возникла в Германии, где коммунистическая партия в 1921 г. выступила с открытым письмом, направленным к германским независимым социал-демократам и профсоюзам с предложением объединиться для борьбы с капиталом на почве определенной деловой программы. Такие же попытки делались затем и в других странах. Однако идея единого фронта не во всех партиях Коминтерна встретила сочувствие. На пленумах, предшествовавших IV Конгрессу и на самом IV Конгрессе, французская и итальянская партии высказывались против единого фронта. Французские коммунисты опасались, что массы совершенно не поймут сближения с обанкротившимися социалистами. Кроме того, французские коммунисты полагали, что, при недостаточной маневроспособности партии и остроте разрыва с реформистами, тактика единого фронта натолкнется на непреодолимые препятствия. Итальянские делегаты высказывались за единый фронт, но лишь в профсоюзах, и отвергали сношения с социалистическими вождями. Большинство партий, однако, признало такую аргументацию несостоятельной, и тезисы об едином фронте были утверждены расширенным пленумом Исполкома. Французские, итальянские и испанские товарищи после утверждения тезисов заявили, что они подчиняются принятым решениям. Несмотря на большие трудности, стоящие перед Коминтерном в проведении тактики единого фронта, и отдельные ошибки, совершенные компартиями, сама идея единого фронта вполне оправдала себя тем влиянием, которое Коминтерн приобретает в рабочих массах.

[15]) *Институт Ленина* был организован по инициативе Московской организации Р. К. П. в 1923 году. Институт был торжественно открыт XIII съездом партии в мае 1924 года.

[16]) *Диктатура горохового шута.*—Здесь автор имеет в виду диктатуру главы фашизма в Италии—Муссолини.

[17]) *III Конгресс Коммунистического Интернационала* происходил в Москве с 22 июня по 12 июля 1921 года. На Конгрессе участвовало 603 делегата от 58 стран. В порядке дня Конгресса стояли следующие вопросы: 1) доклад Исполкома Коминтерна, 2) мировой экономический кризис и новые задачи Коминтерна, 3) тактика Коминтерна во время революции, 4) переходный период (частичное выступление и окончательная революционная борьба), 5) борьба с Амстердамским желтым объединением профессиональных союзов, 6) Международный Совет красных профсоюзов и Коминтерн, 7) организационное строительство коммунистических партий, методы и содержание их работы, 8) организационное строительство Коммунистического Интернационала и его отношение к входящим в его состав партиям, 9) восточный вопрос, 10) итальянская социалистическая партия и Коминтерн (обжалование решения Исполкома Коминтерна), 11) германская коммунистическая партия и Коминтерн (обжалование решения Исполкома Коминтерна), 12) женское движение, 13) движение молодежи, 14) выборы Исполкома Коминтерна, местопребывание его, 15) разные вопросы.

Конгресс выполнил огромную работу по освещению основных проблем мирового революционного движения. Особенное внимание было уделено обсуждению мирового экономического кризиса, тактике Коминтерна во время революции и внутрипартийным вопросам Италии и Германии. Основными докладчиками на Конгрессе выступали: Н. Ленин (тактика Р. К. П.), Л. Троцкий (мировой хозяйственный кризис и новые задачи Коминтерна), К. Радек (о тактике Коминтерна) и др.

[18]) *Экономизм* — оппортунистическое течение в русской социал-демократии, возникшее во вторую половину 90-х годов и ликвидированное ко времени созыва II партийного съезда в 1903 году. Основная черта этого направления заключалась в недооценке значения политической борьбы для освобождения рабочего класса. «Экономисты» обращали исключительное внимание на экономическую борьбу рабочих с капиталистами за улучшение их повседневной жизни, не понимая неразрывной связи в классовом обществе экономики и политики. В лучшем случае они допускали лишь постепенное эволюционное развитие рабочих в сторону политической борьбы. По мере роста культурности и сознательности рабочего класса он со ступеньки на ступеньку поднимается на политическую арену (так называемая «теория стадий»). Тем самым объективно «экономисты» предоставляли руководящую роль в освободительном движении трудящихся масс России—либералам, т.-е. русской буржуазии. В тесной связи с недооценкой «экономистами» политической борьбы находится и недооценка ими значения инициативной роли партии и руководителей в рабочем движении. «Экономисты» преклонялись перед стихийным рабочим движением и сводили значение партии к роли регистратора рабочих чаяний. За это «экономизм» был Лениным, в свое время, окрещен, как «хвостизм», как «тред-юнионистское» течение, неспособное итти впереди масс рабочего класса. Органом «экономистов»

была сначала «Рабочая Мысль», выходившая в Петербурге в 1895 — 1896 г.г., под руководством Акимова (Махновца) и Тахтарева; затем менее выдержанный в «экономическом» духе журнал—«Рабочее Дело», выходивший за границей в 1899—1901 г.г. под руководством Кричевского и Мартынова. Основной причиной, благоприятствовавшей возникновению «экономизма», был промышленный подъем последнего десятилетия XIX в. Этот подъем сделал возможным экономическое улучшение положения рабочих, как результат стихийного рабочего движения того времени. Поэтому у отсталых слоев рабочего класса возникли иллюзии о возможности и достаточности ограничиться борьбой против капиталистов за экономические уступки.

[19]) *Н. И. Бухарин*—один из вождей Р. К. П. Родился в 1888 году. В первый раз был арестован в 1909 г.; последующие аресты повлекли за собою ссылку в Архангельскую губернию, откуда Бухарин бежал. В дальнейшем Бухарин эмигрировал за границу, принял участие в работе заграничных большевистских органов и сотрудничал в газетах, издававшихся в России. С наступлением империалистической войны Бухарин арестовывается в различных странах (в Швеции, Англии, Австрии) за свою интернационалистическую деятельность.

Во время войны Бухарин принадлежал к крайнему интернационалистическому направлению в соц.-демократии, возглавлявшемуся Лениным, и сотрудничал в большевистском органе «Коммунист», издававшемся в Женеве. Во время дискуссии о Брестском мире в 1918 г. тов. Бухарин, возглавляя фракцию «левых» коммунистов, стоял за отказ от подписания мира и объявление революционной войны и в этом духе издавал двухнедельник «Коммунист»; после ноябрьской революции в Германии в 1918 г. он признал свою ошибку. Во время дискуссии о профсоюзах он образовал «буферную» группу, но позже поддерживал платформу т. Троцкого. Помимо своей политической деятельности, Н. И. известен еще, как экономист и журналист. Из его трудов представляют значительный научный интерес следующие: «Политическая экономия рантье», направленная против главы австрийской школы в политической экономии—Бем-Баверка, и «Империализм и мировое хозяйство»; гораздо более спорными с марксистской точки зрения являются «Экономика переходного периода» и «Исторический материализм».

С июля 1917 года Бухарин является бессменным членом Ц. К., членом Исполкома Коминтерна с начала организации последнего и редактором центрального органа Р. К. П. «Правда».

[20]) *Деникин*—один из контр-революционных генералов, известный своей вооруженной борьбой с Советской Республикой. В 1919 году ему удалось захватить Дон, очистить Украину от советских войск, захватить Курск и Орел и приближением к арсеналу Республики, Туле, создать угрозу Москве. Однако мобилизацией всех сил Советской России Деникин был отброшен от красной столицы и, теснимый к югу, разбит. Жалкие остатки деникинской армии успели перебраться в Крым. Сам Деникин эмигрировал в Англию, уступив свою роль главнокомандующему белогвардейскими войсками — барону Врангелю. Английский король даровал Деникину титул лорда.

[21]) *Юденич*—генерал царской армии, был главнокомандующим Кавказским фронтом во время империалистической войны. После Октябрьской

Революции активный враг Советской власти. Известен, главным образом, своими попытками захватить Ленинград. Став в 1919 году, при поддержке англичан, во главе армии «Северо-Западного Правительства», созданного на территории Эстонии, Юденич дважды пытался занять Ленинград. Первая попытка Юденича, предпринятая 16 мая, привела к захвату Красной Горки, форта на южном берегу Финского залива, но была парализована ответным ударом красных войск 5 августа 1919 г.—занятием города Ямбурга, пограничного с Эстонией. Вторая попытка Юденича взять Ленинград совпала с успешным наступлением Деникина на Москву 12—25 октября 1919 г. Юденичу удалось дойти почти до самого города, именно до Пулкова, но здесь он был разбит, и окончательно, красными войсками.

[22]) *Колчак*—адмирал царского флота; бывший командующий Черноморским флотом. После падения Советской власти в Сибири, по настоянию Антанты, назначается организовавшейся там Директорией военным министром. Однако 18 ноября 1919 года Колчак устраивает переворот, в результате которого становится «верховным правителем Сибири». Организовав многочисленную белую армию, Колчак овладевает всей Сибирью и Уралом. С мая 1919 года начинается для Колчака ряд неудач. Красные захватывают один город за другим. Вся Сибирь покрывается партизанскими отрядами, в тылу происходят многочисленные восстания крестьян. В результате—армия Колчака разбивается и теснится в глубь страны, наконец в январе 1920 г. падает Иркутск, вслед за этим в Нижнеудинске захватывается Колчак и 7 февраля он расстреливается по постановлению Иркутского ревкома.

[23]) *Заключение мира с Эстонией.*—Полное поражение Юденича в конце 1919 года вынудило 2 февраля 1920 года Эстонию подписать мирный договор с Советской Республикой. Эстония получила этнографическую границу, право на лесные концессии и 15 миллионов рублей золотом, взамен чего она обязалась предоставить свои порты Советской России для беспрепятственного пользования в торговых целях и право свободного транзита русских товаров. Историческое значение мирного договора с Эстонией заключается в том, что это был первый, если не считать Брестский, договор Советской Республики с буржуазным правительством.

[24]) *Переговоры с Литвой и Польшей*—начались непосредственно после разгрома Деникина и Юденича. В мае месяце 1920 года состоялась в Москве русско-литовская мирная конференция. С Польшей дело обстояло сложнее. Три раза пыталось Советское Правительство завязать мирные переговоры с Польшей (22 декабря 1919 г., 28 января 1920 г. и 2 февраля того же года) Однако Польша всячески оттягивала начало мирных переговоров, а затем внезапно, в мае 1920 года, начала наступление на Украину, захватив Киев. Дальнейшее течение мирных переговоров имело место уже после войны. 17 августа 1920 г. в Минске произошла первая встреча русской и польской делегаций. 21 сентября 1920 года переговоры были перенесены в Ригу, где и был подписан 12 октября договор о прелиминарном мире.

[25]) *Всеобщая Конфедерация Труда во Франции*—основана в Лиможе в 1895 г., как результат развития французских рабочих организаций от обществ взаимопомощи к современному типу профессиональных союзов. Однако первое время влияние В.К.Т. было ограничено, так как наряду с ней

существовала Федерация Бирж Труда, опиравшаяся на местные межсоюзные объединения—Биржи Труда, хорошо связанные с рабочими массами и пользовавшиеся у них большим авторитетом. Фактическое единство профдвижения было установлено только в 1902 г. на конгрессе в Монпелье, когда обе организации слились в одну под общим названием В.К.Т.

Вплоть до войны французское профессиональное движение представляло во всех отношениях классический образец анархо-синдикалистского движения. В организационном отношении В.К.Т. базировалась на принципах автономизма и федерализма. Эти принципы нашли себе выражение в том, напр., что в состав Национального Комитета Конфедерации входило по одному делегату от каждой профессиональной организации, независимо от ее численности, характера и роли. Национальный же Комитет не был властным руководителем борьбы рабочих масс, а выступал только в роли советчика, помощника и т. д. местных синдикатов и федераций. Анархо-синдикалисты представляли себе социальный переворот, как результат «прямого действия» («action directe»), выражающегося во всеобщей стачке для захвата орудий производства. Такими же методами они обещали бороться с войной в случае ее возникновения. Конфедерация Труда отказывалась от какого бы то ни было участия в политической борьбе, как и от связи с политическими партиями.

Война 1914 г. обнаружила внутреннюю слабость синдикализма. Революционная фразеология и прежние угрозы милитаризму не помешали лидерам В.К.Т. стать самыми ярыми шовинистами, оказывавшими активную помощь своему правительству. В результате учета военного опыта французское профдвижение начинает постепенно освобождаться от синдикалистских идей. В конце 1921 г. В.К. Т. раскалывается на революционную и реформистскую части. Революционная часть стала именоваться Унитарной Конфедерацией Труда, объединив 350 тыс. чл., из 600 тыс. организованных в профсоюзах. На Сен-Этьенском конгрессе 1922 г. У.К.Т. приняла постановление о вхождении в Профинтерн. Соглашение о вхождении было подписано в ноябре 1922 г. на II конгрессе Профинтерна. С тех пор У.К.Т. все более выпрямляет свою революционную линию, борясь с остатками анархо-синдикализма. Вместе с тем растет и влияние У.К.Т. среди рабочих масс. К 1 сентября 1923 г. она уже насчитывает 448 тыс. чл., в то время как реформистская В.К.Т. количественно почти не изменяется (250—290 тыс. член.).

[26]) *Ллойд-Джордж*—до ноября 1922 года в течение ряда лет руководитель английского правительства. Начав карьеру либеральным реформистом, Ллойд-Джордж сделался во время войны и после войны вождем империалистической буржуазии. В течение всей послевоенной эпохи Ллойд-Джордж стремился методами компромисса восстановить капиталистическое равновесие. Убедившись в безрезультатности поддержанной им военной интервенции по отношению к Советской России, Ллойд-Джордж пытался мирным экономическим давлением толкнуть ее на путь капиталистического развития. Последняя его затея—Генуэзская конференция—кончилась крахом. В октябре 1922 г., вследствие поражения либералов на выборах, Ллойд-Джордж вынужден был уйти в отставку, уступив место консерваторам. В настоящее время лидер правого течения среди либералов. См. подробнее прим. 31 т. III ч. 1.

[27]) *Чартизм* (от англ. слова charter — хартия) — рабочее движение, возникшее в Англии в 1836 — 1848 г.г. в связи с экономическим кризисом и вызванной им безработицей.

С целью улучшения социально-экономического положения рабочего класса законодательным путем, чартисты добивались политических прав и в первую голову демократизации палаты общин в Англии. В 1838 г. в палату была представлена первая петиция (хартия), покрытая миллионом подписей, в которой чартисты выдвигали следующие главные требования: избирательное право для всех мужчин, отмена имущественного ценза для депутатов, равные избирательные округа, вознаграждение депутатов и ежегодные выборы. Парламент отклонил требования чартистов, чем вызвал мощный протест рабочего класса в виде демонстраций, многочисленных митингов и забастовок. Та же судьба постигла и следующие две петиции, поданные чартистами в 1842 и 1848 г.г. Тем не менее чартистское движение, явившееся первым самостоятельным выступлением рабочего класса под собственным знаменем, не прошло бесследно для английского и международного рабочего движения. С этого момента английские феодалы и крупные капиталисты вынуждены были пойти на все бо̀льшие и бо̀льшие уступки рабочему классу, не забывшему выступления пионеров—чартистов. Главными вождями чартистов были О'Коннор и О'Бриен.

[28]) *Парижская Коммуна* 18 марта—28 мая 1871 г.

Основными моментами, благоприятствовавшими провозглашению Коммуны, были небывалое поражение Франции во франко-прусской войне, обнаружившееся предательство и бессилие реакционного правительства Тьера и тяжелое продовольственное положение трудящихся масс Парижа, тщетно ожидавших от правительства учета и реквизиции съестных припасов и других социальных мероприятий.

Коммуна замечательна своим радикальным законодательством, нашедшим свое выражение в актах об уничтожении постоянной армии, отделении церкви от государства и т. д.

Социалистический характер носят декреты о переписи оставленных фабрикантами фабрик и плане их эксплоатации, об уравнении окладов всех государственных служащих с заработной платой рабочих и др.

Однако капитализм еще не изжил себя в период Коммуны, а таил в себе мощную силу развития. С другой стороны, и рабочий класс не был еще достаточно сознателен и организован. После восьмидневного геройского сопротивления Парижская Коммуна пала. Победившая буржуазия зверски расправилась с восставшими рабочими.

Парижская Коммуна сыграла всемирно-историческую роль. В несовершенной форме она была воплощением диктатуры пролетариата. Парижская Коммуна рассеяла иллюзии о возможности мирного перехода власти к пролетариату. Коммунары недооценили бешеное сопротивление, которое окажут господствующие классы, не желающие добровольно уступить выгоды своего господства. Вместе с тем Коммуна подчеркнула необходимость централизованного руководства политической партии, без чего самое мощное стихийное движение может быть легко разбито. В этом и заключаются основные уроки Коммуны. См. подробную характеристику,

данную К. Марксом в его брошюре «Гражданская война во Франции», а также в книге Н. Ленина «Государство и революция».

[29]) *Социал-патриотизм*—течение, захватившее все социал-демократические партии II Интернационала во время империалистической войны. Сущность его взглядов сводится к тому, что социалисты каждой страны во время войны обязаны стать на защиту своего отечества и, следовательно, на время войны заключить гражданский мир с господствующими классами. Это шовинистическое и оппортунистическое течение в международном социализме, так ярко проявившееся во время войны, было подготовлено эпохой сравнительно мирного развития капитализма в течение 1871—1914 г.г. (от Парижской Коммуны до империалистической войны). В течение этого периода «органического» развития в международной социал-демократии образовался целый слой привилегированных рабочих, партийных и профсоюзных бюрократов, порвавших с традициями революционного марксизма и ставших источником оппортунистических течений. Кризис, созданный империалистической войной, окончательно вскрыл внутренние противоречия, подтачивавшие II Интернационал за все время его существования, и отбросил его большинство к полному разрыву с принципами марксизма и к тесному сближению с буржуазией.

Тов. Ленин следующим образом определяет социально-экономическую подоплеку социал-патриотизма, как проявления оппортунизма социал-демократических партий: «Оппортунизм порождался в течение десятилетий особенностями такой эпохи развития капитализма, когда сравнительно мирное и культурное существование слоя привилегированных рабочих «обуржуазивало» их, давая им крохи от прибылей своего национального капитала, отрывало их от бедствий, страданий и революционных настроений разоряемой массы. Империалистская война есть прямое продолжение и завершение такого положения вещей, ибо это есть война за *привилегии* великодержавных наций, за передел колоний между ними, за господство их над другими нациями. Отстоять и упрочить свое привилегированное положение «высшего слоя» мещан и аристократии (и бюрократии) рабочего класса—вот естественное продолжение мелко-буржуазно-оппортунистических надежд и соответственной тактики во время войны, вот экономическая основа социал-империализма наших дней» (*Н. Ленин*, Крах II Интернационала, т. XIII, стр. 166).

[30]) *В. Адлер* — основатель австрийской социал-демократической партии, редактор ее центрального органа «Рабочая Газета». Еще до войны эволюционировал в сторону ревизионизма, а во время войны становится одним из столпов социал-соглашательства и социал-патриотизма.

[31]) *П. Ренодель*—главный руководитель французской социалистической партии во время войны. На эту роль он выдвинулся с начала войны, после смерти Жореса. Политикан, делец «партийной кухни», он был вполне пригоден для эпохи предательства и политических сделок с Пуанкаре, Вивиани и К°. Возглавляя социал-патриотическое большинство, Ренодель руководил партией до Турского конгресса 1920 г., когда социал-патриоты остались в меньшинстве и вынуждены были пойти на раскол с коммунистическим большинством. В настоящее время, даже в рядах отколовшейся соц. партии, Ре-

ндель возглавляет правое крыло, открыто призывающее партию к правительственному блоку с Эррио и К⁰.

[32]) *Вандервельде*—бельгийский социалист, крупнейший лидер II Интернационала. Вместе с Жоресом и др. Вандервельде еще до войны возглавлял реформистское крыло II Интернационала. Война превратила его окончательно в социал-предателя. Став королевским министром, Вандервельде не постеснялся агитировать среди русских социалистов (с благословения царского посла) за поддержку войны Романовых. После Февраля Вандервельде приезжает в Петроград для нажима на социалистические круги в целях поддержки войны. В 1919 году Вандервельде, кричавший перед этим о демократии, свободе наций и т. д., подписывает Версальский договор, который означал открытый грабеж Германии со стороны Антанты. По отношению к Сов. России Вандервельде все время занимал враждебную позицию, что особенно ярко сказалось в его роли в качестве защитника эсеров на знаменитом процессе 1922 года.

[33]) *Гендерсон* — один из вождей английской рабочей партии. Гендерсон был и остался, по существу, либералом, к тому же питающим склонность к религиозным проблемам. В рабочей партии Гендерсон всегда отстаивал идею классового мира, а в годы войны входил в буржуазное правительство, проповедуя войну до победоносного конца. В послевоенном II Интернационале Гендерсон играл крупную роль, будучи выбран на объединительном конгрессе II и $2^1/_2$ Интернационалов в Гамбурге председателем Исполкома. Гендерсон, как и ряд других членов Исполкома, получил затем «отпуск» для вхождения в министерство Макдональда.

[34]) *Г. В. Плеханов* (1857—1918). Основатель первой социал-демократической ячейки в России—«Группы Освобождение Труда» в 1883 г. Один из крупнейших вождей социал-демократического движения в России и II Интернационала. Главнейшие заслуги Плеханова, помимо блестящего обоснования роли рабочего движения в России, относятся к области пропаганды и разработки основных проблем марксизма в целом ряде трудов и статей. Наиболее известны его следующие книги: «К развитию монистического взгляда на историю», «Наши разногласия», «Beiträge zur Geschichte des Materialismus», «Н. Г. Чернышевский» и сборники статей «За 20 лет», «Критика наших критиков» и др. Плеханов был долгое время главарем меньшевистской фракции соц.-демократической партии России. Во время войны, как и другие крупнейшие вожди II Интернационала, стал ярым оборонцем. Подробнее см. т. III, ч. 1, прим. 84.

[35]) *Международное каутскианство.*—Во время войны и после нее в недрах социал-демократических партий II Интернационала главнейших стран, наряду с двумя крайними группировками: открытых оппортунистов и последовательных революционных марксистов - интернационалистов, создалась промежуточная, половинчатая группа центра, вождем которой в германской социал-демократии является К. Каутский. В сущности, все центристские партии других стран в основном руководятся позицией главного теоретика II Интернационала, К. Каутского, и в этом смысле можно говорить о международном каутскианстве. См. прим 5.

[36]) Автор имеет в виду вождей германской независимой партии—Каутского, Гаазе, Гильфердинга и Ледебура. Германская независимая пар-

тия образовалась во время войны, отколовшись от официальной немецкой социал-демократии по вопросу об отношении к войне и голосовании кредитов. После ноябрьской революции германские независимцы вновь сближаются с шейдемановцами, входя вместе с ними в состав Временного Правительства Германской Республики. В 1920 году на конгрессе в Галле германская независимая партия раскололась: часть ее (меньшинство) составила особую группу, позднее слившуюся с старой социал-демократической партией, другая часть (большинство) примкнула к III Коммунистическому Интернационалу и вошла в состав объединенной коммунистической партии Германии.

[87]) *Фридрих Адлер* — сын вождя австрийской с.-д. Виктора Адлера, вышел из рядов так называемой австрийской школы марксистов. До войны Адлер, главным образом, занимался наукой, и только непосредственно перед войной он активно входит в австрийское рабочее движение. Капитуляция с.-д. перед войной произвела глубокое впечатление на Адлера, но не превратила его в революционного марксиста. Свою оппозицию он проявил не работой в массах, а индивидуальным террором—убийством премьер-министра Штюргка. Поражение Австрии и ноябрьская революция совсем почти сгладили разногласия внутри австрийской с.-д., и с тех пор Ф. Адлер употребляет свой моральный авторитет на оправдание предательской политики австрийской с.-д. В конце 1920 г. Адлер руководит созданием межеумочного $2^1/_2$ Интернационала, после же слияния последнего со II Интернационалом выбирается секретарем этого объединенного Интернационала.

[88]) *Ж. Лонгэ*—один из вождей французской социалистической партии. Сын видного французского социалиста Ш. Лонгэ и внук К. Маркса.

Жан Лонгэ проводил во время войны половинчатую и соглашательскую политику, пожалуй, более ренегатскую, чем политика его духовного отца—К. Каутского. Лонгэ не только голосовал за военные кредиты, но все время старался представить войну со стороны Франции оборонительной, объявив целью войны защиту демократии. Оппозиция Лонгэ буржуазным партиям не шла дальше протестов против фальсификации целей войны. Когда Антанта, во главе с Францией, подвергла Советскую Республику интервенции и блокаде, Лонгэ, чтобы окончательно не скомпрометировать себя в глазах революционно-настроенных французских рабочих, вынужден был взять на себя роль защитника русских большевиков. Он даже словесно признал принцип диктатуры пролетариата и советскую систему, с тем, конечно, чтобы не делать никаких практических шагов к реализации этих принципов. Такую же непоследовательную и соглашательскую линию он проводил и в организационных вопросах: словесно воюя самым радикальным образом с открытыми реформистами и социал-патриотами, Лонгэ практически считал необходимым сохранить единство с ренегатом Тома и тому подобными политическими типами. С 1919 года, когда Ф. С. П. раскололась в связи с вопросом об отношении к III Коммунистическому Интернационалу, Лонгэ возглавляет правое меньшинство партии, ведя систематическую борьбу с французской коммунистической партией, возникшей из большинства Ф. С. П.

[89]) *Английская независимая рабочая партия* — в общем является такой же центристской, как и германская независимая партия. Во время войны

вела пацифистскую пропаганду и подвергалась репрессиям со стороны правительства Ллойд-Джорджа. В 1920 году вышла из II Интернационала; в 1921 году приняла участие в Венской Конференции $2^1/_2$ Интернационала; в 1922 году снова вошла в состав желтого II Интернационала. Левое крыло английской независимой партии позднее влилось в английскую коммунистическую партию. Центр партии возглавляется Уоллхэдом. Правое крыло—Макдональдом и Сноуденом.

[40]) *Группа Мартова.* — Во время войны русская меньшевистская партия раскололась на не имевшую влияния группу интернационалистов с Мартовым во главе, которая участвовала в циммервальдском объединении, и большинство, принимавшее участие в комитетах военной промышленности. Когда вспыхнула февральская революция, большинство меньшевиков стало на платформу защиты буржуазной демократии и дало своих представителей в буржуазное правительство. Группа Мартова возмущалась предательской политикой своих партийных товарищей, но не решалась выйти из партии. После Октябрьской революции группа Мартова начинает скатываться к позиции правого крыла меньшевиков. Мартов называет пролетарский режим Советской России новым царизмом и ведет непрестанную идейную борьбу с большевиками, в то время как его более правые единомышленники в союзе с буржуазной контр-революцией втягиваются в вооруженные восстания против Советской власти. В 1920 году, когда весь мир был охвачен революционным пожаром, Мартов левеет и принимает лозунг власти советов, настаивая на ее демократизации. В последующие годы группа Мартова перестает быть особой группой, целиком и полностью становясь на точку зрения большинства меньшевистской партии и ведя за границей систематическую анти-советскую кампанию. (Подробнее о Мартове см. т. III, ч. 1, прим. 86.)

[41]) *Нападение Польши на Украину.* — Автор имеет в виду внезапный налет поляков на Киев и захват его в мае 1920 года после долгих и безуспешных переговоров Советского Правительства с Польшей относительно заключения мира.

[42]) *Пилсудский*—в прошлом вождь мелко-буржуазной П. П. С. С воссозданием Польского государства глава последнего. Проводник буржуазной политики, инспирированной Францией. Был вдохновителем русско-польской войны 1920 г. В настоящее время сошел с политической арены и состоит главнокомандующим (маршалом) польской армии.

[43]) *Лига Наций*—создалась из представителей великих держав-победительниц на Версальской конференции в 1919 году, под влиянием президента С.-А. Соедин. Штатов, Вильсона. В вводной части к статуту Лиги основная цель ее определяется следующим образом: «содействие сотрудничеству народов и достижение всеобщего мира». Кроме того, в ее обязанности входит: охрана труда (ст. 23), покровительство народам колоний (ст. 22), упорядочение международных торговых отношений и проч.

Как и Версальский мирный договор, неотъемлемой частью которого является создание Лиги Наций,—эта организация под прикрытием пацифистских целей проводит политику англо-французского империализма. Бывший статс-секретарь Соединенных Штатов Лансинг, подписавший Версальский договор, пишето Лиге Наций в своих мемуарах «Мирные перего-

воры» следующее: «Надо откровенно сознаться, что Лига Наций является орудием в руках сильнейшего против национальных стремлений и надежд побежденных государств»... Эта нелестная характеристика вполне подтвердилась деятельностью Лиги Наций за время, протекшее от ее основания. В отношении Германии, Лига Наций выполняла функции международного шпика, наблюдая за каждым шагом по проведению ею условий Версальского мирного договора. Кроме того, для оккупированного Саарского угольного бассейна Лига Наций являлась и является высшим административным органом, она решала и решает все вопросы, касающиеся: областей Эпен-Мальмеди, присоединенных к Бельгии, Данцига и австро-германских отношений.

Состав Лиги Наций и ее организация лучше всего говорит о ее великодержавном характере. Формально она обнимает большинство европейских стран, около 50 (кроме Соединенных Штатов, которые вышли из состава Лиги Наций, Германии и России); фактически же она является органом только стран Антанты. Согласно статута Лиги Наций, фактическим руководящим и ответственным органом являются не пленумы, собирающиеся раз в год, а Верховный Совет, который ведет всю текущую работу. Его полномочия простираются вплоть до права исключения членов Лиги, если они, по мнению Совета, не выполняют своих обязательств. В состав Совета входят: Англия, Франция, Япония, Соединенные Штаты и четыре представителя от всех других членов Лиги. Однако было бы ошибочно думать, что внутри Верховного Совета, этого гнезда империализма, существует доброе согласие на счет плана деятельности Лиги Наций. Раздираемые экономическими противоречиями, страны Антанты ведут между собою внутри Совета ожесточенную борьбу. В то время, как Англия, заинтересованная в хозяйственном возрождении Германии и России, ведет политику сближения с этими странами и допущения их в Лигу Наций, Франция, наоборот, все время стремилась использовать Лигу Наций для порабощения Германии и изоляции Советской России.

Деятельность Лиги Наций за протекшее время показала полную бесплодность этой организации. Вопрос о возможности войны не только не стал менее острым, но постепенно становится злобой дня европейской политики. В таком же положении находится и вопрос об экономическом возрождении Европы мирными средствами.

Соглашатели из II Интернационала, молившиеся на 14 пунктов Вильсона, в числе которых они признавали наиболее важным учреждение Лиги Наций, становятся во все более затруднительное положение в подыскивании аргументов, чтобы оправдать и объяснить ту смесь агрессивности и бессилия, которая является основной чертой деятельности мертворожденного детища Вильсона.

[44]) *Версаль*—имеется в виду мирный договор между державами Антанты и Германией, подписанный в Версале 28 июня 1919 года и дипломатически закрепивший кровавые результаты империалистической войны. Согласно этого договора, по своему кабальному и грабительскому характеру далеко превзошедшего Брест-Литовский договор,—Германия лишилась значительной части своей территории в Европе, всех своих колониальных владений и преимуществ которыми она пользовалась в Марокко, Сиаме,

Либерии и т. д. Передача Антанте угольных копей, больше чем трех четвертей железных рудников, лишение Германии обширных пространств посевной площади,—все это обрекало германскую промышленность на застой, а население на недоедание. Наконец, контроль, учрежденный над главнейшими отраслями германского производства, над сухопутными и речными сообщениями Германии, над ее заграничной торговлей превращает ее фактически в колонию стран победительниц. Мы уже не говорим о разрушении ее морского и воздушного флота и чудовищной контрибуции, долженствующей возместить потери от войны союзных держав.

Еще большему территориальному расщеплению подверглась бывшая Австро-Венгерская монархия, превращенная в целую группу самостоятельных государств, находящихся под пятой Лиги Наций.

Невыполнимость и пагубность для капиталистического мира Версальского договора была доказана в момент заключения его даже буржуазными идеологами, вроде английского экономиста Кейнса. Тот факт, что репарационную проблему Франции пришлось в январе 1923 года разрешать силою оружия—захватом Рурской области,—лучше всяких теоретических обобщений доказывает, как сильны экономические и политические противоречия, создавшиеся после империалистической войны и усилившиеся под влиянием преступного Версальского договора.

[45]) *Вильсон*—президент С.-А. Соединенных Штатов с 1912 г. по 1920 г. Проповедник пацифизма. Основные его пацифистские идеи изложены им в знаменитых 14 пунктах (см. прим. 221), ставших на время символом веры для одураченных мелко-буржуазных и отчасти пролетарских масс. Инициатор и творец Лиги Наций. Во время войны посредник между воюющими державами. Нечего говорить о том, что его идеи остались лишь благими пожеланиями, которые, однако, были использованы всеми буржуазными правительствами в целях обмана трудящихся масс.

[46]) *Австрийский президент Зейц* — старый соц.-демократ, член центрального комитета австрийской социал-демократической партии. После ноябрьской революции 1918 года был президентом австрийской республики.

[47]) *Канцлер Реннер*—один из вождей австрийской социал-демократии и столпов так называемой австрийской школы марксизма. Ученый литератор. Писал, главным образом, по национальному вопросу. Наиболее известны следующие его сочинения: «Государство и нация», «Национальная проблема», «Борьба национальностей за государство в Австрии» и др. Во время войны социал-патриот. После ноябрьской революции 1918 г. канцлер первого послереволюционного австрийского правительства.

[48]) *Третье-июньский режим в России.*—Автор имеет в виду окончательную победу реакции в России после революции 1905 г. Закон 3 июня 1907 г. о выборах в Государственную Думу, лишавший избирательных прав широкие массы населения, давал перевес землевладельческим и крупно-буржуазным элементам в составе Думы. С изданием этого закона совпала целая система карательных мер, задуманная тогдашним председателем совета министров Столыпиным. Одновременно с его опубликованием была разогнана 2-я Государственная Дума, начались преследования национальных меньшинств, были уничтожены последние остатки революционных свобод. Таким обра-

зом эта дата стала синонимом государственного переворота и самой черной реакции.

[49]) *Давид* — виднейший теоретик ревизионизма и реформизма, представляющий мелко-буржуазное крестьянское крыло соц.-дем. В начале 900-х г.г. Давид выступил с критикой аграрной программы с.-д., возбудив к себе большие симпатии наших эсеров (по этому поводу имеется статья Ленина в IV томе: «Les beaux esprits se rencontrent»). Последующие годы Давид является одним из столпов ревизионистского журнала «Социалистические Ежемесячники», усердно проповедует политические блоки с буржуазией, критикует классовый пролетарский характер с.-д. партии, считая, что последняя должна быть народной. В годы войны Давид превращается, конечно, в социал-империалиста, являясь одним из самых ярых апостолов войны до победного конца. В 1915 году он выпускает большую работу под названием «Социал-демократия во всемирной войне» (по поводу нее см. ст. Ленина в «Правде» № 169 за 1924 г.), в которой он теоретически обосновывает оборонческую позицию немецкой с.-д. После революции Давид занимает ряд крупных административных постов.

[50]) *Бетман-Гольвег* — крупный деятель вильгельмовской монархии. Во время войны канцлер Германской империи. Ставленник юнкерства и финансового капитала. Один из вдохновителей и организаторов бойни 1914—1918 г.г.

[51]) *Людендорф* — один из прославивших себя во время империалистической войны германских генералов, одержавший целый ряд побед над союзниками. В настоящее время один из виднейших руководителей немецких фашистов, неизменный участник националистических парадов и открытый монархист, сторонник возвращения Гогенцоллернов.

[52]) *Министерство Фридриха.*—Правительство реакционера Фридриха возникло после падения Советской власти в Венгрии, в августе 1919 года.

[53]) *Гусар* — реакционный венгерский министр в кабинете Фридриха.

[54]) *Клемансо* — в молодости радикал, позже сделался одним из вождей французской крупной буржуазии. В дни Версальской конференции и I Конгресса Коминтерна был председателем французского кабинета министров.

[55]) *Мильеран* — президент французской республики, один из вдохновителей реакционного национального блока. Мильеран, как и целая плеяда других нынешних вождей французской буржуазии, начал свою карьеру как социалист, работая вместе с Жоресом. Но уже в 1899 году он показал свое истинное лицо, вступив в буржуазное правительство. Этот поступок был предметом страстных дебатов на Амстердамском конгрессе II Интернационала в 1904 году, и «мильеранизм» стал нарицательным именем оппортунизма и министериализма в социализме. Скатываясь все более и более вправо, Мильеран, наконец, благополучно достигает карьеры вождя французской реакции. Однако в самое последнее время его положение, благодаря победе так называемого «левого блока», пошатнулось, и в июне 1924 г. он вынужден был уйти с поста президента Республики.

[56]) *Граф Чернин* — министр иностранных дел Австро-Венгрии в дни Брест-Литовских переговоров.

[57]) *Отто Бауэр* — крупнейший теоретик австрийской социал-демократии и II Интернационала. В годы перед войной Бауэр был секретарем с.-д. фракции австрийского парламента. Как теоретик, Бауэр прославился тогда своей теорией культурно-национальной автономии, которая, будучи по существу мелко-буржуазным разрешением национального вопроса, отражала идейную зависимость с.-д. от господствующей австрийской буржуазии. В годы войны Бауэр занимает позицию каутскианства, что в австрийских условиях означало чистейшее оборончество. Русская революция застает его в России, куда он попал, как военнопленный. Не имея возможности открыто выступить, Бауэр под разными псевдонимами защищает линию либердановского Исполкома. Свое идейное сочувствие политике коалиции Бауэр подкрепляет действием: он в 1918 году входит министром иностранных дел в образовавшееся после революции правительство с.-д. Реннера. В 1920 году Бауэр, уже отставной министр, руководит вместе с Адлером созданием $2^1/_2$ Интернационала. В 1921 г., после введения новой экономической политики, Бауэр стал пророчески возвещать, что Р.К.П. ведет Россию к чистейшему капитализму. После Гамбургского объединительного конгресса 1922 года Бауэр является одним из лидеров объединенного II Интернационала.

[58]) *Жоресизм* — оппортунистическое течение во французском социалистическом движении, связанное с именем Жана-Жореса (см. прим. 119).

[59]) *Бернштейнианство* — оппортунистическое течение в германской социал-демократической партии, связанное с именем Э. Бернштейна и приобретшее международное значение. Известно под именем ревизионизма. См. прим. 70.

[60]) *Июньские дни 1848 года.* — Автор имеет в виду кровавое подавление парижского пролетариата в июне 1848 года, учиненное генералом Кавеньяком. Разгром восстания революционных французских рабочих повлек за собою разгул буржуазной реакции и фактическое установление диктатуры Наполеона III.

[61]) *Ужасы подавления Коммуны.* — Падение Парижской Коммуны в конце мая 1871 года повлекло за собой разгул буржуазной мести. По приблизительным данным И. Степанова («Парижская Коммуна») убитых версальцами коммунаров было 30.000, подвергшихся долговременному аресту 40—45 тысяч, приговоренных судами к разным наказаниям 13 тысяч, наконец эмигрантов, вынужденных бежать из Франции, десятки тысяч. Для сравнения следует помнить, что избиение гугенотов в Варфоломеевскую ночь исчисляется приблизительно пятью тысячами жертв; террор 1793—1794 г.г. также бледнеет перед ужасами Парижской Коммуны.

[62]) *Романов* — Николай II. Романов был последним русским царем. Февральская революция низложила его (в марте 1917 г.) с престола, Октябрьская—окончательно расправилась с домом Романовых. Расстрелян в июле 1918 года в городе Екатеринбурге по постановлению Уральского областного исполкома. Царствование Николая II ознаменовалось глубокой реакцией, жесточайшими преследованиями революционных организаций, массовыми расстрелами и убийствами. Давка на Ходынском поле во время коронации в 1895 году, унесшая несколько тысяч жизней, кровавое воскресенье (9-е января), кровавое усмирение революционного движения

в 1906—1907 годах, еврейские погромы этого же периода, расстрелы ленских рабочих в 1912 г.—вполне оправдывают прозвище, которое он получил в народных массах: Николай кровавый, Николай-вешатель.

[63]) *Гогенцоллерн.* — Автор имеет в виду германского императора Вильгельма II, сметенного с престола ноябрьской революцией 1918 г. Династия Гогенцоллернов царствовала в Пруссии в течение ряда веков и стала во главе всей Германской империи в 1871 г.

[64]) *Гомункулусы, вышедшие из реторты Вагнера.*—Вагнер—действующее лицо поэмы Гете «Фауст». Педантичный доктор, сделавший искусственного человечка, живущего в стеклянной реторте. Автор хочет подчеркнуть этой аналогией искусственность и педантичность построения К. Каутского, игнорирующего реальные условия борьбы пролетариата.

[65]) *Кондорсе* (1743—1794)—французский математик и социолог. Ученик Руссо, деятель эпохи Великой Французской Революции. Был арестован и убит приверженцами Робеспьера за единомыслие с жирондистами. Автор известной книги: «Esquisse d'un tableau historique de l'esprit humain», в которой впервые развивается и обосновывается понятие о прогрессе человечества.

[66]) *Поручик Фогель*—убийца Розы Люксембург. Суд, инсценированный над убийцами К. Либкнехта и Розы Люксембург соц.-дем. правительством, явился гнусной комедией. Убийцы отделались незначительным наказанием.

[67]) *Эрфуртская программа* — программа германской социал-демократической партии, принятая в 1891 году на съезде в Эрфурте. Эта программа, составленная, при ближайшем участии К. Каутского, в ортодоксально-марксистском духе, окончательно порывала с остатками лассальянства, оставшимися в программе, принятой при слиянии лассальянцев и марксистов (эйзенахцев) на Готском съезде в 1875 г. При всем том Эрфуртская программа заключала в себе дефекты внутреннего свойства, которые вытекали из особенностей эпохи относительно-мирного развития капитализма. Капитализм в мировом масштабе вступал в стадию своего наивысшего расцвета. Германия бешеным темпом превращалась в одну из самых могущественных капиталистических держав. Эти объективные условия создали благоприятную обстановку для легального развития социалистического движения и завоевания целого ряда экономических и политических реформ. На этой почве вырос реформизм, с его отказом от революционной борьбы и проповедью эволюционного развития. Хотя радикальные элементы германской социал-демократии и дали отпор ревизионизму, удержав за социал-демократией ортодоксальные марксистские позиции, однако радикализм этот проявился скорее в области теории, чем практики.

Текущая деятельность германской социал-демократии все более заслоняла основные революционные цели марксизма, сосредоточиваясь исключительно на легальной парламентской, партийной и профессиональной деятельности. Это противоречие нашло свое яркое выражение в Эрфуртской программе: ее теория ориентировалась на революцию, ее практическая часть почти ограничивалась парламентской деятельностью и не выходила из рамок чисто парламентских методов. Эрфуртская программа с ее перечнем демократических реформ и с ее отсутствием сколько-нибудь конкретных указаний на

условия и формы грядущего социального переворота полностью отразила в себе эпоху «органического» развития капитализма, оставившую позади период революций, которыми ознаменовался конец XVIII и три четверти XIX столетия.

Империалистическая война вскрыла всю эфемерность социал-демократических иллюзий, порожденных предыдущей эпохой. Вызванный ею развал всей мировой экономики ознаменовался небывалой остротой развития социальных противоречий. Империалистическая стадия развития капитализма, через войну, вплотную подвела мировой пролетариат к социалистическому перевороту. Объективная обстановка революционной борьбы рабочего класса поставила перед ним, как очередную задачу, вопрос о захвате государственной власти, об осуществлении диктатуры пролетариата. Отсюда понятно, насколько практическая часть Эрфуртской программы, ставящая, как основную проблему, завоевание демократии в пределах буржуазного строя, превзойдена ходом революционных событий послевоенного периода.

Эрфуртская программа, бывшая долгое время официальной программой германской социал-демократии, в 1921 г. на Герлицком съезде партии заменена новой программой, представляющей собой в теоретическом и практическом отношении шаг назад даже по сравнению с Эрфуртской программой. Отличительной чертой этой новой программы является полный отказ от идеи классовой борьбы, признание социал-демократии партией не только рабочего класса, но и всех трудящихся вообще. Эта программа, таким образом, фиксирует окончательный отход с.-д. от самостоятельных классовых позиций.

[68]) *Прудонизм* — течение во французском рабочем движении, названное так по имени его основоположника Прудона (1809—1865). Прудон являлся идеологом мелкой буржуазии. Желая преобразовать буржуазное общество, он, в действительности, хотел только очистить его от всяких противоречий и превратить его в идеальное буржуазное общество. В своем сочинении о «Политических способностях рабочих классов» Прудон говорит о необходимости самостоятельной классовой организации пролетариата, но продолжает отрицательно относиться к стачкам и к участию в непосредственной политической борьбе. Прудон был противником коммунизма и, как панацею от зол капиталистического общества, выдвигал кооперацию и взаимопомощь. Прудонизм, как течение, играл большую роль в шестидесятых годах прошлого столетия в истории I Интернационала. Взгляды Прудона подверглись основательной критике К. Маркса. См. его сочинение «Нищета философии», ответ на книгу Прудона «Философия нищеты».

[69]) *Бланкисты* — последователи Бланки, великого французского революционера. Л. О. Бланки (род. в 1805 г.) принял выдающееся участие во французской революции 1830 года и всю свою дальнейшую жизнь посвятил революционной борьбе, являясь постоянным участником и организатором вооруженных восстаний против буржуазного режима. В своей газете «Общество друзей народа» Бланки вел непримиримую борьбу с правительством, за что был присужден к году тюрьмы. В 1836 году Б. был вновь привлечен к процессу об изготовлении пороха и приговорен к двум годам тюремного заключения. После помилования принял деятельное участие в «Обществе времен года» по подготовке восстания; восстание было подавлено,

и Бланки был присужден к смертной казни (1840 г.), которая, однако, была заменена пожизненным заключением. Революция 1848 года освободила Бланки, и он снова организует «Центральное Республиканское Общество». Вновь приговоренный за попытку организации захвата власти к 10 годам тюрьмы, Бланки пытается бежать, но неудачно; его ссылают на остров Корсика, где заключают в крепость. Амнистия 1859 года дает ему свободу. Бланки немедленно принимается за организацию тайного общества, арестовывается и осуждается на 4 года крепости. Революция 1870 года и организация Парижской Коммуны застает Бланки за активной революционной работой. Он заочно избирается членом Коммуны, но вскоре арестовывается и заключается в крепость; все попытки коммунаров получить его взамен видных версальцев не привели ни к чему. В 1872 году Бланки был присужден военным судом к ссылке. В 1879 году Бланки был выбран в палату депутатов, но выборы не были утверждены правительством. Умер Бланки в 1881 году.

Сущность бланкизма, как видно из революционной деятельности родоначальника этого течения, сводится к убеждению, что путем хорошо организованного тайного заговора и детально подготовленного вооруженного восстания можно захватить государственную власть и использовать ее для социалистического переворота. Бланкизм теоретически и практически давно превзойден марксизмом. Непонимание зависимости успешности заговора от объективных предпосылок революционного движения, непонимание значения массового рабочего движения и подготовки его в определенную сторону — основной недостаток бланкизма. Однако бланкизм понимал значение захвата государственной власти. Бланкизм оттенял значение инициативной, активной роли революционеров. Этими своими сторонами бланкизм сближается с революционным марксизмом и его современным выражением—большевизмом.

[70]) *Э. Бернштейн* (р. 1850 г.) — один из старых деятелей германской социал-демократии, работавший под руководством Маркса и Энгельса. Редактор центрального органа партии в эпоху исключительного закона против социалистов.

В конце 90-ых годов выступил с книжкой «Предпосылки социализма», в которой подверг теоретической ревизии учение Маркса. С точки зрения Бернштейна учение Маркса в целом ряде пунктов оказалось научно несостоятельным. Такими пунктами Бернштейн считает учение Маркса о прогрессирующем обнищании пролетариата с развитием капитализма, о концентрации капитала вообще и, в особенности, в земледелии, о революционном восстании масс и диктатуре пролетариата. Положительная часть книжки Бернштейна сводится к утверждению, что с дальнейшим развитием капитализма классовые противоречия не обостряются, а смягчаются, положение рабочего класса путем государственных реформ все более улучшается, и происходит мирное врастание в социализм, причем орудием преобразования буржуазного общества Бернштейн объявляет парламент, в котором пролетариат должен стараться достигнуть большинства. Книжка Бернштейна, появившаяся в эпоху мирного расцвета капитализма, стала отправным пунктом целого течения в международной социал-демократии «ревизионизма» или «бернштейнианства». Против ревизионизма выступили вожди ортодоксального

марксизма в то время—Каутский, Плеханов, Бебель, Р. Люксембург и др., которые в целом ряде трудов доказывали всю научную несостоятельность ревизионизма и его политическую опасность для рабочего движения.

Эволюция Бернштейна в последние три десятилетия со времени появления его первой ревизионистской книги совершалась неуклонно вправо. В своих новых книгах он доказывает, что у рабочего класса имеются общие с буржуазией интересы в вопросах таможенной и колониальной политики, сухопутных и морских вооружений. Еще задолго до империалистической войны, он «обосновал» идею отечества для рабочего класса. Само собой понятно, что во время войны он занял патриотическую позицию и проповедывал сотрудничество классов.

[71]) *В. Зомбарт* (р. в 1863 г.) — известный немецкий политико-эконом, автор выдающихся трудов: «Современный капитализм», «К критике политической экономики К. Маркса», «Социализм и социальное движение в XIX веке» и др. Слегка «заражен» марксизмом. Зомбарт в своих трудах оспаривал установленную Марксом тенденцию капиталистического общества, заключающуюся в прогрессирующей гибели мелкого производства. Он утверждал, что с дальнейшим развитием буржуазного общества происходит демократизация капитала и смягчаются социальные противоречия. Будучи сначала по своим взглядам буржуазным радикалом, он впоследствии эволюционировал к монархистам. Во время войны занял крайнюю патриотическую позицию.

[72]) *Туган-Барановский* — видный русский экономист. Автор ряда известных научных трудов. Назовем главные: «Русская фабрика», «Промышленные кризисы в Англии», «Основы политической экономии», «Бумажные деньги и металл» и др. В 90-ых годах Т.-Барановский был одним из выдающихся легальных марксистов и противников народничества. Когда народничество было теоретически разбито, Т.-Барановский становится открытым и ярым ревизионистом (см., в особенности, его «Теоретические основы марксизма»), поворачивает к Канту и Бем-Баверку и, в конце концов, становится идеологом либеральной буржуазии. Умер в 1918 году, будучи министром финансов одного из южных контр-революционных правительств.

[73]) *Разгон Учредительного Собрания 5—7 января 1918 г.* — По подсчетам правого эсера Святицкого в Учредительное Собрание было избрано 601 депутат: 338 (58%) эсеров, из которых 239 принадлежало к правым, 69—к украинским и 39—к левым; 156 большевиков (25%), 14 кадетов (5%), 2 народных социалиста и 1 меньшевик (без Закавказья); остальная небольшая часть депутатов разбилась между кооператорами, национальными группами и др. Так как украинские с.-р. воздерживались от голосования, а кадеты совсем не явились, то соотношение сил на первом и единственном заседании 5 января было таково: 323 голоса контр-революционного буржуазного блока и 195 голосов советских партий (большевиков и левых с.-р.). Этим была предрешена линия поведения У. С. Отклонив обсуждение «Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа», предложенной ЦИК, и декларации Свердлова, У. С. тем самым заявило о своем непризнании Октябрьской Революции и установленной ею Советской власти. Покинутое сначала большевиками, а затем и левыми эсерами, У. С. приняло закон о передаче земли народу и постановление об открытии мирных пере-

говоров с Германией, желая этими запоздалыми мероприятиями облегчить себе борьбу с Советами. Однако положение У. С. было безнадежно, так как оно не имело под собой никакой социальной опоры в стране: организованные правыми эсерами в Петрограде и Москве демонстрации в защиту У. С. производили жалкое впечатление, так как не встретили никакой поддержки со стороны рабочих и солдат. В ночь с 6 на 7 января У. С. было распущено декретом ЦИК.

Тактика большевиков в отношении У. С. отнюдь не являлась случайной, а вытекала из принципиальных взглядов большевизма на демократию и диктатуру пролетариата. Еще до созыва У. С. Ленин в своих «Тезисах об Учредительном Собрании» середины декабря 1917 г. писал:

«Выставляя требование созыва Учредительного Собрания, революционная социал-демократия (т. е. большевики. *Ред.*) с самого начала революции 1917 г. неоднократно подчеркивала, что республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным Собранием.

«Для перехода от буржуазного строя к социалистическому, для диктатуры пролетариата, республика Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов является не только формой более высокого типа демократических учреждений (по сравнению с обычной буржуазной республикой при Учредительном Собрании, как венце ее), но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму».

Одновременно с этим Ленин предвидел и те особые причины, которые должны были вызвать несоответствие У. С. действительному соотношению сил в стране. К числу этих причин относятся: 1) раскол с.-р., проходивших в У. С. по единым спискам, после выборов, 2) производство выборов до победы Октябрьской Революции, когда трудящиеся массы не могли оценить все значение последней, 3) революция, охватив в ноябре и декабре армию и крестьянство, изменила их настроения, которые, однако, не могли уже найти свое отражение в У. С. и др. Подробнее об У. С. см. Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский» и «Выборы в У. С. и диктатура пролетариата».

[74]) *Ротшильд* — богатейшая европейская банкирская фирма. Основатель ее Майер-Ансельм Р. (1743—1812) происходил из еврейской купеческой семьи во Франкфурте на Майне. Ротшильды владеют банкирскими конторами в Париже, Франкфурте, Лондоне, Вене и Неаполе. Благодаря своему колоссальному богатству, они оказывают заметное влияние на денежный европейский рынок.

[75]) *Поль Лафарг* (1842—1911)—зять К. Маркса и выдающийся французский социалист. В молодости был прудонистом. После знакомства с К. Марксом в 1865 году сделался приверженцем научного социализма. Принял активное участие в деятельности Парижской Коммуны. Лафарг пытался в провинции (в Бордо) вызвать движение в пользу Коммуны, но, после неудачи, вынужден был бежать в Испанию. В Испании, а затем в Португалии, Лафарг принял активное участие в рабочем движении, организовывая секции Интернационала и ведя борьбу с бакунинским влиянием. Принял деятельное участие в работах Гаагского конгресса I Интернационала в 1872 г. После возвращения в Париж в 1880 г. он стал сотрудником органа

Гэдистской рабочей партии «Egalité». С этого же времени становится вождем французской социалистической партии и ее признанным теоретиком. Лафарг старался привить французскому рабочему движению выдержанный ортодоксальный марксизм. Мильеранизм и ревизионизм встретили в нем жестокого врага. Перу П. Лафарга принадлежит ряд выдающихся научных трудов и брошюр. Его книги: «Эволюция собственности» и «Исторический детерминизм К. Маркса» переведены на все европейские языки. В глубокой старости, сознавая свою непригодность к активной партийной работе, вместе со своей женой Лаурой покончил жизнь самоубийством.

[76]) *А. Керенский* — по образованию юрист, до революции 1917 года занимался адвокатской деятельностью. Был членом Государственной Думы, где примыкал к трудовикам. Керенский накануне революции был видным членом думской оппозиции. После февральской революции был товарищем председателя Петербургского Совета. Вошел в сформировавшееся после февраля 1917 г. буржуазное правительство, вопреки постановлению Совета о недопущении вхождения социалистов в правительство кн. Львова. После отставки Гучкова занял пост военного и морского министра. В течение дальнейшего хода февральской революции главная фигура коалиционных министерств, сменивших буржуазное правительство. Накануне Октября, Керенский был премьером, военным министром и Главковерхом. Основная черта политической физиономии Керенского — смесь революционной фразеологии с авантюризмом и бонапартизмом. Однако, по объективным результатам своей политической деятельности, Керенский был орудием крупной русской и иностранной буржуазии, политику которой он по существу и проводил. Будучи социал-патриотом во время войны, он 18 июня 1917 г. в угоду крупному финансовому капиталу Англии и Франции снова возобновил войну с германцами. В сентябре 1917 г., желая спасти устои буржуазного образа правления, он втягивается в корниловскую авантюру. Окончательно скомпрометированный, он сметается Октябрьской Революцией. Сейчас находится в эмиграции за границей. (Подробнее см. т. III, ч. I, прим. 11.)

[77]) *Дан* — один из наиболее выдающихся вождей меньшевиков. Дан всегда стоял на крайне правом крыле меньшевизма. Во время реакции после 1905 г. был главным глашатаем ликвидаторства, стремившегося к полной ликвидации подпольных организаций. Во время империалистской войны занимал позицию умеренного циммервальдизма. После февральской революции — член президиума меньшевистского ЦИК и сторонник коалиции с буржуазией. После Октября активный враг Советской власти. Неоднократно арестовывался за анти-советскую подпольную деятельность. В настоящее время, после смерти Мартова, главный лидер меньшевиков, один из редакторов «Социалистического Вестника», издающегося в Берлине. (Подробнее см. т. III, ч. 1, прим. 122.)

[78]) *Религиозная реформация* — социальное движение в XVI столетии, охватившее мелкую буржуазию городов и широкие круги крестьянства, направленное против средневековой эксплоатации во всех ее видах. По условиям того времени оно неизбежно должно было принять религиозную форму ввиду неразвитости общественных отношений и преобладания церковности во всех областях гражданской жизни. Коренной причиной реформации является экономический гнет господствующих классов: духовенства

во главе с папой, патрициата городов и феодалов в деревнях. Наряду с этим большую роль также сыграло разложение католической церкви, выродившейся в голое орудие насилия и вымогательства и превратившей религию в свод безжизненных формальностей и обрядов. Могущественным толчком к началу реформации послужили великие открытия XIV и XV в.в. (изобретение книгопечатания, усовершенствование артиллерии, открытие Америки и т. д.), расширившие умственный кругозор и способствовавшие развитию критической мысли буржуазии. Реформационное движение было начато Лютером в 1520 году (сожжение папской буллы) и швейцарскими проповедниками, протестовавшими против продажи папских индульгенций (1518 г.— Цвингли). Внешним результатом реформационного движения явилось новое христианское учение — протестантизм в обеих его формах — лютеранской и реформатской церкви. Социальный же результат заключался в эмансипации торговой буржуазии от пут феодального строя. Реформационное движение ознаменовалось, на протяжении десятилетий, кровавыми столкновениями между враждующими лагерями. Наиболее выдающимися событиями этого рода являются: крестьянская война в Германии, Мюнстерское восстание, 30-летняя война и т. д.

[79]) *Огюстен Тьерри* (1795—1856 г.г.)—выдающийся французский историк. В своих трудах подчеркивал значение экономического и социального фактора в объяснении исторических событий. Наиболее замечательны следующие его сочинения: «История завоевания Англии норманнами», «Письма об истории Франции», «Рассказы из времен Меровингов» и др., имеющиеся в русском переводе.

[80]) *Жирондисты* — представители крупной, торгово-промышленной буржуазии в период Великой Французской Революции. Свое название получили от департамента Жиронды (Гаронны), где они были особенно сильны. Жирондисты, защищая интересы своего класса, были противниками какого бы то ни было ограничения свободы торговли, установления такс и прочих мер, выдвигавшихся широкими трудящимися массами как способ борьбы с тяжелым продовольственным положением. На этой почве и возникли первые разногласия между двумя группами так называемого «третьего сословия»—либеральной буржуазией и радикальной демократией. Эти разногласия, являясь отражением классовых противоречий, все больше углублялись и, в конце концов, вылились в ожесточенную борьбу за власть между жирондистами и якобинцами. Добившись отмены стеснительных для капиталистического развития Франции феодальных привилегий дворянства и получив для себя политическую свободу, жирондисты стремились затормозить дальнейшее движение революции, которое неизбежно должно было нанести ущерб интересам буржуазии. Став у власти в марте 1792 г., жирондисты продержались только до июня 1793 г., когда они, под напором вооруженных масс Парижа, требовавших введения «всеобщего максимума» на все предметы первой необходимости, были вынуждены уступить власть представителям мелкой буржуазии — якобинцам. Наиболее выдающимися вождями жирондистов были Бриссо, Верньо, Иснар, Роллан и др.

Жирондизм стал синонимом поведения всякой буржуазии, идущей с революцией только до тех пор, пока последняя не задевает ее классовых интересов, и, вообще, всякой половинчатой и колеблющейся политики,

[81]) *Якобинцы* — политическая партия во Франции, в эпоху Великой Французской Революции 1789 г., получившая свое название от клуба, находившегося в монастыре св. Якова. Якобинская партия по своему социальному составу и политической программе была не однородна, она разделялась на правое крыло, во главе с Дантоном, отражавшее интересы городской мелко-буржуазной интеллигенции; центр, во главе с Робеспьером, представлявший по преимуществу интересы городской мелкой буржуазии (лавочников, мастеров и пр.) и левое крыло, во главе с Маратом, позже Гебером и Шометом, отражавшее интересы ремесленного пролетариата.

Во Французском Конвенте наиболее влиятельное положение занимала часть партии, возглавлявшаяся Робеспьером. Социально-политическая программа этой части партии не выходила из рамок потребностей мелких собственников. Якобинцы энергично добивались закрепления во Франции демократической республики. Вели непримиримую борьбу с крупной французской буржуазией и их представителями в Конвенте (жирондистами, см. прим. 80), стремясь к сглаживанию крайностей экономического неравенства.

2 июня 1793 года якобинцы при поддержке парижского пролетариата и беднейшей мелкой буржуазии совершили государственный переворот, опрокинув правящую буржуазную партию Конвента—жирондистов. Основной причиной недовольства масс, во главе которых стали якобинцы, была борьба за нормирование предметов первой необходимости (таксация цен на хлеб) и установление прогрессивно-подоходного налога с освобождением минимальных доходов от всякого обложения. Диктатура мелкой буржуазии в лице якобинцев продолжалась до 27 июля 1794 года (день падения Робеспьера).

В течение своего кратковременного правления якобинцы провели целый ряд важных революционных мероприятий: принудительный заем у буржуазии в форме прогрессивно-подоходного налога, ограничение права наследования. В интересах городской бедноты была введена оплата посещения заседаний секций в размере 75 коп. в день; в интересах крестьянства, давно уже настаивавшего на пересмотре земельных законов Учредительного и Законодательного Собраний, Конвент отменил все и всякие феодальные повинности, без всякого выкупа. С такой же энергией якобинцы боролись на военном фронте как с внешними, так и внутренними врагами, террористическими мерами подавляя контр-революционные заговоры и восстания.

Якобинство в истории стало символом крайнего решительного революционного действия, в противоположность жирондизму, воплотившему в себе оппортунизм и нерешительность буржуазных классов во время революции. «Якобинец, связанный с широкими массами рабочего класса — это и есть современный (революц.) социал-демократ»,—писал т. Ленин.

[82]) *Гегель* (1770—1831)—великий немецкий философ-идеалист, оказавший исключительное влияние на развитие западно-европейской и русской общественной мысли в 40—60 годах прошлого века (Белинский, Герцен, Чернышевский, Бакунин и пр.). В противоположность метафизическому образу мышления, господствовавшему в научной мысли в XVIII столетии, рассматривавшему объективный мир и его отражения в человеческой голове под углом зрения безусловности и обособленности, Гегель выдвинул

диалектический метод, который, наоборот, обязывал изучать окружающую природу и человеческую историю в их движении и взаимной связи. С точки зрения Гегеля нет ничего неизменного и постоянного. Наоборот, все течет, все изменяется, все находится в беспрерывном движении, но это движение совершается не эволюционно, а диалектически, т.-е. путем противоречий. По Гегелю абсолютное понятие, или абсолютный дух, есть основа всего существующего. Развитие этого абсолютного духа по имманентным законам и составляет диалектический процесс. «С этой точки зрения процесс развития, совершаемый природой и человечеством, есть лишь копия самостоятельного развития понятия, совершающегося вечно, неизвестно где, но независимо от человеческого сознания, так как сама природа и человек рассматриваются Гегелем, как инобытие духа» (*Энгельс*, Анти-Дюринг). Маркс и Энгельс, ученики Гегеля, после основательной критики всей гегелевской философии, в корне видоизменили идеалистическую диалектику. Коренное изменение, которое было ими внесено в гегелевскую диалектику, заключалось в переходе на материалистическую точку зрения. Абсолютный дух Гегеля был отброшен, его место заняла материя.

«Диалектика, которая, таким образом, была сведена к науке об общих законах движения как во внешней природе, так и в человеческом мышлении, получила существенно иное содержание. Именно материальный мир рассматривался не как комплекс готовых вещей, но как комплекс процессов, в которых вещи, кажущиеся нам неизменными, равно как и их мысленное отражение в нашей голове, т.-е. понятия, проходят беспрерывно смену возникновения и уничтожения» (*Энгельс*, Анти-Дюринг).

[83]) *Тьер*—французский историк и политический деятель. Политическая деятельность Т., начавшаяся при Полиньяке, реакционном премьер-министре Карла X, неизменно была направлена к защите интересов крупной буржуазии. В июльскую монархию, при Кавеньяке, кровавом усмирителе французского пролетариата в июне 1848 г., поддерживал самые агрессивные меры, направленные против широких масс трудящихся. После крушения 2 империи в 1870 году Тьер через некоторое время становится во главе реакционного республиканского правительства и подавляет жесточайшими мерами восстание парижского пролетариата, создавшего свою революционную власть (Парижскую Коммуну). Из его исторических работ наиболее известна «История Великой Французской Революции».

[84]) *Генерал Краснов* — начальник военных отрядов, двинутых Керенским в октябре 1917 г. против восставшего Петрограда. В дальнейшем организатор казачьей контр-революции на Дону. Будучи разбит наголову в декабре 1918 года Красной Армией, перешедшей в наступление по всему югу России, бежал за границу, где является видным участником монархических организаций.

[85]) *Б. Савинков* — известный деятель эсеровской партии. Организатор главнейших террористических актов п. С.-Р. в эпоху царизма. Во время войны социал-патриот. После февраля 1917 года заместитель Керенского в должности военного министра. Был замешан в Корниловском мятеже, в качестве одного из его пособников. После Октября ярый враг Советской власти. Организатор и участник Ярославского офицерского восстания летом 1918 г. и чехословацкого мятежа. Во время польской войны боролся

под начальством ген. Балаховича во главе организованной им (Савинковым) белой армии. В дальнейшем — организатор заговоров и набегов при содействии французского и польского военных штабов. В августе 1924 г. Б. Савинков был арестован в городе Минске, куда он пробрался конспиративно, и предан суду. Ввиду полного раскаяния Савинкова и признания всей своей деятельности ошибкой, высшая мера наказания была заменена заключением в тюрьму на 10 лет.

[86]) *Каледин* — царский генерал. В августе 1917 г. был избран казачьим войсковым кругом наказным атаманом войска Донского. Пытался в августе 1917 г. оказать помощь генералу Корнилову, выступившему с целью государственного переворота. После октября 1917 года главарь казачьей контрреволюции. Видя неудачу своих контр-революционных выступлений, которые неизменно ликвидировались Красной Гвардией, застрелился. (Подробнее см. т. III, ч. 1, прим. 239.)

[87]) *Юденич*—см. прим. 21.

[88]) *Кубанская Рада* — казачье правительство, во главе которого в 1918 году был Деникин. Опорный пункт южной контр-революции, откуда часто совершались нападения на территорию Советской Республики. Лишь в 1920 году удалось красным войскам овладеть цитаделью Кубани—Краснодаром и ликвидировать казачью контр-революцию.

[89]) *Брестский мир*—мир, заключенный между Советской Россией, с одной стороны, и империалистической Германией—с другой, в марте 1918 г. этому миру предшествовало германское наступление на молодую Советскую Республику, после разрыва предварительных брест-литовских переговоров в ноябре 1917 года. Мир, навязанный нам Германией, своими унизительными и грабительскими условиями, напоминал позорный Тильзитский мир, принятый Германией под пятой Наполеона I в 1807 году. По Брест-Литовскому мирному договору Германия должна была получить от нас громадную контрибуцию и фактически аннексировала бывшее Царство Польское, всю Курляндию, часть Лифляндии с Ригой, всю Ковенскую губ., три пятых Виленской губ., две трети Гродненской губ., острова Моонзунда и т. д.

Брест-Литовский кабальный договор был ратифицирован в марте 1918 года IV чрезвычайным Съездом Советов после длительной и страстной борьбы течений в среде руководящей партии коммунистов-большевиков (левые и правые большевики, группа т. Троцкого). В конце концов, была принята точка зрения Ленина, которая исходила из объективной невозможности ведения в данный момент революционной войны с Германией (разложение старой армии) и поэтому принимала Брест, как передышку для создания Красной Армии и укрепления народного хозяйства. Брест-Литовский договор был аннулирован благодаря германской ноябрьской революции в 1918 г.

[90]) *Лассаль* (1825—1864)—знаменитый немецкий социалист, один из основателей немецкой социал-демократии. Историческая заслуга Лассаля и главный итог его политической деятельности заключается в том, что он сумел пробудить рабочие массы Германии от спячки, в которую они погрузились после революции 1848 г. Лассаль, ведя отчаянную борьбу с либералами, державшими под своим влиянием рабочих, толкнул своей энергичной

агитацией последних к организации самостоятельного Всегерманского Рабочего Союза. Таковой и был создан в 1863 году под пожизненным председательством Лассаля. В области теории социализма и программы политической деятельности, Лассаль, хотя и считал себя учеником Маркса и Энгельса, однако значительно отклонялся от их мировоззрения. Так, исходя из неправильного понимания законов, которыми регулируется заработная плата рабочего, считая ее минимум постоянной и неизменяемой величиной, он выдвигал, как панацею от зол капиталистического общества, производительные рабочие товарищества, субсидируемые государством. С другой стороны, Лассаль придавал преувеличенное значение всеобщему избирательному праву, для проведения которого он пускался в не всегда безупречное политиканство с Бисмарком. Лассаль оставил после себя целый ряд крупных научных трудов и печатных речей. Назовем его «Гераклита», исследование в области греческой философии, «Систему приобретенных прав»—философско-правовое исследование, «Бастиа-Шульце»—экономическое исследование, наконец, его речи—«Сущность конституции», «Программа работников». до сих пор не потерявшие своего научного и литературного достоинства. После смерти Лассаля, его приверженцы, лассальянцы, слились с эйзенахцами-марксистами на съезде в Готе в 1875 году, образовав единую германскую социал-демократическую партию.

[91]) *П. Лавров* (1823—1900)—один из виднейших вождей и теоретиков революционного народничества. Член I Интернационала. Лавров принял участие в организации первого народнического общества «Земля и Воля» в 1876 году; при распадении общества в 1879 году на группы «Черный Передел» и «Народная Воля», примкнул к последней и с тех пор был до самой смерти теоретическим главой народовольцев, редактируя главный орган партии «Вестник Народной Воли» с 1883 по 1886 гг. В 1874 году эмигрировал в Северную Америку, стремясь организовать там земледельческую колонию. После неудачи этой попытки в 90-ых годах переселился в Англию, где принял участие в издании листков Вольной русской прессы народнического направления. В Швейцарии редактировал теоретический журнал народнического направления «Вперед». Перу Лаврова принадлежат выдающиеся сочинения, из которых некоторые, как «Исторические письма», оказали большое влияние на русскую революционную интеллигенцию 70-ых и 80-ых годов, положив начало «русской социологической школе». Крупнейшее сочинение П. Лаврова «Парижская Коммуна», о котором идет речь в тексте, является одной из лучших книг по этому вопросу в мировой литературе.

[92]) *Фольмар* (родился в 1850 году)—старый германский социал-демократ, вождь правого крыла германской соц.-демократии. Глава баварских социал-демократов. С 1881 г. депутат рейхстага. Фольмар в теории является ревизионистом типа Э. Бернштейна, а в своей практической деятельности является сторонником политики компромиссов и соглашения с буржуазией. Еще в 1891 году Фольмар выступил с вполне законченной программой социал-шовинизма. В своих двух речах, произнесенных в Мюнхене в июне и в июле 1891 г., Фольмар заявил, что «в случае войны в Германии будет только одна партия, и мы, социал-демократы, будем не последними в исполнении долга».

[93]) *П. Н. Милюков* — см. т. III, ч. 1, прим. 7.

[94]) *Церетели* — видный лидер меньшевиков. В эпоху 2-й Думы был лидером с.-д. фракции и делал отчет о деятельности последней на Лондонском (V) съезде с.-д. партии. По делу фракции был вместе с другими сослан в Сибирь. В годы войны Церетели занимал умеренную интернационалистскую, по существу каутскианскую, позицию, а после февраля сразу же перешел на сторону оборонцев, возглавляя в меньшевистской партии течение так называемых революционных оборонцев. Вместе со Скобелевым Церетели входит в первое коалиционное министерство, стремясь использовать авторитет Совета Рабочих Депутатов для поддержки правительства и продолжения империалистской войны. Даже левый меньшевик Суханов вынужден в своих «Записках о революции» констатировать, что «с той поры, как над головой Церетели окончательно воссияла благодать Мариинского дворца (помещение совета министров. *Ред.*), он стал, можно сказать, официально тем, чем он был фактически раньше: он стал комиссаром Временного Правительства при Исполнительном Комитете, и вся его деятельность, вся его роль, все его стремления и выступления сводились к тому, ***чтобы превратить Совет с его Исполнительным Комитетом в аппарат поддержки Временного Правительства*** (курсив наш)—до Учредительного Собрания» (кн. IV, стр. 52—53). Сейчас Церетели находится за границей, занимаясь разъездами по европейским странам с анти-советской агитацией.

[95]) *В. Чернов* — см. т. III, ч. 1, прим. 33.

[96]) *Генерал Корнилов* — один из выдающихся генералов империалистической войны. В 1915 году в Австрии был захвачен в плен, но бежал оттуда, что покрыло его имя славой. В июле 1917 года был назначен Временным Правительством верховным главнокомандующим русской армии. На этом посту Корнилов обнаружил все свои симпатии к старому режиму, добившись применения в армии смертной казни и умаления значения армейских выборных организаций. На Московском Государственном Совещании Корнилов отражал настроения старого офицерства и крупной буржуазии и, по общему мнению контр-революционных кругов, был единственным человеком, способным твердой рукой водворить порядок в стране, т.-е. смести завоевания февральской революции. Поддержанный всеми правыми партиями и организациями, Корнилов пытался в конце августа 1917 года устроить государственный переворот, двинув казачьи войска на Петербург, но потерпел полное фиаско.

После Октябрьской Революции бежал на Дон и стал во главе казачьих войск. В одном из боев в феврале 1918 года его войска были разбиты наголову Красной Гвардией, а сам он погиб в бою.

[97]) *А. Н. Потресов* (Старовер) — род. в 1869 году в Москве. Один из старейших социал-демократов России. Принимал участие в создании «Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1898 году был сослан в Вятскую губернию. По освобождении эмигрировал за границу и вошел в состав редакции знаменитой газеты «Искра», во главе которой стоял и Ленин, В. И., Плеханов, Мартов и др. На II съезде партии, в 1903 году, примкнул к меньшевикам. С тех пор все более и более эволюционировал вправо. В 1907-8-9 годах был одним из вождей ликвидаторства. Во время

империалистической войны самый ярый социал-шовинист. В последние годы не играет активной политической роли и ведет научную работу в Институте Маркса и Энгельса.

[98]) *Родзянко* — крупный помещик. Председатель 4-й Государственной Думы. Один из вождей октябристов. После февральской революции был председателем Временного Комитета членов Государственной Думы. В эпоху керенщины идеолог и организатор самых правых контрреволюционных групп буржуазии. Эмигрировал за-границу, где вел активную анти-советскую контр-революционную деятельность. Умер в 1924 г.

[99]) *Чехо-словаки на Волге*—автор имеет в виду восстание чехо-словацкого корпуса в мае 1918 г., организованное Антантой при поддержке правых социалистов-революционеров. Чехо-словацкий корпус, согласно договора между чешским командованием и Совнаркомом, подлежал эвакуации во Францию. Однако, когда чешские эшелоны оказались растянутыми по Сибирской магистрали от Пензы до Иркутска, корпус поднял мятеж против Советской власти, захватив Пензу, Златоуст, Уфу, Самару, Челябинск, Иркутск и др. города. Дальнейшее продвижение чехо-словаков, поддержанное кулацкими восстаниями в деревнях и концентрацией всех контрреволюционных сил вокруг мятежа, привело к захвату Урала и Поволжья, вплоть до Казани, а также Сибири. Успех чехо-словацкого выступления объясняется внезапностью нападения и отсутствием в то время в Сибири и на Урале сколько-нибудь организованной и вооруженной Красной Армии. Однако уже в конце лета красные войска начали мало-по-малу ликвидацию чехо-словацкого восстания, захватив обратно Казань и очистив Волгу от захватчиков. Окончательная победа Советских войск и возвращение всех захваченных городов произошли в конце 1919 года.

[100]) *М. С. Урицкий*—родился в 1873 году. Вступив юношей в с.-д. партию, он с 1897 года проводит свою жизнь в тюрьмах и ссылках. После пятилетнего пребывания в Якутской области Урицкий в 1905 г. возвращается к партийной работе. Но уже в начале 1906 года он опять арестован и на этот раз сослан в Вологодскую губ., а потом в Архангельскую. Заболев в ссылке туберкулезом, Урицкий добивается замены ссылки отъездом за границу. Война застала его в Германии, затем он переезжает в Стокгольм, а оттуда в Копенгаген. После февральской революции возвращается в Россию. Урицкий в течение долгих лет был меньшевиком. Война 1914 года поставила его на путь интернационализма. По приезде в Россию он входит в межрайонную организацию, а затем вместе с последней вливается в Р.К.П. в июле 1917 г. Во время Октябрьского переворота сыграл большую роль, как член Петроградского Военно-Революционного Комитета. Ему партией была поручена ликвидация Учредительного Собрания, что было им с честью выполнено. Во время Бреста был левым коммунистом. После эвакуации С.Н.К. из Ленинграда Урицкий был назначен председателем Ленинградской Ч.К., в которой провел гигантскую работу по ликвидации белогвардейских заговоров. В 1918 году Урицкий был убит правым эсером.

[101]) *Рауль Риго* — член Парижской Коммуны 1871 года. Глава префектуры полиции, пользовавшийся большой самостоятельностью в своих действиях, чем вызывал неоднократно нарекания и жалобы. По этой причине

он был 24 апреля 1871 года отстранен от должности начальника полиции и назначен на должность прокурора Парижской Коммуны. Но и на этом посту Риго обнаружил себя, как недостаточно серьезный и падкий до рекламы политический деятель. Расстрелян во время подавления Коммуны версальцами.

[102]) *Кугельман* — один из участников революции 1848 года в Германии. Близкий друг К. Маркса.

[103]) *Верморель* — член Парижской Коммуны 1871 года. По своим социально-политическим взглядам был прудонистом. Примыкая в Парижской Коммуне к ее оппортунистическому меньшинству, пытался проводить на практике прудонистскую программу и тактику. Верморель боролся против попыток известной части деятелей Коммуны перейти к решительным революционным действиям против Версальского правительства. Он осуждал насильственные способы борьбы и централистические формы организации, проповедуя широкий демократизм и гуманность. Перу Вермореля принадлежит книга: «Деятели 1848 г.», где он, в полную противоположность со своей собственной ролью в Парижской Коммуне, бичует вожаков либерализма за их оппортунизм и ренегатство в революции 1848 г.

[104]) *Ш. Лонгэ*, (1837—1904)—французский социалист. Участник Парижской Коммуны и член I Интернационала. Редактировал в 1889 г. газету «Равенство». Был зятем Карла Маркса.

[105]) *Журд* — один из лидеров меньшинства Парижской Коммуны, состоявшего по преимуществу из приверженцев прудонистских социалистических идей. Журд, как и все его приверженцы из меньшинства, вел нерешительную и оппортунистическую линию в отношении версальцев, восставая против ответного террора Коммуны на бесчинства врагов, и вообще желал подчинить революцию формальным законам обычного времени.

[106]) *Артур Арну* — член Парижской Коммуны 1871 г., прудонист. Был приговорен версальцами к смертной казни. Автор известной «Истории Парижской Коммуны».

[107]) *Миллъер* — один из главных деятелей Парижской Коммуны. Представитель крайне-революционного крыла Парижской Коммуны, стоявшего за решительные и немедленные мероприятия против версальцев. По своей идеологии оставался прудонистом. Расстрелян во время падения Коммуны.

[108]) *Генерал Галифе* — знаменитый палач парижских коммунаров. С его именем связана кровавая баня «майской недели» 1871 года, ознаменовавшаяся массовыми убийствами защитников Коммуны. Впоследствии, в правительстве Тьера, военный министр Франции.

[109]) *Генерал Алексеев* — во время империалистической войны начальник штаба верховного главнокомандующего. После корниловского мятежа в августе 1917 года непродолжительное время был верховным главнокомандующим. При Советской власти один из первых организаторов контрреволюции. Под его руководством начала формироваться на Дону в конце 1918 года «добровольческая армия», позже перешедшая под командование Деникина.

[110]) *Скоропадский*—гвардейский офицер. При поддержке немецких оккупационных войск и монархистов разогнал мелко-буржуазную украинскую раду в 1918 г. и стал всеукраинским гетманом. Однако продержался

недолго. Ноябрьская революция в Германии, повлекшая за собою уход немецких войск с территории Украины, привела к победе петлюровцев и падению Скоропадского.

[111]) *Чайковский* — родился в 1850 году. Старый деятель русского революционного движения. Один из первых основателей социалистических кружков, в 70-ых годах, народнического направления. Вождь народно-социалистической партии. После февральской революции 1917 г. был членом оборонческого ЦИК.

После Октября возглавлял белогвардейское правительство в Архангельске и вел активную борьбу с Советской властью. См. прим. 174.

[112]) *Панглос* — доктор, комический тип, выведенный Вольтером в его романе «Кандид». Будучи беззаботным оптимистом, доктор Панглос то и дело бросает совершенно некстати банальные и оптимистические афоризмы, вроде следующего: «Все идет к лучшему в этом лучшем из миров!».

[113]) *Сулла*—один из консулов Римской Республики в I веке нашей эры. Будучи одним из крупных банкиров Рима, он сумел добиться путем подкупов и насилий должности начальника армии, а затем и консула. Его правление ознаменовалось целым рядом проскрипций (указов о разжаловании, реквизиции имущества и проч.).

[114]) *Антоний (Марк)*—римский триумвир (83—30 г. до нашей эры); по смерти Цезаря овладел властью в Риме, но должен был разделить ее с Октавианом и Лепидом, членами триумвирата; по смерти Лепида получил в управление Восточную половину империи; связь с царицей Египта—Клеопатрой—и покровительство ее родным привели А. к разрыву с Октавианом, окончившемуся победой последнего, после чего А. лишил себя жизни. Правление Антония ознаменовалось многочисленными жестокостями.

[115]) *Кней Октавий*—консул 87 г., приверженец Суллы, изгнавший из Рима римского патриция Цинну — предводителя народной партии. Один из жесточайших тиранов римской истории.

[116]) *Варфоломеевская ночь* — кровавое событие XVI столетия во Франции на почве религиозной борьбы между католиками и гугенотами, известное под именем «кровавой свадьбы», так как в ночь святого Варфоломея, с 23 на 24 августа 1572 г., во время бракосочетания Генриха Беарнского с Маргаритою Валуа произошло избиение гугенотов католиками по инициативе Екатерины Медичи, матери короля Карла IX. Избиение гугенотов, представителей торговой буржуазии, боровшихся против феодального строя, надолго задержало промышленное развитие Франции.

[117]) *Эпоха террора*.—Автор имеет в виду период господства якобинцев в Конвенте с 2 июня 1793 г. до 27 июля 1794 г. После изгнания жирондистов 2 июня 1793 г. из Конвента началась гражданская война между представителями крупной буржуазии—жирондистами и представителями мелкой—якобинцами. С целью подавления контр-революционных восстаний, вспыхнувших в это время по всей стране, якобинцы издали ряд декретов о мерах борьбы с контр-революцией. Был создан при Конвенте Комитет общественного спасения и Центральный Революционный Трибунал. В провинции также создавались революционные трибуналы, целью которых было беспощадное искоренение контр-революции. Наряду с этим был создан

институт комиссаров, которые с чрезвычайными полномочиями рассылались по всей стране. Конвент принял ряд декретов, направленных против эмигрантов, неприсяжных священников, иностранных агентов, жирондистов и т. д. Свобода печати была уничтожена. Под Парижем была сформирована особая «революционная армия» из санкюлотов (городской и деревенской бедноты) для подавления жирондистских и монархических восстаний, для наблюдения за исполнением революционных законов и содействия снабжению столицы продовольственными припасами. Все контр-революционеры были объявлены «подозрительными». К числу подозрительных закон 17 сентября 1893 г. относил должностных лиц, отрешенных от мест Конвентом, а также всех тех граждан, «кто своим поведением, или своими связями, или своими речами, или произведениями выказали себя сторонниками тирании или федерализма и врагами свободы». Совокупность этих чрезвычайных мер и получила в истории название террористического режима.

[118]) *Новая Рейнская Газета* — знаменитый революционный орган, издававшийся в Кельне с 1/VI—1848 г. по 19/V—1849 г. под редакцией Маркса и Энгельса. Считаясь с характером происходившей в это время в Германии буржуазной революцией, наносившей лишь *первый удар абсолютизму*, Маркс полагал очередной задачей революционеров поддержку прогрессивных групп буржуазии, чтобы объединенными усилиями добиться максимальных успехов в перевороте. В соответствии с этой задачей и направлялась «Новая Рейнская Газета». Однако, когда реакция, усилившись, покусилась на основные достижения буржуазной революции 1848 г., Маркс и Энгельс призывали население к вооруженному восстанию и захвату коммунальных советов. В 1849 г. газета была закрыта за ее крайне революционное направление.

[119]) *Жан Жорес* (1859—1914)—знаменитый французский социалист и выдающийся оратор. Жорес пережил длинную эволюцию, прежде чем примкнул к социалистическому движению. Сначала Жорес принадлежал к буржуазным радикалам, которые способствовали его избранию в палату депутатов в 1885 году. В 1892 году он становится независимым социалистом и проходит в палату депутатов уже от рабочих. С 1902 года он состоит членом французской социалистической партии и является лидером ее парламентской фракции. Жорес никогда не был марксистом и очень часто проводил оппортунистическую линию. Особенно ярко это проявилось в его поддержке Мильерана, рискнувшего, вопреки социалистической традиции, вступить в буржуазное министерство Вальдек-Руссо в 1899 г. Жорес верил в постепенную демократизацию буржуазного общества, разделяя основные реформистские идеи. В 1904 г. Жорес становится редактором центрального органа социалистической партии «L'Humanité» («Человечество»), каковым остается до самой смерти. Выдающимся заслугами Жореса во французском и международном рабочем движении является его борьба с реакцией во время процесса Дрейфуса и его борьба против милитаризма. Жорес горячо добивался замены постоянной армии народной милицией и сокращения срока военной службы. Будучи пацифистом, Жорес надеялся предотвратить надвигавшуюся мировую войну мирными способами: переговорами с капиталистическим правительством, агитацией и вообще давлением общественного

мнения. Накануне мировой войны он был предательски убит одним из агентов правительства, опасавшегося агитации Жореса против войны. Жорес пользовался большой популярностью среди французского пролетариата.

[120]) *Мюнхгаузен*—автор пресловутого романа «Похождения барона Мюнхгаузена». Барон Мюнхгаузен, благодаря своему необычайному хвастовству и виртуозному лганью, выразившимся в описании его баснословных приключений, стал нарицательным именем всякого хвастуна и лгуна.

[121]) *Гильфердинг* — выдающийся представитель так называемой «австрийской» школы марксизма. В 1909 году выпустил получившую большую известность книгу «Финансовый капитал». По словам Ленина, «это сочинение представляет собой в высшей степени ценный теоретический анализ новейшей фазы в развитии капитализма». Во время войны Гильфердинг был в умеренной оппозиции, возглавляя, наряду с Каутским, германскую независимую с.-д. партию. В октябре 1920 г., во время раскола на партейтаге в Галле, Гильфердинг оказался в рядах правого меньшинства, отказавшегося от слияния с компартией. С 1922 г. после слияния его партии с шейдемановцами, Гильфердинг настолько эволюционировал вправо, что сейчас с честью выполняет обязанности вождя объединенной партии. В конце 1923 г. Гильфердинг, ранее отрицавший допустимость участия с.-д. в буржуазных правительствах, входит в качестве министра финансов в коалиционный кабинет Штреземана, стремившийся спасти германскую буржуазию от надвинувшихся революционных событий. С лета с. г. Гильфердинг редактирует новый журнал «Gesellschaft», наглядно иллюстрирующий ренегатство Гильфердинга и в теоретическом отношении его полный отказ от революционного марксизма.

[122]) *Мирбах*—глава германской миссии в России после Брест-Литовского мира. В 1918 г. был убит левыми эсерами Н. Андреевым и Я. Блюмкиным. Левые эсеры, не понимая исторической вынужденности Брест-Литовского мира, заключенного на кабальных для России условиях, пытались его сорвать убийством Мирбаха.

[123]) *Карл Либкнехт*—сын одного из основателей германской социал-демократии Вильгельма Либкнехта. Карл Либкнехт стяжал себе бессмертную славу своим геройским поведением во время войны. Оставаясь верным интернационализму, он на заседании рейхстага голосовал против военных кредитов, вопреки противоположному постановлению с.-д. парламентской фракции. Порвав с соц.-демократической партией Германии и организовав революционную группу «Спартак», К. Либкнехт перенес борьбу против политики социал-демократической партии в широкие рабочие массы, организовывая демонстрации протеста против империалистической войны, ведя энергичную агитацию за выступление пролетариата против буржуазно-юнкерского правительства. Будучи мобилизован на войну, Либкнехт не прекращал агитацию и среди войск. В результате он был арестован и приговорен к двум с половиною годам каторжной тюрьмы, откуда умудрялся поддерживать связь с наиболее революционными элементами рабочего класса Германии. Ноябрьская революция освободила К. Либкнехта и поставила его во главе движения революционных рабочих масс, боровшихся за организацию в Германии Советской власти, которую Либкнехт приветствовал с энтузиазмом, как «первое правительство мозолистых рук». Объединен-

ными силами контр-революции под руководством Шейдемана—Носке спартаковское движение было разбито в январе 1919 г., а его вожди—Либкнехт и Роза Люксембург — были зверски убиты шейдемановскими хулиганами.

[124]) *Роза Люксембург* (1870—1919) — знаменитая деятельница польского и германского социал-демократического движения. Участница целого ряда международных социалистических конгрессов. Автор выдающихся трудов: «Развитие польской промышленности», «Накопление капитала» и др. Роза Люксембург неизменно стояла на левом фланге международной социал-демократии. Бернштейнианство и мильеранизм встретили в лице Р. Люксембург серьезного идейного противника. С 1907 года, работая всецело в германском рабочем движении, стояла на крайнем крыле германской социал-демократии и, возглавляя лево-радикальную группу, вела неутомимую борьбу против нарождавшегося в партии оппортунистического уклона. Первая оценила уроки русской революции 1905 года («Всеобщая стачка»), пытаясь привить их сознанию германских рабочих и поддерживая во многих вопросах тактику русской большевистской фракции. Еще накануне войны, в 1913 году, за речь против милитаризма была приговорена к году тюрьмы. Во время войны—ярая интернационалистка, единомышленница К. Либкнехта, вместе с которым основала «Союз Спартака». В 1916 году была арестована и заключена в тюрьму. Однако в тюрьме не прекратила агитационной и пропагандистской работы, посылая конспиративно брошюры, листовки и воззвания против войны. Там ею написана под псевдонимом «Юниус» знаменитая брошюра «Кризис социал-демократии», в которой теоретически предвосхитила полное разложение II Интернационала и создание III Коммунистического Интернационала. После ноябрьской революции 1918 года, совместно с К. Либкнехтом, стала во главе коммунистически настроенных групп рабочего класса, подготовляя захват власти и переход к советской системе. Январское поражение 1919 года, нанесенное спартаковцам шейдемановскими войсками, закончилось гибелью Р. Люксембург, убитой германскими офицерами.

[125]) *А. А. Иоффе* — старый социал-демократ, бывший меньшевик. В 1917 г. вступил в Р. С.-Д. Р. П. (большевиков). Принимал активное участие в Октябрьском перевороте в Петрограде. Участник Брест-Литовских переговоров и их завершитель. Первый советский посол в Германии в 1918 г. Вел в 1920 году мирные переговоры с Польшей и подписал Рижский договор. Ведет все время работу в дипломатической области.

[126]) *Кюльман*—министр иностранных дел немецкого империалистического правительства, руководивший с немецкой стороны Брест-Литовскими мирными переговорами.

[127]) *Бауэровское министерство*—образовалось после отставки правительства Шейдемана в Германии 21 июня 1919 года и продержалось до 27/II—1920 г. В состав его вошли социал-демократы большинства и центра.

[128]) *Гаазе*—один из вождей бывшей независимой партии. До войны был вторым председателем (после Бебеля) немецкой с.-д. Во время войны стал вождем умеренной оппозиции в с.-д. После революции был в шестерке так называемых народных уполномоченных. В 1919 г. Гаазе умер от раны, полученной вследствие произведенного на него покушения.

[129]) III Всероссийский Съезд профессиональных союзов заседал в Москве с 6 по 13 апреля 1920 г. На Съезде были заслушаны следующие доклады: 1) об общем политическом положении—доклад т. Ленина, 2) отчет Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов—доклад т. Томского, 3) доклад о деятельности Наркомтруда—т. Шмидт, 4) о задачах профессионального движения—доклад т. Томского, 5) о деятельности ВСНХ—доклад т. Рыкова, 6) задачи хозяйственного строительства—доклад т. Троцкого, 7) организационный вопрос—доклад т. Лозовского, 8) доклад о международном положении—т. Радек и др.

В центре работ Съезда стояли вопросы хозяйственного строительства, что объяснялось ликвидацией внутренних белогвардейских фронтов. Угроза войны с Польшей еще только носилась в воздухе. Наибольшие прения вызвал вопрос о милитаризации труда и связанных с ним задачах профессиональных союзов. Оппозиция меньшевиков, присутствовавших на съезде в количестве 33 человек, во главе со своими лидерами: Абрамовичем, Даном, Мартовым, Рубцовым и другими,—энергично выступала против мероприятий, принятых IX Съездом РКП и защищавшихся на Съезде профсоюзов т. Троцким.

По докладу т. Троцкого была вынесена следующая резолюция:

«Заслушав доклад т. Троцкого, III Всероссийский Съезд профсоюзов постановляет:

Одобрить тезисы о хозяйственном строительстве, принятые на IX Всероссийском Съезде РКП, и поручает Президиуму ВЦСПС в своей работе руководствоваться этими тезисами, как единственной директивой, способной вывести Советскую Россию из крайне тяжелого хозяйственного положения, дать могущественный толчок всестороннему развитию ее производительных сил и таким путем окончательно закрепить победу рабочего класса над капиталом».

Кроме того, чтобы рассеять злостную агитацию, распространявшуюся международной буржуазией, вкупе с меньшевиками, вокруг вопроса о милитаризации труда в России,—Съезд обратился со специальным воззванием к мировому пролетариату с разъяснением принятых мероприятий в области хозяйственного строительства:

«Пролетариям всех стран.

Товарищи рабочие!

Телеграф, радио, печать, эти могущественные орудия капиталистического обмана, сообщали вам не раз за последние недели о милитаризации труда в Советской России. Из этого факта лакеи империализма стремятся извлечь двойную пользу: оклеветать социалистическую Россию и оправдать свои собственные насилия над трудящимися.

Мы, более тысячи делегатов, представляющие на III Всероссийском Съезде союзов свыше трех миллионов производственно-организованных рабочих, считаем своим долгом братски предостеречь вас как от похвал, так и от ругательств буржуазного общественного мнения по адресу советских методов организации труда.

Наше хозяйство разорено и истощено империалистской бойней, бесчеловечной блокадой и непрерывными наступлениями наемных банд

господ Черчилля и Клемансо. Нам необходимо теперь высшее напряжение сил, чтобы в кратчайший срок вывести страну из тягчайших бедствий и лишений. Эта задача требует от каждого трудящегося Советской России крайнего напряжения сил и высшего самоотвержения. Как сознательный красный солдат в любой момент готов отдать на фронте свою жизнь за дело трудящихся, так каждый честный рабочий, каждая честная работница должны быть теперь готовы напрячь всю свою силу для хозяйственного спасения социалистической республики. У нас нет и не может быть другой задачи, другой мысли, другой заботы, кроме напряженного производительного труда на общее благо. Твердая трудовая дисциплина, непоколебимое единство и выполнение хозяйственного плана—это мы называем милитаризацией труда. Над нами нет королей с их сановниками, буржуазных депутатов с их министрами, помещиков и капиталистов с их агентами, буржуазных генералов и судей с их палачами. Приемы милитаризации труда не предписываются нам сверху эксплоататорами и их грабительским государством. Мы, трудящиеся, сами, по собственной воле, налагаем на себя суровые трудовые обязательства, которых требует наш долг перед революцией и грядущими поколениями. Плоды нашей усиленной работы не будут превращаться в барыши для тунеядцев, а послужат облегчению жизни истомленных нуждою народных масс. Мы, трудящиеся России, сами являемся своими законодателями и, постановив милитаризацию труда, мы проводим ее в жизнь нашими собственными руками через наши же пролетарские организации.

Пролетарии всех стран! Среди великого напряжения борьбы и труда мы посылаем вам наш братский привет. Мы уверенно ждем того часа—он ударит скоро,—когда рабочие всего капиталистического мира сбросят на-земь своих угнетателей, искоренят наследие вековых насилий, издевательств, истязаний и превратят нашу землю в цветущее достояние освобожденного человечества.»

[130]) III Всероссийский Съезд советов народного хозяйства заседал в обстановке перехода от гражданской войны к мирному хозяйственному строительству. До 1920 года в центре жизни Советской Республики стояли вопросы, непосредственно вытекающие из факта гражданской войны. С победой же Красной Армии на первый план выдвинулись вопросы восстановления народного хозяйства, истощенного гражданской войной. На Съезде участвовало свыше 500 человек. С решающим голосом было 249 человек, из них свыше 50% коммунистов. Центральными вопросами на Съезде являлись вопросы, связанные с оценкой современного экономического положения (доклад тов. Рыкова), организации труда и всеобщей трудовой повинности (доклады т.т. Троцкого и Томского) и вопрос об управлении хозяйственной жизнью, а также о выработке инструкций по управлению промышленностью (доклад т. Милютина). Съезд в своих резолюциях дал законченное выражение идеям старой экономической политики.

[131]) *IX Съезд РКП* — состоялся 29 марта — 4 апреля 1920 года. Присутствовало 716 делегатов, из них 554 с решающим голосом, представлявших 611.978 членов партии. Порядок Съезда был следующий: 1) отчет Ц. К.—доклад т. Ленина, 2) очередные задачи хозяйственного строительства—доклад т. Троцкого, 3) профессиональное движение, 4) организацион-

ные вопросы, 5) задачи Коммунистического Интернационала, 6) кооперация, 7) переход к милиционной системе и пр. В центре дебатов были вопросы хозяйственного строительства, в особенности вопросы о «милитаризации» труда, «единоличии» и «коллегиальности» и формах профессиональной работы в связи с хозяйственными задачами.

[132]) *Антонио Лабриола* (1843—1904) — известный итальянский философ и социолог, ортодоксальный марксист. Его главнейшие сочинения: «Исторический материализм и философия» и «Очерки по историческому материализму». См. о нем Плеханова—«К развитию монистического взгляда на историю» (VII т. Сочинений под ред. Д. Рязанова) и «Критика наших критиков» того же автора.

[133]) 18 пункт 5 главы второго раздела Конституции гласит: «Р. С. Ф. С. Р. признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: «не трудящийся, да не ест».

[134]) *О порядке привлечения к трудовой повинности граждан Р.С.Ф.С.Р.* Раздел III Кодекса Законов о Труде Р. С. Ф. С. Р. изд. 1922 г. гласит:

«11) В исключительных случаях (борьба со стихийными бедствиями, недостаток в рабочей силе для выполнения важнейших государственных заданий), все граждане Р. С. Ф. С. Р., за изъятием указанных в ст.ст. 12 — 14, могут привлекаться к труду в порядке трудовой повинности, согласно специальных постановлений Совета Народных Комиссаров или органов, уполномоченных В. С. Н. X.

12) Привлечению к трудовой повинности вовсе не подлежат: а) лица, не достигшие 18 лет, б) мужчины старше 45 лет и женщины старше 40 лет.

13) От привлечения к трудовой повинности освобождаются: а) лица, вследствие болезни или увечья, временно утратившие трудоспособность на срок, необходимый для ее восстановления, б) беременные женщины на период времени за 8 недель до родов и роженицы в течение 8 недель после родов, в) женщины, кормящие грудью, г) инвалиды труда и войны, д) женщины, имеющие детей до 8-летнего возраста, при отсутствии лица, ухаживающего за ними.

14) Дополнительные изъятия и льготы, в зависимости от состояния здоровья, семейного положения, характера работ и бытовых условий, по отдельным видам трудовой повинности, устанавливаются Советом Народных Комиссаров, Советом Труда и Обороны и Народным Комиссариатом труда».

[135]) *Тейлоризм*—определенная система организации труда в процессе производства, основанная на точных научных данных. Эта система, разработанная и сформулированная американским инженером Тейлором, широко практикуется в Соединенных Штатах Америки. В условиях капитализма тейлоризм является лишним средством для выкачивания прибавочной стоимости из рабочего, так как элементы научной организации процесса производства сочетаются (в нем) с самыми концентрированными приемами «потогонной системы». См. текст, стр. 139.

[136]) *Аракчеевщина* — система военных поселений, введенная военным министром Аракчеевым в период царствования Николая I. При этой системе воинские части, расселенные в различных областях России, совмещали воинскую службу с хозяйственным обслуживанием государства. Результат

этого принудительного регулирования сельского хозяйства был очень плачевный для крестьян, у которых отнималась всякая самостоятельность в распоряжении своим временем. Военные поселения, являясь проводником политического и административного влияния военно-полицейского режима на окрестное население, вызывали частые бунты крестьян и массовые побеги, которые карались, конечно, по всем строгостям царского режима.

[137]) *Абрамович*—один из вождей меньшевизма и Бунда в России. В настоящее время в Берлине издает совместно с Даном центральный орган меньшевиков «Социалистический Вестник», в котором изо дня в день ведет анти-советскую агитацию.

[138]) *Каратаев* — тип крестьянина, резонирующего и в то же время твердо верующего в высшие силы, регулирующие жизнь человека, выведенный Л. Толстым в его знаменитом произведении—«Война и мир».

[139]) *Гольцман* — работник б. Цектрана, бывший синдикалист, член РКП с 1917 г. Видный хозяйственник, работающий по электрификации.

[140]) *Рубцов* — член Р. С.-Д. Р. П. меньшевиков. Старый работник профессионального движения. В 1920 году принял активное участие в работах III Всероссийского Съезда профессиональных союзов, где возглавлял немногочисленную меньшевистскую оппозицию, выступая против решений IX Съезда РКП о милитаризации труда, всеобщей трудовой повинности и т. д.

[141]) *Цыперович*—старый социал-демократ, организатор первых социал-демократических кружков в Одессе. Деятель профессионального движения. Автор труда: «Синдикаты и тресты в России». Вступил в РКП в 1919 г.

[142]) *Макс Адлер*—виднейший теоретик австрийской соц.-демократии, по недоразумению считающий себя марксистом. В своей книге «Marxistische Probleme» он обвиняет материализм в метафизичности и «исправляет» Маркса идеалистической теорией познания Иммануила Канта. Макс Адлер является ярким образчиком глубины теоретического падения соц.-демократии и отказа ее от революционного марксизма. В политических вопросах Макс Адлер— каутскианец и пацифист. В своей брошюре «Prinzip oder Romantik» он говорит: «Весь интернационализм социал-демократии должен будет остаться и останется утопией, если она не сделает идею мира центральным пунктом своей программы внешней и внутренней политики». Адлер ни единым словом не заикается о необходимости пропаганды классовой борьбы и гражданской войны.

[143]) *Аустерлиц*—австрийский социал-демократ правого крыла. Во время империалистической войны—оголтелый сторонник социал-шовинизма.

[144]) *Лейтнер*—политический тип того же характера, что и Аустерлиц.

[145]) *Гавас, Рейтер и Вольф*—французское, английское и немецкое телеграфные агентства, пользующиеся монопольным правом распространения информации, собираемой со всего света. Являясь органами европейской буржуазии, они невероятно извращали, в интересах господствующих классов, революционные события в России, выдумывая самые нелепые сплетни о раздорах внутри РКП, о восстаниях населения против Советской вла-

сти, о разложении Красной Армии и тому подобный вздор. В значительной степени способствовали созданию враждебного отношения к Советской власти со стороны демократических групп европейского населения.

[146]) *Захват Риги немцами.*—Рига была захвачена Германией летом 1917 года при попустительстве части русского генералитета, желавшего угрозой немецкого прорыва на Петербург приостановить дальнейшее развитие революции.

[147]) *II Конгресс Коммунистического Интернационала*—заседал 21 июля—6 августа 1920 г. в Москве, за исключением заседания 19 июля, которое происходило в Петербурге. На конгрессе были представлены 39 стран. С решающим голосом присутствовало 169 делегатов и 49 с совещательным. Коммунистов на конгрессе было 152 человека, остальные делегаты относились к категории «сочувствующих». II конгресс заседал в момент, когда во всей Европе рабочее движение достигло своего наивысшего подъема. Этим объясняется то обстоятельство, что на этом конгрессе присутствовали делегаты с.-д. партий центристского (каутскианского) направления, вышедших из состава II Интернационала (герм. независимая, английская независимая, франц. соц. партия и др.) и возбудивших вопрос о вступлении в III Комм. Интернационал. Порядок дня конгресса был следующий: 1) роль и состав коммунистической партии до и после завоевания власти рабочим классом; 2) профессиональные союзы и заводские комитеты; 3) вопрос о парламентаризме; 4) национальный и колониальный вопросы; 5) аграрный вопрос; 6) позиция по отношению к новым течениям «центра» и условия вхождения их в Интернационал; 7) устав Коммунистического Интернационала; 8) организационные вопросы; 9) коммунистическое движение молодежи; 10) выборы.

В центре работ конгресса стоял вопрос об условиях вступления в Коммунистический Интернационал. Дебаты развертывались вокруг 21 условия, выработанных Исполкомом.

Эти условия вызвали раскол в центристских партиях; наиболее революционная часть из них окончательно примкнула к Коминтерну, оппортунистические же элементы скатились к желтому II Интернационалу. II конгресс, как по своему представительству, так и по характеру прений, свидетельствовал об огромном развитии коммунистического движения во всем мире.

[148]) *Лорио*—старый участник социалистического движения. В годы войны был руководителем крайней левой оппозиции во французской социалистической партии, поддерживая на международной арене циммервальдскую левую. В 1919—1921 г.г. Лорио принимает активное участие в расколе старой Ф. С. П., а по образовании Ф. К. П. становится одним из ее вождей. Лорио присутствовал на третьем конгрессе Коммунистического Интернационала, войдя в президиум последнего от французской делегации. В последние годы Лорио отошел от активного участия в движении.

[149]) *Монат*—ныне один из вождей французской компартии (вступил в последнюю в конце 1922 г.). До войны был в рядах революционных синдикалистов, в годы войны сплотил небольшое ядро оппозиции в рабочем движении против социал-патриотов из социалистического и профессионального лагеря. После войны Монат продолжал свою революционную работу,

но в компартию не входил. Уход группы Фроссара зимой 1922 г. кладет конец его колебаниям, и Монат входит в Ф. К. П.

[150]) *Росмер*—вместе с Монатом проходит тот же путь политической деятельности. В отличие от последнего он еще в 1919—1920 г.г. рвет с синдикалистскими предрассудками и уже в 1920 году присутствует на II конгрессе Коминтерна и входит в состав его президиума. В последующие годы Росмер активно защищает линию Коммунистического Интернационала во французской коммунистической партии и является одним из лидеров ее левого крыла.

[151]) *Джиолиттианцы* — приверженцы Джиолитти старого вождя итальянской буржуазии. Во время войны 1914 года Джиолитти отстаивал необходимость невмешательства Италии в войну. Джиолитти неоднократно бывал премьером. Ныне он в оппозиции к Муссолини.

[152]) *Турати* — один из основателей итальянской социалистической партии. За исключением первых лет, когда Турати был левым, он в последующий период своей деятельности является вождем итальянских реформистов. Уже во время войны он борется против анти-военной линии центрального комитета итальянской партии. В последние годы Турати возглавляет открытых социал-предателей, а после откола от серратианцев является вождем итальянской социалистической партии, фактически сотрудничающей с фашистами.

[153]) *Коалиционное «демократическое» правительство Закавказья.* См. стр. 202 сл.

[154]) *Генуэзская конференция* была созвана по инициативе Верховного Совета Лиги Наций, главным образом, по настоянию Англии, 10 апреля 1922 года в итальянском городе Генуе. Формально конференция ставила себе целью разрешение вопросов, связанных с хозяйственным восстановлением Европы после войны, и урегулирование взаимоотношений с Советской Россией. Фактически же вся работа конференции вращалась вокруг русского вопроса, при чем тут впервые в европейском масштабе столкнулись два полярных лагеря. Объединенные усилия заправил конференции—представителей Англии, Франции и Италии—были направлены к тому, чтобы ценою юридического признания советского правительства заставить его пойти на восстановление прежних собственников в их правах (реституция) и признание обязательств царского правительства. Эти требования союзных держав были зафиксированы в меморандуме от 28 марта 1922 года. Наткнувшись на решительное сопротивление русской делегации, союзники раскололись, и следующий меморандум от 2 мая, подписанный только Англией и Италией, настаивал уже только на *компенсации* потерь бывших частных собственников, не заикаясь больше о реституции. Однако русский меморандум от 11 мая 1922 года окончательно показал союзникам, что Советская Россия, стремясь путем значительных уступок включиться в международную экономическую систему, отвергает всякую малейшую попытку экономического закабаления и ущемления политического режима, установленного в октябре 1917 года. Так же безрезультатно окончились работы конференции по вопросам, касавшимся восстановления хозяйства Европы, ввиду непримиримых экономических противоречий, раздиравших бывших «союзников». Для Советской Республики Генуэзская конференция

имела то положительное значение, что России удалось, за кулисами конференции, завязать тесные экономические отношения с Германией, путем заключения с ней Рапальского договора, что одновременно означало крупный дипломатический успех.

[155]) *Санхо Пансо* — один из главных персонажей знаменитого сатирического романа Сервантеса—«Дон-Кихот». Слуга Дон-Кихота, Санхо-Пансо, в противоположность своему экзальтированному и романтичному господину, отличался весьма трезвыми узко-практическими взглядами на вещи.

[156]) *Мергейм* — секретарь синдиката металлистов. Во время войны правый циммервальдец. После войны—на крайне правом фланге профессионального движения—поддерживал политику Жуо в Амстердамском Интернационале. В последнее время, вследствие болезни, Мергейм не принимает активного участия в профессиональной работе.

[157]) *Герзинг* — один из социал-демократических руководителей полицейского ведомства в Германии. Накануне мартовских событий 1921 г. Герзинг издал явно провокационный приказ, в котором требовал от рабочих прекращения беспорядков, бережного отношения к заводскому имуществу и, под угрозой репрессий, запрещал устройство митингов в рабочее время.

[158]) *Бриан*—яркий пример ренегатства во французской социалистическом движении. В 90-ых годах прошлого столетия он стоял на левом фланге рабочего движения, будучи агитатором радикального течения (action directe—прямое действие), позднее вылившегося в синдикализм. Но уже в предвоенные годы Бриан делает поворот на 180 градусов и становится в ряды спасителей французской буржуазии. С тех пор Бриан строит свою карьеру, как политический вождь буржуазии. В годы перед Генуэзской конференцией Бриан выдвигается, как премьер-министр, но в начале 1922 года получает отставку, ибо его «левый» курс кажется мягкотелым руководящему центру французской буржуазии—национальному блоку. Ныне пытается выдвинуться, как один из правых лидеров левого блока.

[159]) *Мистрис Сноуден*—супруга одного из вождей английской независимой рабочей партии. Видная деятельница фабианского движения.

[160]) *Лорд Нортклиф*—член консервативной партии Англии. Глава газетного треста, владеющего десятками газет в Англии. Благодаря этому обстоятельству был влиятельной политической фигурой. Умер в 1923 г.

[161]) *Гюисманс*—бельгийский социалист. Секретарь Международного Социалистического Бюро II Интернационала. Во время войны социал-шовинист.

[162]) *Густав Эрве*—бывший анархист, возглавлявший до войны крайне левое крыло социалистической партии. Война превратила его в социал-патриота, а затем и в ярого монархиста. Политическая эволюция Эрве во многом напоминает эволюцию нашего Алексинского, проделавшего путь от левого большевика до врангелевца.

[163]) *Леон Доде*—сын известного французского писателя Альфонса Доде. Лидер французской монархической партии. Во время империалистической войны, несмотря на его крайне реакционные и черносотенные взгляды, Леона Доде одно время прочили в министры внутренних дел французской республики.

[164]) *Луиза Каутская* — жена известного теоретика II Интернационала Карла Каутского. Деятельница женского движения.

[165]) *Жордания*—один из старых русских социал-демократов и организатор социал-демократической партии Грузии. Видный меньшевик. Член I Государственной Думы от Тифлисской губ. и лидер социал-демократической думской фракции. Неоднократно арестовывался и ссылался за революционную деятельность. Во время войны социал-патриот. После Октября глава меньшевистского правительства Грузии и активный враг Советской власти.

[166]) *Мусаватисты*—буржуазно-помещичья партия Азербейджана. В конце 1918 года, при содействии англичан, организовала бакинское правительство. Это правительство продержалось до мая 1920 года, когда, накануне вступления в Баку разгромившей Деникина Красной Армии, было свергнуто бакинскими рабочими, создавшими Азербейджанскую Советскую Республику.

[167]) *Дашнакцутюн* — армянская мелко-буржуазная националистическая партия. По методам своей организации и по способам борьбы с царизмом приближалась к партии эсеров. После Октября, в период захвата англичанами Баку в 1918 году, выступила против Советской власти, опираясь на англичан. В настоящее время партия дашнакцутюн разложилась, при чем наиболее пролетарские и революционно-настроенные элементы вошли в Азербейджанскую компартию.

[168]) *Таймс* (The Times)—основана в 1788 году. Одна из самых старых газет Англии с ярко выраженным империалистическим характером. Имеет большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику правительства и, поэтому, распространяется по всему земному шару.

[169]) *Чхеидзе*—старый работник с.-д. на Кавказе, почти с самого начала раскола примкнул к меньшевикам. Чхеидзе был членом III и IV Государственных Дум. В последней он выдвинулся, как лидер меньшевистской «семерки» и постоянный оратор левой оппозиции. В годы войны Чхеидзе занимал каутскианскую позицию. После Февраля он стал играть крупнейшую политическую роль, в качестве председателя Петроградского Совета, возглавляя в то же время, вместе с Церетели, Даном и Либером, так называемых революционных оборонцев. Характеристика Чхеидзе этой эпохи чрезвычайно метко дана Милюковым в его «Истории русской революции»:

> «Этот «революционер поневоле» давно уже носил в душе испуг перед революцией и, в отличие от многих, прикрывал его условными фразами революционного шаблона лишь постольку, поскольку это безусловно требовалось его положением» (т. I, вып. III, стр. 38).

Ныне Чхеидзе в эмиграции ведет агитацию против советского режима в Грузии.

[170]) *Гегечкори*—видный меньшевик, член III Государственной Думы от Кутаисской губ. и один из лидеров меньшевистской думской фракции. Во время войны социал-патриот. После Февральской революции сторонник коалиции с буржуазией. Октябрьская Революция бросила его в стан контр-революции. В конце 1918 года он становится во главе Кавказской рады, объявившей независимость Кавказа. В дальнейшем—министр иностранных дел грузинской республики и покорный слуга Антанты. После советского переворота в Грузии в 1921 году эмигрировал за-границу.

[171]) *Чхенкели*—проделал ту же эволюцию, что и Гегечкори. Депутат IV Государственной Думы. При Временном Правительстве—полномочный комиссар Закавказья. После Октября—министр в грузинском кабинете Жордания.

[172]) *Бьюкенен*—английский посол в России во время империалистической войны, имел большое влияние, как представитель английского империализма, на политику царского и Временного правительств. Под его давлением было предпринято Керенским наступление нашей армии 18 июня. Покровительствовал контр-революционным силам России еще при Керенском; активно помогал Корнилову в подготовке предполагавшегося переворота в августе 1917 года.

[173]) *Самарский Комитет Учредилки.*—Опираясь на контр-революционное выступление чехо-словаков, правые эсеры, при поддержке Антанты, создали в Самаре «орган Всероссийской демократической власти»—Комитет членов Учредительного Собрания. Первым шагом Комитета было создание «народной армии», организация которой была поручена Лебедеву, Фортунатову и вообще черносотенному офицерству. Сначала самарская авантюра встретила сочувствие значительных масс крестьянского населения, недовольных жесткой хлебной монополией, и городских деклассированных элементов. Но уже к осени 1918 года настроение начинает меняться, вследствие разгула помещичьей реакции в захваченных чехо-словаками и «народной армией» областях. К этому времени Самарская Учредилка потеряла всякое реальное значение и уступила свое место «Директории», созданной на Уфимском государственном совещании. Окончательный финал Учредилки был весьма плачевный. В ноябре 1919 года Директория была разогнана, с согласия Антанты, использовавшей эсеровских мавров, военным министром Колчаком, ставшим после этого верховным правителем Сибири. Эсеровские вожди подверглись различным репрессиям и частью выехали за границу (Авксентьев, Зензинов).

[174]) *Правительство Чайковского*—было создано в Архангельске в 1918 году, после захвата этого города англичанами. В состав его входили партии от левых кадетов до меньшевиков и эсеров. Ликвидировано красными войсками после двухлетней борьбы на Северном фронте в 1919 году.

[175]) *Генерал Миллер*—член русского Северного правительства в Архангельске в 1918 году.

[176]) *Вандея*—французская провинция, расположенная на северо-западе Франции, прославилась контр-революционными крестьянскими выступлениями в эпоху Великой Французской Революции под руководством фанатичных аббатов и аристократов-роялистов, сторонников королевской власти. Вандея стала синонимом контр-революционных крестьянских восстаний.

[177]) *Джугели*—член Р. С.-Д. Р. П. (меньшевиков). Начальник народной гвардии в грузинской меньшевистской республике. В сентябре 1924 г. был одним из главарей анти-советского выступления в Грузии, подготовлявшегося при поддержке Антанты. После неудачи этой авантюры Джугели признал совместно с другими меньшевистскими вождями свою вину перед трудящимися массами Грузии.

[178]) *Княжество Монако*—незначительное государство в Европе, на берегу Генуэзского залива; около 20 кв. верст; 15 тысяч жителей; с главным городом того же имени и городом Монте-Карло ($3^1/_2$ тысячи жителей), известным своим игорным домом и прекрасным климатом.

[179]) *Династия Карагеоргиевичей*—сербская династия, ведущая свой род от Карагеоргия, предводителя сербов в войнах за независимость (1771—1817 г.г.). Последний представитель этой династии, Петр, родился в 1846 году и в 1903 г. был «выбран» скупщиной королем Сербии, после убийства Александра Обреновича.

[180]) *Фон Кресс*—немецкий генерал, оккупировавший Грузию в 1918 г.

[181]) *Генерал Гофман*—участник мирных переговоров в Брест-Литовске со стороны Германии.

[182]) *Рамзей Макдональд*—главный лидер английской независимой рабочей партии и вождь парламентской фракции. Старый оппортунист. Во время войны занимал пацифистскую позицию, за что сидел несколько месяцев в тюрьме. В 1920 году Макдональд вместе со своей партией вышел из II Интернационала и участвовал в Венской конференции $2^1/_2$ Интернационала, но вскоре снова вошел во II Интернационал. В январе 1924 года Макдональд стал во главе английского рабочего правительства, в котором по существу проводит не пролетарскую, а либеральную политику. Макдональд является одним из главарей и вдохновителей Амстердамского объединения профессиональных союзов. В октябре 1924 г. рабочее правительство Макдональда пало.

[183]) *Брут*—один из участников умерщвления римского императора Юлия Цезаря. Так как Брут был очень близким другом Цезаря, то участие его в заговоре явилось полной неожиданностью для последнего. Поэтому, увидя Брута в числе своих убийц, он произнес знаменитую фразу, ставшую поговоркой: «И ты, Брут!». Имя Брута стало синонимом вероломного друга.

[184]) *Фон-Кирбах*—немецкий генерал, командовавший группой оккупационных войск на Украине.

[185]) *Маннергеймовская Финляндия.*—В начале 1918 года в Финляндии произошел советский переворот. Буржуазное правительство вынуждено было бежать в северную часть Финляндии, в которой население оставалось на стороне белых. Революция охватила широчайшие массы финляндского народа, и советская власть начала утверждаться в самых глухих углах Финляндии. Но уже в апреле 1918 года финляндское правительство, вошедшее в соглашение с немецким командованием, при помощи немецких штыков и белогвардейских отрядов, свергает советскую власть и учиняет кровавую баню революционному населению. Роль генерала Галифе в Финляндии сыграл генерал Маннергейм, организатор белой гвардии, который залил страну рабоче-крестьянской кровью. Диктатура генерала Маннергейма в Финляндии ознаменована массовыми расстрелами, избиением женщин и детей. Финляндские тюрьмы оказались недостаточными для вмещения всех арестованных, и поэтому избыток захваченных революционеров беспощадно уничтожался.

[186]) *Гейман*—генерал белой добровольческой армии.

[187]) *Филимонов*—член президиума Кубанской Рады.

[188]) *Томпсон*—генерал-майор, командовавший британскими войсками в Закавказье в 1918 году.

[189]) *Вадим Чайкин*—социалист-революционер, член Учредительного Собрания. Председатель Комитета Освобождения Черноморья. Руководил борьбой крестьян против Деникина.

[190]) *Томас*—видный деятель английского профессионального движения. Член британской рабочей партии. Томас занимает самую правую позицию в партии и профессиональном движении.

[191]) *Клайнс*—член английской рабочей партии. Лидер железнодорожных рабочих. Министр в кабинете Макдональда. Произведен в пэры.

[192]) *Секстон*—член английской рабочей партии. Вождь союза докеров. Член парламента.

[193]) *Дэвисон*—член английской рабочей партии.

[194]) *Адамсон*—член английской рабочей партии. Председатель союза чернорабочих. Член парламента.

[195]) *Годж*—член английской рабочей партии. Секретарь сталелитейного союза рабочих.

[196]) *Роз*—член английской рабочей партии. Деятель союза металлистов.

[197]) *Боэрман*—член английской рабочей партии. Секретарь союза наборщиков.

[198]) *Юнг*—член английской рабочей партии. Секретарь союза металлистов.

[199]) *Спур*—член независимой рабочей партии Англии.

[200]) *Уоккер Форестьер*—генерал; командовал британскими войсками западного Закавказья в 1918 году.

[201]) *Черчилль*—один из лидеров консервативной партии. Министр в коалиционном кабинете Ллойд-Джорджа, занимавший самую непримиримую позицию по отношению к Советской России.

[202]) *Самба*—до войны один из самых видных парламентариев французской социалистической партии. В годы войны Самба становится социал-патриотом и входит в министерство Вивиани. Во французской социалистической партии после войны он занимает крайнюю правую позицию.

[203]) *Тухарели*—участник грузинского карательного отряда в Гудаутском уезде.

[204]) *Нерон* (37—68 нашей эры)—римский император, сын Люция-Домиция Агенобарба и Агриппины Младшей. В 54 году возведен преторианцами на престол. Известен в истории, как один из самых бесчеловечных и сумасбродных тиранов. В 59 году убил свою мать, в 62—жену Октавию. Беспощадно преследовал и избивал христиан, сжигая их сотнями живыми на кострах или отдавая на съедение зверям римского цирка. Будучи маньяком, считал себя художественным гением и публично выступал, как артист. Кончил жизнь самоубийством, вследствие всеобщего восстания против его тирании.

[205]) *Великий пожар Рима*—вспыхнул в царствование императора Нерона. Историческая легенда приписывает этот пожар самому Нерону, который будто бы во время пожара любовался им из своего дворца. Однако Нерон обвинил в пожаре христиан и подверг их первому большому гонению и избиению в 64 году.

[206]) *Тан* (Le Temps)—французская буржуазная газета. Основана в 1861 году. Со времени Октябрьского переворота в России ведет повседневную анти-советскую агитацию.

[207]) *Закавказский сейм*—см. стр. 202 слл.

[208]) *Габсбурги*—династия, царствовавшая в Австро-Венгрии до ноябрьской революции 1918 года. Последним представителем этой династии был Карл-Франц-Иосиф, сын умершего Франца-Иосифа I.

[209]) *Вильсонизм*—пацифистско-примиренческое (по внешности) течение, берущее свое название от знаменитых 14 пунктов американского президента Вильсона. В данном случае автор хочет подчеркнуть всю пошлость и иллюзорность идей Вильсона в их применении к Грузии. См. примечание 221.

[210]) *Ватикан*—папский дворец в Риме, построен в V веке на Ватиканском холме. Место пребывания римских пап.

[211]) *Иммануил Кант* — знаменитый немецкий философ и ученый (1724—1804 г.г.). В своем главном труде—«Критика чистого разума» Кант пытался обосновать непознаваемость сущности вещей («вещи в себе»). С точки зрения Канта наше знание обусловливается не столько внешним материальным миром, сколько общими законами и приемами нашего ума. Этой постановкой вопроса К. положил начало новой философской проблеме—теории познания. Если в «Критике чистого разума» Кант приходит к выводам, отрицающим всякую возможность познать потусторонний мир, то во втором своем крупном труде «Критика практического разума» Кант пытается доказать познаваемость умопостигаемого мира, т.-е. вещей в себе, через наше нравственное сознание, через наше *я*, которое является одновременно, по Канту, и явлением, и вещью в себе.

Основной нравственный закон (категорический императив), который, по мнению Канта, имеет всеобщий и вневременный характер, как раз и служит доказательством существования высшего существа. Категорический императив Канта гласит: «Поступай так, чтобы правила, которыми руководится твоя воля, могли во всякое время послужить принципом всеобщего законодательства». Социологической подоплекой этического учения Канта был протест против отношений зависимости феодального режима. С этой точки зрения К. на философском поприще является идеологом восходящей буржуазии.

Кант был не только философом, но и крупным ученым. Кант одним из первых разработал научную теорию образования солнца и небесных светил, совпавшую в существенных чертах с теорией Лапласа.

Критику философского учения Канта см. Аксельрод (Ортодокс) «Философские очерки», Плеханова—«Критика наших критиков» и др. сочинения, Каутского—«Этика и матер. понимание истории».

[212]) *Лорд Керзон*—один из лидеров консерваторов в Англии. Министр иностранных дел в кабинете Ллойд-Джорджа. Вдохновитель интервенции и блокады. Инициатор знаменитого ультиматума Советской Республике в 1922 году, по содержанию своему являвшегося ничем иным, как провокацией на войну.

[213]) *Буденный* — командующий 1 конной армией. Прославился победами над контр - революционными армиями в 1919 г.; принял

выдающееся участие в русско-польской войне 1920 г. Имя простого унтер-офицера старой армии, ставшего победоносным красным генералом, облетело всю европейскую печать.

[214]) *Таке Ионеску*—лидер демократической партии в Румынии. В 1921 году был премьер-министром, вышел в отставку 18 января 1922 года. Партия Таке Ионеску, представляющая интересы мелкой румынской буржуазии, играла видную роль до империалистической войны; после войны постепенно теряет свое значение.

[215]) *Врангель*—один из наиболее выдающихся деникинских генералов, выдвинувшийся в 1919 г. своими операциями против Красных войск на Царицынском фронте. После добровольного ухода в отставку потерпевшего поражение «главнокомандующего всеми вооруженными силами на юге России» ген. Деникина, был назначен последним своим заместителем. Под прикрытием переговоров, которые английское правительство повело с Советской властью по вопросу об условиях сдачи Врангеля, последнему удалось привести свои дезорганизованные части в боевой порядок и вновь перейти в наступление за пределы Крымского полуострова, в котором он укрепился. Это наступление первоначально оказалось успешным благодаря тому, что внимание Красной Армии было отвлечено польским фронтом. После перемирия с Польшей, 12 октября 1920 г., Красные войска перешли в наступление и 30 октября, после бешеного сопротивления, геройски взяли Перекоп. Взятие Перекопа сделало невозможным дальнейшее пребывание Врангеля в Крыму и он вынужден был с жалкими остатками своей армии бежать в Турцию и на Балканы.

[216]) *Перекопский перешеек*—соединяет Крым с материком. В 1920 году из-за обладания им произошла кровопролитнейшая схватка между Красными войсками и бандами Врангеля, закончившаяся полной победой советской армии и окончательным изгнанием Врангеля из Советской России.

[217]) *Карельская авантюра.*—17 ноября 1921 года финскими бандитскими отрядами было совершенно нападение на советскую Карелию. Финляндское правительство, хотя и отрицало свою причастность к нападению, однако фактически поддерживало эту попытку контр-революционного переворота в Карелии. Центральной организацией, политически и организационно руководившей выступлением против Советской власти, был «Восточно-Карельский комитет союза граждан Карелии», пытавшийся инсценировать одновременно с нападением финских отрядов антисоветское выступление населения. Во главе этой организации стояли сливки буржуазии: директор карельского банка, один коммерции советник, один директор фабрики, редактор буржуазной газеты и инженер. Финляндская авантюра была вскоре ликвидирована советскими войсками.

[218]) *Петлюра*—бывший украинский социал-демократ правого направления, превратившийся в ярого националиста. В конце 1917 года Петлюра стал во главе директории, организованной Украинской Радой. После занятия Киева советскими войсками, в период Брестских переговоров, вошел в соглашение с немецким командованием и, при помощи немцев, восстановил власть Рады на Украине. Немецкое командование на Украине, встретив противодействие Рады по максимальной выкачке хлеба из деревень, инсце-

нировало государственный переворот, и, в результате, у власти стал гетман Скоропадский (см. прим. 110).

После ноябрьской революции в Германии, повлекшей за собой уход немецких войск из оккупированных местностей и падение Скоропадского, Петлюра пытается снова утвердиться в Киеве, но терпит поражение от Красных войск и восставшего местного населения. Во время русско-польской войны 1920 г. Петлюра входит в соглашение с поляками насчет восстановления на Украине власти Рады. После Рижского мира Петлюра, окончательно скомпрометированный и потерявший всякое влияние на своих прежних единомышленников, берется за организацию бандитских отрядов и, при поддержке польского военного штаба, терроризует окрестное крестьянское население. Однако в течение 1922 г. эти отряды, при активном содействии крестьян, были окончательно ликвидированы.

[219]) *Программа политической демократии в якобинском или манчестерском виде.*—Автор имеет в виду программу политической демократии, как она сложилась после Великой Французской Революции в передовых капиталистических странах Европы.

В течение конца XVIII и начала XIX столетий буржуазия французская и английская, ведя борьбу против феодально-землевладельческих классов, сумела сплотить вокруг своей программы освободительного движения широкие массы рабочих. В Англии рабочий помогает буржуазии в ее борьбе за осуществление принципов свободной торговли, за отмену хлебных законов, за реформу уголовного и гражданского права, за расширение избирательного права,—словом, помогает в осуществлении основных принципов манчестерства *). Только после 1830 года, когда буржуазия пошла на сделку с землевладельцами, добившись для себя избирательных прав и политической власти и обернулась спиной к пролетариату, последний, в лице своих передовых слоев, порвал с классом капиталистов, подвергнув жестокой критике демократию манчестерского типа.

Аналогичная картина повторилась и во Франции. И там буржуазия долгое время являлась руководительницей пролетариата в борьбе против старой аристократии и королевской власти Бурбонов, под широковещательными лозунгами народной демократии.

Июльская революция 1830 года, обнаружившая своекорыстные интересы буржуазии, пробудила рабочий класс к самостоятельному рабочему движению (лионские восстания 1831—1834 г.г.) и эмансипировала их от роли радикального крыла буржуазных партий.

Основная черта политической демократии в якобинском или манчестерском виде—это ее сугубо формальный характер, отсутствие возможности для широких масс трудящегося населения ее фактической реализации. На деле она обеспечивала господство только имущим классам населения.

[220]) *Гладстон* (1809—1898).—Видный политический деятель Англии во второй половине XIX века. Вождь либералов. С его именем связано значительное расширение избирательного права и борьба за самоуправление

---

*) *Манчестер* — фабричный город в графстве Ланкашир, центр буржуазии в начале XIX века.

(«гомруль») для Ирландии. Закон о «гомруле», внесенный Гладстоном в бытность его председателем Совета Министров в 1886 г., был отвергнут палатой общин. В 1893 г. Гладстону удалось настоять на принятии законопроекта палатой общин, но он наткнулся на сопротивление палаты пэров где проект был провален. На почве этого конфликта Гладстон вскоре ушел в отставку. Его мирная политика по отношению к Ирландии, политика уступок и подачек, преследовала цель подчинения Ирландии английскому капиталу демократическими средствами.

[221]) *14 пунктов Вильсона.* — 8 января 1918 г. американский президент Вильсон обратился к конгрессу Соединенных Штатов со своей программой мира, изложенной в 14 пунктах. Впоследствии Вильсон конкретизировал и дополнил свои 14 пунктов в четырех обращениях: перед конгрессом—11 февраля, в Балтиморе—6 апреля, в Мадит Верноне—4 июля и в Нью-Иорке—27 сентября. Сущность программы мира Вильсона сводится к следующим пунктам:

1) Не должно быть ни аннексий, ни контрибуций, ни карательных возмещений. Самоопределение—не пустая фраза; это императивный принцип действия, игнорировать который отныне будет для государственных людей гибелью. Каждое территориальное изменение, как следствие войны, должно быть сделано ко благу заинтересованного населения, а не как часть голого соглашения или компромисса требований соперничающих государств.

2) а) Истинное беспристрастие не делает различия между теми, к кому мы хотели бы быть справедливыми, и теми, по отношению которых мы не хотели бы быть справедливыми;

б) специальные или сепаратные интересы отдельной нации или группы наций не могут быть положены в основание какого-либо переустройства, которое было бы несовместимо с общими интересами;

в) Лига Наций;

г) внутри единой и общей семьи Лиги Наций не должно существовать малых лиг или союзов, специальных соглашений и договоров;

д) в границах Лиги Наций не может быть допущено существование специально-экономических комбинаций в одностороннем интересе; никакая форма экономического бойкота или исключения недопустима, кроме случаев, когда Лига Наций сама намечает в качестве дисциплинарной или контрольной меры экономическую кару в виде исключения с мирового рынка;

е) все международные соглашения и трактаты должны быть опубликованы во всеобщее сведение во всей их полноте.

3) Отмена, поскольку это возможно, всех экономических преград и установление равенства условий торговли между всеми нациями, согласившимися на мир, а также присоединившимися к нему в целях его поддержки.

4) Достаточные гарантии, что подпольное вооружение будет ограничено минимумом, необходимым для охраны безопасности.

5) Свободное, открытое и вполне беспристрастное разрешение всех колониальных вопросов с принятием во внимание интересов населения самих колоний.

6) Эвакуация и восстановление оккупированной территории, в особенности Бельгии.

7) Исправление несправедливости, причиненной Франции в 1871 г. относительно Эльзас-Лотарингии.

8) Независимая Польша, включая «территории, населенные бесспорно польскими жителями», со свободным обеспечением выхода к морю».

14 пунктов Вильсона являются лучшим образчиком бесстыдства и цинизма буржуазного пацифизма. Характерно, что в последних 3 пунктах мы находим конкретные требования, направленные к удовлетворению хищных аппетитов Антанты, военным союзником которой была Америка, и все это делалось под лозунгами «самоопределения» и «беспристрастия» (См. «Лига Наций», прим. 43).

[222]) *Архиепископ Кентерберийский*—глава клерикализма в Англии. Принимал деятельное участие в политике, являясь активным врагом Советской власти. Известен в России своими протестами в 1921—1922 г.г. В первый раз протестовал против изъятия ценностей из церквей. Во второй раз против суда над правыми эсерами.

[223]) *Истинно-фабианское евангелие* — т.-е. в духе программы фабианской лиги, существующей в Англии с 1883—1884 г.г. Эта лига представляет собою беспочвенную буржуазно-интеллигентскую организацию, полагающую, что путем мирной пропаганды «социалистических» идей можно изменить социальный строй общества, постепенно добиваясь экономических и политических преобразований. Ближайшей целью фабианцы ставят пересмотр английской конституции в демократическом духе; относятся отрицательно к идее классовой борьбы и социальной революции, считая возможным мирное сожительство эксплоататоров и эксплоатируемых. К этой лиге принадлежит ряд деятелей английской рабочей партии, из которых некоторые, как Сноуден и Боэрман, занимают министерские посты в правительстве Макдональда.

[224]) *Грузинский царь Вахтанг*—царствовал с 1703 года. Теснимый турками и персами, переехал в 1724 г. в Россию, где и умер в городе Астрахани в 1734 г.

[225]) *Термидорианский этап революции.*—Имеется в виду упадок революции и начало реакции, по аналогии с ходом событий в эпоху Великой Французской Революции. 1793 г. и половина 1794 года были кульминационным периодом развития французской революции, когда во главе учрежденного Конвентом Комитета Общественного Спасения, исполнительного органа республики, стал Максимилиан Робеспьер. 8 термидора II года (26 июля 1794 г.) обнаруживается заговор против Робеспьера со стороны значительной части умеренно настроенных членов Конвента и его исполнительных органов. 9 термидора Робеспьер и его сторонники объявляются арестованными, и 10-го они все обезглавливаются. С этого момента Французская Республика все более и более скатывается вниз, чтобы завершиться монархией Наполеона Бонапарта.

[226]) Автор имеет в виду Устрялова, бывшего приват-доцента Московского университета. После Октябрьской Революции он эмигрировал к белым, войдя в состав одного из белогвардейских правительств. Затем эволюционировал влево, став одним из видных «сменовеховцев».

[227]) *Сити*—улица в Лондоне, где расположены здания крупнейших английских банков.

[228]) *Григорий Распутин*—знаменитый проходимец последних лет царствования Николая II. Проник в придворные круги, как «святой», при помощи тобольского епископа Варнавы. Эксплоатируя религиозные чувства экзальтированной царицы Александры Федоровны и пользуясь общим разложением царского двора, вскоре занял видное положение при Дворе. В период империалистической войны, оказывал прямое влияние на государственные дела. Был убит в декабре 1916 года Дмитрием Романовым и Пуришкевичем.

[229]) *Корфанти*—был в 1919 году польским комиссаром по проведению плебисцита в Прусской Силезии, которая на основании этого плебисцита была присоединена к Польше. Корфанти является одним из вдохновителей империалистических кругов польского общества.

[230]) *Желиховский*—генерал, командовавший в 1920 году польскими войсками, организованными Гиллером. Захватил Вильно, якобы без ведома и согласия Польши, и, организовав соответственными методами плебисцит, добился согласия виленского населения на присоединение к Польше. После этого стал виленским генерал-губернатором.

[231]) *Палеолог*—французский посол в России во время империалистической войны. См. его «Мемуары».

[232]) *Людовик Капет* — последний французский король до Великой Революции 1789 года. Людовик XVI был обезглавлен на эшафоте по постановлению революционного Конвента в январе 1793 года.

[233]) *Робеспьер*—знаменитый деятель Великой Французской Революции 1789 года. Идеолог мелкой буржуазии. Глава якобинцев крайнего революционного крыла французской буржуазии в Конвенте. Руководитель французского правительства (Комитет Общественного Спасения) в период наибольшего подъема революции (2 июня 1793 г.—27 июля 1794 г.). Его падение 9 термидора II года и казнь, последовавшая 10 термидора, была концом французской революции и началом реакции. См. Якобинцы, прим. 81.

[234]) *Сазонов*—министр иностранных дел Николая II во время империалистической войны. При Керенском—русский посол в Англии. Сазонов был одним из главных идеологов и вдохновителей русского империализма; не мало способствовал возникновению европейской бойни 1914—1918 г.г.

[235]) *Граф Витте* — (род. в 1849 году), государственный деятель конца царствования Александра III и эпохи Николая II. На фоне многочисленных посредственностей, а то и просто невежд, которые задавали тон внутренней политике в оба царствования, Витте, без сомнения, выделяется, как фигура талантливого организатора и политика. С его именем связана хозяйственная политика самодержавия, направленная к развитию и упрочению капитализма в России, путем усиленного железнодорожного строительства, урегулирования денежного обращения и системы отечественного протекционизма. Несомненной заслугой Витте в деле развития русского капитализма (в бытность его министром финансов в 1892—1903 г.г.) является проведение им денежной реформы в 1897 году, упрочившей в России до войны 1914 г. устойчивую золотую валюту, взамен прежней бумажной, и создавшей предпосылки для ввоза иностранных капиталов в Рос-

сию. Как дипломат, Витте проявил себя при заключении мира, после неудачной и позорной для России русско-японской войны, за что получил звание графа. Незаменимую услугу самодержавию Витте оказал в первую русскую революцию 1905 года, в качестве премьер-министра Витте вел двойную игру: с одной стороны, издал манифест 17 октября с провозглашением «свобод», заигрывал с либеральными слоями русского общества, с другой—готовил при помощи своего товарища по министерству, Дурново, предпосылки для подавления революционного движения силой. Однако Витте не был способен к роли слепого орудия царизма в специфическом черносотенно-феодальном смысле. Перед созывом I Государственной Думы в 1906 г. Витте получил отставку и с тех пор не играл никакой роли в политике царизма.

[236]) *Фригийская шапка*—головной убор у древних фригийцев в виде высокого колпака с ниспадающим вперед верхом. В эпоху Великой Французской Революции красная острая шапка марсельских каторжников служила символом революционной партии.

[237]) *Эрнест Ренан* (1823—1892)—известный французский ученый и писатель; специалист по истории иудейства и христианства; знаток семитских языков. В 1856 году был избран в члены академии надписей; в 1860 г. командирован в Сирию и затем назначен профессором еврейского, халдейского и сирийского языков в Collège de France. Перу Ренана принадлежит ряд сочинений, широко распространенных и за пределами Франции. Его наиболее нашумевшая книга «Жизнь Иисуса» вызвала против него бурю клерикального негодования во Франции, в результате которой он вынужден был временно оставить кафедру. В 1878 году Ренан был избран в члены французской академии наук. Политические и общественные взгляды Ренана носят либеральный характер с оттенком национализма.

[238]) *Эпоха друидов.* — Имеются в виду галльские и британские жрецы («друиды») отдаленной эпохи, бывшие грубыми фетишистами. В это время поклонялись силам природы, обоготворяли животных и совершали богослужение в лесах.

[239]) *Империалистский Совет в Каннах*—автор имеет в виду конференцию Верховного Совета Лиги Наций, состоявшуюся в январе 1923 г в Каннах, на которой предварительно обсуждались основные вопросы стоявшие впоследствии в порядке дня Генуэзской конференции.

[240]) *Взятие Владивостока.*—25 октября 1922 года войска Дальне-Восточной Республики вступили во Владивосток, очищенный японскими и белогвардейскими оккупантами. Взятием Владивостока Красная Армия вернула России выход к Тихому Океану.

[241]) *Николай Даниельсон* (Николай —он).—Родился в 1844 году. Один из виднейших теоретиков народничества. Автор известного труда: «Очерки нашего общественного пореформенного хозяйства» (1893), в котором подбором не совсем точных и неправильно сведенных в таблицы цифр пытался доказать искусственность русского капитализма, вследствие отсутствия русского внутреннего рынка и недоступности для России внешних рынков. Даниельсон был первым переводчиком «Капитала» Маркса на русский язык (в начале 70-ых годов). Состоял в длительной переписке с основателями научного социализма, информируя их о России и посылая им первоначаль-

ные источники об эволюции русского земледелия. Критику основных идей Даниельсона см. у Ленина (Ильина) «Развитие капитализма в России» и «Экономические этюды» того же автора.

[242]) *Торговый договор с Англией.*—Лондонское соглашение 1921 года с Англией носило предварительный характер,—«впредь до заключения между правительствами обеих стран формального общего мирного договора, которым будут регулироваться в будущем их экономические и политические отношения». Состоявшееся в начале 1924 г. юридическое признание С.С.С.Р. нашло себе реальное осуществление в форме генерального договора, заключенного 8 августа 1924 года. Генеральный договор между Англией и С. С. С. Р. основан на признании принципа равноправия двух противоположных экономических систем.

[243]) *Лесли Уркарт*—крупнейший английский капиталист, владевший многими фабриками и заводами на Урале и в Сибири и один из бывших заправил знаменитого Русско-Азиатского Банка. В годы гражданской войны Уркарт был вдохновителем интервенции в России. В 1922 году Уркарт вел переговоры о предоставлении ему концессий на Урале. Так как предварительный договор, заключенный с Уркартом уполномоченными Советской власти, носил явно грабительский характер и обещал Уркарту огромные барыши, то, по настоянию Ленина, этот договор не был утвержден Советом Народных Комиссаров. Во время переговоров, начавшихся в Лондоне в 1924 г. между представителями советского и английского правительств об урегулировании экономических взаимоотношений, Уркарт старался посредством давления английских финансовых и крупно-капиталистических кругов добиться от советского правительства максимальных уступок. При его ближайшем участии появился меморандум лондонских банкиров, настаивавших на уплате советским правительством царских долгов и возмещении убытков английских подданных, потерпевших от Октябрьской Революции.

[244]) *Государственный капитализм*—теоретически означает сращивание буржуазной государственной власти с высшими формами финансового капитализма. Капитализм признается буржуазным государством основой всей хозяйственной жизни и контролируется им в пользу высших групп промышленной и финансовой буржуазии. Образец государственного капитализма дала Германия во время войны, когда учет и контроль народного хозяйства был поставлен на большую высоту.

«Государственный капитализм» в применении к Советской Республике, как указывает в тексте т. Троцкий, термин не точный, так как в Советской России мы имеем налицо социально-экономические явления, противоположные капиталистическому государству: пролетарскую государственную власть и национализированную частную промышленность.

Этот термин был употреблен т. Лениным впервые в марте 1918 года в брошюре «Главная задача наших дней» и повторен в брошюре «О продналоге» исключительно с той целью, чтобы подчеркнуть прогрессивные стороны государственного капитализма по сравнению с разнообразной и, в общем, чрезвычайно отсталой мелко-буржуазной экономикой России.

В своей статье «О кооперации» т. Ленин писал по этому поводу следующее: «Всегда, когда я писал о новой экономической политике, я цити-

ровал свою статью 1918 года о государственном капитализме. Это вызывало не раз сомнения некоторых молодых товарищей. Но их сомнения направлялись преимущественно по адресу абстрактно-политическому. Им казалось, что нельзя называть государственным капитализмом тот строй, при котором средства производства принадлежат рабочему классу и этому рабочему классу принадлежит государственная власть. Однако они не замечали, что у меня название «государственный капитализм» употреблялось, *во-первых*, для исторической связи нашей теперешней позиции с позицией в моей полемике против так называемых левых коммунистов, а также я уже тогда доказывал, что государственный капитализм был бы выше нашей современной экономики; для меня важно было установить преемственную связь обычного государственного капитализма с тем необычным, даже совсем необычным, государственным капитализмом, о котором я говорил, вводя читателя в новую экономическую политику. *Во-вторых*, для меня всегда была важна практическая цель. А практическая цель нашей новой экономической политики состояла в получении концессий; концессии уже, несомненно, были бы в наших условиях чистым типом государственного капитализма» (т. XVIII, ч. 2, стр. 142—143).

В дальнейшем т. Ленин употреблял этот термин в речах и статьях, все время оговариваясь на счет *специфичности* его значения в условиях советского государства, и, однако, признавал его пригодным для характеристики переходного характера нашей экономики от капитализма к социализму.

«Государственный капитализм—во всей литературе экономической—это тот капитализм, который бывает при капиталистическом строе, когда государственная власть прямо себе подчиняет те или иные капиталистические предприятия, а у нас государство пролетарское, пролетариатом избранное, на пролетариат опирается, пролетариату дает все преимущества политические и через пролетариат привлекает к себе крестьянство с низов. Поэтому-то государственный капитализм сбивает очень и очень многих с толку. *Чтобы этого не было, надо помнить основное, что государственный капитализм в таком виде, как мы имеем у себя, ни в какой теории, ни в какой литературе не разбирается по той простой причине, что все обычные понятия, связанные с этими словами, приурочены к власти буржуазной в капиталистическом обществе* *). А у нас общественность, которая с рельсов капиталистических соскочила, а на новые рельсы еще не вошла, и руководит этим государством не буржуазия, а пролетариат. Государственный капитализм,—это тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством и государство—это рабочие, это—авангард, это—мы» (Речь Ленина на XI съезде партии,—т. XVIII, ч. 2, стр. 34—35).

[245]) *Строгоновы*—старинная русская торгово-капиталистическая фирма, развернувшая громадные операции еще при Иоанне Грозном. В XVI в. Строгоновы превратились в крупнейших *промышленных* капиталистов.

Демидовы—тоже дают пример превращения крупного торгового капитала в промышленный. Демидовы, как и Строгоновы, владели предприятиями, главным образом, на Урале.

---

*) Курсив редакции.

[246]) *Кольра*—французский хозяйственный представитель на Генуэзской конференции, бросивший в одном из своих выступлений замечание, что «Советская Россия, которая привела страну к границе экономического краха, не имеет права учить другие народы социализму».

[247]) *Чичерин*—Народный Комиссар по иностранным делам со времени Брест-Литовского мира 1918 года. Старый социал-демократ. Долгое время жил в эмиграции. Подвергся за с.-д. деятельность административной высылке из Пруссии. В дальнейшем жил в Швейцарии и Англии. В Россию вернулся в конце 1917 года.

[248]) *Ипполит Тэн* (1828—1893)—известный французский историк. Знаток французского и, вообще, европейского искусства. Его перу принадлежит ряд выдающихся сочинений, в которых он старается доказать зависимость художественного творчества от расы, среды и исторического момента. Наиболее известны следующие его книги: «Чтения об искусстве», «Об уме и познании», «Критические опыты», «Развитие политической и гражданской свободы в Англии в связи с развитием литературы», «Происхождение общественного строя современной Франции» и др. Имеются в русском переводе. О Тэне см. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

[249]) *Наполеон Бонапарт* (1769—1821)—знаменитый французский генерал в эпоху Великой Революции, ставший в 1799 году первым консулом Республики и в 1804 г. неограниченным и полновластным монархом. Бонапарт и бонапартизм стали синонимами захватной, диктаторской власти, сосредоточенной в одном лице и возникающей обыкновенно в эпохи крушения революции.

[250]) *Бертело* (р. 1827 г.)—знаменитый французский химик. Термохимия и синтез органических соединений созданы, главным образом, его трудами. Ему же принадлежат капитальные работы по агрономической химии (усвоение атмосферного азота почвой).

[251]) *Буллит*—в начале 1919 года приехал в Москву и предложил от имени американского президента Вильсона проект договора между всеми правительствами, существовавшими тогда на территории бывшей Российской империи. Сущность проекта сводилась к следующим основным пунктам: война между враждующими сторонами прекращается, фактически существующие правительства сохраняются в завоеванных ими границах, объявляется взаимная амнистия, армии пропорционально демобилизуются, блокада и интервенция иностранных держав прекращается. Несмотря на принципиальное согласие советского правительства вести переговоры на основе проекта Буллита, миссия Буллита потерпела фиаско, так как временные успехи Колчака, перешедшего в это время в наступление, окрылили надежды Антанты на скорое падение Советской власти.

[252]) *Гаагская конференция* — была созвана в Голландии, в городе Гааге, и работала с 18 июня по 18 июля 1922 года. Гаагская конференция, в отличие от Генуэзской, продолжением которой она являлась, должна была заниматься чисто деловым разрешением спорных вопросов, возникших на Генуэзской конференции при попытке договориться с Советской Республикой об условиях установления нормальных экономических и политических отношений. Таков был замысел Лиги Наций,

главным образом, Англии, при созыве Гаагской конференции. На конференции были представлены те же государства, что и на Генуэзской, с тем отличием, что делегации в большинстве случаев состояли из экспертов, а не влиятельных политических деятелей, чем подчеркивался деловой характер конференции. Основной вопрос, который разбирался на Гаагской конференции, был тот же, что и на Генуэзской: установление нормальных отношений капиталистической Европы с Советской Россией. В связи с этим подлежали обсуждению три группы вопросов: а) вопросы, связанные с проблемой российских долгов, б) вопросы, связанные с проблемой национализированной частной собственности, и в) вопросы, связанные с предоставлением Советской России кредитов.

Конференция разбилась на соответствующие три подкомиссии: кредитов, частной собственности и долгов, которые должны были детально заняться этими вопросами.

Позиция русской делегации в Гааге в составе замнаркоминдела Литвинова, Раковского, Красина, Крестинского и Сокольникова—была столь же определенной, как и на Генуэзской конференции. Она исходила прежде всего из признанного на Генуэзской конференции принципа полного равноправия договаривающихся сторон. *Сделанные в Гааге русские предложения базировались на идее, что, в случае предоставления России солидной финансовой помощи, Советское правительство согласится на признание в принципе долгов и на обсуждение вопроса о компенсации иностранных подданных, пострадавшим от революции.*

Но уже начало работы подкомиссий показало, что на Гаагской конференции, по сравнению с Генуэзской, произошли значительные изменения. В Генуе Англия не настаивала на возвращении собственности иностранным капиталистам. В Гааге она примкнула в этом основном вопросе к позиции представителей французского и бельгийского капитала. Франция требовала безусловного возвращения собственности иностранцам. Таким образом на Гаагской конференции российской делегации пришлось столкнуться с объединенным фронтом крупнейших капиталистических стран, с которыми солидаризировались их вассалы: Польша, Литва, Латвия, мелкие балканские государства и т. д.

В течение целых трех недель представители союзного капитала на заседаниях подкомиссий уклонялись от определенного ответа на поставленный Литвиновым основной для российской делегации вопрос о возможности предоставления России кредитов. Представители Англии, Франции, Бельгии и Италии требовали подробной информации о состоянии русской экономики. Этой информацией и была занята конференция в течение первых двух-трех недель.

На втором собрании подкомиссии кредитов 30 июня Литвинов огласил меморандум, в котором общая сумма необходимых для Советской Республики кредитов была определена в 3 миллиарда 224 миллиона золотых рублей. К 10 июля позиции сторон в достаточной степени выяснились: капиталистические державы твердо решили взять Россию измором, выдвигая такие условия, неприемлемость которых для Советской Республики была ясна с самого начала. Несмотря на попытку Литвинова в его речи на пленуме конференции 18 июля найти почву для дальнейших переговоров

на основе обоюдных уступок, капиталистические державы, собравшись отдельно от российской делегации, вынесли резолюцию, в которой говорится, что «для участия Европы в восстановлении России и для продолжения дальнейших переговоров необходимо создать благоприятную атмосферу доверия». Этими ничего не говорящими фразами была закончена Гаагская конференция.

Что попытка капиталистической Европы экономической блокадой поставить Россию на колени не удалась, свидетельствует заключенный в августе 1924 года генеральный договор с Англией, в котором эта последняя вновь становится на точку зрения полного равноправия сторон.

[253]) *Шпенглер*—автор нашумевшей книги «Закат Европы», в которой, на основании своеобразной теории развития культур, предсказывает гибель Европы. В Шпенглере удивительным образом сочетались пессимизм и отчаяние господствующих классов, потерявших всякую перспективу, и воинствующий дух германского империалиста, желающего жить и действовать и проповедующего «социализм» в духе Бисмарка и Фридриха Великого.

[254]) «*Freiheit*» («Свобода»)—орган независимых социал-демократов Германии, выходивший до слияния их с большинством социал-демократии в 1922 году.

[255]) «*Rote Fahne*» («Красное Знамя»)—орган коммунистической партии Германии.

[256]) II партейтаг объединенной коммунистической партии Германии состоялся 22—26 августа 1921 года в городе Иене. На съезде был разрешен ряд практических вопросов, стоявших в порядке дня: 1) о работе в профсоюзах, 2) о помощи голодающим в России, 3) о налогах и экономической борьбе и др. Главный вопрос, обсуждавшийся на съезде, были решения III Конгресса Коминтерна, которые в результате длительных прений были одобрены. Выступавшие в прениях «левые» коммунисты германской партии подвергли критике отдельные части доклада тов. Троцкого «о мировом положении и революционных перспективах», сделанного им на III Конгрессе Коминтерна, полагая, что они могут произвести впечатление отказа Коминтерна от революционной тактики на долгий промежуток времени. Однако большинство съезда признало неосновательной аргументацию «левых» и полностью солидаризировалось с докладом т. Троцкого.

На Иенском съезде был окончательно ликвидирован правый уклон в партии, начатый Леви, исключением еще оставшихся в партии его сторонников.

[257]) *Пуанкаре*—см. том III, ч. 1, прим.

[258]) *Фош*—главнокомандующий всеми вооруженными силами Франции и союзных держав (Англии и Америки) во время империалистической войны. Выдающийся военный авторитет. Один из главарей военной империалистической клики Франции, принявший активное участие в установлении условий Версальского мира. Вместе с Пуанкаре является одним из главных инициаторов Рурской оккупации 1923 года.

[259]) *Английская рабочая партия* (Labour Party).—В переводе на русский язык «трудовая партия». Объединяет в своих рядах английские профессиональные союзы (тред-юнионы), независимую рабочую пар-

тию и другие рабочие организации. В состав рабочей партии в данное время входят и коммунисты, как самостоятельная и автономная группа. Английская рабочая партия, с самого своего возникновения (1902 г.), была на правом фланге интернационального социалистического движения. Придавая непомерно большое значение парламентской работе, направленной к достижению частных реформ для рабочего класса, ведя такую же узко-ограниченную политику и в профессиональных органах, английская рабочая партия, руководимая либералами и рабочими бюрократами типа Макдональда—Томаса—Гендерсона, с таким же недоверием относится к основным идеям революционного марксизма: классовой революционной борьбе и диктатуре пролетариата, как и английская либеральная партия. Поэтому ничего удивительного нет в том, что в настоящее время эта партия является одной из руководящих в желтом II Интернационале. В январе 1924 года английская рабочая партия, получившая относительное большинство голосов в английском парламенте, стала правительственной партией.

[260]) *Независимые либералы в Англии*.—Во главе партии стоят Асквит и Грей. Партия отстаивает интересы текстильной промышленности, судоходства и др. заинтересованных в свободе торговли отраслей промышленности.

[261]) *Радикалы во Франции*—представляют мелкую буржуазию, среднее и мелкое крестьянство, а также известную часть служащих и чиновников. Во время выборов 1919 г. оказывали активную поддержку национальному блоку; поддерживали политику правительства во время войны и после нее. Из всех мелко-буржуазных партий, с социалистами включительно, они пытаются создать левый блок в противовес национальному. В области внутренней политики обещают социальные реформы, обложение капитала, охрану труда, антиклерикализм и свободу торговли. В области внешней политики—у них те же империалистические цели, что и у национального блока, с тем отличием, что они прикрывают их фиговым листком пацифизма.

[262]) *Репарационная проблема*—проблема возмещения потерь, понесенных державами Антанты от империалистической войны. Согласно Версальского договора все возмещения этого рода падают на Германию. Однако на практике, несмотря даже на насилия, допущенные Францией в январе 1923 г. (захват Рурского бассейна), репарационная проблема, вследствие тяжести обязательств, наложенных на разоренную Германию, остается все время злободневной и неразрешимой. В основных чертах история ее такова. Впредь до установления, специально созданной для этой цели репарационной комиссией, общего долга Германии союзникам и условий его реализации, Германия обязывалась до 1 мая 1921 года сдать почти весь свой торговый флот, поставить громадное количество вагонов, локомотивов и другого железнодорожного материала и ежемесячно поставлять по 3,4 милл. тонн угля и определенное количество продуктов химической промышленности. Все государственное имущество в отошедших от Германии, согласно Версальскому договору, областях должно было быть передано Антанте (предварительно был оккупирован Саарский угольный бассейн на 15 лет). Помимо всего этого, Германия обязывалась в этот же срок, до мая 1921 г., уплатить 20 миллиардов марок золотом, считая в том числе и вышеуказанные выдачи натурой.

Невозможность выплаты такой колоссальной суммы обнаружилась очень скоро (до 1 мая 1921 г. Антанта получила только 8 миллиардов). С этого времени начинается история соглашений, размолвок и открытых конфликтов между участниками грабежа, раздираемыми противоположными интересами. Если Англия и Италия, с одной стороны, будучи заинтересованы в экономическом возрождении Германии, конечно, под своим контролем, склоняются к более мягкому и посильному для Германии решению репарационного вопроса, то Франция и Бельгия, с другой стороны, находясь в гораздо более тяжелом хозяйственном и финансовом положении, крайне агрессивно настроены и добиваются буквального выполнения Германией наложенных на нее обязательств под угрозой вооруженного вмешательства. Первая конференция, созванная в Сан-Ремо в апреле 1920 г., состоявшая из представителей стран Антанты, кончилась ничем. Последующие конференции в Хайте, Булони (июль 1920 г.), Спа, с участием представителей от Германии, были столь же безрезультатны. Парижская конференция, состоявшаяся в январе 1921 года, предъявила Германии ультиматум, который, по определению английского экономиста Кейнса, возложил на Германию выплату таких сумм, которые в два раза превосходили платежеспособность Германии. Германия отказалась от уплаты этих сумм Тогда была созвана в начале марта 1921 года Лондонская конференция, которая в целях давления на Германию решила применить так называемые «экономические санкции». В результате этой меры были заняты рейнские провинции (гавани на Рейне—Дюисбург, Курорт и Дюссельдорф) и проведены в жизнь меры финансового воздействия (удержание сумм, следуемых Германии за вывозимые ею товары и подлежавших возвращению германским экспортерам). 27 апреля 1921 года репарационная комиссия передала германскому правительству меморандум, в котором вся сумма платежей исчислялась в 132 миллиарда марок золотом, не считая тех 6 миллиардов, которые Германия должна была выплатить Антанте в счет бельгийского военного займа у союзников. Одновременно с этим была учреждена особая «Комиссия гарантии» с местом пребывания в Берлине, которой предоставлялись широкие права и полномочия по наблюдению и обеспечению правильного поступления возложенных на Германию платежей. Германское правительство Вирта—Ратенау в мае 1921 г. выразило согласие на принятие лондонских условий. В конце 1921 г. германское правительство, возложившее все бремя платежей на народные массы, пришло к тупику, исчерпав все средства и расшатав в корень всю хозяйственную и финансовую систему страны. В течение 1922 г. происходит борьба между Англией и Францией, с участием Америки, из-за дальнейших мер к принуждению Германии к выполнению лондонских условий, невыполнимость которых жизнь доказала в виде развала экономики Германии. Несмотря на опасность изоляции, правительство Пуанкаре в январе 1923 г. решилось на отчаянный шаг—оккупировало Рурскую область. Однако этой мерой оно не достигло разрешения репарационной проблемы, хотя и ухудшило положение Германии и содействовало революционному брожению конца 1923 года. В 1924 году репарационная проблема входит в новую фазу: руководящую роль в ее разрешении занимает Америка. Проект американского генерала Дауэса является очередной попыткой двинуть вперед разрешение наболевшей евро-

пейской проблемы. План Дауэса, по мнению авторитетного шведского буржуазного экономиста Густава Касселя, «является совершеннейшим и успешнейшим планом систематического высасывания соков германского народа». По плану Дауэса, Германия обязана в течение 36 лет уплатить 90 миллиардов золотых марок. Причем: в 1924/5 г. должно быть уплачено 200 миллионов золотых марок; в 1925/6 г.—1 миллиард двести двадцать миллионов золотых марок; в 1927/8—1.750 миллионов золотых марок; в 1928/9—2.500 миллионов золотых марок; эта последняя сумма должна в дальнейшем служить нормальным ежегодным взносом. Сумма платежей, установленных планом Дауэса, ниже суммы, установленной до того Антантой на Лондонской конференции в 1921 г. Зато весь проект направлен к основательному экономическому закабалению германских трудящихся масс. Источниками выкачки средств для уплаты экспертами намечены пошлины, железные дороги и промышленность, при чем половину ежегодного взноса должны дать косвенные налоги. Проект Дауэса не столько направлен к обеспечению регулярного поступления репарационных взносов, сколько к длительному регулированию экономической жизни Германии в интересах американского, английского и французского капиталов. Лондонская конференция, состоявшаяся в июле 1924 года, с участием Германии, в основном приняла проект Дауэса. Согласно достигнутого соглашения Рур должен быть освобожден Францией через год. Совершенно понятно, что и эта очередная попытка разрешения репарационной проблемы обречена на неудачу, во-первых, ввиду раздирающих страны Антанты экономических противоречий и, во-вторых, вследствие революционного сопротивления, которое германский пролетариат окажет своему закабалению.

[263]) *Итальянский фашизм*—возник, как реакция на неудавшуюся итальянскую рабочую революцию в сентябре 1920 года. После того как буржуазия была спасена от социального переворота, благодаря предательской политике реформистов, затормозивших движение и вошедших 15 сентября в соглашение с премьер-министром Джиолитти, она воспрянула духом. Опираясь на разочарование, охватившее рабочие массы от неудачно завершившейся революции, итальянская буржуазия перешла в контрнаступление, организовав многочисленные отряды, состоявшие из белого офицерства, буржуазной молодежи и люмпен - пролетарских элементов, с помощью которых закрепила победу контр-революции в Италии и подвергнула итальянский пролетариат массовому террору. Эти отряды, организованные, главным образом, ренегатом социализма Муссолини, стали оплотом движения, получившего название фашизма *). Фашизм окончательно закрепился в Италии в 1922 году, когда во главе правительства стал его главный вождь—Муссолини, поправший принципы буржуазной демократии и введший по всей стране бонапартистские методы управления.

Опыт фашизма в Италии не остался изолированным. По примеру Италии—в Германии, Испании, Юго-Славии, Польше, Венгрии и др. странах возникло сильное фашистское движение, ознаменовавшееся целым рядом вооруженных выступлений и попыток государственного переворота.

---

*) Итальянское слово fascio («фашио») означает — группа, союз.

Тов. Троцкий в своей речи: «К вопросу о перспективе мирового развития», произнесенной 25 июля 1924 г. (см. «Правду» № 176 от 5 августа 1924 г.), дает следующую социальную характеристику фашизма: «Фашизм есть та боевая группировка сил, которую выдвигает угрожаемое буржуазное общество для отпора пролетариату в гражданской войне. Когда демократическо-парламентарный государственный аппарат запутывается в собственных внутренних противоречиях, когда буржуазная легальность связывает саму буржуазию, тогда последняя приводит в движение наиболее боевые элементы, которыми может располагать, освобождает их от уз легальности, обязывает их действовать всеми мерами истребления и устрашения. Стало быть, фашизм есть состояние гражданской войны на стороне буржуазии, как мы имели группировку сил и организаций для вооруженного восстания в эпоху гражданской войны на стороне пролетариата. Этим самым мы говорим, что фашизм не может быть длительным, так сказать, «нормальным» состоянием буржуазного общества, как и состояние вооруженного восстания не может быть постоянным, нормальным состоянием пролетариата. Либо восстание с одной стороны фашизм — с другой, приводят к поражению пролетариата—тогда буржуазия восстанавливает постепенно свой «нормальный» государственный аппарат; либо же побеждает пролетариат,— и тогда, конечно, фашизму тоже нет места, но уже по другим причинам».

[264]) *Фроссар*—бывший народный учитель. По вступлении во французскую социалистическую партию примыкал к жоресистам. Во время войны блокировался с Лонгэ. После войны эволюционировал еще более влево, ведя борьбу с лонгетистами, и в 1919 году, после раскола французской социалистической партии, вошел вместе с новым большинством во французскую коммунистическую партию, являясь ее главным руководителем в течение 1920—1922 г.г. Но, воспитанный на традициях французского парламентарного социализма, Фроссар не сумел проникнуться новыми идеями. За все время своего пребывания во французской коммунистической партии он поддерживал центристские тенденции, а после IV Конгресса Коминтерна в 1922 г., когда последний повернул курс французской коммунистической партии налево, Фроссар, вместе с небольшой группой единомышленников, вышел из партии.

[265]) *Контр-революционные события в феврале 1921 года.*—Автор имеет в виду крестьянские волнения, возникшие в Сибири и Поволжье, в связи с недовольством крестьян хлебной разверсткой. Финалом этого мелкобуржуазного возмущения были кронштадтские события 2 — 13 марта 1921 года.

[266]) *Мартовские события в Германии в 1921 г.*—Имеется в виду попытка германской коммунистической партии повести рабочую массу в наступление против обнаглевшего буржуазного правительства Германии. Попытка эта оказалась неудачной, как вследствие отсутствия в тот момент объективных предпосылок для революционного восстания масс (предшествующие поражения рабочего класса Германии, слабость рабочего движения в марте 1921 г., захватившего лишь отсталые слои горно-промышленного района Средней Германии), так и вследствие ошибок, допущенных германской коммунистической партией, не подготовившей выступление путем предварительного завоевания широких масс рабочего класса в повседневной эко-

номической и политической борьбе. Тактика германской партии по этому вопросу обсуждалась на III конгрессе Коммунистического Интернационала. Мартовское выступление вызвало резкие разногласия внутри германской коммунистической партии, приведшие партию к расколу. Одним из вождей партии П. Леви круто повернул вправо, самым резким образом осудил политику германской коммунистической партии, обнаружив при этом полное разочарование в пролетарской революции вообще и склонность к оппортунизму. Он был вместе со своими сторонниками исключен из партии.

[267]) *«Вестник Социалистической Академии»* (теперь Коммунистической)—научный социально-экономический журнал, выходящий раз в два месяца. Письмо тов. Троцкого помещено в 4-ом номере за апрель — июль 1923 г.

[268]) *Кондратьев*—видный буржуазный экономист. Работник Госплана; автор научных трудов в области мировой экономики.

[269]) Статья *«О своевременности лозунга» «Соединенные Штаты Европы»* была первоначально помещена в «Правде» в номере от 30 июня 1923 г.

[270]) *Лозунг «рабоче-крестьянское правительство»* — был выдвинут на расширенном пленуме Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (12—20 июля 1923 г.). Впоследствии IV Конгресс Коминтерна конкретизировал в специальной резолюции вопрос о рабоче-крестьянском правительстве. В резолюции, принятой по этому вопросу на расширенном пленуме Исполкома, говорится: «Лозунг «рабоче-крестьянское правительство» ни в коей мере не заменяет и не оттесняет на задний план агитацию за диктатуру пролетариата, эту основу всех основ коммунистической тактики. Напротив, лозунг «рабоче-крестьянское правительство», расширяя базу для проведения единственно правильной в условиях настоящей эпохи тактики единого фронта, есть путь к диктатуре пролетариата. Правильная интерпретация лозунга «рабоче-крестьянское правительство» позволит коммунистам не только мобилизовать пролетарские массы в городах, но и создать себе серьезные опорные пункты в деревне, подготовляя там почву для завоевания власти.

Лозунг «рабоче-крестьянское правительство» сослужит хорошую службу коммунистическим партиям и назавтра после завоевания власти пролетариатом. Ибо этот лозунг будет напоминать пролетариату о необходимости соразмерять свое поступательное движение с настроением крестьянства данной страны, устанавливать правильную координацию между победившим пролетариатом и крестьянством и соблюдать разумную постепенность в проведении хозяйственных мер пролетариатом, как к этому пришел и победоносный пролетариат России в ту эпоху русской революции, которая называется «новой экономической политикой». Выдвигая со всей силой лозунг «рабоче-крестьянское правительство», Исполком Коминтерна рекомендует коммунистическим партиям не забывать тех опасностей, которые связаны с неправильным проведением его. Как тактика единого фронта вообще, так и лозунги «рабочее правительство» и «рабоче-крестьянское правительство» несомненно чреваты крупнейшими политическими опасностями в тех случаях, когда наши партии не сумеют провести их в революционно-марксистском духе».

[271]) *Рурская экспедиция*—была предпринята Францией в союзе с Бельгией, чтобы принудить Германию к выполнению условий Версальского договора.

Вторжение франко-бельгийских войск 11 января 1923 г. в Рурскую область и ее оккупация вызвали большое возмущение германского населения и платонические протесты германского правительства. 11 января 1923 года французское военное командование, в лице генерала Дегута, издало первый приказ из 10 пунктов, угрожающий населению ответственностью перед военными судами за неповиновение. 16 января контрольная комиссия, посланная одновременно с войсками, предложила всем предприятиям возобновить репарационные поставки в размере, превышающем прежнюю норму. Одновременно с этим ею были намечены следующие мероприятия: секвестр таможенных доходов, взимание налога на уголь в пользу репарационной комиссии и эксплоатация государственных лесов.

Германское правительство ответило на все эти мероприятия французов объявлением пассивного сопротивления. В результате уже к апрелю месяцу железнодорожный транспорт пришел в полное расстройство, производство сократилось до минимума: 80% доменных печей Рурской области прекратили работу. Франко-бельгийская конференция, созванная в конце первой половины апреля, постановила всеми средствами добиться отмены пассивного сопротивления немцев. Вслед за этим начинается полоса репрессий и насилий со стороны франко-бельгийского командования и контрольной комиссии. Военные суды неистовствуют во-всю. В широких размерах применяется конфискация и продажа захваченного германского имущества. По отношению к железнодорожникам, не желающим работать, применяется принудительная высылка; вводится система контрибуций, неуплата которых влечет конфискацию банковского имущества и денежных сумм, посылаемых в оккупированную область германским правительством. В итоге вся хозяйственная жизнь Германии была дезорганизована. С 1/I по 1/II—1923 г. доллар поднялся с 7.206 м. до 41.500 м. Такое катастрофическое падение курса марки было вызвано непосильным для германского правительства финансированием пассивного сопротивления.

Позиция Англии и Италии, не принявших участие в Рурской экспедиции, вначале была пассивно-выжидательная. В дальнейшем Англия делала попытки уладить конфликт «безболезненным» путем, однако не принимала для этого достаточно активных дипломатических мер. Германия, не пользуясь поддержкой с чьей бы то ни было стороны, разоренная вконец, капитулировала перед Францией 26 сентября 1923 года, прекратив пассивное сопротивление.

Однако победа Франции оказалась Пирровой победой, и репарационная проблема в августе 1924 года остается столь же неразрешенной, как и в январе 1923 года (см. прим. 262).

Интересны опубликованные официальные германские данные, подводящие итоги Рурской оккупации: на 15 сентября 1923 года убито 121 чел., приговорено к смертной казни 10 чел., общее число лет тюремного заключения 1.500, штрафов 165.200 миллиардов марок; изгнано из домов 145.604, из них высланных 131.036, газет закрыто 173, школ закрыто 209.

[272]) *«Как Австрию»*—автор имеет в виду женевское соглашение между Австрией и Лигой Нации, в результате которого Австрия оказалась фактически проданной Лиге Наций. Согласно этого договора Австрии предоставляется международный заем в 745 миллионов золотых крон. Но из этой суммы Австрия получает только 585 миллионов золотых крон. Таким образом иностранные ростовщики (Англия, Франция, Италия и Чехо-Словакия) заставляют платить себе на 27% более, чем они действительно одолжили. Но наиболее существенный результат женевского соглашения заключается в том, что австрийское правительство лишается самостоятельности в управлении страной, находясь под опекой и контролем специально назначенного для Австрии Лигой Наций генерального комиссара.

[273]) *Статья т. Троцкого—«Можно ли контр-революцию или революцию сделать в срок?»*—появилась впервые в «Правде», в номере от 23 сентября 1923 года. Статья имела в виду германскую революцию и направлена была, как явствует из текста, против того бесформенно выжидательного отношения к пролетарскому перевороту, которое и привело, в конце концов, к срыву исключительной революционной ситуации.

[274]) *Военный заговор в Болгарии.*—Болгарский переворот был совершен контр-революционными кругами летом 1923 года. Переворот подготовлялся задолго и удался благодаря неустойчивой политике крестьянского правительства Стамбулийского и ложной политике «воздержания» со стороны коммунистической партии.

[275]) *Переворот испанской офицерщины*—был произведен в 1923 году и привел к господству наиболее агрессивных кругов испанской буржуазии. Вождем этого переворота был Де-Ривера, который и стал во главе фашистского правительства.

[276]) *Брандлер* — по происхождению рабочий. Старый участник германского социал-демократического движения. Во время империалистической войны занял левую позицию, являясь единомышленником Розы Люксембург и К. Либкнехта. Один из главных организаторов и вождей Германской Коммунистической Партии. В связи с мартовскими событиями 1921 года был приговорен к 5 годам тюрьмы, но ему удалось бежать в Советскую Россию. По амнистии, в 1922 году, возвратился в Германию и стал во главе КПГ, которой руководил вплоть до поражения германской революции осенью 1923 года. На Франкфуртском партейтаге в начале 1924 года тактика, практиковавшаяся т. Брандлером и его друзьями в период революционных событий 1923 года, подверглась резкой критике левых, бывших все время в оппозиции к ЦК партии, во главе которого стоял Брандлер. На этом партейтаге левые имели абсолютное большинство, и партийное руководство перешло к ним. Тактика старого ЦК Германской Партии обсуждалась также на V конгрессе Коминтерна (См. стенографический отчет работ V конгресса Коминтерна).

[277]) *Тальгеймер*—как и т. Брандлер, один из ближайших сподвижников Розы Люксембург и организаторов спартаковского движения. Совместно с т. Брандлером был организатором КПГ и ее главным теоретиком. До Франкфуртского партейтага был членом ЦК и редактором главного органа партии «Rote Fahne» («Красное Знамя»). В настоящее время, в 1924 г.,

руководит пропагандистским подотделом Коммунистического Интернационала.

[278]) VI дивизия, получившая впоследствии наименование дивизии имени Киквидзе, была сформирована 16 мая 1918 года под руководством тов. Киквидзе. Эта дивизия совершила много боевых подвигов. Она сражалась против Петлюры, немцев и против войск Краснова. Начдив тов. Киквидзе был убит 11 января 1919 года под хутором Зубриловым, Донской обл. С этого времени дивизия в честь своего начальника стала именоваться дивизией имени Киквидзе (См. Л. Троцкий, «Как вооружалась революция», т. III, кн. I, стр. 325).

[279]) *Сиверс*—выдающийся организатор партизанских отрядов, во главе которых вел неутомимую и геройскую борьбу против южной контр-революции. В ноябре 1918 г. был смертельно ранен в сражении под Балашовым. О подвигах Сиверса см. В. А. Антонов-Овсеенко, «Записки о гражданской войне», т. I, М. 1924 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абрамович 144, 146, 156, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 165, 166.
Абухва 224.
Адамсон 216.
Адлер, Виктор 14, 194.
Адлер, Макс 168, 170, 172, 173.
Адлер, Фридрих 14, 16, 17, 18, 168, 171, 172.
Алексеев 84, 209, 210, 211, 212, 213, 252.
Алиханов 224.
Антоний 88.
Арджеванидзе 236.
Арну, Артур 60, 82.
Аустерлиц 172.

Б

Базба 224.
Барцын 224.
Бауэр, Отто 18, 168, 169, 170, 172, 174, 308, 319, 332, 333, 334, 336, 337, 338.
Бебель, Август 2, 3.
Бенедикт XV 196.
Бернштейн 35, 36, 117.
Бертело 329.
Бетман-Гольвег 17.
Боэрман 216.
Брандлер 393.
Бриан 189.
Брут 209.
Будда 90.
Буденный 234.
Буллит 333.
Бухарин 5.
Бьюкенен 198, 282, 283.

В

Вандервельде 14, 20, 90, 188, 189, 195, 196, 209, 226, 243, 254, 275, 293.
Варамишвили 296.
Вахтанг 256.
Вебстер 207.
Верморель 82.
Верховский 203.
Вильсон 16, 112, 243, 254.
Витте 283.
Врангель 184, 199, 202, 230, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 248, 260, 266, 293.

Г

Гаазе 121.
Гаглоев 296.
Галифэ 84.
Гегель 55.
Гегечкори 197, 208, 210, 211, 212, 213, 215, 226, 252, 253, 296.
Гейман 212, 213.
Гендерсон 14, 189, 196, 198, 207, 209, 215, 216, 217, 218, 228, 229, 230, 232, 240, 261, 262, 268, 275, 278, 279, 280, 283, 284, 289, 293.
Гильфердинг 102, 103, 168, 170, 171, 172, 174, 220.
Гладстон 253.
Глонти 296.
Гогенцоллерн (Вильгельм II) 27, 37, 62, 119, 121, 184, 198, 206, 243, 388.
Годус 216.
Гольцман 159.
Гофман 208.
Григориади 224.

Гусар 17.
Гюисманс 192, 256, 293.

Д

Давид 17.
Дан 48, 197, 219.
Даниельсон 311.
Демидов 327.
Деникин 9, 25, 47, 48, 52, 54, 58, 60, 62, 63, 84, 116, 124, 126, 144, 147, 163, 176, 184, 199, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 217, 226, 227, 228, 229, 231, 232, 234, 235, 236, 237, 242, 244, 246, 247, 248, 266, 277, 305, 320.
Джапаридзе, Алексей 183, 215.
Джордан 208.
Джугели 202, 203, 224, 225, 253.
Дзукуя 224.
Додэ Леон 192.
Драгомиров 209.
Дружкин 215.
Духонин 57.
Дэвисон 216.
Дюмениль 242, 273.

Ж

Желиховский 272.
Жордания 193, 196, 200, 205, 206, 207, 214, 215, 216, 217, 219, 220, 222, 225, 227, 228, 230, 234, 235, 236, 239, 242, 246, 248, 253, 254, 256, 294, 295.
Жорес, Жан 92, 326, 329.
Журд 82.

З

Зейц 16, 173.
Зомбарт 36.

И

Иоффе 118, 119.

К

Каледин 58, 84, 202.
Кант 54, 232.
Карл I 51.
Каутская, Луиза 192.
Каутский, Карл 2, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 40, 44, 46, 47, 48, 50, 51, 55, 56, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 83, 84, 85, 87, 90, 91, 92, 93, 94, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 108, 110, 111, 112, 113, 116, 117, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 126, 156, 168, 172, 174, 175, 176, 177, 178, 180, 192, 193, 195, 196, 199, 202, 203, 205, 206, 209, 210, 211, 214, 218, 219, 220, 221, 222, 224, 226, 228, 229, 234, 243, 244, 248, 249, 250, 254, 255, 256, 261, 265, 266, 293, 308, 320, 325, 333, 338, 339, 372.
Керенский 45, 46, 57, 63, 72, 73, 75, 118, 125, 186, 193, 196, 197, 198, 203, 227, 271, 283, 291.
Керзон 232, 287, 337, 338, 343.
Киквидзе 401.
фон-Кирбах 211.
Клайнс 216.
Клемансо 18, 83, 92, 111, 112, 120, 190, 193.
Кобахия 224.
Колчак 9, 25, 32, 52, 54, 57, 62, 84, 85, 116, 124, 126, 163, 176, 199, 208, 217, 219, 236, 260, 287, 305, 320, 400.
Кольра 328, 329.
Кондорсэ 29.
Кондратьев 360, 361.
Корнилов 71, 84, 202.
Корфанти 272.
Краснов 57, 58, 75, 84, 199, 202.
фон-Кресс 206, 207, 214, 221, 222, 226, 229, 233, 234, 252.
Кугельман 78.
Купуния 224.
Кюльман 120, 208.

Л

Лабриола, Антонио 128.
Лавров, П. 69, 71, 74, 76, 77, 78, 81, 87.
Лакоба 296.
Лассаль 66.

Лафарг, Поль 43, 44.
Лейтнер 172.
Ленин 4, 75, 79, 317, 324, 326, 395, 396, 397.
Леопольд Баварский 211
Либкнехт, Вильгельм 2, 3.
Либкнехт, Карл 117, 119, 171, 188.
Лиссагарэ 71, 73, 79.
Ллойд-Джордж 13, 18, 47, 62, 189, 190, 242, 278, 287, 324, 343.
Лонгэ, Жан 14, 16, 20, 90, 176, 179, 180, 189, 283.
Лонгэ, Шарль 82.
Лорио 179.
Лукомский 209.
Людендорф 17, 32, 68, 118, 119.
Людовик Капет 282.
Люксембург, Роза 117, 119, 188, 386, 387.
Ляхов 210.

М

Мазниев 210, 213, 223.
Макдональд 209, 210, 211, 216, 217, 220, 250, 258, 261, 265, 277, 279, 287, 293.
Маллесон 215.
Мамулия 296.
Маркс, Карл 4, 14, 23, 33, 35, 36, 67, 72, 73, 74, 78, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 169, 223, 225, 226, 253, 254, 256, 311, 329, 334, 358.
Мартов 14, 48, 186, 192, 193, 219, 308, 333.
Масловский 213.
Махарадзе 296.
Мдивани 237, 296.
Мергейм 187, 196
Меркулов 304.
Миллер 199, 217.
Мильер 83.
Мильеран 18, 235, 239, 241, 242.
Мильн 215, 227.
Милюков 71, 72, 84, 186, 193, 207, 304, 305.
Мирбах 112, 118.
Монат 179.
Моисей 232.
Мюнхгаузен 97.

Н

Наполеон Бонапарт 329.
Наполеон III 36, 92.
Назаретян 296.
Невадовский 237.
Нерон 225, 253.
Нортклиф 192, 232.
Носке 3, 31, 32, 172, 178.

О

Объедов 213.
Октавий 88.
Окуашвили 296.
Окуджава 296.
Ониашвили 206.
Орахелашвили 296.
Осидзе 237.

П

Палеолог 281, 282, 284, 285.
Панглос 87.
Папиашвили 296.
Парамонов 238.
Парижский, гр. 54.
Петлюра 240.
Пилсудский 15, 235, 239.
Плеханов 14, 40, 52.
Потресов 72.
Пржевальский 202.
Пуанкаре 92, 329, 342, 343.

Р

Радек 2.
Радославов 18.
Рамишвили 202, 203, 222, 225, 253.
Распутин 271, 282, 283, 284.
Ренан 284, 285.
Реннер 16, 17, 168, 169, 170, 172, 173, 174.
Ренодель 14, 20, 88, 176, 195, 243, 283.
Риго, Рауль 76.
Родзянко 72.
Роз 216.
Романов (Николай I 271, 283.
Романовский 209.
Росмер 179.
Ротшильд 41.
Рубцов 160.

С

Савинков 57.
Сазонов 282, 283.
Самба 218.
Секстон 216.
Сиверс 401.
Скоропадский 84.
Сноуден 192, 195, 196, 209, 210, 216, 226, 229, 232, 233, 250, 254, 261, 276, 277, 287.
Спур 216.
Строганов 327.
Стуруа 296.
Сулла 88.

Т

Таке Ионеску 235.
Тальгеймер 393.
Тарнова 224.
Тиг-Джонс 183, 215.
Тодриа 296.
Толстой, Лев 90, 157.
Томас 216.
Томпсон 183, 215, 218.
Топуридзе 207, 227.
Торошелидзе 296.
Туган-Барановский 36.
Турати 179, 180.
Тухарели 224.
Тьер 55, 70, 71, 72, 74, 76, 77, 79, 84, 88, 91, 92, 94, 95, 111.
Тьерри, Огюстен 51.
Тэн 329.

У

Уоккер 207, 216, 217, 218, 221, 227. 228, 229, 233, 234, 268, 273.
Урицкий 75.
Уркарт, Лесли 325, 334, 337.

Ф

Филимонов 211.
Флетчер 53, 54.
Фогель 31.
Фольмар 70.
Фош 343.
Фридрих 17.
Фроссар 345.

Х

Херзинг 188.
Химшиашвили 296.
Христос 232.

Ц

Цвижба 224.
Церетели 71, 72, 193, 196, 197, 198, 200, 203, 204, 205, 207, 219, 222, 227, 230, 253, 254, 271, 290, 291, 292, 294.
Церетели, полк. 228.
Цыперович 164.

Ч

Чайкин, Вадим 215, 216, 237
Чайковский 85, 199.
Чернин 18, 208.
Чернов 71, 72, 186, 193.
Черчилль 217, 239, 278.
Чичерин 328, 339.
Чукбар 224.
Чхеидзе 196, 197, 198, 199, 205, 290, 292, 294.
Чхенкели 197, 252, 254.

Ш

Шатилов 202.
Шаумян, Степан 183, 215.
Шевалье, Абель 241, 242.
Шейдеман 2, 14, 17, 20, 88, 90, 122, 176, 178, 312.
Шекспир 280.
Шпенглер 336.
Шульгин 209.

Э

Эберт 2, 17, 32, 88, 102, 164, 172, 178, 188, 312.
Энгельс 23, 25, 74, 256, 306, 357, 358, 361.
Эрве, Густав 192, 196.
Эрдели 237.

Ю

Юденич 9, 54, 58, 62, 75, 98, 126, 163, 176, 217, 234, 236, 305.
Юнг 216.

ПРОСПЕКТ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ
Л. Д. ТРОЦКОГО.

Серия I. Подготовление Октября.

Том I. О характере русской революции.
„ II. 1905.
„ III. 1917.

Серия II. Перед историческим рубежом.

Том IV. Политическая хроника.
„ V. Внутрипартийные вопросы.
„ VI. Балканы и балканская война.
„ VII. На международные темы.
„ VIII. Политические силуэты.

Серия III. Война.

Том IX. Война в политике.
„ X. Франция в войне.
„ XI. Рабочее движение в эпоху войны.

Серия IV. Проблемы международной пролетарской революции.

Том XII. Основные вопросы пролетарской революции.
„ XIII. Коммунистический Интернационал (От кружков к партиям: 1917—1921 г.г.).
„ XIV. Коммунистический Интернационал (Новый этап: 1921—1924 г.г.

Серия V. На пути к социализму.

Том XV. Хозяйственное строительство Советской республики.
„ XVI—XVII. Советская республика и капиталистический мир (Внутреннее и международное положение республики).
„ XVIII. На партийные темы.

Серия VI. Проблемы культуры.

Том XIX—XX. Культура старого мира.
„ XXI. Культура переходного периода.
„ XXII. Литература и революция.

Серия VII. Ленин и ленинизм.

Том XXIII. Книга о Ленине.

---

5 p.